Антон Ермаков

Авалон: Хроники Бессмертных

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Совет Фантомов в смятении — им посланы видения, предвещающие гибель Земли. Чтобы предотвратить катастрофу, они отправляют в наш мир двух посланников, которым необходимо разыскать восемь смертных, связанных узами дружбы, для создания Авалона — магического братства, которое спасёт планету от грядущего Зла…

- Антон Ермаков
  - Глава 1. Начало
  - Глава 2. Странные гости
  - Глава 3. Я пришла за тобой…
  - Глава 4. Новые тайны
  - Глава 5. Нифльхейм
  - Глава 6. Через тернии к звёздам…
  - Глава 7. Подарок Кленового леса
  - Глава 8. Как пройти в библиотеку?
  - Глава 9. Успехи и промахи
  - Глава 10. Король дварфов
  - Глава 11. Исповедь Бессмертной
  - Глава 12. Телепортация
  - Глава 13. Уход
  - Глава 14. Долгожданная вечеринка
  - Глава 15. Пропавший без вести
  - Глава 16. Роковая случайность
  - Глава 17. И грянул гром…
  - Глава 18. Противостояние
  - Глава 19. Пепел победы
  - Вместо эпилога…

Антон Ермаков
Авалон: Хроники Бессмертных

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

(Евангелие от Иоанна 15:13)

Глава 1. Начало

В Москве наступало раннее утро, и утро это принадлежало пятнадцатому мая. Прохладный воздух чуть шевелил верхушки берёз, постепенно прогреваясь до почти летней температуры. Всю ночь шёл проливной дождь, поэтому первым прохожим ещё трудно было избавиться от липкого, тянущегося за ними молочного тумана, клочья которого продолжали колыхаться в тёмных закоулках дворов.

Все больше желтых окон зажигалось в домах — люди просыпались, начинали собираться на работу.

В одной из квартир на пятом этаже будильник продолжал громко трезвонить, пока Машка не столкнула его с комода и он, жалобно звякнув, замолчал. Какое-то время она просто сидела на кровати, пытаясь окончательно вырваться из объятий сна, а потом взгляд её упал на настенные часы и она поняла, что если не поторопится, то обязательно опоздает (уже в который раз!) на первую пару в институт. Но сегодня опаздывать было ни в коем случае нельзя — ведь сегодня семинар по социальной психологии, а без него невозможно будет сдать экзамен. Да и вообще профессор Зельдин будет ещё полчаса всем напоминать, что студент Малиновская непозволительно нарушает учебную дисциплину, а это значит, что она крайне безответственная и непунктуальная.

Поэтому, собрав всю волю в кулак, Маша скорее побежала в ванную, чтобы умыться и хоть как-то привести себя в порядок. Мама, наверное, уже ушла на работу, но на столе её как всегда ждала пара заранее приготовленных бутербродов и не совсем ещё остывший чайник. Малиновская села за стол, пытаясь одновременно запихнуть в рот весь бутерброд целиком и накрасить левый глаз. Буквально тут же она услышала, как в комнате звонит её мобильный, разрывая тишину своей пронзительно-писклявой мелодией.

Со всё ещё недоеденным бутербродом в одной руке она вбежала в комнату, увидев на дисплее телефона надпись: «Настька вызывает». Ну конечно, кто же ещё, как не лучшая подруга, будет названивать с утра!

— Так, либо ты вытаскиваешь свою пятую точку сейчас же, либо я тебя не жду! — заорала в трубку Настасья. — Мне потом даром не надо, чтобы этот Зельдин, — старый крот, — меня отчитывал!

— Всё-всё, я уже готова! — ответила Машка и моментально сбросила вызов, чтобы Настя не успела ничего добавить, потому

что Мария ещё ну совершенно не была готова. Нужно хотя бы полноценно докрасить правый глаз, чтобы выглядеть как нормальный человек. А то мало того, что в университете целых четыре пары сидеть, так ведь нужно ещё вечером идти в кафе. И, конечно же, не на свидание со своим молодым человеком (которого, увы, пока что нет), а как последний жалкий раб — на эту чёртову работу, и в сто сорок тысяч первый раз натягивать на лицо вежливую улыбку и спрашивать: «что будете заказывать?» — при этом страстно мечтая наплевать всем посетителям в салат. Но зато в следующем месяце она сможет поехать в ГУМ и, потратив всю зарплату до последней копейки, купить себе ту самую шикарную красную кофточку, на которую она пускает слюни уже несколько недель. А что делать? Ничего не поделаешь!

Ну вот, глаза и даже губы накрашены, и, надев предательски короткое мини, Мария наконец-то в великой спешке вываливается из квартиры, на ходу хватая с комода какие-то разрозненные листы лекций и закидывая их в сумочку, мысленно моля небо о том, чтобы они оказались именно лекциями по социальной психологии, а не по какому-нибудь другому предмету.

— Опаздываешь, дорогая! — Настька, недовольно цокая языком, встречает её на лестничной клетке.

— Потом-потом, все претензии потом, — пытается отвлечь её Машка, и обе они уже бегут к закрывающимся дверям лифта.

— Ой, подождите нас! — орёт Малиновская на весь подъезд, и даже Настасья, слегка оглушённая её воплями, недовольно щурит левый глаз.

Большой белый кроссовок неожиданно появляется на пороге, и двери лифта, стукнувшись об него, вновь разъезжаются в разные стороны. Девушки заскакивают в лифт.

— А, Бирюк, это ты… — Настасья, улыбаясь, целует друга в щёку, а Машка тем временем бурно радуется, увидев Татьяну — девушку Бирюка.

— Я чувствую, сегодня будет какой-то необыкновенный день, это точно, — улыбается Малиновская. — Мы все чуть было не проспали первую пару!

— Если бы Таня так долго не возилась, мы выехали бы давным-давно! — возмущается Бирюк.

— О, любовь-морковь! — Настя многозначительно подмигивает.

— Да ну тебя, Настька, — Татьяна шутливо толкает её рукой. — Какая уж там «морковь»! Я вчера чуть с ума не сошла, пока искала в Гугл этот дурацкий реферат. Сидела, наверное, до половины второго ночи. И вот бы попозже — так нет, блин — к первой паре!

Машка тем временем думает о том, как им всем невероятно повезло: мало того, что живут в одном доме, так все ещё умудрились поступить в один институт — только на разные факультеты. Хотя вот Настька, например, даже учится с ней в одной группе…

Её мысли прерывает недовольный голос Бирюка:

— Ну чего встала, пошли! Или ты уже не опаздываешь?

И все они, счастливые, но всё ещё немного сонные, выбегают на улицу, навстречу ласковым солнечным лучам. Малиновская на минуту останавливается и полной грудью вдыхает городской воздух, в котором смешивается всё: ароматы весенней зелени берёз и лип, и запахи свежескошенного газона, и бензин машин, проезжающих по их улице, и пыль от соседней стройки. И всё это так мило и знакомо, и ничего почти не изменилось за эти семнадцать лет; и это на самом деле так здорово — обычная жизнь обычного московского двора, со сломанными качелями и давно пустующей песочницей — но всё это МОЁ! И зачем только Таня и Настька снова тянут её куда-то — разве они не понимают, какое это счастье — просто выйти из дома и дышать свежим воздухом, ни о чём не думая!

— Не тормози! — громогласно напоминает ей Татьяна в самое ухо, пытаясь подтолкнуть, чтобы Машка быстрее переставляла ноги. — А то опоздаем на автобус!

И вот они вчетвером со всех ног бегут к автобусной остановке, но вредный водитель почему-то не хочет их ждать, и они могут лишь с сожалением наблюдать, как хвост бело-зеленого автобуса скрывается за поворотом.

— Чтоб ты там в аварию попал, сволочь! — орёт ему вслед Машка, вызывая улыбку у остальных, и даже несколько случайных прохожих с любопытством и неодобрением косятся на неё.

— Ну вот, опоздали… — возмущается Бирюк. — Вечно вы все еле плетётесь! — И он как-то грустно смотрит на остановку, на столбе которой, едва шевелясь от ветра, трепещут старые объявления.

— Заинька, не кипятись, — Татьяна ласково гладит его по щеке, и он начинает её целовать.

— Опять эти слюни пошли! — замечает Настасья, возводя глаза к небу.

И только-только Мария успевает подумать, что в институт им теперь уж точно не успеть, как ход её мыслей прерывает громкий гудок подкатившей к ним «Ауди». Стекло машины медленно опускается, и симпатичный кареглазый брюнет не без иронии в голосе произносит:

— Может подвезти, красавица?

А затем раздаётся громкий смех кого-то, сидящего в салоне на соседнем сидении.

— Тоха, ты наш спаситель! — радостно восклицает Малиновская и, нагнувшись и просунув голову в салон, добавляет: — И хватит уже ржать, Евген! — пытаясь ударить второго парня по носу, но тот ловко от неё уворачивается.

Антон и Евгений — старые знакомые, только чуть постарше их всех и учатся уже на четвёртом курсе института, что не мешает им, впрочем, всем вместе весело проводить свободное время.

— Давайте, затаривайтесь все на заднее сиденье, — говорит Евген, и всем моментально становится весело — во-первых оттого, что теперь никто никуда не опоздает, а ещё из-за фразы Евгения, который всегда ведёт себя так, будто машина его, хотя на самом деле она принадлежит Антону.

Настасья демонстративно обходит автомобиль с другой стороны, чтобы сесть через заднюю левую дверь, и при этом слегка касается рукой плеча Евгения. Это действие, естественно, не остаётся незамеченным. Таня и Бирюк, улыбаясь, молча переглядываются, а Машка моментально начинает фыркать. Настя смотрит на подругу серьёзно и даже несколько с укором, и Мария успокаивается.

Наконец все садятся в машину и Антон, вдавив педаль газа в пол, мгновенно срывается с места.

— Тоха, у тебя сегодня сколько пар? — спрашивает Бирюк.

— Два уголовных права и нотариат, — отвечает Антон, косясь на Евгения, который начинает лезть на заднее сиденье, пытаясь достать рукой до Настасьи и отобрать у неё сумку.

— Да сиди ты, блин, на месте! — недовольно ворчит Татьяна, потому что Евген уже два раза задел её, стараясь дотянуться до Настьки.

— А чего она меня за волосы дергает? — смеется Евген, не оставляя своих попыток завладеть сумкой.

— Никто тебя не дёргает, сядь! — Настя изо всех сил пытается сдержать улыбку. — Тебе кажется!

— У нас сегодня тоже три пары, — Бирюк смотрит в окно, разглядывая проносящиеся мимо дома. — Подождёшь тогда нас, ладно?

— Да, конечно, — Антон останавливается на светофоре; его пальцы начинают нервно барабанить по рулю, и Бирюк знает почему: Антон терпеть не может опаздывать. Он вообще ещё никогда не опоздал ни на одну встречу, за исключением того единственного раза, когда в Москве из-за большой аварии в электросетях встала вся Арбатско-Покровская линия метро —

тогда пол-Москвы не доехало вовремя на работу, и весь город превратился в одну гигантскую пробку.

— Тошенька, пожалуйста, поторопись, — жалобным голосом просит Малиновская, — пара начнётся через четыре минуты!

— Маш, не называй его так! — просит Бирюк.

— Почему?

— Меня от этого тошнит! — и Вова изображает рвотный рефлекс.

Всем дико весело, а впереди наконец-то показывается внушительное здание института с огромным шпилем наверху. Антон не без труда находит свободное место для парковки, и все вылезают на свежий воздух.

— Кажется, меня немного укачало, — жалуется Настасья. — Как чувствую этот вонючий запах бензина — так голова кругом.

Кто-то кричит издалека: «Женёк!» — и Евгений оборачивается, чтобы увидеть, кто именно его зовёт. У противоположного торца здания стоят Слава и Семён — их общие друзья. Слава машет ему рукой, зовя присоединиться к ним.

— Ладно, я побегу, — Евген натягивает куртку. — Увидимся ещё.

— Мы тоже пойдём, — Машка берёт Настю под локоть и тянет за собой, — а то нам ещё в другой корпус идти, хотя всё равно уже не успеем, но всё-таки… — и они быстрым шагом скрываются за поворотом.

Антон, Бирюк и Татьяна остаются у машины, потому что Антону никак не удаётся закрыть заднюю дверь.

— Идиоты, ведь говорил же им, не открывайте её — она сломана, — ругается Антон. — Теперь хрен закроешь! Вы идите, — оборачивается он к друзьям, видя, что они его ждут. — После второй пары спускайтесь в столовую, нас всегда с уголовного права раньше отпускают, я вам стол займу.

— Хорошо, спасибо, — улыбается Татьяна.

Но Антону наконец-то удаётся захлопнуть непослушную дверцу, и они втроём — последними из всей компании — тоже направляются к главному входу.

* * *

— Михаил Юрьевич, можно? — голова Малиновской просовывается в дверь аудитории.

— О, неужели наши Афродиты приплыли? — оживляется старый профессор Зельдин. — Заходите, заходите. Опять опаздываем?

— Сегодня всего на две минуты! — замечает Настя.

— Да, сегодня у вас личный рекорд, — соглашается профессор, тихонько улыбаясь себе в бороду. — Ну садитесь, коли пришли.

Доходя до своего места, Машка успевает поздороваться ещё с десятком человек. Настя держится подчёркнуто отстранённо, ни на кого особенно не обращая внимания.

— Что же, в этот раз неплохая посещаемость, — преподаватель встаёт, тяжело облокотившись руками о стол и оглядывая всю аудиторию. — Начнём, пожалуй. Тема нашего семинара сегодня: Особенности социально-культурных связей в период…

Господи, какая скукотища! Голос профессора моментально уплывает вдаль, и Маша, подперев голову рукой, погружается в собственные мысли. Иногда она думает о том, верный ли путь выбрала, поступив на факультет психологии? Да, некоторые из предметов были ей безумно интересны, но по большей части это была сплошная вода, в которой плавали растворенные крупицы знаний. Действительно ли это то самое, чем ей всю жизнь интересно будет заниматься? Может, нужно было поступать на юридический факультет, как и Антон? По его словам выходило, что там совсем нетрудно учиться. Да и сама Мария думала точно так же буквально до этого нового года, пока не грянула зимняя сессия и Татьяна, которая тоже поступила на юридический и сейчас — как и сама Машка — оканчивала первый курс, не завалила почти половину предметов из этой самой сессии.

Нет, Антон (с его-то мозгами!) уж точно не ориентир в её знаниях — ему, наверное, на любом факультете было бы легко учиться. Может, нужно было выбрать менеджмент, как и Бирюк?

Она бросает быстрый взгляд на Настасью, но та увлечённо слушает преподавателя — очевидно, особенности социально-культурных связей ей безумно интересны…

Погружённая в мрачные мысли, Мария начинает перебирать лекции, которые наспех запихала в сумочку, и из стопки разрозненных листков вдруг выпадает какая-то фотография. Она подбирает её, пытаясь понять, как вообще это фото попало в стопку лекций и что здесь делает. На нём восемь человек стоят, приняв различные забавные позы: кто-то корчит рожу, кто-то показывает язык. Где же это было? Ах да, совсем недавно, не более двух недель назад, когда они все вместе весело справляли Танин день рождения.

Вот она сама — Мария Малиновская — в самой середине фотографии — улыбающаяся платиновая блондинка, держит в руках бокал с вермутом; справа от неё — Евген, вечно какой-то

лохматый и такой смешной, высунул язык и подмигивает в объектив. Сразу рядом с ним — Настька, чрезвычайно серьёзная брюнетка со стрижкой а-ля Виктория Бэкхем, лучшая её подруга. Слева от Настасьи — Слава и Семён. Вообще-то они даже больше друзья Евгена, чем её, хотя какая, к чёрту, разница, если был такой прекрасный повод собраться всем вместе — день рождения.

Какой Славик тут здоровый, прямо половину фотографии собой занял — подумала Машка — не зря уже лет пять качается! Вячеслав и вправду был достаточно широк в плечах — долгое время он профессионально занимался плаванием, а теперь, когда все это осталось в далеком прошлом, ежедневно ходил в зал для поддержания формы.

Семён… Русый, крепкий, голубоглазый… Уже где-то успел загореть, хотя солнца-то нормального ещё и не было толком — сплошные майские тучи.

Чуть-чуть слева, сразу за Машкиным плечом — Антон, высокий темноволосый парень, слегка улыбаясь, смотрит немного в сторону — то ли на неё, то ли на Настьку — довольно трудно понять. А рядом с ним вечно неразлучная парочка — Татьяна и Бирюк, он же Вова, хотя никто его так давно не называет, чаще используя сокращённую форму от его фамилии. Танюха в своём неизменном синем ободке — кто-то когда-то сказал ей, что он очень подходит под цвет её волос — может даже и сама Машка — и теперь Таня носит его, не снимая, практически постоянно.

Какое безвкусие! — решает Мария, но потом вспоминает, что только позавчера сама купила похожий аксессуар, правда, другого цвета, и тихонько фыркает себе под нос. Интересно, на чью-нибудь свадьбу Бирюк тоже придёт в спортивных штанах? — размышляет Маша, разглядывая Вову.

Внезапно Настя толкает её локтем в бок, а затем совсем рядом раздаётся голос профессора Зельдина:

— Товарищ Малиновская, а вам есть что добавить по этому вопросу?

Она бросает умоляющий взгляд на Настасью, и та суёт ей под нос свой конспект. Быстро пробежав глазами в тетради и ничего толком в ней не поняв, Мария хлопает глазами и говорит:

— Да… Да, я тоже согласна с этой точкой зрения.

Наступает долгая пауза, кто-то на заднем ряду начинает хрюкать, и все смеются.

— Понятно, — улыбается профессор Зельдин. — Ушла в себя, вернусь не скоро. Как всегда.

Высидев две необычайно долгие пары, Маша и Настя спускаются на второй этаж, в столовую. Свободных мест почти нет, но им всё же удаётся найти незанятый столик у окна. Настя

сегодня какая-то особенно мрачная, и Малиновская даже не знает, о чём бы её толком спросить. Обе девушки разворачивают свои только что купленные пирожки и, сосредоточенно жуя, молча смотрят в окно.

— Привет, девчонки! — к их столику, пробравшись сквозь толпу, подходит Слава. — Вы Женька не видели?

— Так вы же вроде сегодня с утра встретились? — удивляется Машка.

— Ну да, но потом-то мы в разные корпуса разошлись, — Слава облокачивается на столик, отчего тот жалобно скрипит. — Он вроде обещал спуститься к обеду, но чего-то его нет. Как прошли первые две пары?

— Да так себе, — отвечает за Машу Настасья, потому что та сразу запихнула себе в рот большую часть пирожка и пытается его прожевать.

— Ну, на втором курсе ещё сложнее будет, — Слава отламывает от Машкиной доли кусок пирожка, пользуясь тем, что она ничего не может ему возразить. — Схемы всякие пойдут, чертежи…

— Какие ещё чертежи? Ты не путай свою механику с нашей психологией. — возражает Малиновская, наконец-то прожевав еду. — И вообще, хватит жрать мою булочку!

— Ладно, я пойду, — подмигивает Слава и мгновенно растворяется в шумной толпе студентов.

Настя, немного подумав, говорит:

— Вечно у нас все спрашивают, где Женёк. Как будто мы его секретари!

— Кстати, насчёт Женька, — вспоминает Мария. — Мне показалось, или у вас там что-то намечается?

— Ничего такого, — безразлично отвечает Настасья.

— То-то я в машине и заметила, что «ничего такого».

— Ой, отстань!

Звенит звонок, и подруги начинают собираться на лекцию. А впереди ещё такие долгие две пары! Может, свалить с последней? Надо хорошенько об этом подумать…

* * *

Ну, вот и трамвай. Двери открываются, и Малиновская встаёт в очередь на посадку за какой-то бабулькой, чтобы поскорее попасть внутрь. Сегодня вечер пятницы, а это значит, что она едет на работу в кафе. В принципе, работа довольно неплохая — три раза в неделю по вечерам пятниц, суббот и воскресений (когда

самый наплыв посетителей) ровно с пяти до одиннадцати вечера она надевает красивый белый фартук и порхает между столиками с блокнотом, принимая заказы.

Иван Васильевич — её начальник — был так добр, что согласился на этот график, и вот уже почти четыре месяца Машка там подрабатывает. Иногда ей кажется, что Иван Васильевич на неё запал: он вечно ей улыбается, подмигивает и вообще ведёт себя так, будто Малиновская ему что-то должна. Уж не думает ли этот пузатый лысеющий дяденька с толстыми, похожими на варёные сардельки пальцами, что она ответит ему взаимностью? Вообще ужасно, конечно… Приходится улыбаться в ответ и отшучиваться. Да и, если так по-честному, — немного бесит, что люди её элементарную вежливость воспринимают как флирт.

Очередь в трамвай перестаёт двигаться, потому что бабушка, стоящая перед Малиновской, не может найти свою пенсионную карту. Боже, передвигай быстрее своими клешнями, старая сова, — думает Машка, — не хватало ещё на работу опоздать!

— Ой, нашла! — громогласно объявляет пожилая дама, делясь своей радостью со всеми окружающими, и Мария, наконец-то попав в салон, занимает свободное место у окна.

Трамвай трогается. Дома и люди на тротуаре моментально уплывают влево, растворяясь в безоблачном майском вечере. Семь остановок от института. Шесть… Пять…

Антон, Таня и Бирюк ещё после третьей пары укатили домой на машине; Настя, чтобы не ехать на автобусе в одиночестве, дождалась Семёна. У Машки в голове всё ещё звучит его зловредный голос: — Учиться, учиться и учиться — это лучше, чем работать, работать, и ещё раз работать!

Да, в чём-то он, конечно, прав. Работу не прогуляешь. Вон, Слава и Евген вообще сразу после первой пары свалили. Обормоты. А вот и нужная остановка.

Входя в кафе, на неё тут же накатывают запахи запекающихся блюд и варящихся супов. Со всех сторон слышится радостное «Приве-е-ет!», а высокий светловолосый Мишка сразу подбегает и целует её в щёку. Даже немного приятно. Подходит раскрасневшийся Иван Васильевич:

— Красота моя ненаглядная, давай поскорее переодевайся, сегодня что-то такой наплыв, давно такого не было. Выручка будет — у-у-у! — он радостно потирает руки.

Уже через пять минут Малиновская в фартуке носится по кафе, обслуживая посетителей. Вот за крайний столик присели два симпатичных парня. Машка мгновенно оказывается в их поле зрения:

— Добрый вечер! Что будем заказывать, молодые люди?

— Будьте добры: два гамбургера, две колы и… — начинает один.

— И ваш телефончик, — добавляет второй, радостно скалясь.

Малиновская, быстро записывая в блокнот, делает вид, что ей понравилась шутка и картинно восклицает: — Какой кошмар! Прямо так без знакомства — и сразу телефон? Нет-нет-нет!

— Тогда, может быть, вы сходите со мной в кино? — не унимается парень.

— Может быть, — отвечает Мария, изображая задумчивость, и отходит от столика к другим гостям, размышляя над вопросом о том, добавляет ли откровенная нахальность привлекательности.

Когда занят делом, время очень быстро летит, и его стрелки неумолимо движутся вперёд. За рабочей суетой наступает глубокий вечер, и молоденькие официантки изредка бросают взгляды на часы, про себя отмечая скорый конец трудовой смены.

Посетителей почти не осталось и Машка, зажав в ладонях салфетку и подперев голову рукой, устало смотрит на входную дверь. Звенит колокольчик, и на пороге кафе оказывается крайне странная парочка.

С одной стороны — ничего особенного: женщина и мужчина средних лет, только вот одеты довольно необычно, хотя… может быть, это последний писк моды? Да и дамочка какая-то бледная, даже, скорее, измождённая.

— Радость моя, прими заказ, — Машка вздрагивает, потому что голос раздаётся совсем рядом, а она и не слышала, как Иван Васильевич подошёл к ней.

— Ну, пусть вон Мишка сходит, — ноет Мария, которой совсем не хочется идти; и полушёпотом добавляет: — Вечно мне всякие чудики достаются!

— Я только что принимал заказ, — возражает Миша, протирая барную стойку. — Теперь твоя очередь!

Шумно вздохнув, Малиновская слезает со стула и идёт к тому столику, куда села эта странная парочка. Она даже не подозревает, насколько сильно теперь изменится её судьба и не знает о том, что с этого момента человеческое время её жизни начало отсчитывать свои последние часы…

Глава 2. Странные гости

Небо хмурится над городом, превращая высотные здания в подобия тёмных готических соборов Средневековья. Но здесь, у самой земли, в лабиринтах улиц и переулков шумно и весело: толпы народа спешат по своим делам, и стекла огромных витрин льют на них свой нескончаемый неоновый свет. Обычные для этого времени пробки заполонили собой всё вокруг. Кажется, машины не едут только разве по тротуарам, запрудив собой всё пространство огромных московских проспектов. В одной из пробок медленно ползёт черный Форд Сандербёрд 1956 года — машина хоть для москвичей и не очень привычная, однако не привлекающая излишнего внимания — как раз то, что нужно тем, кто находится в ней.

За рулём сидела странно одетая женщина, а рядом с нею — не менее чудной мужчина. Женщина была закутана в синие одежды наподобие тоги, а на плечи её ложились густые чёрные волосы цвета воронова крыла, настолько темные, что они почти переходили в синеву. Выглядела она очень бледной, и некоторую мертвенность лицу придавал голубоватый оттенок её кожи, в нескольких местах до того прозрачной, что можно было разглядеть синие паутинки вен и капилляров, переходящие в такую же бледную шею. Благодаря худобе на лице выделялись четко очерченные скулы и большие, удивительно живые глаза: казалось, в них сошлась темная бездна всех земных океанов, а из самых глубин били родники мудрости, которые дает лишь время.

Её спутник был полной противоположностью: могучего сложения огненно-рыжий мужчина в ярко-красной рубашке и лихим задором в глазах. Его волосы были беспорядочно зачёсаны вверх, словно на голове бушевало яростное пламя. Разбросанные по щекам веснушки придавали ему немного ребяческий вид, однако огромная ширина плеч и некая едва уловимая суровость во взгляде скрадывала этот визуальный обман.

Они выглядели здесь удивительно неуместно, как будто некий шутник-художник вздумал вдруг нарисовать веселого клоуна на картине коронации великого Наполеона. Женщина вела машину так, словно впервые села за руль: она крайне неуверенно нажимала рычаги и педаль газа, как будто опасалась, что машина вот-вот рванет с места, как взбесившаяся лошадь. Мужчина с любопытством глядел по сторонам, с особенной пристальностью рассматривая дома и проходящих мимо людей, можно было подумать, что всё это он видит в первый раз.

На светофоре загорелся красный свет. Все автомобили

остановились, и только черный Форд едва не влетел во впередистоящий джип.

— Сильфида, прошу тебя, дай мне повести это диковинное устройство, — забеспокоился мужчина; его голос был гораздо более звонок, чем можно было бы ожидать от столь могучего человека. — Мы уже в третий раз чудом избежали столкновения!

— Я просто никак не могу понять, по какому принципу устроено движение на этих трактах. — Растерянно ответила та. — Флавиус, как они определяют, когда именно необходимо трогаться в путь?

— Откуда я могу это знать? — возразил Флавиус. — Когда мы в последний раз были в этом мире, ничего этого не было. Здесь вообще ничего этого не было! Ни этих огромных башен, укутанных в стёкла, ни ослепительного света со всех сторон. Даже эти диковинные колесницы возили большие белые лошади, а теперь они едут сами! Он немного помолчал, а потом добавил: — Всё стало как-то… Хуже…

— Не хуже. — Ответила Сильфида, сворачивая с главного проспекта на одну из боковых улиц. — Просто всё изменилось. Конечно, мне тоже больше нравились те уютные двухэтажные домики, утопающие в зелени садов. Но человечество не может стоять на месте в своем развитии. Они стремятся в будущее, а потому разрушили своё прошлое и убили всё то живое, что было вокруг. Они посадили себя в металлических монстров, — она сделала жест рукой, обводя салон автомобиля, — выстроили себе огромные каменные дворцы, которые пронзают небеса острыми, как иглы, шпилями, и заперли себя в этих дворцах. Им удалось уничтожить практически всё, до чего они смогли дотянуться. Надо думать, теперь они абсолютно счастливы.

— Счастливы? — Флавиус удивленно вскинул бровь. — Да разве может быть что-то прекраснее бескрайних зелёных полей и залитых солнцем лесов?

— Если бы я знала ответ на этот вопрос, друг мой, я была бы человеком. — Чуть улыбнулась Сильфида.

В следующую секунду она резко затормозила, а потом начала парковаться к тротуару.

— В чём дело? — занервничал Флавиус. — Ты что-то почувствовала?

— Один из них здесь! — коротко ответила женщина. — Выходим из машины и соблюдаем все меры предосторожности. Помни, о чём нас предупреждали! По возможности ничего не трогаем и ведём себя так, будто всё это мы уже видели и раньше. Ничему не удивляемся!

Хлопнули дверцы, и загадочная пара покинула машину.

Сразу стало видно, что роста они довольно высокого — оба возвышались над людской толпой по меньшей мере на полголовы. Никто из прохожих не обратил на них особого внимания — мало ли чудаков бродит по улицам Москвы пятничным вечером? Сильфида замерла в нерешительности, а затем, шумно вдохнув носом воздух и словно почувствовав что-то, направилась в сторону ближайшего кафе. Флавиус последовал за ней.

Они в нерешительности остановились около входа, разглядывая через витрину сидящих за столиками немногочисленных посетителей.

— Ты думаешь, нам придётся войти? — Флавиус был не то чтобы напуган, но вел себя, словно человек в окружении пауков: знаешь, что они не причинят тебе вреда, но испытываешь не слишком приятные ощущения.

— Да! — Сильфида взялась за ручку двери и решительно распахнула её. — Я чувствую, как поёт свет её души.

Наконец они вошли внутрь, щурясь от яркого света неоновых ламп. Всё здесь было чуждо и, на их взгляд, немного нелепо. Столики, за которыми сидели люди, были в беспорядке расставлены тут и там в большом зале, а у дальнего конца стены на ромбовидных деревянных полках теснилось множество бутылок, напоминая старинные винные погреба, которые довелось видеть Флавиусу много-много лет назад.

— Мы привлекаем слишком много внимания, — процедила Сильфида сквозь зубы и, подхватив своего спутника под руку, повлекла его к ближайшему незанятому столику. Аккуратно присев на замызганные пластиковые стулья, Сильфида наклонилась к Флавиусу и зашептала: — Все эти люди вкушают пищу. Очевидно, нам тоже нужно что-то раздобыть, иначе мы будем обнаружены!

В этот самый момент к ним подошла молодая светловолосая девушка. Сильфида резко выпрямилась на стуле и широко распахнула глаза — очевидно, она нашла, наконец, то, что так долго искала…

* * *

Малиновская, подходя к столику со странными посетителями, лениво жевала жвачку и мысленно была уже дома. Ноги за целый день хождения на каблуках жутко болели, да и вообще очень хотелось спать.

— Здравствуйте. Что будем заказывать? — безо всяких

эмоций произнесла она.

Наступившее вслед за этим молчание затянулось, и Мария в упор посмотрела на женщину; та сидела с абсолютно невменяемым видом и то ли удивлённо, то ли возмущённо глядела на неё. И чего вылупилась? — подумала Машка.

— А… А что у вас есть? — неожиданно спросил мужчина.

— Нате вам меню, выбирайте, — Мария шлёпнула им на стол папку со списком закусок, почти удостоверившись в том, что под конец рабочего дня ей везёт на шизофреников.

Мужчина недоверчиво взял меню, как будто боялся испачкаться, а потом осторожно понюхал его. Малиновская закатила глаза и обернулась к Мишке, стоящему у бара. Тот, наблюдая за ней, усмехнулся.

В этот самый момент женщина, пользуясь тем, что Мария отвлеклась, сделала молниеносный выпад рукой и бросила ей что-то в карман кофточки. Снова развернувшаяся к ним Малиновская ничего не заметила и спросила:

— Ну? Выбрали?

— Нам вот это! — Флавиус показал пальцем на картинку, иллюстрирующую салат. — Две!

Идиоты! — подумала Машка. — Чего первое увидели, то и выбрали; а вслух, конечно, сказала: — Прекрасный выбор!

Записав в блокнотик «два салата», она направилась через зал на кухню и, зайдя туда, крикнула: — Коль, два салата сделай!

Откуда ни возьмись подскочил Иван Васильевич: — Ну, что заказали?

— Два салата. — Просто ответила Малиновская.

— Как? И всё? — лицо Ивана Васильевича смешно вытянулось. — А из напитков?

— Ой, а я что-то даже и не спросила, — хлопнула себя по голове Малиновская. — Сейчас пойду, узнаю.

Она снова вышла в гостевой зал, но столик, за которым только что сидела странная парочка, был уже пуст.

— А где… люди-то… — обращаясь больше к самой себе, чем к кому-либо, спросила Мария. Мишки за барной стойкой не было.

Пожав плечами, Машка ещё немного постояла, а потом развернулась и пошла собираться домой. Вынырнувший из коридора Миша услышал, как она тихонько бормочет себе под нос: — Всё, нафиг! Уработалась…

* * *

Шумная стайка воробьёв порскнула в стороны, когда из

открывшейся двери на улицу выплеснулась компания молоденьких смеющихся девушек, а вместе с ними и Малиновская. Некоторое время они, никуда не расходясь, о чём-то оживлённо болтали до тех пор, пока в дверях не показалась грузная фигура Ивана Васильевича. Чмокнув наспех кого-то в щеку и бросив прощальный взгляд на полутёмную вывеску «кафе-бар „Луна“», Мария побежала к трамвайной остановке. Главное — успеть сесть в трамвай до тех пор, пока к нему не добрался их начальник — ехать в одном вагоне с Иваном Васильевичем до метро и слушать, как он вспоминает количество проданных сосисок и котлеток — удовольствие малоприятное.

К счастью, из-за поворота тут же вынырнул сверкающий огнями трамвай, и Машка разглядела на лобовом стекле яркие цифры «34». Повезло, её маршрут.

В сумочке зазвонил мобильный — это снова была Настасья. На Машину просьбу прогуляться с ней после работы она ответила:

— Да, да, конечно! Мы тебя подождём. Сегодня же пятница, можно сидеть сколько угодно. Да и вечер такой тёплый, замечательная погода. Мы все в нашем дворике, прямо у подъездов. Ждём, целую!

От этого как-то само собой поднималось настроение — приятно думать о том, что тебя кто-то где-то ждёт. Пусть даже и не в дорогом ресторане, и не на шикарном океанском лайнере, а просто семь старых друзей собрались у подъезда и не расходятся, потому что Машка ещё не приехала.

Снова медленно плывёт вдоль окон ночная Москва. Время позднее, поэтому салон полупустой, да и на улице маловато народу. Пролетела блещущая огнями Семёновская площадь с её огромными офисами-небоскрёбами. У метро вышло много пассажиров, и трамвай почти совсем опустел, въехав под своды старого парка. Маша почему-то очень любила именно эту часть пути, когда за окном вместо пыльных дорог только бесконечная зелень вековых лип, а между ними — огромные клумбы, тонущие в море ромашек и анютиных глазок. И почему всем так нравятся розы или орхидеи? Ведь на свете нет ничего лучше, чем букет полевых ромашек. Но Марии никто никогда не дарил ромашек. А жаль…

Так, погружённая в собственные мысли, она незаметно доехала до своей остановки. Выйдя из трамвая и перебежав улицу, Маша направилась к одиноко стоящей семнадцатиэтажной башне. Вокруг, конечно, тоже были дома, но в основном унылые пятиэтажки, одним своим видом нагоняющие тоску в любое время года. А их большой оранжево-белый дом с облицованным плиткой

цокольным этажом всегда выглядел довольно мило — или, может быть, Марии казалось так просто потому, что она большую часть жизни прожила в этом доме?

Ветер принялся трепать её волосы, переплетая их между собой — от этого было щекотно и немного приятно. В самом доме светилось множество желтых окошек, разгоняя своим светом сумрак тёплой майской ночи. Она подняла голову на уровень пятого этажа и посмотрела на своё окно — в нём было темно. Значит, мама сегодня на дежурстве и домой не придет. Мария ещё немного порассматривала другие окна, а потом перевела взгляд на большую спортивную площадку и уютный дворик, вплотную примыкающий к подъездам. Несмотря на поздний час, народу во дворе было довольно много — почти каждая лавочка была занята веселой группой молодёжи.

— Мань, мы здесь! — она увидела, как с одной из дальних скамеек машет ей рукой Антон, и направилась туда.

Следом за нею во двор медленно въехал чёрный Форд…

Компания старых друзей была в полном составе. Малиновская подошла, и устало улыбнулась: — Привет! Ну что, как у кого день прошёл?

На самой скамейке сидел Бирюк, а у него на коленях — Татьяна. Рядом с ними — Славик, который вообще сидел везде, где только можно было посидеть — он никогда не упускал своего случая. Немного в стороне от него приютилась Настасья, и Малиновская, растолкав Славу и Настю, втиснулась между ними.

— Ну всё, пришла боярыня — всех задвинула! — засмеялся стоящий рядом Евген.

— Да-да, она всегда такая, — подмигнул Семён, доставая сигарету. — Бесцеремо-о-онная!

— Ой, да ну вас нафиг! — отмахнулась Машка. — Вы просто не знаете, что это такое — целый день провести на каблуках. Вы же их не носите!

— И слава Богу! — серьёзно заметил Антон.

Почему-то от его прокурорского тона всем стало весело.

Евген как бы незаметно присел на краешек скамейки, поближе к Настасье, хотя отчаянно делал вид, будто очень увлечен разговором с Семёном. Маша и Антон обменялись улыбками.

Чёрный Форд остановился под одним из уличных фонарей, и тот моментально погас…

— Насть, Насть, — Татьяна трогает её за плечо. — Представляешь, я в те выходные такую умопомрачительную кофточку видела: там вот здесь оборочки, — она встает с колен Бирюка и начинает показывать на себе. — А вот тут бантик такой

красный. Я прямо как увидела? так сразу влюбилась! Вот стипендию получу, точно её себе куплю.

Настасья одобрительно хмыкнула.

Семён и Евген обсуждают будущую курсовую работу по теории сопротивления материалов:

— Слушай, а ты точно уверен, что у твоего друга не осталось черновика? — волновался Семён. — Он же должен был её как-то сохранить. А то мне очень надо!

— О, вообще-то и мне тоже надо! — оживился Слава, придвигаясь к ним поближе.

— Ну, я спрошу у него, — пообещал Евгений. — Может, и сохранилось чего…

Антон тем временем присел на корточки напротив Малиновской: — Мань, ты чего так долго сегодня?

— Да вообще какой-то идиотский день, — жалуется Малиновская, ковыряя землю носком туфли. — Хорошо, что сегодня пятница, а то бы я точно умерла! Всё-таки не надо мне было все четыре пары отсиживать, мы на последней такой долгий и нудный тест писали, и я уже на работу буквально никакая поехала.

— Вообще-то тест — это очень важно, — серьёзно заметил Антон. — Этого нельзя пропускать.

— Ой, вот только не надо занудствовать! — ласково улыбается Маша, одновременно делая страшное лицо и отталкивая бутылку с пивом, которую ей протягивает Евген.

— Ну не хочешь — как хочешь, — Евген ставит пиво обратно на скамейку. — Я сам всё выпью.

— Вот ты так годика два попьёшь, и у тебя вырастет пивной живот, — говорит ему Бирюк.

— Да, и станешь толстым, пузатым и некрасивым, — добавляет Татьяна.

— Да он и сейчас-то не красавец, — ехидничает Антон.

— Ну, уж куда тебе-то со мной тягаться! — восклицает Евгений, картинно проводя рукой по волосам.

Всем снова дико весело.

Переднее боковое стекло Форда медленно опускается, и внимательные глаза Сильфиды неотрывно смотрят на компанию молодых людей, веселящихся на дальней лавочке.

— Ты думаешь, наш план сработает? — спрашивает рядом мужской голос.

— Люди падки на драгоценности. Нам остаётся только ждать… — загадочно отвечает та.

Малиновская наклоняется, чтобы поправить сползшую с ноги туфлю, и у неё из кармана что-то со звоном падает на асфальт.

Что-то круглое и золотистое.

— О, шоколадка! — восклицает Бирюк, поднимая предмет с земли.

— Где? Где? — оживляется Слава.

Татьяна выхватывает у Вовы из рук блестящий кругляш и, повертев его, потрясённо произносит:

— Это не шоколадка! Это… это… монета…

— Это же золото! — удивлённо говорит подошедший вплотную Антон — И… Чума просто! Смотрите, — он показывает пальцем на край монеты: — Вот здесь. По ободку. Это же рубины!

— Чтоб я сдохла! — шепчет Настасья.

— Да небось бижутерия какая-нибудь, — не верит Семён.

— Эй, дайте мне-то посмотреть, — возмущается Машка — Вообще-то это выпало из моего кармана!

Все дико оживились и начали показывать друг другу золотую монету, украшенную рубинами. Друзья настолько увлеклись находкой, что даже не замечали, как каждый раз, передавая её из рук в руки, за монетой тянулось странное золотистое свечение.

Евген, взявший монету последним, попробовал её на зуб и сказал:

— Да, это реально настоящее золото! Люди, я в шоке!

— Маш, а откуда это у тебя? — спросил Антон.

Все озадаченно повернулись к Малиновской, и наступила полная тишина.

— Я… Я… Я не знаю, — пролепетала Машка. — Может, это мне кто-то подарил? Ну… вроде как тайный подарок… От поклонника…

Татьяна тихонько хмыкнула — видимо, не поверила.

Настасья усмехнулась:

— У тебя миллионер, что ли, поклонник?

— Ребят, ну я честно не знаю! — оправдывалась Мария, забирая монету у Евгена. — Какой мне смысл-то скрывать? Допустим, подарил бы мне это Мишка с работы. Ну и что, я из этого тайну бы сделала? Я бы так и сказала, что Мишка.

— Ладно, я думаю, эта история скоро прояснится, — сказал Слава, снова садясь на лавочку. — Я думаю, человек, подарив столь дорогой подарок, в ближайшее время сам расскажет об этом.

— Ты хочешь сказать, — Семён обернулся к нему, — что это сделал кто-то из нас?

— Ничего я такого не хочу сказать, — махнул рукой тот. — Я просто говорю, что скоро всё выясниться, вот увидите!

Потом разговор плавно перешёл на другие темы, и все вроде бы как на время забыли о странной находке. Только Малиновская

продолжала думать о монете: ей в голову пришла дурацкая мысль — уж не Иван Васильевич ли ей это подложил? От этой идеи её начало слегка подташнивать…

Вскоре все засобирались домой: ночь была хоть и по-летнему тёплая, но всё-таки понемногу начал наползать сырой и зябкий туман, да и спать тоже было надо. Пожав друг другу руки и расцеловавшись, каждый направился к своему подъезду. Маша и Настя — к первому, ведь у них соседние квартиры; а вместе с ними и Антон, который жил на шестом этаже, прямо над квартирой Марии. Во второй подъезд пошли Слава и Семён, только вот Славик жил на третьем этаже, а Семён — аж на одиннадцатом, и у него — единственного из всех — окна выходили на проспект, а не во двор. В последний, третий, забежал Евген, который поселился выше всех — на семнадцатом, под самой крышей, что не мешало ему, как он часто любил говорить, «со снисхождением относиться к низшим существам», а также Татьяна и Бирюк. Вообще-то квартира Тани находилась в первом подъезде, но она уже более полугода жила вместе с Бирюком, и для этого имелся ряд веских причин. Во-первых, оттого, что Вова жил только с бабушкой, которая совершенно им не мешала, ибо большую часть времени проводила на даче. В отличие от шумной квартиры Татьяны — у неё было целых шесть младших братьев — Вовин дом казался ей, как она сама говорила, «раем тишины». Ну а во-вторых, просто потому, что влюблённым сердцам всегда невыносимо разлучаться даже на короткое время — это вредно для неокрепших организмов.

— Ладно, пока, Марусь, — Настасья чмокнула её в щёку на лестничной площадке. — Завтра спишемся, если чего. В крайнем случае, я зайду.

— Да, давай, пока, — ответила Машка, открывая входную дверь. Справившись с замком, она услышала, как звонит домашний телефон, и, обернувшись к Настасье, которая тоже возилась с ключами, сказала: — Слышишь? Это, наверное, уже мама волнуется…

— Я бы тоже хотела, чтобы за меня хоть кто-нибудь волновался, — довольно холодно произнесла Настасья, рывком открывая свою входную дверь.

Мария смутилась и промолчала. Эта тема была для Настасьи очень болезненной, впрочем, как и для самой Маши — в тот страшный день почти десять лет назад нелепая и шокирующая случайность одновременно забрала у них самых близких людей: у Насти — маму, а у Марии — отца. Волею случая их родители оказались в одном автобусе, когда ехали с работы домой. Обычно Машин папа всегда пользовался метро, и можно было только

гадать, почему именно тогда он вдруг изменил своей всегдашней привычке…

В то время темнело рано. Стояла очень холодная зима, а дело близилось к новому году. К тому же была метель и сильный гололёд. Всё случилось на Электрозаводском мосту. Видимость крайне плохая, и водитель автобуса, видимо, не справился с управлением. Его занесло, и, пробив чугунное ограждение моста, машина с высоты рухнула в Яузу и провалилась под лёд. Хотя река в этом месте достаточно мелкая, её глубины вполне хватило, чтобы утопить автобус целиком. Выплыть удалось не всем. Об этом потом ещё долго писали во всех газетах — как позже из реки доставали оказавшихся замурованными внутри пассажиров.

Сама Мария помнит этот день довольно смутно. Ей в память врезался лишь один-единственный момент: раздавшийся звонок; как её мама берёт трубку телефона, а затем её лицо мгновенно становится белым и она медленно оседает в кресло в прихожей…

Мария ещё довольно нескоро узнала все подробности произошедшего, а, узнав правду, долго приходила в себя. Эта общая боль каким-то непостижимым образом ещё больше сблизила её с Настей: девочки часто вспоминали случившееся и плакали в обнимку. Такое случается в жизни — горе объединяет людей гораздо сильнее, чем радость или счастье. Настасья стала для Марии сестрой, и Маша была уверена, что точно такие же чувства испытывает к ней и Настасья: хотя она никогда не задавала ей напрямую этот вопрос, тем более в последнее время, когда Настя нередко бывала сухой и раздражённой. Мария, отчасти, знала причину: Настин отец был капитаном корабля Морского флота России, и его частенько не бывало дома, иногда по два-три месяца. Поэтому Настя зачастую была предоставлена самой себе, в отличие от Маши, чья мама хоть и находилась с головой в работе, и иногда выходила на ночные дежурства (как, например, сегодня) но, тем не менее, у Малиновской всегда были в холодильнике сваренный суп или свежеприготовленные котлеты.

— До завтра, — сухо буркнула Настасья, хлопнув дверью немного громче обычного.

Машка, несколько расстроившись, тихонько прикрыла свою входную дверь и подошла к телефону, который стоял тут же, в прихожей. Не успела она поднять трубку, как на неё буквально обрушился мамин рёв:

— Господи, где ты была?! Я уже тут чуть с ума не сошла! Дома никто не отвечает, мобильный недоступен. Ты вообще на часы смотрела? Где ты бродишь?

— Мам, успокойся, — Малиновская устало посмотрела на

своё отражение в зеркале. — Я сидела с ребятами, здесь, у нас во дворе. А мобильник просто разрядился, вот и всё.

— Дорогая моя, ты знаешь, сколько в наше время чокнутых маньяков по улицам бродит? — не унималась мать. — Да сейчас же каждый второй с придурью. Ночь она для того и ночь, чтобы дома спать, а не шляться где попало!

— Ой, мам, ну я тебя умоляю, — Машка достала из сумки мобильник и поставила его на подзарядку. — Ты серьёзно что ли думаешь, что, сидя в окружении семи человек, на меня нападёт маньяк? Да ещё при условии, что пятеро из них — парни. Это ещё кому кого бояться надо! — весело закончила она.

— Смотри у меня! Прийду завтра к обеду — чтобы дома была!

— Хорошо, хорошо, — проворчала Малиновская и поскорее повесила трубку, чтобы мама не успела ей больше ничего сказать.

Разувшись и скинув лёгкую курточку, Мария поставила чайник и взяла с кухонного стола ватрушку. Повертев ту в руках, она положила её на место, есть совсем не хотелось. Малиновская подошла к окну и, немного отодвинув занавеску, устало смотрела в ночь. Двор был почти пуст, и ласковый ветер, шевеля листьями за окном, тихонько колыхал край скатерти, проникая в комнату через открытую форточку.

В голову лезли дурацкие мысли. Они всегда приходили в тот момент, когда Мария оставалась наедине с собой. Почему всё так уныло и безрадостно? Почему ничего не меняется в этой жизни? Иногда у неё складывалось впечатление, что она вообще случайно оказалась в этом мире. Или не в то время. Или не в том месте. Как будто все люди — это один народ, а она — это другой народ. То есть внешне она, конечно, на них похожа, вот только начинка у неё какая-то другая… Начинка. Антон называет это красивым словом «внутренний мир». Но это больше похоже на ватрушки. Все люди — ватрушки. Некоторые красивые и румяные, а другие — корявые и чёрствые. И у кого-то внутри малиновое варенье, у кого-то черничное, а у некоторых и вовсе пусто — так, один мякиш… А у меня внутри цветы! — подумала Маша. — Полевые ромашки. Безо всякого там идиотского варенья!

Взгляд её упал на подоконник и стоящий на нём цветочный горшок, в котором одиноко торчала палочка без листьев.

— Бедный цветочек. Всё-таки завял… — она произнесла это вслух, наверное, больше для самой себя, ведь её всё равно никто не слышал в этой пустой квартире.

Она взяла горшок и понесла в прихожую. Открыв входную дверь, Машка поставила его рядом с мусорным мешком, решив, что завтра вынесет засохший кустик на помойку. Блюдце звонко

звякнуло о лестничную плитку.

Вернувшись на кухню, она налила себе чаю и всё-таки развернула упакованную ватрушку. Задумчиво жуя, Малиновская смотрела, как кружится в чашке белая пенка.

Говорят, время меняет всё. На самом деле ничего оно не меняет! Меняют друзья и любимый человек. Меняет шумная улица и бесконечные огни фонарей. Меняет любовь. А время… Время ничего не меняет. Оно спешит мимо, беспощадно крутя стрелки часов, но всё остаётся по-прежнему.

* * *

Бирюк крепко обнял Татьяну и поцеловал. Какое-то время они стояли в коридоре, не разрывая объятий, и Таня, прижавшись к Вовиной груди, слушала размеренные и спокойные удары его сердца. Она могла бы стоять так целую вечность. Её разум молчал, а душа напевала давно забытую мелодию из тех времен, когда они только познакомились: «Рай — там, где ты, что ещё мне искать? Пусть нас в раю только двое…» Вова снова притянул её губы к своим губам.

Что может быть прекраснее в этом мире, когда среди тревог, волнений и забот два любящих сердца находят друг друга, чтобы больше никогда не расставаться? Когда каждое мгновение, проведённое с любимым человеком, кажется важнее всего на свете. Когда ты можешь просто подойти и обнять его, и, чувствуя тепло его тела, заключить в объятия, передав через них всю свою нежность.

Любишь? — шептали глаза Татьяны.

Люблю. Люблю! Люблю!! — отвечали глаза Вовы.

Этот нескончаемый диалог мог продолжаться часами, превращаясь в сладкую бесконечность. Хотя не все из нас верят в любовь, всё же не стоит недооценивать её силу и могущество…

— Заинька, ты будешь кефирчик? — спросила Таня получасом позже, возясь на кухне.

— Не, можно мне лучше чаю, — ответил Бирюк из комнаты, развалившись в кресле перед телевизором.

Танька молча пожала плечами и полезла в стол за пакетиками Липтона. Она копалась не меньше пяти минут, прежде чем нашла их в самом дальнем углу стола. И чего вечно всё запрятывать, как будто их кто-то съест? — подумала она и тихонько улыбнулась сама себе. Затем налила в чайник воды и включила его в розетку. Точнее, попыталась включить.

Буквально за секунду до того, как она сделала это, её рука, а

вместе с ней и шнур с электрической вилкой охватило странное золотистое свечение, а в следующий миг из розетки потоком хлынули искры. Яркая вспышка. Всю кухню осветило что-то очень похожее на молнию. Громкий хлопок — и весь свет погас.

Татьяна в этот момент еле успела дёрнуть за шнур, и он, выскочив из розетки, упал на пол.

— Чё эт было? — в ужасе произнесла она.

Взгляд её машинально упал в сторону окна, потому что за ним неожиданно стало неестественно темно. Сквозь лёгкую тюль она посмотрела на левое крыло их дома, которое всегда очень хорошо было видно, и поняла, в чём дело — нигде в соседних окнах не горел свет.

— Вов, я, кажется, весь дом вырубила! Как такое может быть? Ой, блин! — Таня попыталась пройти в комнату, но в темноте наткнулась на табуретку.

Ответа не последовало.

В тот самый момент, когда всё огромное здание погрузилось во тьму, на улице происходило вот что: дверца чёрного Форда медленно открылась, и высокая, закутанная в синие одежды женщина произнесла:

— Вот теперь — пора, — и двинулась к одному из подъездов.

Как только она зашла внутрь, автомобиль быстро отъехал прочь, растворившись в ночи.

Антон как раз собирался ужинать. Моя руки, он тихонько напевал себе под нос. Внезапно что-то громко булькнуло, и струя из-под крана начала бить заметно сильнее. Ему показалось, что вода немного поменяла цвет, как будто в неё добавили чернил. Эх, ведь только на прошлой неделе сантехник приходил! — недовольно подумал Антон, поднося руку к лицу и пытаясь понять, что такое случилось с водой. Буквально через секунду он застыл от удивления — капли на его ладони начали подниматься вверх, к кончикам пальцев, просто-напросто наплевав на все законы физики! Переведя взгляд на кран, он совершенно обалдел: струя воды, вместо того, чтобы утекать в раковину, лилась вверх, под потолок! Он и опомниться толком не успел, как весь свет в квартире погас.

Татьяна тем временем, споткнувшись об ещё одну табуретку и ударившись локтем о дверной косяк, наконец добралась до комнаты. Вовин силуэт виднелся в кресле. Руки раскинуты в стороны, голова свесилась набок — кажется, он успел уснуть. Таня полезла в карман за мобильным и включила подсветку. Мягкий синий свет дисплея озарил комнату, и девушка в ужасе застыла на месте: все мелкие предметы в помещении, начиная от ручек и заканчивая карманными часами, летали вдоль стен

подобно маленькому торнадо, большей частью кружась вокруг спящего Бирюка. Мимо Таниного лица медленно проплыла серебряная ложка из серванта, а в следующий миг она дико завизжала от страха. Этот визг мгновенно разбудил Вову. Но как раз в тот момент, когда он открыл глаза и ошалело вскочил на ноги, все эти предметы вдруг утратили способность летать и с жутким грохотом рухнули на пол. Танька с перепуга забилась в угол, а Вова так и продолжал стоять в растерянности, не понимая, привиделось ли ему это на самом деле, или он всё ещё продолжает спать…

У Настасьи зазвонил телефон. Это был Антон:

— Слушай, Настька, извини, что так поздно. Ты ещё не спишь?

— Нет-нет, — голос Насти слегка дрожал. — Всё в порядке. Почти. Послушай, Тош, тут у меня вырубили свет, но перед этим произошло нечто очень странное…

— У меня тоже, — перебил её Антон. — Я пытался дозвониться Машке, но она не берёт трубку. Насть, послушай, никуда не выходи! Здесь какая-то чертовщина творится! Я сейчас сам к тебе спущусь, — и он положил трубку.

Настасья подошла к входной двери, чтобы услышать, когда подойдёт Антон, ведь звонок в прихожей теперь тоже не работал. За дверью слышались какие-то странные звуки, словно там ворочалось что-то огромное, неповоротливое… Настя протянула руку к дверной ручке и остановилась в нерешительности. Она никогда не считала себя трусихой, но тут ей вдруг неожиданно стало очень страшно.

Малиновская сидела на кухне в тот момент, когда Татьяна обесточила весь дом. Она тоже расслышала подозрительные, чем-то похожие на шуршание звуки за входной дверью. Может, это соседская кошка? — пришла ей в голову странная мысль, но тут совершенно отчётливо услышала, как кто-то будто бы провёл с той стороны по обивке двери острым ножом. Звук длился достаточно долго и оборвался неожиданно, и оттого ещё более странно. В отличие от Насти, Малиновской почему-то совершенно не было страшно — скорее, любопытно. Подойдя к двери, она тихонько клацнула замком и приоткрыла её. На лестничной клетке было совершенно темно. Она вернулась в коридор и, порывшись в комоде, достала фонарик, припрятанный там специально для таких случаев. Как раз в этот момент зазвонил телефон, но она почему-то решила не возвращаться, а сначала добраться до электрощитка на лестнице и посмотреть: может быть, просто выбило пробки у неё одной. Тогда можно было бы всего лишь переключить рычажок на щитке-автомате, и всё бы

снова заработало, как бывало уже не раз. Выйдя из квартиры с фонариком и не успев сделать и двух шагов, Машина нога наткнулась на что-то мягкое, пружинистое. Она посветила себе под ноги и в неверном мерцающем свете фонаря разглядела, что весь пол завален какими-то толстыми чёрно-зелёными шлангами. Остановившись, она никак не могла понять, откуда они тут взялись, если буквально полчаса назад, когда они прощались с Настасьей, ничего этого здесь не было и в помине. Свет от её фонаря заскользил по стенам и потолку, и она с удивлением обнаружила, что точно такие же шланги оплетают всё вокруг. Прямо из них росли огромные зелёные листья. Господи, да это же лианы! Вся лестничная клетка теперь походила на гигантскую оранжерею и была затянута, словно паутиной, стеблями огромных лиан, как будто Мария находилась сейчас в тропическом лесу! Она стояла и смотрела на эту странную картину, водя лучом от фонаря в разные стороны, и совершенно не могла понять, откуда всё это взялось и что вообще происходит. Машка снова направила луч фонаря себе под ноги. В некоторых местах гибкие стебли буквально раздробили плитку на полу. А это что ещё такое? Фонарь высветил расколотый цветочный горшок, который она выносила буквально только что, но вместо жиденькой засохшей палочки оттуда выходил огромный коричневато-зелёный стебель толщиной, наверное, в четыре человеческие руки! Неужели этот чахлый цветок, который она собиралась выбросить, превратил лестничную клетку в тропический лес? — подумала Машка. — Нет, этого не может быть! Я, кажется, схожу с ума…

Протяжный скрип за её спиной заставил Малиновскую резко обернуться. Приглядевшись, девушка поняла: это неожиданно распахнулась дверь, ведущая на общую лестницу, к лифтам и мусоропроводу. Но она не слышала, чтобы кто-то поворачивал в замке ключ. В открывшуюся дверь медленно вползали клочья не то дыма, не то тумана. Запаха гари не чувствовалось, но и туману здесь вроде неоткуда было взяться.

— Насть, это ты? — спросила Маша, делая шаг назад и понимая, что это, скорее всего, не её подруга.

Но то, что в следующее мгновение высветил луч фонаря, заставило её оцепенеть: в дверной проём медленно вплыла (именно вплыла, а не вошла, как сделал бы обычный человек) высокая, закутанная в саван фигура. Лицо пришельца закрывал капюшон. Она медленно поворачивала голову в разные стороны, словно искала кого-то. Наконец та часть капюшона, где должно было находиться лицо, обратилась к Малиновской.

— Кто… кто вы? — Машка сделала ещё два шага назад, ища

руками дверную ручку, но пальцы её нащупывали за собою лишь упругие, холодные стебли лиан. Фигура в саване словно неуловимо приблизилась, а затем высокий и холодный голос произнёс:

— Я пришла за тобой!

Глава 3. Я пришла за тобой…

Мария громко закричала и бросилась назад, пытаясь найти входную дверь своей квартиры, но вместо этого, запутавшись в переплетении стеблей и листьев, рухнула на пол. Пытаясь подняться, она забилась в угол и, замахав руками, заорала:

— Не подходи!

Настасья, услышав визги и переборов страх, открыла свою дверь и сделала пару шагов на лестничную клетку. На полу в нескольких метрах впереди валялся фонарь. Кто-то в дальнем углу не то жалобно всхлипывал, не то бормотал что-то, а рядом стояла, как показалось Насте, высокая незнакомая женщина. Уловив краем глаза какое-то движение со стороны лестницы, Настасья развернулась и увидела Антона. Антон, бросив быстрый взгляд сначала на валяющийся на полу фонарь, а потом на тёмный силуэт в конце коридора, на мгновение замер, затем посмотрел на Настасью и приложил палец к губам. Настасья кивнула. Антон быстро нагнулся и снова выпрямился — Настя разглядела, что он поднял с пола старую бейсбольную биту, принадлежавшую кому-то из их соседей, которая уже много лет стояла у них перед входом в общий коридор. Медленно переступая через лабиринт расстилающихся лиан, молодой человек двинулся в сторону Малиновской.

Высокая, закутанная в саван фигура возвышалась над Марией зловещим тёмным силуэтом, подобно башне, и протянула руку к её горлу. Дальше медлить было нельзя: Антон размахнулся, решив нанести удар в область капюшона. И только-только его рука с зажатой в ней битой пошла по намеченной траектории, произошло непредвиденное — мгновенно извернувшись, тонкая, но нечеловечески сильная рука перехватила удар, и с таким напором выдернула биту из рук Антона, что тот едва не потерял равновесие. Перед ним возникло бледное женское лицо, и тихий, но властный голос произнёс:

— Будьте же благоразумны!

Сильфида — а это была именно она — разжала ладонь, и бита с грохотом рухнула на пол. Легкая материя капюшона слетела с её головы.

Антон остолбенел.

Прошло полных десять секунд оглушительной тишины, пока Антон и Сильфида вглядывались в глаза друг другу. У Антона возникло странное ощущение, будто он очень давно знает эту женщину. Можно было подумать, что они встречались когда-то, много лет назад, но нельзя вспомнить ни время, ни место

встречи. Уголки губ Сильфиды чуть дрогнули, словно она собралась улыбнуться. Антон больше не испытывал страха неопределённости — он просто чувствовал нечто такое, что чувствует человек, обретя давно потерянного друга. Наконец он произнёс:

— Кто вы?

— Вам нужно имя? Что в нем толку? Кем станете вы, если лишить вас имён?

Явно неординарный ответ выбил молодого человека из колеи, и Антон, на время замешкавшись, сказал: — Имя определяет судьбу… Если вы верите в неё.

— А если я вершу её сама?

В разговор вмешалась подошедшая Настасья:

— Хватит разводить словесную воду. Я спрошу яснее — что вам нужно?

— Вот мы и подошли к цели вопроса, — Сильфида взглянула прямо в глаза Насте, и та, словно физически почувствовав холод её взгляда, поспешно отвела их. — Я не причиню вам вреда. Если вас волнует эта сторона проблемы.

Из угла за спиной Сильфиды послышалось что-то вроде облегчённого вздоха. Мария закопошилась, пытаясь подняться.

— Но вы пришли сюда, — сказал Антон. — И пришли с целью…

— Скажем так, я пришла к вам с предложением, — поправила его Сильфида. — И хочу обсудить это. Один из вас нашёл золотую монету…

— Она мне не нужна! — поспешно сказала поднявшаяся с пола Малиновская. — Если это вы потеряли, я вам её верну. Прямо сейчас, — она начала копаться в карманах, пытаясь вспомнить, действительно ли она клала монету туда, или та осталась в сумочке.

— Монета меня не интересует, — чуть печально сказала Сильфида. — Но мне очень нужны те, кто сегодня прикасался к ней.

Малиновская замерла, раздумывая, нужно ли продолжать искать монету.

— Зачем? — спросила Настасья прямо-таки прокурорским тоном.

— Это я объясню вам тогда, когда вы все соберётесь рядом со мной.

— Послушайте, — начал Антон. — Я не хочу показаться невежливым и всё такое… но вы являетесь в наш дом, до смерти пугаете нас, не называете своего имени, требуете, чтобы мы все собрались. Разве мы не вправе после всего этого задать вам

вопрос — зачем?

— Кажется, я догадываюсь, в чём дело, Тош, — Настя обогнула Антона, и подошла вплотную к Сильфиде. — Вы из полиции, да? Вы хотите вроде как устроить нам допрос, да? Так вот я вам прямо говорю — мы не алкаши какие-нибудь, и не наркоманы, и нечего нас пугать, слышите? Могли бы и в служебной форме прийти, нечего тут маскироваться!

— Вы не понимаете! — Сильфида вплотную приблизила своё лицо к лицу Насти, и та отпрянула, ощутив её ледяное дыхание. — Вы в опасности! Все в опасности! Я прошу у вас защиты, но не для себя…

Что-то в тоне её голоса заставило всех насторожиться. Это казалось чем-то нелепым, невероятным, какой-то ошибкой, чьей-то неудавшейся шуткой. И всё-таки Антон произнёс:

— Хорошо. Значит, вам нужны все те, кто сегодня трогал монету, так? Если мы всех соберём, вы объясните нам, что в конце концов происходит?

— Да, — кивнула Сильфида. — Даю слово Бессмертной!

— Да она чокнутая! — послышался испуганный шёпот Малиновской.

Антон, решительно пройдя мимо Сильфиды, схватил Машку под локоть и утащил в её квартиру. Настасья опасливо проскользнула следом.

Сильфида осталась стоять в коридоре.

Трое друзей зашли в комнату к Маше.

— Тоша, что происходит? — Малиновская была все ещё сильно напугана. — Что будем делать?

— Я полагаю, нам нужно собрать всех, — Антон сел на подлокотник кресла. — Думаю, никто ещё не лёг спать. Сейчас всех обзвоним…

— Стоп-стоп-стоп! Вы что, рехнулись? — Настасья встала между Антоном и Марией. — Какой ещё «собрать»? Куда собрать? Кого собрать? Вы в своем уме?

— Настя, эта женщина просит о помощи! — возразил Антон.

— Ты чего, головой ударился? Пришла какая-то бомжиха, лепечет непонятно что. Кто она, откуда, каким образом она всех нас знает?

— Вообще-то у меня не сложилось впечатления, что она нас знает, — осторожно произнесла Машка.

— Тем более! Я вообще не понимаю, с какой стати мы должны с ней разговаривать, а тем более всех собирать! — Настя уже начинала сердиться. — Выгнать её, да и все дела!

— Да чего ты разоралась-то? — казалось, чем больше Настасья сердилась, тем спокойнее становился Антон. — Мы же

не у тебя всех соберем, и не к тебе в квартиру она придёт.

— Ещё бы она ко мне приперлась! Я бы её и на порог не пустила! — Настасья обернулась к Маше: — А ты, значит, не против, да?

— Ну-у-у… Я не знаю… — неуверенно произнесла Маша. — Насть, я просто думаю, что такие вещи не каждый день происходят. И, честное слово, — она всё-таки не бомжиха.

Настасья приподняла левую бровь.

— Согласна, она странная, очень странная, я ещё в кафе об этом подумала…

— В каком кафе? — не поняла Настасья.

Антон сообразил быстрее:

— Она приходила к тебе на работу? Зачем?

— Она пришла просто, как обычный посетитель, — начала объяснять Машка. — И… стойте! Она ведь не одна была. С ней ещё мужчина был!

— Это маньяки! — громким шепотом запричитала Настя. — Я читала про них. Они парами ходят к таким дуракам доверчивым, как мы, а потом берут мешки полиэтиленовые и начинают… — но она не успела закончить фразу.

В дверях комнаты возникла Сильфида. Она словно и не слышала ничего из того, о чём говорили молодые люди (а может, и вправду не слышала) и, медленно пройдя к центру комнаты, произнесла:

— Темно. Я думала, люди любят свет. Как люблю его я.

Она взмахнула рукой, и люстра мгновенно загорелась.

— Вот это маньяки! — услышал Антон растерянный голос Малиновской.

Сильфида тем временем подошла к креслу и неторопливо опустилась в него, расправляя складки своего диковинного одеяния. Малиновская, всё ещё потрясенная тем, как легко эта женщина исправила все неполадки электричества в её квартире, почти в упор уставилась на неё. Антон и Настасья ошарашенно смотрели друг на друга, словно надеялись услышать ответы на все вопросы из уст другого. Приведя свои одежды в полный порядок, и, видимо, решив, что они заняли идеальное положение в пространстве, Сильфида подняла взгляд на молодых людей, проявляя легкое любопытство и вежливое нетерпение. Тишина, очевидно, слишком затянулась, и женщина произнесла:

— Вы столкнулись с какими-то трудностями? Может быть, я помогу вам их разрешить?

— Чего? — не понял Антон.

— Я полагаю, ваши добрые товарищи уже на пути сюда? — осведомилась Сильфида. — Если нет, то я не вижу никаких

причин, почему бы вы не могли позвать их в эти прекрасные чертоги прямо сейчас.

Настасья хмыкнула.

— А, ну да, конечно, — Антон сделал несколько неуверенных шагов к комоду, на котором стоял телефон, и видя, что женщина внимательно за ним наблюдает, снял трубку и начал набирать первый вспомнившийся ему номер — Евгена.

— Как называется это интереснейшее устройство? — Сильфида перевела взгляд с телефонной трубки в руках Антона на Марию.

— Эээ… телефон, — несколько растерянно ответила Малиновская.

— Те-ле-фон, — медленно произнесла Сильфида, словно пробуя, как это слово звучит в её устах. — Странно…

— Может, вы чаю хотите? Или поесть чего-нибудь? — осторожно спросила Машка, но Сильфида лишь покачала головой.

— Интересно, эта чудачка вообще знает, что такое чай? — подумала Настя.

В этот момент Сильфида строго посмотрела на неё. Настасья с легким ужасом предположила, что эта женщина может читать мысли, и это ей совсем не понравилось.

Тем временем Антон дозвонился до Евгена…

* * *

Прошло более получаса, прежде чем Антон сумел обзвонить всех. Сильфида вежливо предположила, что девушки могли бы ему помочь, однако Настасья решила, что «с этой опасной тётки» лучше не спускать глаз, о чём и сообщила шепотом Малиновской.

Евген, Бирюк и Татьяна согласились прийти мгновенно. Хотя они и пытались по телефону сообщить Антону «нечто шокирующее», однако тот не давал им особо долго рассуждать и не стал подробно объяснять по телефону всех причин, здраво рассудив, что друзья обо всем узнают при встрече. По-видимому, они скорее всего решили, что на ночь глядя намечается какая-то вечеринка. С Семёном тоже не возникло особых проблем, хотя он уже лёг спать. Дольше всего пришлось уговаривать Славу, который никак не мог понять, почему ему необходимо тащиться в такой далекий соседний подъезд, да ещё в такую поздноту, и согласился только после клятвенных заверений Антона о том, что за мучения он получит в подарок шоколадку.

Когда Антон, наконец, положил трубку в последний раз,

Сильфида, всё это время внимательно наблюдавшая за ним, сказала:

— Теперь нам остается только ждать.

— Откуда вы знаете, что я обзвонил всех? — удивлённо произнёс Антон.

— Но вас ведь восемь, — просто ответила женщина. Тон ее был таким, словно молодой человек спросил о чём-то, что не требует никаких объяснений.

— Вы что же, следили за нами? — нервно поинтересовалась Настасья.

— Я бы сказала, наблюдала…

— Зачем?

— Издалека вы казались мне намного более дружелюбными, — Сильфида произнесла это с некоторым новым оттенком сожаления. — Вы смеялись, веселились… Вы ведь все друзья, да?

— Это важно? — быстро спросил Антон.

— Да, это очень важно.

— Мы были бы намного более дружелюбными, если бы вы немного рассказали о себе, — Антон скромно улыбнулся. — Вы не могли бы все-таки хотя бы сказать нам, как вас зовут?

— И где сейчас тот мужчина, который сопровождал вас в кафе? — осторожно добавила Малиновская.

— Дело в том, что я не люблю повторять одни и те же истории по нескольку раз. Очень важные истории, — промолвила странная гостья, и немного помолчав, добавила: — Меня зовут Сильфида. Мужчина, сопровождающий меня — Флавиус — сейчас ждёт меня в машине недалеко отсюда.

— Сильфида? Флавиус? — потрясённо произнесла Мария — Вы армяне?

На этот вопрос Сильфида уже не успела ответить, потому что тишину комнаты разорвала трель дверного звонка. Машка пошла открывать дверь, Антон и Настя остались в комнате. Из коридора послышались возбужденные голоса, и взволнованная речь Татьяны:

— Маш, ты даже представить себе не можешь, что сейчас у нас произошло!

— Чего у вас там в холле навалено? — возмущался Бирюк — Мы чуть в темноте все ноги не переломали!

— Потом-потом, всё потом! — отпиралась Малиновская. — Ой, блин! — послышалась небольшая возня и какой-то звон — очевидно, кто-то из ребят уже успел произвести некоторые разрушения в коридоре.

В следующий миг все пятеро гостей одновременно ввалились

в комнату, весело гомоня. За ними неуверенно вошла и Маша. Казалось, несколько секунд никто из новоприбывших не замечал, что в комнате находится посторонний.

Кто-то уже начал рассаживаться по креслам, когда Семён вдруг произнёс:

— Э-э-э… Здрасьте.

Все замерли, уставившись на Сильфиду, и возникла немая сцена. Антон, чтобы как-то разрядить обстановку, встал, и, сделав несколько шагов к креслу, на котором сидела необычная гостья, произнёс:

— Ребят, познакомьтесь, это… Сильфида.

Фраза прозвучала как-то донельзя глупо, и напряжение от этого ещё более усилилось.

— А она… А вы… — Евген посмотрел на Антона. — Это твоя знакомая, да?

— Нет. Не совсем, — это ответила уже Сильфида. — Я здесь скорее неожиданная гостья. Но вы присаживайтесь. Мне нужно о многом вам рассказать.

Никто не сдвинулся с места.

— Садитесь же, милые мои, — снова пригласила Сильфида, деля широкий жест рукой.

Друзья начали переглядываться, и Маша, понимая, что все они всё-таки находятся в её квартире и большинство ожидает каких-либо действий именно от хозяйки, произнесла:

— Ну… это… может, мы сядем… ненадолго… послушаем.

Таня, Бирюк, Евген, Слава и Семён, видимо, решив, что остальные хоть немного, но в некоторой степени знакомы с гостьей, начали рассаживаться — в основном, на полу. Маша же заняла второе из оставшихся свободных кресел, Настя тихонько полуприсела на его широкую, обитую красным бархатом ручку, а Антон встал сзади, облокотившись на спинку.

Разглядывая Сильфиду, все замерли в ожидании.

— Я расскажу вам одну историю, — начала Сильфида, — очень странную историю. Я хочу, чтобы все вы — каждый из вас! — слушали и услышали то, о чём я сейчас поведаю, а после вы сделаете собственные выводы. Рассаживайтесь поудобнее — это займёт некоторое время.

Настасья беспокойно шевельнулась. Бирюк тихонько кашлянул.

— Ни для кого из вас не секрет, что в мире идёт вечная война между Тьмою и Светом, между Добром и Злом, между тем, что мы считаем Правильным и тем, как Должно Быть. Я не имею ввиду именно ваш мир, я говорю обо Всём, Что Есть. Но мир — тот, который видите вы — лишь одна из песчинок, что составляют

великое целое Бытия. Извечная Тьма хочет поглотить всё, истребить один мир за другим, и её цель — уничтожение жизни как таковой. Свет пытается противостоять Тьме; предотвратить то, что мы называем Извечный Распад. Остановить Хаос.

Тьма пытается поглотить и ваш мир тоже. Эта опасность — опасность мира быть уничтоженным — проявляется время от времени. Не всегда и не везде одинаково, но извечно ищуще — так вода проникает в мельчайшие трещины дамбы, которую считают целой, чтобы в один из миллионов секунд разрушить основу.

Наши Хрустальные сферы времени показали нам, что ваш мир в опасности — очень скоро в него придёт Воплощение Зла. Поэтому я прошу у вас помощи! Я прошу вас защитить ваш мир! Странно… не правда ли?

Сильфида умолкла. Наступила абсолютная тишина, нарушаемая лишь еле слышными завываниями ночного ветра за окном, а потом Антон медленно произнёс:

— Можно вопрос?

— Я знаю, вы немного озадачены, — ответила Сильфида. — Напуганы даже. Вы, разумеется, можете задавать столько вопросов, сколько вам будет угодно.

— Почему вы выбрали именно нас? Почему вы решили, что именно мы сможем защитить наш мир?

— Видите ли, — вздохнула она, — только истинная любовь и истинная дружба могут остановить Извечный Распад и приход Великой Тьмы. Когда я наблюдала за всеми вами, — я имею в виду сейчас не именно вас, а всех Людей в целом, — знаете, не так уж и много тех, кого можно было бы назвать настоящими друзьями. Я не говорю, что дружбы не существует — напротив, я верю в неё, но мне нужно было найти не двоих, не троих, а достаточное количество тех, кого каждый из этого удивительного братства мог бы назвать своим другом. Я так долго искала. И долго наблюдала. И снова наблюдала. И снова искала. И тогда… я нашла одного из вас!

— Меня?! — удивлённо спросила Мария.

— Да, — кивнула Сильфида, — я почувствовала свет твоей души, услышала голос твоего сердца, теплоту твоих мыслей. Они звали, они помнили семь любимых тобою человек. Твоих друзей.

Щёки Малиновской порозовели. В тот унылый и скучный рабочий вечер в кафе ей действительно больше всего на свете хотелось увидеть своих друзей.

— И когда я прочла, увидела в её мыслях это истинное братство, я поняла, что смогла найти то, что так долго искала.

Снова наступило молчание. На этот раз первым его нарушил

Евген:

— Вы сказали, что в наш мир скоро придёт Зло? Но мы всего лишь обычные люди! Как мы сможем победить это… этого… монстра?

— На самом деле это целых два вопроса, — Сильфида подняла вверх указательный палец. — Начнём с первого. Зло — это не монстр, не чудище, не тень и не призрак. Истинное Зло слишком занято порабощением Всего, Что Есть, поэтому на Землю придёт лишь то, что я называю Воплощением Зла. Но в мире смертных нельзя существовать иначе, кроме как в смертном теле, поэтому Зло воплотится в человеке. Так бывало уже не раз.

— Не раз? — переспросил Антон. — Вы помните, когда в наш мир пришло последнее из воплощений?

— Конечно. Я помню все воплощения Зла в вашем мире. И не только в вашем. Да-да, мне гораздо больше лет, чем может показаться на первый взгляд.

Настасья снова хмыкнула.

Сильфида внимательно посмотрела на неё и произнесла:

— Я рассказала уже достаточно, чтобы перестать удивляться, и тем более — сомневаться.

Настя не смутилась, но глаза отвела.

— Последнее Воплощение Зла, — продолжила Сильфида. — Явилось в этот мир в местечке под названием Рансхофен. Произошло это 20 апреля 1889 года…

— Адольф Гитлер? — спросил, явно заинтересовавшись, Евген.

— Именно.

— Простите, но это полная чушь! — вмешался Слава. — Конечно, Гитлер был тираном и всё такое, это общеизвестные факты, описанные в любом учебнике истории. Но Воплощение Зла — не слишком уж ли вы перегибаете?

— Докажите же мне обратное, — спокойно ответила Сильфида.

— Как же я могу это доказать? — изумился Слава. — Сейчас вы говорите, что он Воплощение, потом скажете, что он какой-нибудь маг или ещё чего…

— Вы даже немного опередили меня, уважаемый, — улыбнулась Сильфида. — Не маг, конечно. Он был огненным элементалем.

Послышался гул неодобрения. Старые друзья не смогли скрыть скептических улыбок на своих лицах. Это было уже слишком. Они начали фыркать и переглядываться. Когда волнения немного поутихли, Антон снова спросил:

— Значит, огненный элементаль? А вы сами можете это

доказать?

— Да-да! — вступила в разговор Татьяна. — Мы, как юристы, требуем неопровержимых фактов!

Антон посмотрел на Таню и улыбнулся.

— Ну что же, — пожала плечами странная гостья. — Этот вопрос — один из самых сложных, и я скажу вам честно — каких-либо визуальных доказательств у меня нет.

Семён шумно вздохнул. Похоже, он вообще не верил ни единому слову.

— Дело в том, что Адольф Гитлер был очень известной личностью, — терпеливо объясняла Сильфида. — Он постоянно находился в центре внимания ввиду столь высокой должности, которую он занимал. Поэтому он не очень-то часто мог генерировать природные силы элементов. Говоря совсем уж примитивно — творить чудеса. Он чаще предпочитал воплощать свои планы посредством трудов других. Поэтому документальных хроник Людей, которые могли бы доказать мои слова, я вам представить не могу. Даже если они и существовали — не сомневаюсь, что всё это было скорейшим образом засекречено или уничтожено. Так что придётся вам поверить мне на слово.

— Не слишком ли много информации, которой нам нужно просто «поверить на слово»? — недовольно спросил Семён.

— Нет, погодите, — перебил его Евген. Похоже, он крайне заинтересовался этой темой и решил не обострять разговор, — нельзя ли поподробнее про огненного элементаля? Это определённая техника магии? Или что?

Сильфида некоторое время помолчала, задумчиво глядя на колышущиеся у окна занавески, а потом произнесла:

— Если говорить совсем уж примитивно, то это способность управлять огнём. Генерировать его в себе как силу природы. То есть фактически ему не нужен был внешний источник огня, чтобы создавать пламя. Он был им сам.

— Но… — начал Антон.

— Я знаю, о чём вы хотите спросить, — Сильфида не дала ему высказаться. — Он не всегда находился в этом состоянии, в этой форме. Повторюсь: в смертном мире — таком мире, как ваш, где всё подвержено увяданию и распаду, — жизненно необходимо смертное тело. В противном случае это может нарушить ход времени. Поэтому большую часть своей жизни он выглядел именно как человек. Смертный мужчина. Но при необходимости он мог обращаться в ужасающее, непобедимое пламя, а также управлять им, как одной из стихий Земли. Думаю, это очень помогало ему продвигаться в ходе войны. До тех пор, пока он не дошёл до России…

— В чём же оказалось затруднение? — уже гораздо более заинтересованно спросила Татьяна.

— Видите ли… я не могу объяснить, с чем это связано, но в последнее время — по моим меркам, конечно… в вашем мире прошло уже около нескольких сотен лет. Дело в том, что Воплощения Зла каждый раз являются в ваш мир в разных странах, на разных континентах. И только защитники Земли — всегда в одной стране. В вашей.

— Так было всегда? — спросил Слава.

— Нет, не всегда, — Сильфида немного улыбнулась. — Я не могу понять, с чем это связано. Возможно, на вашей земле сохранилась наиболее чистая энергия созидания. Ничто и никогда не происходит просто так. Но даже я не знаю наверняка. Зло коварно, оно каждый раз пытается обмануть нас, думая, что в этот раз мы окажемся неподготовленными. Оно, если так можно сказать, меняет места дислокации — Гитлер и Австро-Венгрия, до него — остров Корсика и…

— Наполеон Бонапарт? — усмехнулся Антон.

— А вы неплохо знаете историю, молодой человек, — заметила Сильфида.

— Он неплохо знает всё, — ответила за него Малиновская, чем заметно смутила своего друга.

— Он тоже управлял огнём? — громко поинтересовался Евген.

— Наполеон? О, нет, — выражение лица Сильфиды стало слишком уж понимающим, и это не понравилось Евгену. — Он был элементалем Земли.

Снова наступило молчание. За окном вдруг стало гораздо светлее — это и во всем остальном доме дали свет. То ли электрики постарались, то ли иные силы — сейчас все это было не столь важно. Каждый из друзей обдумывал сказанное. Странная гостья не отрываясь смотрела на Евгена, и он, видимо, поняв, что она уже (хотя бы частично) знает его мысли, решился, наконец, задать самый главный для него вопрос:

— Значит то, что сейчас произошло со мной, это… магия?

Прежде чем кто-либо успел удивиться или сказать что-нибудь, Сильфида быстро спросила:

— Что именно с тобой произошло?

— Ну-у-у… я хотел прикурить. Чиркнул зажигалкой. И тут… — Евген смущённо замолчал, поняв, что все взгляды обращены на него.

— Произошла какая-то хрень, — закончил за него Антон.

— Ну, в общем, да, — как-то облегченно произнёс Евген. — Только вы не подумайте, что я там наркоман какой-то или ещё

чего. Появились, как бы это сказать, огненные шары. Небольшие такие. Вроде как маленькие солнышки. Они сделали несколько кругов вокруг меня. А потом исчезли. Я очень испугался, — честно признался он. — Решил уже курить бросать. Навсегда.

— Да это всё ерунда, это ещё нормально, — кивнул головой Бирюк. — Вот когда я проснулся, вокруг меня все вещи в комнате летали!

— Чего?! — изумился Семён.

— Честное слово, так и было! Танюха вырубила свет…

— Причём во всем доме! — перебила его Таня. — Ну я не специально, конечно. Короче, как все было: я просто пришла на кухню, хотела поставить чайник. Беру, значит, в руки шнур, пытаюсь вилку в розетку воткнуть, и тут из неё искры как хлынут водопадом! Я чуть не родила с перепугу. Это я потом уже поняла, что весь дом обесточила. Хотя, честно говоря, до сих пор не понимаю, как.

— Что произошло у остальных? — убитым голосом спросил Слава. Выражение его лица было таким, словно он подумал, что его друзья один за другим начали сходить с ума.

— А я чашку случайно разбила. А когда наклонилась за осколками, она снова целая лежит. Она вся обратно собралась, — Настя произнесла это очень тихо, глядя в пол, словно ей самой было немного страшно от только что произнесённых слов. Можно было подумать, что она сознаётся в убийстве.

— А я вот начал руки мыть, — все обернулись к говорящему Антону. — И вода вроде как цвет поменяла. Я руку, значит, поднял, — а капли воды вверх скатываются, к кончикам пальцев! А потом и из крана тоже всё вверх полилось. Я не успел как следует рассмотреть — свет погас, — немного расстроенно закончил он.

В следующее мгновение все остальные загомонили одновременно. Каждый хотел поделиться чудом, произошедшим именно с ним. Как будто сначала все немного боялись об этом говорить, думая, что остальные примут его за сумасшедшего, но теперь, узнав, что каждый из них пережил нечто подобное, им не терпелось поделиться друг с другом собственными странностями.

— Так вот откуда взялись лианы в моём коридоре! — удивлялась громче всех Малиновская. — Я вырастила их. Я создала их сама, из увядшего цветка!

Прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем каша в их головах понемногу улеглась. Потом все побежали смотреть на лестницу те самые лианы, которые до этого впотьмах никто не мог разглядеть, потом все охали, ахали, обсуждали всё сначала и с конца, и всё никак не могли поверить, что всё случившееся

происходит именно с ними.

Слава и Семён оказались одними из самых скептически настроенных молодых людей (это было ещё и потому, что с ними пока ничего странного не произошло), но даже они не могли найти достаточно убедительных аргументов для того, чтобы объяснить, почему лестничная клетка превратилась в один огромный ботанический сад.

Всё это время Сильфида наблюдала за суматохой с несколько отстранённым выражением лица, словно слегка удивляясь всему, что видит вокруг. Она так и продолжала сидеть в кресле, внимательно разглядывая все детали столь незнакомого ей интерьера, и тихонько улыбалась себе под нос.

Когда же молодые люди немного угомонились, шум в комнате заметно поутих, и все снова собрались вокруг неё, она сказала:

— Ну что же, как я поняла, ваши способности уже начали проявляться. Признаюсь, меня это впечатляет. Всего через несколько часов после того, как все вы дотронулись до монеты…

— Так всё-таки это вы нам её подбросили? — подозрительно спросила Маша. — Точнее, мне?

— Погоди-ка, — вмешался Слава. — Когда же она успела это сделать? Вы что, уже виделись до этого?

— О, она пыталась меня накормить! — засмеялась Сильфида.

Все вытаращили глаза. Машка не знала, чему удивляться больше — тому, что эта странная женщина вот так вот просто преподнесла всю ситуацию в кафе, или же её донельзя загадочный, какой-то даже потусторонний смех — ведь ей показалось, что Сильфида совсем не умеет смеяться.

— Минуточку, как это накормить?! — Татьяна повернулась к Машке. — То есть вы уже давно знакомы? То есть вы уже даже ужинали вместе? Нет, ну это просто ни в какие ворота!

— Да ничего мы нигде не ели, — начала оправдываться Машка. — И никого я не кормила! Послушайте, зачем вы всё это так преподносите? — накинулась она на Сильфиду.

Прежде чем та успела ответить, Антон перебил всех:

— Так, ну-ка цыц! Вы сейчас опять все запутаете. Мы только-только начали разбираться в этой сумасшедшей истории, а вы опять все валите в кучу. Маш, расскажи с самого начала, как было дело.

Малиновская сбивчиво и довольно торопливо начала описывать свой рабочий вечер в кафе, пока не дошла до момента заказа блюд.

— В этот самый момент я и подкинула ей монету, — поддержала её Сильфида. — Так что можете честно ей поверить

— до этого мы никогда не были знакомы.

— Так, хорошо, разобрались, — сказал Антон. — Теперь второй вопрос: зачем вы это сделали?

— Но ведь сработало, правда? — Сильфида легко прищёлкнула в воздухе пальцами. — Вы все дотронулись до неё!

— Зачем вы это сделали? — повторил Антон.

— Люди так любят золото, — задумчиво ответила Сильфида. — Ладно, я вижу, вы все в нетерпении. Ответ прост — мне же нужно было каким-то образом передать вам способности.

— И из этого явно следует, — Евген развёл руками, — что, дотронувшись до монеты, мы все стали обладать магией?

— Да, — подтвердила Сильфида.

— Ха, но это же нереально круто!

— Что? — не поняла Сильфида.

— Он просто очень рад, — пояснил за него Антон.

Слава и Семён переглянулись. Настасья скрестила руки на груди.

— Погодите, — сказала Таня, — но мы ведь ещё не дали своего согласия. Не подписали никакого договора… ничего. Может быть, мы не хотим всего этого! Может быть, мы откажемся.

— Ага, конечно, — Евгена явно не обрадовала такая перспектива. — Если хочешь, отказывайся. Я, например, не прочь стать магом.

— А если серьёзно, — спросила Мария у Сильфиды. — Мы должны дать что-то типа официального согласия? Или как? И есть ли у нас право отказаться?

— Конечно, вы имеете право отказаться, — пожала плечами Сильфида. — До тех пор, пока вы не принесли клятву в Кольце Судеб, у каждого из вас есть шанс сделать свой шаг назад. Хотя, я очень надеюсь, что никто из вас не станет этого делать.

— Что ещё за Кольцо Судеб? — настороженно спросил Семён.

— Дело в том, что я не могу вас посвятить во все подробности этой стороны вопроса ввиду того, что существует небольшая вероятность вашего отказа. Непосвящённые не должны об этом знать. Могу лишь сказать, что это… некое место, где вы принесёте клятву защищать этот мир. В том случае, конечно, если все вы согласитесь.

— А если кто-то захочет, а кто-то — нет? — растерянно произнесла Таня.

— Да, а что с нами будет, если мы откажемся? — Евгену уже явно не терпелось стать полноценным магом.

— Дело в том, что решение о согласии или отказе вы должны принять сообща, — пояснила Сильфида. — Нельзя сделать так, чтобы согласились только один или два человека. В этом весь

смысл тайного братства. Если сейчас вы откажетесь, то уже через несколько дней ваши способности просто исчезнут, а всё, что произошло сегодня ночью — сотрется из вашей памяти. Но вы ведь друзья… так что, я думаю, единогласный выбор вам будет сделать не так уж и трудно.

— Нам нужно сделать его прямо сейчас? — вздохнул Антон.

— Нет, это не настолько срочно, — заметила Сильфида. — У вас будет в запасе несколько часов.

— Нам нужно как следует обдумать ваши слова, — сказала Настасья.

— Думайте, но не слишком долго. Я приду за окончательным ответом ещё до наступления следующей ночи.

Сильфида резко поднялась с кресла и направилась в коридор. Полы её бледно-синего платья печально зашуршали по цветному ковру. Старые друзья смотрели друг на друга, словно находясь в некоем оцепенении, пока Машка не встала, и молча не проследовала за ней. Не слышно было, чтобы щёлкнул замок, и спустя мгновение Малиновская снова вернулась в комнату.

— Ушла, — немного растерянно произнесла она. — Прямо сквозь дверь…

Наступившее вслед за этим молчание показалось ей немного зловещим.

Глава 4. Новые тайны

Солнце ласково светило в окно, заливая своим тёплым светом всю комнату и творящийся в ней беспорядок. Через приоткрытую форточку доносились звуки проснувшегося города. Мария открыла глаза и смотрела, как на её бело-зелёных обоях играют в догонялки солнечные зайчики. Было тепло, хорошо, и очень спокойно.

Пока она ни о чём не думала, но где-то рядом, на самом пороге сознания, уже начинали скапливаться мысли, и до неё медленно, как мягко падающие лепестки роз, начали доноситься события прошедшей ночи. Машка как следует зажмурила глаза, потом снова открыла их, и это как будто помогло ей понять — нет, всё то, что произошло вчера — это не сон, это самая что ни на есть настоящая реальность, и всё действительно произошло, и произошло именно с ней: загадочные гости в кафе, разговор на лавочке и находка монеты, произошедшие вслед за этим странные вещи и после — завершивший всё не менее чудной разговор.

Им нужно дать ответ. Сегодня. До захода солнца. Глобальность принятия этого решения немного пугала.

Машка вылезла из-под одеяла и подошла к окну, раздвинув занавески. Прямо внизу родной дворик, детский сад и спортивный комплекс. Сразу за ними — дорога и огромный, раскинувший своё ярко-зелёное покрывало Измайловский парк. Где-то далеко за ним, скорее ощутимым, чем видимым контуром, вставали высотные дома, построенные за Кольцевой.

Немного ближе, прямо за лесным холмом парка, там, где улица делала заметный изгиб вправо, были видны железнодорожные пути московского метро. Израненная городская земля вбирала их в себя, образуя тоннель, пожирая бесконечные синие гусеницы электропоездов. По обочинам пути росли чахлые деревца. Половина веток едва зеленела в мерцающем утреннем воздухе, а часть из них была отпилена и свалена здесь же, чтобы не мешать движению составов. Дальше продолжался эдакий полулес, который постепенно переходил в газон, а за ним — новое городское шоссе, гул от которого не прекращался ни днём, ни ночью, и долетал даже сюда.

Мария часто любовалась на эту магистраль в глубоких сумерках: глядя на дорогу сверху, можно было отчётливо разглядеть две полосы — светло-жёлтую — это двигавшиеся навстречу машины, и ярко-красную — это были задние огни всё тех же автомобилей. Когда над городом висела тёмно-серая кисея

дождя, то огоньки сливались в единые жёлто-красные полосы, толкались и налезали друг на друга, пока совсем не исчезали в густом тумане.

— Машуль, ты уже проснулась? — послышался голос за дверью.

Машка вздрогнула. Она так глубоко ушла в собственные мысли, что теперь с трудом возвращалась назад. Ну конечно. Мама. Вернулась с дежурства. И как она могла забыть?

Дверь в комнату отворилась, и вошла Ольга Александровна, Машина мама.

— Доброе утро, мам! — сонно произнесла Малиновская, отходя от окна.

— К нам что, вчера приходил кто? — вместо приветствия спросила мать.

— Э-э-э… да, Настюха заглянула.

— Ковёр затоптан так, словно тут человек десять куролесило, — проворчала Ольга Александровна, поднимая с пола разбросанные вещи и аккуратно складывая их в шкаф.

— «Девять» — подумала про себя Машка, а вслух, конечно, произнесла: — Да не, мам, что ты! Ты ж знаешь, ко мне, кроме Настьки, редко кто заходит.

— И в коридоре на полу всё валяется…

Машка на миг задумалась, а потом расплылась в улыбке — когда она провожала вчера ночью всех гостей, Семён носился по коридору и орал как угорелый, потому что к его рукам неожиданно прилипли все металлические вещи, лежавшие на столике в прихожей. Он опрокинул табуретку (и как это я забыла поставить её на место?) и чуть не расколотил зеркало, пока Антон не успокоил его и не объяснил, что ему, видимо, посчастливилось превратиться в человека-магнита.

— Ну уж не знаю, почему это, — пожала плечами Машка.

В следующий момент ей в голову пришла шокирующая мысль: что, если мама увидела то, что творилось на лестнице? Лианы! Как она это объяснит? Ведь вчера, когда она провожала всех друзей, ненормальный ботанический сад в общем холле был в полном цвету! А если соседи тоже успели что-то углядеть?

— Мам, а ты, когда возвращалась… (боже, как бы это спросить?) не видела там, на лестнице, ничего такого?

— На лестнице? Нет. А что я должна была увидеть? — насторожилась Ольга Александровна.

— Да просто, мало ли, — уклончиво ответила Машка и сделала вид, что всё нормально.

Как только мама отвернулась, она прошмыгнула в коридор и тихонько приоткрыла дверь. Лестничная клетка была в полном

порядке, и даже кафель на полу был цел, за исключением пары плиток. Никаких лиан там не было, да и горшок с завядшим цветком куда-то пропал. Мысленно перекрестившись, Машка закрыла дверь и пошла умываться.

* * *

Десять минут спустя Малиновская уже сидела на кухне, торопливо поедая приготовленные мамой бутерброды. Вчера вечером, когда Сильфида ушла, а точнее, просто просочилась сквозь дверь, все здраво рассудили, что обсуждать что-либо глубокой ночью все равно не имеет смысла, тем более после пережитых ими потрясений. Договорились встретиться завтра (точнее, уже сегодня), всё заново обсудить и принять решение, которое устроило бы всех.

Хорошо хоть, что была суббота, и не нужно было никуда торопиться. Про то, что вечером необходимо было идти на работу, Машка как-то совсем забыла…

— Мань, ты не сходишь в магазин? — послышался из комнаты мамин голос. — Нам хлеб белый нужен, батончика два, и кефир. А то я что-то так устала на работе. С этими ночными сменами просто с ума можно сойти.

— Да, мам, конечно, схожу.

Машка дожевала остатки бутерброда, допила чай, и начала собираться в магазин. Наобум заколов волосы в хвост (ни к чему сегодня красоту наводить), она втиснула себя в старые джинсы и бесформенную толстовку, и пошла в коридор. Уже закрывая дверь, она услышала вдогонку мамино: «и сосисок ещё возьми!».

С некоторой опаской миновав лестничную клетку и не обнаружив там ничего подозрительного, она, наконец, вышла на улицу. Во дворе на скамейке под липой сидели Слава и Семён. Она помахала им рукой, не собираясь, в общем-то, к ним подходить, но требовательные Славины вопли «Поди сюда!» заставили её изменить свой маршрут. Она даже отчасти надеялась, что, встретившись с ними, начнётся обычный разговор, и никто ничего не скажет про события прошедшей ночи, словно ничего и не было вовсе, однако первый же Славин вопрос заставил её распрощаться с надеждой на вменяемое будущее:

— Как ты? Ещё что-нибудь произошло?

— Да вроде нет, — неуверенно ответила Малиновская. — А у вас как?

— У Сени-то нормально, ну кроме вчерашнего, — ответил за друга Слава. — А я вот сегодня утром несколько горшков с

цветами расколотил!

— Злился что ли? — не поняла Машка.

— Да нет! — Славик возвёл глаза к небу. — Я про эту… про магию, — выговорил он беззвучно, одними губами. — У меня они сегодня по комнате носились. Мать сказала цветы полить, а они как ринутся в разные стороны!

— Цветы?

— Цветы, горшки, блюдца — всё во всех направлениях. Хорошо, что никто не видел! Родители решили, что на меня псих нашёл. Мать потом орала, типа: «Неужели нельзя было просто сказать, что поливать не хочешь, зачем горшки то было колотить?»

— Но мне казалось, что растения вроде как под контролем у меня, — почти шёпотом сказала Машка.

— Да это не в растениях дело, — ответил Семён. — У него, наверное, глина. Горшки-то глиняные. Ну, или земля.

— Понятно, — Малиновская посмотрела в сторону магазина. — Мне идти, короче, надо, позже увидимся тогда. И, это… вы не в курсе, все уже проснулись или как? Когда общий сбор?

— Решили в пять вечера у Антона, — ответил Славик.

— А чего так поздно-то? Нам же надо до заката, — Машка снова понизила голос, чтобы не услышали проходящие позади любопытные бабульки.

— Да он с утра ещё умотал куда-то с Евгеном. Мы созванивались, они сказали, что к пяти будут. У них же у обоих квартиры всегда свободные — одни ведь живут, без родителей.

— Ну ладно, к пяти — так к пяти. Только вы сами не разбредайтесь никуда, — сказала Машка и, получив от них утвердительный кивок, направилась в магазин.

* * *

Настасья вздохнула и, захлопнув за собой входную дверь, вышла в общий холл. Машка уже оборвала ей весь телефон, чтобы она поскорее поднималась к Антону — по её словам, все остальные уже были у него. Миновав створы лифтов, она отворила дверь, ведущую к лестничным пролётам, и неожиданно натолкнулась на Евгена — тот курил стоя у окна.

Настя как-то сразу растерялась и тихо сказала:

— О, ты уже тут?

— Ну да, — ответил Евген, бросая свою сигарету в жестяную банку на подоконнике.

— Я думала, все уже у Антона сидят. А куда вы сегодня с ним ездили?

— А, утром-то? Да за картриджами для принтера, — махнул рукой Евген.

— Ясно, — кивнула Настасья.

Наступившее следом молчание немного затянулось, и, то ли ей показалось, то ли Евген сделал шаг вперед, но их лица почему-то стали намного ближе друг к другу. Мгновение длилось и длилось, и Настя как будто с удивлением ощутила, что их губы уже составляют единое целое. Краткий миг, длившийся всего лишь несколько секунд, — а затем на лестнице послышались шаги. Кто-то поднимался к ним снизу. Они отпрянули друг от друга, и в следующий момент появился Слава.

— Вы чего тут?

То ли он сделал вид, что не заметил, что происходит, а то ли и вправду не разглядел.

— А сам-то чего? — как-то немного грубо спросил Евген.

— Как чего? — удивился Славик. — К Антону иду. У нас же вроде общий сбор?

— Вот и мы идём.

— Так пошли, чего встали-то? — Слава начал подгонять их руками. — Нам же на шестой!

Они начали подниматься.

— А чего ты пешком? — уже более дружелюбно осведомился Евген.

— Пешком полезно. Икроножные мышцы прокачиваются. Да и вообще — дополнительная тренировка.

— Понятно, — Евген скорчил рожу и, подойдя, нажал на звонок.

* * *

По-весеннему яркое солнце уже опускалось над крышами домов, даря москвичам свои последние теплые лучи уходящего дня. Желто-песочные шторы в комнате Антона ловили отблески этих лучей, словно ненавязчиво напоминая всем собравшимся, что им нужно поторопиться с принятием столь важного решения, но старые друзья никак не могли прийти к общему мнению.

В уютной, не по-ребячески чистой квартире Антона, где всё стояло ровно, аккуратно и на своих местах, за исключением разве что письменного стола, заваленного книгами и бумагами, продолжался спор.

— Пожалуйста, давайте не будем орать на все голоса! —

говорил Антон. — Всё равно от этого не будет никакого толку, если каждый будет высказывать свое мнение, не слыша остальных. Жень, ты начал что-то говорить, продолжай.

— Да вы все уже прекрасно знаете мои аргументы, — Евген расхаживал по комнате (у него уже просто не хватало терпения сидеть на месте). — Я полностью «за»! Чего уж тут думать-то? Нам предоставляется просто потрясающая, уникальная возможность изменить свою жизнь. Такого шанса у нас больше никогда не будет! Вы только подумайте — обладание магией — как в самых крутых компьютерных играх. Что может быть интереснее?

— Жень, ну подумай сам, — возразила ему Настасья. — Такого просто не бывает. Не может быть. Вроде как приходит волшебница и — бац! — просто так дарит нам суперспособности. Здесь все не так просто, как тебе кажется. Во всей этой истории таится великое множество подводных камней. Вот увидите, вы ещё вспомните мои слова — да поздно будет! Мы похожи на глупых мышей, которые сами же лезут в мышеловку.

— Насть, ты рассматриваешь этот вопрос лишь с одной стороны, — сказал Антон. — Почему тебя так настораживает только тема магии? Ведь вся суть не в этом, все гораздо глубже. Я понимаю, я согласен с Евгеном — это очень круто, но эти способности даются нам не просто так, а для того, чтобы мы смогли, когда это потребуется, защитить этот мир. Надо подумать прежде всего об огромном грузе ответственности, который ляжет на наши плечи в том случае, если мы согласимся нести это бремя.

— И вы не забывайте, пожалуйста, что эта ответственность тем более тяжела, — поддержала Антона Татьяна. — Что мы, такие крутые, не просто будем стоять на страже. Как я поняла, рано или поздно (это лишь вопрос времени), но Воплощение Зла явится в наш мир, и попытается уничтожить его. Возможно, нам придётся сражаться. Это прежде всего противостояние. К этому вы готовы? Каждый из вас к этому готов?

— Славик, Сёма, ну не молчите! — обратился к ним Евген. — Что вы скажете?

— Мне по большому счёту всё равно, — ответил Слава. — Если все решат, что мы готовы к такому шагу, я соглашусь со всеми. Я, короче говоря, поддержу мнение большинства, каким бы оно ни было.

— Довольно аморфная позиция, — едко заметил Бирюк.

— А я вот сразу с Евгеном согласен, — сказал Семён. — Нам предоставили потрясающий шанс, и я собираюсь им воспользоваться, кто бы мне там что ни говорил.

Мария посмотрела в окно. Пока они спорили, солнце

окончательно село, и наступили ранние сумерки. Воспользовавшись образовавшейся в разговоре паузой, она произнесла:

— Может быть, нам лучше было бы дождаться Сильфиды? Она рассказала нам так много, и всё же слишком мало для того, чтобы принять столь важное решение. Ведь мы никогда больше не будем прежними…

— Но согласитесь, что отказаться, зная, от чего именно мы отказываемся, — это сказал уже Бирюк, — было бы немного… грустно. Мы узнали удивительную тайну, а сейчас скажем этой тайне «нет»? А назавтра, проснувшись, уже ничего из этого даже не вспомним. Совсем ничего.

В наступившем вслед за этим молчании друзья неприкрыто ощутили грусть.

Все немного вздрогнули, когда наступившую тишину неожиданно нарушил донёсшийся из коридора громкий стук в дверь. Машка почему-то даже ни на миг не усомнилась, что это была Сильфида. И действительно, когда Антон открыл дверь, на пороге стояла именно она.

— Здравствуйте! — Антон был даже немного рад её увидеть (наконец-то сейчас всё и разрешится!) — А зачем вы стучите? Могли бы просто в звонок позвонить.

— Что сделать? — не поняла гостья.

Антон на мгновение подумал: а знает ли она, в сущности, что такое звонок? И ему тут же пришли в голову другие вопросы: А как вы вообще прошли сразу к моей двери? И как узнали, где я живу? У нас же внизу домофон. И в холле ещё общая дверь на четыре квартиры…

— О, для таких, как я, запертые двери значат очень мало, — загадочно ответила ему Сильфида.

Оставшиеся в комнате внимательно прислушивались к разговору в коридоре, пока, наконец, их друг, а следом за ним и Сильфида, не вошли в комнату.

— Доброго вам всем вечера, — произнесла Сильфида. Она была одета все в ту же бледно-синюю тогу, что и вчера, и выглядела такой же измождённой. Разве что её глаза смотрели менее настороженно и более приветливо: — Ну что же, я пришла — как и обещала. Ваше время истекло. Я жду ответа.

— Честно говоря, у нас возникли некоторые затруднения, — начал Антон.

— Кто-то не хочет становиться бессмертным? — с лёгким удивлением спросила Сильфида.

— Бессмертным?! — одновременно произнесло несколько голосов.

— Погодите-погодите! — в изумлении сказала Машка. — Вы нам об этом ничего не говорили!

— Неужели? Трудно, знаете ли, всё держать в голове. Могла и забыть, — ответила Сильфида.

— Забыть? — с легкой полуулыбкой переспросил Антон. — Вы ведь никогда ничего не забываете, не так ли?

Сильфида очень внимательно на него посмотрела. Кажется, она собиралась что-то ответить, но Семён её опередил:

— Так значит, мы станем бессмертными? Да или нет?

— Да, каждый из вас получит потрясающее долголетие, к которому так стремятся все в этом бренном мире.

— Я думаю, после такого заявления процент положительных ответов явно возрастёт, — усмехнулся Бирюк.

Антон и Евген переглянулись, при этом Антон пожал плечами. Настя заметила это и, уперев руки в бока, снова пошла в наступление:

— Значит, сначала магия, — обратилась она к Сильфиде. — А теперь ещё и бессмертие? За что же это нам выпадают такие подарочки? Что-то не верится мне, что нам потом не придётся за это расплачиваться!

— Подарочки? Вы полагаете, что бессмертие — это подарок? Знаете, вечная жизнь — не такое уж и благо, — на лице Сильфиды появилось выражение великой печали. — Для некоторых смерть может оказаться куда как более предпочтительным финалом. Не знаете люди, сколь счастливы вы — ведь вам дано освобождение от томительного времени. А бессмертие — это не дар, а скорее, необходимость. Вы ведь не думаете, что, как только вы дадите согласие, на следующий же день наступит Великая Битва? Возможно, вам придётся ждать очень долго. Месяцы… года… десятилетия… да, срок близок, но он близок по нашему счёту — в вашем же мире может пройти ещё очень много времени.

— Так, может быть, мы уже перейдём к главному? — в нетерпении спросил Евген. — И решим уже то, что давным-давно должны были решить?

— И снова погрязнем в спорах, — ответила ему Татьяна.

— В споре рождается истина, — ни к кому в особенности не обращаясь, заметил Слава.

— Тем не менее, — упёрлась Настя. — Не все из нас готовы.

— Я предлагаю самый простой способ, — Сильфида на этот раз не дала ей договорить. — Проголосовать! Итак, кто «за»?

Многих обескуражило такое внезапное предложение, однако первым руку вскинул Евген:

— Я «за»! Чего тут думать-то?

Сильфида одобрительно ему улыбнулась, а затем перевела взгляд на Антона.

— Ну что же, — ответил тот, — Если мы не будем забывать об ответственности, то я, пожалуй, согласен.

За ним руку подняла Маша, пробормотав что-то типа «Да и ладно», а потом — молча, промедлив лишь какое-то мгновение — Семён, очевидно решивший, что какие-либо комментарии тут излишни.

— Если уж пошло такое дело, то я тоже не против, — Бирюк руку поднимать не стал, просто объявив о своем решении вслух.

Его, конечно же, поддержала Татьяна.

— Вроде как нас уже большинство, — Слава тоже вскинул руку вверх.

Все повернулись к Настасье, как к последней не проголосовавшей.

— Ох, не нравится мне всё это, — честно призналась она. — Ну, так уж и быть: не хочется становиться занудой, испортившей всем праздник. Чёрт с вами, я согласна! — и она раскинула руки, как будто мысленно пытаясь всех обнять.

Машка, поняв этот жесть буквально, радостно завизжала и бросилась её обнимать, а за ней ринулись и все остальные. Друзья сцепились в тесный клубок, напоминая собой футбольную команду, которой только что посчастливилось забить гол в ворота соперника. Их лица сияли улыбками.

Дав порадоваться им какое-то время, Сильфида, до этого молча стоявшая чуть в стороне, сказала:

— Что же, друзья мои! Отлично. Я в вас не сомневалась! Это ещё раз доказывает, что моё внутреннее чувство Поиска никогда не подводит меня. Я бы могла даже сказать, что я горжусь вами, но это — только начало пути. Я думаю, что мы не будем медлить, потому что, однажды начав путь по тропе, необходимо идти до конца. Поэтому сейчас мы покинем этот гостеприимный дом и отправимся в дорогу.

— Как в дорогу? Куда? — не понял Бирюк.

— Может быть, хотя бы чаю с печеньем попьём? — предложил Антон. — Мы же так волновались, девчонки голодные, наверное…

Сильфида лишь молча покачала головой.

— А это далеко? — взволнованно спросила Малиновская.

— Нет, это намного ближе, чем вы думаете, — ответила ей Сильфида. — Знаете, чудеса иногда живут рядом с нами — нужны лишь глаза, способные это разглядеть. Пойдёмте.

Через несколько минут все они уже стояли во дворике, слегка поёживаясь от прохладного весеннего ветра, хотя дни уже стали по-летнему тёплыми, ночь, принявшая их в свои объятия, была

достаточно зябкой, и Машка немного пожалела, что не захватила из дома какую-нибудь лёгкую курточку.

Со стороны они, наверное, смотрелись немного странно — восемь дрожащих, нервно поеживающихся молодых парней и девушек, и среди них — высокая, бледная женщина в небесно-голубых одеждах.

Ветки старых лип, росших около подъезда, слегка шевелились, и от этого их тени, создаваемые светом фонарей, были похожи на дрожащую паутину.

— Ну и чего же мы ждём? — начал выражать своё недовольство Слава. — Мы же не будем…

Но старым друзьям так и не удалось узнать, что ещё ему не нравится, потому что к подъезду неторопливо подъехал чёрный Форд. Ещё до того, как машина остановилась окончательно, все как-то сразу поняли, что этот автомобиль приехал именно за ними. Сильфида медленно открыла дверцу и без слов, лишь взмахом руки, пригласила всех внутрь.

— Мы что же поедем на машине? Вы сказали, что это совсем недалеко, — заметила Настя.

— Я не знаю, что ещё мне нужно сделать, чтобы уменьшить вашу подозрительность, — Сильфида уже явно начинала сердиться. — Может быть, упасть вам в ноги и молить уверовать?

— Ой, ладно-ладно, ничего страшного, — Машка попыталась сгладить неудобный момент, и, подхватив под руку недоверчивую подругу, первой полезла в машину, таща Настасью за собой.

Пока забирались остальные, Малиновская слушала недовольные бормотания Настасьи и отчётливо разобрала фразу «мыши в мышеловке», однако (от греха подальше) решила это не комментировать. Лишь когда все окончательно расселись на местах, она с запозданием подумала, что снаружи машина выглядела не настолько уж и большой, чтобы в ней с комфортом могла разместиться вся их компания. Однако теперь, оказавшись внутри автомобиля, поняла, что его салон очень даже просторен. Может быть, здесь тоже не обошлось без магии?

— Ну что, трогаемся? — раздался приятный баритон, и все, кроме Сильфиды, подпрыгнули от неожиданности: никто из молодых людей почему-то не подумал о том, что в машине должен быть ещё и водитель. Хотя, с другой стороны, им в последние два дня пришлось столкнуться с вещами настолько странными, что никто уже, наверное, не удивился, если бы машина ехала сама по себе. Но водитель всё-таки был — могучего сложения мужчина с мужественным лицом, отчётливо очерченными скулами и копной огненно-рыжих волос, он повернулся с переднего сидения и, подмигнув им, беззаботно

произнёс:

— Привет! Ну, чего такие перепуганные?

— Это Флавиус, — пояснила Сильфида, увидев лёгкое недоумение на лицах ребят. — Он мой друг и помощник.

— Можно просто Флав, — весело сообщил тот и отвернулся.

По лицу Сильфиды можно было подумать, что она не очень одобряет такое фривольное обращение.

Машина тронулась с места. В то время как черный Форд Сандербёрд выезжал со двора на оживлённую улицу, Малиновская почувствовала, как завибрировал мобильный в кармане её джинсов. Не без труда достав телефон из тесного кармана и мельком прочитав на дисплее надпись «Мишка (Работа)», она с ужасом вспомнила, где именно должна сейчас находиться, и взяла трубку.

— Алло, Маш, ты где? — услышала она Мишкин голос. — Ты видела, сколько времени?

— Блин, Мишуль, я не могу сегодня выйти на работу, я сейчас очень занята, — испуганно забормотала Малиновская. — Тут… тут непредвиденные обстоятельства. Форс-мажор, короче. Где Иван Васильевич? Он уже заметил? Он что-то сказал?

Остальные внимательно прислушивались к её разговору. Сильфида была заинтересована, скорее, не самой темой дискуссии, а мобильным телефоном — она разглядывала его с нескрываемым любопытством.

— Нет, он пока ещё не заметил, что тебя нет, — сообщил Мишка. — Но ты-то сама где? Ты задерживаешься или тебя вообще не будет? И что случилось?

— Миш, я тебе не могу сейчас ничего объяснить, мне сейчас некогда. Я тебя умоляю — придумай что-нибудь, — волновалась Машка. — Скажи, что я заболела свиной чумкой, улетела в Китай на похороны панды, умерла в конце концов, я не знаю! Я сама ему потом всё объясню. Сейчас не могу, честное слово. Всё, целую! — она сбросила вызов, и на всякий случай отключила телефон.

— Чёртова работа, я совсем забыла! — округлив глаза, сообщила она остальным.

— Тебя же теперь уволят за прогул, — немного насмешливо сказал Евген.

Машка сделала сердитое лицо и произнесла:

— В следующей жизни ты будешь навозным жуком, понятно?

Все захохотали.

Тем временем автомобиль подъехал к одному из многочисленных входов в Измайловский парк и остановился.

— Приехали! — весело сообщил Флавиус.

Все полезли наружу, и Малиновская снова услышала

комментарии Настасьи, разбирая в них слова «ночь», «лес» и «маньяки».

Сама она была почему-то достаточно спокойна, и проявляла скорее любопытство, нежели страх.

— Идти нам довольно долго, — услышала она голос Сильфиды.

— Ну что же, ведите нас! — ответил ей Антон, и с этими словами все они вошли под своды старого парка.

Глава 5. Нифльхейм

Они шли по парку уже около двадцати минут. Миновали огромное футбольное поле по левую руку, детские площадки и игровой городок, и теперь держали путь в самое сердце леса. Наступило необычайно яркое полнолуние, поэтому вокруг было достаточно светло, да и сама тропинка, устеленная щепой и тонувшая в наплывающих листьях от многих прошедших осеней, как будто сама указывала им путь.

Сильфида и Флавиус, по-видимому, прекрасно видевшие в темноте, казалось, знали, куда именно нужно идти — они шагали смело и уверенно, иногда переходя с тропы на тропу и делая повороты в самых неожиданных местах. Там, где кроны деревьев плотно смыкались над головой, и становилось совсем уж темно, Марии начинало казаться, что фигуры и сама одежда их проводников чуть светятся в темноте: у Сильфиды — холодным бело-синеватым светом, а у Флавиуса — красным, точно рдеющие в ночи угли костра.

Они давно миновали те места парка, которые каждый из друзей знал с самого детства — ведь они великое множество раз сами гуляли в этом парке, но то ли ночью всё выглядело по-другому, то ли они никогда не забредали в эти глухие уголки, однако лес по обеим сторонам тропинки казался незнакомым и чужим.

Наконец они вышли на достаточно хорошо освещённую луной поляну: она была устелена мягкой, как шёлк, травой, а вокруг неё, словно безмолвные стражи, росли огромные дубы-великаны. Место казалось смутно знакомым.

Сильфида и Флавиус явно направлялись к двум самым большим, самым старым дубам. Хотя вокруг всё уже было изумрудно-зелёным, в их кронах виднелась от силы половина новых распускающихся почек. Протянутые к небу безлистые, узловатые руки-ветви словно сложились в безмолвных молитвах.

Миновав развилку между дубами, их странные поводыри словно пропали из виду на несколько мгновений, а когда и сама Маша прошла между деревьями, ей показалось, будто она переступила некую незримую черту — воздух резко потяжелел, сделался более душным и плотным, и холодный, пронизывающий ветерок, стелившийся у самой земли и донимавший её все это время, мгновенно исчез.

Она, словно сквозь вату, услышала голос Татьяны:

— Вам не показалось, что мы как будто прошли сквозь портал?

Портал. Да, наверное. Конечно, ей ни разу не приходилось с этим сталкиваться, но Малиновская почему-то была уверена, что именно такие ощущения должен испытывать человек, проходящий грань между мирами. По возбуждённому шёпоту своих друзей она поняла, что каждый из них ощутил нечто подобное.

Они всё шли и шли, и лес вокруг них неуловимо менялся: все меньше становилось вокруг берёз, рябин и орешника, и всё больше — огромных, прямо-таки исполинских клёнов. В какой-то момент друзья поняли, что лунный свет давно уже потерялся в величественных, похожих на купола соборов, кронах, но вокруг по-прежнему было достаточно светло, чтобы идти вперёд, чтобы различать лица друзей. Это был уже не их лес. Это был совершенно другой, неведомый прежде мир.

Машка начала прислушиваться к разговорам друзей.

— Сильфида сказала нам, что мы станет бессмертными, — говорил Флавиусу Бирюк. — Значит, нас никто уже не сможет убить? И стареть мы тоже перестанем?

Малиновская только сейчас заметила, какой Флавиус огромный: хотя и сам Бирюк был достаточно крепким парнем, их огненно-рыжий спутник казался чуть ли не в два раза шире его в плечах, да и выше уж на целую голову точно!

— Конечно же нет, — отвечал ему Флавиус. — Разве Сильфа не объяснила вам? Этот мир смертен, и всё, что в нем есть, рано или поздно обратится в прах. И вы в том числе. Конечно, ваши раны и порезы станут заживать значительно быстрее, ведь регенерация является одним из приятных побочных эффектов бессмертия. Но если вдруг кому-то вздумается нарушить анатомическую целостность вашего тела, скажем, вам отрубят руку или ногу, то вы все равно умрете. Хотя бы и от потери крови. Также вам будет необходима еда и вода, чтобы поддерживать жизненные силы ваших тел. Единственное внешне заметное для окружающих изменение — это явное замедление старения. Время для каждого из вас практически остановится. И если с вашими телами ничего не произойдёт — при условии, что вы будете регулярно поддерживать баланс жизненных сил — то, да — теоретически вы абсолютно бессмертны.

— Значит, я всё-таки не смогу облить себя кислотой и при этом остаться в живых, — несколько разочарованно произнёс Бирюк.

Флавиус не понял, шутит он или нет, но на всякий случай сказал:

— Нет, конечно нет.

Огромные перекрученные корни клёнов всё чаще стали

вылезать на тропу — приходилось смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. Глядя по сторонам, Машка заметила, что коричневато-серые стволы в несколько десятков обхватов шириной, стоящие вдоль тропы, стали уже напоминать собой сплошную крепостную стену. Изредка среди них что-то мелькало: то ли ветви шевелились сами по себе в неподвижном воздухе, то ли какие-то неведомые существа следили за ними из чащи леса — понять было нельзя. Иногда долетали странные звуки, словно кто-то трепыхался, и сопел, и шевелил кучи листьев в подлеске, но звуки опять-таки были неясными и далёкими — так, еле заметные шорохи и шелесты на самом пределе слышимости.

Пока Мария слегка замедлила шаг, вглядываясь в неясные очертания, её нагнали Сильфида и Антон, шедшие до этого чуть позади, и она уже стала прислушиваться к их разговору.

— Да, смена дня и ночи точно такая же, как и в вашем мире, — говорила Сильфида. — Но даже тогда, когда вы станете бессмертными, я бы не советовала вам бродить по этому лесу в одиночестве. Он полон самых разных существ — опасных и скрытных, добрых и злых, поэтому вы можете столкнуться здесь с чем-то… достаточно неожиданным для себя.

— Они могут нас убить? — спросил Антон.

— Всё будет зависеть только от вас. Просто есть создания, с которыми не хотелось бы встречаться даже мне, — Сильфида произнесла это с явным оттенком неприязни. — Одно из них — Сшитая Дочь…

— Сшитая Дочь?! — в ужасе произнесла Малиновская. — Это ещё что такое?

— Нежеланный ребенок бессмертного Морфиуса, плод запретной любви. С самим Морфиусом вы ещё обязательно встретитесь… когда-нибудь. А этот ребенок — он на самом деле глубоко несчастен. Когда она родилась, вопреки всему, Морфиус приказал убить её, а затем разделил её тело на сорок частей, чтобы она никогда уже не вернулась в этот мир. Но Водяные Демоны, сжалившись над ней, собрали её останки вновь. С тех пор она бродит по этому лесу, заманивая к себе неосторожных путников и пожирая их. Говорят, где-то в глубине непроходимых чащ, среди десяти болот, стоит её дом. Я не знаю. Я никогда не бывала там.

После таких жутких историй Марии стало не по себе: ей начало казаться, что из-за каждого ствола, из-под каждого тёмного провала меж корней за ней кто-то наблюдает. Она поёжилась и прижалась поближе к Антону и Евгену.

Вдвое внимательней прислушиваясь к тому, что происходит вокруг, она снова немного отстала и вздрогнула, когда на её

плечо вдруг легла тяжелая рука. Она не успела испугаться, и в голове только-только мелькнула мысль, что это, наверное, Бирюк незаметно подкрался сзади и решил таким образом над ней подшутить, но когда мгновение спустя Машка перевела взгляд на свое плечо, то с ужасом поняла, что рука эта явно не человеческая: она была тёмной, холодной, скользкой, от неё пахло сыростью и мокрыми опилками.

Она завопила так сильно, как не вопила, наверное, никогда в жизни. Ей казалось, что она уже теряет сознание от страха.

Остальные мгновенно ринулись назад, к ней на помощь. Машка осела на землю, у неё подкосились ноги и закружилась голова.

Откуда-то сверху раздался утробный, густой, слегка растерянный голос:

— Ох, простите меня, юная госпожа! Я совсем не хотел напугать вас!

— О, здравствуй, Клён! — Флавиус помахал рукой. — Ты бы хоть предупредил нас, что не спишь! Не бойтесь, всё в порядке, — успокоил он остальных. — Это всего лишь Старый Клён.

Мария и её спутники подняли свои головы вверх: огромное дерево чуть наклонилось над тропой, шевеля руками-ветками. На каждого из них по очереди внимательно посмотрели мудрые, задумчивые жёлтые глаза, чем-то напоминающие кошачьи.

— Вы не ушиблись? — заботливо спросило Дерево, обращаясь к Маше.

— Н-н-н… нет, — пролепетала Малиновская, поднимаясь с помощью протянутой Антоновой руки и отряхиваясь.

— Простите, я совсем не хотел вас напугать, — повторило Дерево. — Конечно, мне следовало сначала предупредить вас или хотя бы подать голос…

— Вы — энт? — с любопытством спросил Антон.

— Что? — не поняло Дерево.

— Ну, энты… такие деревья, которые могут ходить и разговаривать.

— О, нет-нет, мы никуда не ходим, — проговорил Старый Клён. — Наши корни уходят слишком глубоко в этот мир, чтобы мы могли передвигаться. Но присутствие речи скрашивает эту несправедливость. Они впервые пришли сюда? — спросил он, чуть повернувшись (насколько это было возможно), у Сильфиды. — Или я уже что-то проспал?

— Они первый раз здесь, — ответила ему та. — Так что у тебя ещё будет достаточно времени, чтобы поговорить с ними. А сейчас извини нас, но мы очень спешим. Принесение клятвы не может ждать. До свидания, Клён.

— До свидания! — огромная рука-ветка взмахнула, казалось, до самого неба. — Я очень хочу как-нибудь побеседовать с вами. Со всеми вами, — и, прежде чем его глаза закрылись, мудрый взгляд Старого Клёна на долю секунды задержался на Евгении.

— Пойдёмте, — позвала всех Сильфида.

Они снова зашагали по тропе. Машка, понемногу пришедшая в себя, ещё пару раз обернулась через плечо. Снова уснувший Клён уже было не различить среди остальных деревьев.

— Он здесь один такой? — с любопытством спросил Семён. — Или их целый лес?

— Нет, не целый лес, конечно, — ответил ему Флавиус. — Но они… встречаются. Этот Клён я хорошо знаю, потому что он единственный, который стоит у самой Тропы. Остальные, в основном, растут в глубине леса, особенно там, на западе, — он неопределённо махнул рукой.

Пока они шли, в лесу заметно посветлело, хотя деревья росли всё так же густо — это ночь неохотно уступала место рассвету, уползая в провалы меж тёмных корней.

— Мы почти пришли, — немного взволнованно объявила Сильфида.

Лес кончился внезапно — как будто на земле провели незримую черту. Друзья, стоя у самой кромки лесной полосы, замерли в изумлении; у всех одновременно вырвался вздох удивления — зрелище было неожиданным, поистине фантастическим.

Огромная изумрудно-зелёная долина расстилалась перед ними внизу, в обширной котловине. По ней небольшими группами были разбросаны скопления рябин, но в целом поражало буйство разнообразных цветов: бесконечными пёстрыми покрывалами раскинулись перед ними анютины глазки, нарциссы, примулы, болиголов и львиный зев, маргаритки и душистый табак, маки и уходящие вдаль поля белоснежных ромашек — здесь цвело всё и одновременно. Казалось, что времён года для этого великолепия просто не существовало.

Словно приобняв долину, гигантским полукольцом её опоясывали величественные седые пики высоких гор, чьи снежные шапки начинали блестеть и переливаться в первых лучах восходящего солнца. А у самого их подножия, на мощном, выдвинутом вперед плече самой высокой из вершин, стоял удивительный замок. Чем выше поднималось солнце, тем более величественным он казался — бесконечная громада башен и куполов на фоне иссиня-пепельных гор.

— Добро пожаловать, друзья мои, в Карнимирию — долину рубиновых рябин, — звучно произнесла Сильфида. — А это, —

она указала рукой на замок, — Легендарный Нифльхейм — оплот и надежда Светлых сил. Мало кому из смертных довелось воочию увидеть его. А уж таких, которые бы вернулись обратно и рассказали об этом — и вовсе единицы.

Старые друзья зачарованно смотрели на все это великолепие, не в силах вымолвить ни слова.

Среди золотисто-зелёных черепичных крыш замка даже с такого расстояния чётко угадывался центральный зал — его огромный, возносящийся в утреннее небо стеклянный купол составлял центральное ядро этого удивительного сооружения. От него многочисленными мостами и галереями расходились во все стороны поперечные связки, соединяя его с окружающими башнями, которых было великое множество: от передних — широких и низеньких, по мере приближения к отрогам гор повышалась и высота башен — так, что самые задние из них казались возносящимися ввысь тонкими иглами, поднимая свои точёные шпили на немыслимую высоту. Узкие окна-бойницы выходили на все стороны света, находясь на совершенно разных уровнях, так что понять расположение этажей и перекрытий было достаточно сложно.

Зоркие глаза Евгена различили также что-то вроде рва и связок толстых цепей — очевидно, перед входом в замок располагался подвесной мост. Тонкой паутиной вен вокруг замка разбегалась сеть оросительных каналов, питаемых, как и сам ров, из большого, лежащего по правую руку небесно-голубого озера, кое-где без наличия чётких берегов. Его печальные, вечно-спокойные воды не портила даже лёгкая рябь — поверхность воды казалась идеально гладкой и ровной. Противоположный берег терялся в утренней дымке, и непонятно было, есть ли он вообще.

Между озером и замком, там, где цепь седых гор, ласково обнимающая долину, круто обрывалась вниз стеклянными стенами в побережье, возносился самый высокий из горных пиков — казалось, его вершина пронзала вечное небо, стремясь дотянуться до солнца: уступ налезал на уступ, отрог на отрог, — и так без конца.

Антон внимательно разглядывал гору, любуясь игрою лучей на её снежно-золотистых склонах. Сильфида, проследив направление его взгляда, сказала:

— Это Расстегайна, самая высокая вершина в череде Зеркальных гор. Её ещё называют Сигнальной горой. Говорят, когда Нифльхейму грозит опасность, вершина горы начинает светиться. К счастью, такого не случалось уже множество лет.

Они молча стояли, не в силах отвести взгляд от этой красоты. Внезапно налетевший ветерок, пришедший из долины,

пробежался по их лицам и ушёл гулять вверх, под кроны огромного кленового леса. Листва заволновалась, зашумела, и Маше показалось, что в её шелесте она слышит тонкий, едва уловимый перелив маленьких звенящих колокольчиков.

— Горы! — потрясенно произнесла она. — Но как? Только что мы были в нашем парке, и вдруг такое. Мы по-прежнему в Москве? Или… где мы сейчас?

— Нет, вы уже в иной реальности, — ответил ей Флавиус. — Хотя всё, что вы видите — это тоже часть вашего мира.

— Как такое может быть? — не поняла Машка.

— О, это очень просто, — засмеялся Флавиус и взъерошил себе волосы, отчего они ещё больше стали походить на играющее пламя. — Я сейчас объясню. Представьте себе огромный мыльный пузырь — допустим, это и будет ваш мир. А к нему со всех сторон прилеплено ещё очень много пузырей, только гораздо меньшего размера. У большого, Главного пузыря с каждым из них есть тонкая грань. Через неё-то и можно пройти. В гости, так сказать. Если, конечно, знаешь, куда именно нужно идти. Маленькие пузыри могут кружить по поверхности большого, толкаться, сливаться между собой и даже просто исчезать. Бум! И ничего не остаётся! Главное — чтобы не лопнул самый большой пузырь. Остальные не смогут без него существовать. Когда придёт его черед лопнуть — оставшиеся маленькие миры погибнут вместе с ним. Примерно так. Я понятно объяснил?

— Миры? Вы ведь только что говорили о мыльных пузырях? — напомнил ему Евген.

— В данном случае это одно и то же, — ответил ему Флавиус.

— Безумно занимательная история, — ухмыльнулась Настасья.

— Зато даже Бирюк понял, — Слава сказал это тихо, но услышал каждый.

Все засмеялись, а Вова насупился.

По мере того, как друзья и их проводники снова двинулись в путь, в долину, тёмная громада гор всё более нависала над их головами, заслоняя собой небеса. Идя по дороге, которая из лесной тропинки, петлявшей по лесу, превратилась в широкий, мощёный серым камнем тракт, они с удивлением смотрели по сторонам. Вдоль тракта раскинулись огромные ухоженные поля, которые лишь сверху, со стороны леса, казались идеально зелёным полотном — при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что здесь во множестве растут овощи, зелень и корнеплоды, как на самых обычных человеческих огородах. Среди гигантских кустов картофеля и томатов Маша с изумлением разглядела каких-то мелких человечков, сновавших тут и там с

мотыгами и лопатками. Все они были одеты в коричневое и тёмно-зелёное, и на головах у них были смешные шапки-колпаки. Неудивительно, что поначалу она их не заметила — существа были совсем невысокого роста, а заросли картофеля — просто огромными; по крайней мере, гораздо более высокими, чем те кустики, которые она привыкла видеть у себя на даче.

— Это дварфы, — пояснила ей Сильфида, заметив её заинтересованный взгляд. — Дальние родственники гномов. Они совершенно безобидны. Занимаются своими делами, целый день копаются в грядках.

— Но дварфы же выглядят совсем не так, — начал спорить Евгений. — В компьютерных играх они кузнецы и…

— Может быть, — перебила его Сильфида, — ты лично им скажешь о том, что они не соответствуют твоим представлениям о них? Давай! Я с превеликим любопытством на это посмотрю.

Кое-кто из слушавших разговор заулыбался. Евген не нашёлся с ответом и в порядке компромисса спросил:

— А где они живут?

— В замковых подвалах. Также они заботятся о зерновых хранилищах под горами и готовят еду для кухни. Так что голодными вы не останетесь.

— Это хорошо, — Слава шумно вздохнул, — а то уже есть хочется.

Машка растроганно улыбнулась себе под нос — даже в такие захватывающие моменты жизни Слава не переставал думать о еде.

Наконец они подошли к самым стенам замка, миновав огромный подвесной мост, перекинутый через ров. Громадные петли были вмурованы в основание моста, от которых вверх, к надвратным башням, тянулись могучие, позеленевшие от времени цепи. Сам же ров был наполнен мутной, застоявшейся буроватой водой. В ней плавала тина и остатки каких-то водорослей. Ближе к берегам (там, где глубина рва была ещё не очень большой) цвело несколько десятков кувшинок.

Массивные дубовые двери замка высотою в несколько человеческих ростов и обитые потемневшим, кое-где изъеденным ржавчиной железом, были плотно закрыты, но как только все они подошли ближе, створы ворот распахнулись сами собой. Сильфида, Флавиус, а за ними и все остальные вошли в замок.

Мария ожидала увидеть нечто вроде внутреннего двора, который находился бы под открытым небом — примерно как в классических замках эпохи Средневековья. Но вместо этого перед гостями убегал вдаль огромный, поражающий своими размерами, коридор-галерея.

Они медленно двинулись вперед, пытаясь рассмотреть каждую деталь в этом удивительном сооружении. Пышность дворца и его чертогов, внутреннее убранство залов и комнат поражали воображение. Колонны, поддерживающие своды галереи, словно вырастали из пола, покрытого настолько белоснежными мраморными плитами, что невольно резало глаза, как бывает, когда лучистое солнце играет на утреннем, выпавшем за ночь снегу. В узкие стрельчатые окна, выделанные цветной витражной мозаикой, с трудом пробивался свет, создавая в пространствах между колоннами лёгкий полумрак. Сами же они, вырезанные из цельного тёмно-зелёного малахита, были сделаны в виде огромных стволов деревьев, так что их каменные кроны уходили высоко вверх, поддерживая мощные потолочные балки, украшенные богатой резьбой.

Между могучими колоннами-стволами застыли неподвижными изваяниями белые скульптуры мужчин и женщин. Они были сделаны настолько искусно и натурально, что казалось, будто их одежда вот-вот зашевелится от легкого ветерка, гуляющего в зале, что они неспешно сойдут со своих постаментов. Позы скульптур и их лица выражали глубокую задумчивость, а головы некоторых скрывали каменные капюшоны.

По древним стенам бежали изображения диковинных зверей и птиц, а огромные, потемневшие от бессчетных веков тканые гобелены были богато изукрашены золотом и драгоценными каменьями: на них были изображены рыцари в доспехах, и панорамы сражений и битв давно минувших лет, и огромный, пылающий огненно-красный дракон.

Гулкую тишину величественных чертогов нарушали лишь шаги только что прибывших, да ещё звуки струй трёх огромных фонтанов, располагавшихся по центу друг за другом перед вторыми, не менее массивными вратами в конце галереи.

Друзья миновали фонтаны, и Антон, не удержавшись, слегка коснулся небесно-голубой воды, а затем поспешно отдёрнул руку. На вопросительный Машин взгляд он прошептал: «холодная безумно», а потом всё их внимание обратилось на врата. Они были открыты, и за ними чётко различался новый зал поистине исполинских размеров — дальних стен было почти не разглядеть. Путь туда преграждал могучего сложения стражник в серебряных доспехах с внушительной секирой в руках, от неё в разные стороны расходились четыре острых лезвия с загнутыми вниз крючьями. Он был невероятно огромен (даже выше, чем Флавиус), и бугры мышц и вен проступали сквозь его одежду, растягивая шнуровку на его груди и руках, делая его образ ещё более внушительным. За его могучей спиной словно распахнулось

тёмное марево рока, и лицо его, будто точёное из камня, имело достаточно грозное выражение.

Как только Сильфида и Флавиус подошли ближе, стражник улыбнулся, и грозность его развеялась без следа — глаза его лучились добротой и светом, и стало ясно, что этот гигант не причинит им вреда.

— Доброе утро, Алексис! — Флавиус пожал ему руку.

Сильфида лишь слегка склонила голову, поприветствовав его.

— Алексис — Хранитель ключей и сокровищ Нифльхейма, — пояснила она друзьям. — Когда-то он тоже был простым смертным, но вот уже множество лет несёт свой дозор в стенах Вечной Крепости.

Бирюк, по примеру Флавиуса, тоже протянул ему руку, чтобы поздороваться, на что Алексис рассмеялся (и смех его, многократно усиленный эхом, напоминал раскаты майского грома в ночной тишине), и произнёс:

— С радостью бы пожал вам руку, юноша, да боюсь не рассчитать силы — могу, знаете ли, случайно сломать вам кости.

Вова поспешно убрал руку назад.

— Не обижайся, — Алексис подмигнул ему, — просто я и вправду очень силён. А теперь проходите! — он отступил в сторону, освобождая дорогу. — Никакие стражники и запертые двери не могут помешать тем, кто возвращается в родной дом.

Молодые люди друг за другом проследовали в зал, изредка косясь на Алексиса.

— Симпатичный мужчина, — прошептала Машка Настасье.

— Я бы не хотела себе парня-качка, — немного презрительно ответила ей та.

Малиновская хотела что-то возразить, но не стала, потому что заговорила Сильфида:

— Это Маханаксар, или Чертоги Судеб. Сегодня вы принесёте здесь свою клятву.

Огромный круглый зал, чем-то напоминающий цирковую арену, выглядел достаточно просто и скромно по сравнению с великолепием остальной части замка: стены, выложенные из грубого серого камня, без каких-либо архитектурных изысков, украшений, эмблем и гобеленов, изредка переливались многочисленными вкраплениями минералов и горной слюды в самой их структуре. Тонкие лучики света пронзали лёгкий полумрак, создавая ощущение загадочности и таинственности. По самому периметру стен тускло поблёскивали четырнадцать позолоченных, достаточно больших чаш-подносов, к каждой из которых вели небольшие ступени, сотворяя иллюзию старых цирковых трибун, как в древнегреческих амфитеатрах. Однако

ступени не шли непрерывно между собой, так что к каждому из этих «блюдец», как назвала их про себя Маша, подводила отдельная лестница.

В отличие от остальных комнат и галерей пол в зале был засыпан мелким, изжелта-бурого цвета песком, какой обычно в избытке встречается по берегам небольших лесных речушек и ручьев. В центе зала стояло восемь небольших возвышений-постаментов, чем-то напоминавших кафедры в институте, с которых им обычно вещали преподаватели.

Подняв глаза вверх, Малиновская раскрыла рот от изумления — огромный, немыслимо величественный сверкающий купол раскинулся над их головами, через зеркальные, чуть помутневшие от непогоды и ветров стёкла которого лился водопадами солнечный свет. Она поняла, что это и есть именно тот циклопический свод, который они видели, стоя ещё у самой кромки кленового леса. Если снаружи он был похож, скорее, на половинку куриного яйца, то, смотря на него изнутри, создавалось совершенно иное впечатление: конструкции и центральный каркас купола казались нитями серебристой паутины, сплетённой и наброшенной сверху огромным пауком.

«Мы как будто мухи, попавшиеся в сети этого замка, и обратного пути уже нет» — подумала Машка. Как ни странно, эта мысль почему-то успокоила её — смирившись с неизбежностью, она перестала волноваться, всецело положившись на волю случая.

Её друзья разбрелись по чертогу, с интересом разглядывая все вокруг, пока их не окликнул Флавиус:

— Пожалуйста, подойдите к постаментам в центре зала, — он сказал это негромко, но эхо его голоса, многократно усиленное удивительной акустикой, разнеслось по всем уголкам.

Машка, Антон, Евген, а за ними и все остальные послушно подошли к постаментам. Они оказались достаточно высокими для того, чтобы на них можно было облокотиться или просто положить руки.

— Вам не нужно будет ничего делать, — пояснил Флавиус. — Просто, что бы ни происходило вокруг, не покидайте своих мест, — предупредил он.

Малиновская услышала, как справа от неё облегчённо вздохнул Слава, а слева — очередные комментарии Настасьи:

— А уж я-то думала, что сейчас с чудовищами будем бороться…

Мысль о чудовищах, с которыми им придётся сражаться (очевидно, в качестве испытания) почему-то не приходила Машке в голову, и её мозг начал лихорадочно соображать, рисуя в своём воображении кошмарные картины. Что же вообще будет

происходить вокруг, если, по словам Флавиуса, им захочется покинуть места, на которых они сейчас стоят? Каким образом их будут проверять? Испытывать на страх или боль? Или, может быть, атаковать психологически?

Несколько секунд оглушительной тишины — казалось, в это мгновение замерло само время, и Машка отчётливо услышала гулкие удары сердца в собственной груди, а потом Сильфида воскликнула:

— Они пришли! — и этот возглас, взлетев под самый купол дворца, словно прибавил света, оживив древнюю сокрытую магию дремавших до поры Сил. Вспыхнули укреплённые высоко на стенах факелы, и серо-серебристая пыль, толстыми слоями лежавшая до этого неподвижно на позолоченных чашах-подносах зашевелилась, забурлила, поднимаясь всё вверх, вверх, приобретая очертания человеческих фигур.

Призрачные, молочно-белые, не мёртвые, но и не живые тела. Словно мысленные фантомы далекого прошлого — мужчины и женщины — возникли над каждой из чаш, окидывая взглядами зал и задерживая на доли секунд свои взоры на только что пришедших незнакомцах, словно смотря и не видя их.

Фигуры чуть колыхались в неподвижном воздухе чертога, и их было хорошо видно лишь потому, что лучи света, проходящие сквозь стеклянный купол, не доставали до оснований чаш, теряясь и растворяясь на подходе к ним — так огоньки ночных светлячков прекрасно бывают видны в ночи и совершенно невидимы днём. Один из фантомов, принявших образ женщины (судить было довольно трудно, и лишь особый крой её одежды смутно подсказывал о принадлежность пола) чуть склонился, подавшись вперёд, как бы желая получше разглядеть новоприбывших, и произнёс:

— Приветствую! Мы так долго ждали вас! Пожалуй, даже слишком долго. Мы рады вам! — голос раздавался со всех сторон, как будто говорило сразу несколько человек, и звучал глухо, словно долетая до них издалека, сквозь тьму времён.

Все промолчали, и Мария подумала про себя, не покажется ли это слишком невежливым с их стороны и не примут ли их за грубиянов: вроде как их так сердечно поприветствовали, а они надулись, как мышь на крупу, и не желают отвечать. Она хотела что-нибудь сказать, но ей вдруг почему-то стало очень страшно, и она как будто ощутила себя на лекции, когда профессор Зельдин задает вопрос всей аудитории, а она, хотя и знает правильный ответ, все равно молчит, потому что не хочет показаться всезнайкой и выскочкой.

— Я чувствую ваше волнение, — снова произнесла фигура

над чашей. — Не бойтесь! Ничего страшного не произойдёт. Напротив, это безумно интересно, вы сможете, наконец, узнать всё о своих способностях и перестанете бояться их.

— Мы не боимся, — твёрдо ответил ей Евгений.

— Это радует, Достойный! С тебя мы и начнём, — дымный фантом чуть отодвинулся в тень, и в этот же миг не то из-под пола, ни то откуда-то сверху — понять было невозможно, настолько быстро всё произошло — в Евгена ударил мягкий, широкий луч ярко-красного света. Евген вздрогнул, но остался стоять на месте. Его тело словно тоже стало впитывать этот странный свет, испуская алое свечение.

— Тебе не больно? — в ужасе спросила Настя, стоявшая к нему ближе всех.

— Нет, все… нормально, — Евген с интересом рассматривал свои светящиеся ладони. — Но ощущения довольно забавные. Такое… лёгкое покалывание в теле… знаешь, как будто языком до батарейки дотронулся.

Малиновская облегчённо вздохнула — по-видимому, никаких адских мук перевоплощения в бессмертных пока не намечалось.

В луче красного света, в котором находился Евген, начали проскакивать маленькие алые искорки, какие бывают, когда в костре вдруг неожиданно разламывается сухое полено. У него появилось странное ощущение, будто этот самый луч сканирует его, пробираясь в голову, в самые дальние уголки его сознания. Его словно изучали, чтобы понять, на что он может быть способен. А затем все тот же таинственный голос, доносящийся со всех сторон, произнёс:

— Неплохо, неплохо. Я вижу пламенный дух и желание блистать. Желание показать себя. Я дам тебе власть над самой коварной стихией, которую неосторожные люди много тысяч лет назад пробудили к великой опасности для себя. И великая сила разрушения и обновления поселится навсегда в твоем сердце. Ты будешь владеть Огнём!

Евгений, повинуясь внезапному порыву, протянул руку вперед, и на его ладони вспыхнул раскалённый огненный шар: он крутился в его руке, словно заведенный волчок, рассыпая вокруг себя пылающие красно-оранжевые искры. Со всех сторон послышались изумленные возгласы его друзей. Евген некоторое время молчал, потрясенный, и наблюдал за огненным шаром, а потом произнёс:

— Меня, конечно, трудно удивить… но, ребята, это нереально круто!

Ещё немного постояв и окончательно придя в себя, он убрал руку из-под пламенеющей сферы, но она не погасла, а неспешно

опустилась на каменный постамент рядом с ним.

— Ну что же, продолжим, — это произнесла уже Сильфида. Она махнула рукой, словно провожая кого-то, и молочно-белый фантом, подаривший Жене магию Огня, отодвинулся назад, в тень, став почти неразличимым в атмосфере чертога.

Вместо него с противоположной стороны зала вперед выплыла другая фигура, и в этот же миг небесно-синий свет мягко упал на плечи Антона. Это уже было не настолько неожиданно, и никто из друзей особенно не напугался. Машка подумала, что теперь каждому из них по очереди предстоит пройти этот своеобразный ритуал посвящения, и теперь её снедало любопытство — какой по счёту придет её черед и какую из магий элементов ей предстоит получить в дар.

— Замечательно! Какой чистый, кристальный ум и нестандартность хода мысли! — говорил тем временем Антону второй из фантомов. — Я вижу, муки выбора часто тревожат тебя. Сколько сторон. Сколько граней. Такой же изменчивой может быть лишь великая сила Воды. Только Вода может найти выход из любой ситуации. Как найдёшь его и ты. Глубокие озёра, широкие реки, низвергающиеся с небес ливни — капли дождя будут стучать по дорогам жизни, как стучит и твое сердце.

В луче синего света, освещающего в этот миг Антона, появились кружащиеся водяные капли, и на его ладони, которую он так же, как и Евген, протянул вперед, закружилась тёмно-голубая водяная сфера.

И так же, как и в прошлый раз, дымный фантом растворился в мерцающем сумраке Маханаксара — Чертога Судеб, а другой уже говорил с Анастасией, на которую ниспадали теперь лучи серебристо-серого света:

— Прими моё восхищение тобой! Какая четкая, идеальная красота! Черты твоего лица, словно точеные грани сапфиров, что во множестве лежат в наших сокровищницах. В твоем роду явно были Бессмертные, но ты станешь прекраснейшей из них! Я дарую тебе магию Стекла и Зеркал, чтобы твой неземной лик мог отражаться и множиться во многих гранях. Никто не посмеет обидеть тебя — иначе ему придется отведать острые, как бритвы, кромки стекол.

Настасья ничего не сказала в ответ, но судя по румянцу, вспыхнувшему на её щеках, ей очень понравились комплименты, пусть даже сказанные и не человеком, и в ее ладонях также засветилась, кружась, серебристая субстанция — расплавленное стекло.

Следом за ней белый и желтый лучи окутали собою по очереди Бирюка и Татьяну соответственно. Ветреный Владимир

(женщина-фантом всё-таки назвала его именно так, не став, разумеется, в торжественном обряде посвящения использовать прозвище) получил в свое повеление силу Воздуха, и возможность создавать ураганы и торнадо, так как его дух — сообщили ему — часто будет, мечтая, витать в облаках, нигде не задерживаясь подолгу.

Непредсказуемая Татьяна неожиданно для всех получила в дар магию Электричества, так как «воля её всегда непреклонна, а решения — внезапны, как рокот грозовых туч, и ни к чему ей будут чужие советы и сторонняя воля». Таким образом, она стала невольной союзницей Антона, ведь он теперь мог создавать дождь, а она — молнии. Как потом немного позже с интересом заметила Таня, в зримом мире они оказались связанными юридической наукой, а в незримом — магической. Её любимый Вова потом прокомментировал это в том духе, что «ему теперь не о чем беспокоиться, потому что с таким наставником, как Антон, она явно не пропадет».

Вячеслав, чьим цветом стал карий, получил способность управлять магией Земли, силу Почвы и Грунта. «Воля твоя всегда одинаково тверда, как величественные пики Зеркальных гор, и так же сложно будет побороть тебя, как и разбить камень» — сообщил ему дух из чаши, принявший на этот раз облик зрелого мужчины.

— Характер седьмого подобен стали, в чем кроется неуловимое сочетание прочности и гибкости, и столь же остер будет он на язык, а потому Семёну нет иного, кроме как владеть магией Металла, — сказав это, фантом добавил также, что неизменной при власти над любым Железом и Рудами является способность к магнетизму, что привело Семёна в необычайный восторг. Как он позже шутил на эту тему, «мелочь из чужих карманов можно теперь доставать, не напрягаясь». Его цветом стал серый металлик, из-за чего его магические сферы иногда можно было спутать с серебристо-белыми сферами Настасьи, особенно с дальнего расстояния.

Наконец, когда семеро из восьми друзей уже получили свои великолепные способности, очередь дошла до Маши. Она уже порядком переволновалась и начала думать, не забыли ли про неё совсем.

— Мария! — произнёс восьмой, сотканный из дыма фантом, обретший более четкие очертания над позолоченной чашей прямо напротив неё, так что она могла хорошо его видеть. В этот миг нежно-зеленый луч мягко упал на неё сверху, и вокруг в хаотичном танце закружились изумрудные лукавые искорки, при этом она тоже почувствовала странное покалывание во всем теле,

как и предупреждал Евген.

— Добрая душа и чистота помыслов. Наивность. Мягкость. Добросердечие, — Маше стало даже немного неловко оттого, с каким трепетом произносились эти её качества, потому что она, хотя и признавала их в себе, но всегда относилась к ним более прохладно и воспринимала под общим собирательным названием «слабость», чем нечто такое, чем можно было бы гордиться. — Как прекрасный, по-весеннему распускающийся цветок, — продолжал дух, — я вижу, как в твоем сердце цветут ромашковые поля. Я хочу подарить тебе магию Растений: повинуясь твоей воле, вознесут ввысь свои кроны могучие деревья, и прорастут на бесплодной земле зеленые травы, но милее всех твоему сердцу будут цветы.

Мария, так же как и семь её друзей до нее, протянула руку, которая теперь испускала мягкое салатовое свечение, ладонью вверх и на ней возникло большое округлое семечко, оплетённое зелеными стеблями — они скользили по его поверхности, похожие на диковинных змей. А затем семечко лопнуло, и на песчаный пол Маханаксара посыпались раскрывающиеся тугие бутоны огромных белых ромашек. Машка засмеялась от радости — она получила в дар именно то, чего хотела больше всего, что было ближе всех её сердцу. По-видимому, Силы смогли угадать их сокрытые желания и мысли, затуманенные, как это часто бывает у людей, словесной пеленой. Каждый из них получил то, что более всего соответствовало его характеру, и о чем он в тайне мечтал.

— А теперь все-все-все протяните свои руки вперёд! — в волнительном возбуждении крикнула им Сильфида. Они повиновались ей, и в этот момент в зале стало по-настоящему сумрачно. У каждого из восьми молодых людей в ладонях засветилась его собственная магическая сфера — кто-то снова подобрал её с каменного постамента, как Евген, а кто-то так и держал свою в руках, не отпуская, пока другие получали в дар то, что им было предначертано.

Так или иначе, в этот момент Чертоги Судеб осветили восемь цветов магии: алый шар в руках Евгения рассыпал вокруг себя бордовые искры; с ладоней Антона стекали светящиеся синие капли, падающие туда от его водяной сферы; у Настасьи оказалась одна из самых магически ровных окружностей — стянутое в идеально правильный шар серебристое жидкое стекло было похоже на расплавленное олово. Между пальцев Бирюка гулял маленький снежно-белый вихрь, а на ладони Татьяны дремала, окруженная бледно-желтым ореолом, шаровая молния. В могучих мускулистых руках Вячеслава летали в странном

перемешивающемся беспорядке песок, камушки и земля, образуя причудливую, меняющую свои формы, сферу. В ладони Семёна танцевал расплавленный булькающий металл, и, судя по выражению его лица, он никак не мог отойти от потрясения. Мария же любовалась зелеными змеистыми стеблями, ползающими по её руке, из переплетений которых внезапно, точно взрывающийся попкорн, появлялись гроздья белых ромашек — теперь они уже не падали на песчаный пол, а, немного не долетая до него, рассыпались золотой пыльцой.

Каждый из них смотрел друг на друга и не верил, что это чудо происходит с ним самим и с его друзьями — зрелище было завораживающим и мистическим одновременно. Ведь на самом деле в глубине души все люди на этой Земле любят сказки (хотя некоторые никогда вам в этом не признаются), и тем более уж никто не ожидает оказаться среди главных героев этих самых волшебных историй.

Голос Флавиуса, стоявшего рядом с Сильфидой у одной из чаш, вернул их в действительность, пусть даже и сказочную:

— Теперь, получив способности, вы должны принести клятву. Слушайте! — его голос вдруг изменился: он сделался громче, глубже, и его обычные веселые нотки растворились без следа в торжественном и суровом речитативе:

— Отныне вы — бессмертны! Теперь ваша сила и могущество не могут сравниться ни с кем из людей, и вы должны помнить об этом. Всегда. Никогда не забывайте о том, почему приняли на себя это тяжкое бремя — ибо в день, когда на Землю явится великое Воплощение Зла, вы будете обязаны встать у него на пути и защищать смертных от неминуемой гибели, которая ждёт их, если вы не выполните свой долг. Отныне вы в ответе за судьбу всего Человечества — вы не можете отказаться, сдаться или повернуть назад. Не имеете права. Вы обязаны сражаться до последних сил, пока нелепая случайность или злой рок не предаст ваше бренное тело земле, или пока вы не упадете замертво, в борьбе защищая тех, кого поклялись защищать. Знайте, что, если потребуется, вы без промедления отдадите свою жизнь друг за друга или за любого из смертных, будь он мужчиной или женщиной, ребенком или взрослым, молодым или старым. Самопожертвование — вот то, о чем вы должны помнить всегда. И если предательство не родится в этих стенах, Зло никогда не сможет победить вас. Вы обязаны также защищать Нифльхейм — место, которое отныне станет вашим вторым домом, где вы многому научитесь и обретёте своё новое «я». Нарушивший клятву верности никогда не сможет обрести покой, и душа его не сможет отыскать пристанища, и будет плутать

между небом и землей до конца времен. Он станет тенью, развоплощённым призраком; и будет искать смерть и молить забрать его с собой, а смерть… убежит от него!

В зале наступила абсолютная, буквально осязаемая тишина. Казалось, все были потрясены произнесенными словами, самим их смыслом, и боялись даже дышать.

— Клянетесь ли вы исполнить то, о чем я сказал? — спросил Флавиус. — Стать опорой и защитой этого мира?

И старые друзья, все как один, не сговариваясь, словно заранее зная, что именно нужно сказать, произнесли:

— Клянемся!

И вспыхнул ослепительный белый свет, словно с купола Маханаксара сдернули туманную пелену. Четырнадцать дымных фантомов вздохнули тяжело и вместе с тем облегченно, и растаяли в воздухе, обратясь в обычную пыль — они передали магию тем, кому она теперь по праву принадлежала, и их миссия на этом была завершена — духи погрузились в сокровенные глубины Нифльхейма, чтобы, когда снова наступит время, явиться перед новыми Избранными.

Восемь разноцветных магических сфер взмыли вверх с ладоней друзей и, оставляя за собой искристые шлейфы, пролетели насквозь, прямо через сверкающий купол Маханаксара, растаяв в голубых небесах над острыми, как иглы, шпилями Вечной Крепости.

— Ну что же, друзья мои! — громко возвестила Сильфида. — Отныне вы — Авалон — Братство Бессмертных, призванное защитить Землю от грядущего Зла.

Все вздохнули с облегчением, робко улыбаясь друг другу. Торжественная часть Посвящения — то, чего они больше всего боялись — закончилась. Это было интересно, захватывающе, и совсем не страшно. Молодые люди по очереди спрыгнули с каменных постаментов, обмениваясь впечатлениями:

— Когда Женька начал светиться, — говорила Настя, — Я поначалу так сильно испугалась! Я боялась, что он сейчас загорится.

— А я больше всего боялась, что будет очень больно, — честно призналась ей Машка.

— А когда меня самого первого выбрали, — сказал Евген. — Я сначала подумал: «ну вот, это, наверное, потому, что я начал возражать», а потом даже обрадовался — сразу отмучался и всё, потом только стоял и на остальных смотрел. Но это, честное слово, было безумно интересно!

— Вы все большие молодцы, — улыбнулась подошедшая к ним Сильфида. — Все очень хорошо прошло. Замечательно!

И они бросились обнимать друг друга, и Флавиуса с Сильфидой, при этом чуть не сбив Сильфиду с ног, прямо как и тогда, в квартире у Антона — только теперь казалось, что это было миллион лет назад.

— Я думаю, что все вы сильно проголодались, — сказал Флавиус. — Так что предлагаю пойти и немного перекусить. Хотя, конечно, с этого момента еда вам будет необходима в гораздо меньших количествах.

— Да, я страшно голодный! — признался Слава. — А куда идти-то? — похоже, что перевоплощение в бессмертного нисколько не умерило его аппетит.

И они, покинув Маханаксар, снова зашагали по бесконечным переходам, галереям и лестницам. Теперь, идя по замку, им по пути попадалось гораздо больше мебели и различного убранства. Интерьеры стали разнообразнее: в коридорах висели многочисленные картины и холсты уже самых обычных, не исполинских размеров, на столиках с точеными ножками горели свечи в темных кованых канделябрах. Идя вдоль множества дверей, некоторые из которых были открыты, друзья с любопытством замечали богатую старинную обстановку и группы дварфов, которые что-то мыли, протирали, и вообще бесконечно копошились и хлопотали по хозяйству в каждом уголке замка.

Если первоначально все было несколько помпезно и больше походило на музей (Маша могла бы сравнить здешние интерьеры с обстановкой Эрмитажа в Санкт-Петербурге, в котором ей однажды довелось побывать, когда их в школе возили туда на экскурсию), то теперь все стало как-то милее и ближе сердцу, более, если можно так выразиться, по-домашнему. Они, по-видимому, миновали центральную часть замка и перешли в его жилой сектор.

Наконец они оказались в конце очень длинного коридора, который упирался в новые массивные двери. Двое дварфов, одетые в жёлто-зелёные камзолы, услужливо распахнули перед ними двери и поклонились.

Войдя в зал, Маша и остальные невольно зажмурились — настолько сильно сверкали, ослепляя, его переливающиеся изумрудно-зеленые стены. Приглядевшись, она поняла, что это и вправду драгоценные камни — все стены в этом зале были выложены настоящими изумрудами!

— Это Румынский Зал, — сказала Сильфида. — Красиво, правда? Один из моих любимых чертогов. В особые дни тут проходят торжественные банкеты и званые ужины, а в обычные он используется как простая трапезная.

— А почему Румынский? — с интересом спросил Бирюк.

— Я знаю, в вашем мире есть такая страна — Румыния, — ответила Сильфида. — Но ничего общего с этим залом она не имеет. Просто на древнем языке народа дварфов «румын» означает «изумруд».

В центре чертога стоял длинный стол из полированного цельного массива сосны. Изысканные стулья, обитые синеватым шёлком с причудливыми узорами, стиснутые позолоченными подлокотниками, выглядели очень мило и уютно. Все сели и, взявшиеся невесть откуда всё те же многочисленные дварфы начали быстро накрывать на стол, подавая разнообразные яства на широких тарелках-подносах. Машка и не заметила, как у неё под носом оказалась тарелка с целым набором вилок и ножей. Славик, который сел напротив неё, тут же нахватал себе всякой еды, до которой только смог дотянуться, и начал с неимоверной скоростью запихивать всё это себе в рот.

Маша, какое-то время с удивлением за ним понаблюдав, начала с некоторой осторожностью осматривать содержимое подносов, пытаясь отыскать на них знакомые продукты. Она положила себе немного жареной картошки с луком, а также салат из огурцов, помидоров и зелени, но к мясным блюдам, в том числе лежащим рядом с нею котлетам, притронуться не решилась — мало ли, из чего они могли быть сделаны! Ей почему-то казалось маловероятным, чтобы дварфы разводили коров или свиней (по крайней мере, на окрестных полях она их не заметила), а если эти животные были добыты охотой, то ещё неизвестно, можно ли употреблять в пищу то, что когда-то бегало или прыгало в Кленовом лесу.

Сидящая рядом с ней Настя накладывала себе в тарелку какую-то зелёную жижу.

— Господи, это чего такое? — недоверчиво спросила у неё Малиновская.

— Успокойся, мне кажется, это просто сильно размельчённые листья салата с какими-то специями, — ответила ей Настя и посмотрела на её испуганное лицо. — Да ты не бойся, если бы нас хотели отравить, мы бы все давно умерли. По крайней мере, Славик точно скопытился бы — смотри, сколько он уже сожрал!

Машка взглянула на друга — тот уже накладывал себе вторую тарелку и все ещё явно был голоден. На другом конце стола Сильфида и Флавиус тоже что-то жевали, и это успокоило Машу — в самом деле, не голодать же до самого дома!

— Ну-ка, ну-ка посмотри на меня! — она почувствовала, как рука Насти разворачивает её голову. Настя внимательно осмотрела её лицо и сказала: — Боже, что у тебя с глазами?!

— А что с ними? — Машка в ужасе начала ощупывать лицо,

как будто это могло ей помочь.

— Твои зрачки. Они… они не круглые!

— А какие?

— Они приняли форму крестика!

Остальные, слушавшие их разговор, тоже начали нервничать.

— Эй, посмотри на мои зрачки, — попросила Таня Бирюка. — С ними всё в порядке?

— Ничего себе — у тебя тоже зрачок крестиком стал! — ответил тот.

Все начали лихорадочно рассматривать друг у друга глаза.

— Да что вы так волнуетесь? — немного лениво произнёс Флавиус с другого конца стола. — Всё в порядке. Для бессмертных это обычное дело. Ваша трансформация ещё не до конца завершилась, но завтра к утру — я вам совершенно точно это говорю — у всех будут зрачки в форме креста.

— Зачем?! — Семён негодующе развёл руками.

— Таким образом все Бессмертные могут опознавать друг друга, — спокойно ответил ему тот.

— Прекрасно. А я-то думал, что мы все уже знакомы, — съязвил Семён.

— Вам, можно сказать, повезло, — Флавиус отложил свою вилку в сторону. — Хотя в этом, если быть честными, заслуга Сильфиды. Она разыскала восемь человек — вас — и вы все уже знаете друг друга, потому что вы друзья. Но бывали нередки случаи, когда Авалон приходилось собирать по всему свету, и проходило достаточно много времени, прежде чем они собирались все вместе — где-либо в вашем мире или прямо здесь, в Нифльхейме. Для того чтобы Силы Зла не смогли каким-то образом их (и нас) обмануть, Совет Маханаксара, с которым вы только что познакомились, воплотил в жизнь эту способность для — повторюсь — того, чтобы каждый из Авалона смог узнать своего собрата.

— А что, Силы Зла на такое не способны? — с интересом спросил Антон. — Разве они не могут каким-то образом скопировать сетчатку глаза или изобрести что-либо ещё?

— За последние пять тысяч лет (а именно столько прошло с того момента, как это было придумано), им этого сделать не удалось, — не без гордости сообщил Флавиус.

— Я вот о чем сейчас подумала, — вмешалась в разговор Таня. — Как же мы теперь на людях-то покажемся? Нам теперь что, всю оставшуюся жизнь в темных очках ходить? Ведь это рано или поздно заметят!

— О, нет-нет, — успокоил её Флавиус. — Вся замечательность этой способности в том, что обычные люди

увидеть этого… не смогут. Для простых смертных ваши зрачки по-прежнему будут казаться круглыми, так что все в полном порядке.

Помолчав немного, словно пытаясь найти новые минусы в этой затее, Таня, наконец, сказала:

— Что же… тогда, я думаю, это не так уж и плохо.

Все продолжили прерванную трапезу, а Машка сидела и продолжала разглядывать отражение своего глаза в перевернутой чайной ложке: её чёрный, такой привычно округлый зрачок теперь навсегда принял форму креста.

Когда все, наконец, наелись, Сильфида и Флавиус снова повели их длинными коридорами, и меньше чем через четверть часа они, миновав центральные ворота и подвесной мост, уже шагали знакомой тропою прочь от замка. Пока они проходили сквозь Кленовый лес, Сильфида предупредила их, чтобы они были максимально осторожны и по возможности не пользовались магией в своем мире. И, тем более, — никому ничего не рассказывали и не показывали «фокусы» прилюдно — об этом она просила их особенно настойчиво.

— Конечно, всякое может быть, — говорила она, — Особенно в первое время, пока ещё не завершилось ваше перевоплощение. Однако летающих предметов и прочих чудес быть уже не должно. Да и смертным ни к чему знать ни о магии, ни о том, что вы видели сегодня — помочь нам они всё равно будут не в силах, и только добавят всем хлопот и проблем.

Они заверили её, что будут предельно осмотрительны, но Сильфида — на всякий случай — назначила ответственных за это — Евгена и Антона.

— Они самые старшие и не дадут никому натворить глупостей, — пояснила она свое решение.

— Если сами их не натворят! — не удержался Бирюк.

— В этом случае они будут держать ответ передо мной, — строго сказала Сильфида.

— Вам не о чем беспокоиться, — серьезно ответил ей Антон. — Я прослежу.

Сильфида взглянула на него, а потом на Евгена — тот в ответ лишь как-то неуверенно кивнул.

— Хорошо, — вздохнула она. — Вот мы уже почти и пришли.

Действительно, обратная дорога заняла гораздо меньше времени, чем они ожидали. Совсем скоро сквозь древесные стволы с разных сторон стали проглядывали цветные стены московских многоэтажек, да и утро уже начинало переходить в солнечный, по-летнему теплый день.

— Я вот чего не пойму, — в некотором замешательстве

сообщил Слава. — Мы начали свой путь поздно ночью и пришли в замок почти с рассветом — то есть дорога к Нифльхейму заняла у нас самое меньшее — пять часов. А теперь, идя обратно, мы дошли…

— Да за час мы дошли! — поддержал его Семён. — Ну, за полтора. Как такое может быть?

— Первый путь в Вечную Крепость всегда очень долог, — начала объяснять им Сильфида. — Потому что это — Путь Знаний. Переход от смерти к бессмертию не может пройти совершенно бесследно. Грань между мирами очень тонка и в то же время очень длинна для всякого, кто идет по ней впервые. Но теперь, когда вы все уже стали более частью Незримого мира, чем Зримого, время в пути сократиться и будет проходить незаметнее.

— То есть теперь дорога туда либо обратно будет занимать у нас чуть более часа или около того?

— Вероятно, да, — как всегда в своей загадочно-неподражаемой манере ответила им Сильфида.

Друзья также объяснили ей и Флавиусу, что им нужно продолжать ходить в институт, а некоторым — ещё и на работу, поэтому они не смогут встречаться с ними в будни. А, кроме того, через неделю у них начнутся экзамены (Сильфида не поняла слово «сессия»).

Они договорились, что все снова соберутся в следующую субботу рано утром, и Флавиус предупредил, что тогда же начнется их обучение.

— Ну вот, одни экзамены сдадим, другие — тут как тут, — ворчал Славик. — Как будто мне человеческих экзаменов мало!

— Это хоть поинтересней будет, чем твой сопромат! — Семён похлопал его по плечу.

Наконец они вышли в город прямо к тому месту у границы парка, где оставили машину. Сильфида и Флавиус, попрощавшись со всеми, сели в автомобиль, и черный Форд Сандербёрд взвизгнул колесами и мгновенно сорвался с места, растворяясь в утренней дымке.

— Утро. Воскресенье. Шесть часов, — устало произнес Антон. — Самое время поспать.

Машка только сейчас почувствовала, насколько сильно она устала. Потом вспомнила, что уже к восьми — через два часа — вернётся с дежурства её мама. Очевидно, хорошенько выспаться ей сегодня не удастся.

Глава 6. Через тернии к звёздам…

Наступал унылый московский вечер понедельника. Небо, кажется, само ещё не решило, будет настоящий ливень или нет — мелкий дождик то прекращался, то начинался вновь. Малиновская устало брела по улице домой. Трамвай сломался, и всех пассажиров высадили у метро, а до дома оставалось идти ещё минут пятнадцать, — а если волочиться таким медленным шагом, то и все двадцать пять. Ей ужасно хотелось спать. Хотя она и пребывала в сладких сновидениях большую часть воскресенья, в итоге её бесцеремонно — как она посчитала — растолкала мама и поинтересовалась, что она делала всю ночь, если весь день дрыхнет, и собирается ли она вообще идти на работу.

— Нет, ну кто так спит? — возмущалась Ольга Александровна — Это же мёртвое мясо так спит!

Кое-как разрулив ситуацию с негодующей мамой и с трудом добравшись до работы, ей пришлось столкнуться с неудовольствием Ивана Васильевича: тот не то чтобы был сильно рассержен, но хорошенько её отчитал за прогул и искренне понадеялся, что такого больше не повториться. К тому же ей пришлось сочинять совершенно маразматическую историю о неких дальних родственниках и их проблемах, отчего она якобы не смогла вчера прийти и отработать. Иван Васильевич поверил в это с большим трудом, ну а уж Мишка не поверил тем более, да ещё и обиделся вдобавок, потому что Маша не смогла (а по мнению Миши — просто не захотела) внятно объяснить ему, чем же она занималась и где пропадала. Да и что она могла сказать? Что проходила обряд посвящения в бессмертные в параллельном мире? В конечном итоге все свелось к простой перепалке на кухне их ресторана.

— Я тебя, блин, тут отмазываю, как могу, — орал Мишка. — А ты даже мне сказать не можешь, что у тебя произошло!

— Я тебе кто, чтобы перед тобой отчитываться? Твоя девушка? — Машка к тому времени уже окончательно разозлилась. — Нет? Вот и закрой свой рот!

— Нечего мне рот затыкать! Больше в жизни не буду за тебя заступаться!

— Да, хорошо же ты меня отмазал, что эта сарделька целлюлитная минут пятнадцать мне мозг выносил! — сказав это, Машка тут же заозиралась по сторонам: рядом мог находиться Иван Васильевич, а это грозило ей новыми неприятностями. Но его нигде, кажется, не было.

В итоге настроение к концу дня у неё окончательно

испортилось, да ещё этот ужасный дождь, который и не дождь вовсе, а так — мелкая раздражающая морось. Дойдя, наконец, до родного двора, она бросила сумку на мокрую скамейку и уселась на неё сама. Никакой малышни во дворе не было, и можно было в относительной тишине просто посидеть одной. Домой идти не хотелось — у мамы сегодня был выходной, и она была уверена, что та снова начнёт мучить её докучливыми вопросами. Так она просидела довольно долго, пока в окнах не начали зажигаться первые огни. Она посмотрела на своё светящееся окно, а потом на соседнее, Настькино — оно было тёмным. Где это она шляется, старая коза? — подумала Машка, и через несколько секунд в конце улочки, ведущей к их дому, показалась знакомая парочка. То есть людей этих Маша, конечно, хорошо знала, но ещё никогда в жизни не видела, чтобы они гуляли друг с другом вот так, парой.

Это были Настасья и Евген. В руках у подруги она разглядела три алые, аккуратно завернутые в целлофан розы. А вот это уже интереснее! Они, кажется, были настолько увлечены своей беседой, что заметили Малиновскую только в тот момент, когда уже поравнялись с ней. Евген смущённо помахал ей рукой и, чмокнув Настю в щёку, скрылся в подъезде. Настасья медленно подошла к Машке и опустилась рядом с ней на скамейку. Некоторое время они посидели в молчании, и редкие капельки дождя, барабаня по укрывавшему розы целлофану, навевали тоску. Наконец Настя произнесла: — Вот… Гуляли…

— Вижу, — Машка ещё сама не решила, как ей на это отреагировать. — Все в тайне, в тайне…

Настя посмотрела на её недовольное лицо и, чуть улыбнувшись, сказала:

— Ты на меня обиделась что ли? Что я тебе не рассказала?

— Да я вообще не из-за этого, если честно. Просто устала очень. День был дурной. Ну и, конечно, да: почему я не в курсе?

— Да я сама была не в курсе! — начала оправдываться Настасья. — Представляешь, он сегодня в институте мне так неожиданно предложил — говорит: не хочешь съездить в Царицыно погулять? А там, Маш, так красиво! И фонтаны, и парк, и усадьба эта старинная. Прямо место для влюбленных!

— Для влюбленных, говоришь? Значит как раз для вас!

— Ой, да ну тебя! — отмахнулась Настя. — Не перебивай меня, вообще. Ну и вот: я опешила, конечно, но согласилась.

— Значит вот так вот просто взял и предложил? — Машка хитро сощурила глаз.

Настасья вспомнила про момент с поцелуем, немного замялась и ответила:

— Да. Вот просто так.

— Ну что же, прикольно. Я рада за тебя. Евген, в принципе, парень неплохой. Лоботряс, конечно.

Они обе засмеялись.

— Пошли домой, Маш. Смотри, у тебя уже все волосы мокрые — висят, как макароны. Ты давно что ли тут сидишь?

И подруги, негромко переговариваясь, не спеша направились к своему подъезду.

Оставшиеся будние дни пролетели незаметно и быстро: все были заняты предэкзаменационными хлопотами. Преподаватели старались напоследок донести в ветреные головы студентов крупицы знаний, а те в свою очередь — досдать долги с прошлых сессий, пока не навалились новые. Антон, хотя долгов и не имел, уже сейчас засел за учебники, став на улице редким гостем, поэтому, если вечерами Машка и выбиралась подышать свежим воздухом, компанию ей обычно составляла Настасья или же Таня (если не была занята со своим Вовой делами более интересными). Слава, Семён и Евген обычно пропадали где-то допоздна: иногда втроем, иногда поодиночке в разных компаниях. Тем не менее у Славика дела шли не так плохо (у него было всего пару долгов с прошлого курса), зато у его закадычных друзей ситуация с учебой обстояла не столь радужно. Если Семёну ещё удавалось еле-еле держаться в «середнячках», то Евген умудрился дойти до четвёртого — уже практически пятого — курса с несколькими долгами аж с самой первой сессии, отчего его фамилия периодически появлялась в списках на отчисление. Но, как в своё время мудро заметил Антон: «Никогда не поздно всё исправить, особенно, если знаешь — как».

Хотя — это известно любому студенту — самых верных способов исправления здесь было только два: если уж предмет был совсем ужасный — то оставалось либо вызубрить материал наизусть, либо приготовить шпаргалки, которые должны были быть настолько хитроумными, чтобы преподаватель никогда их не заметил и не разглядел. Маша вообще всегда надеялась пройти в так называемой «первой волне», то есть вместе со всей группой, когда и народу в аудитории было побольше, и внимание «надзирателя» рассеивалось на всех сразу. Однако заготовкой шпор она никогда не занималась, потому что была ужасно неуклюжей, вечно их где-то роняла или теряла, и, по её собственным словам, смогла бы списать только в том случае, если бы преподавателем оказался глухонемой, слепой и парализованный инвалид первой группы. Но таких преподавателей в их институте, к её великому сожалению, не было.

* * *

Утро субботы выдалось прохладным, но солнечным. Машке удалось незаметно выскользнуть из дома, пока её мама ещё спала. Она оставила ей на кухонном столе записку о том, что ушла гулять с друзьями и вернётся поздно, искренне надеясь на то, что мама не будет ей названивать на мобильный. Ещё в прошлый раз Маша обратила внимание, что сеть в окрестностях Нифльхейма была недоступна, чего, в общем-то, и следовало ожидать, потому что её любимый Мегафон вряд ли сумел установить спутниковую антенну где-нибудь среди Кленового леса или Зеркальных гор, тем более учитывая то, что они находились в параллельной реальности. А если телефон любимой дочки окажется недоступен более чем на пять минут, дома Машу будет ожидать невероятный скандал с полным выносом мозга до самого копчика.

Как говорила Ольга Александровна: «Если ты не берёшь трубку, я ещё могу предположить, что ты просто не слышишь звонка, дорогая моя, но когда милая женщина на том конце провода вещает мне, что мобильный отключен, я уже мысленно начинаю вспоминать номер телефона ближайшего морга!»

Поэтому оставить записку любимой мамочке очень даже стоило.

На лестничной клетке её уже ожидала сонная, но довольно весёлая Настасья: пока они спускались вниз по лестнице (потому что лифт в очередной раз не работал), Малиновская узнала причину её хорошего настроения. Оказывается, Насте звонил отец и пообещал, что в следующий понедельник он вернётся домой из Мурманска на целых две недели.

— А это значит, — радостно тараторила Настя, — что двенадцатого июня, в день моего совершеннолетия, он будет здесь. Это самый лучший для меня подарок, Маш, вот честно! Я ужасно по нему соскучилась! Если бы это было в моих силах, я бы никогда не отпускала его в эти плавания. Но я понимаю, у него работа такая. Да и жить без своих северных морей он, наверное, уже не сможет.

Настасья, снедаемая ожиданием долгожданной встречи, прямо-таки лучилась счастьем, и от этого у Маши тоже поднялось настроение.

— Ты уже придумала, где будешь отмечать? — спросила она подругу.

— Пока ещё нет. Есть, конечно, несколько вариантов. Можно, например, в кафе «Кампус» пойти у нас, на Первомайской.

— Да, неплохая идея, — согласилась Малиновская.

— Не волнуйся, как только я определюсь — ты узнаешь об этом первой, — заверила её Настасья.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь!

Так, болтая, они вышли из подъезда во двор. Все их друзья уже были на месте, громко выражая недовольство по поводу их медлительности. В конечном счете выяснилось, что главными опоздавшими оказались не они, а Слава, который появился несколько минут спустя.

— А ещё говорят, будто девочки долго собираются, — не удержалась Татьяна.

— Я ничего такого не говорил, — замахал руками Слава. — Я здесь ни при чем!

Черный Форд, как и в прошлый раз, появился внезапно, словно обладал способностью материализовываться из ниоткуда. Тонированное стекло машины опустилось и Сильфида, не ставшая на этот раз выходить, помахала им рукой.

— Доброе утро! Все в сборе? Ну, тогда рассаживайтесь поскорее!

Друзья по очереди полезли в автомобиль. Флавиус как всегда сидел за рулём. Пока они ехали, Сильфида расспрашивала их, не происходило ли каких-либо странностей за эту неделю.

У Бирюка пару раз летали ложки, Слава расколотил ещё один цветочный горшок и при этом сам не понял, сделал он это случайно или всё-таки с помощью магии, отчего домашние записали его в «цветоненавистники». На этом, в общем-то, все и закончилось.

— Да, никаких особенных происшествий не должно было случиться, — подтвердила их слова Сильфида. — Это значит, что трансформация завершилась успешно и ваши организмы безболезненно вошли в фазу бессмертия.

— Ещё бы они не вошли, — подал голос Флавиус, резко разворачивая Форд на повороте. — Тела-то молодые!

— А что, могли быть сложности? — обеспокоенно поинтересовалась Маша.

— Крайне редко. В основном это выражается в неконтролируемых выбросах магии, как у вас было в самый первый раз — левитация предметов, порча имущества и всё в таком же духе. Но это быстро проходит.

Форд Сандербёрд лихо припарковался на том же самом месте, что и в прошлую субботу, и вот они уже снова шагали под зелеными кронами Измайловского парка. На этот раз им по пути попадалось гораздо больше народу, несмотря на раннее утро: мамы с колясками, бегающие спортсмены, люди, гуляющие с собаками или просто пенсионеры, вышедшие на прогулку, чтобы

подышать свежим воздухом. Машка даже подумала, смогут ли они незаметно пройти сквозь портал при таком количестве народа?

Упрямый Славик пытался засечь время в пути, но все, что ему удалось — это посчитать, что дорога от края леса до поляны с дубами, если идти быстрым шагом, занимала что-то около сорока минут. После того, как они пересекали Грань, стрелки часов начинали беситься, прыгая в разных направлениях, и его расчёты на этом заканчивались.

Тем временем Сильфида рассказывала им о планах сегодняшнего дня:

— В этот раз, — говорила она, — мы приступим к вашему обучению. Я расскажу вам об основах Магии Элементов, а Флавиус, если останется время, научит вас генерации энергии для создания так называемых магических пуль.

При этих словах друзья пришли в возбуждённое нетерпение — всем хотелось поскорее научиться пользоваться магией.

Так, не бегом, но все же достаточно быстро, они дошли до знакомой поляны с огромными дубами, и направились к двум самым внушительным из них.

— Ваше обучение начнется прямо сейчас, — сообщил Флавиус. — Не бойтесь, все будет предельно просто. Вы попытаетесь самостоятельно пройти через портал. Лучше сделать это побыстрее, — он оглянулся по сторонам. — Пока нас никто не видит.

И вправду, народа на близлежащих тропинках не было.

— В прошлый раз мы открыли перед вами Врата между мирами, — продолжил он, — потому что шли первыми, вследствие чего вам не нужно было прилагать никаких усилий. Они просто захлопнулись за спиной последнего из вас, когда вы все прошли в Незримое. Я говорю «захлопнулись», потому что не могу подобрать достаточно точного определения этому процессу, хотя, конечно, на самом деле никаких ворот там не существует — это просто некая магическая субстанция, которая мешает незваным гостям проникнуть внутрь. Что-то вроде чар помех. Сегодня вы пройдете через портал первыми, а мы последуем за вами. Этому очень важно научиться, так как мы, возможно, не всегда сможем сопровождать вас.

— Так что же нужно сделать для того, чтобы пройти? — заинтересованно спросил Евген.

— Это невероятно просто, — улыбнулся Флавиус. — Вам необходимо лишь мысленно представить себе Нифльхейм. Если вы этого не сделаете, вас разорвёт на кусочки.

Все округлили глаза. Татьяна невольно встала поближе к

Бирюку.

— Флавиус! — гневно воскликнула Сильфида. — Ты неисправим!

— Ладно-ладно, шучу! — засмеялся тот. — На самом деле ничего страшного не произойдёт, вы не умрете и не застрянете между мирами. Вы просто пройдет мимо деревьев, так и оставшись в этом лесу.

Малиновская облегченно выдохнула, заметив, как Настасья убирает руку от области сердца.

— Так будет с любым, кто не сумеет пройти? — с некоторой опаской спросил Антон.

— Конечно, — подтвердил Флавиус. — Ты думаешь, смертные, гуляя по лесу, ни разу не проходили между этими дубами? Да они делали это миллион раз! Но, естественно, никуда при этом не попадали, потому что они понятия ни о чем не имеют. Даже если допустить, что вы бы рассказали кому-либо о Нифльхейме — хотя я настоятельно не советую вам этого делать — они все равно бы не смогли туда попасть (по крайней мере, в одиночку), потому что они никогда не видели его! В этом заключается удивительная магия сего портала — чтобы пройти сквозь него, вы обязательно до этого момента должны пройти в него с тем, кто уже хотя бы однажды бывал там, кто посвящен в тайну. Иначе как вы сможете увидеть Нифльхейм?

— Да, неплохо придумано, — согласился Антон.

— Я скажу даже больше, — Флавиус поднял вверх указательный палец, — если вдруг Бессмертный — другой Бессмертный, а не кто-то из нас — попытается пройти в Нифльхейм, до этого не побывав в нем, у него тоже ничего не получится!

— Что значит «другой Бессмертный»? — не поняла Мария. — А… разве мы — не единственные?

— Все дело в том… — начал Флавиус.

— Достаточно, Почтенный, — строго одернула его Сильфида. — Вот перейдем Грань, тогда можно будет поговорить о чем угодно. Но не здесь. А вам я вот что скажу, — она повернулась к Маше. — Вы — единственный Авалон, и только на вас лежит бремя и ответственность. Я обязательно расскажу вам обо всем, но не сейчас и не сегодня. А теперь мысленно представляйте себе место, в котором вы все уже побывали, и проходите между деревьями.

Портал миновали без происшествий. У всех все получилось с первого раза. Машка, проходя, испытала странные ощущения, как будто она вышла из прохладного лифта с кондиционером в душный коридор. Но в целом все было достаточно быстро и не

страшно. Теперь они уже шагали по знакомой дороге среди больших клёнов, и Маша стала замечать вещи, которые не разглядела в прошлый раз: например, то, что от центральной дороги иногда разбегались в стороны более мелкие тропинки, уводящие вглубь леса. Куда они вели, кто знает? Главный тракт все равно угадывался без труда, поэтому заблудиться было нельзя.

Они миновали место, где рос Старый Клён, и пообещали ему, что в следующий раз они уж точно побеседуют с ним подольше.

— Люди всегда такие торопливые, — посетовал Клён. — Даже становясь бессмертными, они все равно постоянно куда-то спешат и бегут. Казалось бы — времени теперь полно! Но — нет, опять суетятся.

Когда они отошли уже достаточно далеко от него, Настя сказала Маше:

— Ты знаешь, этот Клён чем-то напоминает мне мою бабушку — та тоже из дому никуда выходить не хочет, но обожает быть в курсе всех событий.

— Это из Пскова которая?

— Во-во! Она самая!

— Ну, знаешь, Насть, тут немного другое. Бабушка выходить не хочет, а Клён-то — не может. Он же, все-таки, дерево!

— Да, пожалуй, ты права, — подумав, согласилась Настасья. — Надо же ему хоть как-то развлекаться.

Они уже шли по ухоженным полям Карнимирии — Долине Рубиновых Рябин. Чем ближе они подходили к Нифльхейму, тем больше темная громада Зеркальных гор нависала над ними. Маленькие дварфы все так же привычно суетились на своих огородах — очевидно, они встали с первыми лучами солнца. Разглядывая этих забавных существ и грядки с укропом и луком, на которых они копошились, Маша не сразу заметила, что по дороге от замка им навстречу кто-то идёт. Несмотря на яркое солнце и достаточно теплый день, путник был укутан в черный плащ, и на лицо его был накинут черный капюшон. На первый взгляд можно было подумать, что он очень стар, потому что сильно горбился, при этом опираясь на посох. Маше показалось странным, что человек уже почти поравнялся с ними, а ни Сильфида, ни Флавиус никак на это не реагировали, хотя всегда объясняли им все до мельчайших подробностей. Она уже собралась спросить об этом их или кого-то из друзей и заметила, что и остальные с любопытством поглядывают на странного путника.

Наконец, когда они оказались с ним уже практически лицом к лицу, и дальнейшее игнорирование друг друга стало попросту

невозможным, незнакомец остановился сам.

— Приветствую вас, Флавиус и Сильфида! — его голос был сухим и сиплым, как будто после тяжелой болезни.

— Здравствуй! — ответил ему Флавиус, приостанавливаясь.

Сильфида продолжала неспешно идти вперед, как будто и не услышав слов приветствия.

— Я вижу, вы привели новое мясо на убой? — усмехнулся незнакомец, кивнув на ребят. — Превосходно!

У Маши все похолодело внутри. Что он имеет в виду? На какой ещё убой? Но прежде, чем она успела подумать о чем-либо ещё, последовала молниеносная реакция развернувшейся к нему Сильфиды:

— Попридержи свой гнилой язык за зубами, Морфиус! — гневно воскликнула она. — Пока я не отрезала его тебе!

Незнакомец распрямился (оказалось, что роста он довольно высокого) и откинул с лица капюшон. Маша отвела взгляд, смотреть на его лицо было неприятно. Нет, он не был уродцем, но тонкая серая кожа, напоминавшая пергамент и обтянувшая его лысый череп, испещренная непонятными рунами и иероглифами, явно не добавляла ему привлекательности. На лице выделялись лишь желтые, по-кошачьи мистические глаза.

— Рано или поздно они все погибнут, — улыбнулся Морфиус, обнажая тонкие острые зубы. — Или хрустальные сферы не открыли тебе этого?

— Они открыли мне все, что необходимо знать! — с презрением процедила Сильфида. Друзья ещё никогда не видели её такой рассерженной. — Слишком много норова ты проявляешь в делах, которые тебя не касаются, — продолжала она. — Неплохо бы помнить тебе, что только наша доблесть охраняет твои бессолнечные леса!

— Неплохо бы помнить и тебе, — сказал, прищурившись, Морфиус, — что происходит это лишь оттого, что хотя матери наши и разных кровей, отец — одной. Видимо, нежелание держать себя в руках — это наше семейное…

Казалось, из глаз Сильфиды сейчас ударят молнии. Крылья её тонкого носа трепетали, губы сошлись в одну жесткую черту.

— Уходи, Морфиус, — это произнес уже Флавиус. — Нечего тебе здесь делать!

— Ещё свидимся, ребятки, — подмигнул Морфиус друзьям и, снова накинув на лицо капюшон, зашагал прочь.

— Пойдём! — Флавиус потянул Сильфиду за руку. Та неохотно повиновалась.

Через какое-то время Таня тихо, чтобы не услышала Сильфида, спросила у Флавиуса (они как раз проходили

подвесной мост и шум плещущейся воды от дварфов, которые полоскали во рве какие-то тряпки и мешки, немного заглушал её слова):

— Я чего-то не совсем поняла, почему Сильфа так разозлилась? Что значит — «это — семейное»?

— Просто Морфиус — её сводный брат, — так же тихо ответил ей Флавиус. — У них один отец, но разные матери. Как видишь, между ними сложились не столь радужные отношения.

Посмотрев на удивленное лицо Татьяны, он добавил:

— Это очень давнее дело. Никто из нас тогда ещё не был Бессмертным.

— Мне он тоже не очень понравился, — сообщил как обычно идущий рядом с Таней Бирюк. — Странный тип, кто его знает…

— Если уж у них такая неприязнь, разве нельзя выгнать его отсюда, да и всё? — поинтересовалась Татьяна.

— К сожалению, это не в нашей власти, — развел руками Флавиус. — Совет Маханаксара считает его присутствие нужным, а их решения не подлежат обсуждению.

Они миновали подвесной мост, и больше Таня на эту тему говорить не решилась.

Пройдя сквозь центральные ворота замка, Маша подумала, что они снова пойдут по бесконечно убегающей вдаль галерее с резными колоннами, но она ошиблась: вместо этого Сильфида почти сразу же свернула влево, увлекая их за собой, и, миновав несколько дверей и узкий коридор, они вышли к подножию винтовой лестницы. Ступени лестницы, тесно прижимаясь к самым стенам, изящными кольцами поднимались высоко вверх, теряясь в замкнутом пространстве каменного конуса. Очевидно, они оказались в основании одной из многочисленных башен, и теперь им предстоял долгий подъем. Спустя почти десять минут, так и не дойдя до самого верха, их маленькая процессия покинула внутреннюю часть башни и, пройдя через неприметную дверь в стене, друзья неожиданно оказались на открытом воздухе. Теперь они очутились на небольшом мосту, который связывал между собой боковую башню и центральное ядро замка. Вздымающиеся ввысь отроги горных хребтов сейчас находились совсем недалеко, и казалось, что, при желании, их можно достать рукой.

Центральный купол Маханаксара, Зала Судеб, тоже располагался достаточно близко, возвышаясь величественной перевёрнутой полусферой. С моста открывался потрясающий вид на долину Карнимирии, словно убаюканной в колыбели горных кряжей матерью-горой Расстегайной. Теперь, стоя спиной к Зеркальным горам, слева от них виднелись спокойные воды великого Озера, а от ворот Нифльхейма причудливыми петлями

вилась по долине лента древней дороги, уходя в раскинувшийся далеко впереди массив Кленового леса. Где-то там, сокрытый от посторонних глаз таинственной чащей, стоял Портал — единственная связь с их миром.

— Красиво, не правда ли? — чуть улыбнулась Сильфида, вдыхая свежий ветер. — Это одно из моих любимых мест. Я всегда прихожу сюда, если у меня на душе неспокойно.

Никто не рискнул нарушить словом её монолог. Флавиус промолчал, а остальные ещё чувствовали себя несколько смущённо после её перепалки с Морфиусом и не решались ничего говорить. Сильфида, конечно, обо всем догадалась, но возвращаться к этой теме не стала, сказав лишь:

— Пойдёмте. Теперь уже недалеко.

Они зашагали по каменному мосту прочь от башни, вернувшись в бесконечные замковые коридоры, и вскоре оказались в милой, уютно обставленной гостиной. Из всех помещений дворца, где им уже довелось побывать, это больше всего напоминало обычную человеческую комнату. Конечно, ручки диванов и кресел были чересчур резными, а богемная обстановка скорее напоминала собой интерьеры средневековья, но Маша с друзьями так обрадовались хоть чему-то, что отдаленно напоминало им дом (в отличие от огромных холодных залов и сумрачных галерей), что они все тут же начали рассаживаться по многочисленным креслам и пуфикам.

На круглом столе, в большой черной вазе с золотыми завитками, стояли свежесрезанные пионы, из чего Малиновская сделала вывод, что за всеми комнатами следят гораздо тщательнее, чем могло бы показаться на первый взгляд, раз даже дварфы умудряются не только наводить красоту и блеск в интерьерах, но и менять воду и цветы в вазах.

Когда все, наконец, устроились поудобнее, Сильфида сказала:

— Путь был довольно утомительным. К сожалению, другого способа добраться до этой части замка не существует. Не слишком удачная планировка, на мой взгляд… ну да ладно. Все это не имеет никакого отношения к нашему сегодняшнему дню. Теперь, когда мы все здесь, я расскажу вам о том, что интересует вас больше всего — о применении магии.

— Да, расскажите же нам поскорее, как убить всех вокруг! — не к месту ляпнул Семён.

Настя тихо произнесла: — О боже! Таня возвела глаза к потолку.

— Обычно эта сторона вопроса вызывает у слушателей наименьший интерес, — немного растерялась Сильфида. — Конечно, если вы…

— Извините, не обращайте на него внимания! — сказал Антон, и, строго посмотрев на Сеню, покрутил пальцем у своего виска. Семён отмахнулся.

— Так вот, — продолжила Сильфида. — Вернёмся к сути вопроса, который так важен для нас. Магия Элементов — одна из древнейших магических практик. Основных элементов — четыре: огонь, вода, земля и воздух. Остальные магические субстанции проявляются время от времени в различных вариантах — в вашем случае это растения, электричество, стекло и металл. Кроме того, довольно часто возникают так называемые побочные эффекты, или способности.

— Типа бессмертия? — спросил Бирюк.

— Нет-нет, бессмертие я бы назвала скорее обязательным атрибутом, как, кстати, и изменение формы зрачка…

Малиновской снова вспомнилось отражение её глаз в перевернутой чайной ложке. Поначалу она очень испугалась этого и никак не могла привыкнуть, но, удостоверившись, что обычные люди этого не замечают, перестала беспокоиться по сему поводу. Хотя, признаться, ей все ещё было достаточно неуютно, когда она смотрела в глаза Насте или кому-либо из посвящённых в тайну друзей, наблюдая их крестообразные зрачки.

— Я могла бы привести в пример магию металла, — Сильфида кивком указала на Семёна. — Чьей побочной способностью является магнетизм. Должна вам сказать, молодой человек, что вам крупно повезло — вы узнали о своей способности от самих Старейшин, что случается исключительно редко. На моей долгой памяти такое происходило всего пару-тройку раз. Некоторым Бессмертным удается это выяснить лишь случайным образом, я бы сказала — при стечении обстоятельств. Иногда бывает и так, что они не узнают этого никогда. Никто не сможет вам рассказать о ваших способностях до тех пор, пока вы сами о них не узнаете!

— Но как же так! — с некоторым негодованием в голосе сказал Евген. — Может быть, кроме магии огня у меня в запасе имеется ещё нечто невероятное, а я об этом и знать не буду?!

— Теперь вы понимаете, как сильно повезло вашему другу? — улыбнулась Сильфида.

— Да успокойся, было бы из-за чего переживать! — сказал Евгену Сеня. — На мой взгляд, магнетизм — не такая уж и крутая штука. Так, приятное дополнение.

— И все-таки мне кажется, что это жутко несправедливо, — вступила в разговор Маша. — Вот представьте себе: допустим, моей способностью будет… — она на мгновение задумалась. — Воскрешение из мертвых. И что же тогда получается? Я смогу

узнать об этом даре только в тот момент, когда рядом со мной кто-нибудь окочурится, и я попытаюсь его воскресить?

— Да это ещё попытаться надо! — поддержала её Настасья. — Мы же не можем каждую секунду быть настороже — а вдруг у нас сейчас проявится какой-нибудь дар?

— Я вполне понимаю ваше обоснованное негодование, — сказал молчавший до этого Флавиус. — Но, к сожалению, иного способа познания не существует.

— Что же, придётся с этим смириться, — загрустила Маша.

— Да что вы все такие хмурые? — не выдержал Бирюк. — Смотрите на это позитивнее: потом, значит, сюрприз будет!

— Безумно забавно: убили кого-нибудь, а после р-р-раз — сюрприз! — и ты всех воскресила! — шепнула Маше Настасья.

— Кроме того, — не обратив на Настину реплику внимания, продолжала Сильфида, — объем вашей магической силы будет напрямую зависеть от силы физической — то есть чем дольше, чем продолжительнее вы творите магию, чем она более впечатляюща — тем сильнее вы будете уставать. Зрелищность же магических элементов поставлена в прямую зависимость от вашего характера: у людей эмоциональных, более глубоких душой, и сама магия получается более красивой и тонкой, если вы понимаете, о чем я. То есть у человека собранного и дисциплинированного даже простейшая энергетическая сфера будет аккуратнее и геометрически намного правильнее, чем у какого-нибудь растяпы.

— Кто у нас там уже все горшки переколотил? — Семён подтолкнул Славу в бок.

— Сильфа, объясни им поконкретнее о технике применения, — попросил её Флавиус. — Ведь это же самое интересное!

— Да, что нам нужно для этих… как его… магических пуль? — спросил Бирюк. — При посвящении у нас все получилось как-то само собой, и хотелось бы теперь немного получше обо всем разузнать. Как вообще это будет происходить? Вы раздадите нам волшебные палочки и книги заклинаний?

При этих словах девчонки захихикали.

— Вы начитались сказок, мой друг, — Сильфида подошла к окну, разглядывая пейзаж. — Но здесь, к сожалению, далеко не сказка. Вам не понадобятся ни книги, ни тем более волшебные палочки. Вы сами — и только вы! — вот самый главный магический инструмент. Такого понятия как «заклинание» в Магии Элементов не существует в принципе. Чтобы сотворить магию — нужно лишь подумать о ней! Необходимо мысленно представить себе то действие, которое вы хотите произвести,

затем направить ваши руки в нужную точку — и готово! Мозг сгенерирует электрические импульсы, посылая их в ваши руки, а точнее — в кости предплечий. За неделю они уже должны были достаточно видоизмениться, чтобы быть готовыми к подобным манипуляциям. Не волнуйтесь, это никак не отразится на вашем здоровье — единственное, что смогут показать медицинские человеческие приборы — это повышенное содержание кальция в костных тканях, потому что кальций — идеальный элемент для передачи и преобразования магических энергий. Это очень важно осознать — ваши руки заменят вам волшебную палочку или что-либо подобное. Предплечья и кисти рук — вот то, что преобразует ваши мысли в действия. А кости кистей окончательно переводят мысли в магические субстанции — огонь, воду, воздух или что-либо иное. Далее, при сотворении чар очень важна мощнейшая психологическая концентрация — действия подобного рода нельзя осуществить, витая в облаках. Значение играет даже положение рук в пространстве, если быть совсем уж точной — костей. Благодаря этому вы застрахованы от случайного сотворения магии в обычных условиях. Я имею в виду, что даже если вы случайно подумаете о каких-либо действиях, сопряженных с магией, но при этом будете просто, предположим, пить чай, то ничего, разумеется, не произойдет. Осуществляя технику применения чар, вы должны действительно хотеть воспроизвести магическую субстанцию, иначе ничего не получится.

— Но это же просто великолепно! — воскликнул Евген. — Никаких тебе зубрежек десятков заклинаний, никаких дополнительных артефактов, посохов и свитков. Просто подумал — и сделал!

— Для мгновенного и правильного преобразования мыслей в действия вам не обойтись без долгой практики, — напомнил ему Флавиус. — Иногда необходимая синхронизация оттачивается годами.

— И все равно, на мой взгляд — это безумно здорово! — ничто в этот момент не могло погасить эйфорию Евгена.

Остальные вроде как тоже немного воодушевились — по описанию все выходило не так уж и сложно, как представлялось на первый взгляд.

— А что произойдёт, если я подумаю о чём-то слишком глобальном, о том, чего никак не смогу осуществить? — задала новый вопрос Малиновская. — Скажем, заполонить деревьями всю планету? Если магия зависит от моей физической силы, то выходит, что мне придется потратить её столько, что я в итоге умру? Но ведь я теперь бессмертная! Как же быть?

Прежде чем Сильфида успела что-либо сказать, Антон произнёс:

— Ну это, видимо, будет зависеть ещё и от того, насколько быстро расходуется физическая сила при сотворении заклинания, правильно?

— Правильно, — подтвердила Сильфида. — На самом деле Мария задала чрезвычайно интересный вопрос. Если вы будете использовать достаточно простые чары, то совершенно не устанете — скажем, вы же не устаете, когда завариваете себе все тот же чай. Если вы попытаетесь проделать это с помощью магии, силы у вас уйдёт примерно столько же. Это по поводу замечаний Антона. Что же касается вопроса Марии, то дело тут вот в чем: когда ты начнёшь представлять себе мысленно воплощение своей магии — при условии, что её действие начнет осуществляться уже и физически, а для магии такого масштаба нужен очень большой опыт — так вот, силы не оставят тебя мгновенно, как по щелчку. По мере прорастания все новых деревьев тебя, соответственно, будет покидать и сила физическая. Но ведь ты можешь в абсолютно любой момент времени прекратить действие процесса ращения, если вдруг ощутишь, что устала чрезмерно.

— А если не прекращу? Я умру?

— Я полагаю, да. И каждый, — Сильфида по очереди обвела взглядом всех, — должен об этом помнить. Не пытайтесь сотворить то, что вам не по силам! Всегда начинайте с простого. Вы учитесь, и это нормально. Иначе ваши тела, которые состоят из смертной плоти, просто-напросто не выдержат такой нагрузки и обратятся в прах, и никакая улучшенная регенерация тканей вас не спасет. Не стоит пугаться этого, ведь, к примеру, делая посадки на своем огороде, вы же не копаете грядки до тех самых пор, пока не упадете замертво, правда? Как только вы устали — вы отдыхаете. То же самое и здесь. Никакой разницы.

— Хорошо, а мне тогда интересно вот что, — Антон слегка потер нос. — В наши прошлые встречи вы рассказывали о Гитлере, о том, что он был огненным элементалем и…

— Ой, извини, Тош, — я тебя перебью на секунду? — попросила Таня. — А мы теперь тоже можем называть себя элементалями, да? — вопрос был обращен к Сильфиде, но ответил на него Флавиус:

— Да, несомненно. Если это слово вам нравится больше.

— Всё, поняла. Продолжай, Тош. Извини, просто очень интересно было.

— Да ничего страшного, — улыбнулся Антон, видя виноватое выражение Таниного лица. — Ну так вот: Силам Зла ведь тоже приходится сражаться, как, видимо, придётся в свое время и нам.

Если до этого все же дойдет, мне бы хотелось знать, по какому принципу устроены магические поединки? Я ведь не знаю и не могу знать заранее, о чем подумает мой противник и к чему я должен быть готов. Возможно, я не буду знать даже о том, какой магией он обладает. Как же в этом случае я могу отразить его атаку? Да и смогу ли вообще?

— Здесь будет важна твоя быстрая реакция, — Флавиус сжал свою ручищу в кулак. — У тебя все-таки будет несколько секунд, чтобы увидеть в действии магию своего противника. Этим-то временем ты и должен воспользоваться, чтобы суметь создать контратаку и отразить нападение. Конечно, огромную роль сыграет и расстояние между вами — чем ближе, тем, разумеется, меньше времени.

— Мне кажется, что это практически невозможно, — с большим сомнением в голосе произнес Слава.

— Поначалу да! Но путем постоянных тренировок вы будете развивать в себе эту способность. Поверьте, это не так сложно, как кажется на первый взгляд. Опыт придет со временем.

— Вас послушать, так тут вообще все легко! — Настасья как всегда слишком громко сказала то, о чем все остальные лишь подумали.

Машке начало казаться, что она вообще никогда ничему не научится: она и всегда-то была не очень шустрой, даже неуклюжей немного, а тут считать ворон явно было нельзя. Так, чего доброго, её и убьют на поле боя… Ну что же, они все-таки пока не на поле, а может, до этого и не дойдет вообще — успокоила она себя.

— Я полагаю, что разговоров о теории было предостаточно, — решительно сказал Флавиус. — И теперь предлагаю перейти к практике.

— Это что же, прямо вот здесь? — взволнованно спросила Маша, окинув взглядом комнату. Её внимание на секунду задержалось на Тане — та нервно заерзала в кресле.

— Что именно вас смущает? — спросил Флавиус.

— Ну… просто так неожиданно…

— Не стоит бояться. Это ведь будет ваша первая тренировка. Я не думаю, что все получится с первого раза, но на всякий случай я предлагаю всем встать и перейти в правую половину комнаты.

Молодые люди, послушавшись его совета, столпились у противоположной стены под несколькими, развешанными по ней в некоем творческом беспорядке небольшими картинами.

— Что же вы сбились в кучу как перепуганные овечки? — улыбнулась Сильфида. — Отбросьте в сторону все свои сомнения,

сейчас я все объясню. Итак, встаньте попросторнее, — она подошла ближе и начала расставлять их так, чтобы между каждым из них оказалось расстояние вытянутой руки. — Вот так, молодцы! Теперь посмотрите перед собой и выберите себе любой объект, на котором будете концентрировать свое внимание — например, комод, вазу на нем или какой-либо из этих прекрасных стульев. В данный момент это будет ваш воображаемый противник.

Маша, слегка поколебавшись, выбрала себе один из многочисленных стульев, стоявший поближе к двери, и оббитый желто-песочным шёлком. Он был отчего-то поменьше всей остальной мебели, и поэтому ей показалось, что с ним легче будет справиться.

— Закройте глаза, — посоветовала им Сильфида. — Это поможет вам сконцентрироваться и отвлечься от ненужных мыслей, вызываемых зрительными образами.

Друзья поозирались вокруг, проверяя, закрыли ли глаза остальные, и сами по очереди сделали то же самое. Маша, перестав видеть окружающее, действительно ощутила, что так гораздо лучше удаётся собрать свои мысли воедино, когда не отвлекаешься по сторонам.

— Теперь каждый из вас попытается сотворить собственную магическую пулю, — голос Сильфиды медленно перемешался из правой половины комнаты в левую. — Этими пулями нельзя никого убить — по крайней мере с первого раза — так что вам не нужно волноваться по поводу того, что вы причините вред себе или окружающим. Конечно, если вы случайно попадете в кого-нибудь, ему будет не слишком приятно, но это не смертельно. Сосредоточьтесь. Сконцентрируйтесь. Выбросьте из головы все посторонние мысли. Представьте в своем подсознании небольшой, но невероятно быстрый летящий объект — это и будет ваша пуля. Сгусток чистой энергии. Сейчас она рождается в вашей голове, потом по нервным клеткам и сосудам мозга переместиться в мышцы шеи, затем в мышцы плечей и груди, проникнет в кости рук, чтобы в следующую секунду устремиться в пространство сквозь ваши пальцы. Нацельтесь на результат! Представьте, что вы в невесомости, ваше тело идеально и может, словно мысль, полететь туда, куда вы прикажете. Ничего другого не существует — только вы и ваша мысль, которой суждено обратиться в действие, в материальный объект.

Сосредоточиться оказалось невероятно трудно — в голову с удвоенной силой лезли посторонние мысли, и Маша никак не могла сконцентрироваться. Она представила в своем сознании нечто, напоминающее летящую в туманном вакууме волшебную

пулю — некий темно-зеленый конус, от которого в разные стороны расходились дымовые шлейфы, но дальше мыслей дело никак не шло. Очевидно, её друзья испытывали те же самые трудности. Она тихонько приоткрыла один глаз и сквозь ресницы начала разглядывать их напряженные лица. Сомкнув веки снова, она изо всех сил пыталась сделать то, чему учила их Сильфида.

Достаточно продолжительное время ни у кого ничего не получалось. Неизвестно, как долго они пытались сотворить собственную магию — полчаса, час, или, может быть, гораздо дольше. Маша переминалась с ноги на ногу, представляя свою магическую пулю с разных ракурсов и расстояний, иногда чуть-чуть приоткрывая глаза и замечая, как внимательно следят за ними Сильфида и Флавиус. Она уже было начала отчаиваться, как внезапно почувствовала в области шеи какое-то непонятное напряжение, тепло. Оно становилось все горячее, жар стремительно распространялся по плечам и переходил в руки, и Малиновская, боясь даже пошевелиться и спугнуть это невероятное ощущение, с трепетным восторгом начала понимать, что у неё что-то получается!

Мария чувствовала, словно её кровь, сокрытую в венах, что-то толкает изнутри, как будто в её руках несутся вперед стремительные локомотивы энергии, которые вот-вот вырвутся из пальцев. Она немного приоткрыла веки, сначала чуть-чуть, а потом все больше и больше, с восторгом разглядывая свои руки — они снова светились глубоким, внутренним зеленым огнем, как и тогда, в момент принесения клятвы, и между её пальцами сновали шустрые зеленые искорки. Чтобы получше разглядеть создаваемое ею волшебство, Маша начала медленно подносить руку к своему лицу, и тут внезапный грохот и треск разорвали сосредоточенную тишину. Она испугалась и вздрогнула, нехотя расставаясь со своими мыслями и с трудом возвращаясь в реальность: зеленое свечение в её ладонях стремительно угасало, сходя на нет.

Проморгавшись, Малиновская и остальные увидели, что красивый комод из полированного дерева, на который она поначалу не рискнула замахнуться, пылал ярким огнем — он был сильно покорежен и немного сдвинулся в сторону. Никто из друзей поначалу не понял, что именно произошло, пока они не увидели испуганное лицо Евгения.

— Как?.. Как это я так?.. — в ужасе бормотал он. — У меня что, получилось?!

Сильфида, сориентировавшись быстрее всех, подбежала к комоду, пока ещё огонь с него не перекинулся на другую мебель, и протянула руки вперед, словно пытаясь его схватить: из

кончиков её пальцев хлынули морозный воздух и снег, превращающийся в лёд — огонь быстро угасал под натиском холода и, наконец, перестал гореть совсем. Ещё несколько секунд назад здесь бушевало пламя, а теперь с краев столешницы и резных ручек свисали сосульки, покрытые инеем.

— Невероятно! Я и не предполагала, что у вас так быстро все получится! — выдохнула она. — Тем более столь сильно и эффективно!

— Да я и сам… не ожидал, — промямлил Евген. — Извините, я не хотел портить мебель.

— Ничего страшного, это, скорее, наш промах, — Флавиус приобнял его за плечо. — Дварфы все здесь приберут. Просто мы и в самом деле не предполагали, что у кого-то из вас все произойдет так быстро.

— У меня тоже вот-вот получилось, если бы Женька меня не напугал! — пожаловалась им Малиновская.

— На самом деле получилось практически у всех, — ответил ей Флавиус. — Просто ваш друг слишком обрадовался результату и движения его рук привели магию элементов в действие — пульсирующие сигналы сумели преобразоваться в энергию, а она-то как раз и дает соответствующий магический свет. Ну и, конечно, вот что произошло в итоге, — он кивнул на покореженный комод.

— Уф, а я так безумно испугалась, — Таня приложила ладони к лицу. — Я же ближе всех к этому комоду стояла!

— Вы его заморозили, — обратился Антон к Сильфиде. Это прозвучало не как вопрос, а как некая констатация факта.

— Да, ведь моя магия — это Мороз, — в тон ему ответила Сильфида.

— Вы никогда не говорили нам об этом.

— Если быть совсем честной, вы никогда меня об этом и не спрашивали, — Сильфида покосилась на свисающие с комода сосульки, которые уже начали слегка подтаивать в теплом комнатном воздухе. — Зато теперь вы это знаете.

Маша сейчас подумала о том, что ей вообще не приходило в голову, обладает ли Сильфида какой-либо магией или нет. Да, она уже творила при них чудеса, но Малиновская воспринимала их как нечто цельное, не делящееся на отдельные элементы и не подверженное каким-то определенным магическим законам. Для неё это было просто волшебство. Теперь же она начала понимать, что Сильфида не может сделать абсолютно всего, чего ей захочется, потому что она ограничена рамками своего элемента. И тогда Маша попыталась восстановить в памяти всю их историю знакомства с самого начала.

— Сильфида, — спросила она наконец. — Я тут немного подумала…

— Ух ты, не знал, что ты умеешь! — ляпнул Бирюк.

— Вова, прекрати! — Таня толкнула его в бок.

— Ну так вот, — продолжила Маша, не обратив внимания на подколку, — если твоя магия — это мороз, то я припоминаю ещё как минимум два случая твоего волшебства: движением руки ты зажигала свет в моей комнате, а также проходила сквозь закрытую дверь. Если одно из названного — твоя побочная способность, то что же тогда второе?

— Ты невероятно наблюдательна, — и странно было в этот момент видеть на лице Сильфиды выражение крайнего удивления. — Я честно признаюсь вам, что совершенно не хотела никого обманывать: просто все дело в том, что с течением времени ты можешь развивать в себе несколько побочных способностей. Мой главный конек — это прохождение сквозь запертые двери, да и любые препятствия вообще. А зажигание света — это так, знаете ли, приятное дополнение, которому я обучилась из собственного любопытства. Прошу простить меня за то, что не стала вам об этом рассказывать с самого начала. Просто потому, что вторым, третьим и так далее навыкам можно обучиться очень нескоро — не ранее чем через несколько столетий после идеального изучения собственных, базовых навыков. Я просто не сочла нужным перегружать вас лишней информацией, тем более что осуществить все это нельзя будет ещё очень долгое время.

Несколько столетий! — подумала про себя Малиновская. — Сколько же лет ей самой? — но вслух говорить ничего не стала.

— А твоя магия какая? — спросил у Флавиуса Бирюк.

— Наверное, некоторые из вас уже догадались — Огонь, — Флавиус снова взъерошил свои ярко-рыжие волосы. — Так что мы с Евгением, можно сказать, коллеги, — он подмигнул Евгену, который все ещё выглядел несколько растерянным. — Не переживай! Ты из-за комода, что ли расстроился? Дварфы его в один миг починят. Если бы мы знали, что нам достанутся такие способные ученики, мы бы сразу повели вас на стрельбище!

— Стрельбище? Что ещё за стрельбище?! — с опаской спросил Слава.

— Так называется специальная площадка для тренировок, — пояснила им Сильфида. — Она очень большая и там, учась, вам можно будет все ломать и портить, — сказав это, она повернулась к Флавиусу. — Да, не нужно было начинать магические практики в тесно заставленной комнате. Это было ошибкой. Хорошо ещё, что все в пух и прах не разнесли. Ну, теперь уже ничего не

поделаешь.

— Может быть, на сегодня достаточно? — подсказал Флавиус.

— Да, пожалуй, — согласилась она. — Пойдемте!

К тому моменту, пока они снова вышли из Измайловского леса к черному Форду, на улицы Москвы уже опустились ранние сумерки. Машка торопилась сама и торопила остальных: ей ещё нужно было переодеться и ехать на работу — в субботний вечер в маленьком кафе наверняка яблоку негде будет упасть. Следующую встречу также назначили на субботу, потому что в пятницу многим из них предстояло сдавать экзамены, и было бы слишком тяжело после нервного пятничного дня вечером ещё куда-либо идти, ведь дорога до Нифльхейма была все-таки неблизкой.

— В следующий раз мы уже не приедем за вами на автомобиле, — предупредила их Сильфида. — Проблем с прохождением портала ни у кого возникнуть не должно, вы и сегодня прекрасно с этим справились. Помните — просто мысленно представляйте себе Нифльхейм, и без труда пересечете Грань. Мы же будем ждать вас прямо там, у центральных ворот. Думаю, что время за два часа до полудня вполне подойдет. Когда минуете портал, ни в коем случае не сходите с тропы, и тем более поодиночке — лишние неприятности вам совсем ни к чему. Вот, кажется, и все.

Прежде чем Сильфида и Флавиус сели в машину, Бирюк с каким-то благоговейным восторгом в голосе спросил:

— Мы снова будем обучаться технике магических пуль?

— Да, — подтвердил Флавиус. — На стрельбище места побольше, так что там вам будет, где развернуться. Пока, скоро увидимся! — он помахал им рукой и сел в машину рядом с Сильфидой.

Ребята махали им на прощание до тех пор, пока черный Форд Сандербёрд не скрылся за поворотом.

— Интересно, куда они уезжают? — задумчиво произнес Антон.

— Вряд ли они возвращаются в Нифльхейм, — ответил ему Евген. — Иначе бы они вновь повернули обратно в лес, верно?

Молодые люди ещё немного постояли, размышляя над этим вопросом, прежде чем недовольный голос Малиновской вернул их в реальность:

— Ну и чего вы встали-то? Конечно, вам же сейчас не нужно переться на работу! Не хотите — так я и одна до дома дойду.

Антон тихонько вздохнул и улыбнулся. Бирюк скорчил рожу за Машиной спиной, из-за чего удостоился осуждающего взгляда

от Татьяны.

Впереди их ожидала невероятно трудная экзаменационная неделя и новые тренировки в Нифльхейме. Перейдя дорогу, друзья зашагали к дому.

Глава 7. Подарок Кленового леса

Огромная яркая молния рассекла темное, как уголь, московское небо на две пылающие части. Именно в этот момент перепуганная Малиновская успела вскочить в подъезд.

На самом деле у неё было наипрекраснейшее настроение, потому что сегодня, во вторник, ей удалось сдать невероятно трудный экзамен — концепцию современного естествознания, или КСЕ, и она была невероятно довольна и горда собой. Конечно, ей достался не столь сложный вопрос, и — будем откровенными — не так уж и сильно пришлось напрячься, но какое это теперь имело значение, если в зачетной книжке у неё аккуратным почерком профессора Капеладзе стояло идеально выведенное синими чернилами «отлично».

Веселое настроение сменилось легкой паникой лишь десять минут назад, когда, едя в трамвае домой, в стремительно темнеющем небе засверкали яркие молнии, и душный воздух наполнили яростные раскаты майского грома. Машка поняла, что если сейчас не поторопится, то вымокнет буквально до нитки, и такая перспектива её совсем не прельщала. Поэтому, когда трамвай доехал наконец-таки до нужной остановки, она практически галопом понеслась к спасительному дому и успела заскочить в подъезд в самый последний момент — буквально через несколько секунд по асфальту застучали первые тяжелые капли. Грозы она, в принципе, не боялась, но ей не было бы настолько страшно от надвигающейся бури, если бы она ехала вместе со своей любимой Настькой, которая, к великому сожалению, провалила этот экзамен и, безумно расстроившись, уехала, не дождавшись Марии.

Маша нисколько на неё не рассердилась — напротив, очень жалела подругу. У Настасьи бывали такие моменты, когда к ней лучше было не подходить и необходимо просто-напросто дать человеку успокоиться, поэтому Маша не стала её удерживать, почтя за лучшее зайти к подруге вечером или на следующее утро.

Ну а сейчас она стояла в холле первого этажа и никак не могла отдышаться, прислушиваясь, как набирает обороты ливень снаружи.

Безрезультатно потыкав кнопку лифта и совершенно не удивившись тому, что он не подает признаков жизни, Малиновская начала подниматься пешком. Чем больше ступенек оставалось позади, тем сильнее хлестал по окнам дождь. Дойдя до пятого этажа, она плюхнула свою сумку на подоконник и некоторое время просто стояла на лестничной клетке, смотря в

окно: ветер, свирепствуя, сгибал к земле огромные липы, словно сухие тростинки. Через несколько минут ей показалось, что она слышит сверху какие-то негромкие голоса. Может быть, это всего лишь завывание ветра в вентиляционной шахте? — подумала Маша. Но нет, там определенно кто-то был…

Очевидно, вверху, этажом выше, кто-то стоял, но пока она поднималась, невидимые собеседники перестали разговаривать, услышав её шаги, и ждали, пока она пройдёт. А теперь, поскольку какое-то время Маша просто стояла неподвижно, они подумали, что она ушла, и продолжили свой разговор.

— Ты поступаешь опрометчиво, — услышала Малиновская. — Я бы даже мог назвать это глупостью, если бы не знал тебя слишком хорошо.

— Я не хочу ничего продолжать. Я не хочу ничего тебе говорить. Это бессмысленно, потому что…

Остаток фразы утонул в оглушительном раскате грома. Ссорились парень и девушка, и Малиновская вдруг поняла, что мужской голос принадлежит Антону, а вот женский был ей незнаком. Он отдаленно напоминал тембр Сильфиды, но был гораздо более звонок.

— Я не могу освободить тебя от пути, который ты выбрал сам. Ты знаешь, о чем я говорю. И я всегда буду об этом помнить, — кажется, девушка заплакала.

— Напрасно. Ты уходишь, оставляя меня наедине со своими сомнениями, и не хочешь ничего объяснять, — сказал Антон.

— Я объяснила тебе всё уже сто тысяч раз…

— А я так ничего и не понял. Прости, наверное, я такой глупый.

— Глупая — это я, потому что поверила тебе! Я поверила, что у нас все может получиться!

Ослепляющая вспышка осветила полутемную лестницу и новый, ещё более сильный раскат грома сотряс небеса.

— Я ухожу. Прости.

— Постой!

Наверху послышалась какая-то возня, и тут Мария поняла, что кто-то из тех двоих спускается. Да, точно. Торопливые женские шаги. У неё было всего несколько секунд, чтобы успеть, отскочив за угол, вплотную прижаться к стене. Маша не хотела, чтобы её видели. Она не поняла всего смысла разговора, но не сомневалась, что сейчас слышала нечто такое, чего слышать была не должна.

Следом за девушкой побежал и Антон. Очевидно, он перепрыгивал через ступеньки, и его громкий топот сотрясал теперь стены подъезда. Оба пронеслись мимо Малиновской, так и

не заметив посторонних.

Машка снова выглянула в окно и увидела, как худенькая светловолосая девчонка выбежала на улицу, под проливной дождь, и побежала по дорожке вдоль газона, разбрызгивая лужи. Антон догнал её, схватив за руку, и они снова начали о чём-то спорить, насквозь мокрые.

Новая сильная вспышка молнии заставила Машу в ужасе отпрыгнуть от окна, а когда она, переведя дух, посмотрела в него снова, на пустой дороге стоял уже один Антон. Что же ты домой-то не идёшь? — подумала Маша. — Ты же мокрый… заболеешь ещё!

Словно услышав её мысли, Антон развернулся и медленно побрел к дому. Хлопнула дверь в подъезд. Маше хотелось как-то успокоить его, поддержать, но она не знала, не представляла даже, что сейчас может ему сказать, да и нужно ли? Она поспешила скрыться в своей квартире, пока не поднялся Антон и не увидел её тут.

«Это меня не касается. Это слишком личное», — решила Маша.

А буря всё продолжала бушевать над Москвой.

* * *

— Ты чего убитый-то такой? — Евген внимательно посмотрел на Антона.

— Ничего. Просто настроение плохое. — Антон утопил педаль газа в пол, и его серебристая «Ауди» мгновенно сорвалась с места, как только это позволил переключившийся сигнал светофора.

— Господи, да как можно пребывать в плохом настроении, когда ты только что получил автомат на экзамене? — в притворном негодовании воскликнул Евген. — Да тебе не пришлось даже ничего отвечать — просто подошёл к преподавателю с зачеткой — и всё! Плохое настроение сегодня должно быть как раз-таки у меня, потому что свой экзамен я завалил.

— Это оттого, что ты начал готовиться к нему вечером в среду, — буркнул Антон.

— А сегодня какой день?

— Четверг.

— Ну, в таком случае, я скажу тебе по секрету, — Евген хитро сощурил левый глаз, — что я не готовился к нему вообще!

— Обормот! — Антон свернул на боковую улочку (там было

поменьше машин) и резко затормозил перед перекрестком.

— Зато и не обидно, что не сдал, — Евген поморщился. — Не притормаживай так резво, пожалуйста, а то я через лобовое стекло вылечу!

Антон внимательно посмотрел на друга и строго спросил:

— Почему ты не пристегнул ремень?!

— Очуметь, ты что, только сейчас это заметил? Раньше ты всегда обращал внимание на такие вещи. Нет, парень, у тебя явно что-то произошло!

Антон отвечать не стал. Некоторое время они ехали в молчании, нарушаемом лишь ревом мчащихся параллельно с ними машин. Наконец подкатили к дому. Антон, выбирая место для парковки, размышлял о том, действительно ли Евгену по большому счету все равно, чем вызвано его плохое настроение, или он решил отложить этот разговор до более удобного случая? Нет, наверное, я превращаюсь в параноика, — решил он — Женьку, по-моему, абсолютно безразличны подробности моей личной жизни. И даже не стоит пытаться его в это посвящать. Это, например, Машка могла бы до него докопаться и выспросить все, что угодно, или, в крайнем случае, Таня — ну так им и положено — они ж девчонки. Как все-таки хорошо, что Евген никогда и ни во что не лезет — подумал Антон и натолкнулся на внимательный взгляд друга.

— Ты чего?

— У меня тут возникла одна идея, хотел с тобой поделиться. — сказал Евген. — Пойдем вон на ступеньках посидим, потолкуем.

Ступеньками они всегда называли несколько лестниц, которые отходили от торца их дома с противоположной стороны от подъездов. Двери там были наглухо заварены, а сверху вторым этажом нависали балконы, так что получались своеобразные и очень удобные закутки, в которых можно было прятаться от дождя или же просто сидеть и болтать, когда делать было нечего.

— Ну, пойдём, — вздохнул Антон. Все равно идти домой особенно не хотелось. Остаться наедине со своими мыслями — такой вариант его устраивал сейчас меньше всего.

Они вылезли из машины и, пройдя через газон с кустами шиповника и маленькими, недавно посаженными каштанами, уселись на теплую, нагретую солнцем бетонную лестницу. Рядом в песочнице играли дети. Неподалеку прогуливались несколько мамочек с колясками, а их сосед дядя Толя привычно валялся под своим бесконечно ремонтируемым Уазиком — только его ноги в заляпанных краской джинсах торчали наружу из-под автомобиля. Обычный дворовый вечер.

— Я тут вот о чем подумал, — начал Евген. — В этот выходной мы снова отправимся в… ну, в общем, туда… — ему почему-то не хотелось произносить вслух слово «Нифльхейм», но Антон и так понял, о чем идет речь. — Ещё кое-чему научимся. Думаю, месяца через два-три мы будем уже прекрасно владеть магией. А ведь это очень полезная штука. Нужная. Ты был прав, когда сказал, что нам невероятно повезло.

— Вообще-то говорил об этом Бирюк, — напомнил Антон. — А я как раз упоминал об ответственности.

— Это не столь важно, — махнул рукой Евген. — Я просто говорю в том плане, что мы могли бы обучаться не только там. Нам же нужно как-то развиваться, а, на мой взгляд, у нас очень редкие тренировки.

— Ну, это пока. Вот закончится сессия, и времени сразу станет гораздо больше. К тому же ты не хуже меня слышал, что Сильфида просила держать все происходящее в тайне.

— Так мы и будем держать, — подтвердил Евген. — Мы ведь никому не скажем.

— Ты думаешь, что Сильфида об этом не узнает? — с сомнением протянул Антон. — На мой взгляд, она обладает, кроме всего прочего, способностью к чтению мыслей. Хотя, может быть, мне это только кажется. Да и к тому же, как ты себе вообще представляешь магические тренировки в этом мире при том, чтобы они были незаметными? В Нифльхейме у нас будет целое Стрельбище, а где мы будем тренироваться здесь? Да и, честно говоря, я что-то не совсем понимаю, к чему ты клонишь?

— Дружище, не слишком ли много вопросов сразу? — Евген приподнял одну бровь. — Я говорю к тому, что зачем нам вообще Флавиус и Сильфида? Ведь мы уже узнали все, что нам нужно, чтобы сотворить, нужно лишь представить! Трансформация в наших телах окончена, и её нельзя обернуть вспять.

Антон посмотрел на его радостное, светящееся гениальной идеей лицо (такое выражение обычно появлялось у Евгена, когда он начинал рассуждать о чем-то глобальном), и произнёс:

— Так, давай по порядку. Во-первых, мы ещё ничему толком и не научились, чтобы начинать пробовать что-то самим. Во-вторых, Флавиус и Сильфида наверняка расскажут нам ещё массу интересного, и, кроме того, я уж совсем не понимаю, что именно плохого в том, что они нас обучают?

— Просто они, как бы это сказать, диктуют нам свои условия, — честно признался ему Евген. — Согласись, что наше обучение магии неизбежно проходит сквозь призму их сознания, а все это так или иначе взаимосвязано с их видением всего, что есть. Но, если уж быть откровенным, Магия Элементов гораздо

более многогранна, чем они нам её показывают.

— Что может быть многограннее, чем возможность воплотить в реальности всё, о чем только можно подумать? — спросил Антон. — Может быть, ты очень нетерпелив? Я уверен, пройдет время, и они раскроют нам все составные части единого целого.

— Я бы хотел сам решать, что именно мне нужно, а что нет, — твердо ответил Евген. — У меня ведь все получилось. Я знаю, как нужно действовать. С таким даром, как у нас, ни к чему кого-то слушать. Все эти псевдосоветы лишь отвлекают от главного. Послушай, ведь мы могли бы сами диктовать свою волю. Говорить о том, что считаем правильным лишь мы, — он сделал ударение на последнем слове.

Антон внимательно слушал своего друга и не понимал, шутит он сейчас, просто чрезмерно увлекшись идеей некоторого, так сказать, неожиданно приобретенного превосходства над остальными людьми, или же говорит серьезно. Если это на самом деле так, то Женек, кажется, потерял голову.

— Ну и как тебе такая перспектива? — азартно спросил Евген.

— Жень, ты на меня не обижайся, но, по-моему, тебя куда-то не в ту степь понесло, — Антон изобразил пальцами бегущую рябь по воде. — Мы все только начали этот невероятно трудный путь, у нас, по сути, ещё не было даже нормальных тренировок, а ты уже начал поиски некоей собственной тропы. Мы должны быть едины. Иначе я не вижу смысла не только в Авалоне, а и вообще в продолжении нашей деятельности как таковой. Короче говоря, мне эта идея не нравится.

Евген мгновенно посерьезнел, вздохнул и отвернулся.

— Как знаешь, — наконец произнёс он. — Моё дело — предложить, ваше дело — отказаться.

Антону в этот момент показалось, что его друг не то чтобы рассердился, но явно разочаровался. Он, по-видимому, ожидал какого-то другого решения с его стороны. Какого? Антон был уверен, что знает ответ. Но ещё более он был уверен в том, что такой ответ, который ожидал от него Евген, он точно не в состоянии был бы дать.

* * *

Пришло субботнее утро, по-настоящему теплое и солнечное. Хотя дневное светило только-только начинало показываться над крышами домов, протыкая своими тонкими лучами зеленые кроны лип и берез, было уже достаточно жарко, а начинающийся

день обещал быть ещё более душным.

Машин на улицах было немного — в Москве наступало то самое время, когда город в преддверии настоящего лета начинал пустеть, и особенно к выходным, потому что москвичи старались хотя бы ненадолго покинуть раскаленный, задыхающийся в пыли мегаполис. Кто мог, уезжал на дачу, а тем, кому такая роскошь была недоступна, оставалось купаться на озёрах и речках ближайшего Подмосковья.

Когда-то давно, во времена своего детства, Маша с родителями ездила купаться и загорать на Триозёрье — так местные жители называли несколько водоёмов (два больших и один, в стороне, поменьше) сразу за МКАДом, в районе Кожухово. Это было замечательное, беззаботное время. Но с тех пор, как отца не стало, они с мамой больше никогда не бывали там. Ольга Александровна вообще старалась избегать тех мест, которые хотя бы отдаленно напоминали о её муже — она даже вскоре поспешно продала так и недостроенную до конца дачу — и постепенно это настроение частично передалось и самой Марии. Хотя она, конечно, объясняла отсутствие своего желания посещать определенные места другими причинами: сама вода в озёрах, по слухам, стала очень грязной — как только вокруг вознеслись ввысь построенные с нуля кварталы соседнего района Новокосино, народу около прудов заметно прибавилось, и вода в них быстро оказалась загажена, а газоны вокруг — вытоптаны и замусорены.

Малиновская долгое время хотела съездить в Серебряный бор — знакомые говорили, что в верхнем течении Москвы-реки намного чище и там ещё можно купаться, но Настасья без особого энтузиазма восприняла эту идею, а кого-либо ещё Машке уговорить так и не удалось, так что замечательная мечта так и осталась на уровне мечты.

А сейчас Мария не спеша, но все-таки достаточно быстро шла в окружении своих друзей знакомой тропою сквозь лес — Антон и Евген широко шагали впереди, и ждать отстающих явно не собирались.

— Вов, подожди, мне чего-то в туфле трёт, — пожаловалась Таня и остановилась.

Бирюк глубоко вздохнул и тоже встал, однако остальные, боясь отстать, шагу сбавлять не стали. Пока Таня копалась, вытрясая из балетки мелкие камешки, Настя, не боясь, наконец, быть подслушанной со всех сторон, спросила у Машки:

— Слушай, а чего Антон такой сердитый сегодня? Не ждет прямо никого. Экзамен, что ли, завалил? Или мне просто показалось?

— Антон. Не сдал. Экзамен?! — проговорила Машка, делая паузу после каждого слова. — Господи, Насть, да как ты такое вообще могла предположить? Да скорее ядерная война случится, — она слегка улыбнулась. — А если серьезно, то он такой с самого вторника.

— Да чего случилось-то? Почему?

Маша внимательно посмотрела на идущих впереди Антона, Евгена, Славу и Семёна, а затем оглянулась на Бирюка с Таней — те уже догоняли их, но были ещё достаточно далеко, чтобы расслышать детали их разговора.

— Он с девчонкой своей, короче, поругался. Или расстался даже. Я не совсем поняла, честно говоря, — Малиновская кратко пересказала подруге о том, как она стала случайной свидетельницей их перепалки и последовавшей вслед за тем сцены под дождем. — И я поэтому не пристаю к нему особо, не расспрашиваю, — быстро закончила она свой рассказ, потому что неразлучная парочка Тани и Бирюка была уже совсем близко от них.

Настасья, поняв, что её подруга не хочет, чтобы об этом знал кто-либо ещё, но все же не сумев побороть любопытство, шёпотом произнесла:

— Может, тебе просто поговорить с ним?

— На тему?

— Ну, что жизнь на этом не заканчивается и все в таком же духе. Пусть не грустит, — Настя поджала губы.

— Да он и не грустит, он просто злой. Я, говоря откровенно, не уверена, Насть, что он нуждается в таком разговоре. Просто это все будет выглядеть, как бы тебе сказать… Короче, как будто я лезу не в свое дело.

В этот самый момент Антон обернулся, видимо, проверяя, все ли успевают не отставать, и встретился глазами с Машей. Она же поспешно перевела взгляд на подругу. Может быть, ей это только кажется, но в последнее время Антон стал очень чутко реагировать на то, если вдруг разговор заходил именно о нём. Как будто он чувствовал это. Может быть, это усилилось после всего произошедшего с ними, а может, и нет — сейчас она не могла ответить однозначно на этот вопрос.

— Вон, видишь, какая рожа у него каменная, — чуть улыбнувшись, сказала она Насте. — Стоит только подойти — сразу загрызёт.

— Евгена пока что не загрыз, — улыбнулась Настасья в ответ.

Впереди показалась знакомая поляна с дубами. Здесь вышла небольшая заминка — народу в этот день гуляло больше обычного, и им пришлось немного подождать, пока на

ближайших тропинках никого не останется. Антон ревностно следил за тем, чтобы всё проходило идеально и без сбоев. Женька же, как второй, оставленный за главного, как-то тоже больше положился на него: то ли не хотел связываться, то ли ему было немного все равно, заметит их кто-нибудь или нет.

Портал, вопреки опасениям, миновали благополучно. Маша точно так же, как и в прошлый раз, ощутила кожей, будто прошла сквозь некий плотный занавес — и вот она снова вместе со своими друзьями очутилась в ином, теперь уже тоже хорошо знакомом ей мире.

Солнце понемногу начинало подниматься над вершинами Кленового леса, поэтому друзья прибавили шагу, боясь опоздать — их наверняка уже ожидали Флавиус и Сильфида. Сегодня окружающая их реальность (вернее сказать — иная реальность) казалась намного яснее и симпатичнее — в лесу было не пасмурно и хмуро, а очень даже светло. Между замшелых древесных стволов лился солнечный свет, да и сама Дорога, озаряемая лучами, проглядывалась далеко вперед. Зеленая трава, росшая по её краям, в это утро выглядела особенно сочной и изумрудной.

Время в пути проходило быстро за несущественной болтовнёй: иногда Малиновскую о чём-то спрашивала Настя, иногда наоборот, а то она вдруг начинала прислушиваться к разговорам Тани и Бирюка, которые как обычно о чем-то спорили. Они и не заметили, как подошли к месту, где рос Старый Клён.

— Доброе утро, мои дорогие! — пророкотало Дерево. — Рад, очень рад всех вас видеть в добром здравии.

Все поздоровались, а потом Слава спросил:

— Как у вас дела? Вы не устаете вот так вот стоять все время на одном месте?

— Хм… да, в общем, нет. Никогда особенно не задумывался об этом, — в мудрых глазах промелькнула некоторая озадаченность. — К тому же разве у меня есть выбор?

— Пожалуй, что нет, — согласился Славик.

— Мы могли бы об этом побеседовать, — предложил Клён. — Мне безумно интересно наблюдать за ходом мыслей всех, кто может свободно передвигаться и таким образом бывать везде, где ему вздумается. Это ведь так чудесно! Вижу, сегодня вы идёте одни и вас никто не торопит…

— Вообще-то нас уже наверняка ждут, — с легкой досадой сообщил ему Антон — Будет невежливо, если мы опоздаем.

— Да, я вас понимаю, — грустно согласился Старый Клён. Они все уже вроде бы собрались уходить, и тут он добавил, глядя прямо на Машу: — Я ведаю, что вам досталась магия Живых

Растений. Мы теперь в некоторой степени связаны узами родства. Не сочтите за грубость, юная госпожа, просто не могу подобрать достаточно точных слов. Мне бы очень хотелось с вами поговорить.

Перед такой просьбой Маша, конечно же, не могла устоять. Она представила себе, как это должно быть тоскливо и одиноко — целыми днями стоять под ветром, солнцем и дождём, и даже словечком не с кем перемолвиться. Они пришли сюда уже в третий раз, но так и не смогли поговорить с ним нормально, потому что всегда спешат. Ей стало жалко Старого Клёна.

— Ребят, вы идите, — сказала она остальным, — я останусь и немного поболтаю. Думаю, Сильфа и Флавиус не рассердятся на меня.

— Ты чего, разве можно оставлять тебя одну? — округлил глаза Евген. — Сильфида ведь предупреждала!

— Да брось, Евгеш, я же буду с Клёном. Тем более что я не собираюсь забираться ни в какую чащобу, мы просто побеседуем немного — и всё. Я же по этой самой тропе к вам и приду.

— Маш, если с тобой что-то случиться… — начал Антон.

— Ну То-о-ош, — заканючила Машка, — ведь это уже и вправду невежливо, — она покосилась на Клёна. — До замка отсюда совсем близко. Посмотри, там даже виднеется просвет между деревьями, а как только я выйду в долину, вы все меня сразу и увидите. Ну что тут может случиться?

Антон про себя подумал, что в случае чего Старый Клён не особенно-то сможет ей помочь, ведь стоит Маше отойти шагов на пятнадцать-двадцать, и он уже просто не дотянется до неё, если вдруг потребуется какая-то помощь, но вслух говорить об этом, конечно, не стал. Все-таки это и вправду выглядело бы не совсем корректно с его стороны.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Но только, очень тебя прошу, догоняй нас поскорее, ладно?

— Я буквально десять минут, — пообещала Малиновская, — и сразу за вами.

Антон кивнул и вместе с остальными зашагал вперед. Маша ещё успела напоследок заметить немного недовольный и явно не одобряющий эту затею взгляд Настасьи, однако подруга ничего не стала ей говорить. Вскоре компания уже скрылась за ближайшим поворотом тропы.

Без своих друзей Маше стало немного неуютно. Она осторожно переступила с ноги на ногу и посмотрела на Старого Клёна.

— Если тебе страшно, садись поближе ко мне, — произнёс Клён, как будто поняв её опасения. — Не бойся, рядом со мною

тебя никто не тронет.

Малиновская присела на мягкие папоротники и мох, росшие в развилке корней — оказалось очень мягко и уютно. Она как-то сразу успокоилась.

— Поведай же мне, как сейчас выглядит твой мир, — попросил её Клён. — Мне интересна любая мелочь!

И тогда она начала свой долгий рассказ. Они проговорили много раз по десять минут. Клёна интересовало всё: устройство их быта и жизни, их дела и проблемы, как они проводят свое время в этом «до крайности странном», как он выразился, мире, и чем живут. Он просил её снова и снова описывать Москву. Особенно его почему-то интересовали автомобили, и в его древних, как и весь этот лес, глазах, вспыхивали зеленые искорки удивления. Наверное, потому — подумала Маша — что машины наименее похожи на что-либо природное, и ему сложнее всего их представить. А когда она рассказывала про городские бульвары и дворы, Клён очень сокрушался и жалел деревья, запертые в «каменные короба». Должно быть, им там совсем неуютно — говорил он.

Сам же Клён в этот раз говорил мало и всё больше слушал — ведь он мог поведать лишь о том, что происходит в его лесу или вокруг него самого. Наконец Маша поняла, что если она не хочет получить нагоняй от друзей, а также столкнуться с неудовольствием Сильфиды, то ей нужно поторапливаться. Она очень вежливо попрощалась со своим собеседником, напоследок пообещав, что обязательно поболтает с ним ещё, а Клён заверил её, что будет ждать с нетерпением и в следующий раз расскажет очень увлекательную историю о жизни и повадках двух белок, живущих неподалёку отсюда.

Какой он всё-таки чудной, этот Старый Клён, — подумала про себя Маша, уходя, — Мудрый, добрый, и в то же время наивный, как ребёнок. Удивляется обычным вещам.

Перед тем, как тропа резко свернула вправо, Малиновская обернулась и ещё раз помахала рукой. Старый Клён махнул ей в ответ и, глубоко вздохнув, закрыл глаза. Наверное, я очень утомила его своей болтовнёй — решила Машка, шагая по тропе.

Вскоре обнаружился неприятный сюрприз — просвет, про который она говорила Антону, поначалу приняв его за окончание лесного массива, оказался всего лишь небольшой, освещенной солнцем полянкой, а затем Тракт снова нырял в густую тень исполинского леса. Со всех сторон вдруг навалилась гулкая тишина, нарушаемая лишь скрипами деревьев и вздохами ветра в вершинах. Маша старалась идти поскорее, а дорога все никак не хотела кончаться. Она уже начала думать, не свернула ли

впопыхах на какую-нибудь другую тропинку и попыталась успокоить себя тем, что это, скорее всего, было бы невозможно, ведь если от центральной дороги и отходили ответвления, то они всегда были гораздо уже основного тракта. По крайней мере, она не в какой-нибудь чаще, под ногами у неё хорошо видимый путь, и ничего дурного случиться не должно — только и успела она подумать, как услышала ЭТО.

Где-то за её спиной, далеко справа, и все же достаточно близко, громко треснула ветка. Потом ещё и ещё. Через сплетения густых кустов сбоку от тропинки явно пробирался кто-то очень большой. Сердце Малиновской ухнуло куда-то вниз, и в следующую секунду она разглядела огромную буро-коричневую спину, плывущую над кустами. Нечто, поднимая невообразимый шум, приближалось к ней из самого сердца леса, но пока, похоже, не замечало её. Маша в отчаянии повернула голову назад, пытаясь разглядеть Старый Клён, но это было невозможно — она шла уже не менее десяти минут и его, конечно, не только не было видно, но он вряд ли даже услышит её сейчас, если она закричит. Тем более, это только привлечёт к ней ненужное внимание.

Тем временем чудище — кем бы оно ни было — бредя параллельно дороге, вдруг остановилось ровно напротив неё и начало громко сопеть и принюхиваться. Огромная косматая голова поднялась над зарослями ежевики и уставилась на неё. Господи, да это медведь! — стремительно пронеслось в Машкиной голове прежде, чем она кинулась бежать. Громкий хруст ломаемых позади веток говорил ей о том, что животное кинулось за ней. Малиновская неслась вперед со всей возможной для неё скоростью и визжала от страха, а к её воплям примешивался медвежий рёв. Но убежать далеко ей, конечно, не удалось — за несколько огромных прыжков медведь нагнал её и повалил на землю. Она не успела толком ни позвать на помощь, ни закрыться руками, и последней мыслью, промелькнувшей в её голове, была: «ну вот, сейчас я и умру!».

Прошло несколько секунд или даже минут — Малиновская не знала. Она даже не могла понять — на этом она свете или уже на том. Глаза её были плотно зажмурены, и она до смерти боялась их открыть. Понемногу она начала ощущать, что все ещё лежит на земле и ей в спину больно впиваются мелкие веточки, из чего она сделала вывод, что все ещё жива, раз не утратила способности чувствовать и ощущать.

Рядом кто-то тяжело сопел. Она чуть-чуть приоткрыла один глаз и увидела рядом с собою громадного бурого медведя. Он просто сидел и смотрел на неё. Похоже, есть Малиновскую он пока не собирался. Она приоткрыла второй глаз, и тогда медведь

протянул к ней свою косматую морду и лизнул её в щёку. Наверное проверяет, какая я на вкус — решила Машка.

Ещё немного полежав, она медленно и не делая никаких резких движений приподнялась, потом аккуратно подтянула к себе сначала левую ногу, затем правую, при этом стараясь не спускать глаз с медведя. Тот повернул свою голову набок и с любопытством за ней наблюдал. Если он все ещё не захотел меня сожрать, то пора делать ноги, пока он не передумал — решила для себя Малиновская и начала понемногу отползать в сторону. Медведь продолжал сидеть на месте, но как только она немного от него отдалилась, он приподнялся и снова пересел к ней поближе. Машка на мгновение замерла, а потом, поняв, что таким умирающим полу-ползком ей все равно не удастся далеко уйти, решилась, вскочила и побежала вперед изо всех сил. Немного запоздало в её голове промелькнула мысль, что зверь в любом случае догонит её, ведь он бегает гораздо быстрее, и тут в её сознание ворвался чудной вихрь чужих, посторонних мыслей, которые ей совершенно не принадлежали. Далекий, но отчетливо слышимый голос произнёс:

— Почему ты бежишь от меня?

От неожиданности Машка резко остановилась, при этом чуть не упав. Она не могла понять, откуда доносится голос — то ли откуда-то извне, то ли он возникал прямо внутри её головы.

— Я хочу пойти с тобой, — снова повторил голос.

Малиновская, словно поняв что-то, стремительно развернулась. Медведь продолжал сидеть на том же самом месте — похоже, он даже не попытался снова преследовать её. Чувствуя всю нелепость ситуации, Маша набрала воздуха в грудь, затем выдохнула, и, глядя медведю прямо в глаза, спросила:

— Это ты со мной разговариваешь?

— Да, — мгновенно прозвучал ответ в её голове.

— А почему мысленно? Почему ты не спросишь… ну… как обычно?

— Я не умею разговаривать. Я ведь Медведица.

Да. Действительно. Медведи ведь не говорят. Машке даже стало немного стыдно — как будто ей сделали замечание. Хотя, с другой стороны, двадцать минут назад она беседовала с деревом. Мамочки, у меня уже голова идёт кругом от этого странного мира, где деревья разговаривают, а медведи, владея телепатией, делают ей замечания. Постой-ка. Медведица?

— Ты девочка? — спросила Маша и тут же подумала, сможет ли зверь понять такой вопрос.

Медведица просто кивнула в ответ. Потрясающе!

— Значит, ты меня не съешь?

— Что за глупости? Конечно, нет! Я пришла, чтобы тебе помогать, — просто прозвучало в её голове.

— А как тебя зовут? — снова спросила Маша.

— Так, как ты меня назовёшь.

— С ума можно сойти, — пробормотала Малиновская.

* * *

Огромная, усыпанная мелким речным песком площадка у подножия одной из башен Нифльхейма и была тем самым Стрельбищем, о котором рассказывала ребятам Сильфида. Сейчас все они собрались в её южной части, выстроившись в одну прямую линию, а на другой стороне от них стояли на треногах огромные нарисованные мишени, чем-то напоминающие собой гигантские доски для игры в дартс. Сейчас каждый из друзей пытался попасть в цель, сотворив при этом собственную магическую пулю. Сильфида и Флавиус ходили за их спинами, наблюдая, и изредка подсказывали кому-либо или подбадривали их. Последовала яркая вспышка, а следом за ней — грохот.

— Есть! — заорал Евген, вскинув кулак вверх, — на другом конце поля повалилась навзничь очередная мишень, пылая и рассыпая по золотому песку обугленные части своего разрисованного кругляша.

— Вы видели? Видели? — Евген прыгал на одном месте, а потом пустился в дикий воинственный пляс. — Уже четвёртый раз за сегодня!

— Превосходно! — похвалил его Флавиус.

Действительно, у Евгения в этот раз получалось лучше всех. Не отставал от него и Антон — он уже трижды поразил свою мишень, и таким образом Женя опережал его всего на одно попадание. Слава, Семён и Бирюк попали в свои цели по одному разу, причем Славина мишень при поражении отлетела метров на двадцать, не меньше.

— Какой мощный удар! — заметила Сильфида. — А ведь это только первая полноценная тренировка! Знаешь, мне кажется, что при такой силе тебе нужно упирать даже больше не на меткость, а фокусировать своё сознание непосредственно на поражении цели — тогда твоя магия будет обладать ещё и разрывающим эффектом. Посмотри на свою мишень — хотя ты и не попал точно в центр, её все равно разнесло на мелкие щепки.

— Спасибо, я учту, — заулыбался Славик, потирая ладони.

У Татьяны с Настей все тоже было относительно неплохо — они свободно создавали магию, и их пули стремительно неслись

вперед, но, как и у большинства девчонок, у них имелись некоторые проблемы с меткостью, поэтому огромные кольца-кругляши пока что стояли нетронутыми.

— Ничего страшного, — обнадёживал их Флавиус. — Самое главное — вы поняли сам процесс и можете без проблем создавать пули. А уж попадание в определённые точки — это лишь дело времени. Продолжайте, у вас всё обязательно получится!

— Слушай, чего-то Машки долго нет, — сказал Антон Евгену. — Я уже начинаю волноваться.

— Не бойтесь, с ней всё в порядке, — успокоила подошедшая к ним Сильфида. — Она встретила в лесу того, кого не ожидала там встретить. Как интересно порою переплетаются нити судьбы!

— Что вы имеете в виду? — не понял Евген.

— Сейчас вы сами всё увидите, — Сильфида медленно перевела свой взгляд в сторону леса.

Все остальные, слышавшие их разговор, сделали то же самое, и не поверили своим глазам: через изумрудно-зелёную долину Карнимирии сквозь густую траву несся вперёд огромный бурый медведь, а сверху на нём, прямо на спине, крепко держась за загривок, восседала Маша! Друзья раскрыли рты от удивления.

Малиновская подъехала на медведице прямо к Стрельбищу, ловко спрыгнув с её спины на песок. Все были потрясены, кроме, разумеется, Флавиуса и Сильфиды, которые по одним им ведомым источникам, очевидно, всё уже знали заранее. Славик с нескрываемым удивлением разглядывал на песке огромные отпечатки медвежьих лап, а потом произнёс:

— Это… это чего? Это кто?

— Познакомьтесь, это — Пончик! — весело сообщила Малиновская.

— Кто? — переспросил у неё Семён.

— Пончик. Она — медведица, — пояснила Малиновская.

— Ну это мы как бы заметили, — осторожно констатировал Евген.

— Господи, Маш, где ты её раскопала? — Настасья, казалось, была потрясена больше всех.

— Мы встретились в лесу, — начала рассказывать Маша. — Честно говоря, поначалу я очень испугалась (при этих словах она слегка улыбнулась, вспоминая, как с воплями неслась вниз по тропе — разумеется, эти подробности можно и опустить), но потом мы поладили. Она такая милая, правда? — при этих словах Машка приобняла Пончика за шею.

— Машуль, ты как всегда непредсказуема, — заулыбался Антон. — Мы просто, мягко говоря, удивлены. Так, значит, ты

специально задержалась в гостях у Клёна? Ты уже знала?

— Да нет, что ты! — махнула Маша рукой. — Я же говорю, всё вышло совершенно случайно! У меня всё в жизни так происходит, — кивнула она, — всегда.

— Она довольно симпатичная, — заметил Бирюк, разглядывая медведицу.

Пончик приподнялась на задних лапах, мгновенно став в два раза выше, и оглушительно взревела.

— Ой, мамочки! — Танька испугалась и спряталась за Вовину спину.

— Не бойся, Танюха! — засмеялась Малиновская. — Она просто сказала твоему парню «спасибо».

— В смысле «сказала»? — не понял Антон. — Это ты сейчас предположила или как?

— Как бы тебе объяснить… понимаешь, у нас с ней какая-то особенная мысленная связь. То есть я не только улавливаю её эмоции, как это обычно происходит, например, с домашними животными, но и реально понимаю, что она мне говорит. Я ничего не придумываю, честное слово! — воскликнула Машка, глядя на появившееся скептическое выражение на лицах своих друзей.

— Разве такое может быть? — не поверил Семён.

— Я думаю, вы забываете, — сказала Сильфида, выходя вперед, — Что до недавнего времени Мария ещё не знала о своей способности. Но сегодня ей, кажется, повезло.

— Так это мой дар? — удивилась Машка. — То, что я могу её понимать — это мой дар?

— Осмелюсь предположить, что не только её, — заметила Сильфида. — Иначе, на мой взгляд, это было бы слишком узкой, так скажем, специализацией. Думаю, что речь идёт о животных вообще. Теперь ты можешь понимать их язык. Хотя, разумеется, я могу и ошибаться. Но советую тебе проверить мою теорию.

— Ух ты, но ведь это же так классно! — обрадовалась Малиновская. — Жаль только, что у меня нет домашних животных. Танюха, придётся проверить на твоём хомяке!

— Хорошо, — Таня, похоже, уже отошла от первого испуга. — Поэкспериментируем как-нибудь.

— Все на чтение хомяковских мыслей! — проскандировал Бирюк.

Остальные засмеялись.

— Слушай, а можно её погладить? — с опаской и любопытством спросил Семён, косясь на медведицу.

— Да, я думаю Пончик будет не против, — согласилась Маша. — Правда, моя хорошая? — она потрепала медведицу по

голове.

Пончик ткнулась мордой ей в лицо и тихонько фыркнула. Похоже, она не возражала.

Все начали осторожно подходить к медведице, гладить её по бокам и запускать руки в длинную бурую шерсть. Пончик прилегла на теплый, нагретый солнцем песок, чтобы ребятам было удобнее её чесать.

— Почему именно Пончик? — с интересом спросил Антон, почесывая медведя за ухом. — Странное какое-то имя.

— И ничего не странное, — возразила ему Малиновская.

— Тем более она же медведица, а Пончик, скорее, мужское имя. На мой взгляд, ей бы подошло что-нибудь цветочное.

— Это моя медведица! Я буду звать её так, как захочу! — рявкнула Малиновская.

— Да ради Бога, чего орать-то? — улыбнулся Антон.

Тренировка была на время забыта, потому что всем хотелось погладить Пончика — никто из них, естественно, никогда не трогал вот так запросто настоящего живого медведя.

— Как ты думаешь, почему зверь выбрал именно меня? — спросила Маша, обращаясь к Сильфиде. — Почему всё произошло так, как произошло? Она хотела помочь мне раскрыть свой дар?

— Это как раз один из тех немногих вопросов, на которые я не могу ответить наверняка, — Сильфида просто пожала плечами. — Это подарок леса. Дух из его глубин, заключенный в тело огромной медведицы. Береги её.

Маша ещё сильнее прижалась к Пончику.

— Я вижу, Мария, у меня появилась серьёзная конкурентка в числе ваших подруг. — пошутила Настасья.

— Ой, Настька, брось! — махнула рукой та.

Остаток тренировки в стрельбе по мишеням прошёл быстро и сумбурно — никто больше не попал ни единого раза, потому что все постоянно отвлекались на медведя. Малиновская так и вообще бросалась к «моей ненаглядной Понче» каждые полминуты, проверяя, всё ли у неё в порядке. Медведица же просто сидела на песке невдалеке от них, внимательно наблюдая за стараниями ребят поразить мишени.

Потом они пообедали, потому что Алексис притащил им из замка две громадные корзины с едой. В них были разные вкусности, в том числе медовые лепёшки, орехи, горшки с сушёными фруктами и три кувшина с чистой водой, чтобы утолить жажду. Сам Алексис, несмотря на тёплый день, все так же был закован в сверкающие доспехи, а на вопрос Бирюка о том, не жарко ли ему, ответил, что ему «никогда не бывает жарко».

Когда же, спустя довольно продолжительное время, все

наелись, и пришла пора уходить, Сильфида и Флавиус сказали им, что сегодня останутся здесь и провожать их не будут.

— Тем более, — добавил Флавиус, — у вас теперь есть такая сильная и надежная охрана, — имея ввиду Пончика.

Новую встречу, по уже сложившейся традиции, также назначили на субботу — впереди была последняя неделя сессии, после чего все они, наконец-таки, могли быть полностью свободны.

— Когда мы сдадим все экзамены, то сможем гораздо чаще, чем раз в неделю, сюда приходить, — объяснял Антон Сильфиде. — Потому что нам уже не нужно будет ни к чему готовиться и ничего учить, и станет гораздо больше свободного времени.

— Да кое-кто и сейчас себя не особенно утруждает подготовкой, — тихонько сказала Настя так, чтобы слышал только Евген.

Тот в ответ показал ей язык.

— Хорошо, — согласилась Сильфида. — Чем больше времени вы будете посвящать тренировкам, тем более я буду за вас спокойна. Хотя, я думаю, у нас пока ещё есть некоторое время. Но это пока. До свидания, мои дорогие, и — будьте осторожны.

Друзья пустились в обратный путь, а когда добрались до границы Кленового леса, то обернулись, чтобы ещё раз посмотреть на замок. Флавиус и Сильфида всё ещё стояли на Стрельбище и махали им руками. Помахав на прощанье в ответ, компания двинулась дальше. Все, как обычно, шли пешком, а Маша в этот раз ехала на спине у своей обожаемой Медведицы под шутливые комментарии Евгена о том, что она хорошо устроилась.

— Хватит бурчать, залезай ко мне, если хочешь, — предложила ему Малиновская.

— Нет уж, спасибо, я как-то не привык на зверях разъезжать, — отказался Евген.

Пончик повернула голову и громко фыркнула ему в лицо. Все покатились со смеху.

Они миновали Старого Клёна, который уже спал крепким, глубоким сном, а потом подошли к Порталу.

— Маш, я надеюсь, ты понимаешь, что мы не можем взять Медведицу с собой, — напомнил Антон Малиновской. — Она ведь всё-таки в лесу живет. Здесь её дом.

— Да, так жалко, — грустно произнесла Мария, обняв Пончика за шею. — Я бы с удовольствием её забрала. Но, наверное, нельзя.

Пончик, похоже, и сама это прекрасно понимала. Она

медленно присела, и Машка аккуратно скатилась с её спины. Медведица ткнулась своим холодным носом в её правую щеку и что-то проворчала.

— Она говорит, что будет ждать меня и очень скучать, — пояснила Малиновская остальным.

Маша потрепала свою любимицу по голове, и затем та, сойдя с тропинки куда-то в сторону, скрылась в густых, труднопроходимых зарослях ежевики, росшей здесь вдоль тропы. Ещё какое-то время до них доносился треск ломаемых кустов, а потом всё стихло.

— Ой, сумасшедший день, — Настя приобняла Марию за плечо.

— И не говори, — вздохнула та в ответ.

И так, обнявшись, они вместе с остальными прошли сквозь портал обратно, снова очутившись в Измайловском лесу.

* * *

Примерно через сорок минут, распрощавшись со всеми друзьями, Антон, Маша и Настя, уставшие, но довольные результатами очередного похода, поднимались пешком к своим квартирам, потому что лифт опять не работал. Как не без иронии заметила Настасья, раз у них сложилась традиция ходить на магические тренировки по субботам, то их лифт, по-видимому, тоже выработал свою традицию — по этим самым субботам не работать.

Они дошли до пятого этажа и уже начали прощаться с Антоном, и тут Машка всё-таки решилась. Как будто что-то щелкнуло в её голове — она не знала, почему это так важно для неё, но почувствовала, что просто обязана об этом поговорить.

— Насть, ты иди, — махнула она подруге рукой. — Мне тут нужно… кое-что сказать Антохе.

— Я поняла, — Настасья многозначительно кивнула и скрылась за дверью. Похоже, она и вправду догадалась о теме предстоящего разговора и тактично удалилась, чтобы им не мешать.

Антон недоумённо посмотрел на Малиновскую.

— Тошенька, ты только, пожалуйста, не бесись, — начала Маша издалека, — я просто хочу кое о чем с тобой поговорить.

— Давай, я тебя слушаю, — Антон приподнял брови.

— Ты, ради всего святого, не подумай, что я лезу не в своё дело, хотя, возможно, это сейчас именно так и будет выглядеть. Просто я вижу, как тебе тяжело, и… — в этот момент её глаза

встретились с глазами Антона.

Это длилось лишь несколько коротких мгновений, но Маша вдруг почувствовала нечто вроде легкого толчка в своё сознание, а потом перед её взором стремительно пронеслись цветные, нереально яркие картинки, в том числе и та, четырёхдневной давности, когда она, стоя почти на этом самом месте, стала невольной свидетельницей другого, не слишком приятного для её друга разговора.

— Ты все видела и слышала. Как мы ругались, — это был не вопрос, это было утверждение.

Лицо Антона мгновенно стало жёстким, а его черты — острыми и напряженными. Малиновская сначала заметно опешила от такой чересчур стремительной сообразительности, а потом вдруг догадалась:

— Ты прочитал мои мысли?

— Какое это имеет значение? — раздражённо спросил Антон.

— Да или нет?

— Допустим, да. Это что-то меняет?

Машка похлопала глазами, а затем немного сконфуженно произнесла:

— Ну, это немного нечестно… тебе не кажется?

Антон промолчал.

— Получается, ты знаешь, о чем я думаю, но я-то не обладаю такой привилегией. Ты сам давно это понял? Это твоя способность, да?

— Честно говоря, зрительное чтение мыслей у меня произошло впервые, — признался Антон. — Но я догадывался. Знаешь, в последнее время я очень чутко начал реагировать на окружающих. На настроение людей. Мне вдруг стали явственно видны все их страхи, сомнения и помыслы, скрытые за словесной пеленой. Это так странно. Но всё-таки я думаю, что для прямого чтения мыслей — такого, как сейчас — мне необходим зрительный контакт.

— Ты знаешь, мне кажется, что это очень классная способность! — восторженно произнесла Малиновская.

— Да, может быть, — Антон снова помрачнел. — Но она стала причиной моего расставания, — он повернулся к Маше спиной и стал смотреть в окно. — Я вижу истинные цели людей. Они хотят убедить меня в обратном, но я-то знаю. У меня всегда была неплохая интуиция, и это не моё мнение, Маш, но теперь я знаю по-настоящему. Это очень тяжелый дар. Согласен, на первый взгляд все выглядит круто, но… знаешь, что? Если бы у меня был выбор, я бы предпочёл им не обладать!

И вот они снова вернулись к тому, о чём хотела поговорить

Мария, только теперь она уже совсем не знала, что ей в этом случае сказать.

— Знаешь, в жизни бывает много разных ссор и обид, — она попыталась выразить свои мысли. — Но это не повод, чтобы разрывать отношения. Я уверена — у вас все будет хорошо!

— Нет. Не будет, — твердо ответил Антон.

— Ты всегда был немного упрямым, Тош. Все можно исправить. — Маша пыталась поддержать его.

— Есть вещи, которые исправить нельзя.

— Например?

— Например, смерть.

— Но твоя девушка ведь не умерла? — немного с опаской поинтересовалась Малиновская.

— Я говорю сейчас не о физической смерти. Дело не в ней, а в утрате доверия. Люди могут многое простить, но только не ложь, — Антон помолчал немного, а потом добавил: — Смерть отношений — это тоже смерть. Больше мы не будем говорить об этом.

Снова наступило молчание; пожалуй, это было самое неуютное молчание, в которое случалось погружаться Малиновской в присутствии Антона. Маша просто стояла и разглядывала его широкую спину, не зная, что ещё можно добавить к этому разговору. Она уже отчасти пожалела, что вообще ввязалась во всё это — понять, так она всё равно ничего не поняла, и её друг явно не собирался рассказывать больше. Потом Антон повернулся и посмотрел на неё.

— Ты на меня рассердился? — грустно, и вместе с тем немного с осторожностью спросила Мария.

— Нет, что ты, я не сержусь. Ты ведь не специально караулила. Просто случайно услышала, — Антон натянуто улыбнулся. — Все в порядке. Я, пожалуй, пойду.

Друзья обнялись, и Антон начал подниматься. Маша посмотрела ему вслед и услышала:

— Спасибо тебе, Мань!

— За что?

— За не безразличие.

Закрывая на замок входную дверь, Малиновская посмотрела в зеркало в прихожей и, усмехнувшись, подмигнула сама себе. Всё-таки она задумала этот разговор не зря. А потом взгляд её упал на часы и она вспомнила, что ужасно опаздывает на работу.

Глава 8. Как пройти в библиотеку?

Лекции, лекции… где же эти чертовы лекции? Куда я могла их запихнуть? Малиновская в растерянности оглядела свою комнату. Непрекращающийся бардак, в котором она всегда довольно неплохо ориентировалась, и который разгрести полностью постоянно, но не очень продуктивно, пыталась её мама, сегодня сыграл с ней злую шутку: до начала очередного экзамена оставался всего час, а она не только не была к нему готова, но даже не могла найти собственные записи, чтобы хоть немного освежить в памяти «преобладающие направления философских течений в эпоху ликвидации европейских колониальных систем» и прочую ерунду.

Вообще, философия нравилась ей на порядок меньше остальных дисциплин, и то, что она вот уже полчаса не могла её найти, выпотрошив содержимое всех ящиков письменного стола, бесило Машу ещё больше. Странно, и почему это Настька ей не звонит? По идее, они с ней должны были выйти ещё пять минут назад. Может, подруга уже уехала в институт без неё? Или сама проспала? Но это было бы свинством с её стороны. Нет, такого просто не может быть!

Наконец, с превеликим трудом, ей удалось найти тугую пачку листов, скрепленных огромной канцелярской скрепкой, в самом дальнем углу нижнего ящика стола. Поверх первого листа ярко-розовым маркером жирно начеркано: «философия». Слава богу! Нашла!

Быстренько нацепив туфли и напоследок ещё разок глянув в зеркало, поправляя прическу, она вышла на лестничную клетку. Блеск для губ, ключи, студенческий — Малиновская мысленно перебирала в голове все, что должна была положить в сумочку, пока жала на кнопку дверного звонка своей лучшей подруги. Она порядком опешила, когда вместо Настасьи дверь ей вдруг открыл высокий темноволосый мужчина и произнес: — Здорово, Маш!

— Ой, здрасьте, дядя Андрей, я вас не узнала! — заулыбалась Машка; она уже успела подзабыть, как выглядит Настин отец. Настасья была очень похожа на своего папу: одинаковый цвет волос, такие же правильные, словно точеные, черты лица и пронзительные карие глаза.

— Ха-ха, значит, богатым буду! — усмехнулся дядя Андрей. — Давай, проходи, чего на пороге топчешься. Как у тебя дела? Как мама?

— Да вроде нормально, — ответила Маша, заходя в квартиру.

— Маш, я сейчас иду! — крикнула ей Настька из своей

комнаты, услышав, что она пришла.

— Давай быстрей, каракатица! — в тон ей проворчала Малиновская.

— Да она вечно копается, — махнул рукой отец. — Чего там собираться? Если бы мы так на флоте с утра собирались, нас бы уже давно враг разбил! Он бы не стал ждать, пока вы там глазюки намалюете!

— Ну па-а-па! — Настька выбежала из комнаты, на ходу кинув свою сумку на трюмо, стоящее в тесной прихожей. Несколько баночек с губками для обуви и ещё какая-то мелочь полетели на пол.

— Как с цепи сорвалась, — вздохнул, улыбаясь, дядя Андрей, и начал поднимать с пола упавшие вещи, ставя их обратно на трюмо.

— А вы давно приехали? — спросила у него Маша.

— Да нет, сегодня ночью вернулся, — ответил дядя Андрей. — На две недели. Они хотели на одну отпустить, но я уговорил. Все-таки день рождения у дочки, — он погладил Настьку по голове. — А потом сразу назад поеду.

— Все, папусь, мы побежали, — Настя, окончательно собравшись, чмокнула отца в плохо выбритую щеку.

— Давайте, ни пуха, ни пера! — он помахал им рукой.

— К черту! — одновременно ответили девчонки и рассмеялись.

Пока они ехали на лифте вниз, Настасья беспрестанно тараторила о том, что её отец успел привезти ей из разных стран, где ему по долгу службы довелось побывать.

— Иногда он привозит сувениры разные, а иногда какие-нибудь полезные безделушки, — делилась она с Машкой. — Вот в этот раз они заходили в какой-то норвежский порт, — папа мне говорил, как он называется, но я не запомнила — так вот там он накупил мне разноцветных заколок для волос. Они такие забавные, у меня в комнате лежат. Я их тебе потом покажу, сейчас просто некогда было. Вообще он часто покупает мне всякую детскую мелочь — такое ощущение, что он до сих пор воспринимает меня в возрасте лет десяти.

— Да нет, я думаю, он просто не знает, что именно нужно девчонкам нашего возраста, — слегка улыбнулась Малиновская. — Но это не страшно. Мужчины вообще не забивают голову себе вот такими вещами. Это не значит, конечно, что он тебя не любит.

— Да я понимаю, — согласилась Настя.

Она ещё много чего говорила, и постоянно — об отце. Настасья словно лучилась счастьем как светом, как огнем. Маша

не видела её такой уже очень давно — даже после свиданий с Евгеном она не выглядела настолько радостной, как сегодня. Хорошо было бы, если её папа приезжал к ней почаще — подумала Малиновская — тогда она гораздо реже была бы хмурой и неразговорчивой. Настина эйфория каким-то странным образом передалась и ей тоже, и Машка с некоторым удивлением обнаружила, что, несмотря на утро понедельника, у неё прекрасное настроение.

Так, незаметно, они добрались до института.

— Привет, девчонки! Вы чего такие хмурые?

Маша с Настей подняли головы. Над ними стоял улыбающийся Антон. С момента их приезда в институт прошло уже, наверное, часа два. Девушки сидели на небольшом ободранном диванчике, стоящем в коридоре у входа в аудиторию, в которую время от времени входили, а затем выходили их одногруппники — там проходил экзамен по философии. В самом коридоре царила атмосфера напряженной сосредоточенности. Народу оставалось все меньше и меньше, так как большая часть группы экзамен уже сдала.

— Мне страшно, — еле слышно промямлила Маша. — Я не сдам!

— Чего? — Антон наклонился к ней ниже. — С чего это ты так решила?

— Да потому что у нас сейчас не преподаватель, а зверь, — пожаловалась она. — Вон Настька так готовилась, и то тройку получила, хотя она ему все рассказала, по всему билету. А я же вообще ни черта не знаю!

— Перестань, чего ты себя накручиваешь! — Антон решительно взял её за плечи и приподнял с дивана. — Ну-ка, давай, набери воздуху в грудь и выдохни. Тебе станет легче.

Машка тяжело вдохнула.

В этот момент из аудитории, где у них проходил экзамен, вышел парень. Все, кто ещё не успел попасть на «страшный суд», мгновенно бросились к нему, чтобы узнать результаты, и тот разочарованно протянул: «не сда-а-ал». Малиновская со стоном выдохнула набранный воздух.

— Бли-и-ин, это же Куравлев, а он всегда сдает, — снова начала причитать она. — Нет, я не пойду туда! Я останусь здесь. Приду сразу на пересдачу.

Вместо вышедшего Куравлева тут же зашёл другой студент.

— Да ты с ума что ли сошла?! — Антон покрутил у виска. — Как так вообще можно не использовать свой шанс? Кстати, а кто вас там экзаменует? — с интересом спросил он, пытаясь разглядеть кабинет через щелку между неплотно сомкнутыми

створами дверей.

— Лаврентий Павлович, философ наш, — ответила за подругу Настасья, потому что Малиновская, по-видимому, от страха уже не могла говорить.

— Господи, к самому Лаврентию Палычу, да в таком виде! — воскликнул Антон, кивнув головой на Машкино декольте. — С таким вырезом ты точно все завалишь!

— В смысле? Не поняла.

— Ты что, это же человек старой советской закалки, — объяснил Антон. — Нечто подобное он считает просто верхом пошлости. Нет, я-то, конечно, очень даже не против, — он озорно подмигнул, а потом тут же сделал серьезное лицо. — Но с Лаврентием Палычем такие шутки не пройдут. Советский Союз не одобряет декольте!

Настасья фыркнула.

— Поверь, я знаю, о чем говорю, — продолжал Антон. — Он у нас вел некоторые предметы, так в нашей группе с первого раза из девчонок сдали только «серые мышки», кто не то что декольте, — даже и не красится толком. Зато для него они, наверное, были просто образцом для подражания.

— И что же мне теперь делать? — Машино лицо смешно вытянулось, отчего она стала похожа на крольчонка, у которого отобрали морковку.

— Не бойся. Мы живо что-нибудь придумаем, — успокоил её Антон. — Я сейчас вернусь.

Примерно через две минуты он принесся с огромной серо-коричневой шалью в руках.

— Держи. Одевай скорее, — он накинул шаль на Машкины плечи, а потом обмотал вокруг неё, отчего Малиновская стала напоминать огромную гусеницу.

— Тош, откуда ты это взял? — Настасья удивленно разглядывала шаль, приподняв на кончиках пальцев один из её краев.

— У девчонок из нашей группы одолжил. Потом вернем.

— Я в ней какая-то толстая, — пожаловалась Мария.

В этот момент дверь аудитории снова распахнулась, и в коридор вышел очередной расстроенный студент.

— Нашла время о красоте думать! — проворчал Антон и, не дав Машке опомниться, он схватил её за руку и, пока дверь оставалась открытой, почти силой затолкал в кабинет. Потом быстро закрыл дверь и привалился к ней спиной — чтобы уж подруга не сбежала наверняка.

— Ты чего, она же ещё не готова! — воскликнула Настя, возмущенная таким варварским методом до глубины души.

— Она никогда не будет готова, поверь мне, — проникновенно ответил Антон.

— Эй, сейчас же была моя очередь идти! — запоздало воскликнула сидящая тут же девчонка в очках с огромной кипой лекций в руках.

— Инвалиды у нас проходят без очереди, — пошутил Антон.

Девушка открыла было рот, собираясь что-то возразить, но, видимо, не поняла, шутит парень или нет, и в итоге, поправив свои очки, промолчала.

Антон и Настя немного потоптались у двери, приложив уши, но что-либо расслышать им так и не удалось.

Затем Настя спросила, почему-то немного шепотом:

— А ты сам-то сдал уже? Какой у тебя сегодня экзамен был?

— Гражданское право. Мне автоматом зачли.

— Это нечестно! — возмутилась Настасья. — Тебе все засчитывают автоматом!

— Да нет, на самом деле не все, — Антон отошел от двери и присел на диванчик. — Просто сегодня так получилось.

— Все равно ты жулик, — Настя сморщила нос. — Эх, вот если бы Машке можно было сейчас поставить твои мозги…

Антон как-то странно посмотрел на неё.

— На время. Мы бы тебе потом их вернули, — чересчур серьезно заверила его Настя. И, немного помолчав, добавила: — Честно.

Антон прыснул со смеху:

— С вами не соскучишься!

В этот же день, несколько часов спустя, Маша, Настасья, Антон, Евген, Бирюк и Таня вместе сидели за колченогим грязно-белым столиком в переполненной студенческой столовой, обсуждая ужасы сегодняшнего дня. Малиновская, которая неожиданно для всех умудрилась сдать свой экзамен на четверку, теперь уже весело рассказывала своим друзьям о произошедшем:

— И тогда Тоха — вы только представьте себе! — просто берет и запихивает меня в эту аудиторию! А я так перепугалась от неожиданности, что даже дар речи потеряла. Лаврентий Павлович смотрит на меня, а я как дура у двери топчусь и никак не могу решить — то ли мне к нему идти, то ли обратно в коридор выскочить и надавать Антону по физиономии!

Все засмеялись, а Антон возмущенно произнес:

— Нет, ну ничего себе — я ей, значит, помогаю экзамен сдать, а она мне вместо «спасибо» морду собралась бить! Это просто возмутительно!

— Да ладно, перестань. Это я любя, — Машка в ответ потрепала друга по голове.

— Оригинальная твоя помощь, конечно, — сказала Таня, помешивая свой крепко заваренный чай.

— Да я чего-то и не понял, в чем помощь-то заключалась? — спросил Бирюк, который в этот день тоже сдавал один из экзаменов по своему менеджменту. — В том, что ты ей платочек на плечи принёс?

— Да ей только этот платочек, по-видимому, и помог, — сказал Евген, откусывая при этом изрядный кусок от своей только что купленной ватрушки. — Она же ни черта не знает.

— Ой, Жень, кто бы говорил вообще! — заступилась за Машу Татьяна. — И, между прочим, это не «платочек», а шаль.

— А чего такого? Ты сама, на минуточку, сегодня экзамен завалила, — съехидничал Евген.

— Как и ты, — не уступала ему Таня. — Я с тебя пример беру.

— Ребят, не ссорьтесь, — Маша примирительно махнула рукой. — Евген в чём-то прав — я действительно плохо подготовилась, а этот Лаврентий Палыч странный какой-то. Он реально ставит оценки не по уровню знаний, а по внешнему виду — вот я вам честно говорю. Там будь хоть семи пядей во лбу, но если ты одет как-то не так — с его точки зрения — то экзамен вовек не сдашь! Хорошо, что Антон меня предупредил об этих его закидонах.

— Маш, на мой взгляд, ты чересчур утрируешь, — Бирюк придвинул поближе к Тане пирожок, который она, увлеченная беседой, так и не начала есть, а сам взял уже третий по счету. — Просто это тогда очень странный преподаватель, разве не так?

— А я тебе о чем говорю! Вов, ну как ещё объяснить то, что Настя, которая на самом деле честно готовилась и все ему рассказала, по всем вопросам в билете отлично ответила, в итоге сдала только на тройку? Согласись, — на взгляд Лаврентия Палыча, я уверена, она тоже вызывающе одета. Я же, будем честными, знала очень мало, но с идеально прикрытыми шалью вырезами — оп-ля! — Машка прищелкнула в воздухе пальцами, — сдала на четверку.

— Да ему моя юбка не понравилась, наверное, — покачала головой Настя, одергивая её края, чтобы юбка хоть немного прикрыла колени. — Я слышала, как он бубнил себе под нос «больно коротка», пока я отвечала ему билет.

— Может мы уже перестанем обсуждать детали женского гардероба? — утомленно вздохнул Антон. — Если у нашего дорогого философа какие-то проблемы по этой части, не будем их перекладывать на свои плечи.

— Да и вообще, пойдемте домой, — поддержал его Евген. — Все уже вроде бы поели.

— Вов, доешь, пожалуйста, мой пирожок, я не хочу чего-то, — попросила Таня Бирюка.

Того дважды упрашивать не пришлось: он мгновенно запихнул в рот всю оставшуюся часть булки целиком и, запив её изрядным количеством чая, проглотил почти не жуя.

— Как годзилла жрёт! — в притворном ужасе воскликнула Малиновская, провожая взглядом остатки булочки.

Повеселившись над комментариями, ребята начали выходить из-за стола. Татьяна ещё продолжала копаться в своей сумочке, и остальные невольно задержались, ожидая её.

В этот самый момент через распашные входные двери в столовую вошла другая оживленная компания, состоящая из шести парней. Так как сама столовая была полна народу, а столы в ней расставлены довольно тесно, они двинулись по единственному достаточно свободному проходу между столиками, при этом, когда обе компании поравнялись между собой, один из молодых людей достаточно сильно задел плечом Настасью. Неизвестно, сделал он это нарочно или случайно, но Настя пошатнулась, и, чтобы не упасть, схватилась за плечо Евгена. Сам Евген в этот момент смотрел в другую сторону и не заметил инцидента, а потому, повернувшись, недоуменно произнёс:

— Ты чего? Настасья решила не обострять ситуацию и пролепетала: — Да ничего, просто каблуком застряла.

Но в этот момент незнакомый парень развернулся и грубо бросил ей:

— Смотри куда прёшь, корова!

— Чего ты сказал? — Настя мгновенно вспыхнула. — Сам же меня задел и ещё наезжаешь!

— Это ты меня задела! — парень ткнул в её сторону пальцем. Его друзья тоже остановились, не понимая, что произошло.

Евгений тут же вступился за Настю, и рявкнул в сторону незнакомой компании:

— Эй, может вы придержите дружка-то своего, а? А то он явно с мозгами не дружит!

— Это кто это тут не дружит? Это ты про меня? — парень начал подходить к Евгену.

— Саш, да ты чего, пойдем! — кто-то из друзей неугомонного молодого человека попытался остановить его, но тот отмахнулся.

— Так-так, ребят, ну-ка спокойно, — Антон придвинулся поближе к Жене, на всякий случай. — Не начинайте.

Подошедший Саша приблизил свое лицо вплотную к лицу Евгена и злобно произнёс:

— Неприятностей захотелось? Давно в больнице не лежал?

Малиновская, стоявшая в этот момент за спиной у Жени, вдруг с ужасом увидела, что его правая рука начинает чуть заметно светиться, словно наливаясь внутренним багровым огнём. Боже, он же сейчас выйдет из себя и применит магию! — подумала Маша. Она едва заметно толкнула в плечо стоящего поблизости Бирюка, взглядом указав на возможную опасность, и умоляюще прошептала:

— Отвлеки их чем-нибудь!

Бирюк не растерялся и одним стремительным движением опрокинул стоящую на столе Танину сумку. Сумка с громким дребезгом грохнулась на пол, оттуда посыпалась косметика и прочая девчачья ерунда.

— Ой-ой-ой! — воскликнула Таня и бросилась собирать рассыпавшиеся вещи.

Все тут же расступились, отвлекшись от перепалки, и Машка, воспользовавшись моментом, схватила Евгена за руку чуть повыше локтя, притянула к себе и зашипела ему в ухо: — Не дури! У нас потом такие неприятности будут!

— Пусти меня! — прорычал Евген.

— С ума сошёл! Нам нельзя применять магию!

Однако возникшая суматоха с Таниной сумкой как-то поубавила воинственный настрой, и незнакомый парень, бросив напоследок Евгену: «Я тебя запомнил!», удалился вместе со своей компанией.

Евген громко фыркнул, и его лицо все ещё оставалось немного пунцовым из-за прилившей от гнева крови.

— Все… успокоились? — полувопросительно пробормотала Настя.

— У меня пудреница разбилась, — ныла Танька; похоже, она даже не поняла, что сумку столкнул Бирюк, решив, что она упала сама по себе.

— У нас могли быть неприятности похлеще пудреницы, — снова зашипела Малиновская как рассерженная гусыня. — Евген тут всех чуть не испепелил нафиг!

— Что?! — вскинулся Антон. — Как?

— Если бы он ко мне полез, то и испепелил бы, — ответил Евген достаточно громко, привлекая тем самым ненужное внимание. — Его тупую башку в уголья бы превратил!

— Да тихо ты! — Машка начала озираться по сторонам, проверяя, не услышал ли их кто. Несколько людей за соседними столиками уже с любопытством за ними наблюдали.

— Пошли отсюда, на нас все пялятся, — процедил сквозь зубы Антон, и они вдвоем с Бирюком буквально вытолкали Евгена из столовой.

До тех пор, пока друзья не миновали проходную университета, все они шли молча, а потом, выйдя на свежий воздух, Антон произнёс:

— Я вас всех очень прошу — ведите себя аккуратнее. Вы не имеете права выходить из себя. Вы должны понимать, какими силами владеете — и это все могло закончиться уже совсем не мордобоем, хотя это тоже не есть хорошо, а последствиями гораздо более ужасными. Держите себя в руках — особенно это касается тебя, Евген. Ты понял?

— Я не позволю никому оскорблять ни себя, ни Настю, — произнёс Евген уже достаточно спокойно, угрюмо посмотрев на Антона.

— Ни черта ты не понял, — вздохнул Антон. — Тебе тем более должно быть стыдно: Сильфида назначила нас с тобой следить за дисциплиной, а ты сам же её первый и нарушаешь. Ладно, закрыли тему.

Они потопали до трамвайной остановки, и никто не решался более нарушить повисшей в их компании тишины. Маша, идя рядом с притихшей Настасьей, подумала про себя: да уж, не знаешь, с какой стороны ожидать неприятностей…

* * *

За окном июньская ночь разливала свои чернила, а в уютной маленькой кухне на пятом этаже светил своим теплым, золотистым светом старенький разноцветный абажур с незабудками. Три девушки за кухонным столом, сидя на забавных разномастных табуретках, пили кофе. Как обычно бывает в такие моменты умиротворенности и покоя в девчачьих компаниях, обсуждали текущие насущные проблемы, любовь, парней и прочие глупости.

— Что-то время уже за полночь, а сна ни в одном глазу, — пожаловалась Машка, подперев свою щеку рукой.

— Да скоро уже расходиться, наверное, будем, — Настасья вздохнула, баюкая в руках свою чашку с горячим напитком. — Интересно, папа уже лёг спать или все ещё меня дожидается?

— Да зачем расходиться? — Маша встала и поплотнее задернула занавески. — Мама только завтра утром придет с работы, можем хоть всю ночь сидеть.

— Нет, ну всю ночь-то мы сидеть не будем, а то уснём прямо тут, пожалуй, — не одобрила эту идею Таня. — Но давайте ещё хотя бы часок-другой поболтаем. Завтра ведь пятница, да? Значит, у Вовки будет последний экзамен. Он там сидит, зубрит лекции,

бедняга — не хочу ему мешать.

На самом деле Бирюк в этот момент, конечно же, играл в компьютерные игры, но когда Таня несколько часов назад уходила в гости к Малиновской, он клятвенно её заверял, что будет готовиться к экзамену.

— Я так подозреваю, что если ты придёшь домой сейчас, то тишины там уже не будет? — улыбнулась Машка Тане.

— Ты абсолютно права, подруга, — подтвердила Танька. — Чего уж у меня не отнять — так это говорливости. Иногда я и сама понимаю, что надо бы помолчать, но… никак не получается. Так что пускай посидит в тишине — пока может.

Они тихонько посмеялись.

— Вообще забавно получается, — заметила Настька, подливая себе ещё кофе. — У нас уже вроде как сессия закончилась, а у парней — ещё нет.

Это было действительно так: сегодня, в четверг, девчонки сдали свои последние экзамены, а вот у сильной половины человечества их финальные испытания приходились аккурат на утро пятницы. Конечно, никто специально не составлял расписание сессии таким образом — все вышло чисто случайно.

— Как вы думаете, они сдадут?

— Ну, Антон точно сдаст, — Малиновская переложила голову с левой руки на правую. — Опять, небось, автоматом все получит. Вовка, я думаю, тоже сдаст.

Танька при этих словах постучала по деревянной ножке стола — на всякий случай.

— Если бы не эти «основы правоведения», у меня тоже все было бы закрыто. — пожаловалась она. — Теперь придётся ждать до сентября.

В самом деле, из них троих Таня была единственной, кто чего-то не сдал, потому что Настасья сумела вовремя подсуетиться и пересдать заваленное ею КСЕ на следующий же день. Преподаватель «концепций современного естествознания», по-видимому, пребывал в тот день в очень хорошем настроении, раз даже похвалил Настю и поставил ей «хорошо». Скорее всего, он уже не помнил о том, что накануне она ничего толком не рассказала по своему билету. У Настасьи всплыл в памяти один приятный момент того дня: она едет домой в трамвае и любуется открытой зачеткой, разглядывая аккуратную подпись преподавателя напротив наименования только что сданного ею предмета.

— Славик и Сеня… спишут, в крайнем случае, — продолжала свою мысль Малиновская. — Насколько я знаю, у них пока ещё нет никаких «хвостов». А Евген — ну, вы и сами все знаете.

— Надеюсь, его не отчислят! — немного взволнованно произнесла Настасья.

— А вот тебе, моя дорогая, как раз и предстоит на это повлиять. Придется приложить все усилия, чтобы этого не случилось, — многозначительно заметила Маша.

— Слушай, я чего-то не поняла, — сказала Таня, глядя на Настю. — Земля, так сказать, слухами полниться. Вы с Женькой встречаетесь или как?

— Да вот как бы тебе ответить, чтобы не соврать, — Настины мысли, неохотно ворочаясь, повернули в другое русло: она захлопнула в своей голове маленький ящик с надписью «учеба», и переместилась к гораздо более объемному ящичку под названием «мои отношения». — Можно сказать, что да. Хотя, признаюсь вам честно, он никогда не называл меня своей девушкой. Ни прилюдно, ни наедине, — при этих словах она приумолкла.

— Брось, это всё ерунда, — Таня дотронулась до её плеча и заглянула ей в глаза. — То есть я не про ваши отношения, разумеется, а про то, что он не позиционирует тебя в статусе своей возлюбленной. Это не значит, что он об этом не думает. Просто парни, как бы это сказать… считают очень многое само собой разумеющимся, поэтому некоторые вопросы им нужно задавать в лоб. Не дожидаясь, пока до них дойдёт. Это я тебе говорю как женщина, имеющая опыт продолжительных отношений, — Танька подмигнула и рассмеялась.

— Да и вправду, Настюх, — поддержала её Машка. — Видела же, как он за тебя заступился в столовой. Мне почему-то кажется, если бы Вовка сумку не скинул — драки было бы не избежать. Они бы точно сцепились!

— Так это Вовка сумку столкнул? — изумилась Татьяна. — Я думала, она сама.

— Эээ… ну да, — удивилась Машка в ответ. — Я думала, что ты заметила. Короче говоря, не в этом дело. Бирюк на самом деле очень правильно среагировал, потому что все могло закончиться гораздо хуже.

— Я так поняла, что он собирался магию применить, правильно? — с опаской спросила Настасья, словно подтверждая свои худшие опасения.

— Да он уже чуть было его не шарахнул, Насть! Я поэтому и подтолкнула Бирюка — первого, кто мне попался под руку — мол, смотри, он же сейчас этого парня в пепел превратит!

— Слушайте, а что реально бы произошло, если б Евген не сдержался? — Танина чашка так и застыла в её руках. — Всё? Мы были бы обнаружены?

— Я полагаю, что да, — Настя как-то нервно поежилась. — И

тогда… тогда я даже не представляю, что бы мы делали. Но Сильфида и Флавиус, однозначно, нас бы за это по головке не погладили.

— Должна вам признаться, девчонки, что опасность быть обнаруженными на данный момент пугает меня куда как меньше, чем явная склонность Евгена к конфликту и агрессии, — поделилась Малиновская своими тревогами. — А если бы он его убил? Вот просто сжёг бы и всё. И труп обугленный лежит. Или горстка пепла. И что тогда?

— Да ну, Маш, брось…

— Да вы чего, не понимаете, что ли? — разозлилась Малиновская. — Наши способности — это все равно как постоянно носить при себе заряженный пистолет. Захотел — выстрелил. Только это совсем не игрушки. Потому что пленку уже нельзя будет отмотать назад. И теперь нельзя просто взять и «захотеть». Да, с того дня, как Сильфида впервые возникла у меня на пороге, наша жизнь перевернулась, став напоминать собой какое-то фантастическое кино. Да только вот проблема в том, что мы не сможем из этого кино вырезать неудачные дубли. Нам постоянно напоминает об этом Антон — разумная ответственность. Думайте, думайте, думайте, что делаете! А мы как идиоты — мечемся во все стороны, не понимая. Мы же ничего не хотим понимать! Глупые, — она вдруг неожиданно замолчала.

Наступила тишина. Звякнуло блюдце — это Таня опустила обратно свою маленькую чашку. На самом деле, до этого момента каждая из них воспринимала свой дар как некую занимательную игру, как приключение. Никто и думать не думал, что все может вывернуться в такие серьезные, даже опасные формы. Да, тогда, в столовой, по сути ничего особенного не произошло — обычная перепалка, каких много бывает в таком бурном возрасте юношества, но этот же случай с нереальной ясностью показал им, как близка может быть грань между миром и войной, между жизнью и смертью. И линия, отделяющая такие, казалось бы, далекие и разные миры, иногда оказывается гораздо ближе, чем думают многие.

Наверное, в этот момент больше остальных была напугана Настасья — она только сейчас осознала, что её друг, а теперь уже и парень, был, возможно, в одном шаге от того, чтобы превратиться в убийцу. Убийца. Да, вот это самое слово. Которое многие воспринимают как нечто абстрактно далекое. То, что показывают в новостях у кого-то другого, но что никогда не произойдет у тебя самого. Никогда. Не произойдёт. Не должно произойти.

— А вы думаете, почему Антон так рассердился? — нарушила

молчание Маша. — Наверняка прочитал в мыслях Евгена что-то такое…

— Какое?

— Ну, то, что Евген как бы морально был готов к этому.

— Стоп. Антон что, умеет читать мысли? — изумилась Настя.

— Ага, — Машка на миг подумала, можно ли было об этом говорить, и решила, что рано или поздно это все равно выяснилось бы, к тому же это не какая-то сверхсекретная информация, которую необходимо скрывать — тем более от друзей. — Но ему, как я поняла, всё-таки необходим зрительный контакт. А так, в лучшем случае, он может улавливать лишь некоторые эмоции…

— А как ты об этом узнала? — спросила Таня.

— Сейчас расскажу…

Малиновская подлила себе в чашку ещё кофе, чтобы было погорячее, и девчонки, несмотря на поздний час, погрузились в обсуждение новой, ещё более интересной темы.

* * *

Настасья зажмурилась, крепко стискивая Машину руку, и шагнула в портал. Спустя лишь какое-то мгновение её посетило ощущение, будто тело плавает в густом, теплом киселе, а уши заложило ватой, но это чувство прошло так же быстро, как и появилось — и вот она уже вместе с остальными оказалась в Кленовом лесу.

— Ты мне чуть пальцы не сломала! — пожаловалась Малиновская, тряся рукой. — И чего так каждый раз сжимать?

— Никак не могу привыкнуть к этому ощущению, извини, — ответила Настя. — Вот не могу и всё.

— Девочки, не отставайте! — крикнул им идущий впереди Антон; он с Евгеном, как обычно, шагал во главе их маленького отряда. Следом брели какие-то немного полусонные Славик и Семён, а сразу за ними, постоянно что-то выясняющие между собой, Бирюк с Таней. Маша и Настя, по обыкновению, плелись в конце колонны, отвлекаясь на всякие мелочи вроде необычного цвета распустившегося цветочка или какую-нибудь живность.

Кофр-кофр! — раздалось совсем рядом под древесными стволами в кучах опавшей листвы.

— Ты это слышала? — шепотом спросила Настя у подруги.

Машка начала присматриваться, стараясь разглядеть источник неизвестного шума, и прямо у себя под ногами обнаружила семейство ежей, безмятежно разгуливающих в

поисках пропитания. Кофр! — самый большой из ежей снова громко чихнул и начал забавно тереть нос лапками.

— Боже мой, какие они миленькие! — воскликнула Малиновская, протягивая руку к одному из ежей. Тот испугался и моментально свернулся в клубок. Его сородичи поспешили зарыться в желто-коричневых листьях.

Хотя в Кленовом лесу и зеленых долинах царило вечное лето, по краям тракта иногда лежали целые горы разноцветной опавшей листвы — казалось, это происходит оттого, что деревья постоянно сбрасывали старые листья на землю прежде, чем те успевали перегнивать.

Вообще флора в подлеске была достаточно разнообразной: там, где изредка попадались поляны или же просто обширные пролески, буйно разрастались лесные травы, в относительной полутени раскинула свои цепкие руки-ветви ежевика, особенно густые заросли которой начинались ближе к выходу из леса в Карнимирию, а также другие многочисленные кусты без имен и названий — даже всезнающий Антон не мог сказать наверняка, что это за виды. И только деревья, за редчайшим исключением, отличались завидным постоянством породы.

Друзья поздоровались со Старым Клёном, и, продолжая путь, Маша неожиданно подумала о том, когда же появится её любимая медведица? Возможно, это было всего лишь совпадением, но как только эта мысль пришла ей в голову, до слуха донесся уже так хорошо знакомый ей треск ломаемых ежевичных кустов.

— Ой, мамочки, что это там? — испугалась Танька и схватила за руку Бирюка.

— Это чьи-то домашние животные к нам ломятся, — пошутил догадавшийся Евген.

— Да, не бойтесь. Это, наверное, Пончик, — успокоила друзей Малиновская.

Она была практически уверена в своей правоте, потому что они стояли почти на том же самом месте, где она повстречалась с медведицей в прошлый раз. Огромная косматая голова показалась над зарослями, и спустя ещё примерно минуту Пончик, производя невообразимый шум, вышла к ним на тропу. Малиновская тут же подбежала к ней и двумя руками обхватила её за шею. Медведица добродушно фыркнула в ответ и лизнула Машку в щёку.

— Стоило мне только вспомнить о ней, и она сразу же появилась! — сообщила Малиновская подошедшей Настасье, которая, хотя и с некоторой опаской, тоже погладила медведицу по буро-коричневому боку. — Помнится, когда в прошлый раз я шла здесь одна и Пончик бросилась за мной, я поначалу решила,

что она хочет меня съесть, — призналась друзьям Маша.

Пончик слегка наклонила голову и исподлобья взглянула на Марию, как бы говоря: «Съесть? Какую же ерунду ты несешь!»

— Теперь-то я уже, конечно, так не думаю, — добродушно сказала Машка, почесывая за ухом свою любимицу.

Когда все они двинулись дальше, Бирюк спросил у Малиновской:

— Ты сегодня не будешь ехать на ней? — он кивнул в сторону Пончика.

— Нет, я же пока не устала, — пожала плечами та, шагая рядом с медведицей. — Я знаю, что она, конечно, всегда рада мне помочь, но мне бы не хотелось, чтобы остальные воспринимали Пончика исключительно как средство для моего передвижения. Она все-таки не ездовая лошадь, а медведь, и она — мой друг, — при этих словах Малиновская снова посмотрела на Пончика, и, хотя медведица не поворачивала в её сторону головы, невозмутимо топая рядом, Машке показалось, что та улыбается… а может, это было всего лишь игрою света и тени на косматой морде?

Когда друзья вышли, наконец, в зелёную долину Карнимирии и направились к замку, а окружающий их ландшафт стал просматриваться более четко и детально, Бирюк, вглядываясь вдаль, сказал:

— Что-то я не вижу никого на Стрельбище. Где же Флавиус и Сильфида?

— Да вон же они, смотри! У главных ворот, — ответил ему Евген, который видел дальше всех. — Интересно, почему они встречают нас именно там?

— Думаю, что сейчас мы это узнаем, — заметил Антон.

Через некоторое время компания подошла к своим наставникам, и высокие и острые, как копья, башни Нифльхейма нависли над их головами, заслоняя собою солнце.

— Доброе утро! — поприветствовал их Флавиус, а Сильфида просто молча кивнула.

Ребята поздоровались, и Семён немного разочарованно спросил:

— Разве мы сегодня не будем тренироваться?

— Обязательно будем, — успокоил его Флавиус. — Я знаю, мы обещали, что станем вас ожидать сразу на Стрельбище, и мы туда обязательно заглянем, но немного позже. Мы с Сильфидой посоветовались и решили показать вам сегодня кое-что интересное. Думаю, что ради такого можно немного повременить с тренировкой, — и он многозначительно подмигнул.

Пончика пришлось оставить снаружи (не таскать же её с

собой по крутым лестницам и узким коридорам), но она, похоже, ничуть не расстроилась — присев на зеленую траву, медведица лишь едва заметно вздохнула.

— Мы быстренько посмотрим на сюрприз, который нам приготовили, и я сразу же к тебе вернусь, хорошо? — успокаивала её Малиновская, глядя на Пончика снизу вверх, — даже сидя, медведица все равно была огромной.

Пончик что-то проворчала в ответ — по-видимому, она не возражала.

— Пойдёмте, — позвала Сильфида, увлекая их за собой. — Нам предстоит погрузиться в мир Знания.

Заинтригованные, друзья последовали за нею. Они перешли старый подвесной мост с позеленевшими от времени цепями, перекинутый через оборонительный ров, и шагали достаточно долго, пройдя и центральную галерею с резными колоннами и огромными ткаными гобеленами, и множество других залов. Но прежде чем они приблизились к залу с фонтанами, разглядев впереди привычно стоящего на своем месте невозмутимого Алексиса, Сильфида и Флавиус свернули вправо, погружая их в новые, запутанные и таинственные лабиринты полутемных коридоров и гротов. Шли, в основном, молча. Маша постоянно вертела головой по сторонам, стараясь разглядеть как можно больше мелких деталей и предметов. Но замок был настолько огромен, что вскоре она потеряла хоть какую-то надежду запомнить мало-мальски примерный путь, полностью положившись на знание своих проводников.

— Поначалу мне потребовалось достаточно большое количество времени, чтобы запомнить, что и как здесь расположено, — сказала Сильфида после того, как постоянно на что-нибудь отвлекающаяся, и потому отстающая, Малиновская, даже идя следом за всеми, уже дважды чуть было не свернула с правильной дороги. — У каждого из вас ещё будет предостаточно этого самого времени, когда вы сможете беспрепятственно бродить по всему замку, но для этого я обязана буду вас кое с кем познакомить.

— А с кем? — тут же спросил Слава, который терпеть не мог, когда кто-то начинал говорить загадками.

— Мы будем решать возникающие перед нами проблемы по мере их поступления, — как всегда ответила Сильфида в своей неподражаемой манере.

Славик лишь тяжело вздохнул.

Наконец они достигли величественных двухстворчатых дверей: каждая из их половин состояла как бы из двух частей — черной кованой решетки с причудливыми завитушками, а через

некоторое расстояние (размером примерно с ладонь), — массивного деревянного основания, соединенного с поверхностью светло-коричневой створы. Никакой охраны рядом не было — даже обычно дежурившие у всех важных помещений дварфы здесь отсутствовали. Сильфида остановилась перед дверьми, и, протянув правую руку вперед, произнесла:

— Сумей, уйдя, не вернуться.

После этих слов наступила тишина. Слышны стали завывания ветра в далеких надвратных арках и трезубцах башен, и звуки капающей откуда-то воды. Маша услышала, как рядом с нею переступила с ноги на ногу Настя, как еле слышно вздохнул Бирюк. А затем створы протяжно скрипнули и распахнулись, достаточно стремительно достигнув легких упоров в мраморном полу, сделанных для того, чтобы они не раскрывались слишком широко, и, ударившись об них, глухо ухнули, издав чудной звук пустой, полой деревяшки.

— Это что, пароль такой? — спросил Евген, ни к кому в особенности не обращаясь.

— Вроде того, — ответила Сильфида, не оборачиваясь.

Они вошли. Удивительный чертог предстал их глазам — они снова оказались в основании одной из башен, только теперь её круглых каменных стен не было видно и в помине: все огромное пространство от пола и до бесконечно теряющегося в вышине потолка занимали аккуратные, симметрично ровные ряды стеллажей, на которых стояли… книги. Большие. Средние. Маленькие. Их корешки самых разнообразных цветов пестрели вдоль стен, создавая величественный книжный колодец-цилиндр, и от этого многообразия захватывало дух и даже начинало немного рябить в глазах.

Мария, приглядевшись, поняла, что иногда между толстыми томами были сложены аккуратные стопки пергамента; изредка попадались также туго скрученные свитки, сложенные причудливыми горками, но их было немного. Основное пространство занимали все же тяжелые, массивные книги, и некоторые из них по внешнему виду ничем не отличались от тех, которые стояли дома у неё на полке и в шкафу, разве что здесь они выглядели более потрепанными и пыльными.

Малиновская подняла голову повыше и принялась разглядывать вверху странные приспособления, — что-то вроде строительных лебедок, которыми пользовались в Москве при ремонте фасадов домов. Небольшие платформы на витых тросах медленно перемещались вверх и вниз между книжными полками. На некоторых из них находились двафры — кто-то расставлял книги по полкам, но большинство просто поправляли

неаккуратно накренившиеся тома или стирали с них пыль.

— Поскольку книг очень много, а размеры хранилища огромны, платформы используются для того, чтобы быстрее отыскать необходимый вам документ, — услышала она рядом с собой голос Флавиуса. — Смотрите!

Флавиус подошел к одному из полукруглых рядов и трижды стукнул костяшками пальцев по металлической облицовке. К нему тут же спустилась ближайшая свободная лебедка, плавно остановившись в нескольких сантиметрах от него. Флавиус встал на неё, держась за хлипкий на вид парапет, и отчетливо произнес:

— Секция магии Огня. Временной период Седьмого Авалона.

Платформа бесшумно, но довольно стремительно взмыла вверх, остановившись на высоте примерно двадцати метров, а затем уже несколько медленнее заскользила вправо, замерев у нужной секции.

— Так вы сможете найти всё, что вам нужно, — крикнул сверху Флавиус. Затем он внимательно посмотрел себе под ноги и скомандовал: «вниз!», после чего его лебедка начала медленно опускаться.

— Это, как вы все уже наверняка поняли, Библиотека, — Сильфида медленно прошествовала к ближайшей из полок, проведя рукою по черному книжному корешку. — Здесь собрано и записано абсолютно всё, что произошло с самого основания Нифльхейма. Множество текстов на множестве языков. Все знания, мысли и даже чувства хранятся в этих несметных анналах истории. И каждый, кто когда-либо состоял в любом из Авалонов, оставил здесь свои записи, оставил свой след.

Друзья молча разбрелись вдоль рядов. Малиновская подошла к одному из стеллажей и наугад вытянула древний фолиант, переплетенный в красную кожу. Раскрыв его, она начала вглядываться в потускневшие от времени желтеющие страницы. Аккуратным, убористым почерком мелкий темный текст перелезал со строки на строку, складываясь в неведомые письмена. Язык был ей незнаком. Маша вдруг подумала о том человеке, который много лет (веков? тысячелетий?) назад писал эти буквы. Кем он был? Как его звали? О чем он хотел рассказать тем, кто придёт после него? Надеялся ли он на то, что его труды когда-нибудь будут прочитаны, или же делал записи просто для себя? Очень много вопросов, и ни одного ответа. Потому что ответов не будет. Никогда. Ибо все, кто помнил, уже мертвы.

Марию неожиданно охватил благоговейный трепет. Она словно ощутила себя в присутствии сотен тысяч людей, окруженной их мыслями. Цилиндрическая форма помещения лишь усиливала эту иллюзию. Каждая из этих книг являлась

отражением чьей-то жизни, чьей-то безвозвратно потерянной жизни. И вот людей, которые сотворили это все, уже давно нет, а хроника их великих и малых деяний находится здесь, покрываясь плесенью и пылью. Печально было это осознавать… Маша захлопнула книгу и бережно поставила её на место.

— А это что такое? — неожиданно спросил Антон, указывая вперед.

Все остальные тоже отвлеклись и посмотрели туда, куда смотрел Антон. Немного сбоку от центра зала, на небольшом, едва заметном возвышении, стояли рядами массивные дубовые столы. На них также лежало множество книг. Какие-то из них были закрыты, какие-то — открыты, причем над многими из раскрытых томов стояло странное цветистое свечение, словно страницы древних манускриптов испускали свет сами собой. У самой поверхности некоторых листов порхали непонятные, тонкие, слегка продолговатые предметы. Они казались легкими и невесомыми, но отсюда нельзя было разглядеть, что именно это такое.

Антон подошёл ближе и оказался в одном из рядов, образованных столами. Над светящимися книгами сновали по страницам изящные гусиные перья, нанося ровными рядами на желтоватые листы колонки аккуратного письма. Никаких чернил или чего-либо подобного рядом не было, но перья писали, не переставая. Все остальные с интересом подошли поближе, наблюдая за странным зрелищем.

— Чудно́! — растерянно произнёс Бирюк, увлечённо рассматривая, как ближайшее к нему перо выписывает филигранные завитушки.

Антон нагнулся над одной из книг, светящуюся бледно-голубоватым светом, и попытался разглядеть то, что пишет в ней перо. Само же перо дописало очередную строку, закончив одному ему ведомую мысль, а затем, слегка подпрыгнув, аккуратно улеглось в углубление между сшитыми листками.

— «Он подошёл и смотрит на меня» — прочитал Антон вслух последнюю записанную фразу. Затем поднял глаза и пробормотал: — Ничего не понимаю…

— Это — Книги Судеб, — пояснила Сильфида, поднимаясь к ребятам на помост. — Иногда ещё их называют Книгами Жизни. На данный момент здесь собрано всё, что вы совершили с тех пор, как переступили границы этого мира. — затем Сильфида посмотрела Антону прямо в глаза и сказала: — Это — твоя книга. Она закроется лишь тогда, когда иссякнет твоя жизнь. А может быть, её закроют другие…

— Но ведь этого не случиться, правда? — спросил Антон так

тихо, что слышать его сейчас могла только Сильфида.

— Существуют такие вопросы, ответы на которые ты знаешь лучше меня. — так же тихо ответила ему Сильфида. — И этот — один из них…

В этот момент Танька громко чихнула. Антон вздрогнул и отвел глаза.

— Извините, — сказала Таня, потирая нос. — Это все книжная пыль дурацкая.

— Я немного не понял. «Он подошёл и смотрит на меня», — повторил сказанное Антоном Слава. — То есть перо только что написало про Антона?

— Разумеется, — подтвердила Сильфида.

— Ух ты, то есть они вообще описывают абсолютно всё, что мы здесь делаем? — обрадовался Бирюк.

— Да! — догадалась Маша. — Ведь поэтому они и светятся сейчас — потому что в данный момент пишут нашу историю! Историю нашей судьбы!

Настасья перевела взгляд на Флавиуса, который стоял рядом с ней, словно ожидая от него подтверждения версии своей подруги. Флавиус в ответ лишь коротко кивнул.

Все тут же бросились искать свои собственные книги, чтобы посмотреть, что в них написано. Поиск не составил большого труда, так как страницы книг светились именно теми цветами, которые были отданы каждому из друзей при посвящении их в Авалон, в зале Маханаксара. Малиновская мгновенно нашла собственный том — его листы мерцали бледно-зеленым, как только что распустившиеся листья березы ранней весной. Перелистнув несколько страниц назад, она с интересом погрузилась в чтение. Забавно было как будто бы со стороны смотреть на собственную жизнь, пусть даже и записанную на бумаге. Мария слегка нахмурилась, когда прочитала о встрече с Морфиусом — не совсем приятные воспоминания снова стали более четкими и реальными, а затем заулыбалась, перелистнув немного дальше и читая про то, как Перо описало её первую встречу с Пончиком: «убегая от Медведицы прочь, словно бешеный кролик, она привела в смятение своими воплями весь лес» — беспристрастно записало Перо. Потом она открыла какую-то совсем иную главу, попав на описание момента, где она только что обнаружила крестообразность собственных зрачков. Странно, но Маша удивительно быстро привыкла к этому феномену, да и остальные тоже. Никто из друзей сей факт особенно и не обсуждал, приняв это как данность…

— Интересно, что они не просто описывают нашу жизнь со стороны, а довольно-таки часто отмечают даже наше положение в

пространстве этого мира и относительно них самих тоже, — заметил Евген, скоро листая свою книгу. — Вот смотрите: «Двадцать третье мая. При попытке создания магической пули сломал старинный комод XII века десятью этажами выше», — зачитал он.

— Тунеядец, — услышал он слева замечание от Настасьи, которая так была увлечена своим фолиантом, что даже не стала поднимать на него глаз.

— Да, ты прав, — подал голос Антон, заинтересованно рассматривая свою Книгу Жизни. — Это наводит на мысль, что эти энциклопедии не являются просто бездушными предметами. Книги способны чувствовать и понимать, а возможно, в них даже происходят кое-какие мыслительные процессы.

— Не только в них, но и в пишущих перьях тоже, — поддержал их разговор Флавиус. — Ведь возможность излагать информацию предоставлена все-таки Перу, а не Книге.

— Интересно, у них разногласий между собой не бывает? — тихонько пробормотал Вячеслав.

— А что будет, если я возьму и закрою книгу? — с некоторой опаской спросил Семён у Сильфиды.

— Что ж, попробуй! — подначила его та.

Семён попытался осуществить задуманное, но у него ничего не получилось — раскрытая обложка словно приросла к столу.

— Не утруждайся, это напрасная трата времени, — посоветовал ему Флавиус. — Эта книга сможет закрыться только сама по себе. И у неё будет единственный повод это сделать. Твоя смерть.

Сеня тут же выпустил листы из рук и перестал делать попытки закрыть свой том.

— Да, именно так, — подтвердила Сильфида слова Флавиуса. — Как только сердце в вашей груди перестанет биться, книга мгновенно узнает об этом. Не спрашивайте меня, каким образом ей станет известно о вашей кончине. Я не знаю. Возможно, она что-то почувствует. Достоверно известно, что в том случае, когда хозяину грозит смертельная опасность, свет его книги начинает угасать, словно предвидя скорую гибель. Вообще тема Книг Жизни очень сложна, здесь много тайн и загадок, и почти не существует такого, чего можно сказать наверняка. Так или иначе, лишь об одном я могу здесь утверждать — в случае вашей смерти Книга захлопнет свою обложку, и сияние её померкнет… навсегда.

После этих слов Мария замерла, задумчиво вглядываясь в зеленоватое свечение собственных листов. Она словно заглянула сейчас в глубину своей души — будто бы этот божественный

жизненный свет, исходя из неё самой, выливался через пожелтевшие от времени страницы рекою её воспоминаний. Странно и страшно было представить, что когда-нибудь и эта книга, возможно, закроется тоже. Думать об этом не хотелось.

— А все эти книги, — немного тревожно спросил Антон, глядя на бесконечные окружавшие их стеллажи макулатуры. — Тоже чьи-то прерванные жизни?

— Вовсе нет, — обнадеживающе, и потому успокаивающе, ответил ему Флавиус, облокотившись на стол рядом с ним. — Здесь собрано, кроме всего прочего, ещё и великое множество… как бы это сказать… побочной литературы. Карты и чертежи самого дворца, подробное описание прилегающих территорий, история народа дварфов, битвы и сражения давно минувших лет. А также травники, датировки, собрания фауны и флоры этого мира. Словом, огромное количество всякой всячины, прямого отношения к вам не имеющего. Но, тем не менее, это все безумно интересный материал, — закончил он весомо, забавно поджав нижнюю губу.

Они просидели в Библиотеке достаточно долго, и некоторые — особенно Антон — очень расстроились, когда пришло время уходить, и Сильфида позвала их на Стрельбище. У ребят ещё оставалось совсем немного времени для тренировки.

— Жаль, — сказал Антон Тане и Бирюку, когда они уже шли обратно. — Там столько всего интересного.

— Да, довольно необычно было почитать о себе со стороны, — заметила Таня.

— И всё-таки это было достаточно утомительно, — подвел итог Бирюк, который не отличался особенной любовью к чтению. — По крайней мере, для меня.

Когда они снова оказались на свежем воздухе, солнце уже успело пройти зенит, и теперь лениво начинало клониться к верхушкам Кленового леса, словно оно и само устало от собственного жара, спеша поскорее укрыться в их прохладной тени.

Друзья вслед за своими наставниками двинулись в сторону Стрельбища, благо оно находилось совсем недалеко от центральных ворот. Когда они только вышли, Пончика нигде видно не было, и Маша уже начала расстраиваться, что она её не дождалась, но вскоре Медведица нагнала их по пути, притопав откуда-то из высокой травы, чем, конечно же, очень обрадовала свою хозяйку.

— Извини, что мы так задержались, — оправдывалась перед ней Малиновская. — Но там и правда было очень интересно, — я и не заметила, что прошло столько времени!

Пончик в ответ лизнула её в левую щёку (что было расценено как то, что она совершенно не сердится), случайно захватив при этом и несколько прядей Машкиных волос, после чего начала смешно не то фыркать, не то кашлять.

— Постучи её по спине, — посоветовал Маше Бирюк.

— Если бы я могла до этой спины дотянуться! — посетовала Мария.

У них получилось поупражняться ещё не более полутора часов, которые они провели, в очередной раз оттачивая свое мастерство в технике применения магических пуль. После продолжительного корпения в Библиотеке было очень кстати размять затекшие мышцы, разнося вдребезги размалеванные мишени.

Когда же начало смеркаться, ребята заторопились домой, чтобы им не пришлось идти в кромешной темноте через лес. После того, как их утомительная сессия наконец-то закончилась, и свободного времени стало гораздо больше, следующую тренировку назначили на вторник — ежедневно приходить было все-таки немного утомительно, да и мелкие домашние дела никто не отменял.

Уже после того, как они прошли Портал и оказались в обычном мире, потихоньку переключаясь на обсуждение привычных, земных проблем, Малиновская неожиданно спросила:

— Как вы думаете, сколько лет Сильфиде и Флавиусу?

— Не знаю, — первой ответила ей Настасья. — Честно говоря, никогда не задумывалась над этим вопросом. Кто сколько даст? — обратилась она к остальным.

— Ну, на вид им лет тридцать пять — сорок, — предположил Бирюк. — Вряд ли больше сорока…

— Да, но ведь я говорю не о том, на сколько лет они выглядят, а об их истинном возрасте, — пояснила Маша. — Я просто вдруг подумала о том, что если процесс старения замедляется столь существенно, то сколько же веков необходимо было прожить, чтобы выглядеть хотя бы на тридцать пять.

— Это ещё смотря в каком возрасте они стали бессмертными, — заметил Антон.

— Ты знаешь, я не думаю, что они столкнулись с этим лет так в тридцать, — предположил Евген. — Я имею в виду в тридцать нормальных, человеческих лет. Они ведь в своё время объясняли нам, что тела должны быть достаточно молодыми, для того чтобы успешно выдержать процессы трансформации. И, опять же, нужно обладать крепкими костями, которые способны были бы перенести внутреннее изменение химического состава, повышение содержания кальция…

— А в тридцать лет ты как будто уже прямо рухлядь древняя, — не согласилась Настасья.

— И всё-таки Женёк, скорее всего, прав, — поддержал друга Антон. — Мне представляется гораздо более вероятным, что обращение Флавиуса и Сильфиды произошло ещё до того, как им исполнилось хотя бы двадцать.

— И это возвращает нас к сути моего вопроса, — напомнила Малиновская. — Как нам известно, опять же, по их рассказам, старение тел все-таки происходит, потому что все в мире подвержено увяданию и распаду. Загадка не в этом. Так сколько же должно было пройти лет, чтобы наши наставники, пусть даже пережившие трансформацию в юном возрасте, физически смогли постареть ещё примерно на столько же?

Друзья начали приближаться к краю леса, и, несмотря на поздний час, по пути им начало попадаться все больше народу. Сквозь деревья тут и там уже проглядывали огни городских кварталов, похожие на гигантских светлячков, парящих над сгущающейся темнотой.

— Мы, к сожалению, не обладаем всей полнотой математических данных для того, чтобы знать наверняка, насколько быстро протекают те или иные действия, — сказал Антон. — Но, осмелюсь предположить, что речь идёт никак не меньше, чем о нескольких тысячах лет.

Они вышли на улицу, и Малиновская посмотрела на Антона — его лицо, освещённое в этот момент светом уличных фонарей, выражало крайнюю степень задумчивости, — похоже, он всё ещё пытался что-то сосчитать наверняка.

— Тысячи лет! — изумилась Татьяна. — Довольно впечатляюще.

— А почему бы нам как-нибудь не спросить у них об этом напрямую? — предложил Слава.

— Если они захотят об этом говорить, — ответил Евген с едва уловимой нотой не то презрения, не то просто недовольства. — Они ведь всегда такие скрытные…

Глава 9. Успехи и промахи

— Меня уволили, — безо всяких предисловий уныло сообщила Малиновская, прежде чем Настасья успела задать хоть какой-то вопрос.

Дело было, как обычно, во дворе их многоэтажки. Маша ещё раньше хотела рассказать эту удручающую новость своей лучшей подруге и направилась к ней в гости, но, не застав Настю дома, вышла грустить во двор. Дома было находиться совершенно невыносимо, а мысль о том, что ей ещё предстояло поведать обо всем маме, расстраивала ещё больше.

Конечно, Ольга Александровна не стала бы особенно ругать свою единственную любимую дочь, она бы даже ничего ей не сказала в укор, — просто бы села, как обычно, на кухне, на старенькую колченогую табуретку, и, помешивая тихонько ложечкой свой любимый зеленый чай, грустно вздыхала и смотрела в окно. Маша ужасно не любила такие моменты — иногда бывали ситуации, когда она бы предпочла, чтобы мама кричала и ругалась, и говорила ей, что у неё бессовестный и беспутный ребенок. А когда она просто молча садилась, ничего не говоря, печальная и тихая, — значит, она расстроилась по-настоящему. В такие моменты хотелось провалиться сквозь землю. Или даже умереть. Хотя, в свете последних событий, второе уже было практически невозможно.

Настя, положив рядом свою сумку, аккуратно присела рядом с Малиновской на самый краешек скамейки и взяла подругу за руку:

— Ты как? Ты расстроилась?

— Я расстроилась даже не из-за самого факта увольнения, а скорее, из-за ожидаемой реакции мамы — вот она расстроится, я знаю.

— Это всё потому, что ты опаздывала?

— Да, — честно призналась Маша, не поднимая глаз. — Я ещё в прошлый раз всех торопила, помнишь? В итоге прибежала на работу, как взмыленная лошадь. И все равно сильно опоздала. Может, все ещё и прокатило бы, но я, естественно, нарвалась на Ивана Васильевича. Мне же всегда, блин, везёт! Видимо, настроение у него в тот момент было не очень хорошее. Короче, орал он ужасно. И предупредил, чтобы это было в последний раз. Ну, это ещё в ту субботу было. А в этот раз я вообще телефон дома забыла, представляешь? Когда вернулась, там было шесть непринятых вызовов от Мишки и один — от Ивана Васильевича. Перезванивать начальнику напрямую я побоялась, а Мишке как-то

стыдно было — я и так постоянно просила его меня отмазывать. Я уверена, — он и в этот раз сделал всё, что смог…

— Просто ты ему нравишься, глупенькая, — Настасья погладила её по плечу.

— Да, наверное, — как-то немного рассеянно ответила Машка. — В общем, я набрала Ритке — ну, знаешь, той девчонке, с которой у нас смены совпадают. Она мне всё и рассказала. Иван Васильевич специально зашёл проверить — на месте я или нет. Кричал там, шумел. Типа того, «что она вообще о себе думает…», «тут у него желающих полно…», «работники должны быть дисциплинированными…», и всё в таком же духе. А в конце сказал: «чтобы ноги её больше здесь не было!». Вот так. Да я теперь туда и сама никогда не приду. Очень надо!

— Мань, да и плюнь ты на всё! — принялась успокаивать её Настя. — Сколько ты там получала? Пятьсот рублей за смену? Пусть они ещё за такие деньги кого-нибудь попробуют найти! У тебя, если так по-честному сказать, прямо паранойя из-за этой работы развилась — все после тренировки домой нормально идут, не спеша, а ты прямо как с цепи сорвалась — «скорей! скорей!» Забудь. Будешь теперь как все нормальные люди.

— Ну это-то да, — вздохнула Маша, ковыряя носком туфли основание лавочки. — Просто хоть деньги какие-никакие были. Теперь, видимо, придётся все время у мамы просить.

— Ничего страшного, и я у папы прошу…

— Не-е-ет, ты не просишь, — ныла Малиновская. — Тебе папа на карточку сам переводит!

— Я не буду лукавить — он хорошо получает. Ты и сама это знаешь. Но он всё-таки капитан, — в голосе Настасьи зазвучал едва уловимый оттенок гордости. — И дело-то не в этом. Послушай меня. Ты наработаешься ещё за свою жизнь. Поэтому не нужно переживать. Ты сама посмотри — в нашей компании кто работает-то? Ну, Антон курьером подрабатывает — иногда там какие-то цветы, букеты развозит на своем авто. Евген всякие компьютерные железяки чинит, клиентов через знакомых ищет, одному ему только ведомых. А если так подумать, им же другого не остается — выкручиваться надо, потому как никто, кроме них самих, их не покормит. Одни ведь живут. А все остальные — как и мы с тобой. Таня вот с Бирюком тоже. Хоть и без родителей — но они у них рядом живут — вон, у Таньки в этом же доме. Чуть что — всегда могут к ним прийти. Так что выбрось всё это из головы. Пойдем лучше ко мне, — чаю попьем.

— Да не надо, что ты! — начала отмахиваться Малиновская. — У тебя там папа отдыхает, наверное, — не хочу мешать.

— Тогда пойдём, просто прогуляемся по району, — Настя встала и потянула Машу за руку. — Хорошая прогулка всегда развеет плохие мысли. Пошли!

Малиновская с неохотой повиновалась. Прихватив свои сумки, девчонки неспешно двинулись в сторону бульвара. Месяц июнь только начинался, погода была замечательной — чего ещё можно было желать?

* * *

Друзья ещё дважды посещали Нифльхейм, и всё это время они провели на Стрельбище, до бесконечности оттачивая своё мастерство в попадании, в меткости и точности ударов своих магических пуль. Флавиус не уставал их хвалить, говоря, что у него никогда доселе не было таких способных учеников, и даже обычно сдержанная на какие-либо эмоции Сильфида время от времени снисходительно улыбалась или поощряла их одобрительными высказываниями.

Ни у Марии, ни у кого-либо другого из её товарищей теперь не возникало и малейших заминок при сотворении магии — это было похоже на то, как будто первоклассники выучили, наконец, алфавит, и теперь пытаются составлять слова и предложения. Друзья полностью сосредоточились на поражении цели, и даже реакция у всех стала намного четче и стремительнее. Маша испытывала восторг не только от самой себя, но и некое внутреннее удовлетворение от того, что у неё получается не хуже, а иногда и лучше, чем у других.

Наконец, в конце одной из тренировок наступил такой момент, когда никто из них не пропустил ни единой мишени — абсолютно все разрисованные деревянные кругляши, разбитые, валялись у дальнего края тренировочной площадки, и о том, что они вообще когда-то там стояли, напоминали лишь остатки поломанных треног, на которых они были закреплены.

В четверговых сумерках у всех было распрекрасное настроение, и веселая компания возвращалась домой, вполне довольная собой. Сильфида и Флавиус, провожая их в этот раз до Портала, постоянно подбадривали их, поднимая им «боевой дух», как назвал это Славик, и пообещали, что на следующей встрече они смогут перейти ко второму, ещё более интересному, увлекательному и зрелищному этапу их обучения. Все были полны надежд и радостных предчувствий. Ко всему прочему уже завтра, а именно — двенадцатого июня, у Настасьи предвиделся знаменательный день — день рождения, да к тому же ещё

наступление совершеннолетия. Она, естественно, приглашала всех, но, как позже выяснилось, Слава и Семён прийти не смогли — они уезжали со своими родными на дачу на все выходные. Настасья, разумеется, ничуть не обиделась — в принципе, они всё-таки не так уж и часто отмечали какие-нибудь торжества полным составом (всё зависело от обстоятельств), да и, кроме того, она всегда с пониманием относилась к чужим делам.

Жарким пятничным вечером в Москве было людно и душно. После отгремевших майских гроз дождей в ближайшее время не предвиделось, и народ постепенно начал переходить на более пляжный вид одежды. Вот и Евген, подходя к товарищам, которые уже ждали его на улице, оделся соответствующе: цветные веселые шорты и майка. Выглядел он при этом, конечно, довольно симпатично, но не совсем по-праздничному, если учесть, что он всё-таки собирался идти на день рождения, а не на пляж.

— С днём рождения! — Женя поцеловал Настасью в щеку, и сунул ей в руки какую-то маленькую белую коробочку. Потом он поздоровался с Машей и Антоном, стоящими рядом.

— М-м-м, спасибо, а что там? — поинтересовалась Настя.

— Это слишком личное. Дома откроешь, — и странно было в этот момент видеть на лице Евгена некоторое смущение.

— Женёк, мог бы и поприличнее одеться, — сделал замечание Антон; сам он был в джинсах и полосатой рубашке с короткими рукавами. — В ресторан все-таки идем!

— Не ресторан, а кафе, — поправил его Евген. — И вообще, мне Настя ничего не говорила про дресс-код. Я ей и таким нравлюсь, правда? — он подмигнул Настасье.

Та в ответ хмыкнула и отмахнулась: — Ну чего, пойдемте? Пешком до «Кампуса» минут десять, не более.

— Как, а разве Таня и Бирюк не идут? — удивилась Малиновская.

— Ой, я же забыла вам рассказать! — Настя поправила в руках огромный букет с белоснежными лилиями, который ей уже успели подарить Маша и Антон. Вообще Настасья сразу предупредила всех о том, чтобы ей не дарили никакого барахла и безделушек, поэтому ребята, подумав, просто скинулись все вместе и вручили ей шикарные цветы, а Евген, таким образом, сделал дополнительный «презент» от себя.

— Таня с Вовой не смогут прийти, — сообщила Настя. — Мне Вовка позвонил где-то час назад, там Танька вся зелёная и её тошнит — они решили, что это отравление. Ребята правда очень расстроились, они ведь так хотели пойти — ну, ничего не поделаешь. Здесь, так сказать, обстоятельства непреодолимой силы.

— Значит, ждать нам больше некого, — развел руками Евген. — Пойдёмте.

— Надеюсь, у Тани ничего серьезного, — беспокоилась Малиновская по дороге в кафе.

— Не волнуйся, она у нас сильная, — ответил ей Антон. — Да и к тому же там рядом с нею Бирюк, так что ничего страшного, я уверен.

В кафе было полно народу — «Кампус» пользовался неизменной популярностью у местной молодежи, да и цены тут не особенно кусались. Друзья все-таки сумели найти свободный столик, и к ним тут же подскочила молоденькая официантка, спеша принять заказ.

— Боже, я прямо опять про свою работу вспомнила, — с нескрываемым ужасом сообщила Малиновская, когда девушка, записав все их пожелания в блокнот, удалилась. — Вы же, наверное, не знаете, — обратилась она к парням, — меня ведь уволили!

Следующие пятнадцать минут, пока они ожидали свой заказ, Маша подробно рассказывала Антону и Евгену все то, о чем уже знала Настасья. Общее мнение сошлось на том, что Иван Васильевич — старый козёл, отчего Машка окончательно развеселилась и твердо решила, что больше не будет накручивать себя по этому поводу.

Наконец подали первую порцию заказанных блюд — разнообразные салаты и напитки, а также вино, и разговор плавно перешёл в другое русло. Евген тут же откупорил бутылку, чтобы выпить за здоровье именинницы. После очередного тоста атмосфера вокруг заметно улучшилась, а уровень вина в бокалах значительно понизился, что тоже сыграло свою роль в повышении настроения.

— Смотрите, что мне сегодня папа с утра подарил, — Настасья приподняла рукав своей расшитой мелкими бисеринками блузки, — на её руке красовались блестящие, дорогие часы. Изящный ремешок легко и элегантно охватывал тонкую кисть, а циферблат по краям был выложен драгоценными камнями.

— Ух ты, как классно! — восторженно воскликнула Маша, таща при этом Настину руку через весь стол на себя, чтобы получше всё рассмотреть.

Евген вытянул шею — ему тоже явно не терпелось взглянуть на часы.

— Бриллианты и сапфиры, я полагаю? — мгновенно определил Антон.

— Как ты догадался? — изумилась Настасья.

— Прочитал твои мысли, — серьезно ответил Антон. Ответ прозвучал слегка невнятно, так как он уже успел набить рот едой.

Маша не поняла, шутит он или нет, но, на всякий случай, хихикнула.

Тем временем вечер шел своим чередом, за окнами становилось всё темнее, и народу в заведении оказалось ещё больше, чем было сначала. Включили живую музыку — многие посетители, уже как следует заложив за воротник, пошли танцевать. Отовсюду слышались возбужденные голоса и грохот отодвигаемых стульев.

— Ты не хочешь пойти? — Евген приобнял Настю, кивнув на танцпол.

— Я, честно говоря, не очень люблю танцевать, Евгеш.

— Как хочешь, — ответил он, но руку с Настиного плеча убирать не стал.

Они просидели уже достаточно долго, и яркие желтые огни на улицах светили все ярче и ярче, разгоняя наступающую ночь. Затем принесли десерт — мороженое и коктейли. Мария, задумчиво помешивая трубочкой забавное ванильно-клубничное месиво, сказала:

— Я тут знаете о чем подумала? Про Таньку…

— А что про Таньку? — спросила Настя, кажется, слушая не очень внимательно и разглядывая потолок — по нему прыгали разноцветные световые гусеницы и звездочки, подрагивая в такт музыке.

— Я имею в виду, разве такие, как мы, — с нажимом на последнее слово произнесла Маша. — Могут отравиться? Или вообще заболеть?

— Почему бы и нет, — предположил Антон. — У нас же остальные, так сказать, физиологические процессы происходят. Вот и здесь тоже.

— А если, допустим, кто-нибудь из нас заболеет смертельной лихорадкой? — спросил Евген, ковыряя вилкой остатки недоеденного им салата. — Он ведь не умрёт? Да? А как тогда быть?

— Да откуда мы можем это знать? — ответила за Антона Малиновская, подперев голову рукой. — Все сейчас слишком сытые и уставшие, уже голова не варит для таких сложных тем. Потом у Сильфиды сам спросишь.

— Не хочу я у неё ничего спрашивать, — насупился Евген. — Она мне не нравится.

— Вот это да! — удивилась Настя. Она перестала разглядывать танцующих и посмотрела на Евгена: — С чего это?

— Знаешь, немного напрягает её прохладно-снисходительное

отношение. Как будто мы такие тупые, что не в состоянии ничего понять. Меня это бесит, — признался Евген. — Я уже и не говорю о нашем, мягко сказать, странном методе обучения. Все как будто из-под палки. Никакой свободы. Никакого творчества. Расписание, как в пионерском лагере. Утром пришли, вечером ушли. Надоедает.

Маша даже мороженое есть перестала, слушая такие речи. Ей и в голову никогда не приходило, что можно хоть чем-то быть недовольным. По крайней мере, её в обучении устраивало абсолютно всё, о чем она и поспешила сообщить Евгену:

— Свободное расписание? Скажи мне, дорогой мой друг, зачем оно тебе сдалось? Мы ещё толком ничего не умеем!

— Замечательно вообще, — огрызнулся Евген. — Столько времени ходим-бродим, а так до сих пор ничему и не научились!

— Значит, такие уж мы ученики, — Маша пожала плечами, явно не собираясь спорить.

— Да нет, значит, такие уж у нас учителя! — Евген зло ткнул своей вилкой в салат.

Мария смешалась, и не нашлась с ответом. Может, ей уже мерещится всякий бред оттого, что она выпила слишком много крепкого вина, которое они заказали? Она покосилась на Антона, чтобы убедиться в том, что её друг слышал сейчас то же самое. Антон в этот момент внимательно смотрел на Евгения. Лицо его было серьезным.

— Жень, не надо вносить смуту в и без того непростые дела, — тихо сказал Антон.

— А не надо мне тут указывать, что мне можно делать, а что нельзя! — в голосе Евгена промелькнули едва уловимые нотки угроз.

— Дружочек, ты явно перебрал, — Настя погладила его по голове, причесывая растрепанные волосы. — Пойдем-ка домой. Все уже сыты и довольны.

— Ты, небось, решила, что я снова разозлюсь и попытаюсь кого-нибудь изжарить? — уже довольно весело произнёс Женек, косясь на Антона, и опрокидывая при этом пустой бокал.

— Нет-нет, не в этом дело, — Настасья явно старалась уладить все так, чтобы все заинтересованные стороны остались довольны. — Времени много, а завтра утром, очень рано, мой папа уже уедет. Если вы не против, я бы хотела провести оставшиеся несколько часов с ним — ведь потом мы не увидимся целых полгода.

Это было правдой, и Настасья здесь ничуть не слукавила — её папа должен был завтра снова сесть на поезд до Мурманска, чтобы на долгих шесть месяцев отправиться в очередное плавание

к далеким, таким чужим и холодным берегам. Кажется, этот довод показался Евгену достаточно убедительным, и он, почти не сопротивляясь, дал себя увести.

— Просто немного перебрал, вот и всё, — шепнула Настасья друзьям, когда они уже выходили из кафе.

— Да, он же больше всех выхлебал, — сказала Малиновская, и добавила (уже одному Антону): — Согласись, у него бывает такое… недовольство всем миром.

— Пусть научится держать свое недовольство при себе, — мрачно ответил Антон.

— Брось! Все равно хорошо посидели, — Малиновская явно не придала ничему значения. — Уютно и мило. По-домашнему.

Антон только вздохнул.

* * *

Быстро пролетели выходные, и веселое лето продолжалось на всех московских улицах и площадях. Клумбы утопали в пестром разноцветии анютиных глазок и бархаток. Все чаще мимо родной оранжевой многоэтажки проезжала поливальная машина, обдавая холодной водой разогретый до невозможности асфальт, смывая нарисованные мелом картинки и заставляя при этом с визгом разбегаться местную детвору.

Слава и Сеня вернулись со своих кратковременных, но крайне продуктивных поездок на дачи — оба выглядели отдохнувшими и загоревшими. Славик, к тому же, привез с собой целую связку пойманных им окуней. Маша и Настя в воскресенье ходили на пляж, на Лебедянское озеро, чьи искрящиеся на солнце воды со всех сторон окружала зеленая стена Измайловского парка. Это было одно из излюбленных мест для отдыха всех, живущих поблизости. Огромные сосны, росшие там на прибрежных склонах небольших холмов, выглядели величественно и немного печально в любое время года.

Малиновская почти принудительно потащила свою лучшую подругу на прогулку ещё и потому, чтобы улучшить настроение Настасьи и не дать ей впасть в очередной «приступ уныния», как называла это Маша про себя. Буквально вчера Настя проводила своего папу обратно в Мурманск. Прощание на перроне было недолгим, но закончилось, как это обычно и бывало, Настиными слезами. На самом деле она бы давно уже могла переехать к папе и жить вместе с ним, но постоянно откладывала этот переезд на более позднюю перспективу. Причин было множество: начиная от того, что её не очень прельщала жизнь за северным полярным

кругом, и заканчивая простой и понятной, но невыносимой в этом случае разлукой с друзьями, что, разумеется, тоже не добавляло плюсов к идее о смене места жительства. Частые поездки в такой далекий город тоже были невозможны, вот и приходилось папе и дочке видеться лишь несколько раз в году.

В день середины июня весь Авалон в полном составе снова собрался под древними башнями Нифльхейма, чтобы продолжить нелегкое, но такое увлекательное постижение основ магической премудрости. На этот раз, по просьбе Сильфиды, они расположились немного в стороне от Стрельбища, придя на зеленую, недавно скошенную траву огромного луга. Топающей за ними по пятам Медведице это тоже явно было по нраву — мягкая трава нравилась ей заметно больше, чем пыльный желтый песок тренировочной площадки.

— До недавнего времени мы рассказали вам о многом, но показали — увы! — слишком мало, — сказала Сильфида расположившимся вокруг неё ребятам. — Пришло время заполнить этот пробел. Сегодня мы приступим к практическим демонстрациям, к наиболее эффектным визуальным воплощениям нашей магии. Новичка они, пожалуй, даже немного испугали бы, но вы, друзья мои, увидели и узнали уже достаточно и о том, какими силами обладаете, и о том, на что вы способны. По крайней мере, вы близки к этому, как никогда прежде.

Малиновская залюбовалась на мгновение, глядя, как ветерок колышет самые дальние стебли изумрудной травы на пологих склонах, ещё совсем свежей и нетронутой. Но отвлекаться было нельзя — и она снова вся обратилась в слух.

— Как вы уже знаете, — продолжала Сильфида. — В поединке чрезвычайно важна быстрая реакция, хотя поначалу бывает трудно сообразить, чего именно стоит ждать от противника. Применить дезактивирующую магию не всегда получается вовремя, поэтому простейшим способом обретения наибольшей безопасности станет создание собственного защитника, а именно — магического зверя.

— У меня уже есть магический зверь! — похвасталась Малиновская, потрепав Пончика по голове.

— В каком-то смысле — да, — согласилась с нею Сильфида. — Но твоя медведица состоит из плоти и крови, поэтому ей, к сожалению, можно причинить вред. Магический же зверь теоретически бессмертен, потому что он существует до тех пор, пока существует хозяин, его создавший. Эти существа не обладают, по сути, собственным сознанием, они практически полностью контролируемы, однако такой зверь, к примеру, все-таки будет способен перехватить магическую пулю, летящую вам

в спину, либо предотвратить иную угрозу вашей жизни (не слишком существенную), потому что сам смысл их, скажем так, жизни, сводится к самопожертвованию ради хозяина. Я подчеркиваю — это очень важно понимать! — магическое животное сможет вас защитить только от магических атак. От выстрела из… забыла… как же оно называется? Проклятие Людей…

— Пист-о-лет, — подсказал Флавиус. — Или ру-жё.

— Да-да, именно, — кивнула Сильфида. — Все эти ужасные человеческие механизмы в любом случае причинят вам увечья.

— Увечья — это если нам повезёт, — шепнул Тане Бирюк. — А не повезёт — убьют.

— Это заметный минус, — недовольно сказал Евген.

— Но вы все-таки адепты магии. Элементали, а не земные воины, — заметил Флавиус. — Так что сотворение зверя может оказаться куда как предпочтительнее.

Евген не ответил, но нахмурился.

— Так каким же образом нам создать этого самого зверя? — загадочно спросила Сильфида, медленно обходя ребят большим полукругом. Мария заметила, что травинки под ногами Сильфиды при ходьбе практически не сгибались — она словно полу-плыла над землёю.

— Вся наша магия основана на воплощении реального из подсознания, — говорила она. — Осталось узнать детали. Итак, в своей голове мы представляем себе любого зверя, какого нам захочется — как правило, в скором времени адепт привыкает к определенному типу животного, и в последующем призывает только его. А сейчас мы покажем вам магический поединок, чтобы вы более наглядно представляли, о чем идет речь. Флавиус, встань, пожалуйста, напротив меня, — попросила Сильфида, отходя немного назад, чтобы увеличилось расстояние между ними.

Каждый из ребят в нетерпении ожидал увидеть предстоящее зрелище. Малиновская придвинулась поближе к Пончику — на всякий случай. Настя и Татьяна так и вовсе смотрели во все глаза, словно боясь пропустить начало.

Сильфида и Флавиус, разойдясь в разные стороны на достаточно приличную дистанцию (при этом они как бы оказались боками к зрителям), развернулись друг к другу лицом и замерли. Окружающая атмосфера тоже заметно изменилась: даже такой привычный, легкий ветерок — и тот совсем стих.

— Освобождаем своё сознание от посторонних мыслей, — Сильфида говорила достаточно громко, чтобы было слышно всем, и голос её разлетался по зеленому лугу, словно быстрая рябь по

зеркальной воде. — Спину держим твердо, прямо и ровно, а руки протягиваем вперед, лишь слегка сгибая в локтях. Представляем себе, как магический зверь-защитник выползает из вашей груди, из ваших ладоней. Он должен будто выпрыгнуть из сердца, вы отрываете частичку себя. Вообразите, как он выбирается из грудной клетки прямо на расстилающуюся перед вами траву. Почувствуйте его!

В следующий миг между пальцами Сильфиды заструился тончайший голубоватый дымок, он становился всё плотнее, его было все больше и больше, пока её ноги не очутились, наконец, посреди волнующихся бледно-сапфировых клубов, а затем, неожиданно, голубая дымка соткалась сама собою, подобно тончайшим нитям паутины, собранным воедино, в прекрасного синего барса. Бесплотность оформилась в нечто изысканно-материальное, и было это оттого ещё более удивительно, что произошло на глазах у всех, и каждый из Авалона видел будто бы во сне то, что сном не являлось.

Барс был в точности как настоящий, но все же оставался довольно прозрачным и светлым, словно свет его шёл изнутри, хотя контуры видны были очень четко. Животное казалось достаточно большим, — по крайней мере, гораздо больше, чем если бы это был обычный, земной зверь.

— Теперь я представляю себе, что мои руки — это лапы барса, и я хочу, чтобы он шёл вперёд, — не успела Сильфида сказать это, как барс неспешно, с достоинством, но все же достаточно быстро двинулся вперед, навстречу Флавиусу.

Флавиус тоже вытянул руки, приняв подобие боевой стойки, и по его напряженному лицу видно было, как сильно он сосредоточен. Его кисти засветились алым, и казалось, будто и от него самого сейчас повеяло ветром, который пронёсся над раскалёнными углями, а затем из его груди и ладоней, отделившись от тела, взмыл вверх, в небо, огромный пурпурно-огненный орёл. Взмахнув исполинскими крыльями, птица описала круг над стоящими внизу, и зависла в воздухе над своим создателем. Мария, стоящая к Флавиусу ближе всех, почувствовала от сотворенного орла волны тепла. Всякий раз, как он взмахивал крыльями, её словно обдавало жаром.

Барс Сильфиды продолжал неторопливо идти вперёд, пройдя уже более половины разделявшего их с Флавиусом расстояния. Он тихо, угрожающе рычал, изредка обнажая свои острые, словно сабли, клыки.

Малиновская подумала, каким же образом зверь и птица будут сражаться, если синий барс в любом случае не сможет допрыгнуть до огненного орла? Но барс и не пытался выполнить

невозможное, внезапно он остановился, присел, напрягая все свои мускулы, и одним огромным прыжком ринулся прямо на Флавиуса. Флавиус среагировал мгновенно: изобразив несколько странных пасов руками, он распахнул свои ладони, и в тот же миг громкий орлиный клёкот разорвал небеса — птица-гигант ринулась вниз, на синего барса, с одной единственной целью — защитить во что бы то ни стало своего хозяина. Орёл успел поймать барса прямо на середине прыжка, и они оба, сцепившись, упали на землю, сплетясь в тесный клубок борющихся тел. Наконец барсу удалось каким-то образом подмять орла под себя. Здесь преимущество оказалось у Сильфиды — ей гораздо легче было управлять своим зверем, когда он находился всеми четырьмя лапами на земле.

Острые орлиные когти впились в тело барса, и тот взревел, огрызаясь, — его страшные челюсти защёлками у самой орлиной шеи. Орёл, прижатый к земле, неуклюже хлопал крыльями, стараясь своим острым клювом и когтями выцарапать барсу глаза.

Мария быстро переводила взгляд то на Флавиуса, то на Сильфиду — руки обоих противников без конца выписывали сложные, неповторимые движения, их пальцы словно играли неслышимую остальным мелодию на неведомых инструментах; иногда, раз или два, они даже крутились на месте, но все это было больше похоже на танец, чем на борьбу.

Накал схватки все более нарастал, и от борющихся животных в разные стороны даже начали разлетаться красные и синие искры. Неожиданно для всех орёл вырвался, взмахнул крыльями раз, другой, третий, и не успел барс опомниться, как огромная птица, ухватив его когтями за спину, рванула вверх, унося зверя в небо. Барс заверещал, изгибая шею и стараясь добраться до орлиных лап, но орёл поднимал его всё выше и выше, а затем внезапно разжал когти, — и барс с воплем рухнул вниз.

Друзья одновременно вскрикнули, Таня и Настя даже отскочили от испуга назад, а Маша от страха хотела зажмурить глаза, но не успела. Она уже ожидала услышать жуткий звук бьющегося о землю тела, но вместо этого барс, достигнув земли, рассыпался на тысячи и тысячи синих и голубых искр. Облако переливающихся блесток вспыхнуло, и было похоже, как будто с большой высоты плюхнулся мешок с мукой: пыль, хлопок — и все прекратилось. Орёл, издав победный клич, сложил свои крылья и исчез в ослепительной солнечной вспышке. И наступила тишина.

Примерно минуту никто не произносил ни слова — настолько все были под впечатлением от прошедшей схватки. Наконец Флавиус нарушил молчание:

— В этот раз я выиграл! — весело сказал он, подходя к

Сильфиде. — Какого это — чувствовать себя поверженной?

— Не вижу в этом ничего страшного, — невозмутимо парировала Сильфида. — Проигрывать иногда полезно — предотвращает, знаете ли, приобретение некоторых человеческих пороков. Таких, как гордыня, — пояснила она, заметив недоумённый взгляд Флавиуса. — На самом деле, я просто не ожидала, что ты схватишь меня за спину, — продолжила она, обсуждая бой, — но, должна признать, приём нешаблонный. Вам понравилось? — обратилась она к ребятам.

— Вообще классно! — восхитился Бирюк.

Остальные парни горячо с ним согласились.

— Мне жалко барса, — немного грустно сказала Настя. — Он был таким красивым…

— Не печалься, он погиб лишь в этой схватке, — Сильфида обняла Настасью за плечо. — В следующей битве он снова будет готов сражаться.

— Правда? — не поверила Настасья.

— Конечно. Я же сказала — они живы до тех пор, пока жив хозяин.

— Когда мы сможем научиться так же? — серьёзно спросил у неё Евген. — Через месяц? Полгода? Год? Или будем пока что продолжать бродить по библиотекам и читать книжечки?

В последнем вопросе явно ощущалось некое едкое недовольство, даже укор, и Сильфида мгновенно это поняла. Однако она ничем не выказала своих эмоций, её лицо оставалось таким же беспристрастным, как и всегда. Она лишь мимолетно переглянулась с Флавиусом.

— Приступим к тренировке сейчас, — неожиданно предложил Флавиус. — Почему бы и нет? Давай-давай, выходи!

— Что, серьёзно?! — опешил Евген. — Я… в смысле… не уверен, что у меня получится.

— Ведь ты же хочешь больше свободы во всем, — глядя ему прямо в глаза, произнесла Сильфида. — Так вот, мы предоставляем тебе такой замечательный шанс. Неужто ты сделаешь шаг назад?

Евген даже слегка покраснел. Он обернулся — на лицах его друзей застыли едва сдерживаемые улыбки, особенно у тех, кто присутствовал на дне рождения Настасьи. В его голове стремительно промелькнула мысль: откуда Сильфида знает, о чем я думал и говорил? Может быть, она каким-то образом слышала этот разговор? Идея выглядела абсурдной. Скорее уж можно было предположить, что она попросту прочитала его мысли. Если уж Антон теперь умеет это делать, то она и подавно. Либо — предположил Евген — кто-то из моих так называемых друзей уже

наябедничал на меня. Однако он быстро взял себя в руки. В окружении стольких внимательных ушей и глаз он явно не мог ответить отказом на такое предложение. Чтобы его потом считали трусом? Да никогда в жизни!

— Хорошо, — произнёс он громко. — Я готов. Но, полагаю, что вы наверняка победите меня, ведь у меня не было той бесконечной уймы времени, которая была предоставлена вам, чтобы отточить свои навыки до совершенства.

И снова Сильфида пропустила этот словесный укол мимо ушей. Она лишь слегка улыбнулась и негромко произнесла:

— Нет, Евгений. Ни я, ни Флавиус даже и не думаем бороться с тобой. Ты сам выберешь себе равного противника. Любого. Из своих друзей, — и она отошла в сторону, жестом предлагая ему выбрать себе достойного соперника.

— Отлично, — мгновенно отреагировал Евген. — Тогда я выбираю Машу.

— Меня? — опешила Малиновская.

Остальные, похоже, удивились не меньше её — Мария скорее почувствовала, чем увидела, как справа от неё Настя и Таня озадаченно переглянулись, да и парни пришли в некоторое замешательство. Все почему-то были уверены, что Евген выберет Антона — как противника, наиболее равного себе не только по возрасту, но и по уровню мастерства. По крайней мере, на всех тренировках эти двое уверенно вырывались вперёд, оставляя большинство из них далеко позади. В лучшем случае, Женя мог бы выбрать кого-нибудь из остальных ребят, но он, по одному ему ведомым причинам, остановил свой выбор на девушке, и именно на Малиновской.

— Что же, решение принято, — объявила Сильфида, пока все были немного удивлены, и никто не успел даже ничего толком возразить; для неё, похоже, выбор Евгения не стал чем-то неожиданным.

— Мария, — позвала она Малиновскую. — Подойди сюда. Ближе, ближе, не бойся. Это ведь всего лишь тренировка.

Маша на ватных ногах поплелась вперёд, провожаемая несколько встревоженными взглядами своих друзей. Пожалуй, впервые за всё время пребывания здесь ей было немного некомфортно. Она понимала, что ничего плохого произойти не должно, — по крайней мере, здесь все её друзья, да и Флавиус с Сильфидой мгновенно смогут прийти на помощь, если возникнет какая-либо опасность. И всё же ей было как-то не по себе.

— Пожалуй, начнём, — сказала Сильфида. — Так как это самая первая тренировка подобного рода, я не ожидаю от вас слишком многого. Поэтому не нервничайте, всё будет в порядке.

В случае чего, Евгения подстрахует Флавиус, ну а я, — Сильфида взглянула на Марию, — помогу тебе. Давайте разойдёмся на разные стороны поля и посмотрим, получится ли у вас что-нибудь.

Каждая из пар — учитель и ученик — двинулись навстречу друг другу и, разминувшись у центра поля, они разошлись к его краям. Малиновская посмотрела на своих подруг — Таня и Настя оживленно перешептывались. Настасья, увидев, что Маша смотрит на неё, подняла большой палец вверх, как бы показывая свои предпочтения. Конечно, приятно было осознавать, что между своим парнем и лучшей подругой она выбрала подругу. Это успокаивало, но не очень. Потом Малиновская перевела взгляд на Антона — тот следил за тем, как беседуют между собой Флавиус и Евген. Антон заметно нервничал, и его волнение с почему-то удвоенной силой начало передаваться Малиновской.

— Сосредоточься! — наставлял Евгения Флавиус. — Ты можешь выбрать себе абсолютно любое животное. Какое захочешь. Но, как правило, призывающий привыкает именно к тому зверю, которого он вызывает в самый первый раз, поэтому советую тебе ответственно отнестись к предстоящему выбору.

— Я уже выбрал себе животное, спасибо, — довольно прохладно ответил Евген.

— Тогда не вижу причин, почему бы тебе не вызвать его прямо сейчас, — предложил Флавиус.

— Я не нуждаюсь в лишних понуканиях, — процедил Евген сквозь зубы, принимая боевую стойку.

Флавиус в ответ лишь пожал плечами и отошел на некоторое расстояние назад, встав за спиной Евгена.

— Помни всё, о чем я тебе говорила, — шепнула Сильфида Марии в левое ухо. — У тебя всё получится. Я верю в тебя, — и она тоже отошла он неё на несколько шагов, оставляя наедине со своими мыслями.

Это было невероятно сложно. Когда друзья тренировались в создании магических пуль, никто особенно не смотрел на Машу, потому что все они стояли приблизительно на одной линии. Сейчас же ощущение было совсем иным — будто она сдает экзамен у доски, и, что самое страшное — если ей не удастся найти верное решение этой задачи, — то случиться… да что же именно случиться? Она и сама не знала.

Малиновская никак не могла собрать все разрозненные мысли воедино. Она не только не думала о создании магического зверя — в данный момент она не думала вообще ни о чем. Она разглядывала Евгена, принявшего боевую стойку, его сосредоточенное, напряженное лицо — очевидно, её

неожиданный соперник явно настроился на бой. Потом Маша начала рассматривать просто окрестные пейзажи и дальние поля. Лучше бы она этого не делала, потому что, приглядевшись, различила вышедших на окраины маленьких огородиков дварфов — они побросали свои мотыги и лопаты, с интересом наблюдая за происходящим. Очевидно, дварфы были привлечены демонстрационным боем Флавиуса и Сильфиды, и теперь им не терпелось посмотреть на ещё одно новое представление. От того, что на неё сейчас смотрят не только друзья, но и несколько десятков дварфов, у Маши закружилась голова, и заболел живот. Ей захотелось закрыть глаза и убежать. Или просто упасть и не шевелиться. Но сделать ни того, ни другого она не успела.

С громким хрипом, треском, шипением, какой обычно бывает, как если на раскаленные донельзя угли плеснуть ледяной водой, из груди и рук Евгения выпрыгнуло перед ним на траву нечто огромное, оранжево-красное. Под лапами невиданного зверя моментально обуглилась трава, а он встрепенулся, расправляя свои огненные мускулы, и его рык, подобный грому, разнесся по долине Карнимирии. Дварфы на ближайших к полю огородах приветственно заулюлюкали, и даже Флавиус восторженно вскрикнул. Исполинский тигр, тяжело дыша, поворачивал свою громадную пепельно-рыжую голову из стороны в сторону, словно оглядывая мир, в которой он только что пришёл.

Затем Евген властно выбросил правую руку вперёд, и тигр, повинуясь его приказу, двинулся на Малиновскую. Его огненно-бордовые лапы, наступая на изумрудную траву, обращали её в пепел, и от зверя шёл жар даже больший, чем от орла, сотворенного Флавиусом. Марию сковало оцепенение. Она, конечно, видела тигров в московском зоопарке, и в цирке тоже, но этот тигр был гораздо страшнее настоящего — он был просто невероятно, непозволительно огромен, и чем ближе он подходил к ней, тем сильнее она ощущала его губительное дыхание, словно вместо легких у него стояли горны преисподней.

Мария начала лихорадочно соображать над тем, какое животное ей призвать. Какой из зверей окажется достаточно силён, чтобы противостоять самому тигру? Только кто-то из той же породы… Ничего не лезло в голову, а между тем тигр уже миновал центр поля, и скоро он сможет подойти достаточно близко, чтобы прыгнуть. Маша заозиралась, ища глазами Сильфиду, но той нигде, кажется, не было рядом — или она просто уже ничего не видела от страха? Малиновская выбросила обе руки вперёд в тот момент, когда её глаза уже встретились с глазами тигра, и она прочитала в них только одно желание — желание разорвать её на куски. В долю секунды она поняла, что

сейчас никто не сумеет ей помочь — потому что тигр прыгнет мгновенно и просто вцепится ей в горло. И даже Евгений не успеет все прекратить, ибо зверю будет достаточно лишь одного укуса.

Мария что-то крикнула, и тут же её настигло странное ощущение — будто сердце её разорвалось на две совершенно равные половины, однако она не ощущала при этом абсолютно никакой боли. Напротив, в неё влился невероятный поток энергии, новых жизненных сил, словно недостающая половина заполнилась светом, который родился в иных, божественных мирах. А в этот миг друзья её с радостью и восторгом увидели, как из грудной клетки и ладоней Маши словно выплеснулась могучая, неведомая, защитная сила, и прямо перед девушкой на траву стремительно и грациозно спрыгнула сильная, коричнево-зеленоватая пума. Она, конечно, уступала в размерах тигру, но тоже казалась заметно больше своих земных собратьев.

Тигр остановился и зарычал. Пума несколько раз глубоко вздохнула, открывая и закрывая огромные, прекрасные лунно-желтые глаза, словно заполняя свои легкие воздухом, чтобы казаться больше. Малиновская буквально мельком бросила взгляд на Евгена — как раз в тот момент, чтобы увидеть, как он выбрасывает ладони вперед, изображая прыжок, и отреагировала чисто инстинктивно — её руки тоже метнулись вверх, и пума, почуяв её приказ, ринулась в атаку.

Тигр, естественно, не заставил себя долго ждать, и одним огромным прыжком бросился на пуму, повалив её наземь. Снова где-то в отдалении заголосили дварфы. Рыки и визги двух сцепившихся между собой больших кошек, катающихся по траве, заполонили собой все вокруг. Маша слышала, как что-то кричит Настасья, но ей было некогда отвлекаться — магическая пума оттеснила тигра ближе к центру поля, и страх понемногу отступал, высвобождая место для других, гораздо более нужных сейчас чувств — уверенности, расчету, и даже немного азарту.

Пума и тигр продолжали кататься по земле, и в пылу схватки Малиновская не видела ничего вокруг, но явственно ощущала всё тело, все вылитые словно из стали мышцы своего животного. Она хотела опрокинуть тигра, прижать его к земле, как синий барс прижимал орла, но тот был силен, как скала — слишком силён, чтобы даже просто попытаться сбить его с ног. Острые клыки пумы впивались в тигриные бока, порываясь выдрать оттуда куски магической плоти, и каждый раз тигр при этом громко ревел и изворачивался, и от него во все стороны летели огненные искры, как от раскаленной головешки, вынутой только что из костра.

Наконец тигр изловчился и схватил пуму за горло. Она несколько раз взвизгнула, однако получалось все тише и тише — из каменных тигриных челюстей вырваться было практически невозможно. Малиновская почувствовала, что теряет контроль над животным — вот она уже перестала ощущать её передние лапы, затем задние, а потом и всё тело. Её сердце, равноразделенное на две половины, как будто словно снова слилось воедино.

Пума закрыла глаза и рассыпалась зелеными искрами, смешиваясь с травой. Словно сквозь плотную пелену тумана Мария услышала, как захохотал Евгений, как победоносно взревел тигр, одним стремительным прыжком возвращаясь, словно в огненной дымке, в грудь Евгена. Она поняла, что невероятно устала и буквально не может стоять на ногах — Маша медленно начала оседать на траву, и чьи-то нежные, но сильные руки подхватили её, не давая ей упасть. Малиновская услышала рядом с собою голос Сильфиды:

— Ты молодец. У тебя получилось просто потрясающе. Я горжусь тобой!

В этот же день, немного позже, когда Маша более-менее пришла в себя, вся их компания расположилась на мягкой, зеленой траве под древними стенами Нифльхейма. Они с удовольствием поедали свежеприготовленные лепешки и сушеные фрукты, которые им снова притащил Алексис. Оказалось, он тоже наблюдал за ходом сражения, и видел все до мельчайших подробностей.

— Настоящий боец! — похвалил он Евгена. — Девчонкам нужно иногда давать жару, чтобы они не зазнавались! Ха-ха! — он похлопал Евгена по плечу, но силы, видимо, не рассчитал — тот не устоял и брякнулся на колени о землю.

— Ох, извини, — снова захохотал Алексис. — Всё время забываю, какой я сильный, — он наклонился и легко поднял Евгена за воротник. — Ну, будьте здоровы! — он помахал им рукой и зашагал по направлению к центральным воротам.

— Ничего себе — «чтобы они не зазнавались!» — возмутилась Настасья. — Девочек беречь надо, а не показывать им свою силу. Жестокость — это удел слабых, между прочим!

— Да ладно, Настюх, ничего же страшного не случилось, — сказал Евген, надкусывая лепешку сразу с нескольких сторон. — Рядом с Машей находилась Сильфида — она бы не дала мне её убить. Правда? — он покосился на Сильфиду.

Малиновская, облокотившись на заднюю лапу своей любимой Медведицы, аж поперхнулась: — Убить?! Ты чего, совсем что ли? Сильфа-а-а! — заныла она, — Он меня обижает!

Сидящая рядом с ними Сильфида степенно произнесла:

— Ну-ну, успокойся. Я уверена, что Евгений просто пошутил, — при этом она бросила на молодого человека проницательный взгляд. Очень многозначительный взгляд — подумала Малиновская.

Маше не хотелось в это верить, а тем более озвучивать свои опасения, потому что сейчас, когда все они мирно сидели на траве под теплым солнышком, все её мысли казались более чем абсурдными. Однако они состояли в том, что во время боя её не покидало ощущение, что Евген, если быть откровенной, иногда чересчур увлекался деталями, не замечая общего фона опасности. Конечно, Жене это было вроде бы ни к чему, ведь он первым создал своего магического тигра, и ему тем более ничего не угрожало, а вот Малиновской в тот момент явно было не до смеха. При всей видимой беспечности и вроде бы полного контроля происходящего угроза её жизни явно присутствовала. При этом ей вспоминались постоянные опасения Антона, которые в данный момент уже не казались настолько уж беспочвенными.

Как много из этого было само собой разумеющимся для Сильфиды и Флавиуса, она не знала, и не стала сейчас об этом говорить. Возможно, в арсенале их учителей было нечто, что спасло бы её от любой опасности — иначе Мария просто не находила иного объяснения ледяному спокойствию Сильфиды.

Солнце начинало клониться к закату, когда они заканчивали свою вечернюю трапезу, обсуждая во всех подробностях любые мимолетные детали прошедшего поединка — как ни странно, все больше интересовались ощущениями и впечатлениями Марии. Быть может, потому, что от Евгена толком ничего нельзя было добиться, кроме как: «Я просто был в себе уверен, и у меня всё получилось». На этом фоне яркое описание Малиновской панического ужаса при виде красных глаз огромного, приближающегося к ней тигра, звучало гораздо более захватывающе.

— На самом деле, признаюсь вам честно, сегодня я была поражена, — поделилась с ними Сильфида, расправляя по траве голубые складки своего одеяния. — Я прекрасно помню свою первую тренировку. Тогда — скажу откровенно — у меня ничего не получилось. Я очень расстроилась. Первого полноценного магического зверя я смогла сотворить лишь через четыре месяца упорных тренировок. У вас же все получилось с первого раза. Это удивительно. Ваше развитие идёт невиданными темпами. Никогда ещё на моей памяти у меня не было столь способных учеников.

— Наверное, мне просто помогла сложившаяся стрессовая

ситуация, — предположила Малиновская.

— Возможно, — согласилась с нею Сильфида. — Но ведь, если посмотреть с другой стороны — оно и к лучшему, верно?

Маша неуверенно с ней согласилась.

— Я думаю, на сегодня более чем достаточно, — как бы подводя итог всей беседы, сообщил Флавиус. — Теперь вы можете отправляться домой, и через день мы будем ждать вас снова. Мне, должен сказать, уже и самому не терпится узнать, каких магических зверей выберут себе остальные члены Авалона.

Последние лучи солнца озаряли вершины Кленового леса, погружая в сумерки изумрудную долину Карнимирии. Флавиус и Сильфида, стоя у порога центральных врат Нифльхейма, молча смотрели вдаль, туда, где лента древней дороги убегала из глаз, прячась под сводами древних крон. Авалон только что вступил под полог засыпающего леса, и белая футболка Семёна, шедшего последним, скрылась в зеленых зарослях.

— Я полагаю, это Он, — тихо произнес Флавиус, не отрывая взгляда от места, где только что ушёл в чащу Авалон. — Раскол. Неповиновение. Начало хаоса, — он помолчал, — что показывают хрустальные сферы?

— Хрустальные сферы показывают многое, и ничего — наверняка, — ответила Сильфида. — Нет справедливости в поспешных суждениях. Мы можем лишь ждать. Потому что то, что должно произойти — произойдет в любом случае, хотим мы того — или нет.

— Не в том ли состоит весь смысл лечения болезни, чтобы предупредить появление её? — проникновенно спросил Флавиус.

— Мы решим это тогда, когда познакомим их с Ивонном, — пообещала Сильфида. — А пока что отложим этот разговор до лучших времен.

И оба бессмертных, развернувшись, скрылись в тени ворот.

Друзья все ещё продолжали шагать по дороге к Порталу, а тем временем вечер в Кленовом лесу понемногу начинал переходить в глухую, тёмную ночь. Где-то далеко в вышине величественного купола небес маленькие колючие звездочки пускали сквозь кое-где неплотно сомкнутые кроны свой таинственный, мерцающий свет, но светлее под ногами от этого, конечно, не становилось.

Машка выдохлась настолько, что буквально распласталась на огромной спине своей Медведицы, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Пончик, как обычно, не возражала, топая вместе с ребятами, вполне довольная собой. Настасья, шедшая рядом, тоже держалась рукой за её бурую косматую шкуру, чтобы не отстать и не потеряться. Евген уже безумно утомил её своими

разговорами, в сто первый раз описывая то, как его несравненный огненный тигр придушил Машину пуму.

— Слушай, ты не мог бы уже заткнуться, пожалуйста, а? — не выдержала Таня. — Когда тебя все об этом спрашивали, ты не хотел разговаривать, — как в рот воды набрал, а теперь трещишь без остановки.

— Видимо, эта самая вода прорвала у него в мозгах какую-нибудь плотину, — пошутил Бирюк.

— Не нравится — не слушайте! — огрызнулся Евген, но говорить всё-таки перестал.

Настасья, с трудом перелезая через древесные корни вслед за остальными и стараясь при этом не упасть, тоже вспоминала прошедший поединок, пытаясь порадоваться за победу Евгена, но это у неё не особенно получалось — перспектива неизбежного умерщвления животных в конце каждого боя, пусть даже и магических, совершенно её не прельщала. И чего Евген так безумно этому радуется, ей тоже было непонятно. Её размышления прервала Пончик — Настасья вдруг почувствовала, что медведица никуда больше не идёт, и остановилась вместе с нею. Остальные ребята тоже встали, при этом почти одновременно.

До них донесся странный, тягучий, ни на что не похожий звук. Все молчали, очевидно, пытаясь понять, что же это такое. Пончик вдруг глухо зарычала и начала пятиться назад. Малиновская, приподнявшись на спине у Медведицы, спросила: — Вы чего? Почему остановились-то?

— Слышишь? — прошептала ей Настасья.

Машка прислушалась и ничего не сказала в ответ.

— Мы ведь ещё не миновали Портал, верно? — услышала она испуганный Танин голос. — Так что это может быть всё, что угодно!

Ночную темноту озарили вспышки синего, красного и белого цвета — это Антон, Евген и Бирюк сотворили и зажгли в своих ладонях магические пули. Их свет казался сейчас неестественно ярким, наверное, оттого, что их уже окружала почти кромешная темнота. Пончик, рыча, продолжала пятиться назад, и Малиновская пыталась её успокоить или хотя бы просто сделать так, чтобы она остановилась.

— Ну чего ты, Понча? — уговаривала Маша. — Чего испугалась-то? Стой спокойно, всё в порядке, — но уверенности в её голосе не ощущалось.

Не было больше слышно никаких звуков, никакого шороха шагов, ничего, что могло бы оповестить друзей о том, что к ним кто-то приближается, но внезапно из темноты раздался голос:

— Не нужно бояться, друзья мои. Погасите ваши магические пули, я не причиню вам никакого вреда.

Мария прислушалась. Голос казался ей странно знакомым. Она уже где-то слышала его раньше. Озаряемая светом магии, навстречу им вышла высокая, закутанная в саван фигура, опирающаяся на посох. Путник прошелестел:

— У каждого из нас своя дорога…

— Ты прав, Морфиус, — ответил ему Антон. — И наши дороги явно идут сейчас в разные стороны.

Да, это был именно Морфиус — Маша вспомнила этот странный, нездешний, сухой и сиплый голос, — как будто песок пересыпается через узкое горлышко песочных часов; как осенние листья, гонимые по лесу бессердечным ветром. Потом ей припомнилось его серое, неприятное лицо, и она порадовалась тому, что на этот раз Морфиус не спешил снимать свой капюшон.

— Вы так молоды, так отважны, — продолжал Морфиус. — Жаль будет, если вас убьют. Великая скорбь. Но мне не привыкать к ней, нет. Мудрые многого вам не рассказывают, а вы слишком многому верите. Неужто каждый из вас думает, что вы и дальше будете вот так веселиться, беспечно создавая себе новых зверушек?

— Вы сказали, у каждого из нас своя дорога, — обратилась к нему Настасья. — Так, может быть, вы оставите нас в покое и пойдете своей?

Морфиус медленно повернул свою голову в её сторону. Его желтые кошачьи глаза будто впились в Настасью.

— Как прекрасно твое лицо, юная дева! Жалко будет засыпать такую красоту сырой землей. — и он протянул свою когтистую руку вперёд, пытаясь дотронуться до её щеки.

Настасья отпрянула.

— Не смей трогать её! — Евген мгновенно загородил Настю собой. — Не то будешь иметь дело со мной. Иди куда шёл!

Морфиус тихонько усмехнулся и произнёс:

— Гонишь меня. А ведь скоро сам ко мне придёшь. Будешь искать — да только искать меня не нужно. Кликнешь — и я уже здесь. Доброй ночи, — и с этими словами он развернулся, и споро зашагал мимо них прочь.

— Псих ненормальный! — крикнула ему вслед Настасья. Видно было, что она сильно напугана.

— Пошли скорей, пока ещё кого-нибудь не встретили, — сказал Слава.

Ночь навалилась на них со всех сторон, и только яркий свет магических пуль освещал им путь. Они поспешили к Порталу, и Пончик по дороге все ещё продолжала глухо рычать.

* * *

— По-моему, это ужасно, — Малиновская, стоя у зеркала в примерочной, приложила к своей груди полосатую красно-чёрную кофточку. — Я в ней буду на Фредди Крюгера похожа.

Дело было, разумеется, в их любимом ГУМе, куда они с Настасьей выбрались отдохнуть ото всех, чтобы заняться своим излюбленным времяпрепровождением, а именно — шоппингом. Выбирая одежду, они всегда заходили вдвоем в одну примерочную кабинку — так было быстрее подобрать себе нужную вещь, потому что обе они мерили всё подряд — кому что подойдёт, благо размер у них был одинаковый, да и всегда имеется возможность посоветоваться в выборе наряда. Вообще, Марию опасно было отпускать в такие места, как, например, магазины, без присмотра, потому что она не успокаивалась до тех пор, пока не накупала себе всего, на что только хватало денег. Ольга Александровна прекрасно это знала, поэтому всегда давала своей дочери ограниченную сумму, чтобы в конце месяца им не пришлось жевать на пару чёрный хлеб с солью.

— Не очень, да? Как ты считаешь? — спросила Маша.

— Да-а-а… — как-то несколько рассеянно отозвалась Настя. — Я согласна. И самое страшное — то, что мы не в силах ничего изменить.

Малиновская обернулась к подруге и увидела, что Настасья смотрит не на неё, а куда-то совершенно в другую сторону.

— Ты о чём? — не поняла Маша.

Настя вздохнула, задумчиво глядя перед собой, как будто видя Машку в первый раз, и произнесла:

— Да я все думаю. О себе. О Евгене. О Морфиусе. Его слова никак не идут у меня из головы. Что это значит: «скоро сам ко мне придёшь»?

— Ах, вот ты про что, — Маша начала натягивать очередную непонравившуюся ей кофту обратно на вешалку. — Выбрось всё это из головы! Этот Морфиус, он… не все дома у него, короче говоря. Лепит всякую чушь. И закрой поплотнее штору — на нас какой-то парень пялится. Хотя он довольно симпатичный… — неожиданно закончила она.

Настасья потянулась, ещё больше надвинув синеватую, замызганную занавеску на карниз, отделяющую кабинки от торгового зала, и сказала:

— Ты действительно так думаешь? Возможно, не стоит обращать внимания. Или говоришь это лишь для того, чтобы я не накручивала себя?

Маша, застряв в новой кремово-белой блузке и тщетно

пытаясь по ошибке пропихнуть голову в рукав вместо ворота, замерла в удивлении — иногда она поражалась Настиной интуиции и способности видеть подвох. Хотя, с другой стороны, она ведь не полная дура, — естественно, Настасья догадалась, что я просто пытаюсь её успокоить — подумала Маша. Она не хотела говорить подруге, что и сама в тот вечер сильно испугалась, особенно в той части речи, которая касалась непосредственно Настасьи. Но говорить сейчас об этом было бы глупо — человек и так напуган, а я ещё подолью масла в огонь — решила Малиновская.

— Ты знаешь, я тебе честно так скажу, — Машке удалось, наконец, справиться с блузкой, и она выдохнула, слегка растрепанная. — Во всю эту шизофрению из уст разных идиотов я не верю. Но, тем не менее, все это дает некие поводы для размышлений. Не для беспокойства. Просто для размышлений. Согласись, ведь Евген очень изменился в последнее время. Мы не можем этого не замечать.

— Да, ты права. Он стал каким-то грубым, резким, — подтвердила Настасья.

— Иногда я не понимаю, абсолютно не понимаю мотивов его поведения, — Маша сняла с крючка топик и так и замерла с ним в руке. — А это, знаешь ли, пугает меня в людях больше всего. Я не спорю, любой человек может злиться, выходить из себя, совершать дурные поступки, может безумно ошибаться, в конце концов, но если он при этом способен логично объяснить, почему он это сделал — я от него отстану. То есть я могу, разумеется, выносить ему мозг, потому что буду не согласна с его точкой зрения, но, по крайней мере, я буду понимать, почему он так поступил. А когда я не понимаю, — она выделила голосом последние два слова. — Мне становится страшно. В таком случае, я не знаю, чего ожидать от человека.

Настя молчала. Она сейчас не могла признаться в этом даже Маше, но в последнее время ей иногда тоже было немного не по себе рядом с Евгеном.

— И, знаешь что ещё Насть? — добавила Малиновская уже совсем тихо. — Можешь считать это просто плодом моего разыгравшегося воображения, но на тренировке мне реально показалось, что Евгений хочет меня убить. Он потому меня и выбрал — как самого слабого соперника. И я имею в виду не только мою магическую силу, но и степень дальнейших последствий. Он не рискнул выбрать никого из парней — естественно! Он не выбрал тебя (думаю, не нужно объяснять, почему), и Таню тоже проигнорировал — полагаю, в случае неудачного стечения обстоятельств он не хотел бы лишний раз

осложнять свои отношения с Бирюком. Остаюсь только я.

— Ты хочешь сказать, что он — трус? — прямо спросила Настасья, глядя Маше в глаза.

— Я лишь хочу сказать, что он поступает очень хитро, и делает это так, что к его действиям практически невозможно придраться, — ответила Маша. — Пожалуй, я возьму себе вот эту, — она показала на блузку небесно-голубого цвета. — Кажется, она больше всего подходит к моим джинсам. Да и стоит недорого.

Девчонки вышли из примерочной и отправились в очередь к кассам, чтобы оплатить покупку. Малиновская обшаривала глазами магазин, ища приглянувшегося ей парня, но того нигде, кажется, не было. Пока она размышляла о том, стоит ли расстраиваться по этому поводу, Настя прервала её мысли:

— Буду с тобой откровенна: я попыталась поговорить с Евгеном на эту тему. Он сначала хотел перевести всё в шутку — ну вроде как «что ты чушь какую-то несёшь, это всего лишь постановочный бой был, а ты пытаешься найти в пустом ведре двойное дно» и всё в таком же духе. А потом, когда я немного поднажала, чего-то раскричался, вспылил, короче, мы даже поругались немного из-за этого. Странная реакция, правда?

Кассирша, уложив новоприобретённую покупку в фирменный пакет, вручила его Малиновской. Та, поблагодарив, расплатилась, и подруги вышли из бутика в атриум ГУМа на втором этаже.

— Я уже и сама во всем запуталась, — вздохнула Маша. — То ли наши догадки — полнейший бред, то ли я даже и не знаю, чего ещё предположить.

Они пошли бродить по ГУМу дальше, разглядывая красочно оформленные витрины дорогих магазинов, пока не спустились, наконец, к знаменитому фонтану на первом этаже и присели отдохнуть на скамейку. Мария любовалась на фонтан и смотрела, как маленькие дети суют в него свои крохотные ручонки, подставляя их под струи бьющей воды, и визжат от восторга, мокрые и счастливые. Настасья же задрала голову вверх, рассматривая навесную прозрачную галерею-потолок из хитросплетенных ажурных конструкций, через которую виднелись кусочки синего неба. И думала, думала, думала…

Глава 10. Король дварфов

После окутавшей город июньской жары гораздо более прохладный, чем обычно, месяц июль не воспринимался москвичами как особое разочарование. Зарядили сильные, почти тропические дожди, которые, в принципе, были для Москвы довольно редким явлением, а тут хлестали практически каждый день. Но все, напротив, были даже немного рады отдохнуть от удушающего пекла, тем более что прогноз синоптиков обнадеживал — август обещал стать самым жарким месяцем этого лета.

Дорога до Нифльхейма занимала теперь немного больше времени, потому что передвигаться по тропинкам частично затопленного леса стало гораздо труднее — все они превратились в сплошное месиво из растоптанной грязи. После таких походов по возвращении домой приходилось постоянно мыть обувь. Однако, как только друзья пересекали Портал, наблюдалась совершенно иная картина — в Кленовом лесу и окрестностях замка всегда было тепло, сухо и солнечно. Лесной тракт, шедший сквозь чащу, также находился в полном порядке, — он был хорошо видимым, чистым, и вполне проходимым. Как позже объяснил им Флавиус, хотя смена дня и ночи была синхронной в обоих мирах, однако того же самого нельзя было сказать о погоде. В долине Карнимирии (впрочем, как и в остальных местностях этого мира) не было смены времен года, поэтому над башнями древней Твердыни почти всегда светило солнце, а в полях царило вечное лето. Дожди здесь, разумеется, тоже шли, иначе бы вся растительность погибла от засухи, но гораздо реже, чем в нашем мире, и, в основном, по ночам.

Прошло почти четыре недели с тех пор, как старые друзья научились создавать магических животных. Всё это время они тренировались непрерывно и практически ежедневно. Хотя, разумеется, их блестящие результаты нельзя было объяснить лишь одной частотой тренировок. Целые дни они проводили на поле, устраивая работающим на огородах дварфам бесплатные зрелищные представления — теперь Сильфида и Флавиус постоянно ставили их в пары, чтобы они сражались друг против друга, совершенствуя и оттачивая свое мастерство боя, доводя его до идеала.

Их учителя оказались правы: каждый из Авалона впоследствии вызывал лишь того зверя, которого сотворил себе в свой самый первый раз. В дополнение к уже известным Машиной пуме и тигру Евгена в арсенал защитников магического братства

добавились: серебристо-серая волчица, призванная Настасьей; грациозная и невероятно красивая олениха Татьяны (её расцветка была настолько пёстрой, что казалось, будто солнечные блики постоянно играют в догонялки на её боках); черношкурый, даже несколько отдающий в синеву вепрь Семёна и белоснежный беркут Бирюка — он, единственный из Авалона, призвал к себе в защитники птицу. Антон создал себе в помощь льва («чтобы тигр особенно не расслаблялся» — как-то пошутил он, за что получил от Евгена колкий взгляд, полный недовольства и негодования). Вячеслав же выбрал снежного барана-толсторога — его огромная голова и устрашающего вида скрученные рога могли вселить страх в самого могучего противника.

Во время тренировок, когда они постоянно сражались друг против друга, Флавиус ежедневно менял их местами, чтобы они привыкали к регулярно меняющейся цели, к новым способам защиты и атаки — понятно было, что те приемы, которые можно было использовать против тигра, совершенно не подходили для беркута, и, разумеется, наоборот. Сильфида не уставала напоминать им, что они должны научиться справляться с задачами любой сложности, потому что неизвестно, с чем каждому из них предстоит столкнуться впоследствии.

Вскоре многие стали замечать, что Евген под любым предлогом никогда не встает в пару к Антону: дни проходили за днями, а никто из друзей никогда ещё не наблюдал, чтобы в бою сошлись лев и тигр. Сам смысл этого факта витал в воздухе, многие кое о чем догадывались, но никто также не озвучивал этого вслух, и Евген каждый раз хитро избегал этой схватки, а Антон — не настаивал. Такого же мнения придерживались Флавиус и Сильфида, очевидно, решившие, что принуждение в этом случае принесёт более вреда, чем пользы, и иногда лучше не обострять ситуацию. Никто на самом деле не знал и не мог сказать наверняка, о чем они думали и чем руководствовались, прежде чем принять то или иное решение, и много ли им было известно о том, что происходит внутри Авалона, когда те покидают пределы Нифльхейма, возвращаясь в обычный мир. По крайней мере, пока что все шло своим чередом.

В одно холодное июльское утро, после очередного, только что прошедшего сильного дождя, когда зыбкая туманная дымка ещё не оформилась в пространство, а небо было цвета бирюзы, весь Авалон, в полном составе, снова держал свой путь к таким хорошо знакомым и ставшим уже почти родными стенам древнего замка. Вершина Расстегайны, убаюканная облаками и с трудом пробуждающаяся от ночного сна в первых лучах рассвета, словно склонилась над Карнимирией, неся свой вечный,

неусыпный дозор за всем, что происходит в этом мире. Далекий купол Маханаксара — Зала Судеб одиноко серебрился от упавшей за ночь росы, окруженный величественными шпилями множества башен.

Антон и Евгений вышли к краю Кленового леса. Остальные, немного вялые и сонные, неспешно подтягивались за ними.

— Ах, какой тут воздух свежий! — Антон вздохнул полной грудью. — Никакой тебе суматохи, суеты. Никаких людей и машин. Только поля, леса, реки и горы. Полное спокойствие и умиротворение, которое…

— Наши надзиратели снова ждут нас у главных ворот, — сухо и недовольно перебил его Евген. — А это, видимо, значит, что сегодня наша тренировка опять отменяется.

— Не надо их так называть! — сделала замечание Настасья, стоя по правую руку от него. — Они никакие не надзиратели. Мы всё-таки не в тюрьме!

— Как обычно будем бродить по каким-нибудь комнатушкам, рассматривая безумно интересные псевдо-чудеса вроде пыльных книженций, — словно не слыша Насти, пробормотал Евген.

— Как старый дед ворчит! — Настасья несильно толкнула Женю в плечо. — Пошли уже.

Друзья стали спускаться в долину.

— Доброго вам всем утра! — беззаботно приветствовала их Сильфида, когда они подошли к воротам. — Не замерзли? Сегодня довольно прохладно. Ну что же — как мудро заметил Евгений — тренировки в этот раз не будет.

Евген ничуть не смутился, собираясь что-то ответить, но Настасья ущипнула его за локоть, и он промолчал, просто насуплено глядя на Сильфиду.

— Наступил особенный день, — сказал им Флавиус, — потому что именно сегодня будет подведен некий своеобразный итог всему. Всему, чему вы научились. Вы полностью освоили базовый уровень, назовем его так, и теперь перейдете к высшим разделам магии. Вы получите свободу во всем. Свободу, о которой многие из вас так давно мечтали (при этих словах Евген хмыкнул, чуть улыбнувшись). Способы и стиль вашего обучения разойдутся, потому что ваши способности, имея общую основу, корень всего, тем не менее очень сильно различаются по сути. Вы по-прежнему будете вместе, просто тренировки будут проходить в разных местах. Но, разумеется, в пределах этого мира. А теперь, для того, чтобы вы смогли беспрепятственно бродить в любых уголках замка и его окрестностях, мы должны организовать вашу встречу с Ивонном.

— Это ещё кто такой? — с некоторой опаской

поинтересовался Слава, который всегда крайне настороженно относился ко всяким новшествам.

— Ивонн — Король Дварфов, — ответил ему Флавиус. — Вы обязательно должны познакомиться с ним, а он должен познакомиться с вами. И это, пожалуй, последнее из посвящений, которое вам предстоит.

— А не ходить к этому Ивонну нельзя? — недовольно осведомился Евген. — Я бы предпочел лишний раз потренироваться, совершенствуя свои способности, чем… — он позволил своему голосу мягко сойти на нет, как бы показывая, с каким презрением он относится к данной затее.

— Боюсь, что нельзя, — с легким нажимом ответила ему Сильфида.

Евген обернулся к Настасье: — Ну вот, а ты говорила, что мы вроде как не в тюрьме.

— Женя, прекрати! Что ты несешь! — Настино лицо начал заливать румянец смущения. — Простите его, ради бога! Иногда он сам не понимает, что говорит, — обратилась она к Бессмертным.

— Ничего страшного, — так же спокойно и невозмутимо, как и всегда, ответила Сильфида. — Вспыльчивость — не самое ужасное в человеке. Важно лишь вовремя остановиться, — она внимательно посмотрела на Женю. — Пойдемте.

Пончика снова пришлось оставить у порога, потому что им предстояло подниматься в горы, и совершенно глупо было бы тащить её туда. Медведица словно понимала, что не может их сопровождать, со смирением улегшись у ворот и лишь тихонько фыркнув Маше в лицо, когда она погладила её по голове.

И тогда друзья направились в Нифльхейм, следуя за своими проводниками, как и прежде, нескончаемое число дней до этого, навстречу новым, неизведанным тайнам и неразгаданным загадкам. На этот раз они практически сразу стали подниматься очень высоко через полые цилиндры примыкающих башен, отмеривая ногами бесконечные ступени, оставляя позади лестницы и галереи, коим не было числа. Маша с удивлением обнаружила, что она уже немного привыкла к внутреннему расположению комнат, к архитектуре замка, и, возможно, даже смогла бы найти отсюда выход без посторонней помощи. Каменные кружева коридоров теперь не казались ей невероятно запутанными, и, если уж не забираться в совсем дальние уголки, то вокруг было светло, уютно и не страшно.

Наконец они добрались до того места, где верхние уровни Нифльхейма вплотную примыкали к Зеркальным горам, соединенные небольшими, крытыми сверху мостами, с горными

утесами. Малиновская раз или два глянула вниз, через перила, но тут же отшатнулась назад — она ужасно боялась высоты и совсем не думала, что они уже поднялись настолько высоко — далеко внизу виднелась огромная полусфера, будто пронизанная изнутри острыми иглами — купол Зала Судеб даже с такой высоты все ещё казался достаточно внушительным. Перейдя с вырезанных в живой породе ступеней на выдвинутое вперёд каменистое плечо горы, ребята какое-то время продолжали подниматься, виляя среди скальных уступов и осыпей щебня по узкому карнизу. С одной стороны от них была отвесная стена, а с другой — пропасть. Тропа была совсем неширокой, рассчитанной лишь на одного человека в ряд, и они, растянувшись длинной цепочкой, с осторожностью продвигались вперёд — на этот раз во главе отряда шла только Сильфида, а Флавиус замыкал шествие — на всякий случай. На самых опасных участках и извивах дороги по краю пропасти появлялись хлипкие парапеты, но они вряд ли могли считаться надежной защитой.

В итоге они забрались в горы так высоко, что достигли вершин черепичных крыш самых высоких из башен Нифльхейма — путники оказались на одном уровне с окнами и бойницами, и отсюда можно было без труда рассмотреть, что делается во внутренних комнатах. Окна были узкими и пыльными, и Маша успела только различить какую-то домашнюю утварь, а также кресла и шкафы, обернутые белыми полотнищами (так обычно делали в квартирах, когда куда-нибудь уезжали надолго, чтобы мебель не выгорала на солнце), прежде чем они двинулись дальше.

Несмотря на большую высоту и прохладный ветер, было достаточно жарко, потому что солнце на такой высоте палило нещадно. Все прочие вершины Зеркальных гор находились приблизительно на одном уровне и были теперь совсем недалеко — можно даже было увидеть тающие многослойные пласты белого снега, оставшегося здесь с многих прошедших зим, — от них во все стороны разбегались ледяные горные родники и ручьи, падающие со скалистых уступов в долину, — и только одинокий, седоглавый пик Расстегайны, все ещё достаточно высокий даже отсюда, гордо возвышался над туманами и тревогами этого мира.

— Нам ещё долго идти? — спросила уже явно утомленная Татьяна.

— Придётся немного потерпеть, — Сильфида вернулась к ней по тропе и обняла за плечи её и Бирюка. — «Не бойся дороги, что лежит у тебя под ногами, ибо дивным будет исход её!» — так говорят великие легенды древности. Глядите-ка — а вот и вход!

Высокогорная тропа уперлась в огромные открытые каменные

двери, испещрённые неизвестными символами и рунами, — они предстали пред ними неожиданно, будто материализовались из воздуха сами собой. Могучие гранитные балки, сложенные в перекрестьях входа, тоже казались переплетёнными рунами — здесь прямо-таки ощущалась магия дварфов — древняя, как и сами корни земли, она охраняла створы каменных ворот от любых непрошенных гостей. Дальше глаза различали некий сумрачный коридор, уходящий глубоко, в самые недра гор.

— Лишь недругам нужно опасаться того, что скрывают Кости Земли, — сказала Сильфида. — Мы же войдем бесстрашно! — и с этими словами, все ещё обнимая Татьяну и Бирюка, они втроем первыми зашли во врата. Остальной Авалон медленно последовал за ними, скрывшись из глаз Наземного Мира.

Какое-то время они шли по длинному тоннелю: на всем протяжении пути ноги отчётливо ощущали заметный спуск. Подгорный коридор, вырубленный в незапамятные времена прародителями дварфов, до сих пор сохранился в отличном состоянии — пол был идеально ровным, без внезапных порогов и трещин, и споткнуться было нельзя. Стены тоннеля тускло мерцали в неверном, колеблющемся свете великого множества горящих факелов, которые встречались здесь через каждые несколько метров — их основания были вмурованы прямо в пологие, неровные стены. Какого-то жутковатого полумрака, который обычно присутствует в таких подземельях, тут не наблюдалось, но, тем не менее, ощущение таинственности и некой негостеприимности этого места не покидало путников. Воздух вокруг был горяч и сух, но его нельзя было назвать душным — в потолке пещеры время от времени появлялись узкие вентиляционные колодцы, ведущие на поверхность — Маша даже успела разглядеть один из них, когда сверху её неожиданно обдало потоком холодного воздуха.

— Мы держим путь в самое сердце Зеркальных гор, — голос Сильфиды эхом отскакивал от стен, далеко и гулко разносился во все стороны. — Здесь обитают, в основном, дварфы-кузнецы — она разрабатывают рудоносные жилы, ищут полезные ископаемые и драгоценные камни. Их тут великое множество.

— Сокровища! — зачарованно пробормотал Семён.

Флавиус свернул вправо, прочь от основной дороги, и долгий спуск неожиданно закончился — теперь они двигались причудливыми зигзагами, а по бокам им попадалось множество запертых деревянных дверей, хранящих за собою обиталища здешних жителей и их тайные схроны. Теперь довольно часто навстречу им следовали дварфы — совсем не те милые, добродушные создания в цветных камзолах и ярких шляпах,

какими друзья привыкли их видеть на огородах Карнимирии. Эти дварфы были чуть выше своих собратьев (приблизительно на полголовы), более коренастые и крепкие, а в руках они держали кирки и могучие молоты. Их чёрные лица, перемазанные углём и сажей, выглядели довольно недружелюбно; маленькие черные глазки шустро смотрели на неожиданных пришельцев, оглядывая их со всех сторон, но, тем не менее, они всякий раз почтительно здоровались с Флавиусом и Сильфидой, и, проходя мимо них, едва заметно склоняли свои головы.

— Какие-то они чересчур суровые, — сказала Настасья Сильфиде, когда они миновали очередную, шедшую им навстречу, группу дварфов. — Почему мы их никогда раньше не видели?

— Они практически не выходят на поверхность, — объяснила ей та, шагая вслед за Флавиусом (как только Авалон миновал врата, Флавиус везде шёл впереди — кажется, в этих катакомбах он знал дорогу лучше Сильфиды).

— Дело в том, — продолжала она, — что сообщества дварфов подвержены чрезвычайно строгим законам субординации. У них идёт чёткое разделение труда: одни из них — крестьяне и фермеры, а другие — шахтеры и кузнецы. Это продиктовано лишь жизненной необходимостью. Если бы все они занимались только тем, что без устали добывали минералы, то, скорее всего, просто умерли бы с голоду. Ведь камни, пусть даже и драгоценные, есть нельзя.

— А почему нам так нужно познакомиться с их королём? — спросила Маша, обрадованная такой разговорчивостью Сильфиды. — Ивонн — так, кажется, его зовут?

— Ну, ему необходимо поглядеть на вас, поговорить с вами. После того, как все закончиться, Король Дварфов должен будет вам поклониться, а вы, в свою очередь, поклонитесь в ответ — это означает, что вы как бы признаете взаимную власть и заключаете негласный союз с его народом. Дело в том, что после этого все без исключения дварфы обязаны будут вас слушаться.

— Что, серьёзно?! — заметно оживился Евген.

— Абсолютно, — подтвердила Сильфида. — Сейчас вы для них просто чужеземцы, посторонние люди, — называйте, как хотите. Но если случится так, что самый Главный Дварф признает ваши права — этому решению беспрекословно подчинятся и остальные дварфы.

— А если после того, как он нас признает, я прикажу им всем броситься в пропасть — они подчинятся? — азартно спросил Бирюк.

Сильфида ничего ему не ответила, а Таня сказала:

— Будь я на месте Короля Дварфов — ни за что не стала бы тебя утверждать.

— Почему?

— Магии много, а мозгов — маловато, — буркнула Танька.

Остальные засмеялись.

— А что означают слова «после того, как всё закончится»? — задал вопрос Антон. — Это будет не просто разговор?

— Нет, не просто. Ивонн проверит, достаточно ли вы могущественные маги, чтобы иметь право называть себя Авалоном и управлять дварфами от его имени, — сообщила Сильфида. — Если он сможет одолеть вашу магию, то сочтёт себя сильнее, и не склонит пред вами головы. Но, я полагаю, вы справитесь, иначе я бы не привела вас сюда, — закончила она обнадеживающе.

Время от времени, проходя мимо запертых дверей, друзья слышали за ними приглушенные голоса, а иногда — далекие удары могучих молотов, без устали бьющих по наковальням — там были кузницы. Изредка по основному ходу движения встречались небольшие боковые ответвления, больше похожие на неглубокие стенные ниши, — не то технические выемки породы, не то — брошенные выработки. Чаще всего они оказывались пустыми, но кое-где были заполнены аккуратными горками чего-то тёмного и блестящего — так выглядит прибрежная морская галька в холодном лунном свете, омываемая вздыхающим морем.

— Необработанные камни, — пояснил Флавиус, видя заинтересованные взгляды ребят. — Он приостановился, свернул вглубь одной из выработок и, взяв в руки несколько небольших кусков, вышел с ними на свет. Кроваво-красные рубины с остатками скалистой черной породы по краям лениво переливались в его ладони множеством граней, отражая отблески горящих факелов.

— После огранки они станут ещё прекраснее, — мечтательно произнёс Флавиус и аккуратно положил камни обратно в кучу. — Но не будем задерживаться.

— Это просто невероятно! — воскликнула Малиновская, идя следом за всеми. — Здесь же целые горы драгоценных камней! И золото наверняка есть…

— Есть, — подтвердил Флавиус.

— Хорошо, что никакие горнодобывающие корпорации сюда не доберутся, — заметил Антон. — Они бы все эти горы сквозь решето просеяли. Всё разрыли бы тут и испоганили.

Евген, пока остальные были заняты разговорами, нагнулся и незаметно сунул несколько камешков себе в карман.

Пройдя ещё какое-то время, миновав множество гротов,

выработок и кузниц, они внезапно вышли в просторный темный зал. Просто тоннель вдруг неожиданно кончился, и некое неведомое чувство подсказало им, что вокруг уже не каменные своды, но — пустота. Здесь практически не горели факелы, и было заметно прохладнее.

— Вот мы и пришли, — голос Сильфиды прозвучал глухо, словно она говорила сквозь вату. — Это — Камфорта, обитель Ивонна. Сейчас мы в самом сердце Зеркальных гор и над нами — вся живая, каменная плоть Расстегайны — самой высокой из вершин.

Малиновская, оглядываясь вокруг, представила себе, что прямо над нею в этот миг находятся тысячи тонн сплошного камня, твердая гранитная скала, и она — всего лишь маленький беспомощный человечек, затерявшийся в этих бесконечных подземных лабиринтах. От этой мысли её охватил благоговейный трепет.

Сумрачный полумрак не давал оценить размеры подземного сооружения, но, кажется, здесь совершенно не было ни колонн, ни подпорок — всего того, что должно было бы держать могучие своды. Самого потолка тоже не было видно, и можно было лишь догадываться о наличии либо отсутствии балок и перекрытий, которые, по идее, должны были поддерживать этот немыслимый вес скал. Марии как-то не пришло в голову, что здесь может быть замешана древняя магия дварфов.

В тех местах, где сквозь толщу гор были прорезаны световые колодцы, на пол струились столпы неяркого света, в котором летала еле заметная многовековая пыль, и тогда глаз начинал различать бесконечно убегающие вдаль ряды внушительных каменных постаментов, походивших на тумбы с громоздкими, приплюснутыми столешницами. У Малиновской закралось странное чувство, что всё это сооружение скорее напоминает гробницу, чем королевские покои. Антон, по-видимому, подумал о том же.

— Да это не царские чертоги, это просто склеп какой-то! — неуверенно пробормотал он.

— Так и есть, — ответил ему Флавиус. — Король Дварфов охраняет вечный сон своих стражников, и горе тому, кто осмелится потревожить его попусту!

После этих слов становилось жутковато. Все они продолжали медленно перемещаться между каменными, геометрически правильными рядами древних гробниц, их окружала ватная тишина и пустота, и лишь звуки их мерного дыхания и осторожных шагов нарушали покой, который соткала здесь для себя сама Вечность.

Прямо впереди них показалось очередное бледное световое пятно — каменная шахта над ним скупо пропускала поверхностный свет. Посреди этого пятна на высоких ступенях стоял массивный каменный трон — его спинка походила на развернутый павлиний хвост, украшенный разноцветными драгоценными каменьями, в основном, изумрудами, ибо они — излюбленные камни дварфов. Горные дварфы любят их более всего на свете, считая изумруды священными. Точно так же были украшены и подлокотники, но некоторые из внутренних чаш, в которых должны были крепиться камни, оказались пусты; и все покрывал толстый слой пыли.

На троне сидел, не шелохнувшись, увенчанный короной и облаченный в мантию казавшийся каменным величественный дварф — было совершенно непонятно, живое это существо или нет. По правую руку от него, опираясь на подлокотник, стояла устрашающего вида двуручная секира — и уж её-то лезвия точно были настоящими. Мария начала присматриваться к королю, к деталям его одежды, к лицу, абсолютно лишенному каких бы то ни было эмоций, и ей почудилось, что это, скорее, искусно высеченная статуя, нежели живой дварф. Он не шелохнулся, когда они подошли ближе, не повернул своей головы; он вообще не проявлял никаких признаков жизни, и богатое убранство его одеяния также было покрыто толстым слоем подземной пыли. Но где же тогда прячется настоящий Король Дварфов, и почему он не встречает пришедших к нему гостей, как и положено любому королю, а вместо себя посадил на трон каменного истукана?

Внезапно Маша поняла, что вот уже несколько минут подряд она различает не только шорох собственных шагов и шагов своих друзей. Даже будучи все вместе, они не могли топотать так, словно целое войско! Она была слишком увлечена разглядыванием трона и каменного дварфа, её бдительность на миг ослабла, она отвлеклась, а теперь с некоторым неприятным удивлением Мария обнаружила, что Флавиус, Сильфида и её друзья более не одни здесь.

Безмолвные, едва различимые в полумраке меж каменных постаментов и ощущаемые своим присутствием лишь потому, что их было слишком много — со всех сторон их окружали темные фигуры дварфов. Они ничего не говорили, и — как надеялась Маша — не собирались нападать, просто очень медленно смыкая вокруг них кольцо своей зловещей тишины. Было что-то жуткое в том, как они неторопливо обступали их со всех сторон, отрезая любые пути к отступлению, и шелест от сотен шаркающих ног был похож на некое копошение невидимых полчищ мышей и крыс.

— Зажгите магические сферы, — абсолютно спокойно попросил друзей Флавиус.

Все моментально повиновались, сотворив в своих ладонях разноцветные светящиеся шары — в подземелье мгновенно стало гораздо светлее. Дварфы перестали наступать и остановились, окружив их со всех сторон плотной стеной.

— Можете и дальше хранить свои несметные сокровища — они нам ни к чему, — обратился к ним Флавиус. — Мы пришли к Ивонну.

Неизменная зловещая тишина была ему ответом.

— Очнись, Король Королей! — воскликнула Сильфида, глядя на статую на каменном троне. — Ты слишком долго спал. Мы привели тебе новый Авалон!

Абсолютное безмолвие окутало величественные чертоги, несколько поразительно долгих секунд ничего не происходило — Малиновская даже слышала, как отчетливо и неестественно громко колотится в груди её сердце, все набирая частоту ударов. И тут световой столп над троном сделался шире и ярче, будто колодец, вырубленный в скале, внезапно разросся, а вслед за тем каменная статуя, восседающая на троне, широко открыла глаза. Маша даже ахнула от неожиданности. Каменные веки несколько раз моргнули, глазницы начали поворачиваться из стороны в сторону, осматривая чертог, и, наконец, остановились на новоприбывших. Могучая рука медленно, словно ползущая змея, двинулась вперед по подлокотнику, при этом во все стороны посыпалась пыль и какой-то мелкий песок, а затем, согнувшись в локте, потянулась к двуручной секире, издавая при этом странные звуки — было похоже, как будто огромные гранитные блоки перетираются между собой. Король приложил некоторое усилие, согнувшись в пояснице — видимо, это движение далось ему с трудом — и, подхватив свое устрашающее оружие, выпрямился во весь рост и глубоко вздохнул. Каменная грудь при этом расправилась, с его плеч и облачения продолжали сыпаться песчинки, а его крепкая фигура словно начала вновь обретать выцветшие за долгие, бессчетные годы сидения в подземелье краски. Как будто на запылившийся, забытый в давнем хранилище старый доспех плеснули ведром чистой воды, отмыли его, очистили — и вот он уже засиял, как только что откованный в кузнице. Король Дварфов уже совсем не походил на каменную статую — неведомое волшебство оживило его: пыль с одежд исчезла, лицо приобрело телесный оттенок, а корона, увенчанная изумрудами, засверкала, переливаясь, в сумрачном полумраке подгорного зала. Длинная мантия, в которую он был укутан, превратилась из песочно-желтой в светло-зеленоватую.

— Хом-хм! — прогремел Король, осматриваясь по сторонам.

Дварфы, заполонившие собою всё свободное пространство, стоящие во всех проходах между мраморными постаментами, закричали и затопали, радостно приветствуя своего Повелителя. Король медленно поднял руку, и гомон и крики его подданных разом смолкли.

— Мир вам, достопочтенный Флавиус и достопочтенная Сильфида! — громко произнес он. Его громовой голос, несмотря на невысокий рост, был похож на рокот камнепада в вышине горных вершин. — Рад видеть вас здесь.

— Мир тебе и твоему народу, достопочтенный Ивонн! — ответили Флавиус и Сильфида. — Сегодня в Камфорту прибыл новый Авалон, — третий с тех пор, как ты занял этот трон, и семьдесят седьмой с сотворения мира, — при этих словах они расступились и отошли немного назад, чтобы Ивонн мог рассмотреть новоприбывших.

Глаза Короля Дварфов неторопливо, долго и очень внимательно переходили от одного человека к другому, рассматривая каждого, и, как показалось Марии, дольше всех изучали её и Евгена — хотя, возможно, она просто так решила из-за сильного волнения.

— Восемь бессмертных, — пророкотал Ивонн. — Восемь новых надежд для людей, кои названы Авалон, ибо до конца своих времен будут они нести тяжкое бремя. И герои они хотя бы потому, что согласились на это. Но не будем спешить с выводами. Что ж, поглядим, на что вы способны! — дварф произвел какое-то едва уловимое движение рукой, как будто схватил порхавшего рядом незримого мотылька, и тут же все восемь магических сфер, сиявших в руках друзей, притянулись к его сомкнутой в кулак руке. Раздался громкий хлопок, и сферы, одна за другой, лопнули, будто мыльные пузыри, и угасли.

— И это все? — захохотал Ивонн. — Всё, что вы можете мне показать?!

Малиновская, как и остальные, несколько опешила — она даже не предполагала, что её магию можно вот так вот запросто взять и, стащив с ладони, ликвидировать.

Флавиус едва заметно наклонился к Маше и шепнул ей:

— Будьте готовы создать животных. Передай остальным.

— Чтобы меня победить, каких-то там светящихся шариков недостаточно! — ухмыльнулся Горный Король. — Это все игрушки, не стоящие моего времени и внимания.

Пока Ивонн говорил, Маша, пользуясь тем, что он немного отвлекся, успела передать слова Флавиуса Антону. Она скорее ощущала, чем слышала, как остальные друзья полушепотом

передают друг другу то, что им сейчас предстоит сделать. Было немного страшновато — никто ведь их не предупредил, что придется драться. Сильфида лишь намекнула им, что произойдет нечто помимо самого разговора при знакомстве, но никак нельзя было ожидать, что им необходимо, скорее всего, вступить в схватку, да ещё и с самим Королём Дварфов.

Внезапно Ивонн взмахнул своей огромной секирой — острые лезвия со свистом рассекли пыльный воздух — и прыгнул вперед, в одно мгновение перемахнув все ступени, ведшие к трону, и оказавшись буквально в нескольких шагах от ребят.

— Поборемся? — прогремел он, перекидывая рукоять своего грозного оружия из руки в руку.

— Атакуйте! — крикнул Флавиус.

Все оказались готовы: восьмерка разноцветных магических зверей стремительно вырвалась из множества ладоней одновременно, бросившись на защиту своих хозяев. Подземелье Камфорты расцветилось красками, и многие дварфы зажмурили глаза от нестерпимого блеска, ведь в своих глубоких кузнях они привыкли лишь к свету от огня, раздуваемого горнами. Но Ивонна не так-то просто было напугать или застать врасплох.

Первым до него долетел белоснежный беркут, сотворенный Бирюком, но Горный Король взмахнул своей ужасной секирой, и её острое, как бритва, лезвие прошло прямо сквозь птицу, не дав ей возможности увернуться. Эхо птичьего крика ещё не успело угаснуть под сводами зала, а сам беркут уже рассыпался на тысячи белых искорок, осыпая ими остальных, словно дождем. И тут же снежный баран Вячеслава и черный вепрь Семёна, подлетев к нему, сумели повалить Ивонна на пол. Грохот казался неимоверным — железные доспехи, в которые был запакован Горный Король, лязгали на все лады, соприкоснувшись с каменным полом, но триумф был недолог — мгновенные и невероятно точные удары Короля раз, другой, третий — и вот уже и эти звери рассыпались разноцветными искрами, повторив судьбу белого беркута. Олениху Татьяны Ивонн буквально отшвырнул рукой, но сразу за нею волчица Настасьи прыгнула на него, вцепившись в лицо. Дварф взревел, оттаскивая зверя и пытаясь освободиться, и ему почти это удалось, но тут же появившиеся лев, тигр и пума навалились на него всем скопом. Ивонн успел отшвырнуть от себя волчицу — она, пролетев с десяток метров, упала на каменный пол, но в искры не обратилась, и лежала теперь, тяжело дыша. Лев и тигр схватили дварфа за руки, не давая пошевелиться, а пума вцепилась в горло. Ивонн брыкался и пытался вырваться, но безрезультатно — зубы тигра все сильнее сжимали его правую руку до тех пор, пока тот

не разжал пальцы и опасная секира не выпала из неё, глухо звякнув лезвиями о каменные плиты. Горный Король ещё несколько раз дернулся, суча ногами по полу, и начал задыхаться в челюстях пумы. Поняв, что это бесполезно — он пойман — и, ещё немного, зверь просто перекусит ему горло, Ивонн натужно прохрипел: — Хватит!

Помедлив какое-то мгновение, пума, тигр и лев отпустили его, разлетевшись разноцветными искрами. Настасья и Таня тоже призвали своих зверей назад. Дварф, тяжело дыша, поднялся на ноги. Он был немного потрепан, но никаких видимых повреждений у него не наблюдалось. Несмотря на кажущуюся серьезность боя, для него, скорее всего, это было лишь занимательной игрой, некоей проверкой силы, как обычно мужчины — просто развлечения ради — соревнуются в армрестлинге, и не более того.

Все замерли, ожидая, что будет дальше. Маша подумала — а вдруг он только притворился, что побеждён, а сейчас снова захочет напасть?

Но этого не произошло. Ивонн, шумно выдохнув, упал на одно колено, склонив свою голову, увенчанную короной, и произнёс:

— Вы победили. Я признаю вашу власть.

Вслед за этим все остальные дварфы, повинуясь решению своего Верховного Владыки, тоже преклонили колени пред Авалоном. Волнующее и величественное зрелище это было — десять бессмертных стояли в чертоге, окруженные бессчетным множеством дварфов, как скала, окруженная приливом, и в бесконечности подземного зала — так далеко, насколько различали глаза и позволял неяркий свет, — они видели склоненные перед ними головы древнего подземного племени, коих было так много, что задние ряды невозможно было различить в полумраке Камфорты. И самый главный среди них — Ивонн, Король Дварфов, склонил свою увенчанную изумрудами голову, признав их могущество.

Странное ощущалось чувство, и, стоя посреди раболепия этого живого моря, навевало оно состояние средневековой древности, и можно было ощутить себя королем либо королевой, но отличалось оно лишь тем, что не через гонения и кровь каждый обрел этот новый для себя ранг, а только превосходящей степенью мастерства одних над другим. Это было обнадеживающе, и внушало веру в себя.

А затем Флавиус и Сильфида тоже встали на одно колено, — и остальные друзья последовали их примеру.

— А мы признаем твою власть, — ответили Ивонну двое

Бессмертных, и Авалон эхом повторил их слова.

— Ибо истинным Королем Дварфов может быть только дварф, — произнесла Сильфида. — Но каждый обязан прийти на помощь другому, если случиться беда, — затем она обернулась к друзьям. — Отныне и навсегда Вы — истинные Бессмертные и настоящий Авалон. Запомните этот день, потому что более великого дня уже не будет — вы с честью прошли все испытания, и древние дварфы признали ваше могущество. С сегодняшнего мига и до конца времен — только смерть ваших тел либо решение Совета может освободить вас от клятвы, которую вы принесли в Маханаксаре. Впереди — только Великая Цель. А этот день — окончен.

Они ещё раз поклонились Королю Дварфов и молча, уже не оборачиваясь, покинули Камфорту и двинулись в обратный путь, сквозь подземелья…

* * *

Настасья стояла на балконе семнадцатого этажа, устало облокотившись на перила, вдыхая свежий ветерок и любуясь открывающимся видом на город и Измайловский лес. На небе догорали последние неяркие сполохи уходящего в сумрак дня, и сегодня она в очередной раз зашла в гости к Евгену. Снизу доносились далекие гудки автомобилей, лай собак и обрывки фраз случайных прохожих, спешащих по своим делам. Было тепло и уютно, и немного не хотелось возвращаться с балкона назад, в душную комнату.

— Насть! — позвал её Евген.

— Сейчас иду, — отозвалась она, решив ещё немного постоять на воздухе.

Она просто рассматривала далеко убегающие вперед свежие зеленые кроны парка, омытые очередным недавним дождем, размышляя обо всем на свете и легонько теребя завязку на собственной кофточке. Евген тихо подошел сзади, обнял её и, наклонившись, начал целовать в шею. Она ощущала его горячее дыхание и легкую небритость щеки.

— Евгеш, не надо. — Настя довольно вяло начала сопротивляться.

— Почему?

— Потому что ты себя плохо ведешь.

— С чего это? — удивился Евген, не переставая при этом её целовать.

— Насупленный вечно какой-то ходишь, грубишь всем,

хамишь. Машку вот обижаешь.

— Ой, опять ты про свое начинаешь! Перестань, пожалуйста. Давай хотя бы в такие редкие моменты уединения не будем вспоминать наших замечательных друзей. Пойдём лучше в комнату, — он потянул её за руку, и Настасья нехотя повиновалась.

В комнате было жарко и немного темновато — или так просто казалось после долгого стояния на балконе? Они прилегли на растрепанную, не застеленную кровать. Несколько фантиков от давно съеденных ими шоколадных конфет грустно спланировали на пол, Евгений вообще не имел особой привычки убираться в своей холостяцкой квартире. Настасья слегка расправила собранную в гармошку простынь, прилегла на плечо к Евгену и задумчиво произнесла:

— Не хочешь ты меняться, Евгеш. Совсем не хочешь.

— Людям вообще не свойственно меняться, если желаешь знать, — невесело сообщил Евген. — Вот ты бы стала ради кого-нибудь меняться? Менять свою жизнь?

— Что значит «ради кого-нибудь»? Я ведь сейчас о нас с тобой говорю!

— Вот и я о нас с тобой. Скажи мне, Насть… Вот просто, к примеру… Ты бы ушла за мною, если бы я тебя позвал?

— Куда? — не поняла Настасья.

— В никуда. Представь, что однажды я уйду и позову тебя с собою. Ты уйдешь за мной?

— Ничего не понимаю. Ты куда собрался-то? К дварфам, что ли, в подземелья — отшельником жить?

— Очень смешно, — обиделся Евген. — Я же тебе просто говорю — к примеру! Да или нет?

— Ой, Жень, не знаю. Ты в последнее время прям странный какой-то…

— Ладно, всё, проехали, — лицо Евгена опять сделалось серьезным и беспокойным. Оно вообще всё чаще бывало таким и Настю это немного напрягало, но она не знала, в чем здесь, собственно, дело, а Евген на эту тему разговаривать не желал, делая видимость, что всё в порядке.

Они некоторое время полежали молча. Настасья разглядывала старый, пожелтевший от времени потолок, и пыталась понять, что Женек вообще имел в виду, и правильно ли она ответила на этот вопрос. Хотя как нужно было на него отвечать? Это и не вопрос был вовсе, а так… предложение что ли…

Потом Евген снова полез целоваться, и Настасья постаралась выбросить странный разговор из головы, сосредоточившись на

приятных ощущениях.

* * *

— В который раз вы блестяще справились с поставленной перед вами задачей, — говорила им Сильфида. — Это замечательно. Лишь немногим на моей долгой памяти удавалось вот так быстро и — не буду скрывать своего восхищения — так мастерски одолеть в схватке самого Ивонна, Короля Дварфов. Бывало, что бои могли длиться по нескольку часов, прежде чем он признавал себя поверженным. Я прошу у вас прощения за то, что не предупредила заранее обо всем, что должно произойти — просто не хотела, чтобы вы волновались и боялись попусту. Как показало время — это было и к лучшему. Во время состязания никто из вас не отвлекался на ненужные, мешающие эмоции. Сработав как единая команда, вы добивались в прошлом и добиваетесь сейчас всего, чего хотите. Любого результата. Ни одна цель не остаётся без вашего внимания. Все учтено и все просчитано. Поверьте мне на слово: вовсе не имело значения то, что вас было восемь, а он — всего один, потому что Ивонн — бывалый воин, и у него в запасе имеется множество хитрых приемов и комбинаций, целый арсенал неприятных сюрпризов — но вы просто не дали ему времени для того, чтобы все это применить. Честно говоря, очень приятно было за вами наблюдать и видеть, что наши с Флавиусом труды не проходят даром. — закончила она, и лицо её просияло.

Разговор этот происходил на одной из бесчисленных зеленых полян Карнимирии, и все друзья собрались у подножья одной из ветвистых старых рябин, укрывшись в тени её листьев от палящего солнца, что во множестве росли в уютном ложе долины посреди изумрудной травы. С момента их поединка с Королем Дварфов прошло уже более двух дней.

— Я не стала утомлять вас лишними заботами и вопросами в тот день, потому что все вы были сильно уставшими и слишком измученными, чтобы внимательно слушать и обсуждать что-либо ещё, — продолжала Сильфида, стоя посреди сидящих на траве вокруг неё слушателей. — Но новый день принёс нам новые силы, и сегодня необходимо многое обсудить.

Малиновская поуютнее устроилась в изгибе огромной мохнатой лапы своей любимой Медведицы и приготовилась внимательно слушать. Тут же, рядом с нею плечом к плечу, расположилась Настасья с Евгеном (хотя, для верности надо сказать, что Настя, естественно, села рядом с подругой, а уж

потом к Насте подсел и Евген). Чуть подальше от Пончика, небольшим полукругом, сидели и все остальные друзья. Сильфида, разговаривая, медленно перемещалась между ребятами, Флавиус же просто стоял рядом молча, иногда поддерживая её реплики едва заметными кивками головы.

— Во-первых, как я уже говорила, — напомнила им Сильфида, — мы вплотную подошли к изучению высших разделов магии, в связи с чем нам предстоит перейти от групповых занятий к индивидуальным. Так как вас в Авалоне — восемь, а нас только двое, обучение неизбежно значительно растянется по времени, а ведь мы с Флавиусом должны будем уделить внимание каждому из вас. Нам необходимо показать и рассказать вам как можно больше до тех пор, пока у вас имеется в запасе много свободного времени, то есть до окончания лета, потому что потом вы снова окажетесь заняты своей человеческой учебой, которую, разумеется, также ни в коем случае нельзя бросать. Любое получение знаний — вне зависимости от наличия в них магической составляющей — способствует развитию мозговой активности и духовному росту.

При этих словах Евген раздосадовано фыркнул — очевидно, он надеялся на то, что с нелюбимой учебой в институте теперь будет покончено.

— Да-да! — строго посмотрела на него Сильфида. — Даже будучи Бессмертным, каждый из Авалона должен быть прекрасно знаком с любыми науками, и уж тем более с историей Смертных. Не надо забывать о том, что вы совсем недавно и сами были их частью. Да и как можно изучать другой мир, совершенно не зная при этой свой собственный? Но вернемся к главному.

Малиновская немного отвлеклась, потому что Пончик начала ворочаться, принимая более удобную для себя позу — она, похоже, немного устала оттого, что на неё облокотилось сразу несколько человек. Наконец Медведица улеглась. Сильфида на миг задержала взгляд своих прекрасных глаз на линии горизонта, как будто собираясь с мыслями, и продолжила.

— Во-вторых, отныне ежедневно мы будем обучать лишь двух человек, посвящая им все свободное время от рассвета и до заката. В оговоренные дни они обязаны будут являться на тренировки. Остальные же вольны в своих действиях. Разумеется, было бы лучше, чтобы все вы приходили каждый день — ведь совершенствование навыков никогда не бывает лишним. Я полагаю, что вы убедились в этом, сразившись с Ивонном. Однако я также прекрасно понимаю, что у каждого из вас имеются и свои личные, земные дела, и потому не имею права настаивать на обязательном присутствии остальных.

— Это уже неплохо, — сказал Бирюк. — Но у меня имеется вопрос: дело в том, что мы бы хотели вместе с Таней съездить отдохнуть. Ненадолго, — добавил он после некоторой паузы.

— А это уже как раз будет в-третьих, — кивнула ему Сильфида. — Иногда вы даже опережаете своими вопросами ход моих размышлений. Это приятно. Но время бежит быстро — ещё совсем немного и лето уже перевалит за свою середину, а никто из вас так до сих пор и не отдохнул по-настоящему. Кратковременные поездки за город не в счёт, — она слегка улыбнулась Славе и Семёну. — Конечно же, я очень ценю ваше столь ответственное отношение к нашим занятиям, но мне бы не хотелось, чтобы они превращались в какое-то подобие каторги. Поэтому мы составим индивидуальное расписание с учетом всех ваших пожеланий, чтобы каждый смог съездить куда-нибудь отдохнуть и развеяться, и при этом не слишком нарушать режим обучения. И всё-таки, мои дорогие, я попрошу вас не отлучаться из дома более чем на пару недель — на всякий случай.

— У меня тоже вопрос, — Таня даже подняла руку вверх, словно они были сейчас на школьном уроке. — Если обучение будет происходить только у двоих человек за один день, то что будут в это время делать остальные — если они придут?

— О, вы можете делать практически всё, что угодно. — Сильфида начала прохаживаться по траве из стороны в сторону, и все поворачивали свои головы вслед за ней. — Поскольку теперь все дварфы подчиняются Авалону, то вы можете безбоязненно передвигаться по всему замку и прилегающим к нему территориям. Никто не причинит вам вреда, а в случае чего дварфы всегда придут на помощь. Я только предостерегаю вас не ходить пока слишком далеко в лес — это все ещё небезопасно, даже не смотря на все ваши умения. Вы можете и дальше упражняться на Стрельбище, сбивая мишени, призывать животных и устраивать между собой поединки, заглянуть в Библиотеку — там, между прочим, ещё очень много интересного и познавательного, — при этих словах Сильфида не смогла сдержать улыбки, видя, как воодушевился Антон. — Бродите по замку, изучайте все его комнаты, залы и кладовые, поднимайтесь на башни, можете совершить прогулку до песчаного пляжа на озере. Купаться там, правда, я бы не советовала — вода очень холодна в любое время года из-за большого количества впадающих в него горных родников. Исследуйте горы и долины — в общем, делайте все, что вам вздумается, как будто вы у себя дома. Ведь это и есть теперь ваш новый дом. И, я уверена, — после первых же индивидуальных тренировок у вас появится гораздо больше идей насчет того, каким образом проводить здесь

свое свободное время.

Малиновская услышала, как Евген, наклонившись к Настиному уху, прошептал:

— Наконец-то. Хоть какая-то свобода действий.

Настасья в ответ лишь недовольно дернула плечом.

— Ещё хотелось бы вас предупредить вот о чем, — Сильфида вдруг остановилась и бросила едва уловимый взгляд на Евген, — после принесения обменных клятв между вами и народом дварфов установлены строгие законы субординации, поэтому при любых встречах вам необходимо приветствовать друг друга. Сами дварфы обязаны кланяться, сгибаясь в пояснице. Вам же достаточно лишь слегка склонить голову в знак приветствия. Вставать на одно колено вам необходимо лишь перед самим Королём, при этом он то же самое делает в ответ. Естественно, я не имею никакого законного права приказывать вам это делать, поэтому просто прошу соблюдать элементарные правила вежливости — не хотелось бы верить в то, что в день нашего знакомства я разыскала пусть и одаренных, но грубиянов, — и Сильфида подмигнула им, как бы надеясь, что они договорились в этом вопросе.

Евгений не удержался и решил уточнить:

— Так они действительно будут исполнять все наши приказы?

— Да, — подтвердила Сильфида. — Но, я надеюсь, вы не будете этим злоупотреблять.

— А теперь давайте займемся составлением расписания, — предложил молчавший до этого Флавиус, — и выберем такие дни, которые будут удобны для каждого.

Вне всякого сомнения, друзьям не терпелось начать личное обучение, и они, ещё теснее сомкнув свой круг, приступили к обсуждению предстоящих тренировок и выбору времени…

После долгих споров, пререканий и даже иногда криков (потому что все хотели себе свободные выходные, чтобы побыть с родными, и никто не хотел отдыхать в будни, когда и так особенно нечего было делать), но им удалось-таки составить точный график на ближайшие полторы недели, с возможностью последующих непредвиденных изменений и обсуждений в дальнейшем. В итоге получилось, что Машина и Настина тренировки были назначены уже на завтра, да и остальные как-то более или менее запомнили даты своих «личных» дней. Дольше всех путался Бирюк, пока Таня, не разозлившись на его бестолковость, громко напомнила ему, что вообще-то дни их тренировок совпадают, поэтому, мол, нечего трепать всем нервы и по сто раз переспрашивать — она, в отличие от «некоторых

идиотов», всё поняла и с первого раза.

— А я вот не поняла, — сказала Маша и, судя по выражению Таниного лица, она готова была её задушить сразу вслед за Бирюком, — кто завтра со мной и Настей на тренировку идёт? Все или как?

— Ну мы-то с Вовой точно не идём, — уже более миролюбиво ответила Таня, поняв, что Машин вопрос немного по другой теме. — Ведь сегодня четверг, а наша с ним тренировка назначена на следующую среду, так что все эти шесть дней мы уж вряд ли будем в Москве — наверное, куда-нибудь уедем.

Таким образом, через неделю у всех за плечами оказывалось уже по два обучающих дня, в то время как у Тани с Бирюком — пока ни одного, но затем у них следовало сразу несколько тренировок подряд. Сильфида и Флавиус намеренно пошли им на уступки, чтобы позволить влюбленным подольше побыть наедине и отвлечься от всего. В последующем такую передышку обещали предоставить и всем остальным. В первую очередь, конечно, Настасье и Евгену — как наиболее необходимую.

Вопрос Малиновской вызвал новые словесные споры и неопределенности — всем хотелось одновременно и побольше потренироваться, и подольше поспать. Тогда Антон предложил так:

— Давайте вот что: каждый день, вне зависимости от того, у кого именно будет обучение, станем встречаться в десять часов у нас во дворе.

— У помойки, — весело добавила Малиновская.

Антон только вздохнул:

— Ладно. То есть собираемся все: и те, кто идёт обязательно, и те, кто, как бы говоря, просто так. Не обижайтесь, никого ждать не будем. Если опоздали, то либо догоняйте, либо спите дальше. По крайней мере — так хоть путаться не будем.

Такое положение дел всех более или менее устроило, а после этого Сильфида объявила им, что сегодня у них полностью свободный день.

— Не вижу смысла нагружать вас чем-то перед усиленным обучением, — сообщила она. — Отдыхайте, пока есть свободное время. Думаю, впереди нас ждёт еще очень много интересного. Из предыдущего опыта скажу, что при знакомстве с высшими разделами магии элементов разделение по специализациям, так сказать, способствует проявлению ваших сокрытых способностей. Наверняка мы знаем лишь три из них: чтение мыслей, — Сильфида кивнула на Антона; магнетизм, — она повернулась к Семёну, — и, возможно, распознавание языка животных, — закончила она на Маше, — пока что ты понимаешь только своего

Пончика, но, уверена, вскоре мы выясним, способна ли ты общаться и с остальными представителями фауны. Таким образом, у нас остаётся ещё пять неразгаданных сюрпризов, — она посмотрела на остальных ребят, — их ящики Пандоры всё ещё ждут своего открытия. А теперь… можете немного прогуляться там, где вам вздумается. Удачи!

Поблагодарив Сильфиду и Флавиуса, ребята начали вставать со своих мест, обсуждая, нужно ли им всем держаться вместе, или можно было бы побродить по отдельности. Таня и Бирюк, естественно, решили провести остаток дня вдвоем и прогуляться вдоль дальнего края Кленового леса, где никто из них ещё не бывал, а также (если останется время) исследовать побережье озера.

— Машунь, ты не обидишься, если я тоже прогуляюсь вдвоём, с Евгеном? — немного виновато спросила Настасья у Малиновской.

— Что? А, да, конечно. Идите. — улыбнулась Маша подруге. — Все в порядке.

— Ты уверена? — Настя внимательно посмотрела ей в глаза. — Не обидишься?

— Да брось, Настюх! Даже не переживай! — отмахнулась Машка. — Как можно на это обижаться?

И Настасья с Евгеном, взявшись за руки, тоже побрели прочь, немного левее того направления, куда только что отправились Татьяна и Вова. Малиновская какое-то время слегка разочарованно смотрела им вслед, и даже самой себе не могла толком объяснить, почему в её душе зародилось вдруг некое подобие досады и легкого разочарования. Разумеется, она не могла ожидать (да и не ожидала), что Настасья всю свою жизнь станет сопровождать её где бы то ни было — такое предположение звучало глупо и даже несколько эгоистично. Мария знала, что если бы она сейчас сделала грустное лицо или заунывно протянула «ну во-о-от», то её лучшая подруга осталась бы с нею, не раздумывая. Но в этом случае Евген — сейчас или позже — наверняка устроил бы Насте скандал, а быть причиной ссор и стать камнем преткновения в отношениях самого близкого для неё человека (не считая мамы, разумеется) было, по крайней мере, неразумно и жестоко.

Пока она размышляла над этим, остальные тоже разбрелись кто куда: Славик с Семёном уже были достаточно далеко, двигаясь в сторону центральных ворот Нифльхейма — видимо, они решили заняться исследованием замка, а рядом с Флавиусом и Сильфидой оставался только Антон — они о чем-то оживленно беседовали.

— Тош, ты идёшь? — поинтересовалась у него Маша, залезая на спину Пончику.

Антон повернулся к ней: — Да пока нет, Мань. Хотел тут… э-э-э… поговорить немного. Ты иди — если что, я тебя догоню.

Малиновская согласно кивнула и, не став дожидаться окончания разговора, — мало ли насколько он затянется — неторопливо двинулась верхом на медведице в сторону дварфовских огородов. Ей уже давно было интересно повнимательнее рассмотреть, что же именно на них произрастает. Теперь попадавшиеся навстречу дварфы останавливались и почтительно раскланивались с ней, а она, слегка кивая им, от этого жутко смущалась — все-таки довольно непривычно было чувствовать себя чуть ли не английской королевой. Поскольку все дварфы были одеты примерно одинаково и носили бороды примерно одной длины, у Малиновской возникло некое странное чувство, будто она едет в переполненном вагоне метро, в котором все пассажиры — люди преклонного возраста, и посреди вагона имеется одно-единственное свободное место, которое как раз и досталось ей. Восседая на Пончике, Мария взирала на всех сверху вниз, и ей начало казаться, что она — злобный тиран, угнетающий маленький, беззащитный народ. Становилось немного неуютно.

Миновав невысокие плетеные изгороди, отделяющие аккуратные, без единого сорняка грядки с рассадой от окрестных заливных полей, она попросила Пончика двигаться помедленнее, чтобы все хорошенько рассмотреть. Они проезжали рабатки с салатом, шпинатом, укропом и петрушкой, а чуть дальше росли густые заросли томатов и огурцов, а также густая и жирная картофельная тина. Иногда вдоль тропинки попадались кусты смородины или брусники, росшие будто бы сами по себе. Работающие на огороде дварфы тоже низко ей кланялись и их добрые, приветливые лица как-то сразу поднимали настроение и внушали ощущение покоя, неторопливости и безмятежности. Удивительное чувство умиротворенности жило в этом краю.

Неожиданно раздалось громкое, смачное «чавк» и Пончик, недовольно ворча, смешно затрясла задней ногой.

— Ой, чего там у тебя? — спросила Маша, спрыгивая с медведицы на землю, чтобы посмотреть, что случилось.

На тропинке лежали остатки спелой, только что раздавленной Пончиком тыквы. Оранжевая мякоть прилипла к медвежьей шерсти, и Пончик продолжала трясти лапой, пытаясь от неё избавиться.

— Блин, ну ты даешь! — полушепотом проворчала Малиновская, стараясь не привлекать излишнего внимания. —

Сейчас на нас ругаться будут, что мы с тобой тут огород портим.

Ей уже пришла в голову мысль, что надо бы поскорее скрыться с места преступления, чтобы никто из дварфов ничего не заметил, но тут совсем рядом раздался звонкий голос:

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

Малиновская осторожно выглянула из-за медвежьего бока — на тропинке появился низкорослый старый дварф. Желтая шляпа и причудливого покроя камзол делали его похожим на забавный лимон-переросток. Длинная седая борода, аккуратно расчесанная надвое, заканчивалась красивыми завитушками. Было совершенно непонятно, откуда он взялся, потому что минуту назад поблизости никого рядом не наблюдалось.

— Здравствуйте! Да мы тут… вот… — Маша виновато заулыбалась, слегка запинаясь, но всё-таки решила не лукавить, — тыкву вам раздавили нечаянно. Извините, мы не хотели. Случайно вышло. Не сердитесь.

Старый дварф молча стоял и смотрел на них с совершенно удивленным и немного невменяемым видом, и Малиновская начала думать, уж не сказала ли она чего-нибудь неправильного или оскорбительного? Кто же их знает, этих дварфов — может быть, у них все перевернуто с ног на голову и совсем не так, как у людей.

— Нет-нет, что вы, юная госпожа! — наконец залепетал дварф, видимо, не привыкнув к тому, чтобы люди перед ним извинялись. — Разве я могу сердиться на вас? Это ведь всего лишь какая-то тыква. Их полно здесь, — и тут он неожиданно расплакался.

Маша совершенно перепугалась и, присев перед ним на колени, слегка приобняла старого дварфа, успокаивая его:

— Вы с ума сошли, не надо плакать! Я совсем не хотела вас чем-то обидеть, честное слово! Если это так важно, я могу принести вам другую тыкву… из своего дома. Может быть, вас за это будет кто-нибудь ругать? Но вы не виноваты, вовсе нет. Это мы её с Пончиком раздавили!

Пока Малиновская успокаивала его, к ним со всех сторон понабежала ещё целая куча дварфов (видимо, взбудораженная стенаниями своего сородича), и Маша замолчала, не зная, что ещё можно сказать в такой ситуации. А вдруг это какие-нибудь священные тыквы, которые не то что давить, а даже просто трогать нельзя, и теперь за столь страшное злодеяние её четвертуют или сожгут на костре? Она уже начала жалеть, что вообще решила поехать с Пончиком в этот дурацкий огород. Гуляла бы себе спокойно по замку или берегу озера, как, например, Таня с Бирюком, и ничего страшного бы не случилось.

Но наконец успокоившийся дварф вытер слезы, и начал все объяснять своим соплеменникам:

— Эта Человеческая Дочка оказалась так добра ко мне! Она случайно раздавила тыкву, и я вышел ей навстречу, чтобы помочь, а она извинилась передо мной и, обняв, даже предложила принести из дому свою собственную тыкву взамен испорченной! — при этих словах остальные дварфы даже заахали от изумления.

Старый дварф посмотрел на Марию своими зелеными, как сами горные изумруды, глазами и произнёс:

— Вы — первая и единственная Бессмертная в моей жизни, которая обняла меня и извинилась передо мной, — и он снова расплакался.

Малиновская выдохнула про себя — слава богу, сожжение на костре вроде бы отменялось — и, собравшись с мыслями, сказала:

— Уф, я и не подозревала, что вы такие… чувствительные. Теперь, я надеюсь, все в порядке?

— Да, разумеется, — закивал дварф вместе с остальными. Его соплеменники, пришедшие на помощь, дружно заголосили, говоря Малиновской, какая она замечательная, добрая, чуткая, и вообще буквально засыпали её комплиментами. Дварфы и сами оказались очень радушными и гостеприимными — каждому из них хотелось её обнять, что-то ей сказать, и Маша ощущала себя будто бы на утреннике в детском саду, окруженная восторженной ребятнёй. Маленькие человечки радовались, трогали и гладили Пончика, и в итоге все закончилось тем, что дварфы решили, что не отпустят её, пока не соберут в подарок целую корзину разных ягод, овощей и пряных трав, выращенных у них на огородах, потому что «такая замечательная госпожа не должна уходить от них без гостинцев».

Мария провела среди них остаток дня, и вечером покидала милый народ с огромной наполненной корзиной в руках и с распрекрасным настроением. Малиновская думала только об одном — каким образом она объяснит своей маме, что у них дома вдруг оказался продуктовый запас на целую неделю вперед. А впрочем, она что-нибудь да придумает…

Глава 11. Исповедь Бессмертной

На свое первое обучение высшей магии Мария и Настасья отправились вдвоем. Вчера все настолько устали от «свободного дня», предоставленного им Сильфидой, что сегодня никто не в состоянии оказался заставить себя вылезти из кровати к десяти часам утра. Даже Евген, который обычно больше остальных рвался тренироваться, в последний момент передумал, решив, что у него ещё будет предостаточно времени. Маша тоже с удовольствием бы провела это утро под одеялом, и только данное ей — как и остальными друзьями — обещание о том, что они обязательно будут являться на тренировки, заставило её встать: ожидая во дворе Настасью, она в равной степени ощущала сонливость и любопытство от предстоящего дня.

Настасья вышла вовремя и девчонки, достаточно быстро миновав первую часть пути до Портала, вскоре уже шагали по тракту сквозь Кленовый лес. Воздух вокруг был кристально чист и свеж, и почему-то в сегодняшнее утро особенно звонко пели птицы, разливая свои сладкоголосые трели на разные лады — или им это только казалось?

Малиновская только что закончила рассказывать Насте о своих приключениях с дварфами — ведь вчера из-за того, что все они хаотически разбрелись в разные стороны, каждый из них возвращался домой по-отдельности (ну или с тем, с кем ушёл первоначально), поэтому вечером ей не удалось перемолвиться словечком с подругой. Маша со смехом поведала о том, какую небылицу ей пришлось сочинять ради мамы, которая никак не могла взять в толк, откуда её дочь, теперь уже не работая, нашла деньги на такое количество еды. Сложнее всего оказалось объяснить, зачем она приперла домой огромную плетеную корзину, но даже это удалось Марии уложить в здравый смысл, а её воображение помогло ей сочинить невероятную историю про рынок с добрыми продавцами, которые ей все это подарили. Ольга Александровна, конечно, не очень-то поверила во всю эту чепуху, но допытываться до истины не стала — она, уставшая, вернулась с работы, и ей было не до каких-то там рынков.

Теперь же Малиновская внимательно слушала историю Настасьи.

— Вот честное слово, Маш, мне прямо было неудобно и стыдно, — жаловалась та подруге. — Евген, значит, потащил меня в лес гулять. Хотя Сильфида нас и предупреждала, чтобы мы не очень-то там лазили. Как будто других мест для гуляния нет — но его же вечно тянет туда, куда нельзя. Да и сама знаешь — Женя

никого слушать не хочет, а уж Сильфиду тем более. Самое главное, с ним бесполезно на эти темы разговаривать — только лишние вымотанные нервы и новые скандалы. Как об стенку горох. Меня уже немножко начинает это бесить. Чего-то я отвлеклась… — Настасья на мгновение задумалась, — а, ну так вот: мы сначала пошли почти что за Танюхой с Бирюком, но они прогуливались по самому краю, а мы забрели немного вглубь…

— Ой, я бы в жизни туда не пошла! Страшно, наверное? — Малиновская пару раз оглянулась по сторонам, хотя здесь, на тропе, им ничего и не угрожало.

— Да нет, нормально, — Настя пожала плечами. — Не в этом дело. Наткнулись мы там на этих самых дварфов. Они на опушках лесных, оказывается, хворост собирают, чтобы им печи на кухне растапливать. Те, конечно, все вязанки свои побросали, раскланиваться начали — в общем, все как у тебя. Они же наивные, как дети — ей богу, а после твоего рассказа я ещё больше в этом убедилась. И мне, соответственно, ещё больше за все стыдно! Дварфы начали говорить, как они рады нас видеть, что им так интересно познакомиться с нами поближе. Начали интересоваться, не заблудились ли мы и не нужна ли нам какая-нибудь помощь. И что ты думаешь? Вместо того, чтобы их поблагодарить, мол, спасибо, все у нас в порядке, Евген вдруг озверел и начал им выговаривать!

— Чего выговаривать? — не поняла Малиновская.

— Да вроде как чего это они хворост грязный свой нам под ноги понакидали, разговаривают с нами дерзко и, дескать, недостаточно низко нам кланяются!

— Что, серьезно?!

— Абсолютно, — подтвердила Настя. Похоже, она снова начала сердиться, заново вспоминая все детали произошедшего. — Я сначала думала, может быть он шутит так, ну мало ли. Оказывается, нет. Представь себе: он, значит, у нас тут великий Бессмертный, а они так — сплюснутый народец, грязь под ногами! Так прямо и ляпнул. А я стою и не знаю даже, чего сказать — мне и за себя стыдно, и за него, я готова была прямо сквозь землю там провалиться.

— Зачем же он так? Они же такие хорошие! — расстроилась Малиновская. — Слушай, я с ним сама обязательно об этом поговорю. А дварфы чего?

— Они очень огорчились и сказали, что он злой и нехороший, — ответила Настя после некоторого колебания. — И я его поскорее оттуда утащила, пока он им ещё каких-нибудь гадостей не наговорил. Надо было с тобой вообще остаться. В следующий раз никуда не пойду с ним гулять, пусть сам ходит

куда хочет, делает чего хочет, а меня таким образом я не дам очернять, пусть даже и в глазах дварфов, — сердито закончила она.

— Слушай, у него реально иногда крыша едет, по-моему, — Маша поджала губы, разглядывая коричневые листья, лежащие по краям тропинки. Ей тоже было очень обидно за дварфов. Ей вообще всегда было обидно за любую несправедливость, но в этой ситуации особенно, потому что теоретически она могла её предотвратить. По крайней мере, она твердо решила поговорить по этому поводу с Евгеном.

— Мания величия это называется, — сказала Настасья, как бы подводя итог рассуждениям, — ладно, не хочу больше это обсуждать, — она остановилась и подняла голову. — О, смотри-ка — вот и Старый Клён!

Действительно, за обсуждением девушки и не заметили, как дошли до Старого Клёна — значит, большая часть пути уже была пройдена, и до Нифльхейма оставалось совсем чуть-чуть.

— Здравствуйте! — громко крикнула Маша, задрав голову.

Кажется, Клён крепко спал, а может быть просто о чем-то глубоко задумался, прежде чем встрепенуться и открыть свои желтые, задумчивые глаза.

— О, здравствуйте, мои дорогие! — пророкотал он. — Очень рад вас видеть. Впрочем, как и всегда. Но почему вас только двое? Что-то стряслось? Неужто какое-то лихо разделило Авалон?

— Не беспокойтесь, всё в порядке, — поспешила унять его тревогу Малиновская. — Просто у нас начались индивидуальные тренировки, а все остальные слишком устали, чтобы сегодня прийти. Вот мы и шагаем вдвоем с Настькой потихоньку.

— М-м-м, ну что же, тогда я желаю вам удачи, — ответил Клён. — Удачи и терпения. Оно вам сегодня понадобится, в этом нет сомнения, — он глубоко вздохнул, — как быстро летит время — вроде бы только что вы падали от страха, встретившись со мной, а вот теперь уже идёте к новым вершинам магии, и мне кажется, будто я знаю вас давным-давно…

Спустя примерно четверть часа Мария стояла посреди волнующегося моря зелёной травы и с некоторой тревогой смотрела в сторону Нифльхейма: по древнему тракту, ведущему к воротам каменной твердыни, шли, всё более удаляясь от неё, Флавиус и Настасья. Из-за того, что у её подруги оказалась очень специфическая магия — стекло — ни Сильфида, ни Флавиус не смогли ей подобрать что-либо подходящее для тренировки на открытом воздухе. Поэтому, в связи с наложенными ограничениями, Насте предстояло постигать азы высшей магии в одном из многочисленных залов замка — там для неё уже все

было подготовлено: дварфы насобирали из своих несметных кладовых целую кучу ненужной стеклянной посуды. Настасье относительно повезло — горные дварфы были искусными стекольными мастерами, выдувая из расплавленной породы любые формы и цвета, делая невероятно красивые, изумительные предметы из стекла. Конечно же, за множество веков у них накопились огромные количества ненужных вещей — в основном, разумеется, посуды, — а иначе бы Флавиусу пришлось поломать голову и изобрести нечто более изощренное для того, чтобы его сегодняшняя ученица могла постигать основы своей стекольной магии и развивать её.

Наконец, двое бессмертных скрылись среди створ центральных ворот, и Малиновская, еле слышно вздохнув, медленно перевела взгляд себе под ноги, рассматривая чуть примятые травяные стебельки. Сильфида, все это время молча стоявшая рядом, не торопила её — Бессмертная давала ей собраться с мыслями и терпеливо ждала, пока Маша будет готова. Легкий волнующий ветерок, гулявший вокруг них, ласкового перебирал светлые Машины волосы и, словно тихо шепнув ей на ушко: «пора!», улетел беззаботно резвиться над печальной гладью Великого озера. Мария подняла глаза и встретилась взглядом с Сильфидой.

— Может быть, начнём? — произнесла та, улыбнувшись. — У тебя такой перепуганный вид. Не бойся — я рядом и постараюсь помочь тебе во всем, в чем только смогу. Понимаю, ты впервые оказалась здесь без своих друзей — и это, должно быть, очень трудно. Но трудности лишь закаляют наш характер и укрепляют волю.

Маша согласно кивнула. Она не волновалась, нет, просто очень непривычно было ощущать, что рядом с тобою нет друзей, которые всегда тебя поддержат. Даже Пончика они сегодня тоже вынужденно отправили погулять отдельно от них, потому что, как пояснила Сильфида, на первых порах будет лучше, если никого не будет поблизости — и дело было вовсе не в психологическом аспекте. Пока бессмертный не научится более-менее владеть своей «родной» магией, в открытый воздух могут происходить неконтролируемые выбросы магической плазмы (по крайней мере, Малиновская для себя поняла это так), которые способны навредить окружающим.

— Итак, Мария, с чего бы ты хотела начать? — Маша уже давно обратила внимание, что Сильфида при обращении к ним всегда старается использовать полную форму имени.

Малиновская немного удивилась и приподняла брови — она-то думала, что сегодня, как и всегда, нужно лишь выполнять то,

что ей скажут, ну или, по крайней мере, зададут некую общую тему, которой будет необходимо следовать. Вместо этого совершенно неожиданно предоставлялась полная свобода действий. Однако бесконечное число возможных дальнейших вариантов даже привело её в некоторое замешательство. Сильфида продолжала выжидающе смотреть на неё, и Маша, отчего-то засмущавшись, промямлила:

— Если честно, мне бы хотелось… то есть было бы неплохо для начала, конечно… я мечтала научиться выращивать цветы. Чтобы прямо мгновенно — р-р-раз! — и выросли! — на этих словах она замолчала. Сейчас ей казалось, что все произнесенное звучало глупо и нелепо. Детский сад какой-то. Цветы. Сейчас Сильфида наверняка рассмеется и скажет ей, что это совершенно неподходящий вариант, полная ерунда и бессмыслица — нужно начинать с чего-то более сложного, более серьезного. Например, с того, что должно ей будет пригодиться в сражении — если оно когда-нибудь произойдёт, — а не какие-то там дурацкие цветочки, которые непонятно вообще для чего нужны.

Но Мария ошиблась. Неожиданно для неё Сильфида произнесла:

— Отлично! Замечательная идея, на мой взгляд. Учась практике применения родной магии, в твоем случае — растения, нет ничего лучше, чем начать с того, что тебе более всего по душе.

Маша обрадовалась, и последние волнения вмиг покинули её.

— Я подскажу, что тебе нужно для этого сделать, — Сильфида, взяв Машу за руку, села на траву и повлекла её за собой. — Смотри!

Малиновская аккуратно устроилась на мягком дерне вслед за Сильфидой, поджав под себя ноги.

— Закрой глаза и приложи свои руки к земле, — сказала ей Сильфида.

Маша выдохнула, собираясь с мыслями, сомкнула веки и медленно опустила свои ладони на примятую, местами колкую траву, а Сильфида накрыла сверху её пальцы своими руками.

— Не торопись. Прислушивайся к своим ощущениям, — слышала Малиновская её голос. — Там, под покровом вечно юной травы, сокрытые от посторонних глаз, хранятся ответы на все твои вопросы. Почва утаивает великое множество нетронутых семян, каждому из которых впоследствии предстоит прорасти — в своё время, в назначенный час. У каждого семени есть свой, неповторимый голос. Погрузись в сокровенные глубины своего разума. Покинь этот мир, чтобы стать частью Природы. Ты должна услышать их. Среди бесчисленных корней травы, что

проникают повсюду и пронизывают этот мир подобно тому, как нервные волокна живут в каждой клеточке человеческого тела, среди них затаились семена. Распознай их голоса, потому что они уже знают, они почувствовали, что сегодня ты пришла к ним, и они жаждут говорить с тобою. Но ты должна пойти дальше и создать своё собственное семечко, чтобы вырастить из него цветок.

— Как? — произнесла Маша у себя в голове.

— Они подскажут тебе. — пришел ответ, и Малиновская уже не могла точно сказать, был ли это голос Сильфиды, или на её вопрос ответило нечто Иное.

Сначала Маша ощущала кожей лишь тепло от нагретой за день солнцем земли, да ещё едва уловимое шевеление травы, пытающейся распрямиться под её ладонями. Она размышляла о том, что многие тысячи того, чему в будущем суждено стать цветами, кустами и деревьями, хранятся в этой несметной природной кладовой, ожидая своего часа пробуждения. Марии нужно было создать свою собственную колыбель жизни, чтобы оттуда, из её глубин, явился миру её прекрасный цветок, но для этого остальные семена должны были ей помочь, а она никак не могла услышать их. Маша не уловила чётко определенный момент, когда же именно она перестала чувствовать своими руками прикосновение ладоней Сильфиды — она вдруг поняла только, что в этот миг уже совершенно одна. Даже всегда привычного ветерка слышно не было, и Малиновская знала сейчас только одно — нельзя открывать глаза, иначе волшебство будет разрушено. Она подумала, что если семена хотят говорить с нею и чувствуют её, то, должно быть, они просто ждут первого шага от неё самой, и Мария мысленно произнесла то, что первое пришло ей в голову: «Где вы?»

Ответ пришёл мгновенно. Гораздо быстрее, чем можно было ожидать, стремительный водоворот голосов внезапно ворвался сотней тихих и громких криков в её сознание, и она вздрогнула от неожиданности, но не от страха. Многие тысячи семян посылали ей свои мысли из-под земли: «я здесь! услышь меня!» — голосили они разными ладами и тембрами, и её тело заполняло, как заполняется живительной влагой пустая чаша, ни с чем несравнимое чувство восторга и эйфории. Малиновская чувствовала, как каждое отдельно взятое семечко, являющееся при этом частичкой чего-то непостижимо целого, пытается ей помочь, чтобы воплотить её собственные мысли в действия. В это мгновение она уже была не одна — все могущественнейшие силы Природы пришли ей на помощь, и казалось, что нет ничего невозможного на этой Земле, потому что любая задача

выполнима, если тебя окружают друзья, а их поддержка и любовь — нечто большее, чем просто слова. Мария и сама не знала, что сейчас ощущает на себе великую магию Веры.

Она не прочувствовала ту грань, когда её желание созидания вдруг воплотилось в реальность (да и впоследствии при сотворении магии никогда не могла чётко определить, где именно скрывается этот переход, потому что у волшебства не бывает четко очерченных линий — оно происходит просто потому, что оно — чудо, а у чудес не нужно искать причин и следствий) — и просто поняла вдруг, что из-под её ладоней рвется наружу упругий зеленый росток.

Маша, открыв глаза, аккуратно приподняла и разомкнула руки, а цветок все рос и рос, листья его становились все больше и шире, пушась и разделяясь на забавную зеленую паутину, чем-то похожую на укроп. Когда Малиновская превращала в реальное свои мечты, она не представляла себе что-то конкретное, и поэтому теперь с интересом наблюдала, что же у неё получилось. А цветок все разрастался и тянулся ввысь, и, наконец, достигнув уровня её лица, замер на несколько секунд, чтобы, внезапно развернув свои тугие, скрученные в коробочки бутоны, раскрыться прекрасными белыми цветами с желтой сердцевиной. Маша даже засмеялась. Ну конечно! Разве можно было предположить иное? Ромашки!

Малиновская словно бы впервые рассматривала этот цветок, и сейчас он казался ей самым прекрасным на свете — гораздо более красивым, чем все розы, орхидеи и георгины этого мира. Как изящно выточен каждый темно-изумрудный листок, как ошеломляюще идеальны соцветия ромашки, блестящие лепестки которой будто бы политы лаком. Нет, эта ромашка определенно удалась!

Она поднялась с колен, осматриваясь вокруг и ища Сильфиду, но той нигде, кажется, не было рядом. Наверное, Бессмертная на время оставила способную ученицу, чтобы не мешать ей творить свою зелёную магию — решила Малиновская. Ощущая новый, невероятный прилив энергии оттого, что у неё все получилось, Маша улыбнулась и замерла — ей пришла в голову новая безрассудная мысль, требовавшая немедленного осуществления. Она подняла лицо к небу, раскинула руки в разные стороны и стояла так, не шевелясь — и внезапно вокруг неё, разбуженные от долгого сна её зовом, из-под земли начали прорастать все новые и новые ромашки. По кругу во все стороны, подобно волнам от камня, брошенного в недвижимую зеркальную гладь пруда, белые с желтой сердцевиной бутоны вспыхивали тут и там, стремясь навстречу солнцу, и лепестки цветов

ослепительно сияли в его лучах.

Мария стояла посреди огромного цветущего бело-жёлтого волнующегося моря, и её в равной степени захлестывали радость и восторг, словно ветер, колышущий стебли только что сотворенных ромашек, задувал счастье их волшебной пыльцы прямиком в её сердце. И ощущение нечаянного блаженства наступало не только оттого, что все это было невероятно красиво, но и потому, что всю эту красоту только что сотворила она сама!

* * *

Малиновская, тяжело отдуваясь и вытирая пот со лба, плюхнула два огромных пакета с едой на лавочку во дворе, а потом уселась на неё сама. Один из пакетов тут же опасно накренился, и из него на землю упало несколько ярких коробок с печеньем. Машка так устала, что у неё не было совершенно никаких сил поднимать это дурацкое печенье — пусть немного поваляется, ничего страшного от этого не произойдет. Бредя от магазина до дома с неподъемной ношей, она уже тысячу раз пожалела, что набрала столько продуктов. Но в запасе имелся веский довод: поскольку сегодня была среда, а до самой субботы она совершенно не планировала выходить из дому, то было бы нисколько не лишним запастись провизией впрок, чтобы потом никуда не идти, а уж тем более — в магазин. Поэтому она накупила себе всего, о чем только вспомнила, и до чего смогли дотянуться её загребущие пальцы на стеллажах универсама. По крайней мере, хотя бы одно из маминых поручений выполнено. Вторым же — уборкой квартиры — она как раз и займется в предстоящие свободные дни.

Сегодня вечером должны были возвратиться с отдыха Таня и Вова, и следующие два дня подряд тренировки будут только у них — пускай наверстывают упущенное. Сразу после приезда с отдыха одной сладкой парочки в беззаботное путешествие отправлялась и вторая — Настасья и Евген. В милостиво выделенный им пятидневный срок они собирались смотаться в Санкт-Петербург.

Таким образом Маша, лишенная в предстоящие выходные общества своей лучшей подруги, да и порядком уставшая посещать тренировки — всё-таки сотворение магии Растений с непривычки отнимало у неё пока довольно много сил — решила таки как раз освобождающиеся дни посвятить отдыху, сну и наведению порядка в доме. Раз мама снова ушла с головой в работу — хозяйкой придется побыть ей.

Маша окинула взглядом двор, может, кого из друзей

увидит? — но, не разглядев среди сидящих на лавочках и просто прогуливающихся людей никого знакомого, тихонько вздохнула и принялась рассматривать молодого человека, стоящего у двери её подъезда. Интересно, кого он ждёт? Немного похож на Евгена. Ну, если только совсем чуть-чуть, разве что такой же лохматый. А так — больше никакого сходства. Парень вдруг повернулся и посмотрел на неё. Машка тут же опустила глаза и тихонько хмыкнула себе под нос. Её голову уже заняли другие мысли.

Насколько она знала, Евген и Настасья куда-то вместе уехали гулять, и о времени их хотя бы приблизительного возвращения оставалось только догадываться. Потом Малиновская снова начала вспоминать все подробности рассказанного Настей о её тренировках с Флавиусом, которые обычно проводились в полуподвальном помещении близ кухонь — просто дварфам было удобнее стаскивать туда ненужные более им вещи. Как раз когда они вместе шли с одной из них, подруга похвалилась ей, что у неё уже довольно неплохо получается левитация стеклянных предметов, но вот изменение их формы пока что происходит не слишком удачно.

Сама же Мария за прошедшую неделю прекрасно научилась выращивать не только ромашки, но ещё и васильки, и — совсем чуточку — розы, но пока что они получались либо чересчур жухлыми, либо слишком корявыми. Ещё она узнала от Сильфиды, что дварфы слегка недовольны и ворчат насчет того, что после каждой её тренировки им приходится выкашивать большие площади заливных лугов, освобождая их от последствий её магии, а именно — сотворенных Машей цветов. С одной стороны, можно было бы посочувствовать малому народцу, но с другой — где же ей тогда проводить практические занятия? Это уж, так сказать, непредвиденные издержки производства, побочный продукт. По крайней мере, Сильфида посоветовала ей не обращать внимания на всякую ерунду.

Малиновская так глубоко ушла в собственные мысли, что подпрыгнула от неожиданности, услышав рядом с собой:

— Привет! Ты чего продукты-то свои разбросала?

Обернувшись, она увидела стоящих рядом Евгена и Настасью. Настя держала в руках упаковки с печеньем, вопросительно глядя на неё.

— Ой, привет! Да задумалась просто, не заметила, как они упали, — ответила Маша, забирая свое печенье и складывая его обратно в пакет. — А вы сами откуда?

— Да вот ездили в Сокольники гулять. На аттракционах катались, — Настя села рядом с нею, и Евген, как будто немного недовольный этим, тоже нехотя устроился рядом.

— Понятно. Молодцы, — улыбнулась Машка. — А я вот в магазин ходила, а то холодильник-то пустой, надо же что-то готовить.

— Дварфов попросила бы, они бы тебе приготовили, — пошутил Евген.

— Кстати о дварфах, — вспомнила Маша. — Ты не мог бы вести себя с ними… потактичнее, скажем так?

Евген бросил быстрый взгляд на Настасью и насмешливо произнёс:

— А они что, жаловались?

— Ты слышишь, о чем я тебя прошу? — уточнила Маша.

— Я веду себя так, как считаю нужным. — отрезал Евген.

— Знаешь, Жень, тут совсем не та ситуация, чтобы показывать свой характер. Они беззащитны и абсолютно безобидны…

— Только вот тебя я забыл об этом спросить! — огрызнулся Евген, как будто не замечая того, что Настя щиплет его за локоть.

— Слушай, я, кажется, не позволяла тебе разговаривать со мной в таком тоне? — Маша приподняла левую бровь; такой разговор уже начинал её раздражать.

— Ребята, давайте не будем… — попыталась вмешаться Настасья.

— Так, ты — замолчи! — мгновенно оборвал её Евген, а потом сказал Малиновской гневно: — Меня не интересует твоё мнение в этом вопросе, ясно? Уж если мне и нужен будет чей-то совет, то ты — последний человек, к которому я обращусь! Наслушалась от Сильфиды всякой дряни, и теперь ведешь себя точно так же. Марионетка!

— Боже, хорошо хоть Антон этого ужаса не слышит, — тихо произнесла Малиновская, поднося руку к своему виску. — Хотя, может он-то как раз и заткнул бы тебе рот!

Почему-то именно этот, последний аргумент, привел Евгена в исступленное бешенство. Вскочив с лавки и указывая пальцем прочь, он заорал:

— Убирайся отсюда! Я сказал, пошла вон!

— Меня сейчас просто тошнит от тебя, — сказала Малиновская с презрением.

Она неторопливо встала, без тени смущения, гордо, собрала все свои пакеты с лавочки и взглянула на Настасью — та выглядела испуганной и потрясенной одновременно, переводя взгляд с неё на Евгена и обратно.

— Тебя ожидает чудесная поездка в Питер, дорогая, — сказала Маша подруге. — Уверена, каждая мечтала бы отправиться в путешествие с таким парнем. Я прямо завидую, —

потом она развернулась и пошла прочь, в сторону подъезда.

* * *

Стоял погожий, теплый московский день. Сквозь приоткрытую раму пробивалось ласковое тепло, и солнечные зайчики беззаботно играли друг с другом в догонялки на персиковых стенах квартиры на пятом этаже. Малиновская, пообборвав лишние листки в календаре, с удивлением обнаружила, что на дворе уже восемнадцатое августа. То есть с того момента, как она сотворила свою первую ромашку, прошел почти месяц. Ну надо же — как быстро летит время! Это значит, что веселое, прекрасное лето понемногу подходило к концу, и вовсе не хотелось видеть впереди хмурую, дождливую осень с ветрами и непогодой. Ещё меньше, естественно, хотелось в институт.

Походы в Нифльхейм, или, как она их называла, «другие занятия», с каждым разом становились все интереснее и интереснее, и перспектива делать в них перерыв, пусть и такой необходимый — ради учебы в университете, конечно не радовала. За прошедший месяц она научилась очень многому, и, кроме всего прочего, понимала теперь язык птиц — это была её отдельная гордость, но все равно, не смотря ни на что, хотелось знать и уметь в миллион раз больше, чем ей удавалось сейчас. Маша чувствовала, что, пытаясь постичь самую суть зеленой магии, у неё действительно это получается, а, как известно, успехи всегда подталкивают людей к новым свершениям. Здесь же, в настоящем мире, впереди её ожидал второй курс, а значит ещё больше проблем и ещё меньше свободного времени. Маша даже слегка завидовала Антону и Евгену — они в этом учебном году должны были уже окончить институт.

Отношения с Евгеном с того самого момента, как произошел нелицеприятный разговор, не сказать чтобы особенно улучшились, хотя Мария и услышала в свой адрес некое подобие извинений. Как она не без оснований подозревала, прозвучали эти самые извинения лишь только потому, что Настасья ежедневно выедала Жене на эту тему мозг, пока в итоге не добилась желаемого результата. Наверное, Настя тоже понимала, что все это прозвучало из его уст не совсем искренне, но, чувствуя невыносимой ситуацию, когда её парень и лучшая подруга внезапно превратились во врагов, решила, что худой мир все-таки лучше доброй ссоры. Маша теперь вообще не приставала к Евгену хоть с какими-то вопросами, сведя общение до минимума, и не

лезла в любые ситуации, связанные с ним. Ещё меньше её прельщал возможный расклад быть обвиненной во «влезании в отношения», потому что при любом неблагоприятном исходе событий виноватой, скорее всего, оказалась бы она, а Маше этого-то как раз и хотелось меньше всего.

Малиновская никому не стала рассказывать о прошедшей перепалке, но из-за того, что она частенько об этом думала, Антон всё-таки сумел прочитать её мысли, выудив из сознания крупицы воспоминаний, и в итоге вынудил её рассказать эту историю целиком. Она специально попросила Антона о том, чтобы он больше никого не посвящал в подробности этой внезапной свары, и тот, похоже, свое слово сдержал: по крайней мере, Маша ни разу не слышала никаких шушуканий остальных друзей по этому поводу.

Самого Антона, разумеется, ещё более насторожило такое поведение Евгения, и, как догадывалась Малиновская, он только окончательно утвердился в своих подозрениях насчет того, что с Евгена необходимо не спускать глаз. Однако досконально разбирать эту тему молодой человек отказывался. Возможно, у Антона имелись на это свои причины — не зря же он чаще остальных беседовал с Флавиусом и Сильфидой, а также постоянно сидел в Библиотеке Нифльхейма. Малиновская с удовольствием бы об этом всём порассуждала, но, не смотря ни на что, после всего произошедшего, считала Евгена всего-навсего обычным хамом, не видя в этом чего-либо большего. Хотя, надо признать, обычно теплое отношение, присутствовавшее в их беседах с Женькой, исчезло без следа, а поддержание некоей демонстрационной вежливости происходило лишь потому, что у них имелся общий центр притяжения — Настасья, которая в последнее время все чаще разрывалась между своим парнем и своей лучшей подругой. Первое время Настя тоже дулась на Машку — в основном, из-за её финального подкола, — но эта несущественная ерунда была быстро урегулирована за пару совместных посиделок с чаем. Антон же, бывший ей, наверное, самым близким человеком после Настасьи, и вовсе в последнее время оказывался молчалив и задумчив, а уж о чем он догадывался и о чем тревожился — никогда было не понять.

Такие размышления о прошлом и грядущем в итоге привели Малиновскую на кухню, где она, поняв, что сильно проголодалась, ловко орудовала половником, наливая себе в расписную тарелку горячий, только что приготовленный суп с фасолью. Он казался невероятно вкусным ещё и потому, что сегодня ранним утром его приготовила мама, в кои-то веки пришедшая с работы более-менее не утомленной, и даже в

хорошем расположении духа. Не так уж и часто Машке выпадала радость есть только что приготовленное «горяченькое» — обычно приходилось разогревать оставленное мамой «на будущее» — так что в этот раз она готова была, кажется, слопать целую кастрюлю замечательного супа.

Сытый желудок настраивал на размышления более позитивные: два дня назад она вернулась с дачи (не своей, ведь свою они продали, а соседской), где отдыхала целую неделю вместе с родителями одной хорошей маминой подруги и их дочкой — Катей. Катя была девушкой по большей части молчаливой, поэтому Малиновской, в основном, приходилось развлекать себя самой, что она, в общем, и делала — то рассказывала внимательно слушающей Кате разные забавные истории, то самозабвенно копалась на дачном огороде, пытаясь привести его в идеальное состояние — как у её любимых дварфов.

На самом деле за прошедший месяц хорошо отдохнули все, некоторые даже и не по одному разу. Славик и Семён, к примеру, в любые освобождающиеся пару дней стремились на свои дачи (поэтому они всегда были самыми загорелыми из всех), Евген, кроме отдыха с Настасьей, ездил навещать своих родственников в город Выксу, а Антон — в то же время, что и Маша — побывал у своих родителей в Казани, откуда он и сам был родом.

Подводя итог понемногу уходящего лета можно было с большой уверенностью сказать, что оно прошло более чем неплохо, даже если не учитывать такие милые и приятные дополнения, как способность сотворять магию и приобретение бессмертия — хотя второе пока никак особенно и не удалось ощутить в полной мере. Наверное, это такая штука, которой можно будет порадоваться разве что лет через пятьсот — весело подумала Малиновская.

Витание в облаках и прекрасно обрисованную идиллию прервала любимая мама, севшая за стол напротив неё. То есть Малиновская сначала даже и не поняла, в чем, собственно, дело, — просто её глаза отметили резкое изменение освещения — это Ольга Александровна задернула занавеску, чтобы не донимало слепящее солнце, и таким образом возвращая Машу из мира грёз на грешную землю.

— Машунь, я бы хотела с тобой поговорить, — начало разговора и тон, которым это было произнесено, не предвещало ничего хорошего.

Маша согласно кивнула, как бы показывая, что она внимательно слушает.

— Ты знаешь, что я постоянно пропадаю на работе, и у меня совершенно нет времени за тобою следить, — начала Ольга

Александровна, — но это, разумеется, не значит, что я за тебя не волнуюсь.

Мама сделала небольшую паузу, ожидая возможной реакции, но Маша молчала, аккуратно расправляя руками бамбуковую подставку под горячее в виде звёздочки, и Ольга Александровна продолжила:

— На мой взгляд, ты очень редко бываешь дома. Ты постоянно пропадаешь на улице со своими друзьями, ты просто там днюешь и ночуешь, можно сказать. И неизвестно, чем вы там занимаетесь! — неожиданно закончила она.

— Мам, ну перестань, — Малиновская развела руками, — всех моих друзей ты прекрасно знаешь, и даже большинство их родителей, между прочим. Гуляю я потому, что сейчас каникулы — что же мне ещё делать, по-твоему? Сидеть дома в такую замечательную погоду?

— Милая, ты, пожалуйста, не сердись, — мама протянула свою руку, касаясь Машиного плеча. — Просто сейчас столько всего неправильного, мерзкого происходит. Сигареты, алкоголь — я это имею в виду. Я переживаю за тебя.

— Не волнуйся, мам, я этим не увлекаюсь.

— И потом, ладно бы ты общалась со своими сверстниками, но ведь в твоем окружении есть и совсем взрослые юноши…

— Это ты на Антона и Евгена намекаешь, да? Я поняла, — Машка уже не сдерживала улыбку. — Тебе не о чем беспокоиться, поверь. Мы тысячу лет друг друга знаем, все в порядке!

К сожалению, она не могла объяснить матери истинную причину своих столь частых отсутствий: «ты знаешь, мам, я посещаю параллельный мир, чтобы изучать магию. У меня есть личный медведь — Пончик, и ещё с недавних пор я понимаю язык птиц. И, да, забыла сказать, я теперь бессмертна», — от такого у Ольги Александровны вполне мог случиться сердечный приступ, поэтому в голову начала лезть всякая чушь. На ум пришел один забавный анекдот: «Доченька, ты связалась с плохой компанией! — Нет, мам, я её основала!» — но озвучивать она его, разумеется, не стала. По-видимому, в этот момент на лице Марии блуждала самозабвенная идиотская улыбка, потому что Ольга Александровна, придвинувшись к ней поближе, неожиданно и слегка тревожно произнесла:

— Маш… а ты… не наркоманка?

Наступила короткая пауза. Вопрос, по мнению Малиновской, уже выходил за грани адекватного, и она просто дико заржала в ответ, чем ещё больше обеспокоила свою мать.

* * *

На следующий день весь Авалон явился на тренировку в полном составе. То есть, конечно, тренировка в этот раз была назначена только у Антона и Татьяны — просто Флавиус иногда перемешивал пары в случае необходимости. Сегодня такая необходимость как раз-таки и возникла: Антон, как один из самых умелых и успешных учеников, собирался попрактиковаться в создании одной из наиболее сложных субстанций для его рода магии, а именно — в сотворении дождя. Сильфида одно время напоминала ему, что концентрация грозовых туч и вызывание муссонных ливней считается непростой задачей даже для бессмертных, обладающих гораздо более продолжительным опытом в подобного рода вещах. С начала интенсивных занятий прошло едва ли более трех месяцев, но, с другой стороны, обучение их Авалона продвигалось темпами попросту беспрецедентными, поэтому можно было попробовать и что-то более сложное — вреда это, по крайней мере, не принесёт.

В этот раз в партнеры Антону определили Татьяну. Произошло это лишь потому, что наступил самый благоприятный момент для генерации Таней молнии — ведь она контролировала электричество, а молния была наиболее ярким представителем такого рода явлений в живой природе. Флавиус, обучающий Таню, считал, что девушке ещё рано переходить к таким сложным магическим процессам, но, разумеется, всячески поддерживал свою подопечную, согласившись с тем, что дождь и гроза непременно должны создаваться вместе. А вот Сильфида в успехе Антона нисколько не сомневалась.

Малиновской, которая по уже сложившейся традиции ехала на Пончике, притопавшей из леса, было не совсем привычно видеть всех друзей снова вместе — из-за того, что в прошедший месяц в их компании обязательно кого-нибудь не хватало по причине очередного отдыха, она успела немного подзабыть, каково это — толкающаяся на дороге орава из восьми человек.

Поздоровавшись с Флавиусом и Сильфидой, которые, как обычно, ждали их у центральных ворот Нифльхейма, каждый отправился заниматься своим делом: Таня и Антон, естественно, остались со своими наставниками — постигать новые горизонты магии Воды и Электричества. Евген, как это ни странно, пошёл в Библиотеку — в последнее время его крайне интересовали истории жизни его предшественников — элементалей, которые так же, как и он, раньше владели магией Огня. Бирюк, Слава и Семён дружной гурьбой приняли решение посетить кухню у дварфов: молодые люди неожиданно поняли, что крайне проголодались, благо добрые дварфы всегда были готовы накормить любого, кто бы к ним не заглянул. А Настя и Маша —

две неразлучные подруги — неспешным шагом дошли до Стрельбища, чтобы поупражняться с мишенями и похвастаться друг перед дружкой, кто и чего из них больше умеет. Если раньше единственным их развлечением было сотворение магических пуль, то теперь возможности стали куда как более разнообразными. Пончик неторопливо трусила рядом с ними, изредка останавливаясь и суя нос в заросли травы, что-то там ища и громко фыркая при этом. Если Медведица отставала от Маши больше чем на два-три шага, она пускалась в забавный косолапый полу-галоп, стараясь как можно скорее нагнать хозяйку.

По дороге к Стрельбищу навстречу им попалось несколько дварфов — некоторые везли в забавных круглых тачках желтую репу, кто-то нёс большие мотки веревки, другие просто шли рядом. Дварфы и девушки, раскланявшись, уже практически миновали друг друга, и тут один из дварфов неожиданно оступился и упал, шлепнувшись носом в траву. Очевидно, он просто наступил на конец одной из веревок, которую сам же и нёс. Малиновская чисто инстинктивно среагировала самой первой: пока остальные дварфы охали и ахали, без дела всплёскивая руками, она подскочила к упавшему и помогла ему подняться. Тот, конечно, дико засмущался — как Маша уже знала, дварфы не привыкли, чтобы им хоть в чем-то помогали, а потому он низко поклонился и произнёс:

— О, благодарю вас, Миррен Лилит! Ваше доброе сердце всегда приходит на помощь! — И дварф, ещё раз смущённо поклонившись, быстро зашагал прочь вместе со своими собратьями.

— Миррен Лилит? — переспросила Настасья. — Что бы это значило?

— Мне и самой хотелось бы это знать, — озадаченно произнесла Малиновская, пожимая плечами, — надеюсь, это не какое-нибудь ругательство.

— Да вряд ли… — немного неуверенно ответила Настя.

Дойдя до тренировочной площадки, девушки обнаружили на ней не только привычные разрисованные кругляши-мишени, но и несколько забавных чучел, лишь очень отдаленно напоминающих человеческие фигуры. Все они без сомнения были сделаны дварфами — вместо голов у каждого были забавные репы, которые дварфы как раз только что и везли им навстречу. Пончик подошла к одному из чучел и зубами потянула его за рукав. Очевидно, вся конструкция была плохо закреплена в земле, и, начав опасно крениться, с грохотом рухнула на песок. Голова-репа, упав с большой высоты, разлетелась на куски.

— Понча, не ломай экспонаты, пожалуйста, — попросила Маша, — а то нам не на чем тренироваться будет.

Медведица вздохнула и села поодаль с немного виноватым видом.

— Смотри, чего я тебе сейчас покажу! — азартно произнесла Настасья.

Она вытянула правую руку вперед и замерла, сосредоточившись на ней взглядом. Сначала от ладони пошёл небольшой пар, а потом в руке возникла странная грязно-зеленоватая субстанция. Она ворочалась на Настиной ладони, подобно какому-то сонному зверю, выбрасывая в разные стороны короткие отростки-щупальца.

— Ты научилась сама генерировать расплавы! — воскликнула Мария.

Действительно, до недавнего времени Настасье необходим был внешний источник материала, чтобы творить свою магию, но теперь, видимо, все изменилось. Подруга кивнула в ответ.

— Фу, сопли какие-то! — с некоторым отвращением констатировала Машка.

— Сама ты «сопли»! — обиделась Настя. — Это молдавит, или бутылочный камень. Гляди! — Она поднесла свои губы ближе и словно подула на молдавит; вещество мгновенно застыло, приняв темно-зеленую окраску в центре и светло-зеленую — по краям. Минерал был похож на только что застывшие морские волны и чем-то отдаленно напоминал салатники, которые стояли у Маши на кухне в серванте.

— Постой-ка, ты сказала бутылочный камень? — уточнила Малиновская. — Но ведь твоя магия — стекло. А камни — это, скорее, по Славиной части.

— Вообще, строго говоря, молдавит — не камень. Он является стеклообразным кремнистым природным телом. Это мне Флавиус объяснял, — поспешно сообщила Настасья, глядя, как Маша выпучила на неё глаза. — Так что, по идее, я тоже могу им управлять. Или ещё вот, — Настя аккуратно положила принявший твердую форму молдавит на траву и снова вытянула руку.

На этот раз никакого пара не было — между её пальцами за несколько секунд выросли аккуратные, геометрически правильные кристаллы. Они были прозрачны и очень красивы — солнце играло на их гранях, делая похожими на драгоценные камни.

— Горный хрусталь, — сказала Настя, зачарованно глядя на свои бесчисленные отражения в минерале. — Я сама всегда была уверена, что уж это — точно камень, но, как оказалось, он состоит из кварца, то есть его разновидности, который, в свою очередь —

непременная составляющая стекла. На самом деле, все это безумно сложно, запутанно и непонятно. Флавиус часами рассказывал мне обо всех этих закономерностях, но в итоге даже он признал, что только практическим путем можно будет выяснить, что именно я могу контролировать, а что — нет. Магия Стекол попадается очень редко — сам Флавиус так и не смог припомнить, доставалась ли она хоть кому-нибудь не только из его учеников, но и вообще любому Бессмертному. Он посоветовал почитать мне об этом в библиотеке Нифльхейма — если там, конечно, что-нибудь есть по этой теме.

— Я-то думала, что твой максимум — стеклянные стаканы, — весело призналась Машка. — А тут вон оно что!

Настасья на миг замерла, глядя на выращенный хрусталь — минерал на её ладони снова начал расти, пока не превратился в длинные, похожие на сталь, пики. Настя размахнулась и метнула их в одно из чучел — острые прозрачные копья вошли в него, как нож — в масло, и остались там торчать.

— Классно! Тогда посмотри, что я теперь могу, — произнесла Малиновская, стараясь не показать своего изумления и немного уязвленная тем, какой мощью стала обладать её подруга.

Маша глубоко вдохнула. Замерла. Затем выдохнула, и на выходе, присев на одно колено, коснулась рукой песка. В этот же момент на другом конце поля из земли, прямо под одной из мишеней, вырвались цепкие древесные корни. В мгновение ока они опутали деревянную треногу, — и с громким треском разнесли её на куски. Так же внезапно, как и появились, корни исчезли в земле — лишь кучка разбросанного во все стороны грунта напоминала о том, что здесь только что творилась магия.

Медведица одобряюще взревела. Малиновская подмигнула ей в ответ.

— Неплохо, — похвалила Настя. — Моя очередь.

Девушка, на мгновение задумавшись, свела свои ладони вместе, точно в молитве. Потом резко подпрыгнула и, приземлившись, хлопнула руками по земле, а затем — друг об друга. Ещё одному человекоподобному чучелу не повезло — нечто черное, возникшее то ли из земли, а то ли прямо из воздуха, обволокло со всех сторон тряпичную куклу, и было даже немного жутко оттого, с какой медленной, нескрываемой нежностью смоляные лапы-руки закрывают собой последние остатки тренировочного манекена. Настя переплела пальцы и сжала ладони, как бы завершая свою магию, и вещество, перестав двигаться, застыло одной большой иссиня-черной каплей вокруг чучела. Кажется, из жидкой формы оно приобрело твердую.

— Что это? — Маша не скрывала своего ужаса.

— Обсидиан, или вулканическое стекло. — пояснила Настасья, подходя к черной громаде. Размахнувшись ногой, она со всей силы ударила каблуком. Обсидиан разлетелся на множество мелких осколков, а вместе с ним и всё то, что находилось внутри.

Так они тренировались, показывая свое мастерство друг другу, до тех пор, пока не начало темнеть. Как раз в тот момент, когда Маша разносила в щепки очередную цель вырвавшимися из её ладоней лианами, а Настасья снова протыкала острыми стеклянными кристаллами новое чучело, к ним подошла Сильфида. Какое-то время она молча, не без удовольствия, наблюдала за своими ученицами, а потом произнесла:

— Да уж, не хотелось бы мне теперь встретиться с кем-нибудь из вас на темной тропинке! — и засмеялась.

Малиновская, которая так была увлечена своими лианами, что заметила Сильфиду только сейчас, заулыбалась и сказала:

— Ой, ты уже тут. Сильфа, видела, как здорово у меня получается?

— Да, разумеется, — кивнула та в ответ. — Не устаю восхищаться вашими талантами.

Крепкие, как корабельные тросы, лианы разорвали в клочья ещё одну мишень, и Малиновская, вытерев пот со лба, решила немного передохнуть. Она неожиданно вспомнила, о чем хотела спросить Сильфиду.

— Слушай, а что такое «Миррен Лилит»?

— О, так ты уже слышала, как тебя называют? — снова засмеялась Сильфида. — В переводе с языка дварфов это означает «Девушка-Ромашка». А вот твоей подруге Анастасии дварфы дали имя «Элен Хатол Авалонэ», что значит «Чёрная ночь Авалона» — это из-за цвета твоих волос, — пояснила Сильфида, увидев недоуменный взгляд подошедшей Насти.

— Элен Хатол, — повторила Настасья. — Красиво звучит.

— Я знаю, почему меня так прозвали, — серьезно заметила Маша. — Я же им там наколдовала целые поля этих ромашек. Так что всё было вполне ожидаемо.

— А ещё они называют вас двоих Уэн Винг — «Великие Сёстры». Но не будем слишком углубляться в языковые дебри народа дварфов — это ни к чему, — Сильфида решила сменить тему, — я и Флавиус оставили на время ваших друзей — Татьяну и Антона, чтобы они могли сосредоточиться и побыть наедине со своими мыслями — иногда это помогает. У них сегодня трудный день и трудная магия… — не успела Бессмертная договорить, как подул сильный ветер, и темнеющее вечернее небо над Зеркальными горами начала окутывать ещё более кромешная

мгла. Хмурые грозовые тучи нависли над шпилями и башнями Нифльхейма, и сумеречные тени побежали по траве вечнозеленой долины Карнимирии. Между просветами туч засверкали гневные, ослепительно белые вспышки, а затем, подобно рёву гигантского разъярённого дракона, из конца в конец в небесах зазвучал оглушительный громовой рокот. Сильфида, Мария и Настя, замершие, молча наблюдали за разворачивающимся в небе зрелищем.

Где-то в отдалении, и все-таки слишком близко — Маша явно услышала это — упала первая дождевая капля. И весь остальной мир замер в ожидании, словно не веря и вслушиваясь в великую и неповторимую магию этого звука, и сей момент тянулся одновременно и невероятно долго, и неожиданно быстро — наступающий дождь словно сам ждал того, чтобы эта — самая первая из его капель — коснулась земли; и тут же тысячи, миллионы его посланников хлынули с небес стремительным, непрекращающимся потоком.

— Кажется, у Антона получилось! — крикнула Маша, стараясь пересилить шум дождя. — Бежим! — и они втроем кинулись под спасительные своды замка. Пончик немного неохотно побежала за ними — медведицу ливень, похоже, не особенно волновал.

Пока они бежали, гром над ними, казалось, гремел всё сильнее, и вдруг небо и землю связала воедино яркая, невыносимо ослепительная молния, и тут же последовал новый, оглушительный раскат. Молния попала прямиком в одну из рябин в долине — раздался треск, верхушка дерева надломилась и разделилась надвое: вниз посыпались поврежденные ветки, листья, кусочки коры.

— Вот и Танюха добавила, — услышала сквозь шум дождя Малиновская комментарий своей подруги.

Дождь хлестал как из ведра, так что, пока добежали до спасительных сводов центрального входа, все успели как следует вымокнуть. Тут же, под обширным каменным козырьком, толпилось множество дварфов, и ещё большее их число подтягивалось к замку с окрестных огородов: многие несли с собою собранные овощи или садовый инвентарь.

Ливень, кажется, и не думал заканчиваться — он, наоборот, все более набирал силу. Проталкиваясь сквозь толпу дварфов, к Маше и Насте подошли Бирюк, Слава, Семён и Евген. Так как парни все это время провели внутри замка, им не пришлось спасаться от дождя.

— Кто это устроил такой потоп? — изумился Славик. — Уж не Антон ли?

— Антон, кто же ещё! — улыбнулась Малиновская, отжимая мокрые волосы. — Он ведь целый день сегодня тренировался, и вот — получилось!

— А нам теперь по такой грязи домой идти, — разочарованно протянул Семён.

Действительно, дорожный тракт, ведущий в лес, на глазах превращался в бурную реку, несущую в себе жухлую траву и какие-то водоросли. Вода из каналов и рва, опоясывающего замок, тоже грозила вот-вот выйти из берегов. Листья росших в нём кувшинок уже целиком скрылись под водой.

Толпа дварфов веселилась, наблюдая, как Пончик, задрав кверху голову, носится под дождем, словно маленький щенок, разбрызгивая во все стороны лужи и радуясь каждой капле.

— Странноватое поведение для медведя, — заметила Настя, наблюдая за Пончиком, и оттого тоже развеселившаяся.

— Какая хозяйка — такой и медведь! — пошутил Бирюк.

Малиновская хотела ему что-нибудь ответить, но не успела: последними, вымокшими до нитки, в замок возвращались Антон, Флавиус и Татьяна. Флавиус нес бесчувственную Таню на руках.

— Что с ней? — Бирюк бросился под дождь, им навстречу.

— Она в легком обмороке, — серьезно ответил Флавиус, заходя на каменное крыльцо. — Расступитесь! — прикрикнул он на мешающихся под ногами дварфов. — Ей нужен покой и теплая постель, — с этими словами он понёс Татьяну внутрь.

Друзья, встревоженные, последовали за ним.

Спустя некоторое время Флавиус, Сильфида и все остальные ребята, взволнованные, стояли около кровати Татьяны. Девушка уже пришла в себя, но выглядела все ещё чересчур бледной. Флавиус принес её в одну из спален, которые во множестве присутствовали в жилом секторе замка. Помещение было очень уютным: повсюду были расставлены столы, стулья и мягкие кресла, в дальнем углу комнаты стояло большое, красиво оформленное трюмо, а на узких окнах висели тяжелые, массивные шторы. Словом, спальня почти ничем не отличалась от той же, к примеру, Машиной, если не считать ярко выраженного во всем акцента средневековья. Темные каменные стены вместо обоев тоже, разумеется, придавали некоторую мрачность и навевали атмосферу древности и таинственности.

Бирюк, сидящий на Таниной кровати, держал свою девушку за руку. Остальные расположились кому и где вздумается. Флавиус все ещё был слегка рассержен.

— Я же говорил, что сотворение электрического искрового разряда такой силы окажется слишком сложной задачей для неё. Она ещё не готова к магическим манипуляциям такого рода. Но

ты настояла, — Флавиус посмотрел в глаза стоящей напротив него Сильфиде; сейчас их разделяла Танина кровать, — и вот посмотри, что получилось!

— Нет справедливости в суждениях поспешных, — парировала Сильфида. — Сейчас нам всем нужно в первую очередь успокоиться. Ничего страшного не произошло — Татьяна всего лишь потеряла сознание. Она жива и здорова. Когда же ещё необходимо ей было тренироваться? На мой взгляд, гроза и дождь — прекрасные союзники. У Антона, например, всё получилось просто замечательно, — она едва заметно кивнула на окна, за которыми продолжал бушевать ливень.

— Не в обиду будет сказано, — Флавиус бросил быстрый взгляд на Таню, к которой мало-помалу начал возвращаться румянец, — но Антон гораздо более одаренный Бессмертный. Я ни в коем случае не хочу принижать ничьих заслуг, — Флавиус, выставив руки ладонями вперед, обращался уже больше к Бирюку, — просто Татьяне слишком рано практиковать молнии.

— Она малость перетрудилась, вот и всё, — спокойно ответила Сильфида. — Потратила на создание магии слишком много духовных и физических сил. Зато теперь вы доподлинно знаете, что именно может произойти с каждым из вас, — напомнила Сильфида остальным друзьям.

— Могу ли я понимать это так, — громко объявил Бирюк, обращаясь к Сильфиде. — Что в этом случае моя девушка была использована в качестве подопытного кролика?

Наступила неловкая тишина. Многие заметили, что в этот момент Флавиус и Сильфида переглянулись, что, в общем-то, могло быть истолковано как угодно: то ли они ожидали нечто подобного, то ли, наоборот, пришли в некоторое замешательство. Евгений, разумеется, истолковал это в свою сторону: по крайней мере, все услышали, как он многозначительно хмыкнул.

— Мне хотелось бы услышать ответ — недовольно напомнил Бирюк.

— Ни в коем случае, — твердо заверила его Сильфида. — Первейшей моей целью является не только ваше обучение магии, но и ваша безопасность. Я скажу вам честно — я не ожидала столь резкого и столь пагубного эффекта для Татьяны. Предполагавшийся максимум — у неё просто ничего бы не получилось. Но вышло то, что вышло.

Бирюк какое-то время молча смотрел на Сильфиду, словно сомневаясь.

— Всё в порядке, Вов, — слабый голос Тани тут же заставил всех переключить свое внимание на неё. — Это я сама… перетрудилась…

Бирюк, ещё крепче сжав Танину руку, поцеловал её в щеку.

— Не переживай, — сказал он. — Ты у меня молодец.

Татьяна, вздохнув, слегка улыбнулась в ответ. В то время, пока все отвлеклись, никто, кажется, не услышал (за исключением Настасьи) очередной колкий комментарий Евгена:

— Случайная смерть во время тренировки. Какой четкий, какой изящный план. Гарантированное алиби всем.

У Насти хватило терпения, чтобы промолчать.

Слава отодвинул одну из массивных штор, смотря в окно: по грязноватому стеклу барабанили упругие капли. Немного вдалеке, скорее ощутимой, чем видимой, стояла темная стена Кленового леса. Долина до него превратилась в одно сплошное болото.

— Как же мы будем возвращаться? Дождь идет только сильнее. Антон-Антон… — Славик покачал головой.

— Извините, я не хотел, — смущенно сказал Антон. — Я и не предполагал, что вызову ливень такой силы. Думал — он немного покапает, и всё…

— Да и Таня все ещё не очень хорошо себя чувствует, — заметил Бирюк. — Что же нам, в такую погоду на руках её нести что ли?

— Как насчёт того, чтобы провести эту ночь в замке? — неожиданно предложила им Сильфида.

Друзья начали переглядываться, обдумывая столь заманчивый и немного внезапный вариант, пожимали плечами, и, наконец, Антон произнёс:

— Ну, в принципе… наверное, мы все были бы не против. Да? — обратился он к друзьям.

Большинство согласно закивали головами.

— Только как же нам быть с родителями? — немного обеспокоенно спросил Слава. — Разумеется, мы все уже взрослые молодые люди — это понятное дело, но всё-таки не хотелось бы получить нагоняй из-за того, что меня не было дома всю ночь. Вот если бы я предупредил их об этом заранее — тогда и вопросов бы никаких не возникло.

— Моя мама сегодня ночью как раз будет на дежурстве, — начала рассуждать вслух Малиновская, — так что, если мы успеем вернуться завтра до двух часов дня, то она ничего и не заметит даже.

Флавиус утверждающе ей кивнул — мол, само собой, к двум часам они уже все будут дома.

— Итак, у кого могут возникнуть проблемы с ночевкой? — спросила Сильфида.

— У меня и у Семёна, — сказал Славик. — Не то чтобы

родители нас не отпустили — просто нужно их предупредить, — напомнил он.

Бирюк сказал немного неуверенно:

— Главное, чтобы моим или Таниным родителям не пришло в голову позвонить нам на ночь глядя. Если они узнают, что мы вдвоем ночевали не дома, тогда, конечно, будут неприятности.

— Жаль, что здесь не ловит мобильная связь, — посетовал Антон. — Просто позвонили бы всем — и все дела.

— Что такое «мобильная связь»? — с интересом спросил Флавиус.

— Кратко объяснить не получится, а подробный рассказ займет, боюсь, слишком много времени…

— В таком случае, может быть, не рассказывать вообще? — скептически произнес Евген.

— Значит, так, — все посмотрели на Сильфиду, — озвученные затруднения я беру на себя. Будьте уверены — этой ночью родители даже не заметят вашего отсутствия.

— Эй, я надеюсь, с ними все будет в порядке? — обеспокоенно спросил Слава.

— Абсолютно, — кивнула Сильфида. — Флавиус, распорядись, пожалуйста, чтобы дварфы приготовили ужин и застелили остальные постели. Проследи, чтобы каждому было удобно и комфортно. Я отправляюсь в их мир. Буду после полуночи, — и Бессмертная быстро покинула спальню.

Непредвиденный ужин в стенах замка прошёл просто замечательно: дварфы накрыли им стол в Румынском чертоге и принесли множество разнообразных блюд на любой, даже самый привередливый вкус. Друзья трапезничали не только в компании Флавиуса, но и решившего присоединиться к ним Алексиса. Флавиус за столом много разговаривал и много шутил — кажется, в отсутствии Сильфиды он вел себя как мальчишка, оставшийся без присмотра старших. Алексис же, напротив, говорил мало, был как всегда серьёзен и оттого немного величественен. Ребята уже привыкли к такому его поведению — это вовсе не означало, что Алексис угрюм или у него плохое настроение — просто воин Нифльхейма и Хранитель чертогов Маханаксара всегда сохранял твердость духа и невозмутимое спокойствие.

Бирюк с Таней спускаться к ужину не стали — Таня, разумеется, по причине плохого самочувствия, а Бирюк остался с нею на всякий случай, если его девушке вдруг неожиданно снова станет плохо, поэтому еду им принесли прямо в комнату.

За разговорами и сытным ужином незаметно пролетел остаток вечера. Дождь за окнами немного поутих, и черная ночь

укутывала в свои объятия тонкие, как иглы, слегка серебрящиеся в темноте башни Нифльхейма. Тем временем дварфы всем застелили кровати в остальных спальнях.

Так как у каждого была предусмотрена своя комната, Малиновской поначалу не слишком понравилось, что она должна будет провести свою первую ночь в замке совершенно одна. Честно говоря, было немного страшновато — сейчас она бы предпочла что-то вроде пионерского лагеря, когда все девочки ночуют в одной комнате, а все мальчики — в другой. Да и вообще, одно дело, когда ты ложишься спать хоть и одна, но в своей собственной квартире, где все знакомо, мило и уютно, и совсем другое — пытаться уснуть в огромной кровати, на которой может поместиться ещё человек пять, а спальня настолько большая, что по ней гуляют сквозняки и ты с трудом видишь в полутьме окружающие стены.

Пока дварфы зажигали им свечи на длинных витых канделябрах, сделанных в виде древесных крон, все ещё долго ходили друг к другу из спальни в спальню, разглядывая, как и кого устроили, у кого лучше обстановка и вид из окна. Так как все помещения находились на одном этаже и располагались достаточно высоко, практически у всех открывался чудесный вид на Рябиновую долину. Спальня Антона оказалась угловой, и у него — единственного — из окон была видна не только залитая луной равнина, но и одинокий, седоглавый пик Расстегайны — высочайшей вершины Зеркальных гор. Комната Семёна была, наоборот, ближе всех остальных вмурована в плечо горного склона, и он немного недовольно бурчал, что у него не видно ничего, кроме каменных осыпей горы и едва заметной тропы среди кряжей (как раз той, по которой они поднимались к Ивонну), но ему, по большому счёту, было всё равно.

Евгений не переставал возмущаться нахальству Бирюка, который — как он считал — под предлогом плохого самочувствия Татьяны остался ночевать вместе с ней. Сам он, очевидно, тоже хотел провести эту ночь со своей возлюбленной, но Настасья в достаточно жесткой форме посоветовала ему «не слоняться по замку, а закрыть рот и лечь у себя в спальне». Евген обиделся и ушёл спать самым первым из всех.

Время давно перевалило за полночь, и понемногу, один за другим, все оставшиеся на ночь в замке друзья уснули. Догорели оплывшие свечи, растекшись в витых канделябрах лужицами застывшего воска, и Нифльхейм погрузился в абсолютную, недвижимую тишину, какая бывает лишь в сумерках глухих лесов и чащоб, где никогда ещё не ступала нога человека. Тихо было в коридорах и залах, в величественных чертогах и уютных

спальнях, где под теплыми одеялами на пуховых подушках спали, погрузившись в глубокие таинства сонного царства, юные бессмертные, где спала и Мария, видя запутанные и странные сны…

Человеку городскому трудно будет понять, каково это, когда тебя окружает абсолютная, не тревожимая никем тишина: не слышно уличного шума и гудков автомобилей, не лают собаки и не кричат прохожие, не гремит мусоровоз, приехавший поутру забирать переполненные контейнеры, и даже не стучатся в стенку беспокойные, вечно чем-то недовольные соседи. Потому что здесь соседей нет. И машин нет. И автострад. И не громоздятся, налезая друг на друга, бесконечные городские кварталы. И много-много чего нет ещё, хотя без всего этого уже не представляет своей жизни большинство прогрессивного человечества. Но стали ли оно, человечество, от этого счастливее? Жизнь стала удобнее и комфортнее — о да — но прибавилось ли нам счастья от технического прогресса? Мы так спешим в погоне за ним, стараясь не отстать от остальных и не замечая, как медленно и в то же время неумолимо быстро убегает наша злосчастная и скоротечная жизнь, как пропущенный сквозь пальцы мелкий речной песок. Как сказанное неосторожно слово. Как летящая в выстреле пуля. И безжалостное время, растраченное попусту, все обращает в тлен и тьму…

Посреди ночи проснулась Татьяна. У неё сильно разболелись мышцы в руках, и ещё почему-то было невыносимо душно. Форточек в узких окнах-бойницах предусмотрено не было, и проветрить было нельзя, а открывать на всю ночь дверь комнаты казалось как-то немного боязно. Хотя изнутри спальня запиралась на хлипкого вида щеколду, это всё-таки давало некоторое ощущение безопасности, пусть даже и мнимой. Если подумать, то вряд ли можно было ожидать, что посреди ночи к ним подкрадется какой-нибудь жуткий кровожадный монстр, который их сожрет, но все-таки это был другой мир, и ничего гарантировать здесь нельзя.

Таня полежала некоторое время, пытаясь снова уснуть, но очень хотелось глотка свежего воздуха, поэтому она растолкала Вовку и упросила его выйти с ней подышать на какую-нибудь террасу или балкон, которых, в общем-то, было довольно много на верхних уровнях замка. Бирюк долго ворчал, но в итоге согласился. Минут десять им пришлось бродить по абсолютно пустым коридорам, ища нужную дверь: никого из дварфов, которые могли бы подсказать им, куда идти, они не встретили, видимо, малый народец не имел привычки гулять по ночам. Поднявшись по лестнице на один уровень вверх, они нашли-таки

один из выходов на большую крытую террасу с деревянным настилом. Дул легкий, но достаточно прохладный ветерок, и в воздухе ощущалась промозглая сырость. Дождь, вызванный Антоном, уже прекратился, и внизу, под ними, серебрилась трава и деревья в долине, покрытые мелкими бисеринками измороси, отражающей лунный свет. Вова накинул на плечи Тане свою кофту, чтобы она не простудилась.

— Тебе лучше? — заботливо спросил он.

— Да, намного! — Таня вздохнула и уткнулась Вове в плечо. — Тут все как в сказке: замок, лес, озеро, горы. Но меня не покидает ощущение, будто мы находимся на чьей-то огромной даче.

Вова хмыкнул в ответ, и Таня больше почувствовала, чем увидела, что её парень улыбается до ушей. Они постояли так некоторое время, а потом услышали неподалеку голоса из коридора, откуда они и сами недавно пришли — это Флавиус разговаривал с вернувшейся Сильфидой. После непродолжительной беседы послышались приближающиеся шаги, и на террасу вышла сама Сильфида. Она нисколько не удивилась присутствию здесь ребят — возможно, Флавиус видел, как они бродили по замку, и сказал ей об этом, — так или иначе, подойдя ближе, Сильфида произнесла:

— Всё в порядке. Некоторые затруднения решаются чрезвычайно легко: я побывала у вас дома и попросту отключила ваш… как же его… иногда забываю названия всей этой странной техники…

— Телефон? — подсказал Бирюк.

— Именно! Так что если будут спрашивать, почему вы не были на связи — скажете, что он сломался. Такое ведь часто бывает с человеческими устройствами? — полувопросительно добавила она.

— А у Славы с Сеней? Вы предупредили их родителей? Как же так, они ведь о вас не знают.

— Они и не должны меня знать! — Сильфида заговорщически приложила палец к губам, как бы говоря, что её существование — это секрет для остальных. — Так что пришлось применить немного магии — никто не заметит их отсутствия в эту ночь.

— Несколько неловко спрашивать — но вы не забыли закрыть нашу входную дверь? — Татьяна, как и любая девушка, прежде всего была обеспокоена безопасностью жилища.

— А я её и не открывала, — безмятежно сообщила Сильфида, глядя вдаль. — Меня ведь не останавливают запертые двери, забыли?

— А, ну да… — растерянно согласилась Таня.

Они некоторое время постояли в молчании, которое, однако, совершенно их не тяготило — словно они уже знали друг друга давным-давно, как общаются люди, знакомые несколько десятков лет, и между ними уже все сказано, и тишина поэтому не становится неловкой — просто каждый думает о своём. Сильфида продолжала всё так же задумчиво глядеть вдаль, и вдруг тихо произнесла: — Вы такая замечательная пара. Всегда наблюдаю за вами — и сердце моё одновременно радуется, что в мире подлунном ещё существует любовь, и в то же время полнится печалью.

— Отчего же? — так же тихо спросил Бирюк.

— Вы напомнили мне о древних днях — настолько древних, что даже рисунок звёзд с тех пор в небе иной. Ведь вы сейчас в точности такие же, какими были в свое время Они. Двое. А может быть, и нет. Кто знает теперь? Минуло столько лет, — Сильфида замолчала на мгновение, а потом сказала: — Это очень грустная история. Если желаете, я расскажу вам её.

Татьяна и Вова переглянулись — Сильфида никогда особенно не любила откровенничать, и разве можно было в этот миг отказать ей? Ребята молча кивнули.

— Когда-то очень давно, — начала свой рассказ Бессмертная, — задолго до того, как ваш мир обрел очертания, известные людям сейчас, был созван очередной Авалон. Уже и тогда, в те года, когда незыблемое время вашего мира только родилось, Бессмертные сражались в Великих Войнах против Истинного Зла. Зеркальные горы стояли на том же самом месте, что и сейчас — разве были чуть выше, — и Расстегайна, Мать всех гор, возносила в небеса свою немыслимо величественную, увенчанную снегами вершину. А вот Нифльхейм тогда ещё не был построен, и древний народ дварфов ютился в многочисленных тростниковых лачугах по берегам рек, что впадали в Великое озеро. Теперь-то многие из этих рек уже пересохли и сгинули без следа, а вот Кленовый лес даже в те далекие времена уже возносил свои зеленые кроны к лучам молодого солнца.

Сильфида приумолкла ненадолго, словно погруженная в воспоминания, а может быть, прислушивалась к чему-то, и потом продолжила:

— Тогда в созванный Авалон призваны были пятеро, и также, как и все вы сейчас, они постигали силу и мудрость, ведомые магией, чтобы, когда придет время, сразиться с Великим Злом. Двое из них познакомились и полюбили друг друга ещё до того, как стали бессмертными — в точности, как и вы — и невыразимо прекрасна была их любовь. Чем более проходило дней, тем сильнее становилась она, пока, наконец, могущество их чувств

достигло такого предела, что не могло не отразиться даже на воплощении их магии, увеличив их силы тысячекратно. Поистине великими чародеями стали они, оказавшись легендами, живущими и воплощенными в обоих мирах.

То ли ночь творила свою извечную магию, то ли неведомое волшебство было тому виной, но чудилось, будто вся окружающая реальность погружается в воспоминания вместе с Сильфидой: и шелест листьев, опавших много осеней назад, и шорох далеких шагов — все это показалось вдруг невероятно реальным, словно сама Древность положила им на плечо свою руку, словно сама шептала эту историю внимающим слушателям на ухо.

— Однако время бежит неумолимо даже для Бессмертных, и наступил день, когда силы Света и Тьмы сошлись здесь, в Карнимирии, в величайшей битве своего времени, — грустно повествовала Сильфида. — Позже в хрониках и архивах она была записана как Битва Бессчетных Слёз, ибо нельзя описать словами весь ужас и все горе, которые принесла эта война. Дварфы, малый народ, вышли из своих домов, чтобы преградить путь воинам Тени, чьи изуродованные, бездушные тела гнала вперед лишь воля Тёмных сил. Дварфы сражались на стороне Великих Бессмертных — и почти все погибли тогда. И как не высока была цена за победу — Силы Света заплатили её. Мы победили. Но из пятерых, составлявших Авалон, в живых осталось лишь двое…

— То есть влюбленные выжили? — с надеждой спросила Татьяна.

— Нет, — горько ответила Сильфида. — Любовь не спасла влюбленных, и Чёрное Зло разрушило их судьбу. Он погиб, а Она была безутешна. Каждый новый день приносил ей лишь новую, ещё большую боль, и хотя невыносимо страдала Она, ей не хватало смелости даже на то, чтобы причинить себе телесные увечья, от которых можно было бы умереть, тем самым прекратив все мучения. И долго Она пребывала во тьме, и полоса серых дней без начала и конца слилась для неё в одну бесконечную череду полутонов, череду скорби и беспросветного отчаяния. Но не зря говорят, что дружба призвана сохранять улыбку там, где любовь оставляет лишь слёзы. Её друг — второй из оставшихся в живых — все это время был рядом с нею, тем самым облегчая страдания, и спас её от гибели духовной. Нет, Он, конечно, не в силах был помочь ей забыть любимого, но сумел обратить отчаяние в надежду, скорбь в светлую грусть, и заново научил её жить. И однажды наступил день, когда Она, став выше и сильнее, чем когда-либо до этого, решилась и решила, что в её жизни больше не будет места для серого безмолвия и уныния, и задумала Великий Труд — величайшее из всех дел, которое когда либо

осуществлял любой из Бессмертных. Она вернулась сюда, в вечнозелёную долину Карнимирии, призвала всех дварфов, уцелевших в войне, и повелела возвести им у подножия Зеркальных гор этот замок — Нифльхейм, оплот тумана и скорби, как вечную память о тех днях, как символ их погибшей любви. Через сорок лет долгой и кропотливой работы дварфы, немало потрудившись, вырезали из самого сердца гор столько скальной породы, что каменных блоков хватило на сооружение всего комплекса, а Она помогала им в этом, и великолепный и прекрасный Нифльхейм был, наконец, завершен, а по периметру стен выстроили семьдесят девять башен — по количеству лет, проведенных влюбленными вместе. С тех самых пор замок стоит здесь, и в стенах его запечатлелась скорбь, и душа, оплакивавшая Его, сохранила память в предостережение будущим потомкам, тем, кто придёт после — чтобы никогда не забывали они о Великой Любви и Великом Зле, эту любовь разбившую.

Сильфида неожиданно осеклась, и Бирюк с Татьяной вдруг увидели, что по её прозрачным, небесно-голубым щекам бегут несдерживаемые слёзы.

— Вы напомнили мне о тех днях… — повторила Сильфида. — И память моя ещё жива.

— Простите, мы совсем не хотели вас расстраивать, — обеспокоенно произнёс Бирюк.

— Просто вы сейчас точно такие же, как когда-то были эти Двое, — Сильфида дрожащей рукой коснулась своей щеки, пытаясь вытереть слезы. — Словно вы — их воплощение.

Таня негромко ахнула, и Вова почувствовал, как сильно его любимая сжала ему руку. Он посмотрел на неё — лицо Татьяны казалось печальным и испуганным одновременно — кажется, она что-то поняла.

— Как звали ту девушку? — спросила Татьяна. — Кто такая Она?

Сильфида молчала, пытаясь сдержать нахлынувшие эмоции.

— Кто такая — Она? — повторила Таня. — Пожалуйста. Ответьте мне! Как её звали?

— Её звали Сильфида, — и слезы с новой силой заструились по щекам Бессмертной.

Глава 12. Телепортация

Осень катила по паркам и бульварам Москвы, топя городские улицы в наползающем ковре золотисто-медной листвы. Ещё совсем немного — и наступит октябрь, а это значит, что зарядят дожди с ветрами, придет унылая, монотонная погода и серое небо в угрюмых, низко нависающих тучах. Хмурыми днями последние остатки тепла ещё сохраняло бледное, болезненно-желтоватое солнце, а вот ночами все чаще стало подмораживать. Заморозки пришли неожиданно рано, и оттого казались ещё более холодными.

Давно начались занятия в институте, и Маша, сидя за партой в аудитории и слушая очередную скучную лекцию, день за днем наблюдала, как стройные, словно восковые свечи, тополя все больше желтеют; как прекрасная, но неотвратимо наступающая московская осень сжигает их все более редеющие кроны, заставляя листья бесконечно сыпаться на подъездную аллею, куда они, упав, растворялись и исчезали, превращаясь в слякоть и грязь под ногами сотен студентов.

Походы в Нифльхейм снова сократились до одного раза в неделю, хотя иногда (но все же очень редко) Малиновская умудрялась забегать туда в будние дни после занятий. Чаще всего компанию ей составляла Настасья, да и то подруга постоянно выражала ей своё недовольство — не то чтобы Насте не нравилось там бывать, просто дорога, да ещё в плохую погоду, и так занимала слишком много времени, а в итоге получалось так, что, не успев прийти, им уже нужно было уходить. Проводить ночь в замке тоже не имело особого смысла, все равно на следующий день опять нужно было быть на занятиях. Хотя, надо признать, в последнее время друзья все чаще оставались в Нифльхейме ночевать — в основном это были ночи с субботы на воскресение. Маша вообще обожала проводить здесь все свои выходные — не только оттого, что она каждый раз будто бы отдыхала на даче, дыша свежим воздухом, но и потому, что в Карнимирии стояла по-прежнему теплая, солнечная и хорошая погода — ведь времена года тут не менялись. У её мамы в последний месяц ночные смены на работе выпадали как раз на выходные, так что единственной необходимостью было просто приходить домой в воскресенье после обеда, чтобы не вызывать лишних подозрений. Ольга Александровна ничего, естественно, не знала, думая, что её любимая дочка только что пришла с прогулки или из магазина — ей и в голову не могло прийти, что эту ночь Маша не только провела вне дома, но даже вне пределов

этого мира.

В одну из суббот, когда весь Авалон снова прибыл полным составом в долину Карнимирии на очередную тренировку, Малиновская, решив в этот день отдохнуть (она и так усиленно тренировалась последние две недели) вместе со своей лучшей подругой — Настасьей, — и любимой медведицей валялась на теплой, нагретой солнцем травке и читала книгу, пока остальные их друзья разбрелись кто куда. Было даже немного жарковато, поэтому компания укрылась в тени одной из величественных башен замка. Сей чрезвычайно любопытный фолиант Маша раскопала в библиотеке Нифльхейма — это была Книга Судеб некой девушки по имени Ариана, которая так же когда-то, как и сама Мария, обладала магией Растений. Хотя дварфы, в общем-то, не одобряли, чтобы древние документы покидали стены Библиотеки, для Марии — своей любимицы, Миррен Лилит, — они сделали исключение. Малиновской, естественно, было безумно интересно прочитать историю жизни своей бывшей, так сказать, коллеги — чем та жила, о чем думала, каким образом постигала азы Зеленой магии. Судя по дате последней записи, жизнь Арианы неожиданно оборвалась почти триста лет назад — она вступила в поединок с вражескими прислужниками, выследившими её, но одолеть их не смогла. Мария не верила в то, что управление тождественными магиями делает схожими и судьбы Бессмертных, ими обладавших, но все же читать последние главы книги было не очень приятно и немного пугающе.

Пончик, лежащая прямо напротив неё, положила свою косматую голову на лапы — совсем как собака — и внимательно следила за каждым движением хозяйки. Изредка Медведица негромко вздыхала, отчего страницы книги у Маши трепетали и переворачивались. Когда Медведица в очередной раз шумно выдохнула воздух, перелистнув тем самым множество страниц, Малиновская недовольно посмотрела на неё и произнесла:

— С тобою невозможно читать. Сопишь, как паровоз!

Пончик виновато заворчала в ответ.

— Да-да, я поняла, тебе хочется поиграть со мной, — Маша вытянула шею и поцеловала Медведицу в нос. — Сейчас ещё немного поваляемся и пойдем, разомнёмся.

Малиновская захлопнула книгу и взглянула на Настасью. Та не слушала разговора и смотрела куда-то в сторону. Проследив направление её взгляда, где-то вдалеке Маша разглядела Евгена вместе с обучающим его Флавиусом — в этот раз молодой человек создавал в зеленых лугах идеальные, геометрически правильные круги выжженной травы, чем-то напоминающие

места приземления летающих тарелок в фантастических фильмах. Отчего-то именно эта магия — обращение травы в пепел — нравилась Евгению больше всего. Маша услышала, как её подруга тихонько пробормотала себе под нос:

— Лишь бы только все разрушить да сжечь. Сохранение чего-либо нам, видимо, не свойственно. И так во всем…

Дав Настасье пару минут на приведение мыслей в порядок, Маша тихонько кашлянула и осторожно спросила:

— Как у вас с Евгеном? Нормально?

— Не-а, опять поругались, — честно ответила ей Настя. — Мне так все это надоело уже. Мы как будто из разных миров. Я иногда думаю — может быть, и не стоило всего этого начинать.

— То-то я смотрю, когда мы сегодня утром шли, вы ни словом не обмолвились, — заметила Маша. — Но ты не переживай так, просто он парень с характером, вот и все. Есть же разные люди: кто-то неуправляемый, не признающий ничьей воли, как Евген. Не зря же ему достался в повеление огонь. Совет Маханаксара все чрезвычайно точно просчитал, когда выбирал нам Дары. А есть спокойные парни, как Антон, например, который ни на кого не орет и, наоборот, всех между собой мирит.

— Спокойные — это Славик, — улыбнулась Настасья. — Вот он вообще как танк просто. Непрошибаемый. А Антон… он, я бы сказала, переменчив и дальновиден. И оттого как будто бы невозмутим. Просто умеет себя контролировать.

— Тебе никогда не приходила в голову мысль, что ты Антону нравишься? — неожиданно спросила Маша.

— Я? Антону? — немного опешила Настасья. — С чего ты так взяла?

— Да просто в последнее время он чересчур яростно противостоит Евгену, — Малиновская опустила глаза, накручивая на палец травинку. — Тем более, как мы знаем, со своей девушкой он расстался, и сердце его свободно.

— Перепалки с Евгеном — это лишь косвенное доказательство его симпатии ко мне, — не согласилась Настя. — Тем более Евген сейчас со многими в натянутых отношениях. И с тобой, кстати, тоже! Так что уж это ты скорее нравишься Антону, а не я.

— Ну не знаю.

Подруги некоторое время помолчали, а потом Пончик снова начала глухо ворчать, требуя, чтобы с ней поиграли, и Маше с Настей пришлось встать, чтобы немного пройтись. Игры у Пончика были своеобразные — она предпочитала носиться по полям среди высокой травы сломя голову, иногда принося Маше в зубах куски цветов, которые ей, по мнению медведицы, должны

были понравиться. Один раз она даже притащила ей найденный неизвестно где потрепанный дварфовский колпак — после этого Маша, естественно, запретила Пончику приносить ей чужие вещи и потом долго не знала, куда бы его деть, опасаясь, как бы меланхоличные дварфы не устроили из-за этого истерику.

Девушки миновали обширное каменное крыльцо и подвесной мост с позеленевшими от времени цепями, начав спускаться по пологому зеленому склону к берегам Великого озера. Пончик радостно бегала вокруг, то появляясь, то вновь исчезая среди высокой шуршащей травы. У самого берега далеко впереди, там, где Зеркальные горы неожиданно обрывались отвесными стенами в недвижимую водную гладь, находились Сильфида, Таня и Бирюк. Танька просто сидела на мелком прибрежном песке, поджав под себя ноги, а Сильфида что-то объясняла внимательно слушающему её Бирюку.

— Тренируются, — нарушила тишину Малиновская.

— Вовка слушает наставления, а Танюха, стало быть, в качестве психологической поддержки, — кивнула Настасья, а затем немного грустно добавила: — Вот Евген никогда не присутствует на моих тренировках. Видно, не считает, что мне необходима помощь.

Малиновская, опасаясь, как бы подруга снова не начала погружаться в неприятные для неё мысли, попыталась сменить тему.

— Ты знаешь, у меня всё никак не идёт из головы та история, которую нам Таня пересказала…

Настасья немного непонимающе посмотрела на неё.

— Ну, про Сильфиду. Помнишь?

— Ах, эту, — Настя слегка оживилась. — Пожалуй, Сильфида никогда ещё не была настолько откровенна, как в ту ночь.

— Интересно, почему она решила рассказать об этом именно им?

— Потому что Сильфе кажется, что Вова и Таня — воплощение тех Двоих, разве не так?

— С одной стороны — да, — неуверенно согласилась Маша. — Так значит, тот друг, который помог ей, который превратил отчаянье в свет, и всё такое — это и есть Флавиус?

— Я полагаю, что да. Ведь остальные вроде как погибли, правильно?

Они прекратили спускаться по склону, выйдя, наконец, на берег озера. Таня, заметив их, помахала рукой, и Маша с Настей неторопливо направились в её сторону.

— Тогда у меня что-то концы с концами не сходятся. — Малиновская наморщила лоб и задумалась. — Откуда во всей

этой истории взялся Морфиус?

— Так его же там и не было, — напомнила Настя.

— Не было, — согласилась Маша. — Но с чего вдруг произошла эта неприкрытая вражда между ним и Сильфидой?

— Да мало ли какие у них на то причины, Маш! Это же их дело.

— Ты не понимаешь, о чем я, — Мария постучала пальцем себе по виску. — Если в живых остались только двое — Флавиус и Сильфида — то откуда взялся Морфиус?

— Не знаю, — пожала плечами Настасья. — Вполне может быть, что он просто из другого Авалона. Мы же все бессмертны. Разве он не мог остаться в живых так же, как и они? И дожить до наших дней.

— Невозможно, — отрезала Малиновская.

Настасья снова непонимающе посмотрела на подругу.

— «И хотя матери наши разных кровей, отец — одной» — процитировала Мария. — именно это произнёс Морфиус тогда, в перепалке с Сильфидой. Они не могли жить в разные времена, потому что они, по всей видимости — единокровные брат и сестра!

— Я тебе честно скажу — я не помню этих слов, — призналась Настя, — но вывод напрашивается странный…

Однако Маше не суждено было узнать, что же думает по этому поводу Настасья — громкий хлопок, а затем последовавший вслед за ним дикий визг Татьяны заполонил собой побережье. Подруги, мигом забыв о своей дискуссии, бросились бежать навстречу к Таньке. Мелкий песок взвивался фонтанами под их ногами, разлетаясь в разные стороны. Малиновская слышала, как сзади, фыркая, точно паровой локомотив, несётся за ними Пончик, очевидно, медведица решила, что с ней хотят поиграть в догонялки. Так как девчонки, гуляя вдоль берега, уже прошли большую часть пути, то успели добежать менее чем за полминуты.

— Где он? Куда он пропал?! — кричала Танька, в ужасе мечась по берегу.

— Таня, Таня, успокойся, что случилось-то? — Настя подбежала первой, тяжело дыша.

— Кто? Кто пропал? — не могла понять догнавшая её Малиновская.

Видя, как Таня носится по побережью в разные стороны, их тоже начала охватывать легкая паника.

— ВОВА! — снова заорала Танька, остановившись на полном ходу у самой кромки воды. Затем она развернулась к Маше с Настей и на одном дыхании выпалила: — Вспышка! Хлопок!

Исчез!

Малиновская быстро повернула голову вправо, затем — влево. Из-за суматошной неразберихи, созданной Таней, она не сразу обратила внимание на то, что как раз-таки Бирюка нигде с ними рядом и нет! Вроде бы всё это время, пока они шли с Настей мимо едва заметно плещущихся озерных волн по направлению к ним, Бирюк был, а теперь неожиданно пропал. Маша начала вспоминать, действительно ли она сейчас уверена в том, что Вова все-таки присутствовал на берегу, или ей это просто казалось. Всё-таки они находились в Ином мире, и здесь, теоретически, могло произойти всё что угодно.

— Как такое может быть? — недоуменно спросила Настасья. Она так же, как и Маша, оглядывалась вокруг, но, похоже, продолжала надеяться, что это какой-то нелепый фокус, словно сейчас все вокруг крикнут: «Сюрпри-и-из!», и их друг появится откуда-нибудь из прибрежных кустов барбариса.

— Он только что был тут — тренировался, я смотрела прямо на него, — уже чуть спокойнее, но всё ещё сильно нервничая, пояснила Таня, — и тут — яркий свет — бум! — и он просто растворился в воздухе!

— Так, давай-ка по порядку, — попросила Настя. — Вовка тренировался с Сильфидой… Сильфидой!

Все трое повернулись одновременно. Сильфида, в отличие от Бирюка, никуда и не думала пропадать, стоя на одном и том же месте все это время.

— Наконец-то вы перестали сходить с ума, и обратили внимание на меня, — строго сказала Сильфида, но при этом чуть улыбнулась. — Как странно: порою в моменты паники люди совершенно не замечают того, что происходит у них под самым носом!

— Сильфа, — произнесла Таня слегка смущённо. Ей уже было немного неловко оттого, что она действительно поддалась смятению, напрочь забыв про Бессмертную. — Где он? Где Вова?

— Я полагаю, ты найдёшь ответ на свой вопрос, если посмотришь во-о-он туда. — Сильфида указала рукой куда-то вверх, в сторону замка.

Татьяна, а вслед за нею и её подруги развернулись, не понимая, что именно они все должны увидеть. Там, куда указывала им Сильфида, вздымались ввысь несколько крайних башен Нифльхейма, слегка закрытые отсюда, с побережья, выдвинутыми вперёд отрогами горной цепи. Маша рассматривала склоны и окружающий пейзаж с чахлой порослью, прилепившейся на осыпающихся скалах, пытаясь разглядеть Бирюка или хотя бы что-то, что поможет его отыскать.

— Я одна не вижу ничего… — начала говорить Настя, но её слова потонули в новом, теперь уже радостном визге Тани:

— Вон он! Смотрите — вон он! Там, на башне!

Малиновская подняла голову выше, щурясь от солнца, и рассмотрела на самой верхушке одной из башен, там, где каменный цилиндр, обнесённый парапетом, переходил в остроконечную черепичную крышу, машущего оттуда им рукой Бирюка.

— Это… это как? — Маша, похоже, не верила своим глазам. — Как у него получилось?

Танька изо всех сил махала ему в ответ, подпрыгивая на месте, и громко кричала:

— Молодец! Ты смог! Я знала!

Маша и Настя улыбались, глядя, как радуется Таня, и тоже помахали Бирюку. Пончик, сидя на песке и слегка наклонив голову вбок, также смотрела в сторону Нифльхейма — непонятно было, смотрит ли она именно на Бирюка или же просто оглядывает окрестности. Сильфида, тихонько подошедшая сзади, приобняла девчонок за плечи и сказала: — Ну что же, друзья мои, вот, кажется, мы выявили ещё одну из ваших способностей — телепортацию.

Вечером того же дня, когда все ребята вернулись в замок и собрались за одним столом на ужин, заботливо приготовленный для них дварфами, Бирюк с удовольствием рассказывал всем, кто готов был его слушать, о своём неожиданном успехе.

— Сначала мы с Сильфидой практиковали совсем другое, — азартно говорил он, одновременно накладывая себе в тарелку всякую еду без разбора, даже не глядя на то, что именно он выбирает. — Я пытался создавать водяные смерчи — очень уж мне хочется научиться делать эту штуку. Но, честно говоря, получается пока не очень — для этого определенное настроение нужно. Тогда я предложил попробовать передвижение в пространстве.

— Откуда ты мог знать, что у тебя получится? — с интересом спросила Маша. Речь её звучала слегка невнятно, потому что она запихала себе в рот целый бутерброд с огурцами, помидорами и каким-то невероятно вкусным соусом, секрет приготовления которого был известен одним лишь дварфам.

— Мне Антон сказал, — ответил Бирюк. — Он прочитал об этом в нашей замковой Библиотеке.

— Да, я нашёл там много чего интересного в последнее время, — задумчиво произнёс Антон, размазывая по тарелке остатки почти доеденного им салата, — и, в частности, то, что почти все элементали, когда-либо контролировавшие магию

Воздуха, обладали предрасположенностью к телепортации. Разумеется, одно другого не гарантирует, но вероятность этого была крайне высокой, и я посоветовал Бирюку попробовать.

— Как мы видим, твой совет пришёлся как нельзя кстати, — вступила в разговор Сильфида. — Конечно, поначалу я опасалась за Владимира. Помня, что произошло с Татьяной, мне не хотелось подвергать его жизнь и способности чрезмерной опасности, но… — она бросила хитрый и многозначительный взгляд на остальных. — Он так горел желанием!

Славик, Антон и Семён засмеялись.

— О, наш горячий парень всегда горит желанием! Да, Тань? — Машка подтолкнула Таню в бок, театрально подмигнув ей.

Татьяна шумно вздохнула и в притворном негодовании приложила ладони ко лбу, качая головой.

— В общем, я и сам сначала очень испугался, конечно, — признался Бирюк. — Поначалу не понял, что у меня всё получилось, и мне удалось переместиться. Не сообразил сразу, куда это меня занесло, потому что заранее не представлял себе конкретного места, где мне нужно было оказаться. Да и Таню я ни о чем не предупредил. Она-то думала, что я продолжаю пытаться создать смерч, а я взял — и пропал.

— Ах, вот почему ты так напугалась, — сказала Настасья Тане. — Да уж, к таким вещам невозможно быть готовой заранее!

— Потом, когда я огляделся и немного пришёл в себя, — продолжил Бирюк. — Увидел, что это всего лишь крыша одной из башен замка. И сразу как-то обрадовался и успокоился. Но, должен вам сказать, оттуда было очень утомительно спускаться — ещё раз телепортироваться я не рискнул.

— Мне кажется, тебе нужно быть осторожнее с этим, — заметил сидящий напротив него за столом Флавиус. — Мгновенное перемещение в пространстве — вещь хоть и замечательная, но серьезная и довольно опасная. Хотя она и не кажется на первый взгляд таковой. Главная твоя задача — четко представлять себе в голове место прибытия. Иначе может случиться всякое.

— Да, я понимаю, — серьёзно кивнул Бирюк.

— И, знаешь, — обратилась к нему Сильфида, беря в руки расписную чашку с чаем, — на первых порах постарайся пока перемещаться в те места, которые ты можешь зрительно видеть. Как, например, сегодня.

— То есть он не может сейчас взять и телепортироваться, скажем, в Киев? — спросил Евген, при этом внимательно следя за реакцией Сильфиды.

— О, это было бы невероятно опасно, даже если бы сейчас он находился у себя дома! — предостерегла Бессмертная. — Расстояние слишком велико, а, кроме того, он ведь никогда не бывал в этом городе, верно?

Маша, слушая, отметила про себя, что у Сильфиды совершенно не возникло вопросов по поводу того, что такое Киев и где он находится, из чего она сделала вывод, что Бессмертная гораздо лучше разбирается не только в истории, но и в географии человеческого мира, чем могло бы показаться на первый взгляд.

— Да, я ни разу не был в Киеве, — кивнул Бирюк, — но мне туда пока что и не надо. Я вот о чем хотел спросить: мне ведь теперь не придётся тратить время на дорогу из дома до Нифльхейма? Я имею в виду, когда я уже овладею телепортацией в совершенстве.

— Нет, ни в коем случае! Ты погибнешь! — громко сказала Сильфида, и с таким звоном поставила чашку обратно на блюдце, что остальные разговоры за столом разом смолкли. — Владимир, запомни: никогда не пытайся телепортироваться между мирами! Пересекать Грань даже через Портал и то не слишком-то безопасно, а уж пытаться преодолеть её путем мгновенного перемещения — это опасно вдвойне. В будущем, когда ты станешь идеально контролировать сию способность, ты сможешь — теоретически — перемещаться в любую точку своего мира. Или же, напротив, в любую точку мира этого, если будешь телепортироваться отсюда же. Но Грань миров таким образом пересекать нельзя! Ты понял меня?

— Да-да, конечно! — Бирюк был, кажется, даже слегка напуган таким суровым тоном Сильфиды.

— Вот и хорошо, — кивнула Сильфида. — Простите, если я иногда чересчур строга. Не только с тобою — она посмотрела Вове прямо в глаза. — со всеми вами. — Бессмертная, на миг замолчав, окинула взглядом притихших ребят. — Но всё это происходит лишь оттого, что я очень тревожусь за каждого из вас. За всё это время вы стали мне словно детьми. Такими родными и близкими… — и она тихо, но очень тяжело вздохнула.

Мария подумала в этот момент, что на этих, кажущихся такими хрупкими женских плечах, лежит совсем не подобающий тяжкий груз вовсе не женских забот. Что может быть достойнее, чем собственный пример? Пожалуй, Маша тоже хотела бы стать такой же сильной, умелой и устрашающе непоколебимой, как и Сильфида. Такой она и станет. Когда-нибудь. Обязательно станет.

Они ещё долго сидели за столом, обсуждая разные темы, и особенно, конечно — успехи и продвижения Авалона, достигнутые друзьями в последние несколько недель, покуда

седая ночь и её верные спутники — сонливость и тишина не окутали собой всё вокруг, вплотную подобравшись к залу, к изножьям стола и стульев, за которыми они сидели. Пора было отправляться спать.

Окончание ужина затянулось далеко за полночь, а когда, в итоге, пришло время расходиться по своим комнатам и ложиться в теплые кровати, загодя застеленные для них дварфами, Малиновская поняла вдруг, что сна у неё ни в одном глазу. Она стала просить Антона прогуляться с нею около замка хотя бы чуть-чуть, на сон грядущий, и канючила до тех пор, пока не проела Антону весь мозг — и он согласился. Клятвенно пообещав Сильфиде, что они не будут уходить слишком далеко, друзья покинули Нифльхейм и вышли в тёмный, таинственный и немного пугающий поначалу мир волшебной ночи. Во многих окнах замка ещё горел свет, бросая на раскинувшиеся окрестные поля и водяной ров идеально правильные квадраты и прямоугольники светлых пятен, поэтому около ворот и моста было всё достаточно хорошо видно и совсем не страшно, да и наступившее этой ночью полнолуние тоже прибавляло холодного, желтоватого света.

Маша с Антоном, неспешно свернув с основной тропы, пошли по густой траве: Малиновская почувствовала, как у неё начинают промокать ноги от уже успевшей упасть росы, однако это её нисколько не волновало — всё равно они погуляют совсем чуть-чуть, а, придя, она заберётся в мягкую и уютную постель, чтобы согреться и моментально заснуть. Удивительное ощущение покоя и благости лежало на всем: тишину мерцающей ночи не осмелилось нарушить даже слабое дуновение ветерка — об этом говорили абсолютно недвижимые в сгустившемся сумраке листья вечнозелёных рябин.

Какое-то время они шли молча, просто наслаждаясь пением сверчков и свежим воздухом, однако потом Антон начал чувствовать некий странный дискомфорт, будто в спину ему уперся чей-то внимательный взгляд, пристально наблюдающий за ним. Он пару раз оглянулся, но никого не заметил.

— Ты чего озираешься? — спросила его Малиновская, чуть повернув голову и заправляя при этом за ухо мешающую ей прядь волос.

— Да так. Будто смотрит кто-то, — Антон остановился и обернулся ещё раз, вглядываясь в могучую громаду замка, немного выделяющуюся более темным силуэтом на фоне окрестных гор.

Маша тоже обернулась, но взгляд её при этом скользнул немного выше, и она разглядела на навесном балкончике одной

из башен Нифльхейма одинокую, едва заметную в темноте фигуру. Евгений. Смотрит прямо на них. Хотя это и невозможно было с такого расстояния, Малиновской показалось, будто их взгляды пересеклись. Какая-то доля секунды — и Евген скрылся в покоях башни. Антон снова отвернулся от Нифльхейма и пошёл дальше — наблюдавшего за ними Евгена он, скорее всего, не заметил. Маша, помявшись ещё несколько мгновений, тоже отвернулась и зашагала вслед за другом. Ею вдруг овладело странное чувство беспричинного беспокойства, хотя поводов для этого вроде бы и не было. Ну что тут такого, что Женя просто смотрел на них? Как будто ничего. Она и самой себе не могла объяснить, из-за чего стоило бы напрягаться.

— Тебе никогда не приходила в голову мысль, — неожиданно произнёс Антон, — что у нас остаётся всё меньше и меньше времени для того, чтобы быть готовыми?

Малиновская не стала уточнять, что именно он имеет в виду — это и так было ясно.

— Никто не называл нам конкретного часа, — ответила она, — а значит, у нас есть ещё время.

— Возможно, — уклончиво ответил Антон. — А ты не думаешь, что… — молодой человек почему-то мельком обернулся в сторону замка и сказал немного тише, чем до этого, — что Воплощение Зла уже явилось на Землю? Тебе не кажется, что им может быть Он?

— Кто? — после некоторой паузы произнесла Малиновская, хотя уже начинала смутно догадываться.

— Евген, — просто ответил Антон. Это прозвучало слегка тревожно и вместе с тем так буднично, будто они обсуждали сейчас всякие не стоящие внимания жизненные мелочи за чашкой чая у Малиновской на кухне, как бывало множество раз задолго до того, как они стали Бессмертными. Мария и сама изумилась, насколько спокойно она восприняла это предположение. Будто бы Антон сейчас озвучил то, что уже довольно давно витало у неё в голове, но она никак не могла собрать все эти разрозненные мысли в одно большое целое. Так собираются воедино мельчайшие капельки пара, снова образуя воду. Может быть — подумала она — Антон всё-таки увидел Евгена на башне, — поэтому и начал этот разговор? Хотя, вполне возможно, что он спросил и просто так. И всё-таки сейчас Маша была с ним не совсем согласна, что и попыталась выразить в своей речи.

— Тебе не кажется, — с некоторой иронией спросила она, посмотрев на Антона, — что Евген, мягко говоря, не тянет на такой титул, как «Воплощение Зла»? Ему не подвластно всё на свете, и он многого не может.

— Откуда же мы, на самом-то деле, знаем, чего он может, а чего — нет? Далеко не все его тренировки проходили перед нашими глазами, он великое множество раз приходил сюда один, и даже без Флавиуса и Сильфиды. Что мы, в сущности, знаем о его способностях? Только то, что он позволил нам увидеть. Мы же не можем проникнуть в его голову, правильно?

— Вообще-то ты — можешь!

— Он не настолько глуп, чтобы позволить мне смотреть ему в глаза и читать его мысли. Евген не только высокоодаренный адепт магии, он, кроме всего прочего, умён и изворотлив просто сам по себе, как человек, а потому так легко может выдавать желаемое за действительное. Не знаю, обратила ли ты внимание — но, несмотря на то, что они постоянно ругаются с Настей, он не считает нужным отпускать её от себя. Видимо, полагает, что она может ему ещё пригодиться.

— А ты, я смотрю, и ревнуешь, — не удержалась Малиновская. Она сказала это даже не столько оттого, что действительно так считала — ей просто очень интересно было посмотреть на возможную реакцию Антона и проверить свою теорию о том, что ему тоже нравится Настасья.

— Речь сейчас не об этом, — невозмутимо ответил Антон, и невозможно было понять, какие эмоции он переживает в этот момент. — Просто я не считаю само собой разумеющимся тот факт, что Евген испытывает к ней какие-то чувства. Все это отходит на второй план в том свете, что, в первую очередь, мы не должны забывать о том, кто мы, и в нашей жизни почти не осталось места для чего-то иного.

— Но это не значит, что каждый из нас давал обет безбрачия и мы не можем любить! — пылко возразила Маша.

— Я просто не даю некоторым личностям дестабилизировать обстановку и использовать людей в своих собственных интересах, — Антон строго посмотрел на неё, — любыми способами.

— Не знаю, Тош. На мой взгляд — он просто обычный хам, чьи плохие качества несколько усугубились после ощущения возросшей собственной значимости в его же глазах. Мне тоже, разумеется, все это не очень нравится…

— Но ты ведь чувствуешь? — внезапно перебил её Антон, сделав акцент на последнем слове.

Они остановились одновременно и, повернувшись, посмотрели друг другу в глаза. Мария как будто поняла, что именно имеет в виду Антон, но не могла выразить это словами. И отголосками далекой, но так неумолимо приближающейся и растущей бури, вползала в их сердца тревога. Маша, разглядывая

каре-зеленые глаза Антона, слегка вздрогнула от неожиданности, когда его голос вдруг зазвучал в её голове, хотя Антон и не открывал рта: «Сила его намного больше, чем кажется на первый взгляд, а цель — иная, чем та, которую он явно преследует».

Как у тебя это получается? — так же мысленно спросила Малиновская.

— Тренировки не проходят даром, — уже вслух ответил Антон, улыбнувшись.

— Иногда я чувствую себя твоим подопытным кроликом, — немного недовольно сказала Маша.

— Нужно же мне на ком-то отрабаты… — Антон неожиданно осёкся.

В почти абсолютной тишине, нарушаемой лишь неумолчным стрекотанием сверчков, отчетливо громко зашуршали сухие стебли высокой травы. Друзья сделали пару быстрых шагов назад, наблюдая, как немного впереди от них, в неверном лунном свете, полускрытом сейчас набежавшими невесть откуда взявшимися тучами, трясутся и трещат верхушки дикого камыша и другой вымахавшей поросли. Машка, быстро оглядевшись, сделала не слишком приятное для себя открытие — увлеченные разговором, они с Антоном слишком далеко отошли от замка, хотя вовсе этого и не планировали. Стена тёмных, недружелюбных деревьев была теперь очень близко от них — от неё веяло прохладой и сыростью, а из чёрных глубин Кленового леса доносились странные, даже слегка пугающие звуки — не то сопение, не то невнятные шорохи, и будто бы далекие вои и всхлипы.

Ребята продолжали стоять неподвижно, пока Малиновская боковым взглядом не уловила какое-то новое движение на равнине, полого спускавшейся от зарослей, в которых они оказались. Там все было выкошено трудолюбивыми дварфами, и посреди идеально ровного луга немного нелепо смотрелись пять или шесть растрепанных, клочковатых кустов, непонятно как вообще оказавшихся там. Она могла поклясться, что десять минут назад их там точно не было. А когда вдруг кусты начали неожиданно передвигаться, довольно шустро и вместе с тем слегка ковыляя, Маша испуганно схватила Антона за руку. Нет, это оказались далеко не кусты! Было жутковато наблюдать, как неведомые существа, какие-то сгорбленные, мохнатые, с длинными руками, рассыпаются по долине, непонятно кого высматривая и неизвестно что ища.

— Тише! — прошептал Антон, словно уловив внезапное Машино желание закричать от страха.

Существа продолжали полу-галопом ковылять по равнине на достаточном отдалении от них, явно направляясь в сторону

дварфовских огородов. Они стали уже практически трудноразличимы в тусклом лунном свете, смешавшись с плетнями, изгородями и кустами садов, и тут кто-то громко заворчал совсем рядом с ними.

Антон и Маша развернулись и буквально нос к носу столкнулись с неведомым зверем, возникшим среди туск-лых, пожухлых стеблей. Чёрно-бурый, приземистый, телом он чем-то напоминал обезьяну, однако его морда была более похожа на собачью. Он явно был одним из тех же существ, за которыми они только что наблюдали в долине. Зверь угрожающе не то зарычал, не то зашипел, со свистом выпуская воздух из-под приподнявшихся губ своей оскалившейся пасти.

В руках Антона мгновенно возникла водяная магическая сфера, освещая бледным голубоватым светом небольшое пространство вокруг. Малиновская тут же последовала его примеру — молниеносно сотворенный зеленоватый шар, разбрасывая изумрудные искры (видимо, потому, что она была сейчас до смерти напугана), переливался в ладони, просвечивая сквозь её пальцы. Маша опасалась в этот миг только одного — как бы зверь, явно настроенный угрожающе, не прыгнул на них, потому что она не знала, что же в таком случае придётся делать — атаковать или же звать на помощь. Она также не была уверена, сможет ли им помочь Пончик — хотя между ними и существовала телепатическая связь, однако на ночь медведица всегда уходила обратно в лес и сейчас, наверняка, крепко спала где-нибудь в своей берлоге.

Но неведомое существо — кем бы оно ни было — нападать не спешило. Оно замерло в нерешительности, явно испугавшись света и магии, а потом попятилось назад, продолжая глухо рычать, и скрылось в зарослях высокой травы.

— Пошли назад, — Антон опомнился первым, и поспешно потащил Машу за руку. — Скорее, пока не пришли остальные!

— Кто это? — Малиновская, стараясь не отстать, путалась в собственных ногах и никак не могла прийти в себя.

— Это друмлины, — непонятно ответил Антон.

— Кто?!

— Друмлины. Нечто среднее между человеком, собакой и шакалом. По крайней мере, в книгах они описаны именно так. Они всегда выходят из лесов в начале-середине осени — ищут пропитание, совершая набеги на огороды дварфов.

— Зачем?

— Очевидно, в лесу не так уж и много того, чем им можно было бы поживиться. Вот и приходят сюда. Естественно! — сам с собой согласился Антон. — Дварфы ведь не выставляют на ночь

никакой охраны — вот они и повадились на легкую добычу.

— А эти друмлины, они, вообще-то, очень агрессивны? — Машка, продолжая держаться за Антонову руку, постоянно озиралась, опасаясь, как бы эти звери не атаковали их со спины.

— Они всеядны и, в принципе, могут напасть, — обеспокоенно ответил Антон, — так что шевели ногами быстрее. Если их набежит сейчас целая туча, можем и не справиться!

Выбравшись, наконец, из высоких кустов на широкую дорогу, друзья со всей возможной скоростью поспешили в замок, стараясь как можно скорее оказаться за надежными дверями, оставив снаружи темноту и ночные страхи. Лишь оказавшись внутри, они смогли перевести дух.

— Фу-х, — выдохнула Малиновская, остановившись в холле, у подножия одной из лестниц, ведущих к спальням. — Я и не думала, что в лесу такие страшилища живут!

— Я думаю, это просто цветочки по сравнению с тем, что там обитает на самом деле, — Антон тяжело облокотился на перила. — Не зря же Сильфида с Флавиусом постоянно нас предупреждают, чтобы мы не ходили вглубь леса.

— Кстати, пойдем-ка поскорее в комнаты, пока мы не нарвались на кого-нибудь из них, — обеспокоенно произнесла Маша, начав подниматься по ступеням. — Не хватало нам ещё от них нагоняй получить.

Антон, молча пожав плечами, последовал за ней.

— Какого черта мы вообще поперлись на эту прогулку! — начала ворчать Малиновская, уже напрочь позабыв о том, что именно она и была её инициатором. — Нигде нельзя расслабиться, даже в Карнимирии — того и гляди сожрут!

— Ты не обратила внимание на то, что как только мы начали обсуждать тему о Воплощении Зла, друмлины тут как тут и появились? — спросил Антон.

— Ой, перестань, — махнула рукой Маша. — Ты, по-моему, уже все на свете стараешься подогнать под эту свою теорию. Друмлины — обычные звери, живущие в лесу, ну или… не знаю, кем они там являются. Живут же, к примеру, в московских парках лоси — вот и они тут живут. А то, что мы на них наткнулись, говоря о всяких зловредностях — так это просто совпадение, и не более того.

Антон неожиданно остановился и, перегнувшись через перила, посмотрел вниз — они прошли уже несколько лестничных пролетов. Отсюда были видны неяркие сполохи от свечей и факелов, пробивающиеся через приоткрытые двери и пляшущие по тёмным стенам — это на кухне, расположенной в обширном полуподвале, по-видимому, всё еще возились

немногочисленные дварфы, прежде чем отправиться спать.

— Ты чего? — с опаской спросила Маша.

— Ты знаешь, я только сейчас понял, насколько я голоден, — признался Антон. — Пожалуй, я пойду, попрошу у дварфов чего-нибудь перекусить на сон грядущий. Ты не пойдёшь со мной?

— Я так устала, у меня сил нет опять спускаться, — отказалась Малиновская.

— Ну как хочешь. Поднимайся тогда в спальню, а я пойду поем. И смотри, никуда больше не сворачивай — хватит с нас приключений на сегодня!

Малиновская молча кивнула и продолжила подниматься по лестнице. Антон, напротив, пошёл вниз, чтобы ещё раз поужинать и окончательно успокоиться. «Хорошо, что мы встретили всего-навсего друмлинов, — с тревогой, и вместе с тем с облегчением подумал он про себя. — Если бы Маша проводила столько же времени в библиотеке Нифльхейма, что и я, она бы знала гораздо больше о том, на каких чудищ мы могли бы наткнуться сегодня в ночи!»

Антон вздохнул и осторожно проскользнул на кухню, чтобы не задеть плечом скрипучую дверь.

Глава 13. Уход

Ноябрь встретил лёгким морозцем и полным отсутствием снега, что, по мнению Малиновской, было просто ужасно — холод от этого казался только кусачее, а, кроме того, постоянно дул сильный, пронизывающий до самых костей ветер. Иногда его внезапно налетающие порывы уносили с людей шапки или чуть было не вырывали из рук сумки. Ветки заиндевевших деревьев жалобно похрустывали, когда ледяные вихри были особенно неугомонны, трепля и мотая их в разные стороны. Кроме того, световой день уже значительно сократился — темнеть начинало гораздо раньше, а светлеть — позже, поэтому, когда сумрачным и зябким пятничным утром Мария выползла к автобусной остановке, она успела продрогнуть и десять раз пожалеть, что не надела шапку.

Маша была очень сильно разозлена — ведь сегодня ей придется высидеть все пары в институте в полном одиночестве, потому что Настасья немного приболела, и потому осталась дома. Хотя, как не без оснований подозревала Малиновская, её подруга не пошла ещё и потому, что у Евгена — по его словам — сегодня занятий не было (а может быть, ему просто было лень, и он, как обычно, решил прогулять). В любом случае, Настя проведёт предстоящий день у своего возлюбленного — в этом можно было даже не сомневаться. Маша уже успела высказать Настасье свое недовольство по этому поводу по телефону, и подруга, естественно, не осталась перед ней в долгу.

— В институт она, значит, поехать не может — плохое самочувствие, а как к Евгену в гости — так это она сразу здоровенькая! — язвила Маша.

— Лучше бы сама уже нашла себе парня, — парировала, разозлившись, Настасья. — Глядишь, и до чужой личной жизни интереса бы поубавилось — своей занялась.

Машка не стала продолжать разговор и бросила трубку. Конечно, все это — дурацкие мелочи, совершенно не стоящие внимания. Не сегодня-завтра они уже снова помирятся и, сидя в обнимку, со смехом будут вспоминать глупости, которые друг другу наговорили. Ну а пока что Маша стояла в ожидании автобуса, надувшись как мышь на крупу.

Да и Антон тоже молодец — обещал её подвезти, а у самого машина не заводится. Какого, спрашивается, чёрта быть владельцем автомобиля, если ты даже не можешь его починить? Объяснения Антона про севший аккумулятор её совершенно не удовлетворили и, устав его ждать, она уже и так потеряла целых

двадцать минут, пока Антон возился под капотом, Малиновская в полном негодовании готовилась к опозданию на первую пару, со всеми вытекающими оттуда последствиями: бешеная беготня по территории университета в поисках нужного корпуса и аудитории, а после — преподавательское брюзжание и её заверения о том, что все это в последний раз.

Сейчас Марии на самом-то деле хотелось только одного — чтобы поскорее наступила суббота, потому что тогда она снова отправится в чудесный мир, где всегда интересно, увлекательно и, самое главное — тепло! А также поют птицы, зеленеют леса и стоит огромный замок, вросший в основание гор, где у неё, кроме всего прочего, даже имеется своя собственная комната и множество дварфов, которые её обожают и готовы выполнить любую её просьбу. Хотя она этим и не злоупотребляет.

Увидав подъезжающий из-за поворота автобус, Маша поблагодарила небо, что ей не дали умереть на улице от переохлаждения, и полезла в салон.

* * *

Утром субботы они отправились в Нифльхейм вчетвером: Маша и Настя (уже успевшие помириться), а также Слава и Семён. Все остальные в предстоящие выходные оказались заняты личными делами. Оно, может, даже и к лучшему — у Машиной мамы сегодня не было дежурства, поэтому ей в любом случае пришлось бы возвращаться на ночь домой. А так как сегодня — из-за малочисленности их компании — ночевать в замке никто не планировал, покидать Нифльхейм было не так обидно, как если бы ей пришлось отправляться в дорогу в одиночестве.

Настасья, радуясь солнечной, хоть и морозной погоде, как ребёнок, и пребывая в совершенно распрекрасном расположении духа, что в последнее время случалось с нею довольно редко, веселилась и скакала вокруг Малиновской, точно коза на поле:

— Прямо поправилась за один день, — щебетала она. — Это, должно быть, любовные чары так на меня действуют!

Маша натянуто улыбнулась и сдержалась из последних сил, чтобы не ляпнуть какую-нибудь гадость. В начале дня ни к чему было портить настроение ни себе, ни окружающим.

Пройдя сквозь Портал и вернувшись из предзимья в вечное лето, парни, скинув свои куртки и свитера, побросали их прямо тут, на кучи сухой опавшей листвы — в Кленовом лесу её всегда было очень много. Девушки же, проявив присущую им аккуратность, развесили свои вещи на древесные сучки — чтобы

не испачкались. На Машино замечание по поводу того, что куртки потом придётся стирать, Славик беззаботно махнул рукой:

— Да ладно, чего ей сделается? Все равно она старая уже.

— Главное, чтобы её какой-нибудь лесной зверь не сжевал, — пошутил Семён.

Четверо друзей двинулись дальше по тракту сквозь лес, болтая обо всём на свете, и только тут Маша обратила внимание на голые руки Семёна — до этого он ведь был в куртке, а теперь, сняв её, оказался в белой футболке с короткими рукавами. Кожа на его руках была частично содрана, но большей частью, почти до самых локтей — обожжена, причем местами достаточно сильно. Часть особенно видных красных ожогов уже начала затягиваться по краям свежей тканью.

— Что с тобой? — Маша схватила его за руку.

— Ай-яй, осторожно! — Семён, отдернув руку, поморщился от боли. — Это я с магией в прошлый раз немного переборщил.

— Как так? — не поняла Маша.

— Когда тренировался с жидким оловом, — объяснил Семён. — Дварфы притащили специально для меня медный котёл, а в нем было полно всяких оловянных штук — что-то типа остатков от их производства. В тот раз Флавиус за мною не следил, и я практиковался сам по себе, превращая олово из твёрдого состояния в жидкое, и наоборот. Пытался из него создавать правильные геометрические фигуры — это бывает очень полезным для получения навыков при работе с любыми веществами. С оловом легче всего: из всех металлов у него одна из самых низких температур для плавления, что-то около двухсот тридцати градусов по Цельсию. Короче говоря, расплывается моментально. Но я, по-видимому, слишком увлёкся и довел его буквально до кипения — в итоге расплавился даже сам медный котел. А ведь у меди температура плавления куда больше — более тысячи градусов! Конечно, котел не выдержал и развалился на части, все его содержимое выплеснулось, ну и немного попало на меня.

— Ужас какой! Хорошо хоть, что ты не покалечился! — сказала Настасья, забираясь на древесный корень, выдвинутый прямо на тропу, чтобы перелезть его. — И вообще, тебе нужно быть поосторожнее — у тебя всё-таки очень опасная магия.

— А у кого из нас она не опасная? — пропыхтел Слава, перелезая через корни вслед за остальными.

— Да он ведь вообще мог в своем металле свариться заживо, как курица! — Настя выдохнула, спрыгивая обратно на землю. — Мне даже подумать обо всем этом страшно. Ты только руки обжёг? — снова обратилась она к Семёну.

— Ещё ноги немного. — честно признался он. — Оно же разлилось повсюду…

— А Флавиус что сказал?

— Он отругал, конечно. Но Сильфиде мы об этом говорить не стали. И вы тоже не говорите, — попросил Сеня. — Флавиус мне сказал, что Сильфида и так его долго пилила из-за того случая с Танькой — ну, помните, когда она сознание потеряла. Так что смотрите, не проболтайтесь.

— Этот Флавиус совершенно не соблюдает технику безопасности. Как вообще можно в таких опасных ситуациях предоставлять нас самим себе?! — возмутилась Малиновская. — Посудите сами — у него уже второй ученик пострадал!

— Да ладно тебе, не начинай, — Сеня похлопал Машку по плечу. — Он отличный парень.

Мария строго и немного скептически посмотрела на Настасью, — ведь Флавиус обучал и её тоже.

— Да, он очень-очень хороший, — быстро проговорила Настя, закивав головой.

— Вам виднее, — пожала плечами Маша. — Как по мне, так я Сильфидой как преподавателем более чем довольна.

Они прошли мимо Старого Клёна, естественно, задержавшись около него на некоторое время, чтобы рассказать ему о своих делах. Клён каждый раз очень внимательно выслушивал их и искренне радовался за успехи каждого — с таким добросердечным и умным собеседником, как он, всегда было приятно пообщаться. Продолжая путь, друзья снова вернулись к обсуждению магии.

— А у тебя как продвигаются дела, Слав? — спросила Малиновская. — Получается что-нибудь эдакое, из особо серьёзного?

— Ага! — с энтузиазмом ответил Славик. — Мои каменные взрывы — это нечто! Вам всем обязательно нужно это увидеть — они получаются такими мощными, как будто самые настоящие бомбы взрываются.

— А каким образом они могут пригодиться на практике? — не поняла Настасья.

— Ты что, при обезвреживании противника это самое верное средство — лучше не придумаешь. Такими штуками целую армию можно завалить. А давайте-ка я прямо сейчас вам кое-что покажу?

— Ой, может быть не надо? — забеспокоилась Малиновская.

— Да перестань! — поддержал Славика Семён. — Мы же в лесу, а значит, точно никого не заденем и не покалечим. Давай, Славян, покажи им!

— Ага. Сейчас, — Слава остановился, сосредоточился,

сфокусировал свой взгляд на какой-то дальней точке. Потом размахнулся и со всей силы ударил обоими кулаками по земле. Словно тонкие струны, проложенные под слоем травы и мелкой поросли, напряглись и зазвенели сами корни земли, пошла цепная реакция, все дальше, дальше, и вдруг метрах в двадцати от них вспух огромный земляной пузырь, и с оглушительным грохотом лопнул, разнося во все стороны комья почвы, песка и грунта. Пошел даже небольшой дым. Было похоже, как будто под поверхностью земли разорвался гигантский воздушный шар. Все произошло так быстро и так громко, что девчонки аж подпрыгнули от испуга. Даже Семён, и тот слегка вздрогнул от такой внезапности. Грохоту было на весь лес. Ветви деревьев, роняя листву, недовольно зашумели, точно внезапно разбуженные и оттого недовольные; несколько птиц с громкими криками сорвались с верхушек кленов, разлетаясь в разные стороны. Когда дым рассеялся, на месте сотворенной магии можно было наблюдать оставленный Славой кратер.

— Нас не обязательно было засыпать, — недовольно сказал Семён, смахивая с плечей кусочки земли.

— Ничего себе! — воскликнула Маша, подходя ближе к большой воронке, оставленной взрывом.

— Ну, Славик, ты даёшь! — сказала подошедшая следом Настасья, разглядывая яму. — Так и весь лес можно в щепки разнести.

— Да ладно вам, наговорили! — засмеялся Слава. — Но всё-таки согласитесь — эффектно получилось, да?

— Более чем, — Сеня энергично закивал головой.

— Нельзя все это вот так оставлять, — нахмурилась Маша, осматривая наступивший разор. — С точки зрения мастерства, конечно, замечательно, но туда могут какие-нибудь маленькие зверушки упасть, или ещё чего, да и выглядит не эстетично. Надо прибраться, — она аккуратно присела на колени, стараясь не вымазаться свежей землей, и приложила правую руку к краю воронки, к кускам вывороченной земли, и прикрыла глаза. Хотя выбоина и не исчезла полностью, но яма тут же затянулась свежей зеленой травой, став практически незаметной, было похоже, будто на кровоточащую рану наложили аккуратную, чистую повязку.

— Ну вот, теперь почти ничего и не видно, — удовлетворенно произнесла Малиновская, оглядывая местность.

— Да, неплохо сработано, — констатировал Славик.

Спустившись по пологим склонам в долину, ребята встретились с Флавиусом и Сильфидой и, как обычно, поприветствовав друг друга, разошлись в разные стороны. Семён

в сопровождении Флавиуса направился в замок для новой тренировки с металлами. К ним ненадолго присоединилась Настасья, которой необходимо было посетить Библиотеку, чтобы отыскать нужные ей для более глубокого изучения собственной стеклянной магии энциклопедии, а также иные списки и собрания по веществам и минералам. Слава с Сильфидой пошли на самые дальние, окраинные заливные луга, туда, где узкая полоса леса почти вплотную примыкала скорее осязаемым, чем видимым зелёным контуром к берегам вечно спокойных вод Великого озера. Они специально уходили настолько далеко — там Вячеслав мог практиковать свои особенно разрушительные творения магии Земли, при этом не опасаясь покалечить кого-то или причинить кому-нибудь вред.

Малиновская же пока что осталась на поляне перед Нифльхеймом в полном одиночестве. Сегодня она приступала к созданию магии Растений высшего порядка, а именно: сотворению протодеревьев. Мария очень долго шла к этому дню, перерыла горы литературы в замке — книг, фолиантов, пыльных манускриптов и свитков, пытаясь найти нужную информацию, которая помогла бы ей в этом нелегком труде; целыми днями консультировалась с Сильфидой, стараясь запомнить любые мелочи и любые советы, данные ей Бессмертной. Маша, кажется, всё уже идеально знала в теории — оставалось только всё это воплотить в жизнь, «обратить незримое в зримое», — как часто говорила Сильфида.

Создание протодеревьев было делом невероятно сложным: если при выращивании цветов она фактически лишь находила необходимые ей семена в почве с целью последующего их пробуждения к жизни и силой своей воли и концентрации мыслей заставляла их прорастать, то с деревьями всё выходило совсем иначе. Ей самой нужно было создавать древесину, а также все соединительные ткани, из которых состояло будущее дерево — корни, ветви, ствол, листья и, возможно, плоды — Маша ещё не решила, какое именно дерево она сотворит — садовое (типа яблони или груши) или лесное.

При создании магического воплощения своих мыслей с нуля требовалась не только предельно высокая концентрация сознания, но и намного большие затраты физических сил. Грандиозность поставленной задачи, честно говоря, немного пугала, а потому у Маши никак не получалось достигнуть хоть сколько-нибудь заметного прогресса в этом деле.

Примерно через час к ней присоединилась вернувшаяся из Библиотеки Настасья: в руках у неё была огромная, переплетённая в черную кожу книга с яркими красными буквами

на обложке: «Минералы Земли».

— И зачем она тебе? — поинтересовалась Малиновская у подруги, оставив на время свои пока что безуспешные попытки в выращивании дерева.

— Это мне Флавиус в свое время посоветовал, — пояснила Настасья, — раз уж иного выхода не остается, я буду пробовать создавать любые вещества, какие только смогу. Естественно, не все подряд, — этак мне и целой жизни не хватит, хоть она у меня теперь и бесконечная, — добавила она после некоторой заминки. — Буду ориентироваться на те, в составе которых имеется кварц. Их я могу контролировать с наибольшей вероятностью.

— А, ну ясно, — кивнула Маша. — Это хорошо, вместе, знаешь ли, как-то веселее тренироваться. Только вот Пончика что-то долго нету, — Малиновская с некоторой тревогой посмотрела в сторону леса. — Обычно она ведь встречает нас по дороге, ну или, в крайнем случае, догоняет уже в долине. А тут столько времени прошло, а её всё нет.

— Да, действительно, — Настя, казалось, только сейчас заметила отсутствие Медведицы. — С нею ведь не могло ничего случиться? — немного неуверенно предположила она.

— Ох, надеюсь, что нет, — Маша начала волноваться. Она огляделась по сторонам, и её внимание привлекла стая небольших пичужек, которые расселись, точно разноцветные шарики, на ветках ближайшей к ним рябины. Ей в голову пришла интересная мысль. Хотя с птицами до этого Мария разговаривала лишь пару раз, сейчас, пожалуй, стоило попробовать. Она встала и осторожно, чтобы их не спугнуть, подошла к рябине. Настасья с интересом наблюдала за подругой. Собравшись с мыслями, Малиновская сложила губы трубочкой и просвистела незамысловатую мелодию. Одна из пташек мгновенно слетела к ней, сев на самую нижнюю ветку.

— Эмм… надеюсь, ты не слишком занята? — спросила Маша, чувствуя себя немного глупо.

Настя услышала, как птица что-то прощебетала в ответ, но Мария, похоже, её поняла.

— Ты не могла бы слетать в Кленовый лес и проверить, всё ли в порядке с моей Медведицей? — попросила Маша. — Её очень долго нет, и я начинаю волноваться.

Пташка снова что-то ответила на своем певучем языке.

— Она большая. Коричнево-бурая. Живет примерно в десяти минутах ходьбы от того места, где тракт уходит под своды леса.

Птичка ещё что-то пискнула и, вспорхнув, стремительно унеслась в сторону Кленовой чащи на поиски Пончика — только

ветка осталась слегка раскачиваться.

— Здорово ты их понимаешь! — с восхищением сказала Настасья, когда Маша, вернувшись к ней, уселась на траву. Малиновская в ответ лишь слегка пожала плечами — сейчас она слишком волновалась за Пончика, чтобы что-то отвечать. Но долго переживать не пришлось: примерно через пятнадцать минут Медведица на всех парах уже бежала к ним из леса в сопровождении все той же шустрой птички. Когда они вдвоем достигли того места, где сидели девушки, птаха что-то тихонечко пискнула — мол, поручение выполнено — и была такова.

— Где ты была? Я уже начала переживать! — Мария крепко обняла свою любимицу за шею.

Пончик что-то неразборчиво заворчала в ответ. Малиновская немного отодвинула её косматую голову от себя и посмотрела Медведице в глаза. Та шумно выдохнула ей в лицо.

— Что она говорит? — с интересом спросила Настя. — Ты поняла её?

— Ага. Она очень испугалась. Она говорит, что в лесу был «большой бум», и поэтому к нам она не дошла, повернув обратно в свою берлогу.

— Это Славик, — догадалась Настасья, — со взрывами своими дурацкими!

— Да, я тоже так думаю, — согласилась Машка. — Не бойся, — обратилась она к Пончику. — Ничего страшного не произошло. Это наш коллега, так сказать, баловался своей магией.

Пончик фыркнула, и с некоторым укором посмотрела на Малиновскую.

— Конечно-конечно, — сказала Маша, — я обязательно ему передам, чтобы он больше так не шумел в лесу. А теперь, если ты не против, я продолжу свою тренировку.

Медведица вздохнула и улеглась на траву, разумеется, она была не против.

Вечером, ещё до того, как багровый солнечный диск начал опускаться к вершинам зеленых чащоб, Маша и Настя уже собрались обратно, в свой мир. Марии нужно было прийти домой до того, как её мама устроила бы панику по поводу слишком долгого отсутствия дочери, а вместе с нею собрались и все остальные — зачем возвращаться поодиночке, если можно идти назад в хорошей компании?

Из замка к ним навстречу уже вышли Флавиус и Семён, и теперь они вчетвером (если не считать Пончика) ожидали возвращения Славы и Сильфиды, чьи едва заметные силуэты временами то возникали, то вновь скрывались среди буйства

темно-зеленых перелесков — они уже держали путь к ожидающим их у замка.

За целый день, проведенный в долине, Малиновская пока не особенно продвинулась в создании протодерева: ей удалось вырастить крохотную берёзку, на которой было всего три листочка, но она радовалась хотя бы этому. По крайней мере, её маленький успех означал то, что она движется в правильном направлении — необходимо лишь приложить больше упорства и как следует запастись терпением. Вполне возможно, что у Маши получилось бы и лучше, если бы Пончик, которая сегодня была какая-то уж чересчур беспокойная, не лезла постоянно носом и лапами ко всему, что Малиновская пыталась вырастить с помощью магии, а медведица — всё это съесть или в крайнем случае понадкусывать.

— Ну, а как обстоят чародейские дела у моей подопечной? — поинтересовался Флавиус у Настасьи, когда Малиновская закончила своё повествование.

— В целом неплохо, — сообщила ему Настя. — Но я могу контролировать гораздо меньше веществ, чем я предполагала на первых порах. В основном, это производные от тех минералов, которые я уже могу создавать сама, с чистого листа. Например, перлит, — она показала на несколько крупных красно-бурых камней, лежащих среди травы, которые она создала сегодня. — В найденной мною энциклопедии написано, что он является гидроксидом обсидиана, а так как сам обсидиан я научилась сотворять уже довольно давно, то нет ничего удивительного в том, что получается создавать и его разновидности.

Маша немного отвлеклась от рассказа подруги, разглядывая вершину Расстегайны — сейчас солнечные лучи окрасили снега, венчавшие горный пик, во все виды золотистых оттенков. Было очень красиво и завораживающе.

— Также я могу контролировать базальт, — продолжала тем временем Настя. — Это такая тёмно-серая магматическая порода, а ещё — пемзу.

— Ой, это я знаю! — сказал Семён. — Пемза — пористое вулканическое стекло, правильно?

— Совершенно верно, — ответил за Настасью Флавиус. — И, тем не менее, три новых минерала за один день — не так уж и плохо. Поэтому выше нос — не стоит расстраиваться!

— Да я и не расстроилась, — улыбнулась Настя. — Просто что-то сегодня очень уж устала. И так спать хочется… — она зевнула и на миг зажмурила глаза.

Через пару минут к ним подошли вернувшиеся, наконец, Сильфида и Слава, тоже порядком уставшие; все в сборе, теперь

можно было отправляться домой — этот день заканчивался, пора было прощаться.

— Если ты очень утомилась, я могу попросить Пончика, чтобы она повезла тебя на себе. — предложила Малиновская подруге, когда они уже возвращались назад; Настасья действительно выглядела обессилевшей, загребая ногами дорожную пыль.

Пока Настя раздумывала над предложением, подошедшая незаметно сбоку Пончик облизала ей щёку, зажевав при этом и часть волос.

— Ой-ёй, не надо! — запротестовала Настасья. — Я и сама дойду, не хочу ни на ком ехать!

— Правильно, съешь её, Пончик, — подначивал Слава. — Раз она такая вредная!

Настя в ответ показала Славику кулак, а затем, вытянув рукой перед собою прядь собственных волос, жалобно взглянула на неё, перепачканную медвежьими слюнями, и тяжело вздохнула. Трудный выдался денёк.

* * *

Настасья с некоторым трудом задвинула тяжелые сине-фиолетовые занавески в своей комнате — ткань немного зацепилась за карниз и никак не хотела поддаваться. Она приложила некоторое усилие, и защёлка-держатель, встав на место, позволила, наконец, закрыть штору до конца. Ну вот, теперь унылого, грязно-серого пейзажа за окном не видно, в комнате стало гораздо уютнее и симпатичнее.

Прямо здесь же, на полу, расположились Антон и Бирюк — они настраивали Насте каналы в новом, только что купленном ею телевизоре. Настя, как и большинство девушек, не очень хорошо разбиралась в технике, предоставив это дело парням. Вообще-то Евген, который помогал ей привезти покупку домой, тоже обещал подойти, что было бы логичнее всего, но прошло уже более получаса, а мальчишки по-прежнему продолжали возиться с техникой вдвоем. Вполне возможно, Женя решил, что и так сделал более чем достаточно. Настасье отчего-то совершенно не хотелось узнавать причину отсутствия своего молодого человека — любой разговор у них теперь превращался в постоянное перетягивание одеяла на себя, поэтому иногда более предпочтительным выходом из ситуации было полное отсутствие общения, чем новые дискуссии.

— Ладно, ребят, вы пока тут разбирайтесь, — сказала

Настасья друзьям. — А я пока что на кухне с девчонками посижу — если вы, конечно, не против.

Антон молча кивнул. Бирюк был слишком занят изучением инструкции, чтобы отвлекаться хоть на что-нибудь.

Настя вышла на кухню — прекрасно устроившиеся за её обеденным столом Маша и Таня поедали зефир в шоколаде. За те несколько минут, пока Настасья выходила в комнату к парням, количество сладостей в коробке уменьшилось уже наполовину.

— Эй, мне-то оставьте! — воскликнула Настя, тоже садясь за стол. — Пришли, значит, в гости — и всё у хозяйки поели!

— Именно так и поступают настоящие друзья. — заметила Малиновская, запихивая в рот ещё одну зефирину.

— Может, чайку поставим? — предложила Таня. — А то без чая очень приторно получается.

— А меньше надо зефира жрать, — Настя скорчила рожу и показала Таньке язык. Та показала язык в ответ.

Настасья вздохнула, встала, подошла к чайнику и, открыв крышку, заглянула внутрь. Там было пусто. Повернув вентиль холодной воды, она подставила чайник под кран, но вместо упругой, бьющей во все стороны струи кран жалобно задрожал, булькнул, и, выплюнув несколько капель, начал громко хрипеть, точно умирающий от астмы.

— Воды, что ли, нет? — раздосадовано протянула Таня, глядя, как подруга крутит вентиль в разные стороны. — Ну вот, без чая остались.

— А по-моему, на подъезде висело какое-то объявление, что воду отключат, — вспомнила Настя, — до завтрашнего утра что ли. Да у нас же вечно так: только морозы ударят, так они давай теплотрассу раскапывать. Как будто в другое время ремонтировать нельзя. Короче говоря, фиг вам — а ней чай!

— Да это не проблема. — деловито сказала Малиновская. — В конце концов, маги мы — или кто? То-о-ош! — завопила она на всю кухню.

Через минуту появился Антон; какой-то немного взлохмаченный, в рубашке с расстегнутым воротом — видимо, от возни с электроникой ему уже стало жарко.

— У нас… — начала Маша.

— Нет воды, — закончил за неё Антон. — Я слышал.

— Да, наколдуй нам, пожалуйста.

Антон собрал на столе все три чашки в кучу и обхватил их руками, плотно прижав друг к другу. Мгновение — и в них тут же возникла чистая питьевая вода.

— Вскипятить? — Антон невозмутимо приподнял левую бровь.

— Погоди, — Настасья положила в каждую чашку по чайному пакетику. — Вот. Теперь продолжай.

Антон начал по очереди подносить указательный палец к каждой из чашек, и вода в них почти тотчас же начинала закипать.

— Великий водяной чародей, — констатировала Настя, глядя, как булькает вода и подпрыгивает чайный пакетик в её чашке.

— Хорошо всё-таки уметь управлять веществами, — мечтательно произнесла Малиновская, неторопливо размешивая ложкой только что брошенный в чай кусочек сахара.

— Ой, и не говори, — поддержала её Танька. — Я теперь свой мобильный телефон прямо пальцем заряжаю: подношу к руке — и всё готово. Главное, не переборщить с напряжением — двести двадцать вольт, не больше. А то сгорит, — засмеялась она.

— Когда-нибудь я подарю каждому из вас по собственноручно сделанному хрустальному сервизу, — пообещала Настя. — Вот научусь только делать завитушки и розочки из хрусталя, и тогда…

— Тош, ты мне чай перегрел. — пожаловалась Таня, аккуратно дотрагиваясь губами до краешка чашки. — Слишком горячий. Воо-о-ов!

— Мне некогда! — донеслось из комнаты.

— Ну зая, пожалуйста, подойди! — попросила Таня.

Из комнаты показался слегка недовольный Бирюк.

— Остуди мне чай, — Танька сунула ему чашку под нос, состроив при этом милую рожицу.

— То ей вскипяти, то остуди, — ворчал Бирюк, беря в руки чашку и пуская на неё из кончиков своих пальцев холодный воздух. — Сама не знает, чего хочет.

— Любимый, не ругайся, — Таня погладила его по плечу.

Малиновская заметила, что в этот момент Настасья смотрела на них каким-то странным взглядом — в нём читалась легкая грусть, и ещё что-то трудноопределимое. Через секунду Настя перевела взгляд на неё, и Мария отвела глаза, чтобы не смущать подругу. Тут и так всё было более чем ясно — разумеется, Настасье хотелось, чтобы Евген относился к ней с такой же теплотой и нежностью, как относится Вова к Татьяне. Но, видимо, это просто не её человек. Хотя… вполне может быть, что у них всё ещё и наладится.

Чай был, наконец, остужен, и мальчишки ушли обратно в комнату, чтобы продолжить копание в телевизионных настройках, прихватив с собою при этом парочку зефирин. Девчонки, оставшись на кухне в сугубо женской компании, занялись своим излюбленным делом — полушепотом начали

обсуждать всякие занятные штучки и секреты, понятные только им.

А за окном, прикрытым ажурными занавесками, все сильнее начинал кружиться легкий, серебристый снежок. Он долетал до земли, неторопливо ложась на газоны и крыши домов, покрывал карнизы окон и темный, блестящий в ночи асфальт.

* * *

В третьей декаде ноября неожиданно наступила небольшая оттепель, зато снег в это время сыпал практически не переставая: по краям дорог вымахали огромные сугробы, и каждый будний вечер вся Москва регулярно превращалась в одну большую пробку. Во всех дворах толпилось постоянное месиво из снежной каши — частые переходы температуры через ноль то растапливали замерзшую черно-бурую жижу под ногами, то вновь замораживали её в скользкие и труднопроходимые ледяные бугры. Дворники, которые должны были, по идее, оперативно устранять всё это безобразие, все куда-то запропастились. Малиновская уже не раз вспоминала их «добрыми словами», когда падала враскорячку у своего подъезда. Не совсем типичная погода для конца ноября, но ничего поделать с этим было нельзя — оставалось только терпеть.

Вообще весь ноябрь в целом Маша про себя назвала «месяцем проблемных родственников». Две недели назад к Бирюку с Таней вернулась, наконец, их бабушка, которая до этого всё лето жила на своей даче в подмосковных Люберцах. Дом там был достаточно тёплый, поэтому, в принципе, жить там можно было и круглый год, но с ноября по март драгоценная бабуля неизменно приезжала в Москву. На зиму весь поселок практически пустел, и ей было попросту страшно и тоскливо жить там совершенно одной. Хотя женщиной она была и не особенно ворчливой, придерживаясь — по словам Бирюка — довольно современных взглядов на жизнь, но всё-таки бабушка есть бабушка: она человек пожилой, и ей необходимы тишина и покой. А у Вовы с Таней постоянно что-то происходило — то они громко музыку слушают, то отношения выясняют — без этого никуда. В результате случались мелкие, пусть и непреднамеренные конфликты, вследствие чего сладкая парочка старалась проводить дома как можно меньше времени. Из всего Авалона они теперь чаще других оставались ночевать в Нифльхейме — все равно бабуля за ними не следила, да и не помнила особенно, где они и что с ними: встретит их днём на кухне, а Вова с Таней делают вид, как будто

бы только что проснулись и вышли из своей комнаты.

По крайней мере, хорошо было уже то, что она разрешила им встречать новый год и Вовин день рождения, которое выпадало на тридцатое декабря, на своей даче.

— Вы все молодые-красивые, вам нужно много места, чтобы веселиться, — сказала им бабушка. — Делайте, что хотите — только, ради всего святого, дом ненароком не спалите. Ну и за собою потом приберитесь, конечно. А так — я не против.

Таким образом, в их распоряжение попадал на несколько дней целый двухэтажный загородный дом с участком, поэтому предстоящее девятнадцатилетие Бирюка предполагалось отметить с большим размахом. Вова заранее пригласил не только всех своих друзей по Авалону, но и, конечно, огромное количество всяких разных знакомых, которых у него, как у человека крайне общительного, всегда было великое множество.

Кроме приехавшей Вовиной бабушки произошло посещение и ещё одного из родителей — Настиного папы. Здесь, разумеется, все было гораздо более весело и беспроблемно — все восемь дней, что он гостил у Настасьи, она как обычно была очень счастлива и радостна. Папа накупил ей целые горы всяких новых побрякушек, одежды, а также ездил с нею выбирать в мебельный магазин новый журнальный столик, который Настя как-то присмотрела себе в комнату. Все это время Настасья практически не приходила в Нифльхейм, очень уж ей хотелось подольше побыть с отцом после долгой полугодичной разлуки. Флавиус и Сильфида относились к этому с пониманием и, конечно, не настаивали на посещении тренировок.

Настя немного расстроилась из-за того, что любимый папа не сможет присутствовать в канун нового года — служба есть служба, и её никто не отменял — но он обещал приехать сразу после праздника, в первых числах января, так что расстались отец и дочь в хорошем расположении духа: чуть более чем через месяц им предстояло увидеться снова.

У Ольги Александровны, Машиной мамы, на фоне приезда Настиного отца и, как следствие, — усилившегося в эти дни контроля за Настасьей, тоже проснулась тягота к повышенному вниманию за дисциплиной собственной дочери. Она вдруг живо начала интересоваться Машиными делами в институте, спрашивать, все ли предметы ей одинаково интересны, и нет ли каких-нибудь хвостов за прошлую сессию. Малиновскую такая опека немного раздражала, а временами даже выводила из себя — когда заботливая мама становилась чрезмерно настойчивой. Ну а в остальном всё пока что шло довольно хорошо.

Дни летели за днями, складываясь в недели, и ничто не

может остановить неизбежного и вечного хода времени. Время безжалостно. Но для тех, кто поставил себе цель, оно не является препятствием; напротив, оно лишь помогает человеку добиться этой самой цели — иногда раньше, а иногда — позже. Конечная точка в достижении этого Великого Пути, чья малая толика шагов Жизни не может быть измерена никем, как, например, нельзя измерить размер доброты и широту сострадания — всё это лишь зависит от грандиозности поставленной задачи. И тогда наступит некий Финал, от которого нужно будет двигаться дальше. Главное — верить, что ты сможешь, и тогда у тебя всё получится.

Именно так рассуждала Малиновская, и в конечном счёте добилась своего: ей удалось вырастить своё первое настоящее большое дерево. Берёзу. Потом последовали и другие: осины, липы, тополя. Отчего-то садовые формы — яблони или, там, скажем, груши — получались у неё несколько хуже, чем лесные. Яблони росли какими-то корявыми, точно в них ударила молния, а груши никак не хотели подниматься выше полутораметровой высоты. Зато все остальные, не одомашненные виды, удавались ей более чем на «отлично».

Вскорости Карнимирию — Долину Рубиновых Рябин — уже нельзя было называть таковой в полной мере: посадки присутствующих тут деревьев разбавили многие иные породы, в том числе падубы, ясени, и даже могучий дуб — он стоял в единственном экземпляре, окруженный кольцом маленьких (на его фоне) рябинок. Вырастить дуб оказалось труднее всего — дерево получилось огромным, да и после его сотворения Мария устала так, точно разгрузила целый вагон с углём.

Однако чем больше она тренировалась, тем легче ей давалось творение зелёной магии. Даже тело её от этого стало более подтянутым и собранным, словно она начала посещать какие-нибудь курсы аэробики. Поначалу Маша думала, что это ей только кажется, но после того, как все парни в Авалоне тоже стали замечать у себя растущие мускулы, точно они ходили в тренажерный зал, Малиновская окончательно убедилась в том, что постоянные занятия магией — как и говорила им когда-то Сильфида — способны укреплять и наращивать мышцы. Еженедельные тренировки будто заменяли собой поход в фитнес-клуб.

* * *

Как-то вечером за ужином в Нифльхейме, когда все восемь друзей после утомительного тренировочного дня (а также

Сильфида, Флавиус и Алексис) собрались в Румынском зале, чьи стены, выложенные драгоценными изумрудами, тускло блестели в свете многочисленных свечей, Сильфида, сидящая в этот раз во главе стола, завела такой разговор:

— Ну что же, друзья мои: ещё один прожитый день — и ещё множество новых побед. Прежде всего, конечно, хотелось бы ещё раз поздравить всех вас с постоянным обновлением собственных достижений на этом трудном пути совершенствования основ Высокой магии. Повторюсь, за столь короткое время вы познали то, на что у других уходили долгие месяцы, а то и годы. Нет сомнения в том, что все вы великолепно справляетесь, но, видит небо, — некоторое из вас достигли высот запредельных, став поистине великими чародеями магии Стихий.

Свечи в зале чуть дрогнули от едва уловимого дуновения ветерка, пробежавшего вдоль стен, отчего глубокие тени, укрывшиеся в самых дальних уголках, как будто вздохнули, надвинувшись, — и снова отступили.

— Антон, — обратилась она к молодому человеку, и тот, аккуратно положив свою вилку и чуть повернув голову, внимательно посмотрел на Сильфиду, — в этот замечательный вечер не примешь ли ты моё одно очень заманчивое предложение? — при этих словах Сильфида чуть улыбнулась и прищурила глаза, словно заранее пытаясь отгадать ответ своего собеседника. — Как насчёт того, чтобы показать своим друзьям всё то, на что ты теперь способен? Я предлагаю устроить магический поединок. Шуточный, разумеется. Проиграет тот, кто первый не устоит на ногах. Ты сможешь проверить, насколько хорошо развиты твои способности, ну а твоим друзьям доведётся увидеть — чего уж тут скрывать — довольно красочное зрелище.

— Эмм, конечно… это так внезапно… — Антон немного замялся. Очевидно, столь неожиданное предложение застало его врасплох.

За столом воцарилась абсолютная тишина, не нарушаемая даже лязганьем столовых приборов о тарелки и звоном бокалов. Славик, и тот перестал жевать. Все ждали ответа Антона. И тут в разговор вмешался Евген.

— О, разумеется, он откажется! — Евгений с заметным нажимом опустил свою чашку на блюдце, отчего чай в ней немного расплескался по столу. — Великому Водяному Магу нужно все как следует обдумать, прежде чем принимать столь ответственное решение, не правда ли? Вы зря ждете от него ответа.

— Говори, Бессмертный, «да» или «нет», — подал голос Алексис с другого конца стола. — Но кто откажет в просьбе самой

Сильфиде?

— Отчего же? — голос Антона оставался спокоен, но все заметили, что в нем зазвучали плохо скрываемые металлические нотки. — Я согласен. И кто же будет моим противником? — он медленно обвел взглядом стол.

— Я, — просто ответила Сильфида.

Антон на миг снова опешил, но в этот момент Евген так внимательно и так насмешливо следил за его реакцией, что тот решительно встал из-за стола и произнёс:

— Замечательно! Мы начнём прямо сейчас, или хотя бы очистим чертог от мебели, чтобы нам было, где сражаться?

— Нет-нет, мы, разумеется, выйдем на свежий воздух, — сказала Сильфида, тоже начиная вставать. — Там у нас будет больше места для маневров.

Антон двинулся к выходу. Малиновская, сидевшая во время ужина рядом с ним, испуганно схватила его за руку:

— Тоша, не надо! Я думаю, ты ещё не готов к такому серьезному поединку! Всё это может очень плохо кончиться.

— Разумеется, Антоше лучше было бы остаться на месте, — ангельским голоском передразнил её Евген.

— Женя, прекрати! — одернула его Настасья.

— К чему вся эта пустая болтовня? — громко осведомился Антон, чтобы перекрыть собой грохот отодвигаемых стульев — все остальные друзья тоже начали вылезать из-за стола. — Решили идти — так идёмте! — и он двинулся к выходу.

Двое дварфов в зеленых камзолах, дежурившие у дверей, с поклонами распахнули их перед Антоном, и он первым покинул зал. Остальные последовали за ним.

— Флавиус! — Маша попыталась сделать последний призыв к благоразумию и обрести, наконец, союзника. — Я против всего этого. Останови их!

— Не волнуйся, Мария, всё будет хорошо, — беспечно ответил тот, спокойно положив руку ей на плечо. — Ты слишком ответственно ко всему относишься. Они же не станут убивать друг друга — бой прекратится, как только один из них потеряет равновесие и упадёт.

«Слишком ответственно относишься» — размышляла Малиновская над словами Флавиуса, спускаясь вслед за всеми по лестнице. — Ну да, тебе самому бы ответственности прибавить не помешало. За безопасностью своих учеников ты явно не считаешь нужным следить — все только и калечатся.

Она все ещё продолжала негодовать, но вслух, конечно, ничего не произнесла — всё равно её никто бы сейчас не поддержал.

В небе уже начали зажигаться первые тусклые звёздочки, когда весь Авалон высыпал на широкое каменное крыльцо замка в предвкушении чего-то невиданного. Все девчонки выглядели немного встревоженными, а парни — заинтригованными и воодушевлёнными. Даже Алексис, который после ужина всегда возвращался обратно на свой пост, тоже присоединился к ним, снедаемый любопытством от предстоящей дуэли.

— Оставайтесь на крыльце и близко не подходите, — предупредила Сильфида остальных. — На всякий случай. Тем более, отсюда открывается прекрасный вид на поля, — и они с Антоном начали спускаться вниз по древним, выщербленным от времени мраморным ступеням.

— Не волнуйся, — тихо сказала Бессмертная Антону, когда они переходили мост, и звуки их шагов гулко отдавались в сумеречной тишине. — Я не затеяла бы это всё, если бы не была в тебе уверена. Просто кое-кому необходимо знать, с чем придется столкнуться в том случае, если он бросит тебе вызов.

Сильфида чуть обернулась назад. Евгений продолжал сверлить взглядом спину Антона.

Двое будущих противников перешли ров и, разминувшись на середине дороги, начинающейся сразу от подвесного моста, направились в разные стороны. Антон и Сильфида отдалились друг от друга уже метров на пятьдесят и внезапно остановились — как по команде. Вокруг стремительно темнело, но стоящим на крыльце по-прежнему были хорошо видны две одинокие фигуры, — застывшие, развернувшиеся теперь лицом к лицу. Казалось, силуэт Сильфиды слегка светится в окружающем сероватом воздухе, разгоняя вокруг себя полумрак. Фигура Антона тоже была хорошо видна — в основном благодаря его расстегнутой белой рубашке и белой футболке под нею. Вода в окружающем замок рве едва заметно поблескивала, отражая в своей недвижимой глади рисунок далеких звезд. Вдоль рва и за ним тихо шелестели на ночном ветерке высохшие стебли камышей — эдакая дополнительная декорация для предстоящего действа.

— Зачем они настолько далеко отошли друг от друга? — услышала Малиновская Танин голос слева от себя. Ей никто не ответил.

Тишина, нарушаемая лишь стрекотом цикад, окутала предстоящее поле боя. Антон и Сильфида замерли в ожидании. Либо никто из них не хотел начинать первым, либо Сильфида, как истинная леди, просто ждала, что инициатива последует от мужчины. Так оно и получилось.

Очевидно, решив, что ожидание слишком затянулось, в руках

Антона, разгоняя темноту, засветилась синеватая магическая пуля, подобная маленькой, одомашненной молнии. Она словно нехотя соскользнула с кончиков его пальцев и вылетела в сторону Сильфиды. Та лишь немного небрежно отмахнулась рукой — как от назойливой мухи — и сотворенная магия, миновав её, упорхнула куда-то вверх; ушла навстречу к равнодушному небу, чтобы там погаснуть.

Малиновская выдохнула, и переминулась с ноги на ногу. Татьяна поплотнее куталась в Вовин свитер, чтобы не замерзнуть. Семён зевнул.

В ответ Сильфида тоже выпустила магическую пулю — её магия была почти такой же по цвету, но немного более блеклой, можно сказать, ледяной, словно в разбавленные водой чернила добавили малую толику серебра. Ладонь Антона засветилась синим, и он, ничуть не пытаясь уклониться, сделал молниеносный выпад — и поймал пулю рукой! Прямо на лету. Как только серебристо-голубой выстрел Сильфиды исчез в его сжатой ладони, во все стороны брызнули искры, как от фейерверка. Антон пошатнулся, но устоял.

— Ничего себе! — присвистнул Слава. — Вот это нейтрализация. У меня так не получилось бы!

— Ничего особенного, — криво улыбнулся Евген.

Антон и Сильфида ещё несколько раз обменялись магическими выстрелами, словно проверяя силы и точность удара друг друга. Каждому удавалось удачно блокировать атаку противника, либо просто увернуться от неё. Теперь уже и Сильфида решила перейти к чему-то более серьезному. Она медленно развела руки в стороны, а затем, выписывая руками в воздухе какой-то замысловатый узор и снова приближая их друг к другу, переплела пальцы в кресты. В то же мгновение от её ног в сторону Антона ринулись, вырастая прямо из-под земли, острые ледяные шипы.

Со стороны замка послышалось несколько испуганных девчачьих вскриков.

Чем ближе ледяные лезвия подбирались к Антону, тем острее и выше они становились. Ещё несколько секунд — и они готовы были пронзить парня насквозь, но Антон успел опередить их на долю мгновения: прямо под его ногами забил мощный фонтан воды, приподнимая его вверх, всё выше и выше, и делая совершенно недосягаемым. Когда иглы, наконец, добежали, подобно острым когтям, до того места, где он только что стоял, им удалось лишь пронзить основание бьющей из земли воды — мощный поток тут же расширился, поглощая все вокруг, и магия Сильфиды, не выдержав напора, разлетелась вдребезги. Вокруг

осталось лишь несколько наиболее крупных фрагментов ледышек, валяющихся на траве в беспорядке тут и там. Фонтан, ослабляя напор, медленно опустил Антона обратно на землю, и тут же исчез, растворяясь, точно его и не было.

— Классно у него получается, правда? — спросила Настасья у Малиновской.

Та в ответ лишь коротко кивнула — Маша сейчас слишком переживала за возможный исход боя, чтобы что-нибудь отвечать.

Антон медлить не стал: окинув взглядом едва колышущиеся под его ногами стебельки травы, он протянул правую руку вперед и осторожно задвигал пальцами, точно подбирая аккорды и играя давно забытую мелодию на невидимых струнах. До наблюдающих за поединком зрителей донёсся едва слышимый рокот воды; эхо долетевшего звука было таким, как будто множество брошенных камней внезапно нарушило безупречную водяную гладь озера, но плеск раздавался глухо, как если бы сам слышавший находился в этот момент под водой, а не на берегу. Стоящие на крыльце Нифльхейма вдруг увидели, что вода в окружающем рве взбурлила, как вскипяченная, и огромными волнами ринулась через край, заливая собою всю левую часть поля, гневно плескаясь и пенясь вокруг Антона. Повинуясь его воле, внезапно искрящиеся волны поднялись вверх, обращаясь разворачивающейся сплошной грозной стеной, — и ринулись на Сильфиду.

Но та не бездействовала. Из простертых вверх ладоней Бессмертной хлынули в темнеющие небеса потоки мощного серебристо-голубого света. Водяная стена стремительно надвигалась, приобретая некое подобие гигантской руки, пытающейся схватить её, но тут в сплошную водяную завесу ударили мощные лучи магического морозного ветра, инея и снега, и вся вода, остановившись, с жалобным скрипом застыла над Сильфидой одной немыслимо величественной прозрачной волной, обращённой в потрескавшийся лёд.

Сильфида, пронзая взглядом новую преграду, с заметным усилием раскинула руки, сжатые теперь в кулаки, в разные стороны, будто разрывая незримые оковы, и вся ледяная глыба лопнула с оглушительным звоном и треском, рассыпая от себя во все стороны острые ледяные осколки.

Теперь атаковавшая её вода перестала быть водой, замерзнув и обратившись в лёд — и Сильфида не преминула этим воспользоваться. Всё раздробленное ледяное крошево, все мельчайшие и острые, словно бритвенные лезвия, кусочки льда начали стремительно собираться в некое подобие кружащегося ледяного вихря, гигантского зловещего торнадо. Толпясь в

хладном хороводе, задевая и стукаясь друг о друга, они издавали тихий, едва слышимый уху перезвон, похожий на дребезжание колокольчиков. Это была красивая, но очень опасная мелодия. Мелодия, несущая сокрушение и гибель.

Острые льдинки совершили несколько полных оборотов вокруг Сильфиды, но тут она сделала новое, едва уловимое движение своими грациозными руками — и все они, со свистом рассекая воздух, полетели в сторону Антона.

Со стороны Нифльхейма раздались новые дружные девчачьи вопли. Парни, казалось, тоже напряглись.

— Ну, Тоха, давай! — Малиновская услышала, как эту фразу едва слышно произнёс Бирюк. Она и сама сейчас думала о том же самом.

Антон поспешно сотворил вокруг себя полую, кипящую водяную сферу — во все стороны от стянутой в идеальный магический шар воды пошёл пар, и она постоянно и практически неуловимо вращалась, обволакивая его со всех сторон. Летящие осколки достигли водной преграды из кипятка и, ворвавшись в неё, с громким шипением прорвали оболочку, исчезнув внутри без следа. Всё поле боя мгновенно заполонили облака пара от растаявшего льда. Очертания Сильфиды почти целиком растворились в белом тумане. Некоторое время ничего не происходило.

— Где Антон?! — выкрикнула Малиновская. — Кто-нибудь видит его?

Неужели ледяным иглам удалось пройти сквозь защиту из кипящей воды? Вполне возможно, что лезвия не успели раствориться целиком, и небольшая их часть всё-таки проникла под покров. Некоторая часть… там вполне хватило бы и одного ледяного лезвия. Но тогда… нет, этого просто не может быть!

— Люди! — позвала Таня. — Кто-нибудь может разглядеть, кокон из кипятка всё ещё на месте? Или он распался?

Татьяна почувствовала, как Вовины пальцы крепко сжали её плечо — он тоже занервничал.

— Мне кажется, сферы уже нет, — напугано, и вместе с тем растерянно отозвалась Настасья.

— Девочки, спокойно, — начал Семён. — Если произошло что-то…

Он не успел закончить — фраза оборвалась на полуслове. Нечто небесно-голубое осветило то место, где, по идее, должен был сейчас находиться Антон. В этот же миг все увидели вдруг, как возникшая неизвестно откуда сияющая водяная сфера, метнувшись сквозь облака белого тумана, стремительно пронеслась в сторону Сильфиды — и ударила ту прямо в грудь!

Бессмертная, как и все остальные, вглядывалась сквозь зыбкий туман и не ожидала атаки, поэтому попросту не успела её отразить, — она упала навзничь, на траву, и какое-то время не шевелилась.

Белое марево исчезло с поля мгновенно, — его сняло как рукой. Друзья увидели мокрого с головы до ног, тяжело дышащего Антона — водяной шар вокруг него теперь исчез. С дикими воплями все бросились со ступеней вниз, к бывшим противникам. Антон, на долю секунды опередив остальных, первым добежал до Сильфиды и помог ей подняться. Ребята столпились вокруг них — каждый пытался что-то сказать, узнать, всё ли в порядке: в общем, шум поднялся невообразимый.

— Всё хорошо? — озабоченно произнёс Антон, обращаясь к Сильфиде.

— Да, вполне, — Сильфида тоже тяжело дышала, но выглядела, кажется, целой и невредимой. — Мощность магии ведь была не смертельной, как мы и уговорились. Просто я не ожидала…

— Ты победил её! — потрясенно произнёс Флавиус.

— Ну, наверное, — неуверенно ответил Антон.

Все голоса вокруг разом смолкли. Кажется, до каждого только сейчас действительно дошло, что Антон на самом деле фактически выиграл поединок. Сильфида не устояла, упав, — и бой прекратился.

— Это нечестно! — заорал Евген. — Он выиграл этот бой хитростью. Сильфида просто не была готова защищаться. Она сама только что об этом сказала!

— И, тем не менее, он его выиграл, — возразил ему Семён.

— Благодаря лишь жульническому приёму, но не превосходящей силой магии! — не унимался Евген.

— Вообще-то они не обговаривали разрешенные способы атаки, — напомнила Малиновская. — И что же он, по-твоему, сделал нечестно?

— Не исключено, что она ему просто подыграла.

— У них был уговор, — голос Алексиса легко перекрыл голоса остальных. — Тот, кто упадёт первым — считается проигравшим. Все честно. Сильфида, как ты считаешь? — обратился он к Бессмертной.

Множество глаз тут же повернулось к ней.

— Правила определенно нарушены не были, — Сильфида, казалось, все ещё не могла прийти в себя, но все поняли, что же именно её потрясло, когда она произнесла: — Антон, ты… первый Бессмертный, который сумел победить меня за последние девятьсот лет. Ты поистине великий маг! Мой лучший ученик.

Я… я горжусь тобой!

Антон лишь смущённо улыбнулся в ответ.

Некоторую торжественность момента вновь подпортил Евген.

— Я буду оспаривать это решение. — процедил он сквозь зубы.

— Господи, ты когда-нибудь заткнёшься? — в тон ему осведомилась Малиновская.

Сильфида положила свою хрупкую руку ей на плечо, словно призывая к спокойствию, и сказала:

— И с кем же ты хочешь сразиться? — в её голосе звучала легкая ирония.

— Раз уж Антон победил тебя, тогда я вызываю на поединок Флавиуса! — глаза Евгения гневно сверкнули.

— Я принимаю твой вызов, — ответил Флавиус. Кажется, он даже немного рассердился от такой наглости.

— Только, ради всего святого, давайте не будем устраивать этот бой прямо сейчас! — взмолилась Настасья, вставая между ними. — Все очень устали за сегодняшний день. Женя, прошу тебя, давай отложим поединок хотя бы до следующих выходных!

Евгений глубоко задумался, вероятно, размышляя, не слишком ли унизительно будет дать согласие на такое предложение.

— Ну ведь Флавиус от тебя никуда не денется, — продолжала Настя, — пожалуйста!

— Хорошо, — наконец согласился Евген. — Пусть будет так. Отложим ровно на неделю день моего триумфа.

Пока никто ничего не успел возразить, он развернулся и, преисполненный гордости, направился в замок. Если бы в этот момент он посмотрел на свою возлюбленную, то увидел бы, как Настасья, выдохнув, перекрестилась — хотя бы одна спокойная ночь ей сегодня гарантирована.

Антон никак не мог уснуть. Он долго ворочался в кровати, переворачиваясь то на левый бок, то на правый и, хотя в спальне стояла абсолютная, звенящая тишина, сон упорно не хотел к нему приходить. Он встал, раздвинул тяжелые пыльные портьеры и посмотрел в окно. Одинокая полная луна стояла прямо над соседней башней, а в нескольких десятках метров от неё дремала, увенчанная снегами, вершина Расстегайны. Наступившее ночное безмолвие не тревожил ни единый, даже самый еле слышимый звук.

Антон стоял так довольно долго, пока, наконец, не подошёл к резному комоду, порылся в нём немного и извлек оттуда свой маленький фонарик на батарейках, который он всегда оставлял здесь на всякий случай — электричества в замке, разумеется, не

было (Таня не в счёт), а каждый раз разжигать свечи представлялось не совсем удобным. Он тихонько приоткрыл дверь спальни и вышел в длинный каменный коридор. Надо пройтись. Да, именно. Хотя он сегодня безумно утомился, но, видимо, как раз поэтому сон никак не одолеет уставшую голову.

Подойдя к краю резных перил, он посветил вниз. Коридоры-балюстрады здесь образовывали нечто вроде опоясывающего весь замок лабиринта, куда выходило множество дверей, с огромным, плохо освещённым колодцем-трубой посередине, просматривающимся, однако, до самого первого этажа. Так обычно выглядят некоторые московские подъезды в каких-нибудь старых домах в центре Москвы, когда лестничные пролеты лепятся по самому краю массивных стен, образуя в центре пустоту. Антон направил луч света в подлестничное пространство, потом поводил им по сторонам и решил фонарик выключить — слабое свечение от пальчиковых батареек темноту не пробивало а, напротив, лишь слепило глаза, мешая сориентироваться.

Он двинулся вперед по коридору и, пройдя добрую его половину, снова включил фонарь — ему хотелось найти какую-нибудь открытую веранду или балкон, чтобы выйти и подышать свежим воздухом. Наверное, — подумал он, — выходить за пределы Нифльхейма сейчас не стоит. Вообще-то он хорошо ориентировался в замке, но в ночи все выглядело совершенно по-другому, и Антон немного запутался, пытаясь определить нужное направление. Пройдя ещё пару шагов, луч света неожиданно выхватил из темноты человеческое лицо. Разразились дружные вопли с обеих сторон, свет фонаря заметался во всех направлениях, прыгая по потолку и стенам. Антон с испугу чуть не выронил фонарь, пока не услышал рядом с собою очень перепуганный девчачий голос:

— Ты чего орёшь? Ты меня до смерти напугал! — это была Малиновская.

— Ох, Машка, ты чего не спишь-то? — Антон, наконец, выровнял свет фонаря и снова направил его на Малиновскую.

— Да не свети ты мне в глаза! — щурясь, недовольно пробурчала Машка. — Я просто так сегодня переволновалась, что решила немного подкрепиться. Пошли со мной на кухню?

— Нет, не хочу я есть, — замотал головой Антон. — Мне сейчас даже кусок в горло не полезет.

— Ну ладно, как хочешь. — Малиновская направилась в сторону лестницы. — Посвети мне немного, чтобы я не грохнулась, а то я потом костей не соберу, если пролечу все сорок пролетов вниз башкой.

— Ты же бессмертная, — улыбнулся Антон.

— Ой, да ну тебя! — Маша махнула на него рукой и начала спускаться.

Антон стоял, облокотившись на перила, и слушая все более отдаляющиеся звуки Машкиных шагов: свет от его фонаря провожал её так долго, насколько это было возможно. По мере того, как она уходила все дальше вниз, растворяясь в замковом полумраке, Антон чувствовал, что впереди, в коридоре, к нему снова кто-то приближается. В этот раз обошлось без обоюдного испуга — он сразу разглядел Славика.

— Поесть не хочешь? — сразу, без предисловия, предложил ему Слава.

— Господи, в этом доме вообще кто-нибудь спит? — проворчал Антон. — Такое ощущение, что все только и делают, что носятся с едой от спальни до кухни и обратно. Надо будет запретить дварфам кормить вас всех ночью.

— Нет! Не вздумай! — в неподдельном ужасе воскликнул Славик. Он тоже облокотился на перила рядом с Антоном и, немного помолчав, сказал: — А кто это там, внизу?

— Маша, — ответил Антон. — На кухню идёт. У вас с ней синхронный жор.

Как раз в этот момент свет, падающий из кухни, осветил её стройную фигуру, зазолотился на светлых волосах. Малиновская аккуратно, как мышка, прошмыгнула в дверь.

— Ты молодец, — сказал Слава. — Классный сегодня бой получился. Меня, честно говоря, очень впечатлил момент, когда… — но договорить он не успел.

Снизу, из раскрытых дверей кухни, раздался громоподобный звериный рык, а затем ещё более звонкие вопли Малиновской, перешедшие в нецензурные ругательства. Все это перемешалось со звоном и грохотом бьющейся посуды.

— Что это там? — Слава округлил глаза.

— Это Бирюк спрятался под столом, а когда Маша подошла слишком близко, он схватил её за ноги, — будничным тоном объяснил Антон.

— Откуда ты знаешь? — Слава с некоторым недоверием покосился на него.

— В прошлый раз я попался точно так же, — неохотно признался Антон.

— С ума можно сойти! — Славик поежился, слушая, какими сочными эпитетами Мария продолжала награждать Бирюка — её гневный голос эхом разносился по пустынным коридорам. — Что-то мне на кухню сразу расхотелось идти. Пойду лучше посплю.

— Это мудрое решение, друг мой, — Антон похлопал его по

плечу. — Нам всем давно пора спать. Только, боюсь, бедная Маша сегодня не уснёт вообще — после всего-то пережитого…

— Надеюсь, мы не увидим ещё один магический поединок на кухне? — хмыкнул Слава.

Друзья улыбнулись друг другу и разошлись в разные стороны, по своим спальням.

* * *

Морозное декабрьское утро. На часах — восемь-тридцать утра. Маша стоит у здания университета, глубоко вдыхая холодный и свежий воздух — от этого щекочет в носу и даже немного кружится голова. Белые хлопья снега, пританцовывая под одну лишь им известную мелодию, медленно опускаются с небес. Замечательная погода.

Сегодня у неё всего две пары, а потом — домой. Чудесный день. Она прошлась немного вперёд, чтобы взглянуть на огромный циферблат массивных часов, висящих прямо над главным входом в институт — до начала занятий оставалось ещё пятнадцать минут. Малиновская бросила осторожный взгляд в сторону аллеи: там, никак не решаясь расстаться, прильнули друг к другу Евген и Настасья. Маша специально отошла как можно дальше, чтобы их не смущать, но — решила она — если они минуты через две не перестанут целоваться, ей придётся самым наглым образом прервать их лобызания — всё-таки не для того они в кои-то веки вовремя приехали в институт, чтобы и в этот раз опоздать на первую пару.

Постояв ещё некоторое время на утоптанном множеством студенческих ног до состояния легкого катка снегу, она совсем уж было решилась, чтобы окликнуть подругу, и даже чуть-чуть приподняла руку, чтобы та заметила её, но в этот самый момент её внимание привлекла медленно въехавшая на площадь перед институтом машина. На первых порах до Маши как-то даже сразу и не дошло, что территория университета со всех сторон огорожена массивным кованым забором, и туда просто чисто физически въехать автомобилю было невозможно. Даже ярко-желтый пикап, который обычно привозил еду в студенческий буфет, всегда подъезжал с другой стороны, с черного входа — это хорошо знали все студенты. Но сейчас Малиновскую занимало совсем не это — она копалась в памяти, пытаясь понять, откуда ей так хорошо знакома эта машина. Чёрный Форд. Чёрный Форд Сандербёрд. Ну конечно! Она уже понемногу начала забывать, как он выглядит. Но что Флавиус и Сильфида делают здесь? Они уже

очень-очень давно не приезжали к ним вот так, на этом старом автомобиле…

Тем временем Чёрный Форд, явно двигаясь в её сторону, наконец поравнялся с нею и остановился. Дверца машины лишь слегка приоткрылась, и Сильфида, не став выходить наружу, бросила быстрый взгляд по сторонам. Казалось, она была чем-то сильно встревожена.

— Мария, — Бессмертная внимательно посмотрела на Малиновскую, — вы нужны мне сегодня. Вы все.

— Сильфида, что случилось? — Маша пыталась понять, что происходит. — Что ты… вы здесь делаете? — она разглядела сидящего за рулём Флавиуса, но тот даже не повернул в её сторону своей огненно-рыжей головы.

— Я жду вас всех сегодня в Нифльхейме, — голос Сильфиды слегка дрожал. — До заката. Это очень важно.

— До заката? Но, Сильфа… Сегодня ведь только четверг. Мы же собирались все прийти в субботу, как обычно, разве нет? Сильфида, да что случилось? — Малиновская уже тоже начинала нервничать, глядя на встревоженное лицо Бессмертной.

— Я не могу тебе ничего объяснить сейчас. Нет времени. Оповести всех остальных. До заката. Не медли. Ты поняла меня? — Сильфида снова внимательно посмотрела на Машу.

Как только Мария кивнула в ответ, дверь автомобиля тут же захлопнулась и Чёрный Форд Сандербёрд, громко взвизгнув тормозами, стремительно сорвался с места, почти мгновенно скрывшись за поворотом.

Малиновская какое-то время стояла, будто оцепенев и пытаясь понять, что именно могло привести всегда невозмутимую Сильфиду в такое смятение? Она медленно, почти осторожно, дошла до угла здания, куда только что завернул знакомый автомобиль, и увидела там привычный сплошной кованый забор, ограждавший институт. Она уже почти не удивилась. Выходит, даже к чудесам можно привыкнуть. Сейчас Машу беспокоило другое — не могло ли уже произойти то, чего все они ждут. К чему все они готовятся. То, что им предсказано, но — как она надеялась — никогда не произойдёт. Но нет. Нет. Этого просто не может быть. Не сейчас…

— Что ещё она тебе сказала? — спросил Антон. — Только это? Ты уверена? — сейчас они уже со всей возможной скоростью, на которую были способны, углублялись всё дальше и дальше в парк, не обращая внимания на немногочисленных прохожих, гуляющих, в основном, с собаками. Искрящийся снег красивыми каскадами лежал на ветках деревьев и кустов, и то и дело забавно похрустывал под восемью парами ног, создавая совершенно

неподобающую в такой ситуации атмосферу беззаботности и несерьезности.

— Послушай, Тош, ты спрашиваешь меня об этом уже, наверное, в десятый раз, — с лёгкой толикой раздражения ответила ему Малиновская, как можно плотнее кутая горло в разноцветный шарф. — И я в десятый раз тебе повторяю: да, только это она и сказала — что будет ждать нас всех в Нифльхейме ещё до того, как наступит закат. Сильфида очень торопилась, и поэтому не стала мне ничего объяснять.

— Как жаль, что я в этот момент не находилась рядом с тобой! — грустно и немного поспешно проговорила Настасья. — Возможно, я бы не так сильно растерялась и узнала бы у них немного больше.

— Какой в этом смысл? — недовольно пробурчал Евген, видимо, немного задетый тем, что его девушка предпочла возможный разговор поцелуям с ним. — Всё равно сейчас мы обо всем узнаем.

— Да, но мы, может быть, не провели бы весь этот день в томительном ожидании, словно на иголках, — ответила ему Настя.

— Ребят, давайте не будем так быстро идти! — жалобно окликнул их Славик, не поспевая за остальными и плетясь где-то в самом конце.

— Лучше бы тебе поскорее шевелить ногами, чем языком! — недовольно ответила ему Татьяна. Она тоже изо всех сил старалась не отставать, и получалось у неё это лишь оттого, что её чуть ли не волоком тащил за руку Бирюк. На тех местах тропы, где были значительные перепады высот, и приходилось спрыгивать либо просто перелезать через камни или корни, Вова молча брал её на руки и переносил ещё до того, как она начинала громко выражать свое недовольство по поводу непреодолимости этих препятствий.

Несмотря на то, что не все сегодня решили осчастливить институт своим присутствием (например, Евгений и вовсе редко появлялся там в последнее время), но тем не менее уже к концу обеда все были оповещены о срочном сборе в Нифльхейме, и ещё за два часа до того, как яркое зимнее солнце спряталось бы за линией горизонта, все восемь человек уже пересекли Грань миров, миновав Портал. Побросав свои тёплые вещи на кучи листвы — сейчас некогда было все аккуратно развешивать — они устремились вперёд, к изумрудной долине. Когда же Авалон вышел из леса к южной оконечности Карнимирии, никто из друзей не смог разглядеть ни Флавиуса, ни Сильфиды, привычно ожидающих их у ворот. Это встревожило всех ещё больше, и

друзья, полные нехороших предчувствий, как можно скорее направились к центральным воротам.

— Интересно, — размышляла вслух Настасья, — что же такого могло стрястись, чтобы всех нас в срочном порядке вызвали именно сегодня?

— Да, а ведь нам завтра ещё в институт! — снова жалобно протянул Славик откуда-то из хвоста колонны.

— Кто-нибудь, заткните ему рот! — рявкнула Танька. — Иначе я его сейчас молнией шибану, будете потом собирать головешки по всей Карнимирии. Задолбал ныть!

Бирюк с некоторой опаской посмотрел на свою девушку, но ничего не сказал — скорее всего, его тоже не особенно радовала перспектива превратиться в кучку обугленных костей.

— Лично у меня в голову приходит только одна причина, — сумрачно ответила Малиновская на Настин вопрос. — Думаю, нет смысла её озвучивать? — полувопросительно добавила она.

— Но разве приход Воплощения Зла не должен сопровождаться чудовищными катаклизмами? — спросил Бирюк.

— С чего это ты взял? — возразил Семён. — Не припомню, чтобы нам говорили о чём-то подобном…

— Может быть, всё не настолько серьезно? — предположила Таня. — Мы сразу начали представлять себе какие-то глобальные, неразрешимые проблемы, а на самом-то деле все так, ерунда?

— Например? — спросил Антон.

— Возможно кто-то, вопреки запрету, воспользовался магией в нашем мире для, скажем, личного достижения своих целей, и это видели посторонние.

— Евген, — Антон строго посмотрел на него, — ты ничего такого не вытворял?

Настасья уже заранее слегка поежилась, пытаясь предугадать непредсказуемую негативную реакцию Жени на это предположение, однако тот, вопреки ожиданиям, ответил довольно-таки спокойно:

— Сразу подозреваешь меня? Как предсказуемо! Но, хочу тебя разочаровать, Великий Водяной Маг, — я не совершал ничего, за что мог бы быть наказан. По крайней мере сегодня, — закончил он.

Антон что-то пробормотал в ответ, но никто толком не разобрал, что именно.

Спустя некоторое время они уже прошли подвесной мост, зайдя под величественные гулкие своды Нифльхейма — Вечной Крепости. Пончика, встретившую их по дороге, как обычно пришлось оставить на природе.

— Сегодня мы не будем играть, милая, — грустно сказала ей

Маша, погладив по носу, и Медведица, понимающе вздохнув, улеглась на траву у входа дожидаться свою хозяйку, как делала уже не раз.

Малиновская с некоторым облегчением обнаружила, что Флавиус и Сильфида дожидаются их внутри. Их наставники, как и обычно, почтительно поздоровались с каждым и, не давая им задать ни одного лишнего вопроса, велели следовать за ними. От глаз Марии не могли укрыться чужие сомнения — что-то явно было не так. Кажущаяся иллюзия беспечности рассыпалась, как карточный домик. Друзья озабоченно переглядывались, пока шедшая впереди Сильфида, ничего не комментируя и совершенно не оборачиваясь, торопливо распахивала по очереди массивные двери многочисленных залов, — одну за другой, и так без конца. Маша уже довольно хорошо знала устройство замка и расположение всех покоев этого величественного сооружения: она поняла, что сейчас они по огромной дуге огибают первый уровень Маханаксара — Зала Судеб, при этом едва уловимо, но неизменно поднимаясь вверх. Через некоторое время — если она всё верно рассчитала — они смогли пройти достаточно большое расстояние, двигаясь по коридору, который уже должен был уводить их в толщу гор. Частично это подозрение подтверждал и тот факт, что им перестали попадаться какие бы то ни было окна, обычно присутствующие абсолютно в каждом чертоге Нифльхейма.

Хотя по пути им и довелось подняться по нескольким узким лестницам, освещённым лишь чересчур низко расположенными тут факелами (это Маша поняла, приложившись об них пару раз головой), но всё же она очень удивилась, когда вместе с друзьями они вышли, наконец-таки, в некий очень странный, каплевидный формы зал. Авалон оказался перед большими, позолоченными дверьми, а справа от них располагались три узких стрельчатых окна с цветными витражами, через которые было отчётливо видно, насколько высоко в итоге они поднялись — огромный яйцевидный купол Зала Судеб виднелся сейчас чуть внизу и далеко слева, а почти напротив окон вырастало ввысь широкое каменное основание одной из сторожевых башен замка. Больше ничего разглядеть не удалось — Сильфида и Флавиус, распахнув позолоченные двери, пригласили их внутрь, и десять Бессмертных вошли в следующий чертог.

Удивительно, но этот зал Мария никогда раньше не видела, хотя, казалось, за столь долгое время ей удалось побывать практически во всех уголках замка. Помещение выглядело чуточку заброшенным, но именно это придавало ему необъяснимое очарование. В стенах были прорезаны все те же

узкие окна-бойницы, как и в большинстве остальных комнат, украшенные цветной стеклянной мозаикой, хотя многих кусочков в ней уже недоставало. Странно, что дварфы — искусные стеклодувы, не нашли времени их заменить.

Никакой мебели вокруг не было. Первое и единственное, что бросалось в глаза — восемь каменных тронов, высеченных из белого и черного мрамора, чередующие друг друга, словно фигуры на шахматной доске. Они располагались небольшим полукольцом вокруг едва обозначенной круглой выемки в полу — довольно-таки обширной, чтобы напоминать собою некое подобие цирковой арены: она всего на пару сантиметров была вдавлена внутрь относительно основного уровня пола.

Всю причудливо изогнутую поверхность стен, до самого сложно-сводчатого потолка, покрывала тусклая, местами сильно облетевшая позолота. Во всех местах, где были заметны признаки искусственного соединения углов и изгибов — вокруг окон, дверей, либо просто множественные переплетения потолочных балок — всё это было инкрустировано довольно-таки крупными рубинами. Сами камни тоже были тусклыми и слабо мерцали от падающих на них через окна солнечных лучей, напоминая при этом собою запекшиеся капельки крови. Зрелище немного отталкивало, но в то же время завораживало.

Плиты серого мрамора на полу с прожилками красного граната были плотно подогнаны друг к другу, складываясь в невероятно сложный рисунок — нечто вроде распускающегося розового бутона: от более мелких, едва различимых фрагментов в центре, до все более крупных — по краям.

Пока все друзья разглядывали детали интерьера, внимание Марии с самого начала привлекли эти странные, с особым изяществом выточенные из мрамора прекрасные троны. Она медленно подошла к одному из них, осторожно провела рукой по черному подлокотнику — шероховатая поверхность была слегка прохладной — а затем села в него, заняв, таким образом, третье место слева, если стоять к тронам лицом. Евгений, увидев, что Малиновская уже выбрала себе место, решил также последовать её примеру. Поскольку всего мест было восемь, — то есть нечетное количество, и явно центрального среди них не наблюдалось (а то бы Женя непременно занял именно его — в этом Маша почему-то нисколько не сомневалась), поэтому Евген решил присесть на трон, наиболее близкий к середине. Так как Мария, сев в левой половине, уже как бы заняла эту сторону поля, а находиться непосредственно рядом с нею ему явно не хотелось, он выбрал кресло из черного мрамора через одно от неё — четвёртое справа. Спустя минуту Антон занял последний из

наиболее центральных тронов — белый, аккурат между ними.

Все остальные друзья тоже начали понемногу рассаживаться, следуя их примеру, пока в чертоге не осталось лишь двое стоящих — Флавиус и Сильфида, которые по-прежнему безмолвствовали. Казалось, будто они делали это намеренно, чтобы никоим образом — ни звуком, ни словом — не мешать каждому из Авалона выбрать свое собственное место. Они специально, можно сказать, демонстративно дистанцировались от какого-либо вмешательства, не влияя, таким образом, на право выбора.

— Ну вот и всё, — наконец произнесла Сильфида, когда все взгляды устремились на неё. Её глубокий, немного дрожащий голос эхом отразился от древних стен и тут же потонул, словно поглощенный ими — странный эффект. Бессмертная слегка повернула голову влево, по очереди обводя взглядом всех сидящих напротив неё, при этом внимательно заглядывая каждому в глаза: Татьяна, Владимир, Мария, Антон, Евгений, Анастасия, Семён и Вячеслав.

— Ноэгин Фроуз — Тронный Зал, — перевела Сильфида с языка дварфов, печально оглядывая позолоченные чертоги.

— Отсюда вы будете править Нифльхеймом. — сказал Флавиус.

Наступила тишина. Все выжидающе замерли, пытаясь понять смысл озвученных слов, и Мария подумала вдруг: да, вот сейчас. Сейчас они скажут им нечто очень важное.

— Потому что сегодня, — продолжила Сильфида, — мы вынуждены покинуть вас…

Удивленные возгласы тут же раздались со всех сторон. Все были потрясены. Как? Почему? Какова причина? Внезапность и абсолютная неподготовленность к подобного рода «сюрпризу», казалось, обескуражила друзей. Это просто не укладывалось в голове!

— Сбегаете, значит? — громко осведомился Евген.

Гул возбужденных голосов разом смолк. Конечно, Евгений, как обычно, высказался чересчур резко, но — впервые за столь долгое время — Малиновской хотелось задать своим учителям похожий вопрос. Разумеется, она смогла бы выразить его не в столь категоричной форме, но общий смысл оставался таким же. Почему Флавиус и Сильфида уходят? Почему именно сейчас? Разве Мария, как и все её друзья — даже и Антон — уже достигли всего, чего они могут достичь? Разве их обучение окончено? Ей казалось, что они как раз-таки вошли в самый разгар: Высокая Магия Элементов виделась такой чарующей, такой манящей, открывая перед собою безграничные горизонты на годы вперед, и Малиновская думать не думала, будто теперь ей будет удаваться

абсолютно все на свете. Она готова была обучаться дальше, ей нравилось получать эти знания (чего она абсолютно не могла сказать об учёбе в институте), но ей по-прежнему требовались ценные советы Сильфиды и твердая, направляющая рука, готовая в любой момент поддержать. Это всё равно что идти по узкому мостику, распростертому над бездной, и на середине пути вдруг внезапно понять, что у тебя исчезают перила — не слишком приятное ощущение. Да это попросту нечестно!

— Мне очень жаль, но мы поступаем так не по собственной воле, — грустно сообщила им Сильфида. — Совет Маханаксара принял такое решение, и обсуждению оно не подлежит. Мы еле успели выкроить время, чтобы попрощаться с вами.

— Но почему?! — Маша почувствовала, как её голос предательски осекся, и по щекам начинают бежать обжигающие, ничем не сдерживаемые слёзы. — Почему вы уходите сейчас?

— Потому что мы в ответе не только за ваш мир, — объяснила Сильфида, — но и за многие другие миры. Им тоже требуется наша помощь, иначе они могут пасть под натиском Тьмы; умрут, как умирают цветущие сады в жестоких объятиях зимы — если мы не успеем прийти. Я говорю абсолютно искренне — я не хочу расставаться с вами, и сердце моё полнится печалью, ибо не всему ещё научились вы и не все знаете для того, чтобы выйти в открытое противостояние, оказавшись один на один с Тем, Что Вас Ждёт. Но так случилось, и теперь мы можем лишь решить, как нам всем лучше будет поступить в этой непростой ситуации.

— Значит ли это, что мой бой с Флавиусом не состоится? — недовольно поинтересовался Евген.

— Женя, даже в такие моменты ты совершенно невыносим! — воскликнула Настя. — Разве сейчас это имеет значение? Мы фактически остаемся один на один со всеми проблемами и трудностями. А это не игрушка, потому что в том случае, если мы допустим хоть малейшую ошибку, нас ожидает…

— Умолкни! — перебил Евген, строго посмотрев на неё, и Настасья, смешавшись, замолчала.

Мария на миг вспыхнула, хотела что-то возразить, дать, наконец, отпор этому неприкрытому хамству — какое право Женя имеет так разговаривать с её лучшей подругой? Но, подумав, ей показалось, что вступление в дискуссию означало бы лишь разжигание новых раздоров, никакого отношения к уходу Флавиуса и Сильфиды не имеющих, и она не стала начинать очередную ссору.

— Возможно, у нас ещё будет возможность померяться силами. — степенно ответил Флавиус Евгению, грозно сверкнув

глазами.

— Да уж, я не забуду этот должок, — кивнул Евген, неприятно улыбнувшись.

— Когда вы вернётесь? — со своего места тревожно спросил Антон.

Флавиус и Сильфида переглянулись. Флавиус молча кивнул, устало прикрыв глаза, и сказал:

— Это один из тех вопросов, на которые мы не можем дать ответ. Я не отрицаю самого факта нашего возвращения, но дело в том… — он немного замялся. — Дело в том, что когда это произойдет, многих из вас уже может не оказаться в живых. — лицо Бессмертного залила восковая бледность, отчего его веснушки стали ещё ярче — казалось, он сам был в ужасе от того, что только что произнёс.

После сказанного и Сильфида опустила глаза, не в силах смотреть на сидящих, ожидая бурной ответной реакции своих учеников. Но лишь только зловещая тишина была ей ответом, и солнечные зайчики из окна, словно не осознавая серьезного тона их беседы, пытались игриво прыгать по лицам собравшихся. Она, кажется, недооценила собственных подопечных! Никто из Авалона не шелохнулся. Похоже, каждый из них мысленно уже был готов к такому исходу событий.

«Раз это единственный путь, — подумала Малиновская. — Придётся пройти по нему до конца».

— Что ж, жить нам после — в легендах! — вслух сказал Антон.

Все увидели, как Сильфида, вздохнув, вновь подняла на них свои синие, как океаны, печальные глаза.

— У нас почти не остается времени, — сказала она. — А мне кажется, что я так о многом ещё не поведала вам! Слушайте! Все знаки говорят о том, что Воплощение Зла уже явилось в ваш мир. Возможно даже, что это произошло уже достаточно давно, но пока Оно никак не проявляет себя, и распознать его будет невероятно трудно. Тот, кто плодит ложь, сам долго прикрывается её вуалью, но это не может тянуться бесконечно, и — рано или поздно — корень смуты будет обнаружен. Главное — не упустить момент, не дать разрастись Тени.

— Но как мы узнаем об этом? — спросил Бирюк. — Как поймем, что нужно действовать?

— Никто не может знать наверняка, — неопределенно ответил Флавиус. — Скажу лишь одно: не теряйте бдительности, постоянно наблюдайте за тем, что происходит вокруг — во всех смыслах этого слова. Зло всегда само обнаружит себя. Точно известно только одно — время Великой Битвы уже близко, — об

этом говорят все Хрустальные сферы.

— За главных, как и прежде, остаются Антон и Евгений, — напомнила Сильфида (при этих словах Евген гордо расправил плечи, искоса посмотрев на других сидящих). — Все остальные обязаны беспрекословно им подчиняться, потому что только строжайшая субординация позволяет избежать глупостей и, как следствие, гибели. Вас же, молодые люди, — Сильфида посмотрела на Антона и Женю. — Я категорически прошу не злоупотреблять этим. Как всем известно, власть развращает.

— Если будет совсем плохо, я советую вам прийти в Маханаксар, Чертоги Судеб, — произнёс Флавиус. — Конечно, вероятность того, что Фантомы ответят на ваш зов, крайне мала, и всё же…

— А теперь, — сказала Сильфида, — я хотела бы поговорить с каждым из вас… наедине, — добавила она, и посмотрела на Бирюка: — Владимир. Я начну с тебя, если ты не возражаешь.

Флавиус в этот момент распахнул двери обратно, в каплевидную комнату с цветными витражами, и вышел из Тронного зала. Бирюк встал с каменного трона и вслед за Сильфидой двинулся к выходу. Один раз он обернулся, махнув Тане рукой — мол, всё в порядке, — и вышел за дверь. Пока позолоченные створы медленно смыкались за ними, все услышали голос Бессмертной:

— Так как твоя способность — телепортация в пространстве, на тебя ложиться одна из наиболее трудных задач — ты должен будешь много перемещаться, чтобы успеть прочитать и правильно истолковать знаки…

В этот момент двери окончательно захлопнулись, подобно громовому раскату, — и наступила тишина.

— Остальных, видимо, позовут позже — когда они поговорят с Вовой… — слегка растерянно произнесла Татьяна.

— Немного… неожиданно, да? — ни к кому в особенности не обращаясь, сказала Настасья.

— Просто блеск, — нахмурился Слава. — Бросают нас в самый, можно сказать, разгар веселья.

— Ты считаешь, что это предательство? — проникновенно спросил у него Евген.

— Нет, это просто стечение обстоятельств, — ответил за Славу Семён. — Хотя, должен признать, крайне неблагоприятное.

— Вот, собственно, и всё, — подвел некий незримый итог Антон.

Прошло приблизительно десять минут, и вслед за Бирюком между на миг распахнувшихся позолоченных дверей скрылась, окликнутая Флавиусом, Татьяна. Так как Вова обратно в зал не

вернулся, никто пока не знал, о чем они говорили, и ожидающие своего разговора еще более от этого нервничали. Кто-то продолжал сидеть на мраморных тронах, кто-то — беспокойно расхаживал по комнате. По мере того, как по эту сторону двери их оставалось все меньше и меньше, становилось все страшнее и страшнее.

Малиновская боялась только одного — чтобы её не вызвали последней. Это напомнило ей школьные годы, когда они выстраивались в очередь в медицинский кабинет на прививку — тогда она всегда вставала самая первая, чтобы как можно меньше трястись и побыстрее отмучиться. Наконец, когда они остались вдвоем с Антоном, она произнесла:

— У меня такое ощущение, что меня приберегли на десерт.

Антон только хмыкнул — он тоже слишком нервничал, чтобы что-то отвечать.

Когда дверь в очередной раз распахнулась, и Флавиус позвал Антона, она лишь тихонько заскулила, не в силах вымолвить ни слова. Флавиус, услышавший её жалобный писк, чуть улыбнулся:

— Спокойно. Мы ведь не отрубаем здесь никому голову, — и снова прикрыл дверь.

Да? А почему же тогда никто обратно не возвращается? — не то в шутку, не то всерьёз подумала Малиновская.

Она некоторое время походила по залу. Присела обратно на резной трон. Снова встала. Ожидание начинало утомлять. Казалось, что каждая секунда растянулась в вечность. Вечность. Когда ты — бессмертен, и твоя жизнь — Время, текущее из ниоткуда и неизвестно куда, это слово начинает приобретать совершенно иной оттенок.

Маша медленно подошла к окну, глядя сквозь цветные призмы витражей на стремительно догорающий день. В оконном проеме тоскливо болтались остатки паутины. Похоже, беседа с Антоном несколько затягивалась. Или это только кажется так оттого, что сейчас она осталась совершенно одна, и некому разбавить её одиночество? Она снова начала бесцельно кружить по залу, прошлась мимо дверей, остановилась, а затем, постояв в нерешительности, сделала один малюсенький шажок навстречу к позолоченной створе. Маша могла бы придумать сотню разных причин, почему ей не стоит этого делать, и всё-таки врождённое любопытство неодолимо пересиливало. Нет! Нет! Это неправильно! — кричал внутренний голос, — Подслушивать — нехорошо! Но, с другой стороны, никто же её сейчас не видит! Не смотря ни на что, она сделала ещё пару шагов вперёд, и приложила ухо к двери.

Голос Сильфиды сразу зазвучал очень отчетливо, словно она

стояла буквально в полуметре с той стороны дверей:

— …Умереть в ужасных муках. Я думаю, тебе пока не стоит говорить об этом остальным. Это их только напугает.

— Я не хочу никого убивать! Я не для того изучал магию, не для того согласился стать Бессмертным! — судя по плохой слышимости, Антон находился где-то в стороне.

— Я вовсе не имела в виду «убивать». Хотя ты прекрасно знаешь, что именно может произойти, и о ком я сейчас говорю. Он в любом случае попытается остановить тебя. Он уже бросил тебе вызов. Разразится война, хочешь ты этого или нет…

Малиновская отошла от двери и замерла. Рой воспаленных мыслей кружился у неё в голове, как осы в жестяной банке. Она пыталась подставить этот фрагмент разговора подо всё, услышанное ею ранее, словно собирая воедино огромный паззл, но догадок всегда оказывалось слишком много. Буквально через минуту двери распахнулись, и Флавиус поманил её за собой.

Мария вошла. Каплевидная комната была вся заполнена последними лучами заходящего солнца. Сильфида стояла спиной, смотря в окно — почти как и сама Малиновская несколько минут назад, — и произнесла:

— Мария. Последняя в очередности, но не последняя в моих мыслях. На тебя сегодня так же, как и на твоих друзей, ложится бремя великой ответственности. Надеюсь, твои плечи достаточно крепки, чтобы её выдержать, — при этих словах она повернулась к ней, слегка улыбнувшись, — но не стоит видеть в этом больше, чем есть на самом деле. Я знаю, что ты сделаешь все, что от тебя зависит — ибо ты просто не умеешь жить по-другому, — а потому я в какой-то степени спокойна за тебя. Полагаю, рядом с тобой всегда должны находиться люди, которые будут время от времени остужать твою горячую голову — тогда можно будет избежать многих бед.

— Это плохо? — неуверенно спросила Маша. — То, что у меня горячая голова?

— Нет, напротив, — ответила Сильфида, подойдя к ней вплотную и положив свои ладони ей на плечи. — Такие люди всегда храбры и благородны, и в душе их нет места для мелочности либо предательства.

Мария слышала, как позади них тихонько бродит Флавиус — звук его шагов напоминал едва уловимые шорохи ветра в речных камышах. Сильфида одной рукой тихонько приподняла Машин подбородок, чтобы их глаза, наконец, встретились, и сказала:

— Я знаю, ты — спасешься. Но, умоляю тебя, — спаси остальных! В особенной опасности находится Анастасия. Я вижу, что черные тенета рока начинают смыкаться над нею. Береги её.

Если не будешь знать, что делать и как поступить — обратись к Антону, он многое знает и во многом поможет. Не будь слишком резка в словах с Татьяной — говоря ей правду, ты станешь требовать от неё слишком многого. Не отпускай от себя Владимира, я знаю, иногда он кажется странным, порой надоедливым, но это самый бесхитростный и верный человек, какого можно себе представить. Но однажды… наступит такой момент, когда рядом может не оказаться никого из них, и ты решишь, будто всё кончено. Тогда следуй лишь зову собственного сердца, и оно приведёт тебя к новому началу. А теперь нам пора проститься.

Маша заплакала и крепко обняла Сильфиду. Ей не хотелось её отпускать. Потом она также обняла Флавиуса, и, почти распрощавшись с ними и собираясь уходить, Сильфида вдруг сказала ей напоследок, будто решившись:

— Чувствую я, что сегодня мы прощаемся с тобой навсегда. Лишь на краткий миг перед смертью я смогу почувствовать вкус твоих слёз.

— Но ведь это ужасно! — воскликнула Маша, остолбенев. — То, что ты говоришь!

Сильфида бросила на неё последний, быстрый взгляд, и произнесла:

— В своей жизни я видела многие ужасные вещи. Ты увидишь ужаснее.

Глава 14. Долгожданная вечеринка

Пусто, неуютно и холодно стало в Нифльхейме с тех пор, как ушли отсюда Флавиус и Сильфида. И хотя солнце над Долиной Рубиновых Рябин светило по-прежнему ярко, казалось, будто лучи его утратили силу и декабрь, давно правивший бал в мире смертных, дотянулся даже сюда, навевая печаль своими стылыми ветрами, как пальцами слепо шарящей руки.

Время вплотную приближалось к Новому году — до него оставалось не более полутора недель, и в Авалоне сейчас ощущался явный разброд. Новогодняя Москва, изукрашенная рождественскими гирляндами вдоль и поперек, тонущая в белом снегу — настоящая русская зима — напоминала собой один сплошной праздник, что, разумеется, совершенно не настраивало на серьезный лад. Головы были забиты подарками и праздничной суетой.

С тех самых пор, как Великие Бессмертные канули в минувшие дни, друзья так ни разу и не появились в замке в полном составе, хотя, разумеется, периодически продолжали здесь бывать, и также оставались на ночевку. Иногда к подвесному мосту их выходил встречать Алексис, и это в какой-то степени немного утешало, слегка притупляя боль и печаль от расставания с Флавиусом и Сильфидой. Мария, каждый раз выходя из Кленового леса, по привычке все надеялась углядеть две знакомые высокие фигуры на каменном крыльце, но чаще всего её ожидала там пустота. От этого становилось грустно и немного одиноко.

Почему-то с того самого дня, как Бессмертные покинули их, друзья толком ни разу не обсуждали, что же именно сказали они каждому из них. Видимо, это было слишком личным, а, кроме того, любое упоминание об их учителях приносило лишь только новую боль. Маша в такие моменты старалась пореже смотреть в глаза Антону, все чаще отводя взгляд — ей не хотелось, чтобы он прочитал её мысли о том, что она подслушала часть разговора, тем более что больший его фрагмент понять было довольно мудрено. Из всего, сказанного ей Сильфидой в тот последний час, более всего её заботила фраза про «ты увидишь ужаснее». Если уж Бессмертная, прожившая на Земле столько веков, видевшая без счета боли и страданий, говорит тебе такое — что же тогда должно произойти? Неизвестность этого изречения, туманность будущего — все это настораживало и пугало невероятно.

Посещая Нифльхейм, Малиновская чаще всего приходила сюда вместе с Настасьей; иногда компанию им составляли Бирюк

с Таней или Славик и Семён. В том случае, если Настю сопровождал Евген, то она намеренно отказывалась от похода: Женя в отсутствии хоть какого-то контроля стал совершенно невыносим, решив, видимо, что теперь он единственный полноправный «Владыка Вечной крепости» — это высказывание Марии как-то довелось услышать из его уст. Маша посмела выразить свое громкое несогласие с данным эпитетом, и это даже чуть было не переросло в полноценный магический поединок — в последний момент их еле-еле успела успокоить Настасья.

Малиновская уже даже и не знала, чего она, собственно, опасается больше, не желая идти в одной компании с Евгеном — то ли опасности нового конфликта, на который у неё уже нет ни сил, ни нервов, то ли вполне реальной возможности того, что Евген и вправду может её покалечить. Как далеко некоторые люди могут зайти в своем стремлении показать собственное превосходство — это большой вопрос. Наверное, в поединке один на один Женя всё-таки победит её — придется это признать. Вообще, если уж говорить так, по-честному, то, наверное, только Антон из всех них может бросить ему вызов без опасности для себя. С другой стороны, так как двое этих бравых молодцев ни разу не встречались в открытом бою — даже на тренировках — предстоящий исход возможной баталии тоже был более чем неясен.

В любом случае, если Евгений осмелиться причинить ей вред, — в порыве ярости его и Настасья не удержит — за Машу тут же вступится Антон, и конфликт может выйти далеко за рамки обычной ссоры. Разумеется, от греха подальше, лучше не провоцировать никого — твердо решила для себя Малиновская. Поэтому, когда Настя была занята, она тренировалась с Антоном и остальными, либо не шла на тренировку вообще. К тому же у них начиналась зачетная неделя в институте, а сразу после продолжительных выходных в январе — зимняя сессия, и к ней тоже надо было бы хоть немного подготовиться.

Среди всех тревог и волнений, свалившихся на Авалон в последнее время, только и утешало, что предстоящая вечеринка у Бирюка — хотя бы Новый год они должны встретить весело и можно будет на малость забыть обо всем, не думая о последствиях.

* * *

Свечи в канделябрах тускло горели, оставляя в медных блюдцах остатки своих желто-розоватых восковых слезинок.

Причудливые тени колыхались по стенам Румынского зала, превращаясь то в силуэты диковинных животных, а то и вовсе во что-то непонятное. Сквозь вытянутые, похожие на наконечники копий окна в чертог падал мягкий лунный свет, расчерчивая каменный пол на правильные серебристые многоугольники.

За длинным столом из массива сосны продолжалась неторопливая трапеза — сегодня Авалон в последний раз в этом году всё-таки собрался в полном составе — на этом, как ни странно, настоял Евгений. Так как в следующий четверг уже наступало тридцать первое декабря, то, следовательно, и следующие выходные принадлежали уже году грядущему, поэтому Евген (не совсем, правда, понятно, почему) был крайне настойчив на полном сборе всех именно сегодня, и его просьба-приказ была исполнена.

Он сам и Антон сидели в этот раз во главе стола — каждый по разные его стороны. Сам же стол несколько уменьшился в размерах: его собрали и сократили, а ненужные более лишние секции по приказу Евгения дварфы вынесли куда-то в свои складские помещения — всё равно стол такого размера им был сейчас не нужен, и в зале действительно стало немного попросторнее и поаккуратнее.

Антон тоже не бездействовал — благодаря его чуткому руководству нижние ярусы замка оделись строительными лесами; уже по его распоряжениям дварфы взялись менять старые рамы и потускневшие цветные витражи из разноцветного стекла, а также заменяли отсутствующие детали в старинных глазурованных панно и мозаиках.

Хотя, в общем-то, дварфы обязаны были исполнять приказы любого из Авалона, отдавали распоряжения пока что только Антон и Евгений (мелкие поручения вроде перестановки мебели в спальне Марии и Настасьи не в счёт). У остальных начало создаваться стойкое впечатление, что эти двое как будто стараются перещеголять друг друга во всем, чего только могут, но возражать им никто не решался, по крайней мере хотя бы и потому, что их бурная деятельность пока что не приносила никому вреда.

Сегодняшний ужин был невероятно вкусным — дварфы-повара постарались на славу — и друзья ели по большей части в молчании, изредка перекидываясь друг с другом парой ничего не значащих фраз. Малиновская была поглощена собственными мыслями, вспоминая свою недавнюю беседу со Старым Клёном — когда у неё было время, чтобы навестить его, он частенько рассказывал ей огромное количество самые невероятных, крайне увлекательных историй, начиная от того, как растут горицвет и

сон-трава, до каких-нибудь забавных повадок семейства барсуков, обитающих на солнечных лесных полянах.

Задумчиво размазывая пюре из овощей по тарелке, Мария изредка поглядывала то на Антона, то на Евгения. Сам Женя как бы вскользь иногда бросал косые взгляды на противоположный конец стола, где восседал Антон, и в них читалось то ли недовольство, то ли некоторая зависть. Настасья, Татьяна и остальные друзья тоже нет-нет, да и переглядывались между собой, кидая улыбки в сторону Антона, и Маша прекрасно знала, почему.

Сегодня лоб Антона украшал прекрасный серебряный обруч с одним-единственным темно-синим, как недра океана, сапфиром посередине — смотрелось немного необычно, но, надо сказать, очень красиво. Украшение изящно охватывало его голову и очень шло его темным, смоляным волосам.

Вообще-то получилось довольно странно и даже немного забавно: в прошлые выходные, когда почти все они вот точно также ужинали в этом самом зале, явившиеся сюда дварфы с поклонами вручили этот обруч Антону с величественной и немного туманной формулировкой «от народа Дварфов Владыке Вод и Главе Светлых Сил». Сам Антон, разумеется, очень растерялся, но с благодарностью принял столь великолепный подарок. Когда Малиновская поинтересовалась у него, знал ли он об этом заранее, Антон заверил всех в том, что ни о чем подобном не догадывался и, конечно, никого из дварфов он об этом специально не просил. Для него это стало точно такой же неожиданностью, как и для всех остальных.

После этого случая Евгений, громко выразив своё недовольство по данному поводу, в негодовании покинул Румынский зал, а следом за ним — с немного виноватым видом — последовала и Настя, и, таким образом, прошедший ужин оказался слегка омрачён. После Антон справедливо интересовался о том, почему же он постоянно должен «вести себя в рамках приличия и сглаживать острые углы», когда некоторые даже не пытаются этого делать. В любом случае — как резонно заметил молодой человек — он не вправе кому бы то ни было запрещать ему делать подарки, и некоторым людям лучше попридержать свое негодование и иные личные обиды по этому поводу.

Малиновская радовалась хотя бы уже тому, что Евгений не слышал этих слов, а также при его известной склонности к ссорам и манере тянуть застарелые обиды до бесконечности все закончилось тем, что никто из них не подрался и не покалечился.

С другой стороны, однако, у Маши, как и у многих других из

Авалона, этот неожиданный «презент» вызвал многочисленные вопросы. Нет, она, конечно, вовсе не расстроилась из-за того, что не получила в дар нечто подобное, но, поскольку Флавиус и Сильфида, уходя, оставили за главных двоих, возникал логичный вопрос: почему дварфы преподнесли сие творение одному только Антону, совершенно проигнорировав при этом Евгена, да ещё и назвали его «Главой Светлых Сил»? Нет, опять же, Маша, как и все остальные, была вовсе не против того, чтобы Антон занимал место их, так сказать, «идейного лидера» и даже Главы, но, при всем своем не слишком хорошем отношении к Жене, он, надо признать, ничуть не меньше был достоин звания Великого мага. Особенно эту теорию поддерживала Настасья.

— Не подумай, Тош, что я настраиваю коллектив против тебя, — говорила она Антону. — Но я заявляю это тебе вот так, лицом к лицу, а не шушукаясь за чьей-либо спиной: по моему мнению, Евгений тоже заслуживает какого-нибудь титула.

Антон, в общем-то, не возражал, но полагал, что разрешение таких странных ситуаций находится не в его компетенции.

— Мы здесь не при королевском дворе живём, чтобы раздавать друг другу звания и презенты, — как-то заметил он.

Малиновская попыталась окольными путями выяснить мнение дварфов по этому поводу, но изо всех их путаных объяснений в данном вопросе смогла понять только то, что «почтенные никоим образом не хотели вносить смуты в их важные дела», а дар сей они сделали лишь потому, что «Водяной Господин очень добр, и любви в его сердце хватает на весь народ дварфов».

Что ж, малый народец определенно симпатизировал Антону. Ну а, кроме того, если вспомнить, как Евген их постоянно гонял и шпынял, вечно громко выражая свое недовольство по поводу того, будто дварфы путаются у него под ногами, такая позиция проливала хоть немного света на мотивы и последствия всего произошедшего.

Пока Мария размышляла надо всем этим, двери зала неожиданно распахнулись, открывая взору странную процессию. В открытые двери вошло множество дварфов в изумрудных и желтых камзолах, а самый первый из них медленно и торжественно нёс на своих слегка вытянутых руках довольно-таки большой, обитый чернёным железом ларец.

Все замерли. Семён раскрыл рот. Слава с грохотом поставил на стол свою кружку. Татьяна что-то шепнула Настасье, и та в ответ лишь едва заметно кивнула. Лицо Антона выражало сейчас крайнюю степень изумления.

Процессия дварфов подошла к Евгену и остановилась, при

этом низко ему поклонившись. Тот, вставая, с громким дребезгом отодвинул от себя массивный стул. Дварф с ларцом прошел ещё немного вперед и произнёс:

— Мой Господин, мы все сделали в точности так, как вы и приказали, — и с этими словами он открыл крышку ларца.

Внутри, на изысканно вышитой шелковой подушке, лежала изумительно сработанная корона. Она выглядела почти такой же серебряной, как и обруч на голове Антона, но цвет был гораздо глубже, а сияла она ярче. Тринадцать кроваво-красных камней были инкрустированы по всему периметру короны, а её острые зубцы-крючья казались слегка загнутыми вовнутрь.

— Платина и рубины, как вы и желали, — дварф снова низко поклонился.

— Это что ещё за… — Мария осеклась, не зная, что и сказать. — Что происходит? Откуда это?

Евгений, ничуть не обращая на неё внимания, медленно достал корону из ларца и водрузил её себе на голову, и тогда кровавые рубины тотчас вспыхнули, словно озарённые внутренним пламенем его мятежной души. Блики прекрасных камней заиграли на округлостях платины, точно раскаленные угли.

— Не всё же и другим показывать своё величие, — произнёс Евгений. Слова эти были обращены, в первую очередь, к Антону. Потом он лениво посмотрел на дварфов и бросил сухо: — Неплохо. Но можно было и лучше.

Все увидели, как дварф, раздосадованный, слегка дернулся от его обидной оценки, но не ответил ни слова и только низко поклонился снова.

— Это возмутительно! Я лично никого ни о чем не просил! — громко сказал Антон, вставая со своего места. — И уж тем более не приказывал, чтобы мне создали нечто подобное. Никогда не считал я дварфов своими рабами и своей собственностью, и такие вещи дороги лишь тогда, когда сделаны и подарены по доброй воле, а не под угрозой страха и наказаний, да ещё в приказном порядке. Это просто омерзительно!

— Ты можешь утешать себя этим сколько угодно, — бросил Евген. — Ты ведь любишь этим заниматься — самоутешением, и долго сидеть и сокрушаться от творящегося вокруг безобразия, пока иные идут к собственной цели.

— Мне жаль тебя, — грустно ответил Антон.

— Если ты не заметил, тебе всегда и всех жаль. — Женя состроил скорбное выражение лица. — Но это стало настолько привычным, что, честно говоря, уже вызывает некоторое отвращение. Я знаю, ты считаешь, что тщеславие — это смертный

грех, так не мешай же другим наслаждаться им.

И Евгений, не обращая более на Антона никакого внимания, произнёс:

— Да услышат все дварфы моё повеление: отныне я — Огненный Князь, и с этого самого момента ко мне пристало обращаться только так. Непокорные, — в руках Евгена вспыхнул огненный шар, — будут подвергнуты испепелению. Можете передать это остальным.

Все дварфы, находящиеся в зале — и те, которые стояли перед ним, и охранявшие двери, в неподдельном ужасе упали на пол, склонившись пред Евгением в раболепном поклоне.

— Так ты, значит, специально сегодня собрал нас всех, чтобы мы стали участниками этого «потрясающего» действия? — брезгливо и раздосадовано спросил Семён. — Конечно, получать корону, когда никто тебя не видит, совсем не интересно… — все заметили, как вилки и ножи, лежащие напротив Сени на столе, начали гнуться, завязываясь в узлы — обладатель магии Металла явно рассердился.

— Жень, тебе не кажется, что это уже чересчур? — робко произнесла Настасья.

— Чересчур?! — возопила Таня. — Ребят, да он вообще рехнулся! Ну ясно же как божий день — у человека с головой не в порядке. Вова, скажи ему!

— Друг мой, — обратился к нему Бирюк. — Ибо всё ещё другом я считаю тебя. Ты и вправду заходишь слишком далеко. Какой ещё «Огненный Князь»? Откуда это? Зачем?

— Если ты считаешь меня другом, то прошу тебя, как друга, по крайней мере не мешать мне, раз уж ничем не можешь помочь, — тихо и слегка угрожающе проговорил Евген.

— Я не пытаюсь тебе помешать, — удивился Бирюк, — но считаю, что право друга — разубедить заблудшего.

— У меня имеется мой четко очерченный путь, и я нигде не плутаю, — парировал Евген. — У нас ведь есть Владыка Вод, — он покосился на Антона. — Так отчего бы не быть Огненному Князю?

— Не я присвоил себе этот титул! — крикнул ему Антон.

— Истинно великие сами берут то, что им принадлежит! — крикнул Евген в ответ.

— Я не намерен продолжать это безумие! — Антон, кажется, окончательно вышел из себя и, распахнув двери, в великом гневе покинул зал.

Все остальные так и остались на своих местах — кто сидя, кто стоя — пребывая в растерянности и не зная, как на всё это реагировать. Мария, хранящая молчание, подумала, что только

что воочию видела, как сгущаются сумерки над всеми ними — как предвестники грозной, ещё более великой и страшной Тьмы…

* * *

Снег сыпал практически не переставая, но это даже было и к лучшему — какой же настоящий Новый год без снега? Маша вместе с Настей ехала в трамвае, — обе в прекрасном расположении духа, потому что только что они сдали свой последний зачет и, таким образом, завершили эту неделю без единого «хвоста». Впереди их, конечно, ожидала зимняя сессия, но это будет только в следующем году, а теперь можно немного расслабиться и ни о чём не думать.

Девчонки решили выйти на одну остановку пораньше, чтобы заглянуть в магазин и выбрать чего-нибудь из подарков к празднику. Малиновская уже решила подарить маме красивый шерстяной плед, который она присмотрела на прошлой неделе — осталось только определиться с расцветкой, ну а Настасья была озабочена поисками подарка для своего благоверного.

С большим трудом преодолев огромные сугробы, наваленные вдоль обочины дороги, они заскочили в сверкающий всеми огнями супермаркет. Его огромные красивые витрины с искусственным снегом, сотнями блещущих гирлянд и машущими рукой снеговиками в красных колпаках так и зазывали его посетить. Народу внутри было немного, да и товаров на полках — тоже. Всё-таки за два дня до Нового года большинство покупателей уже успели приобрести себе все необходимое. Подруги медленно пошли вдоль бесконечных рядов, пытаясь остановить свой выбор на чем-то одном. Наконец они задержались у одной из полок с подарками. Маша принялась разглядывать какие-то стеклянные фигурки в виде рыбок и котов, по одной беря их в руки, критически осматривая, и снова возвращая на полку.

— Как ты думаешь, Жене понравится? — Настя вытащила из кучи разнообразного барахла, наваленного в металлические лотки, статуэтку в виде огнедышащего дракона. — Тут всё-таки тоже огонь, вроде как одна стихия…

— Не думаю, что ему это нужно, — Малиновская не могла удержаться, чтобы что-нибудь не ляпнуть. — У него уже есть прекрасная, замечательная, просто изумительная корона. Полагаю, больше ему для счастья ничего не требуется.

— Ну, Маш, перестань! — немного недовольно отозвалась Настасья, бросая статуэтку обратно в кучу и снова начиная там

копаться.

— Я тут слышала, — Маша задумчиво разглядывала красивую открытку с оленем, посыпанную блестками. — Как дварфы между собою называют его «углудук». Это значит — «тиран». Все-таки они всё видят и всё примечают…

— Я сейчас на тебя обижусь!

Малиновская перестала рассматривать открытку и перевела взгляд на подругу — Настя стояла, уперев руки в бока, и негодующе смотрела на неё.

— Всё-всё, я молчу, — Машка махнула рукой, а про себя подумала: — Ну вас всех к чёрту! Разбирайтесь сами в своем болоте!

Спустя примерно час они покинули магазин, нагруженные разнообразными подарками: Маша выбрала маме плед зеленого цвета, открытку, и вдобавок прикупила ещё ёлочных шариков и кучу всякой разноцветной мишуры для украшения квартиры. Настя же остановила свой выбор на небольшой репродукции с видом извергающегося вулкана, а также красивой ручке с золотым тиснением, на которой было выгравировано: Евгений. Все вроде-бы остались довольны.

* * *

Мария стояла на заснеженном перроне, задумчиво глядя вслед уходящему поезду. Снежный буран неистово трепал полы её тёмно-фиолетового плаща, и сейчас она ощущала себя героиней какого-нибудь прекрасного романа века эдак девятнадцатого: отважная жена декабриста, терпящая холод и голод, отправившаяся во след за своим мужем в ссылку, чтобы разделить вместе с ним все тяготы и лишения суровой жизни в сибирской тайге. Декабристы… или это было не в девятнадцатом веке? Сейчас она не могла толком припомнить.

Сильный ветер пытался размотать её разноцветный шарф и сорвать шапку, а снег, оседая на длинных ресницах, совершенно залепил глаза, мешая смотреть и думать. Вот тебе и тридцать первое декабря!

Утром она уже успела поздравить маму с Новым годом, вручив ей открытку с шерстяным пледом и сообщив, что этот праздник она будет встречать вместе со своими друзьями — на даче у Бирюка. Ольга Александровна, конечно, как и всякая мама, чуточку расстроилась, но виду не подала: в эту новогоднюю ночь одна она тоже не оставалась, решив проведать бабушку с дедушкой, поэтому отпустила дочку со спокойной душой. Пусть

уж лучше побудет и повеселится в компании своих сверстников, чем будет томиться и скучать среди нас, взрослых, чьи темы для разговоров ей, разумеется, будут совсем не интересны, — подумала Ольга Александровна, — тем более, что Бирюка, как и всех остальных, она прекрасно знала, так что особенного «промывания мозгов», как называла это про себя Малиновская, устраивать не стала. Предупредила только, чтобы дочка была предельно бдительна и строго следила за количеством выпитого алкоголя.

— Знаю, что без него не обойдётся, и глупо было бы что-либо запрещать, потому как я всё равно не смогу этого проконтролировать, — сказала мама. — Но ты девушка взрослая, и в состоянии контролировать себя сама. Так что попрошу без крайностей, и — удачи! — и она на прощание расцеловала Машу в обе щеки.

Маша в ответ лишь тихонько хмыкнула — ей тут, можно сказать, доверили в руки судьбы мира, а мама волнуется из-за пары лишних бокалов шампанского. Но ей ведь этого не объяснишь! Конечно, из напитков там наверняка будет и кое-что покрепче, но всё это она оставит для парней — всё-таки мама права, и ей для поддержания хорошего настроения вполне хватит и традиционного новогоднего напитка.

Так как Москва по уже давно сложившейся традиции намертво встала в предновогодних пробках, до Вовиной дачи в Люберцах решено было добираться на электричке — так выходило гораздо быстрее, а, кроме того, дом, в котором им предстояло отмечать Новый год (а заодно и прошедшее вчера день рождения Бирюка) находился в десяти минутах неспешной ходьбы от железнодорожной платформы. Поэтому сейчас Малиновская в компании Настасьи, Славы, Семёна и Жени стояла на холодном, продуваемом всеми ветрами перроне в ожидании своей электрички. Грязно-зелёный навес над головой немного защищал от снежного бурана, но не слишком сильно для того, чтобы можно было чувствовать себя комфортно. До прибытия их поезда оставалось минут пять, не больше.

Таня, Бирюк и Антон на его «Ауди» ещё вчера уехали в Люберцы, чтобы подготовить дом к приезду остальных — растопить печку, чтобы было тепло, украсить комнаты гирляндами и серпантином и, конечно же, поставить елку. Также нужно было хотя бы немного разгрести снежные заносы вокруг дома, чтобы к нему можно было подойти и, кроме того, закупить необходимые продукты для намечающегося грандиозного торжества. Тем более что гостей ожидалось достаточно много: дом был огромный, двухэтажный, с большой, теплой и

застекленной мансардой. Вокруг деревянных хором лежал обширный, укутанный снежным ледяным покрывалом сад. В довершение ко всему в глубине участка стояли несколько беседок, баня, и почти примыкающая к дому шашлычная, соединенная с основным зданием чем-то вроде крытой галереи. Выглядело все это очень красиво и уютно.

На праздник Бирюк позвал всех, кого только мог, явно рассчитывая отметить двойное торжество на широкую ногу. Татьяна, конечно, была несколько шокирована, узнав приблизительное количество гостей.

— Тридцать человек?! — с легкой паникой в голосе произнесла она, когда Бирюк как-то неосторожно обронил эту фразу, устанавливая рождественскую елку. — Да они же тут всё разнесут!

— Танюша, ну не ворчи, пожалуйста, — взмолился Вова. — Тридцать — тридцать пять гостей, может чуть больше — это не так уж и много. Кто-то из них обещал позвать и своих друзей тоже, поэтому я не могу знать заранее точного количества, а, кроме того, некоторые обещали подойти после двенадцати, — когда отметят праздник с родителями.

— Тань, тебе водички принести? — в дверях комнаты показался Антон со стопкой наколотых поленьев в руках для растопки печки, глядя, как Татьяна, совершенно ошарашенная, медленно опустилась на диван.

— Н-н-нет, спасибо, Тош… — наконец откликнулась она, чуть отодвигая от себя коробку с елочными шариками. — Просто потом уборки столько будет… чур, прибираться будем все вместе! Никого из дома не выпущу, пока здесь всё вылизано не будет.

— Конечно, любимая! — Вова послал ей воздушный поцелуй и принялся напевать: «только раз бывает девятнадцать в жизни лет…», при этом чудовищно фальшивя то ли от радости, то ли просто так.

Тем временем остальные их друзья уже брели по заснеженным Люберцам в поисках нужного дома.

— Бирюк сказал: улица Ленина, дом девяносто семь! — крикнул Слава пробирающимся за ним по его же собственным следам товарищам сквозь метель.

Как только они сошли с платформы за городом, то тут же утонули по колено в сугробах — здесь снег никто и не думал убирать.

— Ты уверен, что мы идём в правильном направлении? — крикнула ему в ответ Машка, стараясь пересилить вой ветра.

— Понятия не имею, — огрызнулся тот.

— Как обнадеживающе, — услышала Малиновская рядом с

собой комментарий Евгена. Все время в пути он был необычайно тих и практически никому не возражал — наверняка исключительно потому, что измыслил какую-нибудь очередную пакость — решила про себя Маша. Ей уже не верилось в то, что Женя может вести себя нормально ради хорошего настроения у других, пусть даже и в канун такого замечательного праздника, как Новый год. Хотя… кто знает…

Наконец им удалось выйти на какую-то более-менее широкую, очищенную улицу, и они буквально сразу же отыскали на ней нужный им дом — в округе он был чуть ли не единственным, в котором горели практически все окна и ярко переливались гирлянды — это уже постарался Антон. Пока друзья преодолевали путь до калитки, они увидели, как туда же зашла ещё одна группа веселой молодежи, опередив их лишь на каких-нибудь полминуты. До наступления Нового года оставались считанные часы, и гости уже начинали собираться.

Пройдя последние несколько десятков метров, ребята вошли в дом. Со всех сторон на них тут же навалился веселый гомон, звуки музыки и вкусные запахи готовящихся блюд. Внутри было уже довольно много народу: все суетились, куда-то бегали, что-то кричали друг другу на разные голоса — создавалось ощущение столпотворения и полной неразберихи. Пока Малиновская и остальные раздевались, пытаясь хоть каким-то образом пристроить свою одежду (все вешалки в коридоре уже давно были заняты, и большинство курток самых разных цветов были попросту свалены на креслах в огромные кучи), к ним вышли Антон и Бирюк.

— А-а, вот и самые мои главные гости пожаловали! Проходите-проходите! — Вова по очереди жал руки парням и попутно расцеловывался с девчонками.

От внимательных Машиных глаз не укрылось, что, пока парни обменивались рукопожатиями, получилось так, что Антон оказался прямо напротив Евгена и слегка замялся, не зная, стоит ли приветствовать и его тоже — после той перепалки в Румынском зале Нифльхейма они так и не обменялись хотя бы парой фраз. Но тут вроде подоспел Бирюк, и Антон — как бы тоже за компанию — пожал руку Евгену сразу после него. По Жениному лицу в этот момент вообще совершенно невозможно было понять, какие эмоции он испытывает и о чем думает — с его стороны это было будто бы беспристрастное, ни о чем не говорящее приветствие.

Когда все разделись, Бирюк позвал всех парней за собой, чтобы те помогли ему перетащить какой-то стол и ещё закрепить ёлку, с которой, как было понятно из его слов, имелись какие-то

проблемы.

— Вы, девчонки, пока побродите тут, — уже уходя, Вова неопределенно махнул рукою Маше и Насте, имея в виду, очевидно, весь дом в целом. — Я просто не знаю, нужна ли Таньке какая-нибудь помощь на кухне или они, может быть, уже всё с остальными девочками приготовили. В любом случае, если что-то будет нужно — она вас найдёт. — и с этими словами он скрылся за дверью.

Немного потоптавшись в коридоре, подруги прошли в большую комнату, в которой уже начали накрывать столы и стелить огромные, расшитые красными маками скатерти. Толпилось много народу, и Маша даже не всех знала в лицо: у Бирюка имелось великое множество знакомых, коллег и друзей — какие-то люди были ей совсем не знакомы, которых она видела в первый (и, скорее всего, в последний) раз, а кое-кто уже попадался ей на глаза, но она не могла припомнить ни время, ни место, где это могло происходить, и не знала их имена. Кажется, как-то Татьяна говорила им, что будет несколько человек из их двора, и теперь Малиновская вместе с Настасьей пыталась отыскать в толпе хоть какие-то хорошо знакомые физиономии.

— Мы стоим тут, как дуры! — шепнула Настя Маше и, подхватив её под руку, потянула вглубь толпы.

Пока они рассматривали закуски, уже появившиеся на некоторых столах (Малиновская украдкой даже попробовала некоторые из них, потому что немного проголодалась), к ним подошёл незнакомый парень.

— Девушки, разрешите угостить вас шампанским, — произнёс он с едва заметным кавказским акцентом, протягивая каждой из них по бокалу. Его голос был низким, приятным и тягучим — Маша отчего-то даже представила себе вязкий, янтарный мёд, переливаемый из одной емкости в другую. Она, поначалу слегка растерявшись, взяла из его рук бокал.

— Как вам тут отдыхается? Вы подруги Тани? Или Бирюка? — спросил молодой человек, слегка улыбнувшись.

Малиновской показалось, что вопросы были более адресованы Настасье, чем ей, и пока подруга что-то отвечала невпопад, тоже явно растерявшаяся, у Маши было немного времени, чтобы как следует рассмотреть так внезапно свалившегося на них ухажёра. Черные волосы, и такая же густая, черная щетина на шее, щеках и подбородке, которая, впрочем, очень ему шла. Красивые карие глаза в обрамлении пушистых ресниц. По национальности он явно был азербайджанец или что-то типа того — она не сильно разбиралась в народностях, которые в Москве обычно называют общим понятием «лица

кавказской национальности». Мысленно отметив про себя накачанность его рук, Маша подумала: боже, да у него один бицепс больше, чем вся моя голова! Пребывая в собственных мыслях, она ещё услышала напоследок как будто со стороны достаточно холодно произнесённую фразу Настасьи: «вообще-то у меня есть молодой человек, и он здесь», прежде чем её громко окликнули по имени.

Развернувшись на радостные вопли «Машка-а-а!», она с удивлением обнаружила рядом с собою Мишу — того самого, с которым они вместе работали в кафе «Луна».

— Ой, здарова! — заулыбалась Малиновская. — А ты как тут оказался? Я и не знала, что ты, оказывается, знаком с Бирюком!

— Привет, — Мишка обнял её и поцеловал в щеку. Отчего-то Малиновской это было не особенно приятно. — Честно говоря, меня Оксана с собой позвала, и я с ней за компанию пришёл. Ну та, которая в соседнем подъезде от тебя живёт. — пояснил Мишка, глядя на озадаченное Машино лицо.

— Ах, эта, — догадалась Маша. — Ну, понятно. Слушай, как у вас там дела на работе-то? Что-нибудь изменилось? Как там эта «кургузая сосиска» поживает? — засмеялась она, имея в виду Ивана Васильевича, своего бывшего начальника.

— Ой, сейчас я тебе много чего интересного расскажу… — начал Миша, и они надолго погрузились в обсуждение того, что именно произошло на Машиной работе за все время с того момента, когда её уволили.

Немного позже — Малиновская не знала точно, сколько времени прошло — её нашла Татьяна и попросила помочь на кухне, потому что она совершенно не успевала порезать салаты, хотя там ей и помогала целая орава девчонок. Маша этой просьбе даже немного обрадовалась: разговорчивый Миша её уже немного утомил, и она с некоторым удовольствием избавилась от его общества. Всё-таки иногда Михаил тараторил, точно сорока, и это слегка утомляло.

Разыскав глазами Настасью, которая всё ещё разговаривала с тем самым чернявым парнем и, поймав её обреченный взгляд, она поняла, что подругу необходимо спасать и утащила её с собой на кухню, сказав, что без Насти там ну никак не обойтись. Молодой человек с нескрываемым сожалением отпустил её от себя, добавив, что ещё обязательно с нею поболтает после.

— Кто это вообще такой? — спросила Малиновская, когда они вместе с Настей в окружении многих девчонок на кухне помогали доделывать последние блюда, внося финальные штрихи в украшения холодных закусок.

— Да чёрт его знает! — Настасья округлила глаза. — Сказал,

что его зовут Марат. Пристал просто как банный лист. Причём он реально ко мне клеится, представляешь? Я ему прямым текстом говорю, что у меня парень есть, а он — никакой реакции, как будто не слышит. Очуметь просто!

— Значит, ты не так уверенно ему об этом говоришь. — ляпнула Машка.

Настасья недовольно посмотрела на неё.

— Этот Марат ко всем пристаёт, — сказала одна из девушек с винегретом и петрушкой в руках, услышавшая их разговор. — С ним надо быть поаккуратнее, ему только одного и надо.

— А по мне, так он очень даже симпатичный, — сказала другая.

— Ну если кто хочет приключений на одну ночь, так это, конечно, не проблема, — парировала та. — Но явно не для тех, у кого уже имеется молодой человек. — и она выразительно посмотрела на Настасью.

Малиновская встретилась глазами с подругой и кивнула головой, как бы говоря: — Вот-вот! Смотри в оба!

Настя в ответ лишь тихонько пожала плечами, и было не совсем понятно, что бы это значило.

Бирюк вместе с остальными парнями вошёл в комнату, где уже сияла и блестела огнями новогодняя ёлка, украшенная множеством разноцветных шаров. По стенам была развешана зеленая и серебристая мишура, а под потолком привязан к люстре большой переливающийся шар.

— Ребят, — обратился Бирюк к Антону и Евгену. — Вас я попрошу спустить со второго этажа в гостиную ещё один обеденный стол, потому как народу очень много, и могут не все поместиться. Он довольно-таки тяжелый, поэтому, если вдвоем не управитесь, попросите Андрея вам помочь — он тоже там на втором этаже что-то делает, его Таня попросила. — Бирюк ухмыльнулся.

— Андрей, — это который в соседнем дворе от нас живет, через дорогу? — уточнил Антон. — У него ещё собака есть, спаниель такой полоумный?

— Да-да, он самый! — засмеялся Бирюк, и Антон с Евгеном, выйдя из гостиной, ушли по направлению к лестнице на второй этаж.

— Так, ну а вы, — Вова посмотрел на Славу и Семёна, хитро прищурив глаза. — Поможете мне закрепить эту дурацкую ёлку. Как видите, мы её уже нарядили, но она два раза падала. Короче говоря, совсем не держится. Там даже пару игрушек разбилось — хорошо, что Танька этого не видела, — при этих словах он слегка понизил голос, как будто Татьяна могла его услышать даже через

стены.

— Бирь, а тарелки у тебя только в шкафу, который на кухне? — симпатичная светловолосая девчонка просунула голову в дверь.

— Нет, Ксюх, там ещё один шкаф есть с сервизами, он прямо под лестницей на второй этаж стоит. — ответил Бирюк. — Так что оттуда тоже все доставайте.

Девушка кивнула и прикрыла дверь.

— Хорошо хоть девочки помогли Тане с готовкой, а то я вообще не представляю, как бы мы со всем управились, — Вова на мгновение в задумчивости замер посреди комнаты, а потом, как будто опомнившись, вздрогнул и начал суетиться.

— Так, Сеня, ты вставай на стул и держи у ёлки макушку, а ты, Слав, держи вот здесь, посередине ствола. Крестовина совсем плохая, так что сейчас мы это дерево запихнем в ведро с песком, а потом я низ веревкой обмотаю, — говорил Бирюк.

Пока они ковырялись, из кухни через слегка приоткрытую дверь доносились женские визги и смех — там девушки в крайне веселой обстановке готовили праздничное угощение. Сверху послышался какой-то скрежет — на втором этаже явно что-то передвигали. Семён возвел глаза к потолку и немного задумчиво произнёс:

— Как вы думаете — ну, в свете последних событий — Антон с Евгеном там не передерутся? Может, не нужно было их вдвоем отправлять?

— Нет, не думаю, — отозвался Бирюк, путаясь в нижних ветках ели и засыпая ковер зеленой хвоей. — Они ведь прекрасно знают, к чему это может привести.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Слава.

— Они оба понимают, что обладают огромной магической силой. — начал объяснять Бирюк. — Я полагаю, глупо было бы не признать, что они, как ни крути — чрезвычайно могущественные элементали. И Евген, и Антон достаточно умны и дальновидны, чтобы не опуститься до какой-то там рукопашной потасовки — да им это и не нужно. А если уж они схлестнутся — то это явно будет некий глобальный магический конфликт, а не жалкая драка в частном доме в каких-то там Люберцах.

— А, если честно, — поинтересовался Сеня, — ты и вправду думаешь, что у них может дойти дело до открытого противостояния?

— При все более развивающейся нетерпимости и заносчивости Евгения и, как следствие — всё более возрастающей паранойи Антона как ответной реакции — я вполне допускаю такую возможность. — Бирюк произнёс это почти шепотом,

потому что в этот момент мимо них несколько здоровых парней тащили стулья. — Думаю, что последствия этого оказались бы ужасными для нас всех. Помните шуточный поединок Антона и Сильфиды? Не знаю, как вы, лично я был впечатлён. Поэтому если они… — Бирюк не закончил мысль, немного помолчал и сказал: — Они оба боятся этого поединка. Но боятся по разным причинам.

— О чём это ты? — Слава даже не заметил, как перестал держать елку, отчего она начала опасно шататься в разные стороны.

— Потому что Евгений боится проиграть этот бой, а Антон — выиграть, — тихо произнёс Бирюк. У него было такое выражение лица, словно он и сам это только что понял.

— Как так? — спросил Сеня.

— Я думаю, резонно предположить, что исход такого боя будет, скорее всего, смертельным — ведь каждый из них всегда доводит начатое до конца, если вы ещё не заметили. И если Антон выиграет — это значит, что ему придется убить Евгения. Зная Антона… полагаю, что ему даже сама мысль об этом внушает ужас!

— А Евген? Ты сказал, он боится проиграть? Но ведь если он проиграет, он умрёт. В таком случае, не всё ли ему равно, каков будет исход поединка?

— И все же Евгену, скорее всего, такой итог кажется жалким и унизительным, вне зависимости от того, погибнет он или нет. Он хочет оставить после себя нечто большее, чем просто воспоминания… представьте себе, все будут говорить потом: Владыка Вод одолел Огненного Князя. Он не хочет такой памяти о себе. Ему важно даже то, что скажут о нём после смерти. Даже уйдя на тот свет, он желает оставить всем нам образ, овеянный величием…

— Здорово ты всё это понимаешь! — Славик, кивая, похлопал Вову по плечу.

— Просто выстраиваю логические цепочки, вот и всё, — ответил тот.

Они ещё некоторое время возились с елкой, пока с кухни не раздался Танин крик: — Во-о-ов! Подойди сюда!

— Так, вы вот тут довяжите ещё — и всё. Я скоро вернусь, — и Бирюк убежал помогать Тане.

Таким образом, разговор был прерван, и Семён со Славой продолжать его не стали — да и что тут ещё можно было бы добавить?

Наконец елка была закреплена и уверенно установлена, все блюда — доделаны, приготовлены и украшены, а гости —

отловлены по всему дому и лично, твердой хозяйской рукою Бирюка усажены за столы. Несмотря на все Танины старания, которая постоянно пыталась пересчитать количество гостей и полагающихся им стульев и тарелок, народу все равно оказалось немного больше, поэтому некоторым места за столом все же не хватило, и они расселись на диване и креслах в этой же комнате, вполне, впрочем, довольные и ничуть не обиженные. Настойчивые попытки Бирюка в том, чтобы все члены Авалона сидели друг рядом с другом тоже успехом не увенчались — все своевольничали и садились кто и где хотел. Получился полный разброд: Слава и Семён уселись в одном конце стола, Бирюк, Таня и Антон — в другом, а Мария с Евгеном, разделённые (хвала небесам!) Настасьей, очутились примерно посередине, хотя середина эта тоже была довольно условной — составленные столы петляли и извивались змейкой несколько раз, чтобы целиком уместиться в одной гостиной.

Шустрый и вездесущий Марат специально сел так, чтобы расположиться прямо напротив Настасьи, и все это время подмигивал ей, весело скалясь и бросая недвусмысленные взгляды что, конечно же, не укрылось от внимания Евгена. Пока что он, разумеется, молчал, не желая устраивать разборки при стольких свидетелях, но бедную Настю определенно ожидали впереди не самые приятные минуты очередных диктаторских нравоучений. Маше подругу было, конечно же, жалко, но она уже была рада хотя бы тому, что Михаилу, так жадно рвавшемуся усесться рядом с нею, этого сделать не удалось — соседнее место заняла совсем незнакомая ей полная девушка, в огромных количествах пожиравшая все, до чего могла дотянуться своими толстыми руками. Это Малиновскую вполне устроило: по крайней мере, можно было спокойно наслаждаться праздником, не отвлекаясь на бредовые истории соседей по столу.

В итоге к еде приступили буквально за пятнадцать минут до наступления Нового года; потом все вместе дружно послушали торжественное обращение президента, постоянно прерываемое чьими-нибудь нелепыми комментариями, а под бой курантов с бокалами, стаканами и кружками чокались со всеми подряд, и громко и оглушительно кричали «УРА-А-А!», так что даже закладывало в ушах. А после уже началась полная неразбериха и кто, где и когда был в какой-либо момент времени, — понять не представлялось никакой возможности. Кто-то — вроде Славы — упорно не желал вылезать из-за стола, пока не съест всё, что можно; часть гостей во главе с Бирюком почти сразу же отправилась на улицу пускать фейерверки (благо бушевавшая метель к этому времени уже заметно поутихла), и оставшиеся в

доме едоки всякий раз дружно вздрагивали, когда в небе над домом раздавалось очередное «БА-БАХ!», а затем гостиную ярко озаряли вспышки всех мыслимых и немыслимых цветов.

Малиновская первое время тоже посидела за столом (все-таки очень уж поздно они приступили к ужину, если его можно было так назвать, и времени, чтобы как следует поесть, оказалось не так много), потом она пару раз выбегала во двор смотреть на запускаемый салют, но каждый раз почему-то забывала куртку, и потом бегом неслась обратно в дом, клацая зубами от холода.

Немного позже врубили музыку и начались танцы, хотя, честно говоря, это больше было похоже не на прекрасное и эстетическое зрелище, а на дикие пляски невменяемых африканских зулусов. Нельзя было сказать, что новогодний банкет прекратился — просто, когда музыку на время выключали, выбирая, какой из дисков ставить следующим, все снова дружно садились за стол, набивая свои животы. Во время танцев за столами по-прежнему жевали, но хотя бы не все.

Кроме того, примерно к часу ночи подошли и те, кто встречал Новый год с родителями, а часть гостей, наоборот, бесследно растворилась. Хотя, вполне возможно, кто-то из них просто ушёл на улицу делать шашлык, а некоторые сладкие парочки уже успели уединиться в комнатах на втором этаже. В любом случае, народу явно не убавилось, если даже не сказать наоборот, и безудержное, никем не останавливаемое веселье продолжалось всю ночь напролет, пока на часах не наступило пять утра. Малиновская запомнила это время лишь потому, что, успев потанцевать три раза с приставучим Мишкой, один раз с Антоном и ещё один — с каким-то совершенно незнакомым парнем (сквозь грохот музыки она разобрала, что его звали не то Тимофей, не то Тимур), она вышла в коридор и посмотрела на часы, стрелки на которых показывали три минуты шестого.

На куче курток в коридоре уже кто-то крепко спал и видел замечательные сны. Хмыкнув себе под нос, Мария занесла на кухню стопку каких-то грязных тарелок, которые ей по пути всучила Татьяна, и решила выйти на улицу, чтобы слегка проветриться. По дороге к двери ей попались Настасья и Евген, которые, как обычно, уже начали выяснять отношения. Маша попыталась тихой мышкой прошмыгнуть мимо них, чтобы и их не смущать, и самой не нарываться на неприятности, но часть разговора всё-таки услышала — уши-то не заткнёшь.

— А я тебя спрашиваю: какого хрена он с тобой заигрывает? — громогласно интересовался Евген, который, по-видимому, был уже довольно сильно пьян. — Я тебе этого не позволю!

Речь, как поняла Малиновская, шла о Марате.

— Вместо того чтобы сейчас выговаривать это мне, иди и разбирайся с ним сам, если ты такой крутой! — в тон ему отвечала Настя.

— А вот я сейчас и пойду! — хорохорился Евген. — И выясню! А ты — дура… совсем распоясалась! Всегда недовольна. Всегда от меня что-то требуешь. А для того, чтобы требовать — нужно самой соответствовать! — его гневный монолог начал сливаться в одну сплошную кашу, в котором Женя начал припоминать ей всё.

Последнее, что услышала Малиновская перед тем, как прикрыть дверь, ведущую на улицу, был негромкий голос Настасьи:

— Мне ничего от тебя не нужно, кроме твоей любви. Но, видимо, даже этого мне не суждено дождаться. Всё, что больше любви, я не требую, нет…

Напоследок Марии показалось, что Настя заплакала, хотя это было ей понято чисто инстинктивно, потому что, закрыв дверь, она уже просто физически не могла этого услышать.

Малиновская неторопливо вышла в зимний сад, ласково укутанный белыми снегами. Замерзшие в нем яблони и вишни застыли безмолвными изваяниями, погруженные в долгий беспробудный сон. Маша тихонько подошла к одной из яблонь, коснулась шершавой коры. Постояв так с полминуты, она почувствовала, как будто где-то глубоко-глубоко внутри, словно едва уловимые отголоски далекого эха, бьётся, погруженное в сон, зеленое яблоневое сердце. Дерево словно почувствовало её прикосновение, потянулось к ней своими сонными руками-ветками.

— Спи, спи, — тихонько прошептала Мария. — Твое время пробуждения ещё не пришло. До весны много дней и много ночей — и дерево, будто тяжело вздохнув, застыло вновь — усталое и спокойное. Было похоже, словно мама подошла к своему крепко спящему ребенку поправить одеяльце, и он, чуть шелохнувшись от её ласковых прикосновений, повернулся на другой бок и стал смотреть новые сны. Замечательный всё-таки тут сад. В этой волшебной ночи он выглядит как огромная сказочная роща.

Под ногами что-то хрустнуло. Маша отошла немного в сторону, пригляделась и поняла, что это одна из красочных упаковок от фейерверков, которые ребята пускали несколько часов назад. Она просто молча стояла, разглядывая заиндевевшие ветки над головою, спокойная и умиротворенная, предаваясь каким-то своим, лишь одной ей ведомым воспоминаниям. Чуть дальше от неё, в Шашлычной, находились пять-шесть человек, все

еще возясь с очередной порцией запекающейся на углях свинины, а в одной из дальних беседок трое девчонок хохотали, зажигая бенгальские огни.

Маша услышала, как позади неё скрипнула дверь и, обернувшись, увидела Бирюка.

— Ага, вот у нас тут кто! — улыбаясь до ушей, произнёс он. Вова подошёл, так по-братски обнял её и поцеловал в щёку. От него сильно пахло вином, а может и чем-то покрепче. — Как же я вас всех люблю. Ты просто не представляешь, как! — признался Бирюк.

— Хорошо, что Танька не видела, как ты всех любишь, — засмеялась Машка, толкая друга кулаком в бок. — А то она бы тебе сейчас надавала тумаков!

— Только тс-с-с! — Бирюк приложил палец к губам. — Об этом — ни слова.

Он посмотрел на ребят в Шашлычной и серьезно спросил:

— Ты сегодня пробовала шашлык?

— Кажется, нет, — начала припоминать Малиновская, — а что?

— Я тебе сейчас принесу.

Бирюк направился в сторону веселой компании, а через пару минут вернулся к ней с шампуром в руках. Горячее мясо пахло очень вкусно и соблазнительно.

— Я скоро вернусь, — сказал Бирюк, вручая ей угощение, и утопал обратно в дом. Малиновская даже не успела его поблагодарить.

Она стояла и задумчиво жевала кусочки шашлыка, по очереди аккуратно стаскивая их с шампура. Было очень вкусно. Конечно, можно было кусать и прямо с него, но она боялась, что таким образом запачкает соком свою нарядную кофту. Доев, она ещё немного постояла на свежем воздухе и, напоследок взглянув на заснеженную яблоню, вернулась обратно в дом.

Настасьи и Евгена в коридоре уже не было. Пройдя в гостиную, Маша очень удивилась, увидев, что её лучшая подруга, в числе многих других парочек, танцует под мелодичную музыку медленный танец в обнимку с Маратом! Настасья наверняка делает это назло, только лишь потому, что они с Женьком поругались, — подумала Маша, вертя головой и пытаясь отыскать глазами Евгена. Но того нигде, кажется, не было…

Ближе к семи утра большинство гостей разбрелось по своим домам, а тех, кто идти был уже ну совсем не в состоянии, аккуратно разложили по всем свободным диванам и кроватям, благо их было в доме много. Несмотря на наступившее утро, за окнами все ещё гуляла едва светлеющая темнота: такая бывает

зимой, когда ночь пока не ушла, а рассвет — только приготовился появиться из-под низко нависающих холодных и снежных туч. Вдоль улицы горели фонари; их мягкий, желтоватый свет освещал подъездную дорожку и деревянное крыльцо.

Праздник подошёл к концу, и пора было ложиться спать, но в одной из комнат на втором этаже все ещё сидели Антон, Бирюк, Татьяна и Маша. Хотя все ужасно вымотались, никто не хотел расходиться, и друзья, рассевшись на полу и креслах, все продолжали обсуждать детали так весело прошедшей вечеринки, стараясь в подробностях припомнить многочисленные смешные моменты, да и просто болтали ни о чем.

— Представляете, какая несправедливость, — возмущался Бирюк. — Из-за этого дурацкого Нового года все забыли про мое день рождение! Меня никто ведь так и не поздравил толком. Каждый год — одна и та же история. Ужас просто!

— Ну, так уж и никто. Вообще-то все твои лучшие друзья тебя поздравили. — напомнила ему Маша.

— Да? Разве? — Бирюк удивленно и немного растерянно посмотрел на неё своими уставшими глазами. — Но вы мне ничего не подарили!

— Потому что ты сам об этом просил, идиот! — Танька встала с кресла и раздраженно постучала ему по макушке. — Поэтому мы скинулись и подарили тебе деньгами.

— И где же они?

— Я их забрала и спрятала, — прокурорским тоном заявила Таня. — Иначе ты все их потратишь на бесполезные вещи.

Антон с Машкой засмеялись, глядя, как Бирюк, раздосадовано разводя руками, пробормотал: — Хороши подарочки… сплошная конфискация…

Все произошло в одно мгновение. В комнате продолжал звучать смех, царило веселье. Татьяна неожиданно схватилась за сердце — улыбка при этом ещё не успела сойти с её уст — и отчетливо произнесла: — Ой, что это со мной…

И в следующий миг она, не устояв на ногах, тяжело повалилась на маленький колченогий столик, приютившийся между креслами, сметая на пол стоящие на нём бокалы. Часть из них как-то нелепо и замедленно шлепнулась на мягкий ковер, часть — разбилась об пол. В воздух поднялись тучи поднятого её падением разноцветного конфетти.

— Таня… — Бирюк опешил, в ужасе глядя на подругу, так и застыв при этом на своем месте.

— Эй-эй-эй! — Малиновская опомнилась первой и подскочила к Таньке, пытаясь её поднять.

— Смерть! — захрипела Татьяна, задыхаясь, и пугая всех ещё

больше. — Смерть! Здесь! — её руки судорожно хватались за края стола.

Следом за Машкой подскочил вышедший из ступора Бирюк:

— Таня! Таня! Что случилось? Таня, тебе плохо? Ты отравилась? ТАНЯ, ЧТО?!

— Смерть! — снова натужно прохрипела она. — Кто-то погиб! Только что! Здесь!

Никто толком не мог понять, что происходит. Все казалось несуразным, диким, каким-то странным стечением обстоятельств. Бирюк в панике начал разрывать кофту на её груди, решив, что Тане не хватает воздуха, и она задыхается, но та оттолкнула его руки от себя и запричитала:

— Не я! Не мне! Умер! Другой…

Маша обернулась, встретившись взглядом с Антоном — тот так и продолжал стоять, словно в забытье, безучастно глядя на попытки друзей привести Таню в чувство. Ещё прежде, чем какие-либо слова были произнесены, они уже, кажется, поняли друг друга, и Антон, вдруг изменившись в лице, панически выпалил:

— Где Евгений? — а в следующую секунду вылетел вон из комнаты. Малиновская бросилась за ним.

Они неслись по коридору второго этажа, по очереди распахивая все попадающиеся им по пути двери: пустая комната, чулан, снова пустая комната… Распахнув очередную дверь, Антон спугнул какую-то целующуюся парочку. Оказывается, не все ещё спят. Сейчас это неважно. Совсем неважно. Он с грохотом открыл ещё одну дверь — предпоследнюю в этом казавшимся нескончаемым коридоре. Поначалу ему показалось, что и эта комната тоже пуста, но тут же разглядел валяющийся на полу слабо светящийся торшер и забившуюся в дальний угол маленькую, испуганную фигурку.

— Настя! — вынырнув откуда-то из-за Антоновой спины, Малиновская бросилась в комнату, к подруге.

Настасья плакала, сжавшись в комок и закрывая лицо руками, размазывая по щекам тушь.

— Что случилось? Настя, что случилось?! — закричала ей Малиновская в самое ухо, пытаясь разглядеть её лицо.

Антон медленно зашёл вслед за Машей в комнату, постоял, задумчиво разглядывая поваленный торшер, осмотрелся по сторонам. Часть мебели располагалась как-то странно и неестественно, будто её только что расталкивали в разные стороны — от центра к краям. Посреди всего этого хаоса на полу лежала разметанная, местами почему-то мокрая куча обуглившегося пепла. Кроме того, в комнате явственно ощущался едкий, неприятный запах чего-то пережженного, то ли какого-то

горелого мяса, то ли непонятно чего ещё. Антон вплотную подошел к всхлипывающей, скорчившейся в углу Настасье и обнимающей её Малиновской и грозно, и вместе с тем тревожно, спросил:

— Что здесь произошло?

Настасья молчала, продолжая плакать и одновременно пытаясь вытереть глаза, отчего ещё больше размазывала потекшую косметику.

— Отвечай! — оглушительно рявкнул Антон.

Мария, кажется, впервые в жизни видела сейчас своего друга в таком гневе.

— Мы… мы поругались с Женей… — вдруг тихо-тихо произнесла Настя, поднимая на него свое заплаканное лицо. — И я пошла танцевать с Маратом… специально. Просто, чтобы… чтобы Женя позлился и приревновал… — голос девушки все ещё сильно дрожал, но она начала говорить громче. — А потом Марат притащил меня сюда. И… и начал приставать ко мне. Я пыталась вырваться. Убежать. Но он ведь очень сильный. Я закричала. И тут появился Евген. — она снова залилась слезами.

— Дальше! — потребовал Антон.

— Между ними началась словесная перепалка. Одно за другим… в общем, все это переросло в потасовку… — продолжала Настя, глотая слезы. — А потом… это случилось так быстро… я ничего не успела толком понять, Антон, правда! Просто вспышка, вскрик, и… и…. — она в ужасе посмотрела на Марию, гладившую её по плечу.

— И Женя испепелил его! — закончил за неё Антон, с отвращением и болью вглядываясь в кучу разметанного пепла на полу, подтверждая свои худшие опасения.

Малиновская замерла, словно не веря своим ушам. Она посмотрела на подругу, и та лишь молча кивнула ей.

— Где он сам? — спросила Мария.

— Убежал, — был ответ.

В коридоре послышался топот, и через секунду в дверях возникли Слава и Сеня.

— Эй, что тут у вас происходит? — спросил Славик, с некоторым удивлением оглядывая комнату и учинённый в ней беспорядок. — Там Таньке плохо, Бирюк её водой отпаивает. А вы тут чего?

— Убийство, — сухо ответил Антон и, не сказав больше ни слова, покинул комнату.

Слава в растерянности смотрел то на рыдающих девчонок в углу, то в спину уходящему по коридору Антону. Он несколько раз то открывал, то закрывал рот, порываясь что-то сказать, и,

наконец, спросил, повернувшись к Семёну:

— Он ведь это несерьезно, правда?

Сеня зашел в комнату, посмотрел на остатки пепла, принюхался. Слава внимательно следил за его реакцией, и выражение Сениного лица было красноречивее слов — он и без чужих подсказок явно догадался, что же здесь произошло.

Антон рывком распахнул входную дверь, вышел на улицу, на заснеженное деревянное крыльцо. Остановился. Мысли метались в голове, как обезумевшие осы, запертые в банке. Да. Случилось. Это именно то, чего он всегда боялся. Он говорил им, а они не верили. Что теперь будет? Что же ты наделал, Евген…

Антон тихонько приоткрыл тяжелую чугунную калитку, вышел на проезжую часть. Медленно падал снег. Равнодушный. Безразличный. Машин не было. Где-то вдалеке продолжали громыхать салюты. Порыв ледяного ветра напомнил ему, что он без куртки. Да и черт с нею! Сейчас он не ощущал холода. Антон вглядывался вдаль, бесцельно смотря в конец дороги, и тут увидел, как около самого дальнего фонаря шевельнулась темная фигура. Высокий парень с растрепанными волосами. Они стояли, вглядываясь друг в друга достаточно долго, пока Евгений на том конце улицы не сделал пару шагов назад, уходя из светлого пятна фонаря, и канул во тьму…

Глава 15. Пропавший без вести

— Антон, от нас только что уехала полиция, — голос Бирюка в телефонной трубке звучал немного тревожно. — Извини, что так поздно звоню, просто я подумал, что тебе следует об этом знать…

— Ничего страшного, я все равно ещё не ложился, — Антон искоса взглянул на часы: болезненно-зелёные цифры на циферблате показывали без пятнадцати двенадцать. — Они приезжали по поводу… ну, ты понял?

— Да, именно за этим, — подтвердил Бирюк. — Ты не находишь, что это не совсем телефонный разговор? Может быть, тебе зайти к нам?

— Лучше вы ко мне, — предложил Антон. — У вас же там бабушка…

— Она уже, кстати, разоралась по поводу того, какого лешего к нам полиция приперлась, — сообщил Бирюк. — Надеюсь, родителям она ничего не расскажет, иначе это будет катастрофа!

Буквально через десять минут Татьяна и Бирюк уже сидели на Антоновой кухне, прихлёбывая свежезаваренный чай с печеньем. Света от тусклого ночника едва хватало, чтобы осветить поверхность стола и расположившихся за ним ребят.

— Что именно они хотели знать? — спросил Антон, делая небольшой глоток и ставя чашку обратно на стол.

— Ничего особенного. Больше даже сами рассказали, — Бирюк нервно вздохнул. — Короче говоря, родственники этого Марата позвонили в полицию только сегодня днём, когда не обнаружили его дома.

— Хороши родные — только на третий день спохватились! — невесело усмехнулся Антон: на календаре стояло аккурат третье января.

— Как мы поняли из слов участкового, Марат был тот ещё тусовщик, часто не ночевал дома по нескольку дней, — пояснила Таня. — Поэтому поначалу они решили, что он просто загулял.

— Так или иначе, сейчас он объявлен в розыск, — Бирюк прикусил губу, размышляя о чем-то своем, и добавил как бы нехотя: — Но ведь они его и не найдут.

Друзья немного помолчали. Антон вслушивался, как за закрытыми окнами приглушенно воет автомобильная сигнализация. Это напоминало слабые беспокойные сигналы. Слегка действовало на нервы. Татьяна негромко кашлянула и спросила:

— Евген так и не объявлялся?

— Нет, — ответил Антон. — Телефон у него недоступен, и в окнах квартиры свет не горит. Дверь он тоже не открывает, Настасья уже много раз ходила к нему.

— Может быть, позвоним остальным, чтобы тоже сюда пришли? — предложил Бирюк. — Хотя бы Насте с Машей — им всего-то на один этаж подняться.

— Не сто́ит, — возразил Антон. — Настя и так там вся, мягко говоря, в расстроенных чувствах. Тем более, вчера вечером к ней приехал отец — ей совершенно не до нас, я уверен. У Маши тоже мать сегодня дома — не хотелось бы лишних вопросов с её стороны.

— Знаете, в такие моменты я чувствую себя преступницей, честное слово! — призналась Таня.

— В любом случае, никому ничего говорить нам нельзя, — твердо сказал Антон. — Иначе у нас будут очень большие проблемы. Вы же понимаете — мы просто не сможем им всего объяснить.

— Да уж, — согласился Бирюк. — Тем более что это не убийство в традиционном понимании этого слова. Трупа-то нет…

— А полиция, кстати говоря, не захотела осмотреть ваш дачный дом? — с новой тревожной ноткой в голосе поинтересовался Антон.

— Нет. Вроде нет.

— Это довольно странно.

— Дело в том, что они уже опросили несколько свидетелей, и никто из них не смог припомнить, чтобы перед исчезновением они видели Марата непосредственно в доме. Из чего полиция, как мне кажется, сделала вывод, что он пропал уже после того, как ушёл с вечеринки.

— Если так подумать, для нас это даже и к лучшему, — кивнул Антон. — Хотя, конечно, поутру девчонки и вымыли там все с мылом и порошком, наверняка следователи, если бы им пришло в голову посетить дом, разыскали бы какие-то частицы пепла, попавшие за плинтус или ещё куда…

— Ты думаешь, что человеческие приборы настолько совершенны, что смогли бы установить личность по кусочкам шлака и золы? — с неприкрытой иронией в голосе спросил Бирюк, жуя при этом печенье.

— Иногда ты, Вов, говоришь так, будто уже не отождествляешь себя с людьми! — немного недовольно заметила Таня.

— Кстати, у меня иногда тоже такое проскальзывает, — сказал Антон, задумчиво ломая в руках свой кусок печенья и даже, похоже, не обращая на это внимания. — Как будто мы уже

не часть этого мира, да?

— Да, — тихо ответил Бирюк. Он встал, медленно подошел к окну, отодвинул занавеску. Заснеженный двор был абсолютно пуст.

— Значит, полиция больше ничего не спрашивала? — уточнил Антон.

— Я думаю, им не особенно интересно было с нами беседовать, потому как мы не могли им толком ничего рассказать, — ответила ему Таня. — Ведь ни я, ни Вовка этого Марата и не знали толком. Его пригласил Илья, наш знакомый из института, которого позвал Вова. Но сам Илья в итоге так к нам и не пришёл, потому что он тогда как раз заболел. Получается, что этот Марат вообще пришёл как будто бы сам по себе, понимаешь? Короче говоря, всё очень запутанно. Складывается такой сумасшедший клубок, который очень сложно, на самом деле, разобрать на отдельные ниточки.

— Может быть, это и не слишком хорошо прозвучит, но: тем лучше для нас, — заключил Антон.

— Но мы же вроде здесь не пособники преступления, правильно? — испуганно спросила Татьяна.

— Пособники — не пособники, но утаиваем важные факты, — Антон вздохнул. — А это тоже не есть хорошо. Я ещё тут вот о чём хотел с вами поговорить: ведь в ту ночь вышло так, что Таня как бы предугадала это убийство…

— Ой, может, не будем сейчас обсуждать? — неуверенно спросила Таня. — Это был такой кошмар, что мне, честно говоря, даже не хочется всё вспоминать.

— Танюш, нам крайне важно это обсудить, — настаивал Антон. — Потому что мы, возможно, стоим на пороге обнаружения ещё одной способности — пятого из даров нашего Авалона. Я практически в этом уверен.

Татьяна задумчиво разглядывала все ещё продолжающего стоять у окна Бирюка, пока тот, наконец, не обернулся к ним, чтобы посмотреть, почему они вдруг замолчали. А потом она произнесла:

— Наверное, ты прав. По крайней мере, я уже размышляла об этом — когда немного отошла от первоначального шока. Моя скрытая способность, говоришь? Возможно… но я так до конца и не поняла, что же это такое было.

— Мы все в тот момент так испугались, — сказал Бирюк, снова присаживаясь к столу. — Уж я-то, наверное, больше всех!

— Как бы это странно не прозвучало, но у меня в тот момент было двойственное состояние, — начала вспоминать Таня. — С одной стороны, я как будто испытывала те же самые ощущения,

какие, вероятно, испытывал Марат в момент, предшествующий смерти. А с другой — иная часть моего сознания мгновенно поняла, что, какими бы сильными не были мои «мнимые», фантомные боли, лично со мною все равно ничего не произойдёт, потому что, хотя мое тело и отзывалось на это физически, мой мозг понимал, что я лишь мысленно переживаю то, что происходило поблизости. Иногда я сама уже запутываюсь в этой сложной паутине прошлого. Да я даже не могу вам толком ничего объяснить! — в итоге воскликнула она.

— Но каким образом ты поняла, что в тот момент все это происходило именно с Маратом, а не с кем-то другим? — спросил Антон. — Подумай, ведь это очень важно!

— Мне жаль, но вот этого я уж точно не смогу сказать наверняка, — Танька пожала плечами и одним глотком допила весь оставшийся чай из разукрашенной чашки с желтым цыпленком. — Могу лишь одно сказать наверняка: тогда я не была ни в его теле, ни в его мыслях. И физически, и умственно я оставалась в той комнате, рядом с вами. Я осознавала и видела все, что вы делали и говорили. И ещё я никак не могла понять, почему до вас никак не дойдет, что помочь нужно не мне…

— Если бы мы догадались чуть раньше, наверное, все было бы по-другому. — медленно проговорил Бирюк. — Мы бы успели…

Антон, не обратив внимания на последние Вовины слова, сказал:

— Я бы назвал твой дар «предчувствием смерти».

— Но почему она так бурно на это реагирует? Это будет происходить каждый раз? — спросил Бирюк. — Мы ведь живём в огромном городе, вокруг нас постоянно умирают сотни людей. Почему же она не чувствует сейчас их смерти?

— Слишком много вопросов и слишком мало ответов, — Антон потер свои ладони друг об друга, пытаясь собраться с мыслями. — Это очень странная способность. Я бы сказал, даже немного пугающая. Она затрагивает тайны жизни и её конца, а это всегда было областью, крайне затруднительной для понимания. Откуда мы можем знать? Мы ведь никогда ещё не умирали.

Ветер сильнее завыл за окном — начиналась новая метель. Антон встал, поплотнее закрыл форточку и заговорил уже более деловым тоном:

— Таня может чувствовать смерть — это факт. Она косвенно испытывает те же ощущения, что и умирающий — это тоже факт. Происходит сие не мгновенно — иначе мы бы просто столкнулись с Евгеном в коридоре, когда он убегал. Но задержка невелика — немногим более пяти минут, а может и меньше. Как если бы это

была передача данных из России в Америку по оптоволоконным кабелям, проложенным по дну океана. Они совершенны, но даже им требуется некоторое время. Ладно, неважно. — он взмахнул руками, словно фокусник, признававший, что трюк не удался. — Почему она почувствовала именно эту смерть? Возможно, потому, что Марат был очень близко. Или потому, что смерть была мучительной, — скажем так, не по доброй воле… Или почему-то ещё? Одна теория — никакой практики. И, скажу вам откровенно… — Антон облокотился на стол, по очереди внимательно глядя то на Бирюка, то на Татьяну. — Я искренне надеюсь, что в этом вопросе теория так и останется на уровне теории.

— Да уж, — невесело усмехнулась Таня.

— Хотя тема, безусловно, крайне интересная, — пробормотал Антон себе под нос, прикрывая фарфоровой крышкой стоящий на столе чайничек для заварки.

* * *

Настасья первой подошла к границе Кленового леса, слегка щурясь от ярких лучей восходящего солнца. Башни и шпили Нифльхейма были окутаны утренней дымкой, а лежащая внизу долина чуть серебрилась от ещё не успевших высохнуть капель росы на изумрудной траве. Сегодня она встала очень рано и, приготовив вернувшемуся к ней на неделю папе завтрак, предупредила его, что возвратится только к вечеру. Пришлось немного слукавить — вроде как она вместе с Малиновской отправилась гулять по центру города. Отец возражать не стал: несмотря на то, что ему, естественно, ничего не было известно о событиях последних дней, он не мог не заметить, что его любимая дочь о чем-то сильно тревожится, хотя Настя держалась из последних сил, поэтому он был вовсе не против, чтобы она развеялась в компании лучшей подруги.

Настасья стояла, красивая и печальная, любуясь восходом, и ветер едва заметно играл с её темными волосами. Плакать она будет потом, когда папа уедет, друзья разойдутся по своим домам, когда захлопнутся все двери и она останется совершенно одна. Вот тогда можно будет залезть в ванную прямо в одежде, врубить горячий душ и долго-долго сидеть вот так, сотрясаясь от рыданий. В душе плакать легче, потому что соленые слёзы смешиваются с обычной водой и не видно, сколько же выплакано на самом деле. Но это только её. Её личное. То, о чем никто никогда не узнает — даже лучшая подруга — потому что на

людях плакать нельзя. Потому что она сильная. Всегда. И даже сегодня, когда хочется вырвать сердце из своей груди, потому что оно причиняет одни лишь страдания.

Совершенно неслышно сзади подошёл Антон: он приблизился так тихо, что создалось впечатление, будто он возник прямо из воздуха. Антон остановился рядом с Настей, обернулся, поджидая остальных. Где-то позади плелись Таня с Бирюком, Семён, Слава и Маша, едущая верхом на своей обожаемой медведице, которая, нагнав их по дороге, очень обрадовалась встрече после столь долгого отсутствия. Теперь их осталось только семеро. Семеро и медведь. Звучит, как название какой-нибудь детской книжки — подумал Антон.

Отсутствие среди них Евгения было непривычным, отзываясь грустью и ещё некими странными чувствами, которые невозможно было ни передать, ни объяснить. Хотя в последние дни они и редко собирались полным составом, но никогда ещё не случалось так, чтобы не было лишь одного человека. Каждый из друзей знал, что остальные тоже переживают по этому поводу, но вслух никто ничего не говорил, и оттого создавалось некоторое ощущение тягости и недосказанности, словно это неожиданно вдруг превратилось в какую-то запретную, постыдную тему, о которой никто не хотел вспоминать. Будто их лучший друг сейчас тяжело заболел, и потому не может быть рядом с ними. Надеюсь, что эта «болезнь» оставляет надежду на выздоровление — как-то решил для себя Антон.

— Уж не Алексис ли ждет нас на ступенях? — голос Настасьи, прервав размышления Антона, прозвучал глухо и как-то слегка испуганно.

— Да, пожалуй, он самый, — сказал, приглядевшись, Антон. — Странно, правда? Не так уж и часто он встречает нас у центральных ворот.

— Может быть, ему уже известно о… — Настя не договорила, но и так было понятно, что именно она имеет в виду.

— Возможно, — нехотя согласился Антон. — С тех пор прошло уже пять дней, наверняка какие-то слухи добрались и сюда.

— Каким образом?

— Не спрашивай меня об этом, Насть. Наши друзья владеют странными силами, как, впрочем, и мы сами, и, смею тебя заверить, они способны получать информацию из многих источников. Ведь Сильфида и Флавиус, к примеру, всегда знали, что происходит в нашем мире. Интересно, какова была бы их реакция на всё произошедшее?

Лицо Настасьи стало слишком уж печальным, и потому

Антон поспешно произнёс:

— Извини. Не хотел тебя этим огорчать.

Настя тяжело вздохнула, слегка провела кончиками пальцев под глазами и сказала:

— Ничего. Просто… просто тяжело. Не ты виноват. Все так оборвалось. Внезапно. Я как мотылек, понимаешь? Мотылек, который сгорает в пламени свечи. Уже сгорел.

Антон грустно и понимающе смотрел на неё. Пока они вот так стояли вдвоем, озаряемые молодым солнцем, подтянулись все остальные. Малиновская, восседая на Пончике, внимательно разглядывала Настасью, готовую вот-вот заплакать, и не понимала, в чём, собственно, дело: когда они только выходили из дома, подруга находилась в более-менее приподнятом расположении духа. Или это ей только казалось? Маша не успела у неё ничего спросить, потому что Антон вдруг произнёс, повернувшись к Бирюку:

— Вов, узнай у Алексиса, всё ли в порядке? А то мне как-то…

— Понял, — Бирюк в ответ лишь кивнул и выпустил из своей руки Танину руку. — Я мигом.

Раздался странный звук, как будто медленно вдохнул какой-то огромный зверь; легкое дуновение ветра — и Бирюк телепортировался. Через несколько секунд друзья уже могли наблюдать, как он стоит на каменном крыльце замка, разговаривая с Алексисом.

— Наверное, нам нужно было сюда раньше прийти, — сообщила Малиновская, спрыгивая с Пончика. — А то мы уж очень долго тянули, и теперь Алексис будет недоволен… или кто похуже…

Слава хотел спросить у неё, кого именно она имеет в виду, но тут вернулся обратно Бирюк:

— Алексис просит поторопиться, — отрапортовал он. — Нас ожидает Совет.

— Совет Маханаксара? — нервно уточнил Сеня.

Бирюк кивнул.

— Как, в общем-то, я и предполагал, — серьезно заметил Антон. — Ну что же, идёмте.

И все они быстрым шагом начали спускаться в долину. Когда Авалон пересек Карнимирию и дошел до центральных врат, где их и поджидал Алексис, тот почтительно, как и всегда, поздоровался с ними, а потом немного сухо произнёс:

— Совет уже ждет вас. Поспешим.

— Алексис, мы… — неуверенно начала Малиновская, попутно пытаясь угадать, как много из всего произошедшего известно конкретно ему.

— Не передо мною вам сегодня держать ответ, — лицо Алексиса оставалось непроницаемым. — Я всего лишь страж Вечной Крепости. Идемте.

«Он все знает» — пронеслось у Маши в голове. Ей отчего-то стало немного неловко, как будто это она — главная виновница всего произошедшего.

Вынужденно оставив Пончика снаружи, которая грустно глядела им вслед, они пошли по прекрасным галереям и залам, гадая о том, что может ожидать их на Совете. Понятно было, что им предстоит обсуждение всех подробностей того, что произошло в ту злополучную новогоднюю ночь, но вот в каком контексте будет построена предстоящая беседа и во что все это может вылиться — большой вопрос.

Мария задумчиво шагала по белоснежным мраморным плитам, устилавшим пол — без инородным вкраплений и трещин, они были такими же идеально-белыми, как и хрустящий, искрящийся снег под её ногами в парке, пока она вместе с друзьями не миновала знакомый Портал, вступив в вечное лето и оставив зиму позади. Маша редко посещала именно эту галерею в последние месяцы, потому что по ней можно было попасть лишь в одно место — Чертоги Маханаксара, а после их посвящения в бессмертные ей больше ни разу не довелось побывать в этом странном зале, — обители загадочных фантомов и таинственных духов.

Малиновская, видя, что все её друзья не намерены общаться, и погрузились в напряженное молчание, старалась самостоятельно отвлечься от мрачных мыслей и начала разглядывать величественные белые скульптуры, мимо которых они проходили. Расставленные меж могучих малахитовых колонн, высеченных в виде древесных стволов, сегодня они отчего-то выглядели совсем иначе: возможно, это была всего лишь странная игра света на холодном камне, но лица застывших навеки изваяний теперь казались мрачными и неприветливыми. Огромные тканые гобелены на стенах будто бы поглощали даже тот немногочисленный свет, что проникал в галерею сквозь узкие своды окон-витражей. Большинство цветных стеклышек дварфы в них уже заменили — по давнему распоряжению Антона, — и теперь были заняты тем, что разбирали строительные леса.

Наконец друзья, следуя за Алексисом, дошли до трех больших фонтанов с ледяною водой — это означало, что они достигли дверей в Чертоги Судьбы. Алексис остановился, встав у входа в зал, и, кивнув на Антона, непререкаемо произнёс:

— Внутрь отправится только он.

Естественно, последовал бурный взрыв негодования.

— Почему это? — первой возмутилась Малиновская. — Мы — Авалон, и нас нельзя разделять! Что это за самоуправство такое?

— Так нечестно! — поддержала её Настасья. — Я, как и остальные, ничуть не боюсь оказаться в этом зале и предстать перед Советом, не хочу уходить от ответственности. Если уж так подумать, то из всех здесь присутствующих я, быть может, более других виновна в случившемся. Так отчего же я не имею права попасть внутрь? Я могла бы рассказать Совету все в подробностях, если они того пожелают.

Семён, молчавший все это время, похоже, даже немного обрадовался такому повороту событий, он был явно напуган предстоящим «допросом» и едва заметно побледнел. Слава, глядя на него, слегка улыбнулся лишь самыми уголками губ, а потом сказал:

— И всё-таки это несправедливо. Я считаю — отвечать должны все.

Но Алексиса не так-то просто было переубедить.

— Сильфида и Флавиус, — сказал он, — Уходя, оставили взамен себя двух Главных. И коли один из них в бегах — отвечать придется второму. — он распахнул двери, пропуская Антона в чертог, но при этом загораживая своей могучей спиной вход для всех остальных.

— Все в порядке, — Антон несколько виновато взглянул на остающихся снаружи друзей, и безропотно проследовал внутрь.

— Кроме того, — Алексис повысил голос, видя, что Малиновская вновь хочет ему что-то возразить, — так хочет Совет, а его решение — закон.

Мария вздохнула, и вяло махнула рукой — мол, что толку спорить. Остальным тоже пришлось смириться — в самом деле, не прорываться же туда силой.

Прежде, чем Алексис захлопнул массивные створы, они ещё успели разглядеть напоследок своего друга, медленно идущего к центру зала по изжелта-бурому песку, которым был устлан пол, да серые стены с позолоченными чашами вдоль них, над которыми уже начали клубиться мириады серебристо-серых пылинок — фантомы почувствовали, что тот, кого они ожидали, явился, и начали обретать свою зримую форму.

В галерее какое-то время ещё продолжало гулять гулкое эхо от затворившихся дверей — а потом наступила тишина. Потекли долгие, томительные минуты ожидания. Маша робко присела на краешек одного из фонтанов и окунула руку в ледяную струю — стало очень холодно, но ей сейчас было совершенно все равно; хотелось ощущать хотя бы что-нибудь, чтобы быть уверенной наверняка, что она все ещё не утратила способности чувства и

рефлекса. Казалось, само время стало каким-то неприятным, тягучим, и никак не хотело заканчиваться это продолжительное ощущение того, как будто бы её окружал не воздух, а густое желе.

Все её друзья разбрелись в разные стороны, гадая, что же именно сейчас происходит за закрытыми створами. Настасья поначалу какое-то время нелепо толклась у двери, но потом, видимо, поняла, что ничего расслышать ей все равно не удастся, и начала просто бродить по галерее, наворачивая круги вокруг фонтанов. На Машино предложение успокоиться и посидеть рядом с нею она ответила отказом:

— Когда я двигаюсь, у меня создается хоть какое-то ощущение деятельности. Иначе я начинаю чувствовать себя беспомощной, — нервно сказала она.

Слава и Семен отошли к окну и негромко о чем-то переговаривались, а Татьяна все никак не могла успокоиться по поводу того, что их не пустили внутрь, почему-то обвиняя при этом Бирюка. Сам Вова сидел с выражением покорности судьбе, ничего не отвечая, но слушая, или делая вид, что слушает.

Ожидание начинало затягиваться, и стало казаться, что они сидят здесь уже целую вечность. С одной стороны, конечно, было понятно, что Антона там вряд ли пытают за чужие проступки, но ему наверняка приходится отвечать на целую кучу неудобных вопросов, на которые, на самом-то деле, ещё и неизвестно как нужно отвечать. И лучшим ли выходом в этой непростой ситуации было бы где-то соврать, а где-то — рассказать всю правду? Опять же, — если Антон слукавит — способны ли будут сами фантомы распознать его ложь? Ведь они видят все и всех буквально насквозь. Да уж, задача не из легких. Или вот ещё интересно: будет ли Авалон в целом подвергнут какому-нибудь наказанию за случившееся, или все бремя вины духи чертога целиком и полностью возложат на плечи Евгения? Тут определенно есть над чем подумать…

Прошло немногим чуть более часа, прежде чем тишину галереи нарушил протяжный скрежет распахнувшихся настежь дверей — и появился Антон. Он выглядел очень уставшим и слегка рассерженным. С его возвращением царившая в воздухе сонливость мгновенно испарилась, и все тут же бросились к нему навстречу с расспросами.

— Все на самом деле довольно скверно. — немного тише, чем обычно, произнёс Антон. — Они требуют, чтобы мы нашли Евгения и привели его на суд.

— На какой ещё суд? — Настасья спросила это так быстро, что её слова прозвучали слегка невнятно.

В этот момент следом из зала вышел Алексис и начал

неторопливо закрывать плохо слушающиеся двери — снова раздались скрипы и стенания петлей, явно нуждавшихся в смазке.

Антон тяжело вздохнул и сказал:

— Я вас всех очень прошу — давайте где-нибудь сядем, и тогда я расскажу вам все по порядку. Не хочется обсуждать такие вещи вот так просто, стоя посреди коридора. А то я и так там слишком утомился.

Друзья согласились, и они двинулись прочь от Маханаксара. Алексис, затворив створы чертога и снова заступив на свое дежурство, задумчиво глядел им вслед. По выражению его лица совершенно невозможно было понять, о чем он думает, как, впрочем, и всегда.

Выйдя из галереи, Авалон, ведомый Антоном, начал подниматься все выше и выше по лестницам, пока они не пришли, в итоге, в ту же странную комнату каплевидной формы с тремя окнами, которая предшествовала Тронному залу, являясь как бы его архитектурной прелюдией. Именно здесь, в Тронном зале Нифльхейма, прошла их последняя встреча с Флавиусом и Сильфидой. Стражники-дварфы, как и прежде, охраняли вход, и, завидев их, с достоинством поклонились.

— Никого не впускать, — строго сказал им Антон, и они лишь обозначили повторным легким кивком головы то, что всё поняли, при этом распахивая перед ними огромные позолоченные двери.

— Ноэгин Фроуз, — тихо произнесла Малиновская, проходя внутрь следом за остальными. — Но для меня он навеки останется Залом Разлуки, потому что его стены помнят скорбь моего прощания и боль моих слез.

Тусклая позолота чертога слабо мерцала вокруг, отражая дневной свет, проникающий сквозь узкие окна-бойницы; причудливо подсвечивала потемневшие от времени, инкрустированные повсюду рубины, чьё глубинное алое зарево едва уловимо перекликалось с прожилками красного граната на полу. Все это как-то навевало необъяснимую тоску: такая бывает в сердце, когда догорающее лето медленно и безвозвратно уходит в теплую, нежданно вспыхнувшую торжественную осень, и хотя она никогда не наступала в этих краях, душа полнилась печалью.

— А чего это стула-то одного… нет… — Славик остановился в растерянности посреди зала, и его голос привлек внимание остальных.

Никто из них сразу и не заметил эту вдруг наступившую перемену в интерьере: действительно, мраморных тронов, с таким изяществом выточенных из скальной породы, неожиданно осталось семь. Черный трон Евгения исчез, а остальные словно

придвинулись друг к другу, чтобы заполнить собою образовавшуюся пустоту. Теперь оказалось, что два белых трона шли подряд — Антона и Настасьи, внося непривычный глазу диссонанс и нарушая идеальную симметрию зала.

— Такова магия этой странной комнаты, — пояснил замершим от удивления друзьям Антон.

— Откуда ты знаешь? — спросила Таня. — Я что-то не совсем поняла…

— Тронов всегда ровно столько, сколько Бессмертных находится в Авалоне. Комната добавляет либо убирает их тогда, когда посчитает нужным. Никто не знает, по какому принципу это происходит. Я прочитал об этом здесь, в Библиотеке, — добавил Антон, как бы отвечая на вопросительный Танин взгляд.

— И куда же они деваются? Просто исчезают? — Малиновская заглянула за спинку своего каменного престола, словно надеясь, что исчезнувший трон Евгения спрятался где-нибудь там. Потом она присела, и начала внимательно разглядывать пол, пытаясь отыскать некий скрытый от глаз механизм, который бы производил это действие.

— Правильно ли я понимаю, что это значит, будто комната уже вычеркнула Женю из нашего братства? — тревожно спросила Настасья, поднося дрожащую руку к своему подбородку.

— Возможно, он вычеркнул себя сам, — Антон сел на свое место, устало облокотившись на прохладную спинку трона. — Решения комнаты не являются необратимыми — в отличие от решений Совета. Я думаю, если он вернется, то его трон возникнет вновь. Вот только вряд ли он вернется…

— И это возвращает нас к тому, что именно сказал тебе Совет, — напомнил Бирюк, тоже занимая свое законное место.

— Не хочу от вас ничего скрывать, — начал рассказывать Антон, — но Совет разгневан. Очень сильно. Причем неизвестно на кого больше — на нас, за то, что мы не смогли это предотвратить, или на самих себя — что они ошиблись в собственном выборе. Наш неразумный друг совершил одно из самых ужасных деяний — лишение жизни невинного.

— Ничего себе невинного! — воскликнула Настя. — Марат ведь сам его спровоцировал. О, какая жалость, что я не могла присутствовать на совете — иначе я много о чем поведала бы, рассказала бы им всё как есть!

— Я думаю, они знают достаточно, — веско сказал Антон. — Тем более что подробности произошедшего интересовали их на удивление мало. Духи чертога рассматривали лишь свершившийся факт как данность, а именно — смерть. И поэтому я передаю вам их приказ, — голос Антона сделался громче,

сурово отдаваясь от позолоченных сводов, — любой, кто обнаружит Евгения, обязан будет его задержать — уговорами либо силой — и представить его Совету. После состоится суд, где будет решена его дальнейшая судьба. Это их слово.

— Легко сказать — задержать! — пробормотал Семен.

— Они ведь убьют его, — тихонько простонала Настасья. — Смерть за смерть.

При этих словах Татьяна поплотнее придвинулась к Бирюку, будто испытывая страх. Слава и Семён переглянулись. Мария подошла и крепко обняла свою подругу, чтобы та снова не начала плакать. Антон, замерев, как-то слегка беспристрастно смотрел на них обеих, и взгляд его скользил поверх их голов, наблюдая, как солнечный свет золотится на светлых волосах Марии, превращая их в мерцающие блики-вспышки, и тонет в черной ночи локонов Настасьи. Наконец он произнёс:

— В общем-то, напрямую речь о лишении жизни не заходила. Они не конкретизировали, если уж говорить по правде. Как я понял, сначала Духи лишат его магических способностей. «Он оказался не заслуживающим владеть этим даром» — так они сказали. Таким образом, он перестанет быть Элементалем — на время или навсегда. Совет считает, что это будет наихудшим наказанием для Евгения. А уж потом… Возможно, тюремное заключение. Я не знаю.

— Но ведь это чудовищно! — возмутилась Малиновская, продолжая гладить Настасью по плечу. — Фактически, мы должны поймать того, кого считаем или считали своим другом! Мне жалко Женю.

— Жалко? — с удивлением спросил Бирюк. — А кто, скажи мне на милость, пожалеет нас? Благодаря ему мы оказались теперь словно между молотом и наковальней. Интересно, что будет, если мы не выполним приказа Совета Маханаксара? Полагаю, нас объявят изменниками, и тогда в их глазах мы все будем выглядеть ничуть не лучше, чем он. И нас самих будут судить! Отправят в какие-нибудь сырые подвалы лет на пятьсот, — а что, вполне — мы же теперь бессмертны. И все из-за одного придурка!

— Вов, перестань, — Таня осуждающе притопнула ногой.

— Нет, не перестану! Да, признаюсь, пожалуй, сначала мне это казалось даже немного забавным — я имею в виду то, что Евген не всегда контролировал себя. Ну и что, — думал я, — от этого ведь ничего дурного не происходит. Да, порою меня, знаю — как и многих, — раздражали регулярные понукания Антона об ответственности, о том, чтобы мы все были бдительны.

Сказав это, Бирюк слегка покосился на Антона. Тот невесело

усмехнулся.

— И вот — пожалуйста! — продолжал Вова. — Он оказался прав! Мы вляпались в такую болотную жижу, из которой теперь вряд ли выберемся. И если уж правдой оказалась эта часть его теории, то я с ужасом представляю себе, что произойдет, если наш дружок ещё и окажется новым Воплощением Зла! И что мы станем делать тогда?

— Замолчи! Что ты несешь! — Настя неожиданно вдруг кинулась на него с кулаками, словно собираясь ударить, но, не добежав каких-нибудь пару шагов, она рухнула на пол, заливаясь слезами, и запричитала: — Они убьют его! Я знаю, убьют! Убьют, убьют, убьют… — и от неё уже ничего нельзя было добиться.

Маша подумала, что Женя ведь, по сути, и сам убийца, но не стала этого озвучивать — обстановка и так была накалена до предела.

— А чего она ревет, я что, не прав, что ли? — Бирюк продолжал гнуть свою линию.

— Прав. Потому она и ревет, — ответил ему Слава.

Малиновская, пытаясь одновременно поднять Настасью с пола и вытереть ей слезы, рявкнула на них: — Вы не могли бы просто заткнуться! Оба!

— Я вас всех очень прошу, давайте немного успокоимся, — голос Антона перекрыл гомон перебранки. — Я знаю, ситуация трудная, и все мы на взводе, но не будем погружаться в отчаяние! Я верю, что все ещё можно исправить. Мы сейчас пойдем и…

Но друзьям так и не удалось услышать, что же именно хотел предложить Антон. Двери Тронного зала вдруг распахнулись, и из них вышли навстречу семь длиннобородых дварфов в своих привычных желто-зеленых костюмах и забавных, казавшихся немного неуместными в данной ситуации, колпаках. Дварф, шедший впереди всех, сделал ещё пару шагов вперед и остановился, с интересом и некоторым удивлением смотря на раскрасневшиеся, напряженные лица ребят и на плачущую Настасью, которая с помощью Малиновской поднималась на ноги.

— Я же просил, чтобы в зал никого не впускали! — гневно воскликнул Антон, уже и так сильно разозленный.

— Приношу свои глубочайшие извинения, мой Господин, — вежливо откликнулся дварф и низко поклонился. Остальные сделали то же самое, следуя его примеру. — У меня важное сообщение. Ходят слухи, что один из вас отказался подчиниться воле Сил и находится в бегах, а потому мы, посоветовавшись, решили поделиться с вами некоей важной информацией.

— Что ж, говори, дварф! — уже немного спокойнее произнес Антон.

— Монфрод. Его зовут Монфрод, — осторожно поправила его Малиновская.

Антон медленно повернул голову в её сторону, и Маше на миг показалось, что он сейчас закричит, но Антон, напротив, улыбнулся и сказал:

— Дорогая, я с огромным уважением отношусь к Малому народу, но все ж-таки знать их всех по именам — слишком обременительно, не обессудь. Пускай это будет твоей почетной обязанностью.

— Разумеется, — чопорно кивнула Мария. — Я ведь их любимица.

— Итак, прошу прощения, Монфрод. — Антон снова повернулся к дварфу. — Мы внимательно слушаем тебя.

— Ровно две луны назад, — деловито заговорил Монфрод, — сюда явился Огненный Князь. Тогда мы ещё ничего не знали о случившемся — да и сейчас знаем немногое — и потому его появление в Нифльхейме в полном одиночестве никому из нас не показалось чем-то странным.

Малиновская почувствовала, как стоящая рядом Настасья вытянулась в напряжении, точно струна, вся обратившись в слух. Ей показалось странным, что никто из её друзей не обратил внимания (или сделал вид, что не обратил) на то, что дварф уже не называл Евгения по имени, использовав им самим когда-то выдуманный дурацкий титул. Наверное, даже в такой ситуации дварфы вынуждены продолжать исполнять его прошлые приказы — с некоторым возмущением предположила Маша.

— Интересно, — сказал Бирюк, прервав тем самым размышления Малиновской. — А ведь Старый Клен, когда мы сегодня проходили мимо, ничуть не обмолвился о приходе Евгения…

— Возможно, он не заметил его просто потому, что спал? — предположила Татьяна. — Иначе, я уверена, он бы нам наверняка об этом рассказал.

— Я продолжу, если вы позволите, — напомнил о себе Монфрод. — Так вот, он явился глубоким вечером, в начале наступления темноты, и сперва довольно долго пробыл в своей спальне. Когда же время перевалило далеко за полночь, он покинул её и направился в Библиотеку. А потом он ушёл. Но, когда он выходил из замка, по пути ему совершенно случайно встретился мой брат — Монгрод. Было уже очень поздно, и потому все остальные дварфы давно спали глубоким сном. Монгроду показалось очень странным, что Огненный Князь крадется в ночи по Нифльхейму, подобно вору, тем более, что в руках он держал некий объёмный свёрток из темной кожи.

Монгрод попытался заговорить с ним, и когда тот повел себя более чем странно — остановить его. Это была плохая затея. Получилось вот что…

Брат Монфрода, Монгрод, облаченный в такой же желто-зеленый костюм, чуть-чуть вышел вперед из-за спин остальных дварфов, и друзья увидели его обожженное лицо и довольно сильно опаленную бороду.

— Какой ужас! — воскликнула Маша.

— Ну, знаете, это уже слишком! — поддержала её Таня. — Что у человека вообще в голове происходит?!

Настасья хранила молчание. Она лишь на мгновение посмотрела на покалеченного дварфа, а потом быстро опустила глаза.

— Печальное зрелище, — грустно констатировал Монфрод. — В пылу, так сказать, схватки, сверток, который нес Огненный Князь, выпал из его рук и раскрылся, и, таким образом, нам стало известно его содержимое…

— Мне кажется, я знаю предметы, которые он прикарманил, — догадался Антон. — Из спальни, я полагаю, он забрал свою драгоценную корону. Это было несложно: никто не препятствовал ему, тем более что она находилась там безо всякой охраны — я сам много раз видел подобное.

Монфрод согласно кивнул, подтверждая слова Антона.

— Не забрал, а украл, — поправил Слава.

— Достаточно спорный вопрос, — не согласился с ним Сеня. — Ведь корона была откована народом дварфов специально для него, так что это, по сути, подарок, который теперь полностью принадлежит ему.

— Сейчас это не столь важно, — перебил их Антон. — Обсудим потом, когда будет время. Перейдем к Библиотеке, — продолжал свою догадку он. — Смею предположить, что оттуда он ничего, кроме книг, вынести не мог. Вот только какой же из этих древних фолиантов смог заинтересовать его настолько, что он решил забрать его с собой? Какую из книг счёл настолько уж важной? — спросил он как будто бы сам у себя.

Ответ пришел с неожиданной стороны.

— Это же очевидно. Он забрал свою Книгу Жизни, — тихо сообщила Настя, стирая с глаз последние остатки слёз.

— Она же вроде как недвижима, разве нет? — изумилась Малиновская. — Прикована древней магией, насколько я помню. Разве её можно вот так просто взять со стола и забрать?

— В том-то и дело, что нельзя, — недовольно пробурчал дварф. — Поэтому ему не пришло в голову ничего лучше, чем просто выжечь кусок деревянного стола вместе с Книгой и таким

образом добиться желаемого! Чудовищное варварство!

— Но зачем? — не мог понять Бирюк. — Зачем ему понадобилась его собственная Книга? Он что, сам не знает, что делает в тот или иной момент?

— Все верно, — кивнул головой Антон. — Как раз он-то — знает. Он просто не хочет, чтобы об этом знали мы. Ведь мы могли бы воспользоваться Книгой, прочитать в ней все его действия — и таким образом обнаружить его. А теперь — он нас опередил.

В Тронном Зале воцарилась тишина. Каждый думал о том, почему эта мысль не пришла им в голову первой. Некоторые вздрогнули, когда Антон довольно громко несколько раз театрально хлопнул в ладоши, а потом воскликнул:

— Что ж, браво, Евгений, браво! Ты, кажется, предусмотрел всё!

Эхо рукоплесканий ещё некоторое время продолжало гулко отдаваться под сводами Тронного зала, пока не стихло совсем. Выходит, Ноэгин Фроуз не принимает решений самостоятельно — прежде чем зал исключил из череды престолов черный мраморный трон Евгения, Огненный Князь исключил себя сам…

* * *

Быстро пролетели новогодние каникулы, и вот впереди замаячили очередные экзаменационные испытания: для Маши и Насти это означало, что начиналась первая сессия их второго курса обучения. Рано утром в понедельник они явились — как ни странно, без опоздания — на предэкзаменационную консультацию, потому что на завтра уже был назначен первый экзамен — основы современной психологии. Началась нудная и скучная, как это обычно бывает в таких случаях, беседа преподавателя со студентами. Ребята задавали вопросы, ответы на которые им были непонятны или неясны, либо они и вовсе не рассматривали эти темы на лекциях, хотя в билетах они присутствовали — такое тоже иногда случалось по чьей-нибудь рассеянности.

Поначалу Малиновская ещё пыталась делать вид, что слушает, и даже кое-что записала в блокнот, но постепенно её внимание начало угасать, к тому же монотонный голос преподавателя действовал так усыпляюще, что, в конце концов, она потеряла интерес к происходящему. Она смотрела то за окно — на заснеженную улицу, то на сидящую рядом Настасью, которая что-то тихонько рисовала на уголке тетрадного листа.

Присмотревшись, Маша разглядела нечто вроде бушующих языков пламени, не слишком аккуратно заштрихованных карандашом.

Когда со времени их прибытия в институт прошло уже не менее полутора часов, а вопросы от «особо умных» студентов все никак не заканчивались, Маша окончательно устала и начала думать, чем бы ещё таким интересным себя занять. Томясь, она постоянно ерзала на стуле, пока, наконец, Настасья, до этого хранившая молчание, не шепнула ей:

— Да хватит уже вертеться! Ты чего?

— Мне надоело. Я хочу домой. Зачем мы вообще приперлись на эту консультацию? — вздохнула Маша.

— Ну, мы вроде как пытаемся произвести хорошее впечатление, понимаешь? Преподаватель запомнит наши лица, что мы с тобой сегодня присутствовали, и потом поставит нам на экзамене оценки повыше.

— Надо же, какая интересная, ничем не подтвержденная теория, — пробурчала Малиновская, роняя ручку и ныряя за ней под стол. Настя снисходительно слушала, как её подруга продолжает что-то бубнить под столом, а когда Малиновская снова появилась в поле зрения, слегка растрепанная, то сказала: — Да и кому они теперь вообще нужны, эти оценки. Мы ведь теперь… ну, ты поняла.

— Мы все равно не можем бросить институт сейчас, — напомнила ей Настя, — у нас только второй курс. Куда нас с такими знаниями на работу возьмут? Листовки у метро раздавать? Уж лучше потерпеть сейчас.

Малиновская подумала, что работа, возможно, в их сегодняшнем положении тоже пока находится под вопросом — неизвестно ведь, как много времени в будущем будет отнимать то, чем они сейчас занимаются. Хотя, с другой стороны, им все равно необходимо что-то есть, не говоря уже о других прекрасных благах цивилизации, поэтому им, в любом случае, необходимы деньги. А откуда же они возьмутся без работы? Поразмыслив, она пришла к выводу, что подруга в какой-то мере права.

— Хорошо вот Антону с Евгеном, — сказала она через пару минут. — У них уже пятый курс. Почти финишная прямая. У Антона, кажется, уже половина диплома готова. Шустрый какой, да? Кстати, Евген так и не появился? — добавила Маша как бы между прочим.

Настасья помедлила с ответом, потому что преподаватель в упор уставился на них — очевидно, они забылись и начали разговаривать слишком громко. Когда он, наконец, от них отвернулся, она сказала почти шепотом:

— Нет. Телефон по-прежнему недоступен, и дверь он не открывает. Я, если честно, даже не могу понять, был ли он дома с тех пор, как все произошло. По крайней мере, свет в его окнах не горел ни разу. Ушел, так сказать, в тень…

— Где же он может быть? — недоумевала Маша. — И вообще, как долго он планирует вот так скрываться? Ему в институт надо ходить, опять же. Может, на вокзале ночует?

— Понятия не имею, — пожала плечами Настя. — Но, на мой взгляд, это было бы чересчур. Да и зачем? У него куча знакомых. Может быть, остановился у кого-нибудь в Бутово или Тушино — его там и не найдешь. Или вовсе уехал в Выксу, к своим родственникам. Из всех вариантов этот кажется мне наиболее вероятным.

Мария, слушая подругу, не могла не заметить какого-то нового, слегка отстраненного оттенка в её голосе, и потому осторожно спросила:

— А как же ваши отношения?

— Я так понимаю, что все закончилось, — прохладно констатировала Настасья и опустила голову так, что волосы закрыли её лицо.

— Ты это серьезно? — Маша придвинулась поближе, не веря своим ушам.

— Ты сама видишь — ему абсолютно на меня наплевать. Если бы я хоть что-то значила для него — он бы каким-то образом меня известил. Хотя бы написал смс, что с ним все в порядке. Но прошло уже десять дней — а от него ни слуху, ни духу. Меня просто выкинули на помойку, как ненужную более игрушку, только и всего. Ты даже представить себе не можешь: чего я уже только не передумала за эти десять дней. Если бы не папа рядом, я бы, наверное, сошла с ума. Честно. Вот только папа сегодня уезжает… и снова надолго. Что со мною будет — я не знаю.

— Мне кажется, нельзя вот так просто все взять и бросить. Понимаю, это очень сложные, я бы даже сказала, выстраданные тобой отношения, но всегда нужно давать шанс, — Маша пыталась поддержать её, как могла.

— В том-то и дело, что эти отношения нужны только мне, — вздохнула Настя. — Ему безразлично. Всегда было безразлично. Как жаль, что я только сейчас это поняла.

— Я бы так не смогла, — после небольшой паузы ответила Малиновская.

Настя подняла на неё свой печальный взгляд, и, проникновенно взглянув ей в глаза, спросила:

— Скажи мне… только честно… Ты бы смогла смириться с тем, что твой парень убил человека?

— Господи, ты говоришь прямо как Антон. Это ведь была случайность! — Маша с удивлением отметила, что сейчас они как будто поменялись ролями, обычно это Настя всегда оправдывала Женю, а теперь выходило наоборот.

— Да или нет? — снова спросила Настя.

Мария молчала, не зная, что ответить.

— Ты бы тоже не смогла смириться с этим, — Настя невесело усмехнулась. — Он не может контролировать себя. Ты и сама это знаешь. Мне надо было заранее это понять. Ещё с того самого случая в столовой в институте, помнишь? Но тогда он сдержался. Было много свидетелей и всё такое. Тогда он ещё не был так сильно переполнен этим чувством собственной исключительности и значимости. А может быть, я снова ошибаюсь. В любом случае, теперь он сдержаться не смог. Или не захотел. Да и откуда я могу знать, что в следующий раз, когда он разозлится, очередной его жертвой не стану я? Такой же размазанной по полу горсткой пепла — и всё.

— Перестань, пожалуйста, — попросила Маша, поморщившись.

— В чем я сейчас не права? — Настя не замечала, как тон её голоса начал повышаться, и некоторые студенты стали на них оборачиваться. — Ты ведь не видела того ужаса. Не видела, как человек, который только что трогал тебя, говорил с тобой, вдруг обращается в золу. Золу, и больше ничего. Но перед этим кричит от неистовой боли — до тех пор, пока не сгорает. Я это видела! Я знаю, о чем говорю! И его крик все ещё звенит у меня в ушах. И это… это…

— Девушки, если вам неинтересно, вы можете покинуть аудиторию, — строго предложил преподаватель, разглядывая их и приспустив свои очки на кончик носа.

— Извините, — пробормотала Настасья и снова опустила голову.

Малиновская тоже понурилась, бессмысленно глядя на полированную поверхность стола перед своими глазами. Она даже отчего-то боялась повернуть голову, чтобы посмотреть, плачет Настасья или нет. Ещё меньше ей хотелось думать, что подруга плачет из-за неё. Зря она вообще начала этот разговор. Ничего, кроме новой боли, это не приносит. Если Настя решила, что историю пора закончить, пускай так и будет. Это её жизнь.

Маша незаметно опустила руку под стол, нащупала Настасьину ладонь и крепко-крепко сжала её. Настя лишь молча сжала руку в ответ.

Уэн Винг — Великие Сёстры. Дварфы не зря дали нам эти имена — подумала Мария. Не бойся, я никогда не оставлю тебя,

сестрёнка. Всегда буду рядом. Всегда!

* * *

Самое начало февраля ознаменовалось двадцатиградусными морозами и новой чередою снежных бурь. Было очень непривычно порою идти сквозь воющую на все лады пургу, кутаясь по самые глаза в шерстяные шарфы, чтобы после долгого скаканья через сугробы и снежный наст оказаться посреди зелени лета, пройдя магический Портал, и потом все эти шерстяные вещи с себя стаскивать. Родители, друзья и остальные «непосвященные» пребывали в полном недоумении относительно того, каким образом Марии посреди зимы удается быть загорелой. Она уже порядком подустала слушать постоянные мамины нотации о том, что слишком перебарщивает с солярием. Не могла же Маша им всем рассказать, что каждую неделю (а иногда и чаще) она принимает потрясающие солнечные ванны, нежась на свежей, зеленой травке, да ещё и вдыхая при этом настоящий горный воздух!

За прошедший месяц Евгений так и не объявился, однако окончательно «раствориться в легендах» ему всё-таки не удалось. По просьбе Марии лесные птицы, обитающие в Кленовых чащах, вели постоянное наблюдение за всем, что происходило в округе. Таким образом, ушей Авалона достигли слухи о том, что «Огненный Князь дважды пересекал границу Портала», однако мимо Старого Клёна он не проходил. Каким способом ему удавалось это сделать, оставалось неясным. Конечно, особенно надеяться на показания Клёна тоже было нельзя — хотя бы по причине его вечной сонливости, но одно можно было утверждать наверняка: в Нифльхейм Евгений больше не приходил.

По распоряжению Антона в замке была установлена круглосуточная охрана, и теперь вооруженные дружины дварфов, экипированные легкими арбалетами, постоянно, даже по ночам, патрулировали бесконечные каменные коридоры дворца. Охрана Библиотеки, несмотря на её магические двери, также была удвоена и, таким образом, вряд ли теперь кто-либо мог проникнуть в Нифльхейм незамеченным.

Подвесной мост через ров пока решено было не поднимать — по мнению Антона, это уже было бы слишком, ведь они пока что не находятся в осадном положении.

— У всех дварфов без исключения имеется четкий и ясный приказ, — говорил он. — При обнаружении Евгения постараться задержать его всеми возможными способами или хотя бы

попытаться выяснить его местонахождение, после чего незамедлительно сообщить об этом нам. Так что, поверьте мне, — рано или поздно Женя отыщется.

Шло время, однако ни патрули дварфов, ни птицы, помогающие Марии, так и не смогли Евгения выследить. Они лишь знали, что он переходил Грань, но его дальнейший маршрут оставался для всех тайной. Возможно, он просто сходил с хорошо знакомого им тракта, углубляясь в лесные дебри, что было ещё более непонятным по двум причинам: во-первых, что именно ему могло там понадобиться, и во-вторых: каким образом он находил путь назад? Насколько было известно, никаких верных тропинок, кроме Дороги, в лесу не существовало, и даже Антон, постоянно фонтанирующий новыми идеями в этом вопросе, не мог ничего сказать наверняка.

* * *

И снова была метель. Стремительным вихрем ворвавшись в глубокую, беззвездную ночь, она запорошила улицы и тротуары, превратила тихие московские дворики в одно сплошное, нетронутое, бесконечно-белое покрывало. Безжалостный ветер гнал снежные хлопья с такой силой, что даже свет уличных фонарей казался мерцающим и прерывистым, точно это были какие-то далекие огни терпящего бедствие корабля, застрявшего во льдах.

Девственную гладь снегов нарушала лишь одинокая, петляющая цепочка следов, ведущая к одному из подъездов — видимо, кто-то прошел здесь совсем недавно, и снег ещё не успел замести следы случайного прохожего. Тихо скрипнула дверь в подъезд. Высокая, худощавая фигура в длинном черном пальто, с растрепанными волосами, в которые забился снег, оглянулась, и украдкой нырнула внутрь. Бледные, холодные пальцы будто бы наощупь отыскали в лифтовой кабине кнопку нужного этажа под номером «пять». Раздался звуковой сигнал и лифт, услужливо распахнув двери, доставил полночного гостя на нужный этаж.

Евгений вышел на лестничную клетку. Светильник на этаже горел слабо, иногда выдавая конвульсивные вспышки света раз в несколько секунд, и видно было очень плохо. Его рука медленно потянулась к кнопке звонка, на миг замерев, словно в сомнениях. Вот сейчас. Сейчас он нажмет на звонок, и к нему, распахнув дверь, выйдет Настя. Конечно, она, должно быть, очень удивится его столь позднему приходу, а потом, наверное, обрадуется. Он так давно не видел её.

Некий странный шорох заставил Женю обернуться, и он вздрогнул, неожиданно обнаружив, что не один здесь. У окна, спиной к нему, кто-то стоял, устало прислонившись к стене. Человек тихо повернул голову, и свет упал ей на лицо — это была Настасья. Евген замер, и довольно долгое время они просто молча стояли, пристально вглядываясь друг в друга, пока он, наконец, не произнёс: — Привет.

— Привет, — ответила Настасья.

— Почему ты здесь?

— Не спится.

— И часто ты выходишь вот так, посреди ночи, когда тебе не спится? — немного настороженно спросил Евген, слегка наклонив голову и недоумевая.

— В последнее время частенько, — Настасья выглядела какой-то странной: то ли задумчивой, то ли отрешенной. — Зачем ты пришёл? — довольно резко спросила она.

— Я пришел, чтобы забрать тебя с собой, — выпалил Евген на одном дыхании, словно боясь, что забудет это сказать.

— Зачем? — снова бесстрастно спросила Настасья.

— Я скучаю по тебе. Мне плохо. Плохо без тебя.

Настасья улыбнулась какой-то загадочной, вымученной улыбкой — её лицо отчего-то стало выглядеть зловеще в неярком, дрожащем свете подъездной лампы. Она сделала пару шагов вперед, навстречу к Евгену, и, посмотрев ему в глаза, засмеялась. Эхо от смеха моментально отдалось от стен, неестественно искажаясь, и, устремившись вверх, долго затихало где-то среди лестничных пролетов. Евгений был слегка обескуражен, непонимающе глядя на Настасью.

— Скучаешь, значит? Плохо, значит? — с Настиного лица не сходила странная улыбка. — Быстро же ты понял, насколько я нужна тебе! И всего-то месяц прошёл! Наверное, это и есть настоящие чувства, настоящая любовь? — она буквально выкрикнула последнее слово, — Полагаю, я должна сейчас прыгать от счастья, раз ты соизволил, наконец-то, явиться сюда? Не правда ли?

— Я не мог прийти раньше, — ответил Евген. — И ты прекрасно знаешь, почему.

— Мог и сейчас не утруждаться. Не обременять меня своим присутствием. Тебе ведь абсолютно наплевать — может, я умерла давно, а тебе и дела нет! Я больше не желаю тебя видеть, понятно?

— Настя, я…

— Убирайся вон! — заорала она, не дав ему договорить.

Евгений остолбенел. Он буквально не узнавал ту, которую,

как ему всегда казалось, он очень хорошо знает. Что-то здесь было не так, но Женя не мог понять, что именно. Уж на такой разговор он явно не рассчитывал.

— Ты мне больше не нужен! — продолжала Настасья. — Мне хорошо и без тебя. Я теперь свободна. Свободна ото лжи, от боли, от тяжести твоих преступлений.

— Все вышло случайно. Я не хотел этого, — Евген тоже начал повышать голос. — Не понимаю, почему я должен сейчас оправдываться перед тобой — ты и сама все это прекрасно видела! Я защищал тебя!

— Ты — чудовище! Монстр! — Настасья, кажется, наслаждалась каждым произносимым ею словом. — Правильно сказал Антон: тебя нужно поймать и посадить за решётку, на цепь, в какой-нибудь тёмный и сырой подвал. Быть может, тогда ты научишься контролировать себя?

— Он правда так сказал? — не поверил Евген.

Настя не ответила, просто продолжая гневно смотреть на него.

— Может быть, Антон тебе теперь нравится больше, чем я? — тихо произнес Женя, как будто задавая вопрос больше самому себе, чем Насте.

— Очень может быть, — Настасья подошла ближе и нажала кнопку лифта: двери тотчас открылись. — Не смею больше тебя задерживать, — и она с силой втолкнула Евгения внутрь. Женя пошатнулся, едва не упав — он никак не ожидал от Насти настолько сильного толчка. Напротив, она всегда казалась ему такой хрупкой, такой уязвимой. Он не понимал, что такого могло произойти всего за месяц, что она так изменилась?

Наблюдая, как створы лифта скрывают потрясенное и одновременно взбешенное лицо Евгения, Настя снова засмеялась. Потом она подошла к окну и наблюдала, как Женя, выйдя из подъезда, быстро, не оглядываясь, уходит прочь, утопая в снежной каше белых сугробов. Ещё спустя минуту он скрылся за углом дома, даже не посчитав нужным — раз уж он был здесь — заглянуть в свою собственную квартиру.

Если бы в этот момент Евгению вдруг вздумалось вернуться, он бы очень удивился тому, что происходило дальше на темной лестничной клетке пятого этажа. Настасья отошла от окна, медленно прислонилась к стене. Кожа на её висках начала подергиваться, и глаза вдруг поменяли цвет с зеленых на желтые. Из горла раздался странный, ликующе-змеиный шип. А затем её тело начал окутывать густой фиолетовый туман — он как будто с нежностью обволакивал её ноги, руки, шею, подбирался к прекрасному лицу, пока, наконец, не скрыл её полностью. Когда

же клубы дыма рассеялись, на площадке вместо неё стоял, закутанный в чёрный саван, тихонько посмеивающийся Морфиус.

Настоящая же Настасья, разумеется, спала в это время в своей постели глубоким сном и ничего не слышала…

Глава 16. Роковая случайность

Антон и Бирюк стояли на каменном крыльце Нифльхейма, наблюдая, как оранжево-красное солнце медленно опускается за зеленую стену лесов. Антон заложил руки за спину, оглядывая раскинувшиеся перед ними луга и едва заметно покачиваясь на мысках, точно учитель, задавший ученику каверзный вопрос и теперь с любопытством ожидающий от него ответа.

Далеко справа от них, из-за выступающих округлых стен замковых башен, доносились приглушенные звуки взрывов и раскатистый грохот — это Слава и Семён устроили тренировку на Стрельбище, состязаясь между собой в ловкости и силе магии. Впереди, на бескрайнем серебристо-изумрудном покрывале полей, разделенных надвое лентой древней дороги, у самой границы огородов Малого народца Маша, Настя и Таня разговаривали с кем-то из дварфов. Неугомонная Пончик носилась рядом, явно радуясь прогулке со своей хозяйкой. Медведица постоянно пыталась незаметно пробраться на огород, чтобы стащить оттуда какую-нибудь вкуснятину, причем, ввиду её огромного роста, попытки эти выглядели довольно забавно, и только громкие Машины вопли всякий раз заставляли её поворачивать назад, виновато понурившись.

— О чём ты думаешь? — спросил Антона Бирюк, не поворачивая к нему головы и продолжая любоваться колышущимися на ветру стеблями высокой травы.

— Думаю о том, как же хорошо было в детстве, — ответил Антон. — Сидишь задницей в песке, лепишь куличи — никаких тебе проблем.

— Ну, а если всерьёз? — улыбнулся Бирюк.

Однако Антон не торопился с ответом, и Вова через некоторое время произнёс: — Брось! Ни в жизнь не поверю, что твоя голова забита такими глупостями!

Антон фыркнул и, прищурившись, внимательно посмотрел на друга.

— Видимо, я настолько часто бываю серьёзным, что люди уже не представляют, будто я могу шутить и улыбаться? Да и какая разница — дело ведь не в этом. А что, если я скажу тебе, будто до меня дошли слухи, что в начале прошлой недели Евгений приходил к нашему дому?

— Что? Правда что ли? — удивился Бирюк, перестав любоваться лугом и пытаясь понять, шутит Антон или нет — иногда от него можно было ожидать всего, чего угодно. — Откуда ты об этом знаешь?

— Он явился поздно ночью, чтобы не быть обнаруженным, и заходил в наш подъезд, — продолжал Антон, словно не услышав вопроса, — а потом — приблизительно полчаса спустя — ушёл.

— Он приходил к Настасье! — воскликнул Бирюк. — Слушай, я уверен в этом! По-другому ведь и быть не может. Кому, как не ей, он мог показаться? Я надеюсь, ты понимаешь, что все это значит? Нам нужно поговорить с Настей. Может быть, мы прямо сейчас пойдём и… — Вова не договорил, снова посмотрев вдаль: Настя в этот момент играла с Пончиком, пытаясь отнять у неё клок травы, зажатый в пасти. Машка с Таней хохотали рядом.

— Ты недооцениваешь меня, друг мой. Я уже разговаривал с Настей на этот счёт, — невозмутимо парировал Антон. — Да только вот в чем проблема: она не беседовала с ним. И не видела его с той злополучной ночи. Он к ней не приходил.

Бирюк хотел что-то возразить, но Антон, опередив его, произнёс:

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать. Но при разговоре я заглянул в её сознание и прочитал её мысли. Она не лжёт.

Вова замер в растерянности: — Тогда зачем же он здесь был?

— Я не знаю. На этот вопрос у меня пока нет ответа. Пока. Но загадка любопытная, не правда ли? — а потом Антон кивнул головой в сторону девчонок и заметил как бы невзначай: — Кажется, они разговаривают с Монфродом?

Вове явно не хотелось заканчивать столь плодотворную тему для обсуждения, но он не стал упорствовать, решив, что они вернутся к ней как-нибудь в другой раз, и потому заметил не без иронии:

— Сумбур в твоих мыслях иногда сводит меня с ума. Ну да ладно. Я смотрю, ты, кажется, научился различать дварфов?

— Только некоторых, — честно признался Антон. — Пойдём к ним. Возможно, нас ждёт очередная порция дварфовских новостей.

И они, спустившись по ступеням, пересекли подвесной мост и направились сквозь высокую луговую траву, ещё не успевшую быть скошенной дварфами, к своим друзьям.

Пончик первая заметила приближающихся ребят и бросилась им навстречу. Поначалу Вове даже показалось, что она не успеет сбавить скорость и сшибёт их на полном ходу, но медведица начала носиться вокруг них большими кругами, и при особенно крутых виражах из-под её лап разлеталась в разные стороны мягкая трава — иногда прямо с кусками земли.

— Сумасшедший дом, — серьёзно заметил Антон, подходя ближе и стряхивая со своего плеча остатки земляных крошек.

— Да ладно тебе, не будь занудой! — крикнула Малиновская,

расслышав его слова. — Погляди, какой чудесный вечер. Мне и самой хочется пуститься вприпрыжку вслед за ней!

— Представляю себе это зрелище! — засмеялась Таня.

Бирюк подошёл и крепко её обнял.

— О чем болтаете?

— Монфрод только что рассказывал нам очень интересные истории, — сказала Таня. — Например…

Но о чем именно поведал им старый дварф, парням узнать не удалось: протяжный, натянутый, металлический крик, чем-то отдаленно напоминающий чаячий, долетел до них с небес. Все подняли головы, пытаясь разглядеть источник странного звука.

— Смотрите, вон там! — воскликнула Маша, указывая на одну из меньших вершин в цепи скалистых гор, прямо за замком.

Две далекие крылатые тени, серые, с ломаными кожистыми крыльями, чем-то похожие на гигантских летучих мышей, взмыли над одним из острых пиков и так же внезапно исчезли из виду.

— Это ещё что такое? — с некоторым испугом спросила Настя.

— Горгульи, — мрачно ответил ей дварф, и при этом даже сердито притопнул ногой.

— Кто?

— Горгульи, — повторил Монфрод. — Мятежные души грешников, запертые в уродливые тела, обречены на бесконечно долгую жизнь, пока не искупят всех своих грехов. Предатели. Изменники. Убийцы. Все… Если горгулья умирает — душа освобождается, и тогда она обретает вечный покой.

— Почему мы раньше никогда их не видели? — удивилась Таня.

— Они очень редко показываются с этой стороны гор, — ответил Монфрод. — Просто сейчас у них начинается сезон гнездования, они строят свои безобразные лежбища среди каменистых осыпей, и потому стали намного агрессивнее. Скоро это пройдёт, и они успокоятся.

— Горгульи ведь довольно опасны, не так ли? — уточнил Антон с таким видом, будто бы уже всё знал об этих существах. Он все ещё продолжал вглядываться в сумрачные вершины, очевидно, ожидая нового появления бестий. Но пока что горизонт оставался пуст.

— Да, они достаточно злые и сильные, — подтвердил Монфрод. — Случается, что они нападают на наших братьев и уносят их прямо с полей в свои гнёзда — на корм детёнышам.

— Ужас какой! — Малиновская даже поморщилась. — Нельзя ли как-нибудь этому помешать?

— Истребить их невозможно, если вы об этом, — сказал

Монфрод. — Горгульи строят свои гнёзда очень высоко, на недосягаемых пиках Зеркальных гор. Поэтому мы спасаемся единственно верным способом — падаем на землю. Так горгулье будет очень сложно схватить свою добычу. Хотя вам, моя госпожа, беспокоиться не о чем — люди для них слишком тяжелая ноша. Тем более, рядом с вами такой грозный защитник, — дварф посмотрел на медведицу, которая уже занималась тем, что приставала к Антону: жевала край его клетчатой рубашки.

Немного позже, за ужином в замке, вспоминая этот разговор, Малиновская достала всех, спрашивая у каждого по очереди:

— Что значит «я для горгульи слишком тяжелая»? Неужели он имел в виду, что я толстая?

— Успокойся, ты не толстая! — Настя закатила глаза и вздохнула. — Он просто пояснил, что человека ей не поднять, вот и всё!

— А как вы думаете, это правда — то, что в них заперты души грешников? — спросила Таня, наливая травяной чай себе и Вове.

— Скорее, это народный дварфовский фольклор, — усомнился Антон. — Я лично склонен считать, что горгульи точно такие же звери, как и, например, друмлины. Ничего необычного.

— И всё-таки я толстая! — услышали они Машкин голос.

— Если только руки, — не удержался Бирюк. — Чуть-чуть.

Малиновская посмотрела на него так, словно уже мысленно расчленила Вову на куски, и процедила:

— Чтоб тебя горгулья сожрала!

Ответом ей был дружный хохот всех, сидящих за столом.

* * *

Повесив жёлтый дутый пуховик на древесный сучок и размотав в несколько слоев закутанную в шарф шею, Мария не спеша пошла по Дороге, углубляясь в Кленовый лес. Теперь уже было совсем не страшно — в последнее время она часто так гуляла, иногда беря с собой в компанию Настасью, но чаще — одна. Бывало, Маша, никому ничего не говоря и забив на институт, приходила сюда рано утром в будни — вот как сейчас — чтобы, очутившись под куполом из ветвей и листьев, побыть наедине со своими мыслями. Малиновская не боялась заблудиться, потому что теперь, когда она понимала птичий язык, добрые пташки всегда могли указать ей правильную дорогу назад, к Порталу. Кроме того, её сопровождала Пончик, а уж с таким провожатым чего-либо бояться было попросту глупо и

безосновательно.

Вдвоем с медведицей они, не уставая, бродили там и сям, играли среди шелковой травы на солнечных опушках, отдыхали под широкими, словно пляжные зонты, сплетениями ветвей, или просто исследовали холмы и овраги, где росло великое множество интересных, нигде более не встречающихся растений и обитало целое царство странных, неведомых животных.

В своих путешествиях Малиновская довольно часто натыкалась на друмлинов, — и одна, и вместе с медведицей, — но максимум, на что те были способны — это угрожающе рычать и скалить зубы, прежде чем снова раствориться среди теней густого подлеска. Маша отчего-то уже перестала их бояться: то ли потому, что постепенно привыкла к их внезапным появлениям из ниоткуда, то ли потому, что друмлины ни разу не пытались напасть всерьёз. И хотя в последнее время встречи с ними заметно участились — Маша не знала, с чем это связано — но магический свет явно вселял в этих существ неподдельный ужас, заставляя их поскорее убраться восвояси.

Сегодня Пончик отчего-то задерживалась, и Маша начала свою прогулку без неё. Решительно свернув с Дороги, она выбралась на какую-то едва заметную стежку, украдкой петлявшую среди зарослей и камней. Пройдя несколько прогалин и полян с чудной, примятой во все стороны травой, словно здесь бродил и топтался кто-то огромный и неповоротливый, она смело зашагала в самую чащу леса.

Настроение было не хорошее и не плохое — просто какое-то странное чувство витало в голове, и не хотелось никого ни видеть, ни слышать. Хотелось побыть одной. Со своими переживаниями и думами, когда никто не тревожит, и между тобою и небом над головой — только бесконечное покрывало зеленой, вечно волнующейся и трепетливо беспокоящейся листвы. Возможно, что медведица почувствовала Машино настроение и предпочла не показываться. «Уверена, Понча на меня не обидится» — подумала Маша и чуть улыбнулась самой себе.

В своих долгих прогулках по зеленым чащобам Мария познакомилась и подружилась со многими волшебными деревьями, подобными Старому Клёну. Она подолгу беседовала с ними, слушая их удивительные и всегда такие странные рассказы о жизни, о сути бытия, об окружающей реальности, которые очень сложно было понять (и принять) двуногим существам. Она теперь знала очень многих зверей и птиц, обитавших здесь, и нигде не чувствовала себя настолько спокойно и защищенно, как в этом удивительном месте.

Пройдя уже достаточно далеко по множество раз петлявшей тропинке, Малиновская раздвинула перед собой низко нависающие ветви и оказалась на небольшой прогалине, по которой в некотором беспорядке были разбросаны поваленные стволы. Деревья упали уже довольно давно — наверное, от какого-нибудь старого урагана — потому что часть из них медленно начинала превращаться в мокрую труху.

Выбрав себе место посуше, она села на траву, облокотившись усталой спиной о шершавую, но такую теплую поверхность огромного древесного ствола, и прикрыла глаза. Тут же Марию окутало со всех сторон лесное безмолвие и тишина. Лишенная возможности наблюдать, её слух резко обострился, и она начала слышать то, чего никогда нельзя уловить просто так, когда идёшь по лесу: шепот листьев, играющих с ласковым ветром, и потрескивание мелких веточек, ломающихся под ногами бродящих вокруг животных, и вечные вздохи земли. Нет ни страха, ни беспокойства. Никто её не тронет. У каждого живого существа в этом лесу свои дела, и им нет абсолютно никаких забот до приютившегося под деревом человека.

Какое блаженство! Ни тебе грохота машин, ни громкой музыки за стенкой у беспокойных соседей, ни лая собак, ни детского плача, ни перебранок вечно чем-то недовольных старушек. Только абсолютная, совершенная, звенящая тишина. Все великие вещи на этой Земле совершаются в тишине. Потому что в ней нет лжи…

Мария успокоилась, опустив руки и запустив пальцы в мягкую подушку древесного мха. Сердце стало биться неторопливо и ровно. Погрузившись в сокровенные глубины своего разума, она раскладывала в голове по полочкам собственные мысли, наводя в них порядок и извлекая на поверхность то, над чем сейчас можно было подумать, не опасаясь, что тебя кто-нибудь потревожит. Очень увлекательное занятие. Как же всё-таки хорошо, что ей была дарована магия Растений — отныне она не только ощущала себя частью природы, но и сама стала этой Природой.

* * *

Когда весь февраль бушевали метели и стояли лютые морозы, все только и делали, что постоянно жаловались на погоду и ныли о том, как же они хотят тепла. Однако когда в первой декаде марта температура неожиданно поднялась до плюс десяти и огромные сугробы, тая с неимоверной скоростью, превратили все

городские улицы и площади Москвы в один сплошной грязно-серый бульон с кусочками льда, люди снова жаловались — теперь уже на обилие талой воды. Люди вообще всегда и всем недовольны: то им не по нраву слишком холодная зима, то чересчур рано наступившая весна.

Конечно, с климатом явно творилось что-то странное, и хотя март по праву считался первым весенним месяцем, всё-таки такая наступившая оттепель была явно ближе середине апреля, нежели хмурым мартовским дням. Передвигаться по городу стало неимоверно трудно — снежные горы уменьшились уже ровно вполовину, и растаявшему ледяному насту попросту некуда было деваться: все тропинки во двориках были переполнены мутной водой, чем-то напоминая при этом венецианские каналы.

Антон задумчиво стоял у окна, наблюдая, как соседская машина, буксуя, безнадежно завязла в хаосе весенней снежной каши. Тут раздался звонок в дверь, и он пошел открывать.

— Привет, — на пороге стояла Настасья. — Можно войти?

— Да, конечно, — Антон посторонился, пропуская подругу в прихожую. — Что-то случилось? — он был немного удивлён — всё-таки не так уж и часто Настя заходила к нему в гости.

— Нет-нет, — заулыбалась она. — Честно говоря, я просто хотела тебя кое о чём попросить…

Она натолкнулась на вопросительный взгляд Антона и продолжила:

— Просто мне на почту посылка пришла. От папы. Ну, к празднику.

— Восьмое марта вроде как вчера было, разве нет? — начал вспоминать Антон, с сомнением разглядывая настенный календарь.

— Да уж, наша служба доставки никогда не отличалась пунктуальностью, — хихикнула Настя. — Короче говоря, когда папа звонил, он предупредил, что посылка довольно тяжелая, и я… ты… Ты не мог бы меня довезти на своей машине до почты и обратно? — она вдруг сильно засмущалась. — Это недалеко, на соседней улице.

— Да, разумеется, — сразу согласился Антон. — Мы прямо сейчас поедем? Или, если хочешь, можем чаю попить… с тортом. У меня где-то был кусок торта, я ещё не весь его доел, честное слово!

— Нет, не надо, спасибо, — на Настиных щеках вдруг вспыхнул румянец. — Лучше сразу пойдём.

— Хорошо. Как скажешь, — покладисто кивнул Антон. — Сейчас, я только переоденусь, — и он убежал в комнату.

Настасья терпеливо ожидала в прихожей, с интересом

рассматривая чудной рисунок на обоях, разные баночки на полке в коридоре, пару брошенных как попало ботинок, и слушала, как Антон из-за двери жалуется на то, что не может найти свой второй носок…

Спустя пять минут они уже стояли на улице, и Антон хмуро разглядывал свою серебристую Ауди, стоящую посреди огромной лужи и местами забросанную грязным снегом. Перед машины и вовсе скрывался в сугробе.

— Может, мы пешком до почты дойдём? — не слишком уверенно предложил Антон. — Я что-то давно на ней не ездил, пока я её ещё раскопаю…

— Бог с нею, пошли так, — Настасья махнула рукой. — Мне-то, в общем, всё равно.

Они дошли до районной почты — она располагалась у парка в самом конце улицы, в ветхом двухэтажном здании довоенной постройки, и сонный кладовщик выдал им довольно-таки большую коробку, перевязанную сине-белой лентой с бесконечно повторяющейся надписью «Почта России». Поскольку отец не сказал Насте, что именно он ей прислал, та буквально сгорала от любопытства и желания поскорее добраться до дому, чтобы всё распаковать.

— Тебе точно не тяжело? — беспокоилась Настасья на обратном пути, глядя, как Антон крепко вцепился в посылку обеими руками.

— Нет, всё в порядке. Просто скользко, и я боюсь её уронить, — объяснил он. — Хотя коробка сама по себе большая, она не кажется мне слишком тяжелой.

— Мне так интересно, что же там! — в очередной раз произнесла Настя, внимательно разглядывая посылку, словно надеясь разглядеть её содержимое сквозь картон и, засмотревшись, тут же поскользнулась на тротуаре, но, к счастью, смогла удержать равновесие.

— Осторожнее, а то я не успею тебя подхватить! — весело предупредил Антон. — Придётся выбирать между тобой и посылкой.

Так, продолжая болтать, они подошли к последнему перекрестку, ожидая, когда для них загорится зеленый свет светофора. Оставалось пройти самую малость — отсюда сквозь унылые серые пятиэтажки уже проглядывал оранжево-белый угол их дома. Несущиеся по дороге машины разбрызгивали в разные стороны слякоть вперемешку с дробленым льдом.

— Из-за этой огромной коробки я ничего толком не вижу перед глазами! — пожаловался Антон. — И, по-моему, я наступил в лужу, — недовольно добавил он.

В этот момент рядом с ними как раз начал поворачивать длинный автобус-гармошка. Настасья чуть отошла назад и, взяв Антона за локоть, аккуратно потянула его за собой, чтобы автобус не запачкал их обоих, но тут одно из задних колес автобуса угодило в какую-то дорожную яму, доверху наполненную грязью и водой. Раздался смачный «плюх», Настасья взвизгнула и чудом успела укрыться за спиной своего спутника. Антону, естественно, повезло меньше — серая жижа окатила его с ног до головы вместе с посылкой. Сердито ругаясь и отплевываясь, он смотрел на робко улыбающуюся подругу и ворчал:

— Чего ты лыбишься? Радуешься, что успела за меня спрятаться? Коза! — он попытался вытереть лицо, чуть не выронив всё из рук. — Я весь грязный, как чёрт, да?

— Ну, в общем, да, — виновато подтвердила Настасья, поджав губы. — Спасибо, ты меня спас! А то я бы тоже оказалась перемазанной этой дрянью. Не переживай, тут до дома идти две минуты. Представляешь, если бы это случилось где-нибудь далеко отсюда, и тебе пришлось бы в таком виде ехать в метро? А так — считай, тебе повезло.

Взгляд Антона говорил о том, что он явно другого мнения на этот счёт, и Настя не стала продолжать. Наконец, загорелся зеленый свет, и они поспешили в сторону дома.

— Теперь придётся всё стирать, — сокрушался Антон, ставя посылку на скамейку около подъезда и оглядывая себя со всех сторон. — Ну ничего, я сейчас все это закину в стиральную машинку — пускай крутит, а потом… — он внезапно замолчал, хлопая себя по карманам.

— Что случилось? — спросила Настя, разглядывая забавный идеально ровный и чистый квадрат на его куртке, который в момент «купания в грязи» был заслонён коробкой.

— А… а где мои ключи? — Антон начал по очереди выворачивать наизнанку свои карманы. — Кажется, я их потерял. Я же точно помню, что брал их с собой!

— Ты уверен?

— Теперь уже не совсем, — поморщился Антон. — Они ведь у меня на ремешке с брелоком, поэтому либо он перетёрся, и они валяются сейчас где-нибудь в снегу, либо я просто оставил их дома на тумбочке.

— Может, вернёмся и поищем их?

— Бесполезно, их не найти. К тому же, я в таком «прекрасном» виде. Да это и не нужно — к счастью, у Маши имеется запасной комплект. Я специально сделал дубликат для таких вот случаев и отдал ей.

— Что, серьёзно? — обрадовалась Настя. — А я уж

переживаю, что понадобилось бы вскрывать дверь! Так чего же мы стоим? Пойдем, заберем у неё твои запасные ключи — и все дела.

Однако когда они поднялись на пятый этаж и начали трезвонить Малиновской, дверь никто не открыл. В итоге Настя первой догадалась набрать ей на мобильный и, кратко объяснив ситуацию, узнала, что Маша уехала по делам на свою бывшую работу — ей, оказывается, не доплатили за отработанные дни — и будет в лучшем случае часа через полтора.

— Я постараюсь побыстрее, ребят, — не слишком уверенно ныла в трубку Малиновская. — В крайнем случае, там уже и мама скоро с работы придёт — возьмёте ключи у неё.

Что уж и говорить — Маша не слишком их обнадёжила, и Настасья сообщила тоном, не терпящим пререканий: — Так, значит идём ко мне. Посидим, фильм какой-нибудь посмотрим, кто-нибудь из них да объявится. Не на лестнице же тебе торчать!

Антону пришлось согласиться. Они зашли к Настасье, благо далеко идти не пришлось — соседняя дверь, и она, как настоящая хозяйка, тут же начала суетиться, чтобы гостю было комфортно. Антон даже не ожидал от неё такой активности.

— Так как всё-таки это я тебя вытащила на улицу, получается, что всё произошло по моей вине, — говорила Настя, забирая у Антона куртку и унося её в ванную. — Поэтому не заставляй меня чувствовать себя виноватой. И проходи в комнату, не стесняйся.

— Куда ты её потащила? — возмутился Антон, заходя в светлую, по девчачьи милую комнатку, где всё было чисто, прибрано и находилось на своих, положенных местах. Он аккуратно присел на краешек кресла, чтобы не запачкать его своими грязными джинсами.

— Сейчас я её застираю — и она опять будет как новенькая, — Настя уже снова оказалась рядом с ним. — Так, снимай штаны!

— Чего? — опешил Антон.

— Ты что же, так и будешь всё это время грязью перемазанный сидеть? — удивилась она. — Нет, так не пойдёт!

— Ничего страшного, — произнёс Антон, явно смущаясь. — Это что же, изначально был твой коварный план? Не знаю только, каким образом тебе удалось подговорить водителя автобуса, — он кисло улыбнулся.

— Перестань! — засмеялась Настя, открывая платяной шкаф. — Вот, смотри, ты можешь пока что одеть что-нибудь из папиных вещей, — она вытащила с разных полок несколько спортивных штанов. — Наверное, они будут тебе немного велики — ну это ничего страшного, главное — что не малы.

Видя, что Антон всё ещё смущается, она добавила:

— Да брось ты! Мы же все вместе тем летом ходили на пляж и видели друг друга без одежды. А сейчас ты чего стушевался?

Видимо, этот аргумент показался Антону убедительным, и он, вздохнув, начал копаться, расстегивая ремень. Настя вышла из комнаты, чтобы он не стеснялся, и направилась в ванную, решив поскорее отмыть наиболее перепачканные места на его куртке, пока грязь окончательно не въелась в ткань. Она открыла кран и, намочив тряпку с мылом, начала вазюкать ей по рукаву. Антон тем временем подбирал в комнате наиболее подходящие по размеру штаны, и как раз в этот момент раздался звонок в дверь.

— Насть! — позвал Антон, выходя в коридор со штанами в руках.

— Это, наверное, Машка. Открой! — крикнула та из ванной. — А то у меня все руки в мыле.

Антон хотел было возразить, что вряд ли Малиновская успела так быстро вернуться — прошло от силы десять минут, а она обещала быть минимум часа через полтора. Однако в дверь позвонили ещё раз — теперь уже настойчивее, и он, в принципе не представляя себе, кто бы это ещё мог быть — разве что Настю неожиданно решил навестить кто-либо из Авалона, — ухмыльнувшись, одним рывком распахнул входную дверь.

Антон так и застыл посреди прихожей в трусах, с веселой, ещё не успевшей сойти с лица улыбкой — на пороге стоял тот, кого он ну совершенно не ожидал там увидеть. Евгений.

После того очень странного разговора с Настей более месяца назад Женя никак не мог найти себе покоя. Он явно предчувствовал что-то недоброе и подозрительное: настораживал хотя бы тот факт, что до этого Настасья никогда себя так не вела, и уж тем более не разговаривала с ним в таком жалко-унизительном тоне. Недобрая мгла, окутавшая их последний разговор, кажется, начала проникать и глубоко в его душу, ожесточая её. Переборов самого себя, он в последний раз решил поговорить с Настей и, — если уж не суждено будет уговорить её последовать за ним, то хотя бы поставить окончательную точку в их отношениях и вычеркнуть неблагодарную девицу из сердца навсегда. Именно с такими мыслями Женя сегодня и пришёл к её порогу…

Возникла немая сцена, в течение которой Антон просто молча стоял, шокированный столь внезапным поворотом событий, а взгляд Евгена прожигал его насквозь, осматривая с ног до головы — и обратно. К несчастью, Настасья выбрала именно этот момент, чтобы весело крикнуть из ванной:

— Ну чего, ты там оделся? Или трусы тоже запачкал? Ха-ха! А

то сейчас мы и их постира… — она вышла из ванной и остолбенела.

Взгляды Настасьи и Евгена встретились, и почти полную минуту никто из них не произносил ни слова, пока в руке Евгена медленно, но уверенно не начал разгораться огненный шар. Антон опомнился первым:

— Евген! Евген, послушай… это не то, о чем ты подумал!

Алая сфера в руке Евгения становилась все больше.

— Я всегда это знал! — процедил он сквозь зубы. — Подозревал… но не верил…

Настасья, окаменевшая, стояла с полными ужаса глазами и, казалось, не могла вымолвить ни слова. Антон, поняв, что сейчас может случиться непоправимое, вылетел вперед, встав между ним и Настей.

— Женёк, не дури! Это роковая случайность. Я согласен, это идиотская ситуация, но позволь нам хотя бы всё объяснить!

— Нечего здесь объяснять! — проговорил Евген, почти не разжимая губ. — Ты ещё ответишь за это! А сейчас отойди, — и он начал неторопливо, но решительно приближаться к Настасье.

Та лишь тихонько пискнула и, следя за Жениной рукой с пылающим в ней огнём, стала пятиться спиной к ванной.

— Посмотри на меня! — крикнул Антон Евгену. — Я докажу тебе. Поверь, тебе не нужны новые неприятности!

На мгновение их взгляды пересеклись. Какое-то время — буквально несколько секунд — они смотрели друг другу в глаза, а затем Евген, поняв, что Антон читает его мысли, взревел:

— Вон из моей головы!

Его рука с огненной сферой метнулась вперёд, Настя закричала, и Антон среагировал мгновенно: водяной шар, возникший словно из ниоткуда, вылетел наперерез. Огонь и вода столкнулись — шипение, пар, взрыв — и на обоях в прихожей образовался выжженный и мокрый одновременно кусок стены. Евген был в бешенстве — он стоял, тяжело дыша, и вздувшиеся вены на его шее стали хорошо видны.

— Вы ещё пожалеете! Вы все!

— Женя, я… — Настин голос был сейчас больше похож на эхо.

— Замолчи, шлюха! — заорал Евген, как безумный. — Ты обманывала меня! Всё это время! Ты всегда хотела только его! Но не думай, что Водяной Маг всегда будет рядом, чтобы защитить тебя! О, как ты ошибаешься! — и он, развернувшись и пинком отшвырнув попавшийся под ноги табурет, в великом гневе вылетел на лестничную клетку.

Настасья ринулась за ним. Антон попытался схватить её за

руку, но не успел: она выбежала за Женей на лестницу, сама, видимо, не понимая, что делает. Оттуда разразилась новая брань и рёв:

— Осрамила меня, потаскуха! УБИРАЙСЯ ВОН!

Антон выскочил вслед за Настей, боясь, как бы Евген не решил снова атаковать, но того уже не было — лишь стремительный топот его шагов отдавался в пролетах пятого этажа. Далеко внизу хлопнула металлическая подъездная дверь — и всё стихло.

Настасья, постояв с минуту, медленно, точно её плохо слушались ноги, вернулась в квартиру. Она прошла в комнату, села на кровать и беззвучно заплакала. Сейчас она была похожа на одну из тех мраморных статуй, что стояли в величественных чертогах Нифльхейма: такая же прекрасная, бледная, неподвижная, и только стекающие по её щекам слезы говорили о том, что она — живая.

Антон возвратился вслед за ней в комнату; постоял на пороге, словно оглушенный, поднял валяющийся на полу табурет, сбитый Евгеном. Ему запоздало пришла в голову мысль, что вообще-то они должны были попытаться Женю задержать, чтобы он явился пред Советом Маханаксара. Но теперь уже слишком поздно…

Как много, оказывается, может произойти в жизни всего за несколько минут. Как многое может измениться, — измениться неизбежно и навсегда. Необратимость происходящего пугает и не дает покоя ни душе, ни сердцу.

Антон посмотрел на Настю. Та подняла на него свои заплаканные глаза, всмотрелась, а потом словно груз нечеловеческой боли придавил её вниз, и она, согнувшись, прижала ладони к лицу, испустив жалобный, полный отчаяния и безнадежности стон. Её рыдания заполонили собой пространство комнаты, и в тот же миг все стеклянные дверцы шкафов и стеллажей взорвались мириадами осколков, точно внутри них были спрятаны бомбы. Разлетелись прозрачные статуэтки на полках, разбилась хрустальная ваза на подоконнике. Лопнули кружки в серванте и расписные блюдца с тарелками — всё рвануло вдребезги.

Куски стекла, хрусталя, фарфора полетели во все стороны, разрезая и рассекая шторы, занавески, обивку диванов и кресел. Антон, едва успев отскочить, почувствовал, что пару стекляшек ранили его щёку. А Настасья, каким-то чудом невредимая, но умирающая от безысходности душевной боли, сидела посреди этого хаоса, и летающий водоворот из битого стекла, не опадая, кружился и ревел вокруг неё, вторя её стенаниям и

разлетевшемуся только что, как и эти осколки, несчастному сердцу…

* * *

— Машка!

Малиновская остановилась, подняла голову и заозиралась по сторонам, чтобы разглядеть, кто её зовёт. Она настолько углубилась в собственные мысли и размышления, что не смотрела вокруг и потому даже не заметила, что во дворе её дожидаются друзья: на лавочке посреди оплывших и почерневших сугробов, окруженные горами выползающего из-под снега мусора, сидели Слава, Семён, Таня и Бирюк. Маша свернула с более-менее хорошо расчищенной дороги к подъезду и, перепрыгивая через многочисленные лужи и ручьи, добралась до них.

— Привет! — она вяло помахала рукой и устало поставила большой пакет на краешек скамейки. — Вы чего в такую грязь забрались?

— Это было единственное свободное место, где можно спокойно посидеть, — почему-то слегка недовольно объяснил ей Слава.

— Ну, как она? — без ненужных предисловий сразу спросила Татьяна. Речь шла, разумеется, о Насте: уже на следующий день ребятам были известны все подробности произошедшего (а Малиновской и того раньше — в тот же вечер, когда она принесла запасные ключи). Разумеется, самую суть истории знали лишь те, кому и положено было об этом знать — до ушей посторонних не добралось ни единого лишнего факта.

Конечно же, соседи по лестничной клетке, имеющие смежные с Настиной квартирой стены, всё-таки заподозрили неладное: они не могли не услышать того, как Настасья в едином нервном порыве перемолола на куски большую часть стеклянных вещей, находившихся в тот момент в комнате, но Антону удалось разрулить ситуацию, сказав, что это всего лишь семейное недоразумение — с кем, мол, не бывает. И вроде бы все особо любопытные уши оказались этими объяснениями удовлетворены; по крайней мере, лишних вопросов ни у кого больше не возникло, да и особенно большой огласки во дворе эта история не получила.

— Второй день плачет и никак не может успокоиться, — грустно сообщила друзьям Малиновская, озадаченно почесывая затылок. — Я уж и ума не приложу, как её успокоить: все глаза красные, опухшие, на человека не похожа — просто беда! Ничего

ей не интересно, ничего не хочет. То одно ей подсовываю, то другое — посылку папину даже вместо неё распаковала, он там столько всякого-разного прислал — так нет, от всего нос воротит. В глубокой депрессии наша Настюха, короче говоря.

— Что же делать? — как-то немного беспомощно спросил Семён.

— Вот, заходила в аптеку, купила успокоительных, — Маша кивнула на свой пакет. — Да в продукты ещё зашла, набрала всякой ерунды, которую особенно готовить не нужно. Все равно Настька сейчас не в состоянии что-либо там стряпать.

— Но ей хоть немного лучше? — уточнил Бирюк.

— Получше, конечно, чем вчера, — хмыкнула Машка, разглядывая веселящихся соседских ребятишек, которые недалеко от них пускали в луже собственноручно сложенные из фантиков корабли. — Если это можно назвать улучшением. Вчера-то вообще караул был: с нею практически целый день Антон просидел, пытался как-то помочь, а сегодня он не смог — дела: и в институте необходимо быть, и по работе его чего-то там вызвали, поэтому в этот раз пары пришлось прогулять уже мне.

— То-то я смотрю, я тебя сегодня в столовой не видел, — как бы между прочим заметил Славик.

— Ну да, — как-то немного отвлеченно согласилась Малиновская. — Просто Антон сказал, Настю бы нежелательно сейчас одну оставлять — вот и дежурим по очереди. — объяснила она.

— Почему это? — не понял Слава.

— Она… как бы это сказать… — Маша немного замялась, но потом продолжила: — Антон прочитал её мысли… Короче говоря, он боится, чтобы Настя с собой что-нибудь не сделала.

— Даже так? — округлила глаза Таня. — Что, всё настолько серьёзно?

Маша кивнула.

— Нет, ну я не могу — нашла по кому убиваться! — Таня встала с лавочки, рассерженная, и даже начала притоптывать ногой, настолько её возмутила вся ситуация. — Ладно бы там красавец писаный был, или миллионер, или я даже не знаю, что ещё. А так ведь — ничего особенного, да и характер-то какой ужасный — тьфу! — я бы, наверное, давно такого придушила! И за что она его полюбила?

— Разве люди любят друг друга за что-то? — неуверенно спросила Маша. — Я всегда считала, что любят просто так… просто потому, что сердце выбрало. Вот ты Вову разве любишь за что-то определенное?

— Да, вот мне тоже интересно! — мгновенно оживился

Бирюк, и внимательно посмотрел на Таню.

— Ну, мы с Вовой просто созданы друг для друга, — безапелляционно заявила Танька. — Так что тут и спрашивать нечего. К тому же, у нас и в помине не бывает таких скандалов, какие были…

— Ой, только давайте не будем разводить ванильные сопли! — поморщился Славик. — Терпеть не могу все эти обсуждения: кто, чего, да отчего.

— Это потому, что сам ты чёрствый, как сухарь, — Малиновская показала ему язык. — Ладно, ребята, я побегу — всё-таки Настька там одна, не хочу надолго её оставлять. А то надумает сейчас себе новых проблем — в одиночестве-то…

— Да и мы, пожалуй, пойдём, — Бирюк поднялся с лавочки, а следом за ним и все остальные.

— Ты уверена, что не нужна наша помощь? — уточнила Таня у Малиновской, обнимая потянувшегося к ней Вову.

— Нет, спасибо, пока справляемся, — улыбнулась Маша, и добавила почему-то шепотом: — Настька особо и видеть-то никого не хочет. Разве только… нужно будет купить ей новые шторы и занавески — те-то все в клочья разорвались. И вот ещё никак не могу придумать, что делать с обивкой дивана — то ли зашить, то ли новую ткань заказывать. Но это — потом, когда в себя придёт. А пока что пусть будет так, как есть.

— Хорошо, — кивнула Таня.

Они все вместе потопали в сторону дома, стараясь выбирать наиболее сухие дорожки. Маша, перепрыгивая через мутное озерцо талой воды, заметила в ней уже с десяток цветных корабликов, собранных умелыми руками детворы. Серебристые обертки от конфет весело искрились на ярком весеннем солнце.

— Если что, пусть выходит хотя бы сюда, во двор, на свежий воздух, — предложил Бирюк на прощание. — Скажи, мы все её очень ждём. Может быть, это придаст ей сил или… не знаю… хотя бы подбодрит.

— Хорошо, я передам ей. — Маша махнула рукой. — Ещё увидимся, — и она торопливо пошла к подъезду, немного неуклюже при этом таща свой пакет, потому что в нём были какие-то кривые, неудобные ручки. Впустив вместе с собою в холл непонятно откуда взявшуюся бездомную черно-белую кошку, и пару раз приложившись пакетом обо все углы на первом этаже, она вызвала лифт.

Татьяна и Бирюк не спеша поднимались в свою квартиру — на третий этаж они всегда ходили пешком, тем более что в последнее время их лифт взял дурную привычку — застревать между пролетами чаще обычного.

— Знаешь, нам, наверное, тоже нужно будет сегодня сходить в магазин, — Таня распахнула дверь с лестницы в общий коридор. — У нас кончился чай и сахар, я обнаружила это только сегодня утром, но времени особенно не было, и пришлось запивать бутерброды простой водой. И ещё нам нужна колбаса — желательно докторская — потому что все её обожают, ну и паштет тоже можно. Об остальном я вспомню в магазине, когда увижу это на полке, — при этом она строго посмотрела на Вову, как будто тот ей в чём-то возражал.

— Может быть, мы сходим за всем этим завтра? — предложил Бирюк, зевая, и доставая из кармана связку ключей. — А то я сегодня так устал. А завтра будет пятница, у нас ведь с тобой в пятницу всего по три пары в институте, — после сразу и заскочим в магазин, идёт?

— Можно, наверное, и завтра… — не слишком уверенно согласилась Таня. — Но тогда у нас совсем ничего не будет на завтрак. Только если у нас остались те вкусные… ой! — она схватилась за лоб. — Что-то у меня в голове стрельнуло!

— Ты просто переутомилась, — Бирюк продолжал возиться с ключами, не понимая, почему нужный не подходит к замочной скважине. — Нервный денёк был, только и всего.

— Мне… мне нехорошо, — Татьяна прислонилась к стене, а через долю секунды начала медленно сползать по ней вниз. Её речь вдруг сделалась бессвязной: — Голова… Какая сильная боль. Не моя… не моя боль…

Бирюк перестал уделять своё внимание дверному замку, безрезультатно ворочая в нем ключи, и, посмотрев на Таню, перепугался — она очень сильно побледнела.

— Воздух… не хватает… — девушка схватилась за горло, окончательно оседая на холодный кафельный пол.

— Таня, Таня! — Бирюк бросился к ней на пол и начал хлопать по щекам. — Это как в тот раз, да?! Да? Скажи!

— Да! — у Татьяны закатились глаза, но она, похоже, всё-таки находилась в сознании.

Вове стало по-настоящему страшно: он будто снова начал проваливаться в тот кошмар новогодней ночи, когда было совершено убийство. Только сейчас он был совершенно один, и некому было ему помочь. Соседей звать нельзя — будет слишком много вопросов. Воспоминания начали возникать перед ним с неестественной яркостью, мешая думать, словно окружая его и наваливаясь со всех сторон: те же симптомы, та же боль; а потом они узнают вдруг, что произошло нечто ужасное. Кто на этот раз? Нет, никто не мог попасть в беду — они все только что разговаривали, только что были рядом. Все, кроме… Антона!

Неужели Евген подкараулил его? А потом напал. Нет, это невозможно!

— Кто? Кто на этот раз? — закричал Бирюк, тряся Таню за плечи.

В его голове запоздало промелькнула мысль: с чего он решил, будто беда случилась именно с кем-то из Авалона? Может быть, все произошло как и в тот раз — с обычным человеком? Но тогда это случилось совсем рядом… Неужели Евген снова здесь? Из глубин памяти тотчас пришёл убийственный ответ: это предчувствие. Он знает, что лихо постучалось в знакомую дверь.

— Со мною ничего не случится, — Танин голос вернул Вову в реальность. — Я просто чувствую то же самое. Оставь меня! Помоги другим!

— КОМУ?

— Настя…

Бирюк вскочил, заметался по лестничной клетке, не зная, что делать. Как он оставит Таню?

— Скорее же! — Татьяна оставалась всё такой же бледной, но соображала, кажется, ясно. — Иначе будет слишком поздно!

Вова бросил последний взгляд на свою возлюбленную и, кивнув, побежал вниз.

Настасья должна быть дома. Малиновская сама сказала им только что — она не хочет никуда выходить. Значит, Женя снова пришёл к ней домой — завершить начатое. Воспользовался моментом, пока все отлучились. Бирюк остановился на полном ходу. Если Евген там, одному ему не справиться. Промедлив мгновение, он достал мобильный и начал лихорадочно набирать номер Славы, мысленно молясь о том, чтобы эта мимолетная задержка не стала роковой…

* * *

Малиновская повернула металлическую ручку двери, раздался щелчок, и она вошла в квартиру к Настасье. Да, всё правильно: она сама просила подругу не закрывать дверь на замок — знала, что скоро вернётся обратно с кучей продуктов и руки будут заняты. Не хотелось долго копаться, пытаясь открыть дверь.

— Я пришла! — громогласно объявила Маша в прихожей и, не разуваясь, сразу направилась на кухню. Поставив тяжелый пакет на стул, она начала выкладывать из него всё, что набрала в магазине.

— Настька, иди сюда, помоги мне! — снова позвала

Малиновская, но ответом ей была гробовая тишина. — Ты вообще где? — она, так и не поставив на стол упаковку апельсинового сока, направилась с ней в комнату.

— Чего не отзываешься-то? — Мария замерла на пороге, и сок с громким шмяком выпал из её руки: Настасья лежала на полу лицом вниз и не шевелилась. Плотные сине-фиолетовые шторы на окнах были почему-то задернуты, создавая в комнате ощущение глубокого вечера, переходящего в ночь.

Малиновская бросилась к подруге, приподняла Насте голову, убрала волосы со лба; её ещё больше напугало отсутствие хоть какой-то реакции и землистый цвет лица Настасьи. Машка начала в панике пытаться нащупать пульс на руке, но — безрезультатно: с таким же успехом она могла искать пульс у тумбочки.

— Да что здесь… — Мария стала лихорадочно осматривать комнату, пытаясь понять, что именно могло произойти. Ей почему-то не пришла в голову мысль о возможном новом посещении Евгена. На глаза неожиданно попалась наполовину опустошенная пачка из-под лекарства, лежащая тут же, на полу, у одной из ножек кровати. На упаковке виднелась надпись: «Донормил». Это же снотворное! — вспомнила она, и её начал одолевать неконтролируемый приступ страха.

— Ты что, дура?! — заорала Малиновская и принялась изо всех сил тормошить Настю. — Решила с жизнью расстаться? Я тебе дам! Идиотка!

Что делать? ЧТО ДЕЛАТЬ?! Мысли метались в разные стороны, а внезапно напавшая дрожь мешала думать. Человек наглотался таблеток. По сути, это то же самое, что и отравление. Нужно вывести всю эту гадость из организма. Необходимо вызвать рвоту. Маша с огромным трудом начала вспоминать то, чему их когда-то учили в школе на уроках ОБЖ: повернуть голову набок, чтобы человек не захлебнулся, засунуть отравившемуся пальцы в рот, надавить на корень языка.

Малиновская развернула Настину голову так, чтобы было удобнее, с силой разжала ей челюсти и, запустив два пальца в рот, надавила на язык. Секунда, другая, третья… никакой реакции. Ещё раз. Что-то заклокотало в Настином горле, и внезапно её начало обильно тошнить на ковер. Маша не успела убрать ладонь и зажмурилась, ощущая, как рвотные массы потекли по её руке. Настасью тошнило. Ещё раз. И ещё. И ещё.

В коридоре раздался топот множества ног, и в комнату ворвались Бирюк, Слава и Семён.

— Что здесь… — Вова замер, глядя на содрогающуюся в рвотных позывах Настю и поддерживающую её Малиновскую.

— Парни, умоляю, скорее! Там, на кухне, в нижнем ящике

под мойкой — активированный уголь! — крикнула Машка.

Сеня бросился на кухню. Слышно было, как он ищет необходимое, звеня ложками и вилками, переворачивая все содержимое буфета вверх дном.

— Воды! — вдруг прохрипела Настя. Невнятность, с какой она это произнесла, напугала всех ещё больше.

— Быстрее! Чего там копаться? — заорал Бирюк, но Сеня уже бегом возвращался в комнату, неся пачку с углём.

— Да нет же, размешайте его в воде, идиоты! — запричитала Малиновская. — Она подавится таблеткой!

Сеня снова унёсся на кухню.

— Поднимите её! — скомандовала Маша Славе и Бирюку. — Нужно отнести её в ванную, потому что её снова будет тошнить.

Ребята быстро подхватили с пола бледную, плохо соображающую Настасью, и потащили под руки в ванную комнату. Семён уже был тут, подавая наполненный стакан.

— Глотать сможешь?

Получив от подруги что-то слабо похожее на кивок, Маша начала вливать ей в горло столько растворенного в воде угля, сколько она могла выпить. Больше всего она боялась, чтобы Настя случайно не захлебнулась. А потом ту снова начало тошнить.

В краткие перерывы между рвотными позывами Малиновская умывала ей лицо водой из-под крана и постоянно повторяла, как заклинание: — Дура! Дура! Дура! Ну как же так можно?! Дура! Дура…

— У неё не будет обезвоживания? — с тревогой спросил Бирюк, продолжая поддерживать Настю за плечи у края ванной.

— Сейчас пусть уж лучше тошнит, — ответил Слава серьезно. — Организм должен очиститься.

— Что, интересно, на всё это скажет Антон? — задал риторический вопрос Семён.

Когда поздно ночью Антон вернулся с работы, Настасья уже давно спала, обессиленная, в своей кровати. Она очень долго мучилась, прежде чем её перестало мутить, потеряла много сил, но вроде бы все обошлось. Малиновская в общих чертах рассказала Антону о случившемся, решив, что пусть уж лучше она честно во всем признается, чем рано или поздно он прочитает об этом в чьем-нибудь сознании, и тогда уж точно будет много ярости и криков. Честно говоря, Мария приготовилась к тому, что и сейчас его реакция будет более чем бурной, однако Антон выслушал все в молчании, а потом лишь печально произнёс:

— Я знал, что так случиться. И всё-таки надеялся, что обойдётся. Таня фактически спасла её — она снова почувствовала опасность, — а это значит, что Настасья находилась на волосок от

гибели. Смерть была близка…

Маша от этого так растерялась, что просто стояла, хлопая глазами, и как-то наивно, совсем по-детски спросила: — Что же нам делать дальше?

— Завтра, в пятницу, как только все вернутся домой, мы отправимся в Нифльхейм, — первый шок от услышанного у Антона прошёл, и он начинал возвращаться к своему обычному, деловому тону. — Проведем там все выходные, до воскресенья.

— Настя, наверное, не захочет никуда идти, — осторожно предположила Малиновская. — Да и вряд ли она завтра к вечеру будет чувствовать себя настолько…

— Как раз Настю-то мы и возьмём в первую очередь, — перебил её Антон. — Там у неё не будет ни новых таблеток, которых она могла бы наглотаться, ни старых, неприятных воспоминаний. Смена обстановки отвлекает, знаешь ли. К тому же дварфы будут за нею постоянно присматривать. Раз уж мы не смогли.

Маша почувствовала легкий словесный укол в свою сторону, но предпочла промолчать. Тем более что Антон был, по сути, прав. Чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего, она решила слегка поменять направление темы.

— Что бы мне такое маме завтра сказать насчёт выходных? Она в эти дни не на работе будет…

Антон отчего-то расценил это заявление как признак того, что Машка увиливает и не хочет проводить все выходные в замке, а потому сказал довольно строго:

— Идут все и в обязательном порядке. Если хотите, можете считать, что это — приказ! И точка.

* * *

Вечер пятницы принес с собою ухудшение погоды и довольно заметное похолодание. Огромные серые тучи, похожие на скомканные куски ваты, заволокли собою все небо. Слегка подморозило, и на лужах появилась неровная ледяная корка, расчерченная изнутри причудливыми узорами и трещинками. Остатки смерзшихся сугробов выглядели печально и сиротливо в стремительно наступающем на город вечере.

Выходить из дома совсем не хотелось, но благодаря постоянным понуканиям и неуемной энергии Антона к шести друзья всё-таки собрались выходить. Малиновской пришлось на ходу придумывать какую-то совершенно дурацкую историю о том, что она идёт на день рождения к бог знает какой подруге, и мама

отпустила её под честное слово о том, что она будет вести себя хорошо и к вечеру следующего дня её дочь непременно окажется дома. Прекрасно понимая, что ей не удастся вернуться вовремя, Мария решила оставить эту проблему на потом: было совершенно очевидно, что в этот раз ей не уйти от маминого гнева, если только она не найдет какого-нибудь неожиданного способа попасть домой раньше времени. Немного успокаивало лишь то, что остальным друзьям тоже пришлось что-то сочинять.

Конечно, летом улизнуть из дома гораздо легче — можно сказать, к примеру, что гулял с компанией по ночному городу, — а когда за окном холодно, серо и ветрено, какую-либо правдоподобную историю о своем отсутствии сочинить гораздо труднее.

Когда они отправились в путь, тяжелее всего пришлось Настасье: она всё ещё была бледна и малоразговорчива, хотя и чувствовала себя заметно лучше, чем в прошедшие дни. Друзья тактично не спрашивали её ни о чём, между собой уговорившись делать вид, будто их подруге просто нездоровится из-за обычной простуды, и ничего страшного не произошло. Скорее всего, это была наилучшая тактика.

После того, как Авалон вошёл в лес, достаточно быстро стемнело, но это было и к лучшему — никто из посторонних не заметит, куда они направляются и как пройдут сквозь Портал. Мария не выпускала Настину руку из своей ладони — на всякий случай, если у той неожиданно закружится голова или она просто поскользнется на укатанной и скользкой дорожке. У поляны с растущими большим кругом дубами-великанами вышла небольшая заминка: навстречу им по лесной тропинке шли две бабули, выгуливая своих пудельков, и друзьям пришлось довольно долго топтаться на месте, наблюдая, пока старушки не отойдут достаточно далеко, чтобы не разглядеть их — безопасность была превыше всего.

Миновали Портал. В основном шли молча, изредка перебрасываясь лишь парой фраз. Все были уставшие, и в большинстве своем хотелось только одного — поскорее завалиться спать. Хотя, когда вокруг вместо унылых голых ветвей и талого снега раскинулась теплая лесная зелень, настроение сразу значительно улучшилось. По дороге их нагнала Пончик — радостная и беззаботная, как и всегда. Они усадили Настасью на спину медведице — та особенно не возражала — и после этого передвижение значительно ускорилось.

Так они незаметно добрели до их старого знакомого.

— Здравствуй, Клён! — громко произнёс Антон. — Ты не спишь?

Дерево вздрогнуло, встрепенулось, и глаза его открылись.

— О, здравствуйте, мои дорогие! — пророкотал он. — Очень рад всех вас видеть, очень рад! Честно говоря, не ожидал вашего прихода сегодня — вот и задремал. Наверное, очень важные дела гонят вас в дорогу? — при этом Старый Клен внимательно посмотрел на Марию.

— Мы очень соскучились, и поэтому решили прийти сегодня. — выкрутилась Малиновская.

— Очень лестно слышать, — мудрые глаза Клена сузились, как бывает и у людей, когда они широко улыбаются. Его взгляд неторопливо обводил всех по очереди, пока не задержался на Настасье, восседающей на Пончике.

— У Стеклянной Госпожи нездоровый вид, — заметил он. — Что случилось?

— Да, Настя слегка приболела, — ответила Маша за подругу. — Отравилась… э-э-э… некачественной едой.

Татьяна, стоявшая рядом, немного удивилась, но виду не подала: наверное, — рассудила она — так будет правильней. Ни к чему Клену знать все неприятные подробности. Тем более никому неизвестно, как деревья вообще реагируют на подобные вещи.

— Нехорошо! — Клён продолжал рассматривать Настасью. — Но это поправимо. У Малого народца наверняка найдется куча разных снадобий от подобного недуга. Они мигом поставят её на ноги.

— Мы тоже на это надеемся, — сдержанно кивнула ему Таня.

— Нет ли каких новых вестей из леса? — спросил у Клёна Антон.

— Представьте себе, есть! — их вечно сонный собеседник неожиданно оживился. — Не далее как три дня назад до меня дошли слухи, что ваш чудесный друг, Евгений, в полном одиночестве пересек Грань миров. Затем он сошёл с тропы и, довольно быстро передвигаясь, углубился в нехоженые чащи лесов. Мои древесные собратья какое-то время наблюдали за его перемещениями, но, вот беда — он ушёл в такую глушь, что там не обитает никого из волшебных деревьев, и мы потеряли его. Говорят также, что он был сильно разгневан и зол, однако не могу сказать, отчего. Возможно, моим братьям это просто показалось.

Антон с Бирюком переглянулись. Малиновская встревоженно посмотрела на Настасью, но та, кажется, никак на это не отреагировала — по крайней мере, внешне.

— А обратно сквозь Портал он не возвращался? — уточнил Слава.

— О нет, Земляной Господин, — ответило ему дерево.

— Большое спасибо, Клён! — поблагодарил его Антон. — Мы,

пожалуй, пойдём. Не хочется брести по лесу совсем уж впотьмах. Доброй ночи!

— Доброй ночи! — попрощался с ними Клён.

По дороге к замку друзья продолжали обсуждать услышанное ими от Старого Клёна.

— Три дня. Всё ясно, — рассуждал Антон. — Он пришёл сюда как раз в тот день, когда мы повздорили. Ещё бы он не был разозлен!

— И до сих пор не вернулся назад! — напомнил Слава. — Все случилось во вторник. Сегодня вечер пятницы. Что он может делать в лесу все это время?

— Понятия не имею, — буркнул Антон.

— А что там вообще-то, ну… дальше? — спросил Бирюк, неопределенно махнув рукой. — Мы ведь никогда не заходили особенно далеко, не углублялись в чащу. Максимум — на несколько часов пути, а потом возвращались.

— Волшебные деревья как-то рассказывали мне, — ответила ему Маша, вспоминая, — Что лес практически бесконечен во всех направлениях. Но ведь они знают лишь те части леса, где обитают сами. А они растут далеко не везде. Есть множество мест, где их нет на целые километры вокруг. Поэтому особенно полагаться на их слова тоже не стоит.

— Серьезное упущение, между прочим, — расстроился Бирюк. — И почему эта мысль раньше не приходила мне в голову. Надо будет как-нибудь организовать экспедицию, могли бы отправиться все вместе по таинственным чащобам.

— Вообще-то поначалу нам запрещено было заходить далеко в лес, — немного сердито напомнила Таня. — Сильфида предупреждала нас о многих опасностях, скрывающихся в его глуши. А потом… потом как-то не до этого было.

— В библиотеке Нифльхейма есть карты окрестных земель, но они очень старые, — сказал Антон. — Да и, честно говоря, они тоже не особенно подробные и точные. Похоже, никто не занимался данной проблемой всерьёз.

Внезапно все остановились и прислушались, когда справа от них что-то захрустело и зашумело среди деревьев, но звук шел из глубины леса, и вскоре стих. Медведица оставалась спокойной, и Слава вслух предположил, что это просто какой-нибудь камень, сорвавшийся в овраг, или упала тяжелая древесная ветка. Постояв ещё какое-то время, друзья продолжили путь.

— А никому из вас не пришло в голову, что Евген может устроить здесь засаду и напасть на нас? — неожиданно выдал Семён. Шагая в самом хвосте, он всё ещё вслушивался в лесную тишину, ожидая новых загадочных шумов.

— Он не осмелится, — уверенно ответил Антон. — Нас слишком много, а он не настолько силён.

Маша неуверенно хмыкнула себе под нос и поджала губы — этого никто, кажется, не заметил.

Когда в поздних сумерках Авалон дошёл, наконец, до замка, Настасья, распластавшись на спине у Пончика, уснула — её укачала аккуратная, плавная поступь медведицы. Друзья по очереди заходили внутрь через огромные дубовые двери, и Пончик, никем не остановленная, воодушевленно потопала следом за ними. В этот раз никто почему-то не обратил на это никакого внимания — все слишком устали и были заняты собственными мыслями — пока их не окликнул Алексис. Возникнув откуда-то из темноты, он строго и вместе с тем удивленно произнёс:

— Эй, животным сюда нельзя! И вы знаете это не хуже меня! — его лицо в свете горящих факелов выглядело сердито и грозно.

— Ах, ну да! — спохватилась Малиновская, обернувшись. Потом она увидела уснувшую на медведице Настасью и жалобно попросила: — Ребят, а давайте Пончик сегодня тут останется. Ну, хоть всего на одну ночь! Так не хочется Настю будить — а ведь она себя и так плохо чувствует!

Эти мольбы были обращены, главным образом, к Антону и Алексису.

— Полагаю, ничего страшного не произойдёт, если… — начал Антон.

— Вы же не можете нарушить древний запрет?! — удивился Алексис.

— А чем, собственно, вызваны столь строгие правила? — вступилась Таня. — Кто и когда вообще их придумал?

— Законы древности для того и существуют, чтобы следовать им неукоснительно, — отчеканил Алексис. — Дисциплина и дань традициям — вот что важнее всего!

— Ты не ответил на вопрос, — в тон ему сказала Татьяна.

— От них грязь, блохи, и вообще…

Танька фыркнула, а потом громко рассмеялась от возмущения. Настасья недовольно пошевелилась у медведицы на спине, перевернув голову на другой бок.

— Вы сейчас разбудите её своими воплями! — пожаловалась Малиновская. — Долго ещё вы намерены препираться между собой?

— Пусть Пончик останется здесь, — решил Антон. — Чтобы не тащить Настю в верхнюю спальню, подберем ей подходящую комнату на первом этаже. А медведица может её охранять. В свете

последних событий это будет нелишним, а более надежного стража найти трудно, — и Антон подмигнул Малиновской. Та просияла.

— Я тоже могу её охранять! — Алексис шумно вздохнул. — Для этого вовсе необязательно оставлять в Нифльхейме животное!

— Друг мой, — обратился к нему Антон, дотронувшись Алексису до плеча и посмотрев в глаза. — Я прошу тебя: пускай сегодня будет так, и Медведица останется в замке. Поверь мне — так нужно.

Алексис лишь коротко поклонился ему в ответ, как бы говоря, что не желает больше спорить, а потом развернулся и пошёл обратно, на свой пост. Все услышали, как гулкое эхо разнесло его ворчание среди сводов и колонн:

— Подумать только — блохастому медведю доверяют больше, чем мне! С ума сойти!

Малиновская и Антон растроганно улыбнулись друг другу.

— Раз уж я взялся командовать, у меня имеется ещё несколько просьб к остальным, — сказал Антон. — Маш, — обратился он к подруге. — Попроси дварфов, чтобы они разыскали среди своих отваров и снадобий что-нибудь, что могло бы помочь Настасье. А после, я уверен, ей просто нужно будет как следует выспаться в тишине и покое, и назавтра она уже и думать забудет о плохом самочувствии.

Малиновская согласно кивнула и унеслась на кухню.

— Бирюк, — Антон посмотрел на Вову. — Распорядись от моего имени, чтобы сегодня центральные ворота замка закрыли на засов, так будет спокойнее.

— Понимаю, — согласился тот, и в сопровождении Татьяны отправился в одну из сторожевых башен, где на верхнем уровне располагался пост охраны дварфов.

Вообще-то ворота закрывали каждую ночь, но обычно ограничивались только смыканием окованных железом створ, не утруждая себя запиранием их на засов — всё равно это большое, выточенное из цельного дуба бревно могли сдвинуть лишь восемь дварфов одновременно, и передвигать его туда-сюда каждый день считали делом слишком обременительным. Но в свете возможного непрошеного проникновения извне Антон решил принять повышенные меры безопасности.

— Ну а вас, — Антон повернулся к Славе с Сеней. — Я прошу найти подходящую спальню на первом этаже: тащить сонную Настасью наверх — только мучить. Да и Пончику незачем подниматься так высоко.

Парни молча кивнули и пошли прочь по галерее.

Антон постоял, глядя им вслед, потом медленно подошел к огромному, бурому боку медведицы, мерно вздымающемуся в такт её дыхания, и коснулся руки Настасьи. Пончик покорно стояла, глубоко вздыхая, и Настя пошевелилась во сне, повернувшись лицом к Антону. Как она прекрасна — подумал тот — и почему на этой земле так устроено, что самая большая красота должна проходить через самые большие страдания? Наверное, для того, чтобы не быть просто прелестной картинкой, за которой не скрывается ничего, кроме холодной пустоты, а необходимость обогащения мудростью и знаниями возможна только через боль. Печаль же, навеки запечатленная на лице, делает красоту лишь глубже, а её краски — ярче.

— Не бойся, всё будет хорошо, — тихо произнёс Антон, гладя Настасью по руке.

— Ты в неё втюрился, признайся! — раздался сзади Машкин голос. Антон и не услышал, как она вернулась обратно. Он только рассеянно улыбнулся и ничего не сказал в ответ.

— Дварфы надавали мне целую кучу разных настоек, — сообщила Малиновская. — Я всё сложила на стол на кухне. Как только Настя проснётся, надо дать ей что-нибудь из них выпить. Они говорят — помогает моментально. Пойдем со мной, поможешь мне выбрать необходимое средство.

Полчаса спустя ворота Нифльхейма были надежно заперты, нужная спальня — подобрана, а Настасья уложена в кровать и напоена дварфовскими эликсирами. Пончика оставили у двери в спальню, чтобы охраняла её чуткий сон. Раскатистый храп медведицы, улегшейся у самой двери так, что невозможно было пройти внутрь, эхом разносился среди каменных стен. Было похоже, как будто здесь работают огромные кузнечные мехи. Все остальные мало-помалу тоже разбрелись по своим спальням…

Антон снова не мог уснуть. Отчего-то ощущение тревоги не покидало его, а наоборот — становилось сильнее. Время давно перевалило за полночь, а он всё ещё продолжал мерить шагами собственную спальню, вспоминая обо всём, что произошло в последние дни и стараясь предугадать, что их может ожидать впереди. Столкновение с Евгеном не пройдёт бесследно — он был практически в этом уверен. Женя в ярости, потому что думает, будто бы Настасья ему изменила. Он расценил это как предательство, а потому не хочет и не станет ничего выслушивать. Он сам во все это верит. А даже если и нет — более удобного предлога для неприкрытой вражды придумать трудно. Здесь обстоятельства сыграли ему на руку.

Что Евгений может предпринять? Очевидно, первостепенной его задачей станет месть, и Настасья здесь — цель номер один.

Женя не станет нападать на неё, пока рядом будет находиться кто-либо из Авалона. Вряд ли он жаждет лишних свидетелей и новых трупов. А значит, Евген станет выжидать момента, пока Настя окажется одна.

По крайней мере, сейчас все они в безопасности и это немного успокаивает. Авалон находится в самом надежном убежище из всех, какие им доступны. Друзья все вместе, под защитой неприступных замковых стен и великого множества дварфов. Даже в собственных квартирах они были бы гораздо более уязвимы.

Успокоив себя этой мыслью, Антон разделся и лёг в постель. Прохладная подушка приятно обволокла голову, но сон всё равно не шёл. Он снова открыл глаза, стал медленно осматривать комнату, и тут его взгляд остановился на восточном окне спальни. Сквозь плотно сомкнутые массивные шторы пробивался какой-то мерцающий красноватый свет. Нет, померещилось, наверное. Антон посмотрел на остальные окна — те были по-прежнему темны и пусты, в отличие от окна восточной стены.

Антон встал, зашлепал босыми ногами по каменному полу. Остановившись на секунду, он одним рывком распахнул тяжелые полотна штор. Комнату залили мягкие алые отблески. Впереди, в нескольких десятках метров от окна, возвышался одинокий седоглавый пик Расстегайны. Окна его спальни — единственные из всех остальных — выходили как раз на вершину горы. И она светилась.

Свет не казался ни ярким, ни тусклым — создавалось ощущение, будто на вершине горят несколько костров, однако их сияние давало широкие красные лучи, уходящие в стороны и вверх, в черное, беззвездное небо. Антон довольно долго стоял, наблюдая явление, которое до этого ему никогда прежде видеть не приходилось, разглядывая эти странные световые столбы: их яркость не менялась, они горели спокойно и ровно, как горят прожектора на каком-нибудь городском стадионе. Что ж, значит, опасность близка.

Наверное, все его друзья уже давно спят, и не стоит их будить сейчас. Все они надежно защищены, коридоры патрулируют вооруженные дварфы, дубовые двери заперты, а замок окружает широкий ров с водой. Что ещё они могли бы сделать? Пожалуй, более ничего. Остаётся только ждать, и теперь уже — недолго.

Антон вернулся к кровати, сел, облокотившись на спинку и, погрузившись в раздумья, незаметно для себя уснул. В туманных видениях сна он слышал голос Сильфиды: «Расстегайна… самая высокая вершина в череде Зеркальных гор. Её ещё называют Сигнальной горой; говорят, когда Нифльхейму грозит опасность,

вершина горы начинает светиться. К счастью, такого не случалось уже множество лет…»

Казалось, он только закрыл глаза, а Малиновская уже будила его, изо всех сил тряся за плечо.

— Антон! Антон, проснись! Ради всего святого, вставай, умоляю тебя! — в её голосе звучали паника и ужас.

— Что там? — он приоткрыл один глаз и увидел перед собой перепуганное Машино лицо.

— Птицы принесли мне страшные вести! Через лес к замку движется огромная армия! К полудню они уже будут здесь!

— ЧТО?! — Антон подскочил на кровати. От его сонливости не осталось и следа.

— И ведёт эту армию, — Маша содрогнулась. — Огненный Князь!

* * *

Позолоченные стены Ноэгин Фроуз, Тронного Зала, тускло переливались, создавая ощущение того, будто в древний чертог заглянула холодная, унылая осень, хотя она никогда не наступала в этих краях. Да и узкие окна с мозаикой совершенно не добавляли сюда света. Бессмертное братство собралось практически в полном составе: шёл военный совет. Обстановка была крайне напряженной, если не сказать — зловещей. Антон нервно расхаживал по рисунку серого мраморного пола с проступающими линиями красного граната, и в голосе его звучали тревожные нотки.

— Я уже отдал несколько наиболее важных, первоочередных распоряжений, — говорил он. — Подвесной мост Центрального крыла поднят — а иным путем в замок проникнуть нельзя. Среди дварфов объявлена всеобщая мобилизация, и в течение часа все они будут вооружены. К их горным собратьям также отправлены посланцы с вестью о внезапной опасности, поэтому к середине дня у нас уже будет все необходимое, чтобы держать оборону и, в случае чего — дать достойный отпор. На данный момент — как мне видится — крепость практически неприступна.

— Не слишком ли это всё… поспешно? — поинтересовался Семён, отходя от окна и окидывая взглядом зал.

— Потом может быть слишком поздно, — веско заметил Антон.

— Я не о том, — Сеня махнул рукой. — Как я понимаю, пока что мы основываемся только лишь на информации, которую принесла одна-единственная пичужка?

— Я думаю, очень скоро Маша выяснит все как следует, и мы узнаем в полной мере все подробности надвигающейся угрозы, — уверенно заявила Татьяна.

— Кстати, а где же она сама? — спросила Настя со своего белого мраморного трона. Она выглядела гораздо лучше, чем во все прошедшие дни: заметно отдохнувшая, хотя и всё ещё немного сонная. Эликсиры дварфов действительно сотворили чудо, без труда подняв её на ноги за столь короткий срок.

— Мария отправилась на дозорную башню, — пояснил Антон, продолжая расхаживать по чертогу. — Там она ожидает новых вестей от птиц.

— Друзья мои, мы обсуждаем совсем не то, что нам нужно! — Бирюк поднялся со своего места и вышел в центр зала, привлекая всеобщее внимание. — Давайте начнём мыслить с начала. Прошу вас, только предположим, хотя бы на один миг, что птицы ошиблись. Разве не может такого быть? Признаюсь вам честно — мне самому пока что очень слабо во все это вериться. Огромная армия, говорите? Но, помилуйте — откуда Евгений её взял? Откуда?

— Вот и мне так кажется, — Таня встала рядом с ним, положив руку ему на плечо. — Такой силы в этом мире просто не существует! Опомнитесь, вокруг нас дикий, первобытный лес! Даже если это несколько тысяч воинов, то где все они были до этого? Где скрывались? Где жили? Что ели? Нет, это какой-то абсурд, честное слово!

— Пускай и так, — Слава, развалившись на троне, неторопливо разминал суставы на своих пальцах, явно не зная, чью сторону принять. — Но разве сейчас мы не в безопасности? Стены Нифльхейма вздымаются на огромную высоту. Что сможет сделать с ними жалкая горстка солдат? Разве только пускать стрелы нам в окна, если они у них, конечно, есть, — усмехнулся он.

— Возможно, нам грозит опасность гораздо большая, чем мы можем себе вообразить, — предположила Настасья. — Уверяю вас — как человек, который знает Женю лучше всех присутствующих — он способен на многое! Сила его всегда больше, нежели кажется, а цель — иная, чем та, которую он явно преследует.

— Ты хочешь сказать, что мы стоим на пороге войны? — с легким сомнением в голосе спросил Слава. — Как-то в это слабо верится…

— Вы требуете доказательств, — Антон, наконец, остановился и скрестил руки на груди. — А ведь сегодня ночью, когда все спали, вершина Расстегайны светилась, — наконец признался он.

Никто как будто не знал, что на это можно возразить. Кто-то

воспринял это с тревогой в глазах, кто-то — с непоколебимым спокойствием. Тишина окутала зал. Слышно стало, как бьется в цветную мозаику окна неизвестно откуда взявшаяся муха.

— Это ничего не значит! — снова не поверил Бирюк. — Вспомните, что говорила нам на этот счёт Сильфида: «Гора предупреждает об опасности». Но с тех пор, как Евгений покинул нас, мы и так живем посреди сплошных опасностей! Быть может, Расстегайна предостерегает нас совсем не об этом.

— Тогда нас ожидает будущее ещё более худшее, чем мы сейчас можем представить. — заметила Настя.

— Если он и вправду ведёт против нас вооруженное войско… — начал Семён.

В это мгновение большие позолоченные двери Тронного зала распахнулись, и вошла Мария. Выражение её лица не предвещало остальным ничего хорошего. Все взгляды мгновенно устремились на неё, и она застыла, словно прикованная к месту, явно не зная, с чего начать.

— Ну?! — не выдержал Бирюк.

— Птицы принесли мне новые вести. Сюда направляется поистине неисчислимое воинство Темных сил, — сообщила Малиновская. — Орды друмлинов и горгулий идут впереди, но основная численность армии, которую собрал Евгений — это мёртвые воины. Их тысячи. Десятки тысяч, — она помедлила, а потом сказала, как будто убеждая саму себя: — Пти-цы не лгут. Ибо они не могут так ошибаться.

— Что ещё за мертвые воины? — воскликнул Слава.

— Я так понимаю, это что-то типа… зомби? — спросил Антон.

Малиновская молча кивнула, а после добавила: — Наверное. Мне описали их как ходячих мертвецов, но я так до конца и не поняла, что же они такое.

— ОТКУДА?! — только и мог сказать Бирюк. — Откуда. Он. Их. Взял?!

— Я не знаю, — покачала головой Малиновская. — Но одно могу сказать вам наверняка: дварфов окажется слишком мало, чтобы оборонять замок. А их передовые войска уже вот-вот будут здесь.

— Да нам и неоткуда ждать помощи, — с дрожью в голосе произнесла Таня, плотнее прижимаясь к Вове.

— Может быть, нам следует отступить? — неуверенно предложил Сеня. — Уйдем обратно через Портал — и всё.

— И бросим дварфов на произвол судьбы? — Малиновскую возмутило подобное предложение до глубины души.

— Если мы уйдем, дварфы не пострадают, — справедливо

заметил Слава. — Ему нужны мы. Ну и… не будем лукавить — в первую очередь ему нужна Настасья.

Все обернулись в сторону Насти. Та лишь боязливо поежилась на своем месте и пожала плечами.

— Если мы вернемся в наш мир, то он все равно последует за мной, — она обхватила голову руками. — Поверьте, это его не остановит. Он наплюет даже на риск быть обнаруженным в нашем мире!

— Ты хочешь сказать, что эти мертвые — кем бы они ни оказались на самом деле — пойдут за нами даже сквозь Портал? — ужаснулась Таня.

— Не уверен, что они смогут его беспрепятственно миновать, — усомнился Бирюк. — Они ведь существа этого мира, а значит, у них не должно получиться проникнуть в наше пространство.

— Это всего лишь неподтвержденная теория, — сказал Антон. — И сейчас не самое лучшее время, чтобы её проверять. Даже манускрипты нашей замечательной Библиотеки не дают исчерпывающих ответов на данный вопрос. Достоверно известно лишь то, что животные не могут пересекать Грань миров. А насчёт мертвых там ничего не сказано. Никто из наших предшественников, полагаю, не сталкивался с этим. Поэтому мы примем бой здесь. Бегство лишь отсрочит схватку, но не спасёт от неё.

— Да как вообще можно думать об этом? — Маша даже притопнула ногой. — Какое ещё бегство? Вам не стыдно?

— Опасно, знаете ли, вести сражение с параноиком. — поежился Бирюк, имея в виду Евгена, и развел руками. — Мало ли как там окажется…

— В тот день, когда все произошло, — тихо сказал Антон, и все обернулись к нему. — Когда Евген атаковал Настю… Я заглянул в его мысли. Так, на несколько секунд… Знаете, у него такая жуткая каша в голове. Он жалеет себя, а ненавидит её, и меня, и нас всех, и получается такой кошмарный бульон из мыслей, которые неизвестно теперь во что выльются. Нам нужно быть настороже.

— И всё-таки я хочу кое-что проверить, — Бирюк решительно сжал кулаки. — Я телепортируюсь к Порталу и посмотрю, свободна ли дорога.

— Мы ведь уже решили, что не будем отступать! — сказала Малиновская.

— Я сделаю это для того, чтобы знать наверняка и не думать позже, могли бы мы так поступить или нет. Кроме того, я хочу своими глазами увидеть этих «мертвых солдат». Как-то не очень я

доверяю… птичкам. Марусь, прости, — он сделал шуточный реверанс в сторону Малиновской, но Маша всё равно нахмурилась.

— Вов, ведь это может быть очень опасно! — Татьяна пришла в ужас от его решения, но сам Бирюк в этот момент смотрел на Антона.

— Я увижу все собственными глазами и тогда, клянусь, больше не буду упорствовать, — пообещал он.

— Хорошо, — согласился с ним Антон. — Разведаешь — и сразу назад. Хотя бы расскажешь нам, на что это всё похоже…

Вова быстро кивнул, потом закрыл глаза, чтобы сосредоточится, и тотчас исчез во вспышке и завихрениях ветра — только пыль взвилась с мраморного пола ему вслед…

Глава 17. И грянул гром…

Четырьмя днями ранее…

Евгений в бешенстве выбежал на улицу и остановился, тяжело дыша. Мысли скакали и путались в голове, глаза застилала пелена гнева. Хотелось только одного — сжечь и испепелить всё вокруг. Чтобы не осталось ничего. Ни людей вокруг, ни их раздражающих голосов, ни звуков смеха и беспорядочных сигналов машин — хотелось, чтобы все это разом умерло, смолкло навеки, чтобы вокруг осталась только оглушительная тишина и выжженная огнём пустыня, созданная им самим.

Сзади хлопнула дверь в подъезд. Женя вздрогнул, обернувшись, с некоторым облегчением обнаружив, что это просто незнакомые ему люди. Нужно оказаться подальше от этого так ненавистного теперь дома — и он быстрым шагом пошёл прочь. Движение создавало ощущение хоть какого-то действия. По пути он пару раз задел плечом случайных прохожих, слыша недовольные возгласы за своей спиной. Всего одно касание его руки — и эти люди замолчат. Замолчат навсегда. Но это лишнее. Сейчас это — лишнее. Не стоит растрачивать силы на тех, кто этого не достоин. Имеются другие конкретные индивидуумы, которые причинили ему боль. Они в приоритете. И они ответят за это. Все до единого. Нужно только найти способ…

Кажется, он всё ещё идет недостаточно быстро — как только эта мысль пришла Жене в голову, он побежал.

Ночь стремительно накатывала на город, зажигая окна московских многоэтажек. Сейчас необходимо скрыться от света, скрыться ото всех. Под ногами захрустел нетронутый, мерзлый, нерастаявший снег, а над головой зашумели могучие, вечно неспокойные ветви парковых деревьев. Они как будто тоже знают, тоже осуждают его за всё то, что он совершил. А что, если за ним началась погоня? Что, если его бывшие друзья решили догнать его, дабы свершить самосуд? Нет, он этого не позволит! По крайней мере, живым он им не дастся.

Неожиданно показалась знакомая поляна. Евген и сам не понял, как за столь короткое время он смог преодолеть такое большое расстояние. Хотя… он ведь бежал… возможно и так. Хорошо знакомое ощущение сжатого воздуха — и вот он уже пересек Грань миров. Теплый ветер хлынул ему в лицо. Листья на кленах зашумели, и в их шелесте, как никогда прежде, с

неестественной ясностью ему слышалось слово «убийца». Нет! Нет! Нет! Он сходит с ума!

Женя снова быстро побежал, подобно загнанному волку, который уже слышит лай преследующих его собак. Свернув с тропы, он бросился в густые, непролазные и цепкие переплетения кустов. Колючие ветки несколько раз задели его по лицу, оставляя неглубокие, кровоточащие порезы. Пробежав ещё довольно долго, он начал задыхаться. Становилось нестерпимо душно: он с запозданием понял, что на нём все ещё теплая зимняя одежда. Скинув куртку с шарфом и оставшись в легком свитере, Евген двинулся дальше, так и оставив их лежать на траве.

Ему постоянно казалось, будто за ним следят, что его преследуют, он никак не мог избавиться от ощущения погони. И он бежал сквозь лес всю ночь, и ярость и гнев гнали его вперед, и ему казалось в тот миг, что они навеки поселились в его сердце.

Когда первые лучи рассвета стали пробиваться сквозь плотно сомкнутые зеленые листья-пятерни, он, наконец, упал, обессиленный, и провалился в чёрное беспамятство. Неизвестно, сколько он так пролежал, и путь его сознания был тёмен, как бывает темна летняя, беззвездная и безлунная ночь: кромешный мрак окутал его.

Когда же Евгений открыл глаза, вокруг стоял тихий, безмятежный и солнечный день. Он поднялся, отряхнул с себя мелкие веточки и сор. Постепенно воспоминания прошедшего дня медленно возвращались к нему, а вместе с ними возвращалась и боль. Нет, это не страшный ночной кошмар — всё произошло на самом деле, и он не в силах этого забыть. Ему снова захотелось испепелить все вокруг, но теперь со всех сторон его обступало лишь безмолвное, безразличное ко всему окружающему великое лесное царство. И он здесь — чужой.

О, какая жалость, что он не может выжечь из своей памяти такие ненавистные ему теперь воспоминания! Он тихо двинулся вперед по неизвестно откуда взявшейся лесной тропинке: казалось, она сама услужливо ложилась ему под ноги. Местность постепенно понижалась, уходя в глубокий и сырой овраг, а чаща вокруг становилась все сумрачнее и гуще. Тропа то появлялась, то снова исчезала в высокой и колкой траве, и так, бредя по ней, Женя неожиданно вышел к широкой реке, что текла сквозь Кленовый лес, а левый берег её, высокий и крутой, с многочисленными каменными осыпями и торчащими обломками скал, пронизывали русла более мелких ручьев и родников, спешащих слиться с рекой. Это место дварфы знали как Ластор-Бет-Ламмен, Утёс Содрогающейся Воды, ибо всегда с

беспокойством и шумом бурлила там среди каменных порогов вода, ударяясь о них, пенясь, закручиваясь в водовороты, а после уходя в глубокие, темные и холодные омуты у корней деревьев. Но дварфы редко приходили сюда, так как очень уж далеко было отсюда до центральных врат Нифльхейма.

Женя остановился, улыбнулся сам себе: когда-то он уже был в этом месте раньше. Сейчас он понятия не имел, каким образом ему удалось снова здесь оказаться — в прошлый раз он добрался сюда совершенно иной дорогой. Если только сама судьба привела его в этот странный, потерянный край.

Окончательно сойдя к реке, он уверенно зашагал вдоль берега, пока не оказался у небольшого водопада. Стеклянная завеса воды скрывала за собою множество гротов и пещер, а среди разбросанных повсюду валунов росли странные корявые кусты с какими-то незнакомыми ягодами. В другой раз Женя не обратил бы на них никакого внимания, но сейчас ему очень хотелось есть, и он остановился, раздумывая, не могут ли они оказаться ядовитыми. По фигуре листьев кусты походили на смородину, но ягоды на них были гораздо крупнее, по форме напоминая вытянутые, слегка помятые сферы.

Евген сорвал одну из ягод и осторожно надкусил её. По вкусу она отдаленно смахивала на клубнику. Лучше уж возможное отравление, чем нестерпимый голод — подумал он, и съел столько ягод, сколько смог, пока не обобрал их большую часть с кустов. Теперь чувство голода немного отступило, и пора было действовать дальше.

Приблизившись к водопаду, он прошел под каменным карнизом, с которого бежала вода, и, совершенно сухим, очутился в небольшой темной пещере. Потолок грота низко нависал над головой, а под ногами шуршала мокрая галька. Евген вздрогнул, когда из темноты неожиданно вылетело несколько летучих мышей и унеслось прочь.

Евген дошел до самого дальнего закоулка грота. Здесь было совсем темно, и он двигался больше наощупь, чем доверяя зрению. Присев на корточки, он начал шарить руками по камням, пока не наткнулся на довольно объемный сверток из выделанной кожи. Женя распахнул его, и своды грота озарили мягкие красные отблески — здесь, сокрытые от посторонних глаз и любого вражеского посягательства, он когда-то давно спрятал свои величайшие ценности: книгу и корону.

Листы Книги Жизни слабо мерцали во мраке пещеры алыми отсветами и, даже спрятанное под накидкой из темной кожи, перо продолжало свою работу, бесстрастно записывая без помощи чернил всё, что делал Евгений.

Женя тяжело вздохнул и облокотился спиной к прохладному камню: ему стало гораздо спокойнее. Никто не тронул его сокровищ — хотя бы в этот раз все получилось так, как он и хотел: книга надежно запрятана, а значит, никто не может отследить его перемещения. Просидев так какое-то время, он поднялся на ноги и надел корону на голову. Тотчас же тринадцать кровавых рубинов на ней вспыхнули, отражаясь от благородной платины, загнутые вовнутрь зубцы-крючья грозно сверкнули. И тогда ему на ум пришли давние слова, которым он когда-то не придал значения, но вспомнил о них сейчас:

«Гонишь меня… а ведь скоро сам ко мне придёшь. Будешь искать — да только искать меня не нужно: кликнешь — и я уже здесь…». Теперь Евгений знал, что ему нужно делать.

Снова укрыв надежной пеленой Книгу, он, не снимая короны, вышел из грота на яркое солнце. Водопад шумел за его спиной. Платина, отражая солнечные лучи, заиграла бликами на его голове, а камни, наоборот, померкли, словно вбирая в себя весь свет. И Евгений, помедлив какое-то мгновение, громко крикнул: «Морфиус!».

Он замер, слушая, как эхо его призыва продолжает разносится над гладью речной воды и ожидая, что сейчас что-нибудь произойдёт, но ответом ему был лишь шелест ветра в ветвях огромного леса. Женя сделал осторожный шаг вперёд, галька скрипнула под ногами, и тут за его спиной раздался тихий голос:

— Ты звал меня, Огненный Князь?

Евген медленно обернулся и увидел его совсем рядом с собою, стоящего на камне. Морфиус ничуть не изменился с тех пор, как он в последний раз видел его: высокое, закутанное в черный, развевающийся саван и слегка сутулое тело, опирающееся на посох; серая кожа, покрытая непонятными рунами и желтые, кошачьи глаза.

— Да, звал, — ответил ему Евген.

Какое-то время они молча внимательно присматривались друг к другу, словно пытаясь понять, на что каждый из них способен. Потом Женя неохотно выговорил: — Мне нужна твоя помощь.

Видно было, как ему не хотелось этого произносить.

— Я предупреждал тебя, что однажды ты явишься ко мне, — Морфиус улыбнулся, обнажая тонкие острые зубы.

Евген не ответил.

— Ты стал гораздо сильнее с нашей последней встречи, — заметил Морфиус. — Я прямо-таки ощущаю твою магическую силу. Но мы посмотрим… да… посмотрим. — он опустил голову

и, казалось, говорил сейчас сам с собой. Потом он поднял свои желтые глаза, и взгляд его впился в лицо Евгена.

— Чего ты хочешь от меня, Огненный Князь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне отомстить! — гордо произнёс Евгений. — Меня предали. И неверные должны получить по заслугам!

— О, не думай, будто неведомо мне, что произошло, — Морфиус спустился с камня, неуловимо подходя ближе; казалось, он будто бы парил над землей. — Я знаю. Мне известно всё, о чем ты думаешь. Но тебе не справиться в одиночку.

— Я — Огненный Князь, и я могу всё! — Евген вскинул голову.

— Недостаточно, однако, быть неизмеримо могущественным, — Морфиус приблизился к его уху и прошептал: — Если тебе кажется, что этот мир стал без неё пуст, тогда мы заполним его… войной! Тебе нужна армия!

— Ты знаешь, где её взять? — Евген недоверчиво покосился на него.

— Следуй за мной, — загадочно ответил Морфиус.

И они отправились в путь: высокий, решительный, преисполненный уверенности в себе юноша, увенчанный пылающей короной, и мрачный, согбенный мужчина в черном плаще, тяжело опирающийся на посох и преследующий свои собственные, неведомые иным цели. Морфиус не сказал, куда именно они направляются, а Женя не спрашивал, полностью доверившись своему странному и неожиданному союзнику. Они вообще практически не разговаривали по дороге: Евген был поглощен собственными думами, а о чем размышлял Морфиус, не мог сказать, пожалуй, никто из живущих.

Эти двое двигались вдоль русла реки и шли очень долго, пока её далекие друг от друга берега не сблизились настолько, что сама речка стала уже больше напоминать быстро бегущий ручей, чем серьезную водную преграду. В пути им попадалось множество родников, спешащих из лесной чащи, и Евген много и жадно пил их ледяной воды, чтобы утолить свою жажду. Морфиус к воде не притрагивался, и вообще старался обходить её стороной. Лишь единожды Евгений случайно разглядел, как край его мантии угодил в незаметное озерцо с водой, и ткань зашипела, точно на неё плеснули кислотой. Сам Морфиус, кажется, ничего не заметил, а Женя не стал у него об этом интересоваться.

Наконец, после многих часов пути они достигли такого места, где смогли без труда переправиться по камням на противоположный берег, а потом снова углубились в лесные дебри и шли так до самого вечера. Никаких троп тут не

существовало и в помине, кругом были овраги с бурно разросшейся на дне ежевикой, глушь и бурелом, но Морфиус каким-то образом угадывал правильное направление и ни разу не сбился с пути. Как ему это удавалось — оставалось загадкой, но с уверенностью можно было сказать лишь одно: они не плутали, идя по возможности прямо и быстро к неведомой цели. Женя оставался спокоен, будучи совершенно уверенным в том, что его провожатый никуда от него не денется. Хотя, конечно, он вряд ли нашел бы путь назад из этого захолустья в одиночестве. Он не знал, куда они идут, тем более, что уже не помнил, откуда.

Неожиданно Евгений разглядел среди широких древесных стволов угасающий свет медленно садящегося солнца. Это могло означать только одно — они достигли границы, где лес заканчивался, хотя он, как ни старался, не мог припомнить, чтобы ему когда-нибудь довелось слышать о том, что Кленовый лес вообще имеет границы. Им всегда говорили, что лесное море практически бесконечно. Но что же тогда может скрываться там, впереди?

— Мы почти дошли, — удовлетворенно констатировал Морфиус.

Лес окончился стремительно, идеально ровной, прочерченной чертой. Ботинки Евгена остановились на краю обрыва: каменистый известняковый пласт, с которого свисали корни крайних деревьев, неожиданно уходил вниз, метров на двадцать, точно в этом месте две гигантские земляные плиты изломились пополам, и одна из них опустилась, а вторая, наоборот, — приподнялась. При осмотре окрестностей на ум приходил шоколадный торт и острый нож, разрезающий его: по краям порций нож, каким бы острым он ни был, всегда оставлял трещины и поломанную глазурь. Здесь, у обрыва, с пластами земли творилось нечто похожее.

Но это было не главное: оранжево-красный солнечный диск тонул за хорошо просматривающейся теперь линией горизонта, а впереди находилось то, чего Евгений ну никак не ожидал здесь увидеть — пустыня.

Огромное, насколько хватало глаз, бесконечно расстилающееся полотно песков предстало его глазам, и величественные дюны из миллионов ярко-желтых песчинок, сотканные жарким ветром барханы убегали вдаль, прямо к солнцу, к кажущейся такой далекой теперь линии края этого мира.

— Это Солнечные пустоши, — сказал Морфиус, обводя рукой раскинувшиеся перед ними земли.

— Песок… — удивленно произнёс Евген. — Но никто никогда

не говорил нам о том, что за лесами лежит пустыня!

— Я ничуть этому не удивлён, — улыбнулся Морфиус. — Бессмертные Нифльхейма хранят множество тайн и не считают нужным делится ими с остальными. Они всегда поступают лишь так, как удобно им. А удобно им представляется отвечать лишь на те вопросы, на которые они заранее знают ответ, ибо незнание подрывает могущество и непререкаемый авторитет, а для некоторых даже сомнение в возможном бессилии уже кажется поражением.

Женя стоял, не особенно обращая внимания на его слова и задумчиво глядя вниз, туда, где волны песка упирались в высокую белесую преграду из каменистого известняка. Если бы здесь не было перепада высот — подумал он — то тонны песка, наверное, засыпали бы весь лес, до самого замка.

— Пойдем, нам необходимо спуститься вниз, — позвал его Морфиус. — Там есть старая лестница.

— Мы что же, будем идти через пустыню? — изумился Евген.

— Увидишь! — подмигнул ему Морфиус.

Чуть дальше действительно обнаружился удобный спуск: широкие светлые ступени, высеченные в твердой породе, лепились по краям уступов и трещин, причудливо извивались все вниз и вниз, пока не скрывались где-то там, под древними наслоениями песков.

Пройдя лестницу, Морфиус тут же начал взбираться по одной из песчаных дюн, и Евгений последовал за ним. Его ноги тотчас увязли в сыпучей субстанции, и он подивился легкости, с которой передвигался Морфиус: песок под его тяжелыми чёрными сапогами практически не двигался.

Женя никак не мог понять, что именно пытается найти его загадочный спутник, и тут он внезапно почувствовал, как его ботинок уперся во что-то мягкое под слоем песка. Ощущение отчего-то было неприятным: так бывало, когда он в детстве ночью, идя по квартире, случайно наступал на свою толстую кошку, не видя её, и она начинала противно верещать. Но ведь здесь не могло быть ничего живого…

Песок, неожиданно пришедший в движение от его ног, пополз вниз, к основанию бархана, обнажая свои глубинные пласты, и тут он увидел это…

Остатки человеческих тел. Руки… ноги… головы… их было много! Очень много! Иногда попадались тела целиком, иногда лишь их части. Кожа и остальные ткани были практически неразложившимися, лишь слегка тронутые тлением. Женю замутило.

Песок продолжал осыпаться вниз, являя всё новых мертвецов

и их лица: пустые глазницы, заполненные песком, запавшие, плотоядно щерящиеся рты. Евгений начал отступать ближе к Морфиусу, приводя в движение очередные слои песка. Мертвых повлекло вниз, они скатывались, стукаясь друг об друга, но из дюн показывались все новые и новые тела.

— Что это? — Евген в ужасе обернулся к Морфиусу. — Откуда это?

— Когда-то, очень-очень давно, здесь была великая битва, — Морфиус с нескрываемым интересом наблюдал за Жениной реакцией. — Много народу полегло. Но воздух пустыни сух, дождей в этой части почти не бывает, и тела разлагаются очень медленно. Очень. Медленно, — повторил он. — Некому оказалось похоронить павших воинов. Это и к лучшему.

— Мне нужна армия, а не сборище трупов, — поморщился Евгений. — Соглашусь, горы песка, на поверку оказавшиеся огромными могильниками — слегка впечатляет. Но мы ведь не для этого тащились сюда целый день, правда?

— Не спеши с выводами, мой друг, — Морфиус наставительно поднял палец. — Эта мертвечина не настолько бесполезна, как ты думаешь! Мне кажется, — он выдержал паузу, — что сейчас я узрею твою потрясающую способность. Насколько я знаю, ты до сих пор её не раскрыл?

Евгений согласно кивнул.

— Посмотри на эти тела, — продолжал Морфиус. — Посмотри внимательно и представь себе, что они оживают! — в его очах полыхнули желтые искры.

Евген усмехнулся, закрыл глаза и сосредоточился. Перед ним мысленно промаршировала колонна безликих, тупоголовых зомби, прямо-таки как в старых фильмах ужасов, которые он когда-то смотрел, и они должны были слепо исполнять приказы своего господина. Не особенно надеясь на то, что у него что-то получится, он, тем не менее, достаточно подробно не менее минуты воображал себе, как мертвые, оживая, поднимаются из песка. Все это время он слышал рядом с собою какое-то шебуршение, но смахивал все на ветер, беспрестанно играющий с неисчислимыми песчинками. А потом он открыл глаза и вздрогнул: несколько ближайших цельных тел, скатившихся к краю бархана, поднялись на ноги, обратив к нему свои безликие, страшные физиономии. Их синеватая, с фиолетовыми пятнами, кожа и висящие лохмотья создавали жуткое впечатление.

— Превосходно! — воскликнул Морфиус, похлопав его по плечу. — Не бойся, они не смеют причинить нам вред. Мертвые не нападают на своих хозяев.

— Хозяев? — переспросил Женя.

— О, да! Теперь ты — их создатель!

— Откуда ты узнал, что я могу поднимать мертвых? — вкрадчиво поинтересовался Евген. До него медленно, но верно, как постепенно догорающие поленья в очаге, доходил весь коварный замысел Морфиуса.

— Практически все, кто когда-либо обладал магией Огня, имели и эту способность. Неужели твои чудесные учителя не поведали тебе об этом? Впрочем, как и обычно. Моя догадка оказалась верна. Но… — Морфиус окинул взглядом пустыню. — Здесь ещё много работы. Чем больше воинов ты воскресишь, тем большую армию мы сможем отправить на Нифльхейм!

— На Нифльхейм! — повторил за ним Женя.

Огненные рубины в его короне вдруг вспыхнули так ярко, как никогда прежде, как будто и они почуяли неистовое сумасшествие, хлынувшее потоком в его сердце.

И тогда Евгений захохотал, как безумный, и простер свои руки над дюнами, и позвал из глубин песков мертвых воинов, потревожив их вечный покой. А они услышали его громкий призыв, и взбурлила пустыня, взвивая вверх фонтаны древнего песка, и бесконечное полотно барханов, освещаемое последними лучами гаснущего солнца, вскипело, извлекая на поверхность все новые и новые изуродованные, ковыляющие тела…

* * *

Мария и Татьяна стояли вдвоем посреди центральной галереи, и Маша, прижавшись щекой к своей обожаемой медведице, обняла её за шею. Густой бурый мех приятно щекотал щёку, и это немного успокаивало. Таня сидела рядом на мраморной скамье, и взгляд её постоянно перемещался с дверей на верхние балюстрады коридоров — она в любой момент ожидала Вовиного появления, и на сердце у неё было неспокойно. Возможно, Татьяна и предчувствовала что-то нехорошее, но говорить об этом не хотела. Ей казалось, что если она не произнесёт свои опасения вслух, то ничего плохого и не случится.

Вокруг них между малахитовых колонн носились во всех направлениях дварфы: кто-то нёс копья, кто-то тащил тяжелые доспехи и кольчуги. Топот подбитых железом сапог гулко отдавался под сводами галереи, и всеобщая, окружающая со всех сторон суматоха заставляла нервничать ещё больше.

Пончик не то заворчала, не то заскулила, и Малиновская, гладя её по голове, зашептала той в ухо:

— Знаю-знаю, тебе не нравится этот каменный дворец, но —

прости, я не могу отпустить тебя погулять. Подвесной мост поднят, а, кроме того, там, снаружи, враги. Гулять теперь очень-очень опасно!

Пончик печально опустила голову и тяжело вздохнула — она прекрасно поняла всё сказанное.

— Чем больше времени проходит, тем мне становится страшнее, — призналась Малиновская Тане. — Ожидание надвигающейся угрозы просто убивает.

— Да, ты права. — Татьяна кивнула. — И Вовы что-то чересчур долго нет. Я уже места себе не нахожу. С ним ведь не могло ничего случиться, правда?

Малиновской вдруг пришло на ум, что Бирюк, возможно, был схвачен и мог попасть в плен, но она не стала этого озвучивать, чтобы лишний раз не нагнетать обстановку. Такие мысли всегда посещают голову в состоянии стресса — подумала она, а вслух сказала:

— Я уверена — всё будет хорошо. Просто он, наверное, пытается увидеть и узнать как можно больше — ведь нам всё это может пригодится, не так ли? Успокойся, он скоро вернется.

Таня заправила непослушную прядь своих светлых волос за ухо и не слишком уверенно кивнула. Какое-то время они посидели молча, потом окружающее смятение и грохот начали немного раздражать. И только Малиновская собралась предложить найти какое-нибудь другое место, где было бы поспокойнее, как среди сотен снующих по галерее дварфов они разглядели машущую им рукой Настасью.

Не без сожаления покинув Пончика, они пробрались к ней, и Настя позвала их за собой.

— Вова вернулся. Пойдемте, — сказала она, и в её голосе Таня уловила некие не совсем понятные ей тревожные нотки.

Когда они поднялись, наконец, в одну из комнат верхнего яруса, все парни уже были там. Алексис, стоящий у входа, спокойный и невозмутимый, как и всегда, молча указал им рукой в дальний угол покоев. В синем ситцевом кресле с резными ручками распластался с закрытыми глазами Бирюк, и вокруг него суетилось несколько дварфов. Они перевязывали ему руку в районе плеча, а рядом с ним уже валялось достаточно много скомканных бинтов, пропитанных свежей кровью.

— Вова! — Таня кинулась к нему, упав перед креслом на колени. — Он что, ранен? — она обернулась к Антону.

— Его задело арбалетной стрелой, — ответил Антон.

— Всё в порядке. — Бирюк приоткрыл глаза и вяло махнул на Таню здоровой рукой. — Пустяки!

Таня с тревогой смотрела, как сквозь новую, только что

наложенную на руку очередную повязку тоже потихоньку начинает проступать кровавое пятно.

— Не бойтесь, госпожа, рана несерьёзная, — сказал ей один из дварфов. — Сама стрела, к счастью, не была отравлена, а удар пришелся по касательной. Да и кость не задета. Всего лишь незначительное повреждение тканей.

— Почему тогда так много крови?

— Это лишь кажется. Просто наша повязка хорошо впитывает любую жидкость.

Дварфы окончательно забинтовали руку, и Бирюк попытался подняться, сразу, впрочем, схватившись за Танино плечо.

— Я же говорю, всё хорошо, — преувеличенно бодро сказал он. — Ну, конечно, не так хорошо, как… — он осекся и сразу помрачнел.

— Что ты видел там, в лесу? — спросила его Настасья. — Как получил ранение?

— Плохи наши дела, — признался Бирюк. От этих слов словно тень упала на светлые окна замка, а сам воздух в комнате загустел и сделался душным. — Его армия действительно огромна, но поначалу я видел только друмлинов и горгулий. Ну и мерзкие у них рожи, я вам скажу! Они все как будто разом посходили с ума — такое ощущение, что Евгений каким-то образом воздействует на их сознание.

— Но ведь горгульи живут в горах, разве нет? — Слава сел на большой бархатный диван, и тот жалобно заскрипел пружинами. — Откуда он их взял в лесу?

— Они селятся не только в горах, — сказал старый дварф. — В южных чащах существует немало очень глубоких, скалистых ущелий. Они вьют свои мерзкие гнезда и там. Но это — лесные горгульи, они меньше размером, чем их горные сородичи, но зато и значительно злее их.

— Час от часу не легче, — вздохнул Антон. — Вов, продолжай, пожалуйста.

— Потом я переместился к Порталу, — сказал Бирюк. — Поначалу там было спокойно, никаких признаков врагов не наблюдалось, и я, похоже, слегка потерял бдительность. И неожиданно наткнулся на этих чудовищ. Это действительно что-то жуткое, скажу я вам! Представьте себе едва разложившиеся трупы, оживленные темной магией, рыскающие по лесу в поисках всего живого. Это похлеще, чем какой-нибудь фильм ужасов! Эти лохмотья, свисающие вместе с кожей. А какой от них гнилостный запах! Фу! Короче говоря, они заметили меня первыми и, не долго думая, решили прикончить. Выстрелили — я и опомниться не успел. Хорошо хоть догадался сразу телепортироваться, — а то

валялся бы там, пока они не подошли бы ближе и не…

— Перестань! — взмолилась Таня.

— Значит, они ещё и вооружены? — спросил Сеня.

— Только арбалетами и пиками. По крайней мере, остального оружия я не разглядел.

— Нам от этого не особенно лучше, — вздохнул Слава.

— Но если они уже у Портала, значит, вот-вот будут здесь! — воскликнула Таня.

— Тише! — голос Малиновской перекрыл все остальные голоса. — Вы это слышите?

Все замерли, и даже сквозь плотно сомкнутые окна каждый из них расслышал странный, неумолкающий ропот, медленно ползущий из леса через долину, к замку. Гул был ни громким, ни тихим, походя на отдаленное бормотание сотен тысяч людей, молящихся в каком-нибудь огромном соборе, и вместе с ним в сердца вползало ощущение беспокойства, страха и безысходности.

— Что это? — Сеня округлил глаза, смотря на остальных.

— Это гудит растревоженная лесная чаща, — догадалась Мария. — Она тоже чувствует приближающееся зло. Я даже могу разобрать отдельные слова. Дрожащая листва несёт сюда порождения кошмаров из наших самых страшных снов — так говорят деревья. Они здесь!

— Боже, они и вправду здесь! — эхом откликнулась Татьяна. — Я чувствую… наши жизни в опасности!

Алексис молнией пронёсся через всю комнату, разрушая чары неожиданно сковавшего всех оцепенения.

— Не дайте темной магии овладеть вашим сознанием! — воскликнул он, распахивая двери из комнаты, ведущие на широкий балкон и впуская свежий воздух. Алексис вышел наружу, и весь Авалон высыпал вслед за ним.

Обширная каменная плита балкона нависала над одной из башен, создавая прекрасный обзор на долину и леса. Друзья с великой тревогой устремили свои взоры на Кленовую чащу — далекую с такого расстояния, и всё же кажущуюся сейчас слишком близкой. Малиновская заметила, как длинные тонкие пальцы Антона с силой впились в мраморный парапет балкона. Татьяна плотнее прижалась к Бирюку. Слава скрестил руки на груди. Настасья приложила свою руку к виску, словно это помогало ей яснее разглядеть происходящее.

Ропот становился все яснее и громче, и клочья серого, непроглядного тумана начали выползать из лесных чащоб, точно предвещая собой скорое появление страшной и грозной силы. То тут, то там над опушками леса взлетали стаи потревоженных

птиц. И тут ватные перины холодной дымки словно раздвинулись в стороны, и они увидели их…

Из конца в конец — повсюду, где можно было хорошо разглядеть светло-коричневые кленовые стволы, из леса почти одновременно во многих местах вышли на свет огромные марширующие отряды. Они появились внезапно, словно чья-то злая воля сама соткала их из ненависти и паутины туманного марева. Их было много. Очень много. Бессчетные тысячи черно-бурых, похожих на обезьян, скалящихся друмлинов и уродливых, полу-летящих, полу-подпрыгивающих над землей горгулий, напоминающих собой летучих мышей-переростков. Но самое омерзительное зрелище представляли собою ковыляющие, перекошенные и хромающие мертвые тела, оживленные ужасной магией Тьмы, словно через силу ведомые вперед, повинующиеся железной, непреклонной воле воззвавшего к ним Господина. Пустые глазницы их безучастно глядели перед собой, запавшие рты плотоядно щерились. Их было гораздо больше друмлинов и горгулий, вместе взятых, и бездушная Армия Мертвых, восставшая из потревоженных Огненным Князем песков, огромным полукольцом стремительно начала смыкаться вокруг Нифльхейма.

Они приблизились к самой долине Карнимирии, и все новые и новые колонны войск выходили из-под зеленого полога Кленового леса, и неизвестно было, сколько ещё их скрывается там. Даже видимая численность Темной орды была более чем впечатляюща, просто непозволительно огромна: гораздо больше, чем каждый из Авалона мог вообразить себе даже в самых страшных своих видениях.

Тем временем марширующие полки, выйдя из леса на несколько десятков метров вперед, — туда, где уже начинался заметный спуск в котловину долины, внезапно остановились, как будто услышав чей-то безмолвный приказ, и замерли на подступах к Нифльхейму.

* * *

— Опустите меня! — громогласно потребовал Евгений, как только они вышли на хорошо знакомую ему Тропу.

Четверо уродливых мертвецов, несущие на своих плечах наскоро связанное подобие плота из толстых веток, покорно остановились и опустили все сооружение на землю. Женя сошел на траву. От долгого сидения ноги сильно затекли — хотелось поразмяться. Он выглядел бледным и осунувшимся, и темные

тени залегли под его глазами: призыв столь огромного числа мертвых воинов, занявший всю ночь и почти весь следующий день, отнял у него слишком много сил. К счастью, в пути ему удалось немного отдохнуть, а Морфиус раздобыл для него какой-то более-менее сносной еды, чтобы он мог частично восстановить их. Как только Евген успел подумать о своем странном спутнике, тот тотчас же появился рядом с ним.

— Внезапного нападения не получится, — предупредил Морфиус. — Они уже получили первое предупреждение благодаря нашей замечательной Горе. Кроме того, птицы доносят обо всем, что видят, непосредственно в Нифльхейм, этой мерзкой Зеленой Ведьме, — он сплюнул на землю, имея в виду Малиновскую.

— Тем лучше для меня, — небрежно отмахнулся Евген. — Пусть знают, насколько могущественная сила им противостоит!

— Но момент неожиданности будет упущен! — настаивал Морфиус. — Мы не сможем застать их врасплох: за это время они успеют вооружиться!

— Ничего страшного. Я и не планировал немедленного нападения. Сначала… — Женя хитро прищурился. — У нас будут переговоры. А пока что оставь меня.

И он пошёл вперёд, не оглядываясь более на Морфиуса, и добавил негромко, как будто самому себе:

— Переговоры. Именно. Если ты достаточно мудр, то используешь этот шанс, Водяной Маг… Посмотрим-посмотрим…

Морфиус, скорчив недовольное лицо, бесшумно растворился среди древесных стволов.

Евгений хотел посвятить эту последнюю, самую ожидаемую им часть пути, самому себе. Он шагал по так хорошо знакомой Дороге как будто бы в одиночестве, а рядом, на расстоянии взгляда — справа, слева и позади, продвигалась его Великая Армия, круша на своем пути мелкий подлесок и вытаптывая под корень лесные травы. Он наблюдал, как мускулистые спины друмлинов плотной рекой текли между деревьями, и среди них, и между ними, похожие на ожившие каменные изваяния, в странной припрыжке продвигались вперёд горгульи. Мертвых рядом было немного — он специально пустил их в обход, подальше от себя, ибо его раздражали эти пустоголовые человекоподобные болванки — в его черных замыслах они сыграют роль пушечного мяса, не более того.

Огненный Князь шёл до тех пор, пока его глаза снова не узрели яркий, ослепительный свет — в небесных полях начинался день, и солнце стояло в зените. Его лучи золотились на шпилях и черепичных крышах Нифльхейма. Наконец-то они дошли.

Передовые отряды войска безмолвно расступились, пропуская его вперёд. Позади снова появился, сотканный из темного мрака, неотступный, закутанный в саван Морфиус.

— Какой чудесный погожий денёк, — Евгений внимательно разглядывал дварфов, притаившихся на вершинах замковых стен и поднятый надо рвом подвесной мост, пока не остановился на одной из каменных террас Нифльхейма. Там, у парапета, застыли крошечными безмолвными изваяниями его друзья. Его бывшие друзья. Даже с такого расстояния он буквально почувствовал их взгляды на себе.

— В такой день не жалко будет и умереть… кому-нибудь, — усмехнулся Евген. Потом он жестом подозвал к себе одну из горгулий и произнёс: — Иди-ка сюда. У меня будет для тебя особое дело.

Горгулья приблизилась, затравленно озираясь и высовывая наружу свой мерзкий раздвоенный язык, а Евгений, протянув руку, прикоснулся к её холодной, скользкой голове…

* * *

А тем временем собравшийся на балконе Авалон мог наблюдать, как в том месте, где лента древней Дороги уходила в Кленовый лес, между раздвинувшегося надвое воинства появились две так хорошо знакомые им всем фигуры: сутулый мужчина в черном плаще и высокий юноша, увенчанный платиновой короной. Среди горгулий началось какое-то движение, но из-за дальнего расстояния нельзя было толком разглядеть, что же именно там происходит — лишь багрово-оранжевый свет вспыхнул на миг и снова погас. А затем вперёд, отделившись от основной массы существ, по дороге к замку направилась одна-единственная горгулья. Она неуклюже ковыляла, перебирая свои тощие, жилистые лапы, и её длинные кожистые крылья цвета высохшего на солнце цемента с легким шуршанием волочились за ней. Она не пыталась куда-либо свернуть или спрятаться, явно направляясь к какой-то конкретной точке, известной лишь ей одной.

Авалон внимательно следил за её перемещением. Малиновская коротко выдохнула, с тревогой пытаясь понять, что же это все может означать. А горгулья, достигнув примерно середины пути между лесом и замком, неожиданно остановилась на дороге, выбросив вверх свою правую когтистую лапу, да так и замерла в этом положении.

— Что это значит? — выразил Слава всеобщее недоумение.

— Она — глашатай, — пояснил друзьям немного обескураженный Алексис. — Видимо, Огненный Князь желает переговоров.

— Переговоров? — удивилась Маша. — И о чем же с ним, интересно, можно говорить? Это смешно! Что здесь обсуждать, когда вооруженная орда стоит у наших дверей? Пускай убираются обратно, откуда пришли — тогда и поговорим!

— И, тем не менее, я полагаю, нам стоит его послушать, — сказал Антон, все ещё разглядывая застывшую горгулью. — И спуститься, видимо, придется мне.

— Я пойду с тобой! — тут же отозвалась Настасья.

— Абсолютно исключено! — Мария мгновенно встала между Настей и Антоном, словно это могло им помешать осуществить задуманное. — Ты с ума что ли сошла? — обратилась она к подруге. — Да ведь весь смысл происходящего сводится к тому, чтобы охранять тебя, глупая! Чтобы ты сидела здесь и никуда не высовывалась. Ведь Евген только этого и добивается, ему нужно выманить тебя наружу!

Антон, слушая Малиновскую, слегка наклонил голову вбок, не вмешиваясь в её монолог и словно прикидывая, действительно ли стоит брать Настасью с собой.

— А если они специально нас таким образом завлекают? — предположила Татьяна.

— Ребята, вы не понимаете — я обязана пойти! — продолжала упорствовать Настя. — Ведь вся эта каша, по большей части, заварилась из-за меня. Так кому же, как не мне, участвовать в этих самых переговорах? И, тем более, я желаю лично услышать, что же на этот раз измыслил себе в оправдание Евгений и остановить, наконец, поток беспочвенных и лживых обвинений в свой адрес!

— Не думаю, что ты добьешься в этом успеха, — скептически заметил Сеня.

— Хорошо. Ты отправишься со мной, — решил Антон, и Малиновская даже фыркнула от негодования, словно рассерженная лошадь. Она собиралась начать свои новые увещевания об опасности затеянного ими предприятия, но Антон, слегка опередив её, обернулся к Бирюку и сказал:

— Я знаю, ты ранен и неважно себя чувствуешь, но я прошу тебя пойти с нами.

— Разумеется, — ответил Бирюк максимально быстро, пока Таня не успела ничего возразить.

— Остальные останутся здесь, что бы там ни произошло, — строго произнес Антон, — а Алексис за вами всеми приглядит, — и он, уходя с балкона, похлопал Алексиса по плечу. Тот

подмигнул в ответ.

Настасья и Бирюк последовали за ним, и трое друзей направились вниз, к замковым воротам, провожаемые встревоженными взглядами остающихся.

Свет солнца слегка померк из-за надвинувшихся непонятно откуда туч, и их длинные тени побежали по изумрудной траве, создавая странную иллюзию того, словно раскинувшиеся перед замком луга превратились в один сплошной океан. Создавшийся эффект усиливали мерно колышущиеся по ветру стебли травы, как будто пенные гребни волн вздыхали и ворочались у побережья.

Через некоторое время оставшиеся на балконе друзья услышали продолжительное лязганье цепей и последовавший за этим грохот — это мощный подвесной мост опустился надо рвом, снова образовав временную переправу над недвижимой гладью воды и кувшинок. Сверху внимательно наблюдали, как три маленькие фигурки быстро приближались к ожидающей их горгулье.

— А что, если войска именно сейчас ринутся в атаку? — нервно поинтересовалась Таня, ни к кому в особенности не обращаясь. — Дварфы успеют поднять мост до того, как мертвые окажутся слишком близко?

— Я не знаю, — тихо ответила ей Малиновская. Больше никто ничего не сказал.

А пока что Антон, Бирюк и Настасья продолжали идти по каменному тракту, навстречу к уродливой горгулье. Теперь, гораздо лучше, чем отмечалось из замка, они видели, как посреди скопища оживших мертвецов и рычащих друмлинов стоит Евгений в венце из пылающих рубинов, а за его спиной маячит, подобно тени, согбенный и мрачный Морфиус. Чем ближе они подходили, тем отчетливее можно было различить отдельных воинов в стане врага, и тем ощутимее чувствовался витающий в воздухе накал ненависти и злобы. Ненависти к ним самим, ко всему живому и доброму, что обитало в этой долине. Настя поняла вдруг, что переговоры — какими бы они не были — ни к чему не приведут. Потому что Темная Армия, восставшая из давних времен и явившаяся на битву из небытия, пришла сюда не ради денег, тщеславия или надежды на то, что бой, в котором они примут участие, войдет в легенды. Все это могло бы прельстить живых. А они явились лишь за одним — уничтожить саму жизнь как факт существования, чтобы после, когда все закончиться, они смогли уйти на покой туда, откуда пришли — в Солнечные пустоши, в пески времен и забвения, где их тела, возможно, больше никто и никогда не потревожит.

Антон, улучив момент, когда их подруга слегка отвлеклась, чуть потянул Бирюка за рукав и прошептал так, что расслышать его сейчас мог только Вова:

— Если это ловушка… хватай Настю и телепортируйся обратно в замок.

— Но… я… — Бирюк слегка опешил. — Я никогда не совершал парной телепортации! Я даже не знаю, смогу ли я!

— Какой прекрасный повод научиться, — тон Антона сейчас был таким, как будто они обсуждают какую-нибудь ничего не значащую ерунду за ужином.

— Так ты для этого взял меня с собой? — Бирюк округлил глаза от ужаса, внезапно поняв отведённую ему роль в намечающемся действе.

В этот момент Настасья уже начала прислушиваться к их разговору, не понимая, почему ребята шепчутся за её спиной, и Антон в ответ просто пожал плечами, что, в принципе, могло означать и да, и нет.

Таким образом они, наконец, приблизились к горгулье и остановились в нескольких шагах от неё. Настя с некоторым отвращением рассматривала это безобразное существо: серая, выцветшая, блеклая кожа, глубоко посаженные красноватые глаза и длинный ряд зубов с двумя большими, выпирающими из верхней челюсти клыками. Горгулья никак не отреагировала на их приближение, безучастно глядя перед собой, и тогда Антон произнёс:

— Так какую же весть шлёт мне Огненный Князь? Я слушаю тебя, порождение мрака!

Тогда горгулья шевельнулась, подняла на него свои странные, пустые глаза, а затем все трое друзей вздрогнули, потому что она вдруг заговорила голосом Евгения:

— Здравствуй, Водяной Маг! Как скоро мы оказались с тобой по разные стороны баррикад! Хотя, сдавалось мне, стремились всегда к одному и тому же…

— Да, время бежит быстро. Но ни к чему сейчас разводить словесный туман, — Антон явно был настроен решительно. — Ты привел к моим дверям вооруженное войско, и я вправе спросить тебя: чего же ты хочешь теперь?

— Ты прекрасно знаешь причину нашей вражды, — вкрадчиво произнесла горгулья голосом Евгена.

— Не ищет причин тот, кто развязывает войну во имя войны, — ответил Антон.

«Она одержима» — пронеслось в голове у Бирюка, разглядывающего этого странного монстра. — «Горгулья сделает все, что велит ей Евген. Боже, как ему это удалось? Нужно быть

настороже!»

— В твоих силах все предотвратить, — продолжала горгулья, — и потому сейчас я обращаюсь прямо к тебе, Водяной маг: отдай мне Настасью! И тогда никто не пострадает, даю слово!

— Я не господин ей, а она — не моя рабыня и не вещь, чтобы я мог решать, где ей находится. Она сделала свой выбор. И ушла от тебя по собственной воле.

— Неужели ты думаешь, — вступила в разговор Настасья, — что, приведя сюда Темную орду, я устрашусь её и последую за тобою? Мертвые не смогут оживит нашу умершую любовь, Евгений! Ты убил её сам!

— Умолкни, стеклянная кукла! — горгулья будто выплюнула эту фразу. — Я — Огненный Князь! Я — Владыка несметной армии Темных сил, и потому остерегайся говорить со мной дерзко, если не хочешь закончить свою жизнь подобно разбитой фарфоровой чашке!

Краска схлынула с лица Настасьи мгновенно, как будто ей залепили пощечину, и она отчеканила: — Ты — владыка рабов, и всё, что у тебя есть, — это твоя ненависть, которая грызет тебя изнутри! Я никогда не вернусь к тебе. Как жаль, что я так поздно поняла, какое ты на самом деле чудовище! О, как мне жаль! — и она, осекшись, отвела взгляд в сторону.

Горгулья в ярости изогнула спину и издала звероподобный рык, рот её раскрылся, а слюни с клыков начали капать в придорожную пыль.

— Будь готов, — шепнул Антон Бирюку. Тот кивнул.

Горгулья снова посмотрела на Антона.

— Я знаю, что в твоей власти вернуть мне то, что я жажду, пусть даже ты и пытаешься уверить меня в обратном. Ты мог бы, к примеру, заключить изменницу в полую водяную сферу и таким образом отправить ко мне. Но ты упорствуешь. Так каков же будет твой ответ?

— Нет, — ответил Антон.

— Будьте же вы прокляты! — завопила горгулья, разбрасывая землю вокруг себя когтистыми лапами. — Все! Все до единого! Мерзкие отродья! Вы поплатитесь за это! — она совсем зашлась в крике.

Настя с презрением и жалостью смотрела на неё, бьющуюся в агонии Жениного гнева, а потом произнесла:

— Если и вправду говорят, что в вас заключены мятежные души, тогда я освобождаю тебя!

И не успел никто опомниться, как из её выброшенной вперёд руки вылетела серебристая магическая пуля, угодив прямо туда,

где у горгульи должно было находится сердце. Горгулья захрипела и повалилась набок — мертвая.

Антон со страхом увидел, что для Евгения это не прошло бесследно: тот, согнувшись, прижимал ладони к носу, видимо, он не ожидал столь внезапного выхода из чужого сознания, и у него пошла кровь.

— Уходим, — Антон быстро потянул друзей за собой. — Больше нам здесь делать нечего.

И они поспешили обратно в Нифльхейм. Воспользовавшись тем, что Евгений отвлекся, занятый собой, им удалось без помех возвратиться под защиту замковых стен, и огромная, массивная створа подвесного моста снова поднялась и с лязгом захлопнулась за ними.

* * *

Смутный и полный тревог день медленно угасал над долиной Карнимирии, постепенно переходя в неприятный, неожиданно холодный вечер. Ощетинившийся со всех сторон, словно ёж, Нифльхейм, грозно взирал окнами сторожевых башен на окрестные луга. Погода становилась ветреной, и огромные тяжелые тучи, нависшие над краем Зеркальных гор, никак не хотели рассеиваться. Может быть, это было новое колдовство Тёмных сил?

После того, как Настасья умертвила горгулью — посланника Огненного Князя, Антон боялся, что Евгений отдаст приказ о немедленной атаке, однако его опасения так и не сбылись. Напротив, после постигшей Евгена неудачи Темная орда отступила, скрывшись в глубине Кленового леса, и пока что не показывалась, однако все в замке знали, что они здесь — птицы по-прежнему приносили Марии вести обо всем, что происходит вокруг. Сумеречные твари притаились в глубине чащи, ожидая новых приказов своего мятежного Господина.

Чем больше проходило времени, тем медленнее оно тянулось, и нарастало волнение, и зрел страх, потому что никто не мог предугадать, какие новые уловки может измыслить Евгений, и чего ещё можно будет от него ожидать. Но находиться в состоянии постоянного напряжения тоже было невозможно, поэтому каждый старался отвлечься от гнетущей обстановки, как мог: девушки, например, собрались втроем за кухонным столом, предоставив ведение военных дел сильному полу. Здесь, в окружении булькающих котлов и звона посуды дварфов, которые были заняты хлопотами приготовления еды — ведь война войной,

а ужина никто не отменял, — суровое военное положение ощущалось не настолько сильно.

— Ой, девчонки, ну и в историю мы с вами влипли! — Татьяна старалась говорить преувеличенно бодро, но это у неё не особенно получалось. — Что же теперь будет дальше-то?

— Понятия не имею, — призналась ей Малиновская, краем глаза наблюдая, как дварфы перекатывают с места на место огромный чан для супа. — Думаю, Женя будет искать новые способы, чтобы либо каким-то образом проникнуть в замок, либо, наоборот, вытащить нас отсюда.

— Но почему он не атаковал, пока их отвлекала горгулья? — Таня кивнула в сторону Насти.

— Наверное, как обычно, был ослеплен своим величием, — теперь в тоне Настасьи сквозила неприкрытая злость. — Вообразил себе, будто он настолько могущественен, что Антон, устрашившись Темной армады воинов, выдаст ему меня на блюдечке с голубой каёмочкой. Ха! Как бы не так! — и она с такой силой поставила держащую до этого в руках чашку с чаем на блюдце, что оно треснуло напополам. Настасья увидела, что обе её подруги с несколько озадаченным видом уставились на неё, и, сконфузившись, быстро приложила палец к расколотому блюдцу, отчего оно тотчас срослось, снова став целым.

— Пока он отступил, но это ненадолго, — сказала Маша, чтобы как-то заполнить образовавшуюся неловкую паузу. — Теперь он не оставит нас в покое, пока не добьется своего.

— А нам ничего не остается, как сидеть здесь и ждать своей участи, — вздохнула Таня. — Кто знает, сколько может продлиться осада замка? Дни… Недели… Мы окружены.

— Окружены, но не сломлены! — неожиданно твердо заявила Настасья. — Нечего упиваться безнадежностью нашего положения и предаваться грустным мыслям! Он не станет выжидать слишком долго — я уверена в этом. В его сердце пылает гнев, а гнев — нетерпелив.

— Не бойся, Антон в любом случае защитит тебя, — многозначительно произнесла Малиновская, отодвинувшись от стола и принявшись раскачиваться на задних ножках стула.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Таня.

— Только то, что Антону она нравится. Разве нет? — Маша приподняла левую бровь, разглядывая Настасью. — Это, по-моему, уже и ежу ясно. Иначе всё не переросло бы в такой глобальный конфликт.

— Не понимаю… — Таня переводила взгляд с Маши на Настю, и обратно.

— А самое главное, — Маша в упор посмотрела на

подругу, — что Насте он нравится тоже. Только она это тщательно скрывает.

— Что за чушь ты несешь? — вспыхнула Настасья. — Просто Антон защищал меня, как поступил бы на его месте любой уважающий себя мужчина. Это вовсе не значит, что… — она перестала говорить, потому что Маша громко зацокала языком.

Татьяна с удивлением увидела, что щёки Настасьи вдруг начинает заливать румянец.

— Дело не в этом, — кажется, Маша впервые решилась озвучить то, о чем так долго размышляла. — Просто Антон никогда не проявлял к тебе достаточно явных знаков внимания, и поэтому между ним и Евгеном ты выбрала последнего. Но это вовсе не означает, что Антон никогда тебе не нравился. Так сложились обстоятельства. А когда Евгений проявил себя в отношениях, мягко скажем, далеко не с лучшей стороны, то… — Малиновская позволила своему голосу мягко сойти на нет. — Тем более, как все мы знаем, сердце Антона сейчас свободно.

— Дорогая моя, осмелюсь предположить, что вид Темной орды у замковых стен слегка помутил твой рассудок, — довольно жестко парировала Настасья, при этом продолжая все больше краснеть.

Но Машу уже было не остановить:

— Эта война — бессмысленна. Флавиус и Сильфида всегда говорили нам, что мы созваны в Авалон для того, чтобы в урочный час выйти на битву с Великим Злом, а вместо этого мы собачимся друг с другом, как дети, не поделившие песочницу!

— По-твоему, Евгений не тянет на роль Воплощения Зла?

— Он лишь марионетка в игре Темных и Светлых сил, — ответила Маша. — Но в одном ты, безусловно, права: он переполнен ощущением собственной исключительности. Эта лживая битва развязана лишь во имя оправдания, чтобы доказать не только себе, но и другим — мол, смотрите, насколько могущественна моя магия! Иначе — если бы он действительно жаждал правды — он бы узнал её сразу, выведал до последней капли. И сегодняшнее театрализованное представление, названное переговорами, было бы посвящено не тому, каким образом передать ему Настю, а совсем иным вещам. Если, разумеется, Настасья ничего от нас не скрыла.

— Если ты не веришь мне, можешь спросить у Антона, — Настя встала из-за стола, собираясь уйти. — Полагаю, он с удовольствием ответит на все твои вопросы!

— Девочки, не ссорьтесь! — запаниковала Таня. — Мы все на нервах. Нам нужно просто успокоиться.

Настасья уже сделала пару шагов к двери, и тогда

Малиновская тихо, но достаточно отчетливо произнесла:

— И Евгений, вместо того, чтобы спросить себя, что же такого есть в Антоне, чего нет в нём, какие качества души являются более ценными для Насти, он, не задавая вопросов самому себе, потому что убежден, что в мире существует лишь его правота и лишь его — единственно верная — точка зрения, ввергает всё то, что мы знаем и любим, в пучину войны, хаоса и разрушения, добиваясь эффекта совершенно обратного: он приводит Настасью в такой ужас, так глубоко падает в её глазах, что она уже больше никогда не вернётся к нему. И Черная Армия, собранная под его знаменами, не поможет ему тоже! Потому что Настасья давно любит другого!

— Замолчи! — крикнула ей Настя, внезапно развернувшись, и множество дварфов, перестав заниматься своими кухонными хлопотами, уставились на них. — Ты спятила! У нас ничего не было с Антоном! Он — мой друг!

Но Машу уже было не остановить, и она, не подумав, всплеснула руками и ляпнула:

— Вся эта дурацкая войнушка развязана лишь из-за того, что два ключа не смогли поделить одну замочную скважину!

На секунду на кухне повисла тишина, а потом, не успел никто толком опомниться, как Настасья, изменившись в лице до неузнаваемости, выкрикнула что-то нечленораздельное и в два прыжка достигла Малиновской, повалив её на пол и вцепившись той в волосы. И всё вокруг потонуло в звуках возни, девчачьем визге и громких Таниных воплях, умоляющих их остановиться…

* * *

Широкая открытая галерея с тонкими резными колоннами одним изящно выгнутым пролетом перекинулась на головокружительной высоте и образовывала переход от одной башни к другой, минуя центр замка и позволяя быстро перемещаться между их каменными цилиндрами, если возникнет такая необходимость. Ныряя в узкий проход под козырьком башни, можно было выйти на крепостную стену, а ещё чуть дальше — прямо на мощную арку ворот над подвесным мостом. Именно здесь и стояли двое — Антон и Алексис. Оба внимательно разглядывали быстро тонущий в ночном сумраке лес, старались уловить возможное движение на равнине, — но пока что всё вокруг оставалось относительно спокойным и безмолвным.

— Страшно? — спросил Алексис.

— Да, есть немного, — честно ответил Антон.

— Боишься умереть? — Алексис внимательно посмотрел на него.

— Смерть не имеет значения. Важно лишь то, во имя чего ты умрешь.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — Алексис ухмыльнулся. — Но чего же тогда ты боишься?

— Боли. Если мне суждено сегодня погибнуть, то пусть это будет быстро.

— Сегодня?

— Да. Я чувствую. Это начнется сегодня.

Порыв ночного ветра налетел на них, принявшись трепать волосы Антона и тонкую шнуровку на плечах Алексиса.

— А тебе страшно? — вдруг спросил Антон.

Алексис помотал головой.

— Я не понимаю, — неуверенно произнёс Антон. — Как можно абсолютно не бояться? Любому человеку свойственно испытывать страх.

— Просто я всегда верю в то, что за ночью наступит белый рассвет, — ответил Алексис.

— И всё-таки неизвестность пугает. Интересно, а умирать — это больно?

— Ничуть. Несколько секунд неприятных ощущений — и всё кончено. А тот, кто, умирая, отдает свою жизнь ради другого человека, на самом деле не умирает никогда. Он живёт… вечно.

— Откуда же ты можешь это знать? — Антон с некоторым сомнением посмотрел на своего собеседника.

Алексис глубоко задумался. Словно тень далекой боли пробежала вдруг по его мужественному лицу. Наступившее молчание длилось и длилось, прерываемое лишь неровными вздохами ветра, а затем он заговорил:

— Я помню… Как будто сейчас… Был прекрасный солнечный день. Птицы пели. Теперь они не поют уже так. Я шел домой. Мне оставалось пройти каких-то два квартала. Я остановился на переходе. Рядом со мною стояли девочка лет четырех и её мама. Я первым увидел это. Несущийся на огромной скорости неуправляемый автомобиль. Они не смотрели в ту сторону и не видели его. А когда обернулись на звук — было слишком поздно. Несколько секунд пронеслись быстрее, чем один миг. Я успел оттолкнуть их. Они спаслись. А я — нет.

Он снова замолчал. Предложения в его монологе были краткими, четкими, убийственно правдивыми, и оттого ещё более невыносимо разрывали душу.

Глаза Антона расширились:

— Но… Как же ты… — произнёс он, запинаясь.

— Все стало светлым вокруг меня. Белее, чем зимнее утро. Чем первый снег. И тогда я предстал пред Ним. Он поблагодарил меня, но сказал, что мой путь ещё не окончен. Я был послан назад. С тех пор я всё несу свою службу в стенах Вечной Крепости, чтобы, когда наступит Последний День, я мог выйти на битву вместе со всеми. Умирать — не больно и не страшно, — повторил Алексис. — Тот, кто умирает ради другого, будет жить вечно. Он бессмертен. И это единственное бессмертие, мне известное…

Алексис отвернулся, облокотившись на один из зубцов крепостной стены, и молча смотрел вдаль.

«Рассказывал ли он эту историю хоть одной живой душе?» — подумал Антон. — «Наверное, нет… И тем печальнее прозвучала она».

— Это ужасно, — вслух сказал он.

— Ужасно — это когда люди перед лицом опасности отказываются от своих слов и убеждений. Все остальное ещё можно исправить. — Алексис хлопнул Антона по плечу и ушёл с галереи обратно в замок.

Немного позже, когда Антон, спустившись вниз, заглянул на кухню, он застал там странную картину: Маша и Настя, обнявшись, дружно ревели как две белуги; Таня, стоя рядом, тоже промокала свои влажные глаза салфеткой.

— Прости меня, я такая дура! — голосила Малиновская.

— Нет, это ты меня прости, потому что я ещё дурнее! — вторила ей Настасья.

Дварфы старательно делали вид, будто ничего не происходит.

— Вы чего? — Антон замер на пороге в замешательстве, пытаясь понять, что здесь твориться. — Чего случилось-то?

— Всё хорошо! — ответили все трое девчонок одновременно, чем насторожили Антона ещё больше. Он подошёл ближе, и сразу же разглядел царапины на Машкиной щеке и слегка кровоточащую губу у Настасьи.

Антон стал внимательно, по очереди смотреть им в глаза, и Маша с Настей быстро поняли, что он пытается прочитать их мысли, поэтому сразу же опустили свои взгляды в пол. Татьяна оказалась не такой сообразительной: она продолжала глядеть на Антона, не понимая, отчего выражение его лица меняется с озадаченного на гневное. Малиновская, рассудив, что терять уже нечего, дернула Таньку за рукав, но, судя по всему, опоздала.

— Драка?! — голос Антона не предвещал ничего хорошего.

— Тошенька, Тошенька, только не заводись! — Малиновская

вскочила со своего места и бросилась к нему. — Все в порядке. Все уже закончилось.

— В порядке, говоришь? — его тон начал опасно повышаться. — Да вы возили друг друга по полу не меньше десяти минут, пока Татьяна вместе с дварфами вас не разняла! Это чудовищно! Это позор!

— Нет-нет, не позор! — Настя тоже подскочила к Антону, принявшись гладить его по плечу. — Все нормально. Просто… Просто мы немного не сошлись во мнениях относительно происходящего и… и…

— И вы, великие адепты магии, решили потешить дварфов человеческим мордобоем? — закричал Антон, стряхивая её руку со своего плеча. — Темная Орда стоит у наших дверей, готовая атаковать в любой момент, и, быть может, никто из нас не доживет до рассвета, а вы возитесь тут друг с другом, выясняя отношения среди кастрюль и половников! Когда же до вас всех дойдет наконец, что мы тут не в игрушки играем?! Мне никогда в жизни не было так стыдно за Авалон!

Он замолчал, всё ещё тяжело дыша, а затем обернулся к замершим в испуге дварфам. Видимо, в этот краткий момент ярости он был так страшен, что те, побросав с испугу ложки и котелки, бухнулись на колени, склонив головы. Кажется, это немного отрезвило Антона, и он сказал неожиданно тихо:

— Нельзя… Нельзя так… — он рассеянно притянул к себе стул и сел. — Потому что каждое неосторожно сказанное слово…

Но никому так и не удалось услышать завершение его речи, потому что вся огромная каменная громада замка вдруг разом вздрогнула до самого своего основания, и даже мраморная основа пола ощутимо пошатнулась, а сверху, с потолка, посыпались тонкие струйки песка. Все замерли, озираясь, а Маша воскликнула: — Боже! Что это?

Через несколько секунд их слуха достигли ужасные звуки, шедшие снаружи: вопли, стоны, крики отчаянья и нечеловеческой боли, и ночная темнота вдруг исчезла, а вместо неё в окнах стремительно, как быстро надвигающийся прилив, вспыхнуло огненно-пламенеющее зарево. Тёмные Силы решились на штурм…

Глава 18. Противостояние

Неяркий костерок неровно горел на поляне под сводами Кленовой чащи, и отсветы от его пламени робко плясали вокруг по траве, по серым, окутанным сумраком стволам ближайших деревьев. На замшелом камне у костра, глубоко задумавшись, сидел Евгений. Длинные кленовые ветви, подобные узловатым старческим рукам, распростерлись над его головой, закрывая собой хмурое, беззвездное, затянутое тучами небо.

Рядом с Женей, у его ног, лежали два особенно огромных, угольно-черных друмлина, и ещё около десятка их бродило вокруг: осторожных, неслышных, похожих на лесных призраков. Несколько горгулий притаились чуть в стороне, у дальнего края поляны: свет от костра иногда выхватывал из темноты их застывшие, недвижимые во тьме силуэты. Дальше, за кругом освещенного пространства, слышались неясные шорохи, вздохи, сопения и звуки ломающихся под ногами веток — это мертвые бродили окрест в ожидании дальнейших приказов.

Евгений, казалось, не обращал совершенно никакого внимания на происходящее вокруг, полностью погрузившись в сокровенные глубины своего разума. Никто не осмеливался прервать ход его размышлений, пока, наконец, сотканный из лесной темноты, рядом не появился Морфиус. Друмлины, лежащие у ног, недовольно зарычали на него, оскаливая клыки, но остались на своих местах. Морфиус неторопливо склонился к уху Евгения и прошелестел:

— Что дальше, Огненный Князь?

Женя никак не отреагировал на вопрос, — даже головы не повернул — продолжая всё так же безучастно глядеть на пламя костра, и тогда Морфиус сказал: — Я предупреждал тебя, Неразумный, что совершение атаки будет необходимо в тот момент, когда они опустят мост. Мы упустили этот шанс. Теперь же крепость вновь неприступна.

Евген поднял на него свои усталые глаза и жестом руки показал, чтобы Морфиус замолчал, а потом заговорил сам.

— Я знаю способ, как выманить их из замка, — и странная, безрадостная улыбка озарила его лицо. — По крайней мере, одну из них… Остальные же последуют за ней.

Он поднялся с камня так стремительно, что пара друмлинов отпрянула от его ног, испугавшись. А Евгений, тяжело вздохнув, в последний раз обвел взглядом поляну и замерших на ней существ, уставившихся на него, а потом изрёк: — Поджигайте лес!

Он развернулся, взобравшись на камень, и в его руках вспыхнули две невыносимо яркие, огромные огненные сферы.

— ПОДЖИГАЙТЕ ЛЕС! — крикнул он снова, и, захохотав, метнул свою огненную магию в ближайших друмлинов. Густая шерсть на тех мгновенно вспыхнула и они завыли, как безумные, бросившись в глубину чащи. А ново сотворенные огненные шары разлетались от Евгена во все стороны, поджигая траву, кусты, деревья, и всё новых и новых друмлинов и горгулий, и они, вопя от боли и страха, бросились врассыпную, разбегаясь по лесу, подпаливая своих сородичей, и быстро распространяя огонь в лесной чаще. А Огненный Князь не переставал творить очередную огненную магию, его армия огромна, какая разница, если он подожжет сотню-другую своих солдат? И пламя войны, разносимое горящими заживо монстрами, вместе с ними начало быстро распространяться по лесу, сея повсюду хаос и смерть.

— СЖЕЧЬ! СЖЕЧЬ ВСЁ! — орал Евгений, хохоча и упиваясь собственной силой, и в его лице в этот миг проступило что-то страшное, почти звериное. — Пусть горит лес! Пусть пылает! СЖЕЧЬ!

И ужасающие крики горящих и мечущихся по лесу горгулий и друмлинов волнами покатились по долине, достигнув древних стен Нифльхейма. Но с каждым разом к ним все более примешивались душераздирающие стоны волшебных деревьев — не имея возможности сойти со своих мест, убежать от жара пламени, они тоже горели заживо, и крики боли и безысходности муки слились воедино, становясь все громче, и оттого все невыносимее, и эхо стенаний достигло мрачных небес, разливаясь в них песней смерти…

— А теперь самое интересное! — воскликнул Евгений, спрыгивая с камня и устремляясь туда, где среди просветов между горящими стволами едва виднелась сквозь мрак темная громада башен на фоне черного неба.

Морфиус, глядя ему вслед, странно усмехнулся, словно всё получилось именно так, как он и замышлял, а потом, отступив в тень между деревьями, растаял в лесном сумраке.

А неисчислимая Темная Армия последовала за своим создателем, и словно мысленный рокот, воплощаемый в слышимые уху слова, пролетел над воинством из конца в конец: «Штурм! Штурм! Штурм!».

Малиновская со всей возможной для неё скоростью взбиралась вверх по винтовой лестнице. Перил по бокам не было, и чем выше она поднималась, тем больше опасалась свалиться вниз. Здесь, в середине одной из надвратных башен, был ближайший из выходов на самую нижнюю обзорную площадку:

отсюда можно было разглядеть хоть что-нибудь, в отличие от закопченных, мозаичных окон кухни, по которым определялось разве что наступление дня и ночи.

Маша начала задыхаться от головокружительного подъема и крутых ступеней, но ужасные звуки, доносящиеся снаружи и проникающие даже сквозь каменную толщу стен, гнали её вперёд. Она слышала, как за нею, так же тяжело дыша и стараясь не отстать, поднимаются её подруги, а также Славик, Семён и Бирюк.

— Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит? — слышался непонимающий голос Славы.

— Кто-нибудь может заткнуть ему рот?! — рявкнула, задыхаясь, Настасья.

Нырнув под арку, они побежали по выступающему карнизу, вновь ненадолго вернувшись в лоно замка: отсюда было видно, как дварфы внизу носятся и суетятся, точно муравьи.

— К оружию! Пехоте собраться на первом этаже в Восточной галерее! Лучники — на стену! — голос Антона, руководящего общими действиями, слышался, кажется, со всех сторон, но разглядеть его среди всеобщей суматохи Маше так и не удалось.

Последнее, что она услышала, прежде чем свернуть в очередную арку, был перекрывший всё рёв Алексиса:

— Победа или смерть! — и голоса сотен дварфов эхом откликнулись на его призыв, отчего загудели даже сами стены.

Друзья высыпали наружу, на деревянный настил вслед за Малиновской. От быстрого бега у Насти немного помутилось в глазах. Таня держалась за сердце. Все они смотрели в лесную чащу, пытаясь определить источник чудовищных звуков.

А далеко впереди, за темной стеной деревьев, можно было видеть, как неторопливо, и в то же время стремительно расползаются по лесу оранжево-красные точки, из десятков постепенно превращаясь в сотни и тысячи огней, и повсюду плясали багровые отсветы пламени. Никто в замке пока ещё не мог понять, что это мечутся по дебрям подожжённые друмлины и горгульи. А потом сразу в нескольких местах леса произошло что-то похожее на взрывы бомб, и над верхушками деревьев в ночное небо взметнулись огромные огненные костры напополам с нестерпимым грохотом, и земля, а вместе с нею и сам замок, снова заходили ходуном.

И вот уже весь лес запылал, охваченный пламенем, как сухие стога сена жаркой летней ночью, и всё это сопровождалось становящимися все громче криками, воем и стонами, которые отсюда были слышны ещё лучше, чем внутри Нифльхейма, и оттого казались ещё более страшными и жуткими.

Наблюдающим за всем этим казалось, что они попали в кошмарный сон, и что хуже этого уже ничего не может быть, однако колдовство Темных сил только начинало нарастать. Среди разгорающегося все сильнее пламени пожаров никто не видел сейчас крошечную фигурку Евгения, вышедшего из леса, но для него это было и к лучшему: он простер руки вперёд, собирая воедино всю свою силу и всю свою мощь, и сотворил новую магию.

И внезапно с холмов в долину низверглись огненные потоки, алые реки обжигающего и свирепого пламени, сжигая всё на своем пути, и невозможно было ни остановить их, ни спастись. Ярая раскаленная пена ринулась вперёд, бурля и клокоча в своем могучем неистовстве, и среди ночи стало светло, как днём, и огненные сполохи заплясали на древних стенах Нифльхейма.

Так погибла Карнимирия — долина рубиновых рябин — и адский огонь пожрал её прекрасные цветы и изумрудные травы заливных лугов, обращая их в черный пепел и дымящийся шлак, и чудесные деревья, выращенные когда-то Марией, вспыхнули красными факелами, словно спички, объятые пылающим пеклом, оставляя после себя лишь обугленные остовы стволов и голых ветвей, что падали и падали в бушующие под ними огненные волны, чтобы исчезнуть в них навсегда.

Однако охранный ров, наполненный водой, сдержал натиск огненных потоков, и жидкое пламя не добралось ни до входа в крепость, ни до замковых стен.

Во след за пылающими реками из леса по горячему пеплу и золе двинулось Темное воинство, и многие тысячи мертвых солдат устремились к замку, не ведая ни боли, ни страха. И некогда зеленая долина потонула во мраке Черной Орды, а лес из копий, пронзивших небеса, перемешался со взвившимися вверх знаменами, приближающимися к Нифльхейму.

Тут же раздался свист сотен выпущенных стрел — это дварфы-лучники начали палить с верхних ярусов замка. Первые ряды мертвых упали, пронзенные насквозь, но их сразу же заменили другие.

— Боже, что же нам делать? — Настасья с ужасом смотрела, как рати мертвецов приближаются с каждой секундой. — Как нам помочь деревьям?

— Надо найти Антона, — откликнулся Бирюк, словно завороженный зрелищем, разворачивающимся в долине. — Пускай он сотворит дождь, и тогда огонь погаснет.

— А Маша никак не может здесь помочь? — Таня обернулась, ища её глазами. — А, кстати… где же она?

Все начали озираться по сторонам и никак не могли понять,

куда же подевалась Малиновская. Кажется, только что она стояла рядом с ними на деревянном настиле, и вот её уже нигде не было, словно она чудом испарилась…

А Малиновская тем временем уже неслась вниз, слыша, как сверху её зовут друзья. Нет, не сейчас. Сейчас у неё совершенно нет на это времени! Да и вряд ли они обрадуются, если узнают, что именно она задумала. Маша пулей вылетела в Центральную галерею, и там столкнулась с Антоном. Коротко пересказав ему всё только что ею увиденное, они бросились в разные стороны: Антон — к ближайшему окну, чтобы оттуда можно было сотворить магический ливень, а Маша — в самую гущу дварфов. Она пробиралась сквозь толпу облаченных в доспехи воинов, выкликая имя своей медведицы, но из-за постоянного лязга металла и множества выкриков её голос тонул в окружившей её какофонии.

Наконец она увидела её — несущуюся на всех парах огромную темно-бурую копну шерсти посреди стальной реки амуниции. Медведица подскочила к ней, лизнув в щёку, а в следующий миг Малиновская уже сидела у неё на спине, и они ринулись к центральным воротам замка.

— Волшебные деревья… Старый Клён… — бормотала она, пока Пончик галопом неслась навстречу к огромным дубовым дверям, обитым потемневшим железом. — Нет, Евгений, ты зашел слишком далеко! Я не позволю тебе их уничтожить!

На сторожевом посту в дозорной башне никого не оказалось — видимо, все дварфы уже спустились вниз, строясь в боевые порядки. Ну что же, придётся поработать самой. Мария привстала на спине у замершей перед вратами медведицы и, раскинув руки в стороны, сосредоточила свое внимание на огромном засове из цельного дуба, запирающем створы. Дерево. А значит, она сможет им управлять. Через несколько секунд огромное бревно натужно заскрипело и, повинуясь её воле, начало сдвигаться в сторону до тех пор, пока массивные двери замка, жалобно взвизгнув петлями, не распахнулись настежь. Все больше и больше дварфов поворачивали головы в сторону ворот, пытаясь понять, что происходит. Несколько из них подбежали к Малиновской.

— Моя госпожа, что вы делаете? — испуганно запричитал один из них, тараща на неё свои огромные глаза. — Ворота открывать запрещено!

— Я отправляюсь в бой, друг мой, — твердо ответила Мария, смотря на дварфа сверху вниз. — Опускайте мост.

Дварфы затоптались на месте в нерешительности, переглядываясь.

— Я приказываю вам — ОПУСКАЙТЕ МОСТ! — она перешла

на крик.

Ну почему всё так долго? Почему они никак не раскачаются? Кленовый лес в огне! Там ведь гибнут её друзья — каждый бесценный миг может быть жизненно важен!

— Я сожалею, но мы не можем этого сделать, — решительно заявил другой дварф. — Мост поднят по приказу Антона, и только он может распорядиться об обратном. Как всем известно, соблюдение законов субординации на войне — превыше всего, — дварф низко поклонился.

Видя, что они никак не могут решиться, Малиновская взвыла от досады и бессилия, и с её губ слетело что-то похожее на грозное рычание. Ну почему всё всегда приходится делать самой!

И тогда её ладони засветились зеленым светом, создавая изумрудную магию плюща, и из рук вырвались на свободу десятки плетей вьюнков и лиан, вцепившись в железные цепи, на которых держался подвесной мост, обвивая их, ползя вверх, все выше и выше. Упругие стебли начали вгрызаться в металлические звенья, становясь сильнее и толще, чем большие кованые серые кольца. Цепи трещали и лязгали, натянувшись до предела, пока, наконец, сотворенное волшебство не взяло верх: громкий звон, и звенья лопнули, разлетаясь в разные стороны, падая на белоснежный мраморный пол, оставляя на нём глубокие царапины и выбоины. Мост вздрогнул, лишившись удерживавших его опор, раздался скрежет, и вдруг всё его огромное, прямолинейное полотно со свистом рухнуло вниз, накрывая ров, расплескивая воду и отдаваясь громоподобным ударом о землю. Переправа снова была наведена.

Все дварфы из тех, кто ещё не видел, что именно происходит у ворот, обернулись на этот грохот. В открытый проем хлынули дым и гарь. Маша ужаснулась, увидев, насколько быстро за время её спуска с верхней площадки мертвым удалось продвинуться вперёд: они преодолели уже более двух третей долины Карнимирии. А за их спинами — теперь уже гораздо реже — слышны были крики и стоны умирающих в беспощадном пламени лесов, и линия горизонта полыхала алым заревом пожаров.

Стараясь не думать о том, сколько времени потеряно зря, Мария похлопала Пончика по правому боку, и та развернула её к войску взирающих на неё дварфов.

— Я не зову с собою никого из вас, — крикнула она, и громкий голос её прокатился по галерее из конца в конец, — потому что не вправе вести вас на смерть. Но там мои друзья, и я буду признательна, если вы поддержите меня.

Тишина воцарилась в галерее, и слышно было, как из открытых дверей доносятся звуки слитного марша — это с

каждым мигом сокращалось расстояние до передовых отрядов Темной орды, движущейся к Нифльхейму.

— Мы пойдём за тобою даже на тот свет! — выкрикнул кто-то из толпы дварфов. Дружный гомон одобрения вырвался у всех остальных: дварфы затопали ногами, застучали мечами о щиты и потрясали копьями.

Мария отыскала глазами крикнувшего — это был Монфрод. Ком подступил, сжимая горло, но она старалась держаться.

— Тогда вперёд. — Малиновская произнесла это тихо, как будто самой себе. Пончик снова развернула её лицом к воротам.

По левую руку от неё неизвестно откуда возник Алексис.

— Почту за честь умереть рядом с тобой! — серьезно сказал он, крепко сжимая в руках свою секиру.

Маша коротко кивнула ему и отвернулась, устремив взгляд вдаль, на линию огня. Вдруг покатились слезы. Огромные. Соленые. Да что это с ней? Она же обещала держаться. Держаться, во что бы то ни стало! Ей было страшно. Очень страшно. Хорошо, что в этот момент никто не смотрит на неё. Никто не видит. Но она не отступит. Слишком поздно. Идти — так до конца. Она поклялась. Пока есть силы…

— ВПЕРЕ-Е-Е-ОД!!! — закричала она что есть мочи, разрывая связки, и медведица, вняв призыву, огромными прыжками рванула по мосту через ров. Прежде, чем Пончик вынесла её за порог, Маша ещё услышала, как сзади, в ужасе и отчаянии кричит ей Настасья: — Куда ты, безумная?!

А затем всё заглушил слитный рёв и топот сотен подбитых железом сапог дварфов, ринувшихся за нею по деревянному полотну подвесного моста.

Конечно, дварфы не могли оставить один на один с врагом свою любимицу, и последовали за нею навстречу огню и тьме, чтобы, возможно, никогда не вернуться назад. И внезапно из центральных врат замка выплеснулось, как морской прилив, всё громадное воинство дварфов. И вперёд, на огромном буром медведе, неслась, обгоняя ночь, храбрейшая из Бессмертных…

Вооруженные отряды быстро покидали Нифльхейм, плотно сомкнутыми дружинами шествуя через ворота по мосту, и Главная галерея стремительно пустела. Из боковых залов дворца подходили новые полки, вливаясь в основную массу воинов, либо пристраиваясь в хвосты движущихся в долину Карнимирии колонн. Под сводчатым потолком чертога начали скапливаться удушливые облака из пепла и смога, нагнанные сквозящими с выжженных лугов ветрами. Становилось тяжело дышать.

— Скорее, поспешим! Маше нужна помощь. Она не справится там одна! — торопила всех Настасья, и вместе с Таней, Бирюком,

Славой и Сеней они влились в главный поток войск, чтобы как можно быстрее очутиться вне замка. Над головами низкорослых дварфов было видно далеко вперёд, но никто не мог с уверенностью сказать, что именно происходит снаружи: дым от горящего леса, заволакивая все вокруг, становился гуще с каждой секундой.

Настасья чувствовала, как бешено колотится сердце в её груди. Сейчас самое главное — это не медлить: чем скорее они придут на помощь, тем больше им удастся спасти жизней силой своей магии.

И тут, несмотря на топот сотен ног, лязг железных доспехов и громких, возбужденных выкриков вокруг она совершенно отчетливо услышала, как их кто-то окликает по именам.

— Анастасия! Владимир! Татьяна! — глубокий женский голос поочередно звал друзей, перекрывая, казалось, все звуки вокруг, словно он летел над толпой.

— Вячеслав! Семён! — кричал другой, не такой мелодичный, но более сильный мужской баритон.

Настя резко остановилась, как вкопанная, округлив глаза: ей были слишком хорошо знакомы эти голоса. Но этого просто не может быть! Откуда? Нет, ей, должно быть, померещилось. Настасья обернулась, видя, как следом за нею останавливаются и остальные её друзья. Поток дварфов, недовольных вызванной заминкой, начал огибать их со всех сторон, как река омывает остров, оказавшийся у неё на пути.

— Мне показалось, или я услышала Сильфиду? — потрясенно спросила Настя.

— Да, мне тоже померещилось, — согласилась с ней Татьяна.

— И вы их слышали? — удивился Бирюк. — Я подумал, у меня уже слуховые галлюцинации начались!

Слава и Семён дружно закивали, озираясь по сторонам.

Тут каждый из них снова, совершенно отчетливо, расслышал свои имена. Друзья одновременно развернулись на голос, с потрясением увидев, как к ним, пробиваясь сквозь строй дварфов, бегут Флавиус и Сильфида.

— Боже, откуда вы здесь? — воскликнула Настя, не веря своим глазам. Она крепко обняла подскочившего Флавиуса, а затем и Сильфиду.

— Как это возможно? — Сеня, кажется, не мог поверить в происходящее. — Как вам удалось пройти сквозь оцепление?

— Сейчас это все не имеет значения, — вымолвила Сильфида, сгребая в охапку Таню и Бирюка. — О, синее небо, как же я рада вас видеть!

— Евгений идёт на нас войной! — выпалила Таня. —

Помогите нам!

— Да, да, за тем мы и пришли, — Сильфида говорила так быстро, что речь её казалась слегка невнятной, — мы едва успели: спешили сюда, как только могли!

— Вас только пятеро, — с тревогой отметил Флавиус. — Где остальные?

— Антон где-то наверху, создает дождь, — начала объяснять Настасья и, увидев непонимающий взгляд Флавиуса, добавила: — Женя поджёг Кленовый лес. Антон пытается предотвратить распространение огня, чтобы спасти волшебные деревья. А Маша там, снаружи… Скорее же, иначе будет поздно! Там — ожившие мертвецы!

— Мертвецы?! — воскликнула Сильфида и, не задавая более никаких вопросов, ринулась к воротам. Остальные бросились за ней. Их снова подхватила сверкающая стальная река из дварфов, вынося на широкий простор лугов.

— Владимир! — тяжелая рука Флавиуса легла на Вовино плечо, останавливая его. — Мне нужна твоя помощь!

— Конечно, — кивнул Бирюк. — Все что угодно.

— Ты должен отправиться к Ивонну.

— Куда? — не понял Вова.

— К Королю Дварфов. Ты должен попросить его о помощи! Ты лучше меня видишь — дварфов слишком мало, их численности не хватит, чтобы дать достойный отпор силам Тьмы. Если тебе не удастся привести сюда подмогу — этой ночью мы все погибнем.

— Но я хочу сражаться! — запротестовал Бирюк. — Как я оставлю своих друзей? Мне нужно быть там, рядом с ними!

— Большую пользу принесёшь ты, покинув их, чтобы позже вернуться. Сейчас самое главное — скорость, а ты — единственный, умеющий быстро перемещаться. Телепортируйся прямо к Каменной Двери, откуда берет свое начало подгорный тоннель, дальше же иди пешком. В глубоких катакомбах дварфов перемещайся только на ногах — если ты попробуешь совершить телепортацию внутри них, ты рискуешь навсегда застрять в толще скал. Ты понял?

Бирюк кивнул.

— Найди Ивонна, — продолжал Флавиус. — И скажи, что Нифльхейм в опасности. Скажи, что Враг уже здесь и стоит у наших ворот! Он знает, что делать. Подобное ответит подобному: живые не должны сражаться с мертвыми. А теперь иди же. Не медли. И возвращайся как можно скорее!

— Я вернусь. Обещаю, я не подведу, — Бирюк бросил последний горький взгляд на Танину спину, которая была уже

далеко впереди, затем закрыл глаза и — исчез. Окружающий шум заглушил звук его телепортации.

— Я верю в тебя, — Флавиус ещё долю секунды продолжал смотреть на то место, где только что стоял Вова, а потом тоже побежал к воротам.

Массивная оконная рама была распахнута настежь, на каменном полу валялись куски штукатурки и несколько цветных стеклышек, выпавших из витража. В проеме окна, на подоконнике, возвышалась одинокая темная фигура, озаряемая багровыми отсветами, вспыхивающими в долине далеко внизу.

Антон стоял, простирая руки вверх, и всё его внимание было устремлено на хмурое, пепельное небо над головой, на котором все больше скапливались огромные, похожие на клочья грязной ваты, облака. Да уж, создание ливня — задача не из простых, она требует предельной концентрации внимания, силы и умения. Поток магической энергии, вырывающийся из кончиков его пальцев, был столь мощным, что воздух вокруг Антона зарябил, словно нагреваемый его чарами.

Внизу, в окутанной дымом Карнимирии, постоянно слышались какие-то неясные шумы и скрипы — именно в этот момент Мария силой своей магии распахнула створы Центральных ворот.

Тучи над лесом становились все темнее, все тяжелее и объемнее, из них вот-вот должен был хлынуть дождь. Думая о водяных потоках, обрушивающихся с небес, Антон никак не мог понять, что происходит на каменном крыльце замка: с того места, где он стоял, видно было плохо: обзор частично закрывала выдвинутая вперёд стена башни. Новый, далекий, но очень сильный грохот снизу заставил его снова с тревогой всматриваться в ночь: это рухнул надо рвом подвесной мост с остатками цепей. Свет из Главной галереи хлынул наружу, в образовавшийся проём, и марширующие к крепости неисчислимые тысячи мертвецов стали вдруг хорошо видны, освещаемые льющимися световыми потоками.

«Они что, совсем там спятили?» — подумал Антон, догадавшись о случившемся. — «Зачем они опустили мост?».

Долгое время ничего не происходило. Антон, не опуская рук, постоянно переводил взгляд то на грозовые тучи у себя над головой, то на едва видимую отсюда ленту древней дороги.

И тут слитный рёв заполонил собой все вокруг, и эхо его, достигнув всех уголков Нифльхейма, заметалось среди высоких конусов и каменных шпилей башен, уносясь в грозное, низко нависшее небо, а в следующий миг из ворот вылетел, как показалось, сверкающий всадник, устремившийся по дороге

вперёд, и сразу следом за ним — сотни и сотни дварфов, крича, вопя, потрясая топорами и секирами, и сердца их пылали, переполненные праведным гневом.

Ночной воздух наполнили свистящие звуки, — это все новые и новые стрелы, пущенные лучниками дварфов со стен, вспороли мрак, ища и находя себе вражеские цели.

Антон ошалело смотрел на творящееся в долине, а когда он понял, что человек, принятый им поначалу за всадника, на самом деле Малиновская, скачущая на спине медведицы, он чуть не сошел с ума.

«Ненормальная!» — пронеслось у него в голове. — «Да что же ты творишь!».

Он с замиранием сердца наблюдал, не в силах сдвинуться с места, как быстро сокращалось расстояние между двумя воинствами. Как из-под земли, пробужденные несокрушимым призывом Зеленой магии Марии, взметнулось множество цепких корней, впиваясь в первые отряды хлынувших к ним мертвецов и, пригвождая мертвую плоть к земле, разрывали их на части.

Маша, встав на спине у Пончика, начала метать во все стороны ослепительно-зеленые магические пули, и те, удивительно точно попадая в головы зомби, валили их навзничь. А через несколько секунд подоспевшие на подмогу дварфы столкнулись с отрядами мертвых, и буквально смели с пути их первую линию наступления. Именно в этот миг запоздалые тяжелые капли дождя упали с небес на обугленную землю в нескольких местах; потом замерли, будто прислушиваясь к собственному звуку, чтобы тут же обрушиться миллионами новых капель над замком, над лесами, над широкой котловиной Карнимирии — повсюду.

— Получилось! — возбужденно прошептал Антон, видя, как низвергающиеся с неба тонны воды заливают все вокруг. Над Кленовым лесом начал подниматься густой черный дым.

Антон спрыгнул с подоконника и бросился вниз по лестнице — теперь дождь справится и сам, — помощи ждут другие. Но, пробежав пару-тройку шагов, он вдруг остановился, обернулся, посмотрел на темный проем окна, а потом опять вниз, на бесконечно уходящие лестничные пролеты.

«Не успеть!» — в отчаянии подумал он. — «Слишком долго бежать».

Антон снова забрался на подоконник и посмотрел себе под ноги. Прямо под ним, где-то страшно далеко, плескалась темная, бурлящая от ливня гладь воды, наполняющая ров — она подходила здесь под самые каменные бастионы замка.

— Никогда не думал, что решусь на такое! — пробормотал

он, выдохнул… и прыгнул вниз.

Так внезапен и гибелен оказался свирепый напор дварфов, что едва не пошли прахом все замыслы Евгения, и прежде чем войска, отправленные им для подкрепления, достигли первой линии атаки, дварфы уже разметали её, сокрушили, как яростные волны сокрушают песочные замки, неосторожно выстроенные на берегу у самой кромки воды. И смелое, сильное воинство Малого народа, отбив пока ещё совсем слабые, неуверенные атаки с левого и правого фланга, устремилось по древнему тракту в сторону леса.

Огненный Князь устрашился, увидев, как призванные им мёртвые воины падают сотнями, словно солома, ложатся под ударами безжалостных топоров и секир; как быстро приближаются к нему грозные солдаты Нифльхейма, и в голове его даже промелькнула мысль возможного отступления в охваченный теперь едким дымом лес. Но не смог бы он привести сюда столь несметную орду, если бы оказался так прост: внезапно с боков ринулись новые отряды хорошо вооруженных мертвых, пытаясь отрезать дварфов от их сородичей и захватить далеко продвинувшуюся пехоту в кольцо окружения.

Маша, скатившись с мокрой от дождя спины Пончика и быстро поднявшись на ноги, откинула со лба прилипшие волосы, с новой силой начав расшвыривать вокруг себя магические пули. Хотелось сотворить и более могущественные чары, но на это требовалось время, а его-то как раз сейчас недоставало. Часть мертвых всё-таки успела добраться до неё: Малиновская на миг опешила, увидев прямо перед собой выросшие как из под земли страшные, полусгнившие, мокрые от дождя злобные рожи и, не придумав ничего лучше, двинула по самому ближайшему из оживших трупов ногой. Тот повалился навзничь, задевая за собой соседних зомби. Всех остальных разметала по сторонам, точно кегли, вовремя подскочившая медведица.

Какой-то звон, отдаленно похожий на сотни маленьких колокольчиков, донесся до Маши справа, и краем глаза она успела уловить, как нечто очень быстрое, блестящее, подобное облакам звёздной пыли, окутало один из отрядов мертвецов, и этой пыли потребовалось лишь несколько секунд, чтобы раскромсать их всех на куски. Это острые кромки стекол пришли на подмогу, рассекая давно умершую плоть, точно мясорубка.

— Решила начать бой без меня? — услышала Малиновская рядом с собой Настин голос. — Просто свинство с твоей стороны!

Подруги с каким-то диким восторгом улыбнулись друг другу, а потом, встав спиной к спине, начали творить очередную магию элементов. Новые отряды врага были уже на подходе.

Левый фланг дварфов держал оборону во главе со Славой и Семёном. Среди них была также и значительная часть лучников, ибо не все из них остались на стенах. Двое бессмертных не спешили вступать в рукопашную, стараясь нейтрализовать как можно больше мертвецов ещё на самых подступах к ним. Пока что это неплохо получалось. Летящие непрерывным потоком стрелы из дварфовских луков тоже играли свою роль.

— Мне нужно минимум полминуты, — крикнул Славе Семён. — Постарайся не подпускать их слишком близко!

Славик кивнул, внимательно наблюдая за приближающимися зомби, будто стараясь сосчитать их; потом, сжав руки в кулаки, напряг их так, что сквозь кожу проступила синяя паутина вен, изо всех сил размахнулся — и, присев, ударил по земле. Ответ пришёл тотчас — далекий и низкий гул, родившийся в недрах, начал расходиться во все стороны; почва всколыхнулась, вызывая землетрясение, невидимые нити разрядов энергии побежали прочь от его рук, всё дальше и дальше, достигая вражеских войск, пока, наконец, во многих местах не раздалось несколько оглушительных взрывов. Земля, песок, камни, а вместе с нею и части тел полетели во все стороны. Вражьи полчища обуяла неразбериха, они начали метаться во всех направлениях, ломая строй.

Кое-где посреди долины полотно грунта разошлось в стороны, образовав сеть гигантских трещин. Мертвые начали проваливаться и падать вниз, неведомая сила словно засасывала их туда — по крайней мере, назад они уже не выбирались.

В этот момент Семён что-то старательно перемешивал на своей ладони — это были мелкие крупицы сотворенной им металлической руды. Пока Слава создавал зримые воплощения магии Земли, его собственная магия только вершилась: когда металла в его руках оказалось достаточно много, он начал скатываться в небольшие блестящие сферы-пули.

— Пригнитесь! — крикнул Семён дварфам, выбегая вперёд, чтобы их не задело.

Новые легионы зомби с несгибаемым упорством ползли вперёд, перебираясь через фрагменты собственных солдат. Сеня размахнулся, и со всей возможной силой швырнул пули в толпу. Ещё будучи в полёте, каждая из металлических сфер распалась на десятки точно таких же, те — ещё на десятки, и так — снова и снова, и вот уже сотни, тысячи пуль вонзились в мертвую плоть, с неприятным свистом и хрустом вырывая куски мяса из ковыляющих тел, образовывая заметные бреши в рядах Тёмных сил.

Чуть ближе к левому краю поля, по правую руку от Вячеслава,

между сражающимися группами Бессмертных оставалась узкая полоска земли, недосягаемая ни для его магии, ни для магий Марии и Настасьи. Там, в одиночку, сражался Алексис, размахивая своей громадной секирой и разбрасывая зомби в разные стороны, точно пушинки. Четыре острых лезвия с загнутыми вниз крючьями лишали голов по пятерых мертвых за раз, и каждая новая встреча его секиры и чьих-нибудь конечностей сопровождалась чудовищными звуками бойни.

Малиновская со всё более возрастающим беспокойством наблюдала за правым флангом. Если подступы в левой части поля были надежно защищены Славой и Семёном, обороняющихся вместе с дварфами изо всех сил, то здесь картина была полностью противоположной: мертвые вели ожесточенные бои, все дальше продвигаясь к высоким каменным стенам Нифльхейма и, соответственно, к главному входу в замок. Как Маша ни старалась, сквозь потоки дождя и удушающих частиц пепла, витающих в воздухе, она никак не могла разглядеть ни Тани, ни Бирюка, ни тем более Антона, а ведь им как раз положено было быть именно там.

Армия зомби, вооруженная острыми пиками, теперь уже не только начала яростное наступление справа, но и значительно продвинулась по центру. Из-за того, что Маша постоянно отвлекалась на остальных, она по неосторожности пропустила один из ударов: тёмный тяжелый наконечник копья одного из мертвых больно чиркнул её по плечу, разорвав одежду и пройдя по касательной чуть выше и вверх, но, к счастью, не проткнув руку.

— Сосредоточься! — грозно крикнула ей Настасья, и тут же с десяток острых кристаллов, пущенных ею, пронзили горло насквозь сразу нескольким зомби. Те повалились набок в разные стороны, хрипя и издавая страшные булькающие звуки, но все равно пытаясь ползти вперёд. Новые точные удары Настасьи завершили их пути в этой битве.

Мария, собравшись с силами и делая трудно повторимые пассы руками, начала плести сложную магию зеленых лоз: толстые и колючие стебли роз стали вырастать из-под земли тут и там, оплетая ноги и вцепляясь во вражьих прислужников, добираясь до туловищ и рук, затягиваясь вокруг шей шипастыми тугими смертельными удавками. Внезапно она почувствовала, как по правой щеке пронёсся поток холодного воздуха, а затем грязь и шлак у неё под ногами, застывая, начали покрываться тонкой коркой льда и белого инея, словно неизвестно откуда наружу вырвалось ледяное дыхание снежной зимы. Земля, скованная стужей, захрустела.

Поначалу Малиновская не поняла, что это за магия — она готова была ожидать вихри и торнадо от Бирюка либо грозные молнии Татьяны, но тут увидела далеко справа от себя высокую стройную женщину в развевающихся синих одеждах, простершую руки вперёд: Сильфида выпускала на волю могучие снежные ветра.

Буран и вьюга сметали все перед собою, превращая черную выжженную землю в ледяное белоснежное покрывало, и сотни мертвецов, окостеневшие, застыли в нелепых позах там, где их настигла магия Льда и Мороза.

— Сильфа! — воскликнула Малиновская, снова отвлекаясь. — Но откуда?

С ответом пришлось повременить. Небеса озарила ярчайшая вспышка света. Удары ослепляющих молний, бьющие прямо в замороженных зомби, заполонили собой всё вокруг — это в бой вступила Татьяна. Лёд начал с треском разлетаться на куски и тут же плавиться — от мертвых тел не оставалось и следа. Дварфы правого фланга, окрыленные столь мощной поддержкой, начали перестраиваться, с громкими криками снова ринувшись в атаку.

Яркие сполохи огня за Машиной спиной вновь заставили её обернуться. Поначалу она испугалась, что Евген каким-то неведомым образом смог проникнуть сквозь их плотно сомкнутые ряды, — но это был другой огненный маг — Флавиус. Алое пламя его чар разгоралось всё сильнее, закручиваясь в исполинские огненные смерчи и жаркие кольца, шипя под дождем, набрасываясь и сжигая темные полчища врагов.

— Где Вова?! — порыв ветра донес до Малиновской Танин крик, но новые удары молний напополам с грохотом от разлетающегося льда заглушили ответ Флавиуса, и она так и не расслышала его.

Ладно, Бирюк наверняка должен быть где-то здесь — он просто затерялся посреди этого жуткого месива, и скоро найдется — решила Маша. Флавиус и Сильфида снова с ними — это самое главное! Теперь они просто не могут проиграть! Мария почувствовала вдруг необычайный прилив энергии и сил. Приход столь могучих союзников вселил в неё новую надежду. Создаваемые ею колючие плети роз стали толще и гуще, ветвясь зелеными сетями во всех направлениях, с небывалой силой атакуя армию врага. Все получится! Она уверена! Никак иначе!

Внезапно со стороны замка послышался шумный и мощный рокот воды. Можно было подумать, что где-то только что ожил водопад. И обороняющиеся, и осаждающие Нифльхейм вдруг увидели, как тонны мутной воды изо рва, окружающего замок, начали подниматься высоко вверх, вставая над выжженной

долиной Карнимирии одной сплошной мерцающей стеной, бурля и клокоча, а потом звук бушующей воды начал быстро приближаться. Малиновская услышала Настин вопль: — В сторону! — и тут же две огромные волны, похожие на распахнутые ладони, пронеслись с разных сторон буквально в полуметре от них с такой чудовищной силой, что даже заложило в ушах. Нахлынувшая стена воды разметала по полю новые отряды мертвецов, отбросив их далеко назад.

«Ну, Тоха, ты и даёшь!» — только и успела подумать Машка, как в поле зрения появился и он сам, тяжело дыша. С Антона обильно стекала вода, и даже под ливнем он выглядел самым промокшим из всех; Маша не могла догадаться, что ему, прыгнув с башни, пришлось проплыть через ров до другого берега, и лишь потом оказаться на поле боя.

А Антон уже сосредоточенно глядел перед собою; потом резко взмахнул руками, и было похоже, будто он подкинул в воздух два невидимых мяча. Тут же где-то впереди, среди полчищ дальних вражеских отрядов, из земли взмыли вверх несколько высоких водяных фонтанов, и зомби, подбрасываемые мощными струями, снова начали разлетаться в разные стороны…

Мария радовалась, видя, как войска дварфов понемногу начали продвигаться вперёд, тесня захватчиков, но она недооценила всю силу и коварство, на которые был способен Огненный Князь. И не так-то просто было его одолеть. В его темных мыслях уже пришёл черед для других существ, и, повинуясь непреклонной воле своего Господина, с громкими криками в воздух внезапно поднялись сотни и сотни горгулий, что ожидали своего часа, и ночное небо потонуло во мраке надвинувшейся тучи низко летящих тварей, а шум их кожистых крыльев, плещущихся по ветру, заглушил звуки сражения.

По земле же на подмогу к изуродованным солдатам двинулись орды друмлинов: поначалу почва долины, выжженной огнём, была слишком горяча для их мерзких лап, но мертвые проложили пути сквозь дымящийся шлак, и теперь сумрачные создания смогли последовать за ними. Это были не какие-нибудь безмозглые тела, оживленные тёмной магией, чей собственный разум давно поглотили время и песок; хитрые, сильные, ловкие звери хлынули навстречу Бессмертным и Малому народу, огромным черным клином ворвавшись в их строй и разделяя надвое великое воинство Нифльхейма.

Кроме того, наконец подоспели зомби-арбалетчики — те самые, с которыми в лесу у Портала столкнулся Бирюк — и воздух наполнился непрерывными звуками спускаемых затворов, свистом тяжелых стрел и металлических болтов. Вокруг все чаще

раздавались крики раненых и умирающих.

Первые мгновения линия обороны, перестав продвигаться вперёд, ещё продолжала какое-то время держаться на одном уровне, а затем стала медленно сдвигаться в сторону замка. Дварфы начали отступать…

Евгений, стоя у края долины, внимательно наблюдал за всем происходящим. Он видел, как горгульи, подобные стремительным теням, падали сверху прямо на дварфов, подхватывая их своими острыми когтями и, пронзительно вереща, уносили их в небеса, чтобы затем сбросить на острые копья мертвецов; как друмлины сломали строй обороняющихся, внося неразбериху в армию Нифльхейма, и им удалось-таки разделить её напополам. Остатки воинства во главе с Авалоном, неся ужасные потери, медленно, но верно начали отступать в сторону рва и подвесного моста. Вторая — меньшая половина войска — всё ещё держа строй, тоже пыталась пробиться к главному входу в замок, но потерпела поражение: друмлины окончательно отрезали их от основной части дварфов, теперь пытаясь притеснить отряды к водам Великого озера.

Рядом с Женей едва уловимыми видениями возникли двое друмлинов: они были черны, как и сама ночь, окружавшая их. Пасти были широко раскрыты, с клыков-лезвий капала слюна, глаза налились кровью и злобой.

— Приведите мне Предательницу, — сказал Огненный Князь, глядя на скалящихся друмлинов, а потом добавил как-то отстранённо: — Живой… мёртвой… мне всё равно.

Друмлины, закинув свои лохматые головы вверх, испустили дружный вой и ринулись по склону вниз, в долину.

Евгений долгим взглядом ещё раз обозрел Карнимирию. Со своего наблюдательного пункта он, как на ладони, видел всё: как прямо по центру сражались Маша и Настасья, из последних сил сдерживая наступление вместе с медведицей, а справа от них вели борьбу Слава, Семён и Алексис. Он смотрел, как вступили в битву Антон и Татьяна, и его даже не особенно удивило неожиданное присутствие Флавиуса и Сильфиды — они всё равно не смогут помешать осуществлению его планов. И лишь одно пока что настораживало Евгения, идя вразрез с задуманным: он везде искал глазами Бирюка — и никак не мог его найти.

«Возможно, этот чёртов телепортёр передвигается настолько быстро, что его попросту невозможно заметить?» — подумал Евген.

Вслед за тем, как горгульи и друмлины вступили в битву, отряды дварфов перемешались между собой, ведя поспешное отступление, и никого из Авалона на поле боя уже нельзя было

разглядеть: все потонуло во мраке, тумане, гари и остатках дождя, который почти прекратился.

Над Зеркальными горами начала понемногу светлеть кромка небес — это ночь перевалила за середину, и начинался самый холодный предрассветный час.

После того, как воинство Нифльхейма оказалось разделенным надвое, Огненному Князю пока что удалось обнаружить лишь Сильфиду — та, отступая в сторону озера, с огромной скоростью замораживала всё новые и новые отряды его войск, и её магический снег и лёд хорошо выделялись на фоне черной, выжженной земли, а рядом с нею обнаружился и Флавиус, расшвыривающий свои огненные сферы повсюду, куда только мог дотянуться.

— Вот теперь — пора! — произнёс Евген, глядя на них, и решительно зашагал в долину, навстречу своей собственной войне.

Однако у Евгения был и ещё один повод для нежданной радости, хотя он пока что не знал об этом. Если бы он мог видеть чуть лучше, то он бы разглядел, что во второй — меньшей части воинства — той самой, что отступала к Великому озеру, кроме Флавиуса и Сильфиды оказались ещё Настасья и Мария с медведицей. Предприняв отчаянную попытку прорыва в замок и лишившись множества дварфов, они с огромными потерями были вынуждены отодвинуться к кромке воды и там вести бой — за их спинами теперь была лишь бесконечная гладь темно-синего озера.

* * *

Бирюк осторожно и немного неуверенно продвигался вперёд в полумраке Камфорты — огромного каменного зала поистине внушительных размеров, где в глубинах вечности и забвения, сокрытый от всех глаз Наземного мира, бессчетное число веков обитал Ивонн, Король народа Дварфов. Звук шагов — да и вообще любой другой звук здесь, не порождая эха, тут же тонул в толстых наслоениях пыли, точно в вате.

Гулкая темнота и тишина навалились со всех сторон, и лишь едва уловимо, почти на самом пределе слышимости, доносились откуда-то издалека слабые, монотонные, ритмичные сигналы, более всего походившие на то, как если бы кто-нибудь вздумал бить в пуховую перину кулаком. Что это было на самом деле, Вова не знал. Возможно, где-то очень глубоко, подо всей толщей Зеркальных гор, в самых недрах земли билось одинокое сердце

холодных горных вершин.

В подземных чертогах тоже было достаточно прохладно, и Вове от этого становилось ещё более неуютно — ощущение того, что он нарушил покой какого-то древнего склепа, усиливалось с каждой минутой.

Пробитые в потолке наклонные световые колодцы прибавляли, казалось, хоть немного болезненно-жёлтого света, но так как там, снаружи, над горами стояла лунная ночь, то лучше видно от этого не становилось: просто в этих местах подземелья окружающий мрак был не настолько тёмен, приобретая более сероватые оттенки.

Бирюк прибавил ходу, стараясь не задерживаться между бесконечными рядами массивных каменных постаментов-гробниц — ему было не по себе и постоянно казалось, что за каждым новым углом его поджидают, таясь, невидимые в сумраке опасные существа. Далеко впереди он с некоторым облегчением уже начал различать смутную фигуру Ивонна, как и прежде восседающего на своем изумрудном троне. Было такое ощущение, что с тех самых пор, как они все приходили сюда в последний раз, он так и не сдвинулся со своего места.

Вова подошёл поближе и остановился в нескольких шагах от ступеней, ведущих к массивному трону. Дварф не проявлял никаких признаков жизни, всё так же безучастно взирая на раскинувшееся пред ним запустение.

Бирюк вздохнул, откашлялся и максимально громко произнёс:

— Приветствую тебя, Король Дварфов!

Ничего не произошло, ничего не случилось в Подгорном чертоге. Точно такая же ватная тишина стояла вокруг, поглощая и вбирая в себя любые звуки.

— Ивонн… Ивонн, очнись! Пожалуйста! — позвал Бирюк. — Нам нужна твоя помощь!

И снова лишь гробовое безмолвие было ему ответом. Вову начало охватывать отчаяние. Как же они разбудили его в прошлый раз? Бесполезно — он уже позабыл… Может, нужно сказать какое-нибудь волшебное слово? Или произнести заклинание?

— Ивонн, — снова попробовал Бирюк. — Нифльхейм в опасности. Враг стоит у наших ворот!

Внезапно глаза Каменного дварфа открылись, и он, подняв свою голову, пророкотал: — Враг? Ты сказал — ВРАГ?! — воздух подземелья будто завибрировал от его восклицаний.

— Враг, — повторил Бирюк. — Он уже здесь. Прошу тебя, нам нужна твоя помощь! Флавиус сказал — ты знаешь, что нужно

делать.

Старый дварф поднялся со своего инкрустированного изумрудами трона так стремительно, что Вова вздрогнул. С его одеяния и бороды посыпались мелкие песчинки, а Ивонн тем временем, взяв в руки свою двуручную секиру, стоявшую у подлокотника, начал спускаться по каменным ступеням вниз, к Бирюку. Тот слегка растерялся, не понимая, что именно хочет сделать Король. Лязганье подбитых железом сапог звучало глухо, как далекие удары молота. Ивонн же, спустившись, остановился в нескольких шагах от него и произнёс, величественно и торжественно: — Смотри, Бессмертный, ибо сейчас ты узришь Великую Магию дварфов! — и, размахнувшись, изо всех сил ударил секирой в пол.

В этот же миг от места удара во всех направлениях поползли тончайшие светящиеся трещины: беловато-синие линии распространялись все дальше и дальше с невиданной скоростью — так расползается битое стекло, чей расколотый от центра узор напоминает собою переплетения паутины. Светящаяся сеть окутала огромный зал мириадами нитей, и стало понятно вдруг, насколько он непозволительно велик — бесконечные световые гирлянды, переходя с пола на стены и высокий потолок, продолжались и продолжали нескончаемо уходить вдаль, и им не видно было конца и края. Ряды нетронутых каменных гробниц стали отчетливо видны, и Камфорта засияла в наполняющем её теперь свете древней магии Народа Дварфов.

— Час настал! — изрёк Ивонн, непонятно к кому обращаясь.

У Вовы волосы встали на загривке, когда он услышал откуда-то издалека одинокий низкий голос, летящий над древними каменными постаментами будто из далекого прошлого. Голос бормотал что-то на своем, неведомом ему языке, а потом сделался громче, и вот уже можно было различить отдельные слова:

Наш путь застыл
Во тьме могил
В пещерах каменных гробниц…

И неожиданно со всех сторон ему начал вторить хор таких же низких, глухих голосов:

Да сгинет Мрак
Ведь Тьма — наш враг
И в ней не видно дварфов лиц…

Непонятно было, откуда исходит звук: казалось, сейчас говорили сами стены. А потом одна из крышек ближайшего каменного постамента отодвинулась в сторону и упала на пыльный пол, сопровождаясь ужасным грохотом раскалывающегося гранита — Бирюк аж подскочил от неожиданности. Из раскрытой гробницы наружу медленно выползал какой-то клубящийся пар и исходило такое же беловато-синее свечение, как и от трещин в полу и стенах, а затем из склепа медленно поднялась голова и туловище дварфа, закованного в броню. Его кожа была странного терракотового цвета, а вместо глаз светились желтые камни — нечто похожее на янтарь. Какое-то время он неподвижно сидел, замерев в своем ложе, а потом грузно спрыгнул на пол, подняв вокруг себя клубы пыли.

— Что это? — с благоговейным трепетом прошептал Бирюк.

— Это — Сила! — ответил ему Король Дварфов. — Мои каменные воины!

Величие и молчание древнего чертога начали оглашать все новые и новые звуки отодвигаемых и падающих на пол гранитных крышек-плит. Каменная армия пробудилась…

* * *

Бой продолжался всю темную ночь, и с каждым часом всё сильнее сжималось вокруг замка кольцо осады. Главные силы армии Нифльхейма, потеряв убитыми уже более трети всех дварфов, быстро отступали в крепость под безжалостными ударами мёртвых и друмлинов. Лучники на стенах из последних сил сдерживали натиск горгулий, наносящих молниеносные точечные удары с воздуха. Летящие твари пытались проникнуть уже и вовнутрь замка через окна, но пока что им этого не удавалось.

— Держать строй! — кричал Алексис, следя, чтобы дварфовские дружины, прикрываемые щитами и ощетинившиеся, точно ежи, от атакующих горгулий, одна за другой с минимальными потерями уходили по мосту под своды спасительных стен.

Тем временем вторая часть армии во главе с Флавиусом и Сильфидой вынуждена была вести бой с ордами, почти вчетверо превышающими их собственные силы. Горы убитых все увеличивались с обеих сторон, кровавым ковром устилая поле битвы. Мария и Настасья отступали до тех пор, пока путь им окончательно не преградила вода, и в посветлевшем от

наступающего рассвета воздухе Маша увидела вдруг, как прибрежная озёрная гладь, мерцая бликами, окрасилась в алопурпурные цвета крови. Этот же рассвет давал возможность увидеть, что воинство, их осаждающее, почти не имеет границ — они уничтожили лишь малую его часть, а силы уже почти оставили их. Бесконечное черное море тел и копий колыхалось в долине, и надежда почти покинула их сердца. Наверное, это конец… Но пока рядом стоят друзья — нужно сражаться. С друзьями — не страшно. Даже и в конце…

А там, у врат Нифльхейма, Антон оставался одним из последних, кто, отступая, взошёл на полотно подвесного моста. Ещё несколько десятков дварфов продолжали сражаться вместе с ним на самых подступах к замку — все остальные уцелевшие и выжившие уже были внутри.

Часть горгулий каким-то образом смогла прорваться в Центральную галерею, но тут же все они были прикончены сверкающими молниями Татьяны. Вместо того, чтобы бренными телами падать вниз от поражающих их разрядов, горгульи каменели прямо в полете, и их с треском разносило в разные стороны: они рассыпались повсюду мелким дождем каменного крошева. Разноцветные вспышки магии без устали озаряли Центральный зал, отскакивая от малахитовых колонн в виде древесных стволов и оставляя на них глубокие царапины и трещины.

Ещё несколько дварфов рухнули на каменном крыльце замка, пронзённые арбалетными стрелами.

«Мост!» — пронеслось в голове у Антона. Он позволил себе оглянуться лишь на миг, чтобы увидеть, что некогда поддерживавшие его железные цепи бессильно лежат, разорванные, с запутанными в них стеблями плюща, разметанные тут и там по крыльцу, по земле, свисая и уходя в воду охранного рва. Поднять его теперь было уже невозможно.

«Надо его разрушить, иначе орда проникнет в замок!» — подумал Антон.

— Отступайте! — крикнул он дварфам, создавая водяные щиты вокруг тех, чтобы они поскорее могли уйти от сыплющихся на них со всех сторон ударов.

Пытаясь одной рукой удержать только что сотворенные им щитовые чары, другой он начал управлять водой из окружного рва: мутная гладь взбурлила волнами, начав ударять в основание моста и пытаясь разрушить каркас из металлических крепежей. Вода бесновалась вовсю, мост заходил ходуном, но — бесполезно: в его основу было вбито сварное железо, которое не так-то просто оказалось сломать.

Неожиданно откуда-то сбоку, между дварфами, из облаков дыма вынырнул Семён. При каждом новом взмахе руки, казалось, прямо из его пальцев разлетались в стороны цельнометаллические иглы. Несколько бросившихся на него друмлинов взвизгнули с пробитыми горлами и упали на настил, мёртвые. Лицо Семёна всё было перепачкано кровью.

— Сеня! — крикнул ему Антон. — Я думал, все уже в замке, — и, приглядевшись, воскликнул: — Боже, что у тебя с лицом?! Ты весь в крови!

— Это не моя, — выпалил Семён, тяжело дыша. — Это друмлинская кровь.

— С тобой всё в порядке? Ты не ранен?

— Кажется, нет. Где все остальные?

— Понятия не имею! — ответил Антон. — Надеюсь, что в крепости. Помоги мне сломать этот чертов мост, иначе все эти твари проникнут внутрь!

— Каким образом? — крикнул Семён, пригнувшись — рядом с его лицом только что просвистела стрела. Мост продолжал сотрясаться под новыми ударами бьющей снизу воды, но пока безрезультатно.

— Там, в основании, железный каркас. Разломай его! — у Антона уходили последние силы, чтобы поддерживать водяной щит.

Сеня кивнул. Раскинув руки в разные стороны, он вперился взглядом в полотно моста. Раздался жалобный скрежет гнущегося металла, из досок и бревен тут же начали вылетать мелкие гвозди и скобы.

Внезапно сквозь неплотно сомкнутые края водяной завесы проскочили несколько друмлинов. Разбрызгивая воду, они, зарычав, кинулись на Антона. Отвлекшись на нового противника, Антон быстро создал водяные сферы, послав их в атаку. Синие переливающиеся шары окутали морды друмлинов, и те, лишенные возможности дышать, заметались в беспорядке в разные стороны, сталкиваясь с мертвыми, друг с другом, падая с моста в ров и уходя на дно.

Пока Антон сражался с ними, водяной щит пал, рассыпаясь на капли, и отряды мертвых, сметая на своем пути последних защищавших врата дварфов, бросились к нему и Семёну. Водяные сферы не могли им помешать — для зомби дышать было вовсе необязательно. Снова раздались звуки спускаемых затворов, засвистели арбалетные стрелы и болты.

Каркас моста, благодаря Семёну, начал разрушаться: самые крайние балки, лишившись железных связок, стали отваливаться и падать вниз, в мутную воду рва. Но тут Сеня вскрикнул и

зарычал от боли — одна из стрел всё-таки попала ему в руку. Он схватил торчащую из кисти стрелу за оперённый наконечник и невероятным усилием воли выдернул её назад. Из раны хлынула кровь. В глазах моментально потемнело, и он пошатнулся. Антон подхватил его, и они, продолжая отступать, последними вошли под своды замка.

В наступившей вслед за тем неразберихе кое-кто из подоспевших дварфов попытался захлопнуть створы ворот, — но они не успели. Мертвые и друмлины ворвались в залы Центральной галереи, круша и громя всё на своем пути.

Страшную службу сослужил в тот день опущенный подвесной мост — широкий и прочный, враг пересек по нему охранный ров и проник в замок, доселе не знавший подобного в лоне своих каменных стен.

Ослепительные молнии Татьяны метались под потолком, сбивая влетающих горгулий, но они не поспевали поразить абсолютно всех. А новые стаи крылатых бестий, разбивая узкие окна, ворвались в галерею с боков: сопротивление лучников на стенах было сломлено, а оставшихся дварфов — слишком мало, чтобы воспрепятствовать им.

Мелкая каменная крошка и песок носилась по залам, впиваясь в глаза и ослепляя друмлинов — это магия Вячеслава пыталась обезвредить противника. Взрывы и землетрясения в замке устраивать было небезопасно — так можно случайно покалечить и своих друзей, и, чего доброго, обрушить перекрытия.

— Смерть! Смерть захватчикам! — доносился откуда-то от дверей рёв Алексиса.

Вот уже и внутри чертогов засвистели алыми росчерками пылающие стрелы — зомби-арбалетчики тоже проникли в замок, неся огонь, разрушения и гибель. Черная мгла расползалась от крыльца внутрь Нифльхейма, и нельзя было ни остановить её, ни спастись. Сверкающие мраморные плиты пола потемнели, помутнели от дыма и пятен повсюду разливающейся крови.

Отважные дварфы вперемешку с друмлинами, зомби и осколками горгулий лежали в беспорядке тут и там. Прекрасные белоснежные мраморные статуи оказались сброшены со своих постаментов и расколоты вдребезги. Мозаика в окнах растрескалась и осыпалась мириадами осколков, а дивные тканые гобелены на стенах, вышитые золотом и драгоценностями, охватило неистовое пламя: они гибли в огне, и красота их навеки покидала этот мир…

* * *

Остатки выжженной травы и обугленных веток жалобно хрустели под тяжёлыми ботинками — Евгений медленно шёл по пепелищу, наслаждаясь каждым шагом, каждой новой пядью завоеванной им земли. Вот он и наступил — момент, к которому пришлось идти так долго, момент его триумфа, его непоколебимой силы и могущества. Теперь никто более не осмелится сказать, будто он ничего не стоит. Никто не дерзнёт сомневаться в том, что он — Величайший из Бессмертных, и впредь остерегутся произносить вслух имя Огненного Князя — все слабые останутся позади, там, за его спиной, и будут лишь шёпотом, из уст в уста, передавать историю о том, как он — ОН! — покорил неприступный дотоле Нифльхейм, разбил его считавшуюся непобедимой армию и утвердил здесь свою власть, и все склонят пред ним свои головы, а непокорные будут преданы долгой и мучительной смерти.

Смерть. Она уже постигла очень многих из тех, кто пытался ему противостоять. Некоторые, правда, ещё надеются победить — глупцы — ибо их надежда исходит не от веры, а от незнания, и как прекрасно будет наблюдать за тем, когда они обманутся в своих ожиданиях. Вскоре сопротивление Авалона непременно будет сломлено. Евгений мимоходом бросил быстрый взгляд на распахнутые двери замка, куда, подобные черным ручьям, стекались в одну могучую реку неисчислимые отряды его войск: оттуда доносились лязг оружия, грохот и крики, остатки разбитых окон озаряли яркие вспышки магии. Каменное крыльцо Нифльхейма было усеяно трупами дварфов и друмлинов, как, впрочем, и всё поле битвы. Перепачканные грязью, кровью и золой, тела дварфов лежали в разоре и хаосе тут и там, — повсюду в долине, где их настигла смерть, они, распростертые, застыли в неестественных позах, с заломаными руками, и на лицах у всех запечатлелись лишь мука и боль.

Изредка над головой Евгения проносились серыми тенями горгульи, спешащие в замок. Он и сам заглянет туда. Непременно. Только немного позже. Сначала у него имеется одно дело, которое необходимо завершить сейчас. «Должок», как можно было бы сказать.

Он резко свернул вправо и направился в сторону озера — туда, где, прижатые к берегу и окруженные со всех сторон беснующимися мертвецами, всё ещё продолжали сражаться остатки некогда великого воинства.

Евгений подходил всё ближе, и ненависть и гнев в равной степени овладевали им — он уже определил намеченную им цель. Туманная дымка всколыхнулась, войска мертвецов безмолвно расступились перед ним, а его противник не сразу заметил,

отчего это зомби вдруг отпрянули во все стороны. Это был Флавиус.

Пространство между ними мгновенно расчистилось и, казалось, даже сами мёртвые — хотя им и неведом был страх — отступили в безмолвии, чтобы не оказаться на недобром пути у двух бессмертных. Где-то в отдалении вели неравный бой Мария, Настасья и Сильфида — они ещё, кажется, не видели, что именно здесь происходит.

Флавиус и Евгений застыли друг напротив друга безмолвными изваяниями. Расстояние между ними, казалось, готово воспламениться с каждой новой секундой, вспыхнуть от противостояния их воль. Наконец Флавиус произнёс: — Я знал, что ты придёшь.

— Несомненно, — кивнул Евгений. — Ведь ты, помнится, задолжал мне бой. А потом позорно увильнул от него… Так возблагодарим же судьбу за предоставление нам такой прекрасной возможности, — он широко развел руки в стороны. — Возможности расплатиться по долгам!

— Ты не ведаешь, что творишь, — на лице Флавиуса возникло выражение великой печали. — Одумайся!

Евген уставился на него и долго, не отрываясь, смотрел в глаза. Черты его лица казались протравленными отвращением и ненавистью.

— Время прописных истин прошло, — процедил Огненный Князь сквозь зубы. — Ибо впереди — только смерть! — и он внезапно атаковал.

Молниеносный выпад руки, похожий на бросок кобры, выдал сразу с пяток магических пуль. Они выпорхнули, летя и перемежаясь между собой, подобные разозлённым пчёлам. Взмах руки Флавиуса — и пули нейтрализовались; алые сполохи взорвались в воздухе, как мини-салют, оставив после себя лишь дым.

Евгений атаковал снова, и снова, и снова — поток огненных сфер бесперебойно и целенаправленно бил во Флавиуса, похожий на автоматную очередь, и тот, без устали обращая их в дым, отступил на пару шагов назад, всё ещё продолжая защищаться и не делая собственных попыток атаковать.

Евгения это, похоже, рассердило ещё больше. Огромный огненно-оранжевый тигр, вырвавшись из груди, соскользнул с его рук на траву и, встрепенувшись, без малейшего промедления понесся на Флавиуса. Но тот уже призвал своё магическое животное: над его головой возник, расправляя могучие крылья, пурпурно-алый орёл. Зверь и птица ринулись навстречу друг другу, и два величайших огненных мага сошлись в своей

последней схватке.

Тигр и орёл сцепились так яростно, что во все стороны полетели искры и струи огня. Они то катались по земле — и тогда тигру удавалось подмять орла под себя, то боролись в воздухе — огненная птица пыталась унести тигра в небо, чтобы потом сбросить вниз с высоты. Зверь неистово кусал и грыз орлиные крылья, а могучая птица стремилась ослепить врага, выцарапав ему своими острыми когтями глаза. Жар от сражения был настолько сильным, что под ними запеклась сама земля. Неосторожные зомби и друмлины, случайно попадавшиеся на пути сражения двух огненных фантомов, молниеносно сгорали в их всепоглощающем пламени — не оставалось даже головешек.

Внезапно раздался громоподобный тигриный рёв и сразу вслед за ним — яростный клёкот орла — смертельно раненая большая кошка вцепилась орлу в горло, пока он не затих, но и самому зверю жить оставалось недолго. Клубок из огненных тел распался, и они оба, ярко вспыхнув, рассыпались на тысячи мелких искр, растаяв в воздухе. Дымные шлейфы затянули место схватки, но Евгений и не думал расслабляться: сотворив несколько сложных пасов руками, он выбросил их ладонями вперёд, создавая огромный огненный смерч, и тот, подобный точно направленному языку пламени, изрыгаемому мифическим драконом, в мгновение ока настиг Флавиуса.

Пытаясь защитить себя, Флавиус распростёр руки над собой, формируя оборонные чары, но тут красно-чёрная, невероятно мощная струя огня, похожая на пущенную стрелу, проскользнула под его поднятой левой рукой, пробив защиту и ударив Флавиуса прямо в сердце.

Несколько мгновений Флавиус ещё стоял, прижав руки к груди — на его лице застыла маска удивления, как будто он осознавал, что уже мёртв, хотя это было невозможно, а потом грузно упал, повалившись набок. Его глаза расширились, губы что-то беззвучно прошептали — и он затих. А затем его тело вдруг охватило яростное пламя, и менее чем на секунду оно, вспыхнув в языках светло-алого огня, исчезло, не оставляя взамен ничего, кроме пепла, развеваемого ветром. Над долиной прошелестел и замер едва слышимый вздох. И всё стихло…

Евгений стоял, слегка оглушенный, не сводя взгляда с того места, где только что лежало тело Флавиуса — он и сам впервые наблюдал, как происходит гибель Бессмертного. «Так вот, значит, как это выглядит» — подумал он — «Преотвратное зрелище».

Громкий и страшный крик заставил его устремить свой взгляд вдаль, в гущу сражения. Среди мрачной баталии войск Евгений разглядел окаменевшую Настасью, прижимающую

ладони к лицу. У её ног распластались два огромных чёрных друмлина, — тех самых, которых он отправил за ней — у каждого в горле застряло с десяток острых стёкол. В облике самой же Насти читалось лишь эхо непередаваемого ужаса — она только что, как и он, увидела смерть собственного учителя. Таким образом, закричав, она выдала и себя тоже…

— Ах, вот ты где! — вкрадчиво произнёс Евгений, упиваясь её отчаянием. — Не волнуйся, дорогая, сейчас придёт и твой черёд… — и он также неторопливо двинулся в её сторону.

Мышка попалась в мышеловку, и на этот раз ей не выбраться. Он настиг бы её и в замке, но чем дальше он идёт, тем более облегчается поставленная перед ним задача. И в этот раз рядом нет вездесущего Антона, который постоянно мешается под ногами. О да! Вот он — этот сладостный миг возмездия! Теперь уже никто не помешает его осуществлению!

* * *

Горгульи, друмлины и мёртвые захватили Центральную галерею и внешние залы, тесня защитников вглубь замка. Дварфы во главе с большей частью Авалона отступали до тех пор, пока не оказались у трёх огромных фонтанов с ледяной водой. Позади них теперь были лишь лестницы и балюстрады, уводящие на верхние ярусы замка, в покои и комнаты других этажей, а также врата Маханаксара, Зала Судеб. Могучие величественные створы зала были плотно сомкнуты, но вряд ли даже они способны были бы противостоять той неистовой ярости, что обрушилась нынче на воинов Нифльхейма.

Теперь от огромного войска оставалось не так уж и много — примерно равное количество пехоты и лучников, и всех их можно было окинуть взглядом, не утруждаясь. Антон, творя новые чары, несколько раз внимательно вглядывался в толпу обороняющихся и ужаснулся, поняв, что ни Маши, ни Насти среди них нет — в пылу сражения просто некогда было смотреть по сторонам, и вот сейчас Авалон окончательно распался, и непонятно было, кто и где находится.

Мимоходом Антон заметил недалеко от себя Славу, создающего зыбучие пески прямо посреди мраморного пола, и начал пробираться к нему. Но прежде чем он успел приблизиться, Славик, увидев его, крикнул сам:

— Где Машка с Настей?

— Не знаю, — Антон пригнулся, чтобы его не задело крошево от разлетевшейся над ним горгульи. — Где остальные?

— Я видел Сеню, Таню и Алексиса — они точно в замке. Про остальных ничего не могу сказать. Они ведь не могли погибнуть, правда? — тревожно спросил Славик, так же, как и Антон, разглядывая немногочисленные, теперь уже, отряды, теснящиеся вокруг фонтанов. Дварфы перестраивались, чтобы плотнее сомкнуть ряды. Новая вспышка Таниной молнии, взметнувшись под потолок, с треском разнесла с десяток новых горгулий, обращая их в камень. Каменные осколки с небывалой силой рванули в разные стороны, точно салют. Антон услышал, как Славик вскрикнул — один из обломков задел его по лицу.

— Вот чёрт! — ругнулся он, проведя рукой по щеке и обнаружив на ней кровь. — Только этого не хватало!

Рядом возник Алексис, в помятых доспехах и с покрытым копотью лицом.

— Потеряли девчонок? — пробасил он, тяжело дыша. — Их здесь нет! Когда ударили друмлины, часть войска оттеснили к озеру. Они должны быть там.

— Но они живы? — воскликнул Антон.

— Этого я не знаю, — покачал головой Алексис. — Но мы в любом случае не можем им помочь прямо сейчас. Нельзя допустить, чтобы враг проник в Маханаксар! Если фантомы и духи уйдут из него — это будет конец. Конец всему!

Антон коротко кивнул, потом огляделся по сторонам и, подозвав к себе нескольких дварфов, командным голосом начал отдавать приказы:

— Так, мне нужна Татьяна! Она должна быть вон в той стороне! — он жестом указал им направление. — Приведите её сюда. — дварфы закивали, а затем растворились в толпе.

Потом он отыскал взглядом Семёна: — Ты как? — Антон посмотрел на его руку, перемотанную окровавленной тряпкой.

— Кровь не хочет останавливаться. — Сеня был бледен, и, поморщившись, вяло потряс рукой. — Тоха, я не могу творить магию! В смысле, могу, но в руке ощущения такие, будто её ножом режут!

— Быстро в тыл, пока тебя снова не задели! — скомандовал Антон, а потом обратился к Славе и Алексису: — Мне нужно сделать так, чтобы все дварфы покинули поверхность пола! Проследите, чтобы малый народ отошел на лестницы или ещё выше, на подвесные балконы. Вы поняли? Никого не должно остаться внизу!

— Что ты задумал? — нахмурился Слава.

— Где, вашу мать, Таня? — вместо ответа рявкнул Антон. Он закрыл глаза, сосредоточился и пробормотал: — Трудно будет вот так, с нуля… из ниоткуда… — он простёр руки вперёд, и из его

пальцев заструились потоки воды, с каждой секундой становясь все мощнее, заливая белоснежные мраморные плиты пола.

— Я здесь!

Антон открыл глаза, услышав рядом с собой Танин голос.

— Ты цела? Всё в порядке? — спросил он и, получив от Тани утвердительный кивок, продолжил: — Хорошо. Будь готова сотворить самую сильную молнию, на какую способна! — предупредил Антон, а потом крикнул замешкавшимся дварфам: — Живо уходите на лестницы!

Слава и Алексис подгоняли отстающих. Почти все дварфы уже находились наверху, отходя на балконы и балюстрады. Друмлины и мертвые, очевидно, решив, что сопротивление окончательно сломлено, быстро заполняли чертог.

Вода, сотворенная Антоном, стремительно наполняла зал, сплошным ровным ковром покрывая пол, плескаясь вдоль стен и, хлынув наружу через двери, разливалась вниз по лестницам и запруживала галереи. Вода в самих фонтанах вдруг забурлила и тоже начала выплескиваться через края, добавляясь к той, что уже была на полу.

Вражеские отряды зашлепали по слою воды, пробиваясь вперёд, обнадеженные столь поспешным отступлением противника.

— Сейчас, сейчас… — бормотал Антон себе под нос. — Ещё ближе… ближе… Таня, приготовься!

Татьяна, замерев, не отрываясь смотрела на приближающихся тварей. Она уже могла различать глаза друмлинов и злобные, темные огоньки, горящие где-то глубоко внутри них. Она приготовилась, чтобы нанести удар…

Внезапно всё исчезло вокруг. Вспышка огня. Боль. Крики. Красный свет заполняет пространство. Кто-то падает на землю. Мертвый. Это Флавиус. Таня начала задыхаться и пошатнулась, едва не упав. Потом невероятным, нечеловеческим усилием воли она всё-таки вернулась в своё собственное сознание. В глазах все ещё было темно. Нет, сейчас нельзя отключаться! Она нужна здесь. Здесь! Боже, что происходит? Взгляд резко прояснился. Мертвые и друмлины вдруг оказались совсем рядом — гораздо ближе, чем она предполагала: бледная мертвенная кожа зомби и оскалившиеся, исходящие слюной пасти вражьих выкормышей. А потом громкий крик Антона, словно из невообразимой дали, становясь все громче и громче, ударил по перепонкам:

— Таня! Быстрее! БЕЙ!

Татьяна очнулась, встрепенулась, приходя в себя и, наотмашь ударив руками в пустоту, шарахнула магией так, как только была способна. Молния, свет и, затем — треск огласили зал, яркая

вспышка выжигала глаза. Крики и рёв пораженных током зверей слились воедино, взвиваясь под самые купола башен. Темные твари, оглушенные электричеством, разбежавшимся по наполненному водой залу, испуская отчаянные вопли, рухнули на пол, расплескивая влагу, сотрясаясь в судорогах и последних предсмертных конвульсиях.

Дварфы с балконов и лестниц махали топорами, разрубая летящих и бросающихся на них горгулий. Слава и Семён, издав радостный ор, обменялись жестом в стиле «дай пять». Татьяна, ослабевшая, рухнула на колени и прошептала: — Больше… нет… сил…

Антон с тревогой вглядывался в двери чертога. Им с великим трудом всё-таки удалось отбить эту линию атаки. Но к ним уже спешили новые темные орды. Очередные друмлины и зомби, идущие по пятам, стали более осторожны: они не касались воды, следуя по телам убитых, и новая волна темного воинства начала заполонять зал.

— Мы справимся… мы справимся… — повторял Антон как заклинание, успокаивая самого себя.

— Мы не сможем отражать их атаки до бесконечности, — едва слышно произнесла Таня, опуская руки и наблюдая за тем, как зал вновь наводняется мерзостными созданиями. — Что можно сделать против такой ярости и злобы? Колдовство Тёмных Сил неиссякаемо. Оно убивает даже нашу надежду, — одинокая слеза покатилась по её щеке. — Я не хочу умирать одна… О, Вова, где же ты?

Ответом ей было тяжелое, хриплое дыхание друмлинов, плеск воды и крики горгулий, подобные леденящим воплям чаек перед наступающей бурей.

Вдруг сзади чьи-то сильные руки обняли её за плечи, поднимая на ноги, и так хорошо знакомый голос произнёс в самое ухо:

— Я здесь!

* * *

Малиновская тоже сражалась из последних сил. Битва, длящаяся всю невероятно долгую ночь и всё утро, совершенно вымотала её, выпотрошила насквозь все чувства и эмоции: иногда казалось, что, создав очередную стражевую лозу или сотворив магическую пулю, она просто-напросто упадёт замертво. Из-за постоянной генерации магии тело и особенно руки болели так, будто она только что прокопала траншею длиной километров в

пятьдесят. Внимание постепенно ослабевало, и она начала пропускать удары. Наверное, если бы не Медведица рядом, которая каждый раз вовремя подставляла себя под вражеские выпады, защищая её, Маша уже давно была бы мертва.

Так как замок находился на возвышении, среди отрогов гор, Марии с побережья было отчетливо видно, как армия Тёмных сил огромным полукольцом сначала окружила Нифльхейм, а потом, сломав сопротивление, начала медленно и постепенно просачиваться сквозь Центральные врата; как горгульи, разбивая окна и цветные витражи, ринулись сквозь проломы внутрь, облепляя замок со всех сторон.

Немногочисленные — теперь уже — отблески от вспышек магии иногда ещё отражались в расколотых проёмах окон, но они постепенно тонули среди алых сполохов пожаров, все более разгоравшихся внутри крепости — огненные стрелы мертвых делали свое черное дело.

Всё меньше имело смысла продолжать борьбу: и она — здесь, и её друзья — там — окружены, отрезаны друг от друга, и никто из них не может помочь другому. Эти мысли настойчиво лезли в голову, но Малиновская не давала им там укорениться. «Это всё происки Тёмных сил» — думала она — «Пускай им даже удастся сломать крепость, но свою волю я сломить им не дам!».

А мёртвые тем временем окружили её со всех сторон, пытаясь отделить каждого Бессмертного поодиночке, и горы обезображенных тел вокруг всё возрастали, но поток их казался неиссякаемым. Маша изо всех сил старалась не потерять из виду Настасью, но в какой-то момент яркие огненные вспышки заставили её замереть на месте — сквозь лес из тел и копий она не могла понять, что происходит впереди, чуть левее от неё. Как раз в этот миг на поле боя умирал Флавиус. Огненные смерчи начали взвиваться вверх, к самому небу, а потом неожиданно погасли, и тогда неким иным чувством Мария осознала, что Женя здесь, совсем рядом, и теперь финал — каким бы он ни был — близок как никогда. Она снова отвлеклась, забыв об опасности…

Чьи-то руки — хрупкие, но при этом невероятно сильные — сгребли её в охапку и развернули, при этом дернув куда-то в сторону. Маша потеряла равновесие, запуталась в собственных ногах и чуть не упала. Она, глотая воздух, вывернулась из цепких объятий, чтобы увидеть, кто же это так мотает её, словно куклу.

Развернувшись, она столкнулась взглядом с Сильфидой. На лице той застыло одновременно выражение испуга и муки, а в расширившихся глазах читалось только одно — боль. Сильфида медленно опустила свои глаза вниз, и Мария, следуя за её взглядом, сделала то же самое. Из груди Сильфиды торчала

огромная чёрная арбалетная стрела, пущенная кем-то из мёртвых воинов. По её прекрасным голубым одеждам стремительно расползалось алое пятно, складки одеяния набухли от крови и сделались тяжелыми.

— Спасла! — выдохнула Сильфида, едва коснувшись Машиного плеча, и тотчас упала на выжженную землю.

— Нет-нет-нет! Сильфа, нет! — Маша слышала свой собственный испуганный голос будто со стороны.

Всё исчезло в этот ужасный миг. Усталость. Страх. Отчаяние. Всё это ушло. Утихли и замолкли звуки битвы: крики, стоны, лязг металла. Всё это вдруг перестало иметь значение, словно опустили от неба до земли прозрачную, непроницаемую завесу.

Малиновская упала на колени рядом с Сильфидой, не веря в происходящее. Она не может умереть. Нет. Только не сейчас. Сейчас, когда она больше всего нуждается в ней. Нет, пожалуйста!

— Сильфа, Сильфочка! Да что же это? Боже… нет… нет, не умирай! Ты не можешь! — Маша без конца повторяла одно и то же. Она приподняла голову Сильфиде и положила себе на колени, убрала волосы ей с лица.

— Мы сейчас вынем стрелу. Всё будет нормально. Мы вылечим тебя! Не бойся! Ты не умрешь!

Сильфида приподняла руку и коснулась Машиной щеки:

— Не нужно. Всё хорошо.

У Маши ручьём хлынули слёзы. Она не могла их сдержать — и не хотела.

— Пожалуйста. Не умирай, — прошептала она. — Только не ты… пожалуйста…

Сильфа…

Крупные солёные капли стекали по Машиным щекам и падали на лицо Сильфиды.

— Я чувствую вкус твоих слёз, — произнесла Сильфида и чуть улыбнулась. — А теперь… мне пора уходить…

— Нет-нет, ты будешь жить! Я знаю!

— Не печалься. Вспоминай обо мне, когда в твоём мире первые снежинки коснутся земли — я буду в каждой из них. Я — это зимнее утро… хрустящий белый снег… узор мороза на твоем окне… как жаль, что здесь не бывает зимы — она прекрасна! И мой мир — прекрасен! — она умолкла, а потом едва слышно добавила: — Береги Анастасию! — её рука бессильно соскользнула с Машиной щеки, а в глазах отразилась лишь синева небес, которую она уже не могла увидеть.

— Сильфа… — беззвучно выговорила Малиновская одними губами, и тут обнаружила, что на её коленях и рядом с нею

вместо мертвого тела лежат лишь горстки белого снега, который сразу же начал таять, разбегаясь водой и впитываясь в иссохшую почву. Тут же лежала и черная арбалетная стрела…

Мария сидела вот так, безучастно, погрузившись в забвение и скорбь, но словно из далекого прошлого до её слуха стали доноситься звуки сражения, всё громче и громче, возвращая её в настоящее. Бой всё ещё продолжался.

* * *

Татьяна снова стояла. Её тонкая, изящная фигура словно лучилась внутренним светом на фоне тёмных врат Маханаксара, а глаза наполнились искорками счастья, потому что рядом с нею в этот миг, плечом к плечу, стоял тот, кто мысленно был рядом все это время, но явился только сейчас.

Вова — в последний момент — всё-таки успел прийти на помощь. Промедли он ещё чуть-чуть — и, наверное, ему пришлось бы наблюдать лишь дымящиеся развалины крепости и горы трупов.

Неожиданно появившись рядом с Таней, Бирюк сотворил и выпустил на свободу могучие холодные ветра, и они, становясь всё сильнее и превращаясь в подлинные ледяные вихри, пошли гулять по залу, по переходам и лестницам, разгоняя гарь, дым и мрак, затягивая через разбитые проёмы окон свежий горный воздух. Дышать тотчас стало намного легче.

Могущество ветров возрастало с каждой новой секундой, переходя в настоящий ураган: друмлины и мёртвые кубарем покатились в разные стороны, их начало поднимать в воздух и швырять об стены. Горгулий с жалобными воплями выдувало наружу, прочь из замка, они из последних сил цеплялись за витую лепнину и остатки расколотых витражей.

Силы начали возвращаться и к Татьяне — настолько её воодушевил Вовин приход. Грозные молнии снова взвились под потолок чертога, разя врагов и обращая их в пепел и дымящиеся головешки. Остальной Авалон, получив краткую передышку, приготовился к новому броску…

Внезапно с верхних лестниц, откуда-то из глубины замка, донеслись совершенно неожиданные звуки: топот сотен тысяч каменных башмаков, слитно марширующих по гранитным ступеням, эхом отдавался со всех сторон, наполняя чётким чеканным шагом каменное лоно Нифльхейма. Дварфы в великом изумлении отпрянули к стенам, наблюдая, как к ним присоединяется новый, неожиданный союзник.

Сотни и сотни каменных дварфов заполонили собою лестницы и верхние ярусы замка, лабиринты коридоров запрудило неисчислимое терракотовое воинство. Они спускались вниз, к вратам Маханаксара, продвигаясь неторопливо и величественно, словно никакая сила в мире не способна была их остановить, а затем, сливаясь в зале у фонтанов в идеально ровные ряды, точно так же двинулись вперёд, наступая на врагов. Каждый новый идеально отточенный шаг, расплескивая остатки сотворенной Антоном воды, приближал их к зомби, и они не собирались останавливаться, ибо каменным воинам неведомы были сомнения и страх.

Антон, отбиваясь от горгулий, вздрогнул, когда прямо рядом с ним огромный дварф, облаченный в сверкающий доспех и увенчанный короной с изумрудами, с громким криком: «Арргх!» размахнулся своей смертоносной секирой и пригвоздил ею к полу одну из горгулий. Та противно и пронзительно заверещала, но агония длилась недолго — новый удар секиры заставил бестию замолчать навсегда. Это Ивонн — сам Король народа дварфов — явился на битву, ведя за собою призванных им же воинов.

Татьяна и Бирюк, встав спиною к спине и крепко прижавшись друг к другу, с замиранием и восторгом наблюдали, как великая Каменная армия неумолимо наступает, обращая врагов в бегство.

Сразу несколько уцелевших горгулий, у которых вышло укрыться от магии Бирюка за резными колоннами, вцепились в голову одному из каменных дварфов, увенчанную железным шлемом. Прежде чем кто-либо успел помочь несокрушимому воину, им удалось-таки её оторвать: голова с грохотом и лязгом покатилась по мокрому полу. Таня, находившаяся рядом, с удивлением увидела, что и внутри дварфа тоже был цельный камень. Он — будто монолит — целиком и полностью состоял из горной породы!

— Где ты нашёл этих вояк? — несколько шокированная, спросила она у Вовы, который продолжал выпускать на свободу горные ветра. — Откуда они?

— Из подземелий. Флавиус подсказал, — кратко ответил ей Бирюк, ухмыльнувшись. Он всё объяснит потом. Сейчас некогда.

Татьяна застыла, на несколько кратких мгновений перестав создавать новые молнии. Ком подступил к горлу. Ведь никто в замке ещё не знает, что Флавиус мёртв. Но сейчас она и сама не готова этого озвучить. Это подорвёт боевой дух её друзей. Пока что остальным лучше оставаться в неведении. Они узнают, когда наступит время. Всему свой черёд.

Тане и самой было неведомо, что буквально через несколько минут ей суждено будет почувствовать гибель и другой

Бессмертной — Сильфиды…

А пока что она, как и её друзья, продолжала сражаться, потому что нежданно пришедшая армия вновь подарила им обнадёживающую, но пока такую хрупкую надежду на победу.

Напор каменных дварфов был подобен снежной лавине, сошедшей с гор — не останавливаясь, они крушили всё на своем пути, и ничто не могло им воспрепятствовать. Дварфы расчистили от зомби и друмлинов зал с фонтанами, вытеснив врагов обратно в Центральную галерею. Могучие дварфовские секиры точными и молниеносными ударами разрубали тела мертвецов на части, и друмлины, захлебываясь собственной бессильной яростью, напрасно пытались их остановить — они лишь ломали зубы о каменные тела воинов, восставших из древних гробниц.

Окрылённые таким внезапным поворотом событий, Антон, Слава, Сеня и Алексис, собравшись с силами, ринулись в новую атаку, вслед за дварфами. Таня и Бирюк собрали и повели за собою всех остальных, кто ещё мог держать оружие.

Каменная армия вдохнула в держащих оборону воинов Нифльхейма новые силы, они собрались воедино для последнего, решающего рывка, пытаясь окончательно выбить захватчиков из замка. Всё смешалось: Авалон, друмлины, зомби, горгульи, дварфы каменные и живые…

Тёмная орда, отступая и неся страшные потери, теснимая со всех краёв, выплеснулась через подвесной мост обратно в долину — всего за какой-то жалкий час они умудрились потерять почти половину из своего несметного воинства, не нанеся при этом почти никакого урона каменным истуканам: они попросту оказались бессильны перед ними, однако сдаваться явно не рассчитывали. Грозная битва с новой силой разгорелась на мосту и гранитном крыльце Нифльхейма.

— Скорее, скорее! — торопил всех Антон. — Нам нужно помочь тем, кто зажат у озера! Нужно прорвать оцепление, иначе будет слишком поздно!

Каменные дварфы будто услышали его: мгновенно перестраиваясь, они перебросили основные атакующие отряды на левый фланг, рубя и кромсая там врага с особенным ожесточением. Расчистив перед собой дорогу, воинство Нифльхейма огромным клином начало растягиваться по Карнимирии, стремясь прийти на помочь своим соратникам.

А там, у самого берега, остатки дварфов из последних сил сдерживали натиск беснующихся толп темных тварей, окруживших их со всех сторон, как прилив окружает скалу, и во главе этого чёрного полчища стоял Огненный Князь, и уж он-то

отступать не собирался…

* * *

Яростнее всех сражалась Пончик, и неистовый медвежий рёв, эхом разносясь по побережью, оглушал врагов. Своими огромными мохнатыми лапами медведица расшвыривала мертвецов целыми горстями, ломая их, как стылые осенние ветра ломают сухие стебли болотных камышей. Марионеткам Огненного Князя было приказано любой ценой убить могучего зверя, потому что Евгений прекрасно понимал и то, какой это сильный противник, и то, насколько её смерть повлияет на исход всего боя. Но зомби пока не могли причинить ей заметного вреда, а друмлины скорее бросались в рассыпную, как только Пончик разворачивалась к ним, чем пытались её атаковать.

Сам же Евгений, преисполненный гневом, начал поторапливаться, видя, что его войска тают быстрее, чем белые снега в солнечный день на вершинах Зеркальных гор. Ему нужно было завершить начатое прежде, чем два воинства его недругов вновь объединятся, чтобы упрочить свои силы и, возможно, нанести ему сокрушительный удар. Медлить больше было нельзя…

Мария стояла посреди убитых, сплошным жутким ковром покрывавшим всё поле боя. Запах самой смерти витал в воздухе, и слёзы ослепляли её. Словно в тумане видела она, как Тёмное воинство, отхлынув от побережья, в спешном порядке перестраивает ряды, выдвигая вперёд пехоту и пряча назад лучников, чтобы принять бой от наступающей на них Каменной армии дварфов. Зомби, точно ежи, ощетинились острыми копьями во все стороны, пытаясь не дать дварфам пробиться друг к другу. А поднимающийся слепящий диск солнца всё сильнее сверкал на доспехах, играл золотыми бликами на глади озёрной воды, на светлых локонах Марии.

Какая-то одна особенно яркая вспышка слева заставила Малиновскую повернуть голову. Из-за слёз она плохо видела, что именно случилось, и, протерев глаза и размазав руками по лицу грязь и копоть, она снова вгляделась, пытаясь понять, что происходит. Примерно метрах в двадцати от неё на земле лежала Настасья — она не шевелилась, и вообще не подавала никаких признаков жизни. Маша хотела закричать, но вместо этого из горла вырвались только какие-то хрипы. Нет, это уже слишком! Ведь Настя только что сражалась — она видела сама! Или не видела? Сколько времени прошло с тех пор, пока она оплакивала

Сильфиду? Ещё одну смерть ей просто не перенести!

Малиновская что есть мочи бросилась к подруге, не замечая ничего вокруг, и в её голове крутилась только одна страшная картинка: прежде, чем ей удается добежать, тело Насти рассыпается на стеклянные осколки. Как она поняла только что, Бессмертный, умирая, превращается в воплощение собственной магии…

Маша подбежала к Настасье и, нагнувшись, начала поспешно трясти её за плечо. Настя слабо застонала, перевалившись на спину, но подняться на ноги не могла. «Слава богу, она хотя бы жива!» — подумала Малиновская, — «Похоже, она в полуобмороке».

Маша принялась лихорадочно соображать, каким образом следует действовать дальше, но тут почувствовала это. Холодный, пронзительный взгляд словно выжигал её спину. Она очень медленно выпрямилась, выдохнула, а затем развернулась и вздрогнула. Неподалеку от неё стоял Евгений. Наверное, Пончик смогла бы одолеть расстояние между ними за пару прыжков.

Женя пока что просто замер, не принимая никаких видимых попыток к нападению и как-то странно, даже немного отстранённо глядел на неё, будто размышляя о чём-то своём. Маша не знала, чего сейчас можно от него ожидать и не понимала, почему он медлит, не атакуя.

Новое неистовое сражение разгорелось совсем рядом с ними — это Каменные дварфы, сломив последние преграды, сшиблись в яростной схватке с мертвецами и друмлинами, пытаясь пробиться к озеру. Крики, вой, и лязг металла напирали, оглушая непрекращающейся громоподобной кавалькадой. Разрубив узкий перешеек, две армии Нифльхейма наконец начали сливаться воедино, наступая по всем фронтам, рубя и кромсая монстров в запале неистового праведного гнева.

А Огненный Князь всё медлил, продолжая разглядывать Марию и лежащую у её ног Настасью. Малиновская не могла догадаться, что её появление стало для Евгения некоторой неожиданностью: он отчего-то полагал, будто никого из Авалона здесь больше не обнаружится, будто все они сражаются там, в замке, и все препятствия для него устранены…

Наконец выражение его лица как-то неуловимо изменилось, в нём проступило что-то угловатое, жуткое, как будто кости черепа вдруг проступили сквозь бледную кожу, и Евгений, сделав пару шагов вперёд, произнёс:

— Прочь с дороги, Зелёная Ведьма! Она принадлежит только мне! — он кивнул на распростёртое на земле тело Настасьи.

— Как бы не так! — процедила Малиновская сквозь зубы. —

Пока я — жива, ты не получишь её!

Мария не собиралась отступать. Чёрное отчаяние охватило её, и в искажённом зеркале лиха привиделось ей крушение Авалона и полная гибель Светлых Сил. Раз уж не суждено вернуться домой — решила она — по крайней мере, я выполню последний наказ Сильфиды.

— Что ж, ты сделала свой выбор, — тихо и угрожающе проговорил Евген. Он лениво пошевелил пальцами, и в его руке, рассыпая искры, засверкала кислотно-красная магическая сфера. Он даже не собирался творить какие-то особенно эффектные огненные чары — это ни к чему, победа всё равно останется за ним — в этом нет никаких сомнений. Точно таким же способом он только что одолел Флавиуса. Вопрос лишь в том, насколько хватит сил у Марии. Впрочем, лучше завершить всё побыстрее — пока не подоспели остальные. И тогда он атаковал…

Вспышки магии Огня и Растений заметались между Малиновской и Евгением: зеленый и красный цвета, сталкиваясь друг с другом, рассыпались на зарницы и сполохи. Воздух между ними затрещал, зарябил, нагреваемый от соприкосновения с их могущественными чарами. На каждую новую огненную сферу Маша выпускала зелёный щит, нейтрализуя её, и пылающие шары с громом и треском лопались, оставляя после себя растягивающиеся дымовые шлейфы.

— Неужто ты возомнила, будто одолеешь меня? — крикнул ей Евген, смеясь. — Меня — Великого Огненного Князя?

Удары сыпались на Марию один за другим, и она понимала, что рано или поздно пропустит какой-то из них. Натиск Евгения становился всё сильнее, на создание зелёной защиты уходило всё больше и больше сил. Внезапно один из особенно мощных огней вспыхнул перед самым её лицом, опалил брови, обжег кожу на лбу и щеках. Маша, оступившись, упала на спину, перед глазами все поплыло, становясь сначала нечетким, а потом и вовсе каким-то серым. Мир стремительно угасал.

Евгений с безумным лицом занёс руку с пылающей огненной сферой для последнего, решающего удара. И тут…

Медвежий рёв заполонил собой всё вокруг. Между двумя Бессмертными возникла грозная, пышущая яростью медведица. В этот страшный миг Пончик пришла на помощь, защищая свою хозяйку. Она оглушительно зарычала Евгену в лицо, но тот, не устрашившись, изо всех сил метнул в неё свою огненную магию. Медведица отпрянула в сторону, и огонь черканул её по бурому боку, выжигая шерсть. Она взревела, и, бросившись на Евгения, взмахнула своей огромной лапой.

Женя отскочил, но всё равно оказался в зоне её досягаемости:

острые, как бритва, медвежьи когти настигли его, полоснув по левой щеке, распарывая кожу.

Ужас. Боль. Вопль. Всё вокруг мгновенно залила алая кровь. Евгений упал на колени, прижимая ладони к окровавленному лицу, пытаясь закрыть рану. Чёртов зверь! Он так и знал, так и знал! Нужно было умертвить мерзкое животное прежде всех остальных! Женя громко закричал, призывая к себе своих слуг, и тотчас две огромные горгульи, подлетев, схватили его под руки и единым рывком подняли высоко в воздух. Дождь из капель крови оросил всё вокруг. Земля начала стремительно отдаляться, и Огненный Князь с высоты видел, как, теснимое со всех сторон, отступает в беспорядке его Тёмное воинство, как Мёртвая Армия рассыпается в прах под ударами безжалостных дварфовских секир, как друмлины и горгульи, лишенные предводителя, разбегаются, разлетаются кто куда, во всех направлениях, и как превращаются в мелкие точки лежащие на земле Настасья и Мария, и грозный зверь, защищая их, не даёт никому к ним приблизиться…

Сильные серо-пепельные горгульи несли его прочь, всё дальше и дальше, и тогда Евгений последним усилием воли, пока сознание ещё не угасло, пока он ещё может хоть что-то видеть, собрал воедино всю свою ненависть и всю свою мощь, и, создав огненный оранжево-красный сполох, метнул его с высоты в Настасью. Последнее, что он видел, прежде чем глаза застила пелена — это как сотворенная им магия, низвергнувшись с небес, практически настигла девчонку, но Пончик, узрев опасность, прыгнула вперед, закрывая собой и Настасью, и Марию. Страшная магия ударила по Медведице, и та, громко вскрикнув, — совсем как человек, — упала на прибрежный песок — мёртвая…

Тогда несколько уцелевших зомби, что находились поблизости, бросились к Пончику, чтобы острыми пиками изрубить её тело на куски, но тут воды Великого Озера восстали в гневе на тёмных тварей, и огромные, пенные, клокочущие волны, ринувшись прямо на песчаный берег, отшвырнули мёртвых далеко назад, не давая подступиться к ней. Когда же беснующийся поток с шумом отхлынул обратно, берег оказался пуст — воды Великого Озера, не дав свершиться осквернению, приняли в себя тело Великой Медведицы…

Глава 19. Пепел победы

Поднявшееся над долиной яркое солнце, приблизившись к своему зениту, осветило бурое дымящееся пепелище, раскинувшееся пред Нифльхеймом. Некогда прекрасная и зеленая долина была выжжена дотла, и при свете дня всё выглядело ещё более уныло и печально, нежели ночью.

Великая и неисчислимая Тёмная армия Огненного Князя оказалась разбита и рассеяна по свету: его войско истаяло, развеялось, будто летящий по ветру песок. Грозные мёртвые воины были уничтожены все до единого. Никто из них не уцелел и не вернулся назад в Солнечные пустоши, место своего упокоения, дабы после тревожить этот мир. Друмлины, павшие духом, не пожелали более сражаться — их спасшиеся остатки трусливо разбежались в разные стороны: смелость покинула их, как и хозяин, которому они подчинялись, и чёрными тенями лесные монстры растаяли в дыму догорающих пожаров. Горгульи же, воспользовавшись преимуществом собственных крыл, разлетелись заметно поредевшими стаями, вернувшись туда, откуда пришли — в теснины мрачных гор, скалистых утесов и ущелий посреди непроходимых лесов и чащоб.

Народ дварфов, однако, тоже понёс ужасные потери, и едва ли треть из них осталась в живых, чтобы после счастливо возвратиться в родные дома. Много позже сами дварфы прозвали этот бой Наудур-ин-Фарот, что значит «Битва Бегущего Огня», как напоминание о том, с чего началась эта война, и как ярые огненные потоки, ринувшись с холмов в Карнимирию, уничтожили всё на своём пути.

Настасья очнулась и с трудом открыла глаза. Сначала все вокруг казалось ей каким-то странным, расплывшимся и туманным, но постепенно реальность начала обретать краски и формы. Голова кружилась, к тому же сильно саднил правый висок. Настя попыталась вздохнуть, но это удалось ей с преогромным трудом: во-первых, оттого, что она тут же набрала полные легкие едкой, удушливой пыли и закашлялась, а во-вторых — поперёк её груди лежало что-то тяжелое и неповоротливое.

Настасья приподнялась на локтях, пытаясь оглядеться, и тут то, что распласталось на ней, тоже неожиданно завозилось: перед лицом вдруг возникла заплаканная физиономия Малиновской.

— Ты — жива! — воскликнула Машка, и попыталась улыбнуться. — И я… жива… чудо… — она заботливо провела ладонью по Настиной щеке, очищая её от копоти и грязи.

— Ага, — рассеянно согласилась Настасья, одновременно пытаясь восстановить в голове картину событий. — Что произошло? Битва закончилась? — она вгляделась в Машино лицо. — Боже, что с тобой? Ты вся красная! И кожа вот здесь содрана, — она указала на подбородок.

— Обожглась, — неопределенно ответила Малиновская. Ей почему-то не хотелось говорить о том, что эти увечья нанес ей Евгений, когда пытался её убить. Об этом даже вспоминать было страшно; ещё страшнее было представить, что всё это происходило с ней на самом деле. Мария и сама толком не осознавала, по какой причине не хочет сообщать о случившемся подруге.

Настя прищурилась от слепящих солнечных лучей. Кажется, она только сейчас поняла, что к чему. Тысячи мыслей, тысячи вопросов столпились в голове. Она попыталась выделить один — наиболее главный — и, наконец, спросила: — Женя. Где он? — в её голосе прозвучали нотки страха, и она огляделась по сторонам, чтобы удостовериться, что его нет рядом.

— Понятия не имею, — Маша провела рукой по лбу и поморщилась от боли. — Кажется, его горгульи утащили. Это последнее, что я помню. Или не помню? Может быть, мне всё привиделось?

Настасья хотела спросить о чём-то ещё, но не успела: в этот миг к ним подбежал Антон, а чуть погодя — Слава, Сеня и Таня с Бирюком. Когда две армии дварфов ценой невероятных усилий объединились в одну, друзьям наконец-то удалось пробиться друг к другу. Радостной и долгожданной была встреча на поле былой битвы, ибо каждый думал, что им не свидеться более, ведь вся мощь Тёмных Сил разделяла их.

Антон плюхнулся на колени и обнял Машу и Настасью. Машка снова заплакала. Бирюк тоже осторожно опустился рядом с нею и начал выпускать из кончиков пальцев струйки прохладного воздуха ей на лицо, чтобы немного успокоить обожженную кожу. Против слёз это также слегка помогло. Таня гладила Настасью по плечу. Слава и Сеня просто стояли рядом, не зная, что можно сказать или сделать. Семён снова тёр неприятную повязку на своей руке.

Так они и застыли, кто и где стоял или сидел — и долгое время ничего не происходило. Казалось, в этот удивительный миг все вокруг замерло вместе с ними, словно ничто не случилось и не могло случиться. Где-то в отдалении ещё продолжались отдельные локальные бои, — каменные дварфы уничтожали последних огрызающихся друмлинов и горгулий, — но в целом Битва Бегущего Огня была завершена.

Наконец Слава, будто выходя из оцепенения, произнёс:

— Вы все это видели? Медведица погибла, закрыв их собой! — в его голосе сейчас звучало нечто большее, чем потрясение. — Невероятно! И жутко…

— Жутко оттого, что всё могло закончиться много хуже, — сказал Семён.

— Это ты сделал? — спросила Малиновская у Антона, внимательно глядя на него, словно все ещё не верила, что они снова могут просто говорить друг с другом без смертельной опасности, угрожающей им со всех сторон.

— Что? — не понял Антон.

— Ну… — Маша замялась. — Вода хлынула на нас из Озера, и мёртвые не смогли приблизиться, а потом…

— Волны унесли Медведицу, — закончил за неё громоподобный голос. Это подошёл Алексис. Доспех его был сильно покорежен, а часть амуниции просто отсутствовала — её сбили враги в пылу сражения; но в целом он не получил сколь-нибудь значительных увечий — видимо, повлияло хорошее знание тактики и постоянные тренировки.

— Нет, это сделал не я. — ответил Антон. — Это Великое Озеро… оно… само…

— Значит, Медведицы больше нет? — спросил Бирюк.

Мария лишь покачала головой. Что-либо сказать она была просто не в состоянии — озвучить гибель её любимицы казалось выше собственных сил. Признать это вслух значило бы дважды пережить сам факт её смерти.

— Казалось, Пончик будет с нами всегда, и вот её нет, — печально вымолвила Татьяна. — Она была частью этого мира. Частью нас самих. Я так полюбила её…

— Не ты одна, — ответил Бирюк, и странно было видеть следы слез на его мужественном лице.

— Все остальные в порядке? — поинтересовался Алексис, оглядывая друзей.

— Флавиус тоже погиб, — подала голос Настасья, поднимаясь с земли. — Он вступил в поединок с Евгением, пытаясь остановить его. Они долго сражались, пока… — она не смогла договорить.

— Как и Сильфида, — громким шёпотом произнесла Малиновская, как будто это могло умерить её боль. — Она спасла меня ценой собственной жизни. Закрыла собой. И пущенное чёрное копье, предназначенное мне, вонзилось в неё… — Маша снова заплакала.

— Они все отдали свои жизни ради нас, — сказал Антон, рассеянно глядя в пустоту, — чтобы мы могли жить…

дальше… — он обнял Настю, и та, заревев, уткнулась ему в плечо. Мария, вставая, обняла их обоих, не произнеся больше ни слова. Татьяна, Вова, Слава и Сеня подошли ближе, тоже обнимая друзей, создавая своеобразный кокон из тел и рук. Последним в свои огромные объятия заключил их всех Алексис. Наверное, в этот миг, если посмотреть сверху, они были похожи на один большой распускающийся бутон пестрой розы. И каждый из них — кто беззвучно, кто — в полный голос — зарыдал, оплакивая погибших друзей, которые никогда больше к ним не вернутся…

* * *

Евгений очнулся от лёгкого толчка о землю. Он приоткрыл глаза: белые безмятежные облака длинной полосой медленно проплывали над его головою, зажатые с двух сторон огромными каменными кромками ущелья. В вышине, похожие на гигантских летучих мышей, кружили несколько десятков горгулий.

Очевидно, пока крылатые прислужники несли его по воздуху, он потерял сознание, а теперь вот снова пришёл в себя. В глазах было мутно, и очень хотелось пить. Женя с трудом перекатился набок, переваливаясь на плечо. Несколько сидящих подле него горгулий с жалобными криками отпрянули в стороны, не улетая, впрочем, далеко. Они в беспорядке толпились вокруг своего хозяина, не зная, чем можно ему помочь.

Женя почувствовал, что лежит на каком-то песке и камнях, а рядом шумит и плещется вода. Он попытался приподняться, — но сил не было совершенно. Тогда он просто пополз вперёд, еле-еле добрался до кромки воды и, полной горстью зачерпнув холодную влагу, начал жадно пить. За ним по песку тянулся жуткий кровавый след. Пока он лежал, кровь из раны текла достаточно медленно, но от его движения заструилась с новой силой. Нужно было что-то делать, что-то предпринять — срочно.

Евген зашипел от боли, напрягся и всё-таки сел. Огляделся. Он находился на песчаном островке, а вокруг со всех сторон, зажатая в отвесные, осыпающиеся известняковые склоны ущелья, текла какая-то река. Ступенчатые террасы с многочисленными уступами и пещерами были полны толпящимися на них горгульями. Посреди каменных уступов виднелись наваленные во множестве ветки, неаккуратно сцепленные и перемазанные глиной — очевидно, это были их гнёзда. Откуда-то сверху, ко дну ущелья, тянулись бесконечные лианы, плющи и вьюнки. Рваным зеленым ковром они спускались к самому руслу реки. Видимо, горгульи, спасая его, притащили Евгения в место своего

гнездования, однако здесь не было ничего, чем он мог бы помочь себе в обычном мире: не было ни бинтов, ни обезболивающего, ни перекиси водорода — чтобы хоть как-то остановить кровь. Если же в рану попала инфекция, начнётся заражение… Нет, об этом сейчас лучше не думать.

В висках застучало с новой силой, потом сознание ухнуло куда-то вниз, на глаза стремительно начала наползать сероватая дымка. Женя осторожно прикоснулся рукой к поврежденной щеке и тут же отдернул её — было невыносимо больно, — а потом посмотрел на ладонь — она вся окрасилась алой кровью. Если ничего не предпринять — подумалось ему — он попросту умрёт от потери крови.

Безумная мысль пришла ему в голову. Решиться было страшно, но другого выхода он не видел. Спустя несколько минут, самое большее час, он окончательно потеряет сознание и никогда больше не вернётся в этот бренный мир. А в этом странном месте нет никого, кроме никчемных горгулий, которые ничем не смогут ему помочь. Только он сам.

Переполняемый яростью и безысходностью, он набрал полную горсть камней и, зарычав, с силой швырнул их в горгулий. Те, вопя, разлетелись в разные стороны, чтобы тут же приземлиться опять. Бестии испуганно смотрели на него, вращая глазами и не понимая, почему он гонит их прочь.

От этого малейшего усилия кровь из щеки заструилась с новой силой. Собрав воедино всю могучую волю, Евген сгенерировал огненную магию, раскаляя свою руку, пока от неё не пошёл нестерпимый жар. Светящаяся алым ладонь стала больше напоминать пышущий накалённый металл, только что извлеченный из печи. Оставалось только одно — прижечь рану. Тогда кровь остановится, и он — наверное — останется жив. Если не умрет от болевого шока. Должно быть, это изуродует лицо, — но сейчас выбирать не приходится: иначе он умрёт.

Главное все сделать быстро. Пока ещё есть решительность. Пока не покинула смелость. Ещё какое-то мгновение Женя смотрел на свою раскалённую ладонь, будто любуясь ею, а затем единым быстрым движением прижал её к щеке.

Сознание взорвалось ослепляющей, нечеловеческой болью. Прежде чем разум и реальность покинули его, он ещё услышал — как будто со стороны — собственный чудовищный крик. Сотни горгулий, потревоженные, взвились в воздух, заметавшись по ущелью… и всё исчезло.

Много позже дварфы прозвали это место Нан-Гирит, что дословно с их языка означало «Страшное Эхо», ибо с тех самых пор, как Огненный Князь постиг здесь пределы самой Смерти,

любой громкий звук в этом краю пробуждал тот ужасающий крик — отзвуки этого крика навсегда поселились в нём, и всё ущелье до самых небес полнилось эхом его боли и яростной муки.

* * *

Великое сражение под стенами Нифльхейма, Наудур-ин-Фарот, Битва Бегущего Огня, завершилось. Пришло время скорби, горестных воспоминаний и оплакивания погибших. Но прежде, чем что-либо закончить, необходимо завершить в свое время начатое, и потому Каменная Армия дварфов во главе с великим Королём своего древнего народа — Ивонном, выстроилась в долине пред Авалоном, снова собравшись воедино в свои стройные, хотя и заметно поредевшие дружины — горнило войны не пощадило даже этих несокрушимых терракотовых воинов.

Вперёд прошествовал сам Ивонн, и, низко поклонившись каждому из Авалона, молвил так:

— Славный был бой, друзья мои — ибо отныне я буду называть вас так, потому что истинная дружба проверяется лишь в истинном бою, — могучий голос дварфа, разлетаясь над полем, звучал звонко, как бегущий ручей, и в то же время могуче, будто большие валуны перекатываются в горной реке. — Многое оказалось потерянным, и многому предстоит родиться заново. Так пусть же из праха и пепла воскреснет и воссияет прекрасный Новый Мир. Слишком ценными и невосполнимыми жизнями пожертвовали сегодня мы, чтобы после это оказалось неправдой. Я верю в то, что наша надежда не угаснет и не обманет нас…

Тогда от Авалона вперёд вышел Владимир: ведь именно он в час нужды призвал на помощь каменных стражей Нифльхейма — ему их было и отпускать.

— Благодарю тебя, Ивонн! — торжественно произнёс он. — Если бы не ты, и доблесть и отвага твоих славных воинов — страшно даже представить, что ждало бы нас всех. Не будем об этом говорить, чтобы не тревожить сердца воспоминаниями о Тьме. Ни я, ни мои друзья никогда не забудем того, что ты сделал для нас. Истинный подвиг всегда остаётся подвигом. Если ты чего-нибудь пожелаешь, любой из Авалона постарается исполнить твою просьбу — какой бы она ни была.

— Спасибо, Достойнейший! — изрёк Король. — Но сейчас я желаю только одного: поскорее возвратиться домой, в свои подгорные залы, где я и моя каменная дружина смогут отдохнуть в тишине и величии вечности, где ничто не потревожит наш покой. Это был славный бой, — повторил он снова, а затем слегка

кивнул головой и прикрыл глаза, как бы прощаясь и говоря о том, что беседа завершена.

Тогда Авалон склонил головы ему в ответ, и Ивонн, возвышенно и величественно, зашагал прочь, обратно в свою обитель в самом сердце Зеркальных гор, а за ним следом устремилась вся Великая Каменная Армия дварфов.

Друзья стояли и смотрели, как отряды могучих воинов один за другим входят обратно в Нифльхейм, который всё ещё продолжал дымить на фоне синего неба и горных вершин, и скрываются из глаз обитателей наземного мира, дабы вернуться и уснуть долгим сном в своих бесконечных темных мраморных гробницах, ожидая до срока, чтобы когда-нибудь, возможно, снова прийти на помощь, если наступит новый день для битвы с Врагом.

Авалон постепенно разбрёлся по полю боя, и никто не знал, что теперь делать дальше и как поступить. Мария же все ещё стояла, печально глядя вослед уходящему в горы огромному войску, и боль и скорбь в равной мере овладели её сердцем.

Неожиданно она почувствовала, как кто-то тихо и осторожно трогает её за коленку. Маша опустила глаза и увидела Монфрода — тот был ранен в ногу, а на лице его зияли несколько кровоточащих шрамов.

— Вы живы, моя Госпожа! — произнёс дварф. — Большей радости и быть не может! Я всегда говорил остальным: Миррен Лилит — самая смелая из Бессмертных! Она будет сражаться — и победит. Я знал это!

Малиновская опустилась на колени, обняла Монфрода и сказала:

— Благодарю тебя, мой маленький друг, за то, что верил в меня. Наверное, только потому мне и достало сил победить. Знаешь, порою мне кажется, что Вера — это единственное, что нам нужно. Остальное лишь пыль… — она умолкла, глядя на клубящиеся в дыму замковые башни, а потом тихо добавила: — О, Монфрод, как же нам теперь жить дальше?

Мария поднялась с колен и, слегка проведя рукою по плечу дварфа, медленно побрела прочь. Она не ведала, куда идёт, и не знала, куда хотела идти — в этот миг казалось ей, что она уже испила до дна чашу скорби, налитую для неё в тот черный день. Но это было не так…

Она шла достаточно долго сквозь дым и туман, не останавливаясь, — никто не окликал её — и тут вдруг поняла, что уже давно должна была подойти хотя бы к границе Кленового леса, ведь долина и пологий подъём кончились. Маша пыталась отыскать знакомые деревья, но под ногами были только пепел и

зола.

Когда же удушливые облака гари рассеялись, гонимые равнодушными ветрами, она огляделась вокруг, и горькие слёзы снова полились из её глаз: Кленового леса более не существовало. Всё было выжжено дотла, и на месте прекрасных зеленых рощ и изумрудных полян топорщились лишь вывороченные корнями наружу обгорелые, обугленные пни. Прекрасные волшебные деревья погибли в пламени, и голоса их умолкли навек.

Тогда Маша побежала туда, где, как казалось ей, должен был расти Старый Клён, но не смогла найти ни этого места, ни даже Дороги, — как наиболее верного ориентира: все потонуло в черноте и забвении. Тогда она упала на колени и горько зарыдала, скребя руками пепел и шлак, выкликая по именам своих древесных друзей, которых она помнила — всех до единого — и беседовала с ними когда-то, но ответом ей был только собственный голос. И в отчаянии казалось ей, что Тьма и Огонь навсегда поглотили всё то светлое и прекрасное, что она знала и любила…

* * *

Лишь к вечеру вторника старым друзьям наконец-таки удалось вернуться обратно домой, в свой мир. Всё прошедшее после боя время пришлось лечить раненых и хоронить погибших. Конечно, необходимо было оставаться в Нифльхейме как можно дольше, ибо каждому требовалась помощь и поддержка Авалона, но дома их ждали наверняка обеспокоенные столь долгим отсутствием родители и ещё целая куча дел, хотя всё это теперь — после всего пережитого — казалось не столь существенным, как раньше.

Дварфы, собрав на поле брани всех павших воинов, замуровали своих погибших собратьев в могучих и прекрасных белых гробницах, укрытых в отрогах Зеркальных гор, как то было у них в обычае, чтобы ни люди, ни время более не тревожили умерших и не нарушали вечный покой их отважных душ. Эти бесстрашные воины отправились в своё последнее путешествие, окруженные небывалым почётом, сложив головы в величайшей из битв своего времени.

Тела убитых друмлинов, горгулий и зомби сложили в один огромный курган, подальше от человеческих глаз, на восточных берегах Великого Озера. Страшным чёрным холмом возвышалось то место, и дварфы не дали ему ни имён, ни названий, ибо слишком горестные воспоминания обо всём случившемся

навсегда остались в памяти Малого народа. Даже много поколений спустя, когда всё собранное обратилось в прах и тлен, на том месте не проросло ни единого куста и ни единой травинки. Оно оставалось чёрным и безжизненным, словно огненная злоба навеки поселилась в том краю, не желая затягивать старую рану и порождать новую жизнь.

А пока что искусные лекари народа дварфов принялись лечить и врачевать ушибы, ссадины, порезы и ранения, используя свои чудные, но невероятно действенные секреты целительства, известные лишь им. Они помогали лучше любых человеческих таблеток: люди обо всем этом либо никогда не знали, либо уже давно позабыли.

Дварфы-врачеватели за пару дней быстро поставили на ноги весь Авалон, исцелив их не только телесно, но и духовно: из памяти будто ушли все самые страшные воспоминания о войне, и боль от потерь притупилась, превратившись из горестной скорби в светлую печаль. Лишь два ранения беспокоили всех более остальных: рука Семёна никак не хотела заживать — рана от стрелы была слишком серьезной, хотя дварфы, надо признать, сделали всё, что могли. Кровь, несмотря на повязки, часто начинала струиться снова, и лекари предположили, что наконечник стрелы мог быть отравлен, однако определить точное наличие или отсутствие яда в ране они не сумели. Позже Сене всё-таки пришлось обратиться в травмпункт, соврав, что напоролся на арматуру. И его родители, и врач, видимо, поверили: вряд ли кто-либо из них мог догадаться, что послужило истинной причиной увечья.

Марии тем временем убирали с лица ожоги. Дварфы прикладывали к коже самые разнообразные примочки и пропитанные успокаивающими травяными отварами бинты, но так как ранение было магическим, оно очень плохо поддавалось лечению. К вечеру уходящего дня, когда Маше в любом случае нужно было вместе с друзьями возвращаться домой, кожа всё-таки приняла более-менее сносный вид и уже не казалась такой красной и воспалённой. Правда, лицо выглядело заметно отекшим — такой уж получился побочный эффект от лечения.

Возвращаться в обычный мир было очень странно и непривычно. Все, о чем не успели распорядиться, оставили на усмотрение Алексиса — в отсутствии Авалона руководить восстановительными работами должен был он. Друзьям понадобится долгий отдых, но, тем не менее, они собирались вернуться в Нифльхейм как можно скорее — как только восстановят собственные силы. Уже пройдя через Портал (который им удалось отыскать с большим трудом), Малиновской

всё ещё казалось, что на неё из кустов вот-вот выскочит клыкастый друмлин или набросится какая-нибудь сумасшедшая горгулья. Только увидев вдали такие родные и знакомые огни московских окон, от сердца немного отлегло.

Когда друзья разбрелись-таки по своим квартирам, всем, кто жил с родителями, естественно, влетело по первое число. Ещё на подходе к дому Машин телефон ожил, а потом она получила пугающее смс: «Абонент „Мама“ звонил вам 38 раз». Конечно, ведь она обещала ей, что вернётся вечером следующего дня! Теперь неизвестно, чего бояться больше — пережитого или того, что ей только предстоит пережить.

Ольга Александровна то кричала, то плакала, потом снова кричала и снова плакала. Маше в тот вечер пришлось выслушать очень многое в свой адрес, но общий смысл был таков: дочь загуляла, испортилась и совсем отбилась от рук. Она недисциплинированная и безответственная. У Малиновской в ушах ещё долго стояли мамины вопли: «Вот был бы жив отец, он бы тебе такого не позволил!». Когда мама, в довершение ко всему, разглядела её опухшее и отекшее лицо, она твердо уверовала в то, что её дочь явно злоупотребляет спиртным в непозволительных количествах, если ничем похуже. К счастью, она и в страшном сне не могла предположить, каким было лицо её любимого ребёнка всего пару дней назад!

На этом, вроде бы, можно было и закончить нудные профилактические беседы, но Маша, жутко уставшая, опустошенная и утомленная бесконечными допросами на тему «где ты была всё это время?», с дуру брякнула: «Спасала мир!», отчего Ольга Александровна окончательно рассвирепела и запретила дочери на целую неделю покидать дом, за исключением поездок в институт.

— Я лично позвоню твоему декану и спрошу, так ли уж хорошо ты закрыла прошедшую сессию, как мне рассказывала! — слышался с кухни мамин голос ещё и час спустя. — Теперь я сильно в этом сомневаюсь!

Марии было абсолютно всё равно. В самой глубине души она была даже немного рада запрету покидать родной дом: после всего пережитого не хотелось ни гулять, ни общаться, а уж такие мелочи, как пропущенные пары и несданные зачёты казались просто-напросто не стоящей внимания ерундой.

Малиновская сидела у окна в своей комнате, крепко сжимая в руках кружку горячего чая, и думала, думала, думала… Она могла быть загрызенной огромным друмлином; могла погибнуть от лап ужасных горгулий; её мог проткнуть любой из мертвецов своей острой пикой, застелить из арбалета или бог знает что ещё;

в конце концов (об этом даже страшно было вспоминать) Маша чуть не сгорела заживо от рук своего собственного бывшего друга! Так неужели же теперь она будет волноваться из-за всяких мелочей? О чем вообще можно переживать в мире, где у тебя есть еда, теплая и сухая постель, надежная крыша над головой, а твоей жизни ничто не угрожает? Какой же всё-таки я была глупой…

Маша прислонилась лбом к холодному стеклу, и, усмехнувшись самой себе, тихо смотрела, как кружат за окном маленькие снежинки, падая и пропадая в полузамерзших мутноватых лужах…

* * *

На календаре стояло двадцать шестое марта. С момента битвы пролетело чуть менее двух недель, и в наступивший пятничный вечер Авалон — впервые полным составом после всего приключившегося — собрался у Антона дома, чтобы обсудить всё то, что произошло, а также то, чему только предстоит случиться.

Какие бы потрясения ни происходили вокруг, в его маленькой и уютной квартире на шестом этаже всё оставалось по-прежнему: чистота и идеальный порядок. Для самого Антона это было некоей приятной особенностью — знать, что где-то в мире имеется место, где ничто не может и не должно измениться. Каждая вещь всегда находится на специально отведённом для неё пространстве. Например, старые книги, которые стояли на навесных полках ровно и аккуратно, будто солдаты в строю.

Когда все расселись (большей частью на полу), Антон принёс с кухни большую коробку с эклерами, политыми белым шоколадом, и друзья по очереди извлекали из неё вкусное лакомство, увлечённо жуя. Слава забрал себе сразу два эклера — так, на всякий случай.

— В замке начаты большие восстановительные работы, я забегал туда вчера вечером на пару часов, — с воодушевлением сообщил Антон, облокотившись на заваленный бумагами письменный стол — пожалуй, единственное место, вносящее диссонанс в его привычную цитадель правильности и порядка. — Разумеется, они не слишком скоро завершатся… учитывая масштаб разрушений. Но, думаю, всё будет хорошо. В крайнем случае, Алексис за всем присмотрит, — оптимистично закончил он.

— Ну, окна и стены, допустим, можно починить, — Маша, осторожно положив голову Насте на плечо, поджала губы, — а что же делать со всем тем, что непоправимо сломано, разрушено

или сожжено?

— Да уж, картины, статуи и мебель утеряны безвозвратно, — согласилась Таня. — Хорошо хоть, что мы удержали этих тварей, не дав им пробраться наверх — иначе бы весь Нифльхейм целиком испоганили!

— Зря мы только вставляли новые витражи! — сокрушался Антон. — Они все до единого побиты. Ни одного целого не осталось! Придётся всё начинать заново.

— Вещи — ерунда. Они не имеют значения. Слава богу, что всё это закончилось! — вздохнула Настя. — Меня до сих пор трясет, как только я начинаю вспоминать. И само сражение… и всё остальное… и, вы знаете — они приснились мне недавно, — Настасья начала задумчиво водить пальцем по полу, опустив глаза. Не было нужды уточнять, о ком она говорит. Тема Флавиуса и Сильфиды постоянно незримо присутствовала среди них, витала в окружающем воздухе, но они старались этого не озвучивать — боль от потери всё ещё была слишком свежа.

— Ты знаешь, а ведь и мне тоже. — Антон отложил надкусанный эклер в сторону и приуныл. — Они просто стоят передо мной и улыбаются. Ничего не говорят. Молчат и наблюдают. Как будто знают, что у нас всё получилось, и мы со всем справились.

— И Пончик… — начала Таня.

— Я вас прошу, давайте не будем сейчас об этом! — взмолилась Малиновская. — Я только-только начала успокаиваться, и тут все сначала. Я не вынесу этого!

— Хорошо, не будем, — миролюбиво согласилась Татьяна. — Но… раз уж мы начали… можно всего один вопрос? А то мы по отдельности-то это обсуждали, но вроде как сегодня все собрались…

— Давай, выкладывай. — Машка махнула рукой.

— Евгений. Что с ним в итоге стало?

Бирюк насторожился. Слава замер с набитым ртом, так и не успев дожевать. Сеня перестал облизывать свои пальцы, перепачканные сладким эклером. Все как-то спонтанно, не сговариваясь, одновременно посмотрели на Антона, и он понял, что ответить на этот вопрос придётся, видимо, ему.

— Никто в точности не знает, — наконец произнёс он после некоторой паузы. — Если уж непосредственные участники событий мало что запомнили, — Антон кивнул на Настю с Машей. — То что могу сказать вам я? Дварфы говорят, что Огненный Князь сгинул. Под этими словами много чего можно понимать…

— Ты хочешь сказать — он умер? Погиб? — уточнил Бирюк.

— Возможно, — уклончиво ответил Антон.

— Пончик нанесла ему страшный удар, — Маша поежилась, нехотя извлекая из памяти жуткие воспоминания. — Я думаю, он бы не выжил. Я просто хочу сказать, что… если я вдруг ошибаюсь… Я просто не представляю себе, как, каким образом он мог бы остаться жив. Горгульи унесли его, да, но он получил ужасные раны…

— Ладно, мы всё равно никак не сможем этого проверить, — сказал Бирюк. — Конечно, рано или поздно правда узнается — она ведь всегда узнаётся.

— Вы и вправду думаете, что это именно он был Воплощением Зла? — неожиданно спросила Настасья. — Это про него говорила Сильфида? Что он явится на Землю?

— У нас слишком много вопросов и ни одного ответа, который можно было бы дать наверняка, — Антон пристально посмотрел на неё. — Моё мнение: скорее да, чем нет. Ибо только истинное Зло способно развязать столь кровопролитную войну.

— Что же мы теперь будем делать дальше? — поинтересовался Сеня.

— Ждать и наблюдать. Если мы ошиблись, не разглядев тирана под собственным носом, — стыд нам и позор. Но может оказаться и так, что Главнейшей из Битв ещё только суждено случиться. Что-то подсказывает мне, наша история далеко не завершена. Поживём — увидим.

— Может быть, судьба ещё сведет нас снова с Огненным Князем… — тихо произнесла Настасья. — Как знать?

— Перестань его так называть! — Маша недовольно покосилась на подругу. — Этот титул он измыслил себе сам и, если хочешь знать моё мнение, то использовать его — всё равно что продолжать исполнять его безумные приказы.

— Ты знаешь, мне всё кажется, будто Женя и Огненный Князь — это два разных человека, — призналась Настасья. — Как-то не хочется верить, что тот ужасный монстр, испепеляющий всё на своём пути, на самом деле и есть он — тот весёлый, беззаботный, пусть и вечно чем-то недовольный парень… и друг… когда-то. И знаете что? Все самые светлые воспоминания об этом человеке я сохраню под его настоящим именем, чтобы не омрачать, не очернять в своей собственной памяти того, кто поначалу был просто Женькой, другом детства из нашего двора, а позже превратился в Огненного Князя, облекшись в личину тирана и узурпатора. Из всего, что случилось, для меня всегда будет самым омерзительным именно это — падение в чёрную бездну того, кого я так хорошо знала и любила. Потому что этому нет оправдания. И никогда не будет.

Друзья помолчали. Каждый задумался о чём-то своём. Потом Бирюк, чтобы немного разрядить обстановку, весело посмотрел на Антона и, прищурив один глаз, спросил:

— А ты у нас случайно не хочешь взять себе какой-нибудь титул?

— Например? — не понял Антон.

— Ну, не знаю… допустим… Принц Приливов?

Малиновская, услышав это, фыркнула так сильно, что выронила из рук эклер, и он покатился по полу, рассыпая повсюду вокруг себя кусочки шоколада. Все захохотали.

— Нет уж, — Антон затрясся от смеха, поскорее поставив чашку с чаем на стол, чтобы его не расплескать. — Спасибо, конечно, за столь высокую оценку моей деятельности, но, думаю, хватит с нас титулов и прозвищ. Как показывает практика, ни к чему хорошему это не приводит.

После того, как все понемногу успокоились, разговор зашёл о Каменной Армии дварфов, так кстати подоспевшей к ним на помощь, и ребята стали настойчиво требовать от Бирюка изложения полной истории со всеми подробностями — ведь никто ещё не слышал её целиком. Вове потребовалось не менее часа для досконального изложения фактов, прежде чем все до единого слушатели были удовлетворены. Потом беседа плавно перетекла на другие, более земные вещи: обсуждали институт, работу и прочие насущные проблемы. Нельзя же было бесконечно говорить про одно и то же…

Когда время стало приближаться к полуночи, друзья начали потихоньку расходиться по домам. Первыми, попрощавшись со всеми, ушли Слава и Семён. Уже спускаясь по лестнице (лифт, по обыкновению, не работал, застряв где-то между этажами), Сеня вдруг сказал другу:

— Знаешь, что я думаю? Антон в очередной раз окажется прав — мы ещё услышим о Евгене. Мне кажется, он возвратится. Я понятия не имею, каким образом, — но он это сделает. И тогда знаешь что?

— Что? — Слава немного испуганно посмотрел на него.

— Рано или поздно, но наступит тот день, когда Антону придётся встретиться с ним лицом к лицу! В случившейся битве — волею случая — им не довелось померяться силами. Им, если уж быть совсем честными, не удавалось этого никогда — даже на тренировках. Но так не может продолжаться до бесконечности. Когда наше воинство наконец подоспело на подмогу, горгульи уже успели унести Женю прочь. И ещё неизвестно, кому здесь повезло больше. Но однажды они сойдутся в решающей схватке… два величайших мага… хотел бы я на это посмотреть! — он

умолк, охваченный впечатлением от собственной речи, и какое-то время вокруг раздавался лишь топот их шагов, эхом отражающийся от стен. Потом Сеня бросил быстрый взгляд на Славика и спросил: — А что думаешь ты?

Слава усмехнулся и сказал: — Я думаю, что, честно говоря, эклеры были уж больно приторными!

— Ты неисправим! — Сеня засмеялся, слегка толкнув друга в бок. Потом он распахнул подъездную дверь, и они оба, улыбаясь до ушей, вышли на улицу.

Малиновская тоже почти собралась уходить, но, решив хоть немного помочь Антону с уборкой, понесла на кухню несколько опустевших чашек. Там было темно, и она старалась не упасть — главное было донести посуду в целости до кухонного стола. Войдя, поначалу Маша даже не заметила, что находится в помещении не одна. В свете луны она с удивлением для себя разглядела целующуюся парочку, слегка прикрывшуюся занавеской. Машка, видимо, прошмыгнула настолько тихо, что её даже не услышали. Совершенно уверенная в том, что это Таня и Бирюк, она не без ехидства кашлянула и заметила:

— Боже, вы, наверное, готовы лобызаться когда и где угодно. Вот придете к себе домой — так обмазывайтесь слюнями сколько хотите! — при этих словах она дотянулась до белого тумблера и включила свет, чтобы понять, наконец, в какой стороне стол.

То, что она увидела, повергло её в шок. От неожиданности Маша едва не уронила все чашки на пол: вместо Вовы с Таней перед нею стояли, жмурясь от яркого света, Настасья и Антон!

— Ой, выключи, пожалуйста! — недовольно проворчала Настя.

Антон ничего не сказал и выглядел несколько смущенным.

— Это… вы… как его… вы и вправду что ли? — Маша никак не могла сформулировать предложение.

— Ну, допустим, да, — ответила Настя несколько прокурорским тоном. — И что с того? С кем хочу — с тем и целуюсь. Я свободная девушка. А вообще нужно предупреждать о своем появлении заранее!

— Вот засранка! А ведь я всегда вас подозревала! — Малиновская поставила чашки на стол, потом ещё раз внимательно посмотрела на них и, словно старая бабушка, покачала головой и добавила: — А ещё отмазывалась! Меня не проведешь!

Потом она выключила свет, потопталась на месте и, немного ошарашенная, пошла обратно в комнату.

— Я знала! — бурчала Маша по дороге. — Я всегда это знала!

Настасья и Антон переглянулись и тихо засмеялись — всё

разрешилось само собой, и теперь нет необходимости ничего и ни от кого скрывать.

— Марусь! — окликнула Настасья подругу, пока та ещё не свернула из коридора в комнату.

Малиновская обернулась. Два так хорошо знакомых ей силуэта выделялись темными контурами на фоне окна, подсвечиваемые луной.

— Только ты не подумай ничего такого. Я сама поняла это лишь неделю назад. В смысле… — Настя вздохнула. — Я не врала. Ни Жене, ни тебе. Никогда. Я любила его. Честно. Когда-то… Но он всё уничтожил. Все, что между нами было. И стало так пусто внутри. И ему, — Настя с нежностью посмотрела на Антона, — удалось заполнить эту пустоту. Я знаю: когда ты сам — тонешь, очень сложно вытащить с собою ещё кого-то. Но лишь после битвы я по-настоящему поняла, насколько мне дорог этот человек. Смертельная опасность потерять его расставила в моей голове все по своим местам. Все паззлы вдруг сложились в единое целое, понимаешь?

— Мне-то чего объяснять? — дружелюбно проворчала Малиновская. — Нужно быть честным лишь перед собой. Остальное — не так уж и важно. Я ни в чём не обвиняю тебя и ни на что не сержусь. Я просто шокирована, честно говоря, но… я рада за вас. Правда.

Они какое-то время стояли, глядя друг на друга, а потом Настасья робко улыбнулась и, бросившись к ней, заключила подругу в свои крепкие объятия.

Уэн Винг — как прозвали их дварфы — Великие Сёстры. И ничто не способно разрушить величайшую из магий — магию Дружбы. Ни война, ни боль, ни даже любовь…

* * *

Когда ветреный апрель перевалил за середину, а ужасы и страхи прошедшей войны начали превращаться в воспоминания, преисполненные унынием и грустью, случилось так, что в душе Марии поселилась некая тревога и непокой, и стало казаться ей, будто должна она осуществить некий тайный замысел. Мысли об этом заполнили все её думы, и ничто не могло отвлечь её. Как будто нечто, давно хранившееся в памяти, вдруг поднялось из сокровенных глубин, требуя немедленного осуществления. Тогда она задумала великое Дело, и решила воплотить всё то, о чем видела лишь странные, неясные грёзы и сны, в хрупкое подобие реальности.

Маша явилась в Карнимирию в сопровождении нескольких друзей и, пока каждый из них занимался собственными делами, искала нужное Место. Лишь остановившись пред замковыми вратами, она поняла, что выбор сделан и больше нет нужды в поисках.

Тогда по её просьбе Вячеслав поднял из земли по обеим сторонам дороги, что вела в Нифльхейм, два высоких зелёных холма, и каждый, кто направлялся в замок, не мог не миновать их склонов, обязательно проходя между ними.

Мария же, встав между холмами и раскинув руки в стороны, собрала воедино все свои силы и все своё могущество, явив миру задуманное. Она воплотила в жизнь все величие, всю небывалую мощь Зелёной Магии, и на вершине каждой из возвышенностей проросли удивительные светящиеся и трепещущие на ветру зеленеющие ростки. С каждой минутой они возносились все выше и выше, пока не превратились в два Древа невиданной красоты. И в них Мария вложила всю свою любовь и скорбь, и Древа пронизаны были её памятью о двух величайших Бессмертных — Флавиусе и Сильфиде.

Подобных этим чудесным растениям не было нигде в обоих мирах. Они стали столпами, живыми монументами о погибших друзьях. Кора на Древе Флавиуса была золотого цвета, а упругие и толстые ветви рассыпались алым багрянцем ажурных листьев, и даже во мраке кромешной ночи они слабо светились, освещая путь всем, кто бродил под луной тропами прекрасной долины. На соседнем холме раскинуло мерцающую крону Древо Сильфиды: стройное и гибкое, серебристо-серая кора его тускло переливалась, словно усыпанная драгоценными каменьями, а длинные тонкие листья были цвета горных сапфиров.

Каждый, кому воочию довелось узреть столь великое диво, соглашался с тем, что подобного ему ещё доселе видеть никогда не приходилось.

Когда через несколько часов Древа достигли предела полного роста, вознесшись ввысь на много десятков метров, Малиновская почувствовала радость и облегчение: она поняла, что, наконец, создала именно то, что было в её сердце лишь неясной мечтой. И она поняла также, что более никогда в жизни не совершить ей подобного, ибо поистине великие творения можно создать лишь единожды. Два Древа стали величайшим из воплощений трудов её души.

С тех самых пор каждый, входящий в долину Карнимирии, видел по обеим сторонам ленты древней Дороги два огромных Древа: огненно-алое — слева, и серебристо-синее — справа, а сразу за ними возвышались Центральные Врата и твердыня

древней крепости…

Вечером того же дня Малиновская отдыхала в одной из гостиных верхнего яруса замка в полном одиночестве: она очень утомилась, и ей не хотелось никого видеть и ни с кем разговаривать. Устроившись за письменным столом, она лениво перебирала мысли и воспоминания. Мягкое кресло приятно обволакивало тело, навевая легкую сонливость. Смотря в окно, она издалека любовалась плодами собственных трудов: из комнаты были видны несколько крайних ветвей Древа Сильфиды, и мягкий серебристый полусвет наполнял собою всё вокруг, загадочно поблескивая на стенах и тканях, на полированной поверхности стола.

Внезапно раздался негромкий стук в дверь. Маша слегка удивилась, подумав, что это, должно быть, кто-нибудь из дварфов. Любой из Авалона просто вошёл бы сразу, безо всякого стука, не став заморачиваться такими пустяками.

— Войдите! — крикнула она, и двери, тут же распахнувшись, пропустили в комнату троих дварфов. Впереди, неся на вытянутых руках какой-то не слишком объемный сверток, шёл Монфрод. Двое его сопровождающих выглядели несколько взволнованно. Мария поспешно встала, поправляя волосы и приветствуя гостей.

Дварфы низко поклонились, и в это время Малиновская успела разглядеть в руках Монфрода черную шёлковую подушку, покрытую сверху ромбовидным шелковым же платком. Маша кивком головы дала понять, что она их внимательно слушает.

— Моя Госпожа, — произнёс Монфрод, и видно было, что он заметно нервничает. — Чтобы хоть немного улучшить ваше настроение и скрасить печаль, позвольте преподнести вам подарок. Он долго ковался в наших подгорных кузницах именно для вас, и лишь несколько дней назад мы завершили сей нелегкий труд. Примите же, Миррен Лилит, этот дар, ибо лишь силами и жертвой жизни вашего зверя был изгнан Огненный Князь, — и дварф сдернул с подушки платок.

На черном шёлке покоилась вещь изумительной красоты: прекрасное золотое ожерелье было богато украшено инкрустированными в него огромными переливающимися изумрудами, а самую середину его венчала медвежья морда в виде подвески, отлитая из чистого золота.

Мария некоторое время зачарованно смотрела на драгоценность, не в силах отвести взгляд от такой красоты. Она подумала, что это, должно быть, безумно дорогое украшение, но также знала, что не имеет права отказаться, иначе своим отказом она нанесла бы смертельное оскорбление создателям этого

творения, и потому, низко поклонившись, сказала так:

— Я принимаю этот дар из почтения к тебе и твоему народу, Монфрод, хотя он и не развеселит более моего сердца, потому что в нём навеки запечатлеется скорбь о той, которую я любила превыше всего.

И она трепетно взяла с подушки ожерелье, но одевать не стала, да и после, хоть и прониклась его неземной красотой, все же носила очень редко, потому что украшение отныне стало материальным воплощением её боли о медведице, как и созданные ею Древа — о Бессмертных.

Как Маша узнала позже, Дварфы вообще очень редко дарят кому бы то ни было созданные ими вещи, а уж такие необыкновенные — и подавно. Мария всегда берегла ожерелье как величайшую из драгоценностей, относясь к ней с должным почтением, и оно долго хранилось в её личной спальне в Нифльхейме, а позже было перенесено в замковую сокровищницу, и верная стража своим неусыпным взором следила за его сохранностью, как и за многими изумительными творениями, созданными дварфами, кои не имели себе цены…

* * *

В самом начале мая Авалон в последний раз прибыл в Нифльхейм, чтобы завершить все начатые дела. Долгие работы по восстановлению интерьеров замка были практически окончены, новых видимых врагов пока что не наблюдалось, поэтому друзья своим единым коллективным решением одобрили небольшую, как они её назвали, «паузу», чтобы немного отвлечься и посвятить самую малость времени самим себе. За главного в их отсутствие, как и прежде, оставляли Алексиса, чему тот был чрезвычайно рад.

Намечалась очередная летняя сессия, а у Антона к тому же были назначены выпускные экзамены и защита диплома — он как раз заканчивал институт. Если бы не всё случившееся, подобное могло бы ожидать и Евгена, но… не срослось.

В обозримом будущем планировался также окончательный переезд Татьяны к Бирюку — влюблённые постановили, что хватит уже, наконец, жить по сезонам, решив окончательно объединиться, окунувшись в полноценную семейную жизнь. Все чаще заходил разговор и о свадьбе…

Малиновская доставала вопросами по той же теме Антона и Настасью, но те пока что лишь отшучивались, в один голос твердя о том, что не стоит так резво торопить события. Как ни странно,

друзья восприняли новость об образовании новой пары достаточно спокойно, и никто к ним особо не приставал.

У остальных членов Авалона пока что было без изменений, однако на фоне произошедших потрясений никто особенно этому не огорчался — напротив, как никогда прежде хотелось стабильности и спокойствия, а перемены пускай подождут.

После того, как Марии удалось создать Великие Древа, многим, вдохновлённым её примером, тоже захотелось свершить нечто подобное в своей области магии. Похожая возможность вскорости представилась и Антону: в последний день перед уходом он так же, как и его замечательная подруга, претворил в жизнь одну из своих величайших идей. Правда, в отличие от Малиновской, её конечный результат можно было считать скорее плодом коллективного творчества духа и мысли всего Авалона, однако Антон, вне всякого сомнения, приложил здесь наибольшую силу.

На то время, пока Авалон будет отсутствовать, Владыка Вод — на всякий случай — задумал создать вокруг замка магическую защиту. Остальные друзья, взявшись за руки и сформировав, таким образом, единую непрерывную цепь, мысленно помогали ему в осуществлении замысла, и в этот день миру явилось величайшее из чудес, могущественнейшая из когда-либо сотворённых магий Новых Бессмертных. Вокруг древней твердыни Нифльхейма огромной стеной до самого неба поднялась магическая водяная завеса, отделив замок от всего остального мира — она была соткана из воды Охранного рва и проходила колоссальным непрерывным полукольцом вокруг всех башен, опоясывая замок. Начинаясь высоко в отрогах непроходимых и неприступных гор, она спускалась вниз, в долину, и, пересекая мощёный тракт, уходила в сторону, к водам Великого озера, чтобы там снова забраться ввысь, достигнув резко обрывающихся в голубую бездну озёрной глади горных уступов с противоположной стороны.

Такова была сотворённая великая магия Воды, и мерцающей на солнце серебристо-стеклянной стеной, прозрачной водяной преградой, встала она вкруг Нифльхейма, и никто без ведома друзей не мог миновать её. Существовал лишь один единственный способ, чтобы проникнуть внутрь — человек, зверь либо бессмертный должен был могуществом своим превосходить любого из Авалона, и, прежде всего — Антона, ибо такова была особая охранная магия этого творения. Только один Бессмертный мог сравниться с ним в силе — Огненный Князь, но с тех пор как Евгений был низвергнут в битве и сгинул неведомо куда, Антон — как все думали — остался могущественнейшим магом обоих

миров, поэтому им теперь ничто не угрожало.

Для дварфов, живущих в замке, было сделано исключение: любой представитель малого народа мог беспрепятственно проходить сквозь водяную стену, но для всех остальных вход был закрыт. Лишь стоило хоть кому бы то ни было оказаться поблизости, Антон и его друзья уже заведомо знали о том, и пройти дальше можно было только с мысленного разрешения создателя стены, либо кто-то из Авалона должен был лично провести гостя с собой, держа его за руку.

Более всего, как ни странно, эта магия поразила и впечатлила самих дварфов: среди них тут же возникло поверье, будто новый Господин Нифльхейма настолько могущественен, что способен осуществить всё, о чём только подумает, и даже может приказывать рассвету обращаться в закат. Это было, разумеется, полной чепухой: Антон ведь не обладал магией Света, да и если бы даже обладал, никогда не смог совершить бы подобного — менять время суток не подвластно никому, даже величайшим из рода Бессмертных. Но дварфы твердо уверовали в пущенные слухи, и переубедить их было попросту невозможно. Пришлось смириться…

Уже возвращаясь домой вместе с друзьями, Мария, обернувшись, бросила последний теплый взгляд на свои Деревья и невольно залюбовалась переливающейся в закатных лучах гигантской водяной занавесью, сквозь которую серыми точёными иглами проступали замковые башни и мощная арка центральных ворот. Авалон задержался вместе с нею, и все они долго смотрели на укрытый ими теперь от всех бед и невзгод Нифльхейм.

— Не слишком ли мы размахнулись с чародейством? — спросила Маша у Антона. — Наверное, для дварфов это будет несколько обременительно — каждый раз проходить сквозь эту преграду? Да и для нас тоже…

— Возможно, — степенно ответил ей Антон. — Помнится, однако, что в прошлый раз, когда я предупреждал, никто не хотел меня слушать, и все вы знаете, что из этого вышло. Здесь же отныне будет так, как сочту нужным лишь я.

Маша слегка приподняла бровь, некоторые переглянулись, но возражать никто не решился.

Рядом стояли люди, прошедшие вместе и радость победы, и горечь разлук. Но после всего пережитого все они навсегда останутся вместе: Антон, приобнявший Настю за плечо…. крепко прижавшаяся к Бирюку Татьяна… ухмыляющиеся друг другу Слава и Сеня… и она сама — Мария, Бессмертная Миррен Лилит, уносящая отсюда больше воспоминаний, чем любой из её друзей…

Вместо эпилога…

Красивый бело-синий поезд метро подъехал к перрону, уже переполненному утренними пассажирами. «Станция „Преображенская площадь“» — произнёс бесплотный женский голос, и двери вагона разъехались в стороны.

Настасью вместе с остальными вынес наружу людской поток, и она покорно следовала заданному маршруту. Лишь на миг замерев посреди сверкающего огнями станционного вестибюля, она, определившись с направлением, двинулась к выходу. Идя по пятам за высоким парнем в светло-бежевой ветровке, она лениво смотрела по сторонам. Идеально-симметричные колонны станции, облицованные тёмно-зелёным мрамором, вдруг напомнили ей своды центральной галереи Нифльхейма — только те были высечены в виде древесных стволов, — но общий тон и глубина цвета поразительно совпадали. Она тихонько улыбнулась самой себе и, пройдя турникеты, очутилась в подземном переходе под площадью.

Именно здесь Настасья должна была встретиться с деканом их факультета, чтобы лично передать ему свою курсовую работу. Дело в том, что она очень долго с нею тянула, пока не вышли все сроки, а в институте Настя бы этого сделать уже попросту не успела — на послезавтра, в понедельник, была назначена защита этой самой курсовой. Пришлось повозиться, но в итоге декан милостиво согласился пересечься с нею субботним утром, так как все равно был в этих краях по личным делам.

Настя отошла в сторонку, чтобы её случайно не сшибли с ног вечно спешащие прохожие, и посмотрела на часы. До назначенного времени встречи было ещё двадцать минут — довольно много. Внезапно сквозь толпу до неё донеслись чарующие звуки сладостной музыки, всецело захватившей её слух. Она прислушалась. Это играла скрипка. Не узнать скрипку было невозможно — Настя с самого раннего детства из всех музыкальных инструментов больше всего на свете обожала слушать именно её, сама не зная почему. Потрясающая акустика подземного перехода многократно усиливала мелодию, делая её невыносимо прекрасной, почти сказочной.

Настасья завертела головой в разные стороны, пытаясь понять, откуда идёт звук, и, наконец, увидела: довольно большая группа людей обступила со всех сторон невысокую, светловолосую, плохо одетую девчушку, перед которой на полу лежал открытый потрепанный футляр из-под скрипки. В нём валялось много монет и несколько бумажных купюр.

Настя подошла поближе, а потом и вовсе протиснулась в первый ряд, тоже превратившись в одного из зачарованных слушателей этого волшебного мотива. Она разглядывала удивительного музыканта, пытаясь понять, каким образом её тонким, хрупким пальцам удаётся извлекать такие прекрасные ноты из этого инструмента. Наконец Настин взгляд остановился на лице девушки. Что-то было не так. Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять — девушка слепа. Её глаза были темны и безжизненны, а когда она, закончив партию, перестала играть, то испуганно вздрогнула от раздавшихся со всех сторон громких аплодисментов. Девушка, должно быть, не ожидала, что вокруг неё уже собралось столько народу.

Послышался звон множества монет — это люди подходили ближе, бросая деньги в футляр из-под скрипки. Настасья, порывшись в карманах, выгребла всю лежащую в них мелочь и, подойдя, тоже высыпала её в футляр. Она расслышала, как слепая скрипачка без конца повторяет одно единственное слово: «Спасибо». Сердце болезненно сжалось.

А потом она заиграла новую, ещё более пронзительную мелодию. Толпа замерла, вновь очарованная звуками скрипки. Настя стояла, не шелохнувшись, совершенно позабыв о том, зачем она вообще сюда приехала. Нечасто доведётся послушать столь виртуозное исполнение.

Взгляд Настасьи безучастно скользил по лицам собравшихся, которые, как и она сама, слушали бесплатный концерт. И внезапно в голове словно раздался какой-то щелчок. Знакомое лицо. Да. Или показалось? Настины глаза пробежались назад по толпе, и внезапно она увидела его.

Евгений. Боже! Да может ли такое быть?! Дыхание перехватило, сердце мгновенно заколотилось, как бешеное. Одетый в длинное чёрное пальто — совсем не по погоде (все-таки середина мая), он стоял практически напротив неё, и их разделяло лишь пустое, свободное от толпы пространство мраморного пола. Его левая половина лица — и особенно щека — были сильно изуродованы, словно к ним приложили раскалённую сковороду, а черты казались перекошенными, в основном из-за неприятных глубоких шрамов.

Евгений тоже заметил её, и от этого стало безумно, невероятно страшно. Настасья моргнула, точно пытаясь убедить себя, что всё это — сон, стараясь сбросить оковы жуткого видения, а когда она снова посмотрела на то место, где он только что стоял — Жени уже там не было.

Настины глаза тревожно заметались по толпе, пытаясь понять, куда он мог деться, и тут она услышала так хорошо

знакомый голос совсем рядом со своим ухом:

— Ты разрушила мой мир, и теперь… я разрушу твой!

Настасья вся оцепенела, её буквально парализовало от ужаса. Она боялась даже просто повернуть голову, а когда, наконец, всё-таки осмелилась это сделать, Евгения уже нигде рядом не было. Он словно растворился, растаял в толпе, подобно призраку.

Настя выдохнула, собираясь с мыслями и пытаясь понять, что же ей теперь делать дальше.

А чарующие звуки скрипки все так же продолжали разливаться под сводами подземного перехода…